

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

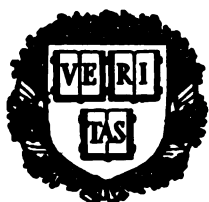
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**HARVARD COLLEGE
LIBRARY**

**FROM THE BEQUEST OF
JAMES WALKER**

(Class of 1814)

President of Harvard College

**"Preference being given to works in the Intellectual
and Moral Sciences"**

Духовенство
ДУХОВЕНСТВО
древней вселенской церкви
ДРЕВНЕЙ ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

(отъ времянь апостольскихъ до IX вѣка).

Историческіе очерки.

Лебедев
А. П. Лебедева

Профессора Московскаго Университета.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САНКОВСКИЙ ПЕР., СЪЕЗ. Д.

1905.

СОБРАНІЕ
церковно-историческихъ сочиненій

Профессора

Мошковскаго Университета по кафедрѣ исторіи церкви

Алексія Лебедева
lebedev

Томъ X.

ДУХОВЕНСТВО ДРЕВНЕЙ ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

(отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка).

Историческіе очерки.

А. П. Лебедева

Профессора Московскаго Университета.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САДОВСКОГО ЦЕР., СОН. Д.
1905.

Отъ Московскаго Духовно-Цѣнзурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 11 ноября 1904 года.
Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. (Исторія организаціи духовныхъ должностей).

Стран.

Предварительныя замѣчанія. 1— 2

I. Харизматическіе учителя первенствующей церкви, I и II вѣковъ.
Отношеніе вопроса о этихъ учителяхъ къ вопросу о іерархическихъ должностяхъ. Изученіе состава и характера этихъ учителей: общая характеристика апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ I и II вѣка.—Свѣдѣнія объ „апостолахъ“, требованія отъ нихъ, ихъ назначеніе (миссіонерство), упадокъ этого „апостольства“ къ концу II вѣка. — „Пророки“, ихъ отличіе отъ „апостоловъ“, ихъ назначеніе (церковное назиданіе), отношеніе церковныхъ общинъ къ нимъ, требованія отъ пророковъ со стороны образа жизни, чему и какъ учили они? Причины исчезновенія „пророковъ“. — „Дидакалы“, сходство и отличіе ихъ отъ пророковъ, ихъ назначеніе, исчезновеніе ихъ въ III вѣкѣ. Резюме по вопросу.

3— 26

II. Взаимоотношеніе епископа и діакона въ древности. Первоначальное сродство епископата и діаконата, доказываемое исторіею, одинаковостію требованій со стороны нравственныхъ качествъ, ихъ функциями. Измѣненіе въ положеніи того и другого института. Епископъ дѣлается наслѣдникомъ чести и преимуществъ харизматическихъ пророковъ, выгоды этого наслѣдства. Невыгоды діаконата въ виду этой перемены. Послѣдующая исторія діаконата до нач. IV вѣка.

26— 45

III. Пресвитеры во времена глубокой древности. Разница между епископатомъ и пресвитеріатомъ на основаніи новозавѣтныхъ свидѣтельствъ. (Разборъ нѣкоторыхъ другихъ мнѣній). Вопросъ о происхожденіи пресвитерскаго института. Свидѣтельства изъ твореній мужей Апостольскихъ, точнѣе уясняющія церковное положеніе пресвитерата и взаимныя отношенія должностей епископской и пресвитерской. Еще болѣе опредѣленные и обстоятельныя свѣдѣнія о тѣхъ же вопросахъ на основаніи памятниковъ церковной литературы конца II и нач. III вѣковъ: анализъ извѣстій изъ *Canones Ecclesiastici* и правилъ Ипполита. Обиліе любопытныхъ и новыхъ свѣдѣній, въ особенности въ этомъ послѣднемъ источникѣ. Важное измѣненіе въ положеніи пресвитеровъ около половины III вѣка.

45— 83

IV. *Нижние чины клира в древности.* „Чтецы“, их происхождение; их история: высокое положение чтецов и изменение его к худшему (чтецы до и после зачисления их в клир). Иподиаконы, аколуты, экзорцисты и остиарии, происхождение их и сведения о их должностях

84—104

ОТДЕЛЪ ВТОРОЙ. (О властяхъ).

I. *Духовенство и народъ и ихъ взаимныя отношенія во II и III вѣкахъ.* Большое значеніе мірянъ въ управленіи дѣлами церкви, въ I и II вѣк. Взаимныя отношенія клира и мірянъ въ первой половинѣ III-го вѣка: мысли авторитетныхъ писателей этого времени о пользѣ и важности участія мірянъ въ дѣлахъ церкви; историческіе примѣры, свидѣтельствующіе о фактическомъ примѣненіи этихъ мыслей (напр., избраніе духовенства народомъ); кризисъ въ положеніи вопроса ок. середины III в.; мысли церковныхъ писателей въ иномъ родѣ, и сообразно этому: устраненіе мірянъ отъ церковной проповѣди, а клира отъ мірскихъ житейскихъ занятій.

105—134

II. *Духовенство и народъ и ихъ взаимныя отношенія въ IV—VIII вѣкахъ.* Дальнѣйшее стремленіе клира выдѣлать себя изъ ряда мірянъ. Въ чемъ выражается это стремленіе? Стремленіе церкви наложить безбрачіе на духовенство, какъ особое для послѣдняго отличіе отъ мірянъ; исторія вопроса о брачѣ и безбрачій духовенства въ древней церкви (начиная отъ II в.). Разница въ рѣшеніи его, въ IV и дальнѣйшіе вѣка, на Востоцѣ и на Западѣ: послѣдовательность въ рѣшеніи его въ послѣднемъ случаѣ и проявленіе компромисса въ первомъ. — Отстраненіе мірянъ отъ права выбирать пастырей церкви; свѣдѣнія о томъ, какъ и когда это произошло? Два слова о другихъ явленіяхъ съ вышеуказанной тенденціею

134—158

III. *Епископія и епископское управленіе.* Характеристика епископскаго управленія церковію, въ особенности во II и III в. Большое число епископій. Взаимныя отношенія епископа, прочаго духовенства и народа, привлекательный видъ древне-епископской общины и отсутствіе всякаго формализма. Происхожденіе городскихъ и сельскихъ приходовъ. — Хорепископы, краткая исторія этого института

158—170

IV. *Митрополическая система церковнаго управленія и ея происхожденіе.* Происхожденіе этого института: церковныя условія, содѣйствовавшія возникновенію митрополитовъ, какъ-то—ходъ распространенія христіанства, появленіе системы соборовъ, процвѣтаніе христіанства въ извѣстныхъ городахъ. Въ чемъ состояла власть митрополитовъ? Можно ли находить слѣды существованія этого института въ вѣкѣ апостольскій? и въ вѣкѣ мужей апостольскихъ? Чѣмъ доказать, что институтъ явился не ранѣе конца II вѣка, и отчего зависѣло это? Историческія указанія на митрополическій институтъ конца II и III в. Значеніе политической важности городовъ и политическаго дѣленія имперіи въ образованіи митрополическаго института; въ какой мѣрѣ слѣдуетъ допускать указанное значеніе? Замѣчанія о двухъ формахъ митрополическаго устройства въ исторіи III и нач. IV вѣка

170—191

V. *Происхождение и характеристика древнейших соборов.* Время появления соборной формы управления; влияние митрополич. устройства на происхождение этой формы. Имѣли ли влияние на происхождение ея коллегиальныя учреждения тогдашней Греціи? Разборъ новой теоріи о происхождении соборовъ по подражанію и отчасти по противодѣйствию такой же дѣятельности на языческой (религ.) почвѣ (въ примѣч.). Гдѣ впервые явились соборы на Востокѣ или Западѣ? Простѣйшій видъ соборовъ; случайные и періодическіе соборы; большіе соборы. Характеристическія черты соборовъ, свидѣтельствующія о нравственномъ величіи института: многочисленность членовъ ихъ и ревность пастырей въ обнаруженіи соборной дѣятельности; свобода разсужденій на нихъ; значеніе, придаваемое на нихъ преніямъ; значеніе соборныхъ протоколовъ; гуманное отношеніе соборовъ къ лицамъ, подлежащимъ ихъ суду. Благіе результаты соборной дѣятельности

191 — 202

VI. *Патріаршеская система церковнаго управления и ея происхождение.* Патріаршества, какъ проявленіе высшей церковной централизаціи. Шестое правило Никейскаго собора; что даетъ оно для уясненія вопроса о патріаршествахъ римскомъ, александрійскомъ и антиохійскомъ? Историческія указанія на то, что каждая изъ этихъ каедръ уже до Никейскаго собора пользовалась высокимъ іерархическимъ авторитетомъ въ ряду прочихъ. Какія еще каедръ разумѣются въ 6 правилѣ? Замѣчанія о каедрахъ ефесской, кесарійской и ираклійской. — Возникновеніе патріархата константинопольскаго на развалинахъ этихъ послѣднихъ каедръ: іерархическое положеніе Византіи до перенесенія въ нее столицы; права чести кон—кой каедръ по 3 пр. II всел. собора; фактическое расширеніе власти этой каедръ между II и IV всел. соборами; *сѹνδοξ*; *ἐνδοξίσα* и ея значеніе, эдикты Θεодосія Мл.; враги возрастающаго значенія кон—кой каедръ. Ея возвышеніе на IV всел. соб. (28 пр.), отголоски вышеуказанной вражды. — Происхожденіе патріаршества іерусалимскаго: исторія возвышенія этой каедръ отъ I по IV всел. соборъ; притязанія іерус—ихъ іерарховъ, успѣхъ и неуспѣхъ этихъ притязаній; рѣшеніе вопроса на IV всел. соборѣ.

202 — 228

VII. *Историческое развитіе іерархическаго римскаго приматства.* „Всегда и неизмѣнно выше другихъ патріарховъ былъ епископъ римскій“, доказательства этого изъ I, II и III вѣковъ, въ особенности изъ послѣдняго. „Съ IV в. значеніе римскаго епископа все больше и больше возрастаетъ и къ срединѣ V вѣка папы возвышались настолько, что имъ почти нечего было больше желать“; возрастаніе папскаго самочувствія въ IV и V вѣк. Восточная церковь съ своей стороны дѣлаетъ въ это время очень многое, чтобы утвердить римскаго епископа въ мысли, что онъ дѣйствительно высшій другихъ епископъ“. Такъ сказать, несостоявшій египетско-александр. папа. Отношеніе константиноп. патріарха къ римскому первосвященнику.

228 — 244

О вселенскихъ соборахъ, какъ высшей формѣ церковнаго управленія. Понятіе о вселенск. соборѣ; происхожденіе этой формы; влияние патріаршескаго устройства на развитіе этой послѣдней. Возможенъ ли теперь вселенскій соборъ? Функціи принадлежавшія вселенскимъ соборамъ: „кругъ ихъ дѣятельности такъ широкъ, какъ только можно представить себѣ“

244 — 247

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. (Бытовая сторона духовенства).

Стран.

I. *Способы образованія духовенства и интеллектуальное состояніе его во II и III вѣкахъ.* Нерасположеніе церкви къ учрежденію школъ, причины явленія. Трудное положеніе инициаторовъ школьнаго дѣла. Перечисленіе школъ, служившихъ образованію духовенства. Подробности о школъ александрійской: евангел. Маркъ былъ ли ея основателемъ, благопріятныя условія, содѣйствовавшія процвѣтанію христіан. науки въ Але—дріи, замѣчанія о томъ, что такое была школа алекс—ская. Учителя въ ней, свѣдѣнія о предметахъ преподаванія, методъ преподаванія. Значеніе ея въ дѣлѣ развитія образованности среди пастырей церкви.—Разсмотрѣніе вопроса: какъ высоко было образованіе пастырей церкви II и III вѣковъ?

248 — 280

II. *Способы образованія духовенства и интеллектуальное состояніе его отъ IV до IX вѣка.* Очень ограниченныя требованія законовъ по отношенію образованности духовенства, мысли замѣчательнѣйшихъ отцевъ церкви о необходимости многосторонняго образованія пастырей церкви, яндифферентное отношеніе церкви къ школамъ.—Школы на Востокѣ: Александрійская, Антиохійская, Едесско-низовійская, школы при монастыряхъ. Школы на Западѣ: ревность отдѣльных епископовъ о просвѣщеніи клира,—т. наз. Августиновскія школы, школы при монастыряхъ: лучшая изъ нихъ—Кассіодора. Результатъ.—Риторскія школы: указаніе на пастырей церкви, получившихъ въ нихъ образованіе, большое вниманіе просвѣщеннѣйшихъ святителей къ нимъ; свѣдѣнія объ этихъ школахъ, предметы и методъ преподаванія въ нихъ, — быть учениковъ и учителей (риторовъ); отзывы объ этихъ школахъ великихъ пастырей церкви, слѣды вліянія риторскихъ школъ въ церковной литературѣ.—Интеллектуальное состояніе восточнаго и западнаго духовенства въ IV, V и въ послѣдующихъ вѣкахъ (примѣры и свидѣтельства);—причины невысокаго положенія образованности въ духовенствѣ и причины общаго упадка ея въ этомъ же сословіи во второй половинѣ изучаемаго періода.

281 — 321

III. *Нравственное состояніе духовенства во II и III вѣкахъ.* Идеаль пастыря церкви по ея сознанію. Нѣкоторые примѣры доблестныхъ пастырей. Переворотъ къ худшему, около середины III в. (по свидѣтельству св. Кипріяна, Оригена и Евсевія). Частный, но знаменательный примѣръ нравственной испорченности въ лицѣ Павла Самосатскаго еписк. Антиохійскаго. Анализъ окружающаго посланія, извѣщавшаго о судѣ и осужденіи П. Самосатскаго (мірскія отличія или свѣтская помпа, злоупотребленія мировымъ епископскимъ судомъ, *virgines subintroductae*: что это за явленіе, его послѣдовательная исторія, значеніе вопроса о *virg. subintrod.* въ нравственной жизни духовенства древней церкви). Деморализація антиохійскаго клира III в.

321 — 346

IV. *Нравственное состояніе духовенства отъ IV вѣка до IX-го.* Идеаль пастырскаго служенія на Востокѣ и Западѣ. Восточный идеаль, начертанный Златоустомъ и Григоріемъ Богословъ, его возвышенность, многосторонность, привлекательность; западный идеаль, его черты, свойства его—виѣшность, мелочность

и излишняя аскетичность.—Общая свідѣтельства о нравственномъ состояніи духовенства цвѣтущаго времени въ жизни церкви. Подробное изображеніе нравственного состоянія восточнаго духовенства за IV вѣкъ Григоріемъ Богосл. и другими писателями; подробное же изображеніе того же состоянія западнаго духовенства за IV вѣкъ Иеронимомъ и другими латинскими писателями. Характеристика нравственного состоянія духовенства за V вѣкъ, въ особенности константинопольскаго, малоазійскаго, египетскаго и сирійскаго;—примѣры нравственного состоянія духовенства того же вѣка въ одной захолустной церкви (по письмамъ Исидора Пелусіота). Общій выводъ о нравственномъ состояніи духовныхъ лицъ, жившихъ или одиночками, или коммунарно (въ конвиктахъ). — Причины невысokaго нравственного состоянія духовенства: папство перестаетъ быть призваніемъ, а начинаетъ быть средствомъ къ жизни,—сужденія Златоуста о причинахъ нравственного упадка духовенства и разборъ ихъ,—невнимательный выборъ лицъ на служеніе церкви, и проч.; мнѣніе о неблагопріятномъ вліяніи латинскихъ школъ на воспитаніе нравственного характера восточнаго духовенства, замѣчанія по поводу этого мнѣнія. — Краткое описаніе нравственного состоянія духовенства отъ VI по VIII вѣкъ, на Западѣ (свидѣтельства Григорія Вел. и нѣкоторыхъ западныхъ соборовъ), а также и на Востокѣ (свидѣтельства соборовъ и Теофановой лѣтописи, суровый отзывъ одного писателя середины VIII вѣка).

346 — 390

V. *Матеріальное состояніе духовенства во II и III вѣкахъ.* Сначала духовенство жидо на свои средства или же питалась отъ занятій. Впослѣдствіи (во II и III вѣк.) обезпеченіе духовенства возлагается на обязанность цаствы. Какъ это произошло? Вліяніе въ этомъ случаѣ обычаевъ, существовавшихъ въ языческихъ римскихъ (похоронныхъ) коллегіяхъ. Откуда брались средства для содержанія духовенства и въ чемъ они состояли? „Доля доходовъ духовенства была одной изъ долей, назначавшихся изъ церковныхъ стяжаній на удовлетвореніе убогихъ или нищихъ“; что это значить и какимъ образомъ духовенство очутилось на одной линіи съ убогими и нищими? Безусловно отрицательное отношеніе этой эпохи къ назначенію жалованья духовенству.

391 — 413

VI. *Матеріальное состояніе духовенства отъ IV до IX вѣка.* Измѣненія въ матеріальномъ положеніи духовенства. Увеличеніе церковныхъ средствъ (право церкви получать наслѣдство, происхожденіе этого права, неодинаковое пользованіе имъ на Востокѣ и Западѣ). На что и какъ тратились эти средства. Злоупотребленія епископовъ въ распоряженіи церковныхъ имуществомъ, появленіе епархіальнаго эконома. Въ сравненіи съ эпохой II и III вѣк., „доля духовенства, получаемая изъ церковныхъ средствъ начала возрастать на счетъ доли бѣдныхъ или благотворительной доли“.—Десятина.—Плата за требы.—Особые источники архіерейскихъ доходовъ.—Матеріальная помощь отъ казны.—Не малочисленные примѣры пастырей какъ высшаго, такъ и низшаго чина, которые считали долгомъ пропитывать сами себя.—Степень обезпеченности духовенства древней церкви. Разныя злоупотребленія въ изысканіи средствъ къ жизни со стороны духовенства, преимущественно высшаго (главнымъ образомъ симонія); чѣмъ условливалось это явленіе?

VI

	<i>Стран.</i>
Шеститысячное число епископовъ въ V вѣкѣ. — Духовенство древняго времени и православное духовенство нашего времени	414 — 454

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Вселенскіе миссіонеры II вѣка и ихъ преемники	455 — 465
II. Происхожденіе актовъ вселенскихъ соборовъ	465 -- 494

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Въ церковно-историческихъ сочиненіяхъ еще до сихъ поръ въ отдѣлахъ о положеніи древней христіанской іерархіи, при изложеніи II, III вѣковъ, иногда красуется рубрика: умноженіе церковныхъ должностей, или же: новыя церковныя должности. Прошли вѣка съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ церковно-историческая наука, а рубрика эта оставалась неизмѣнною; ученымъ представлялось это какой-то аксіомой. Но въ настоящее время, благодаря тѣмъ блестящимъ успѣхамъ, какія сдѣлала церковно-историческая наука въ теченіе послѣднихъ годовъ, такая рубрика сдѣлалась анахронизмомъ: теперь, когда рѣчь идетъ о первыхъ вѣкахъ христіанства, эту рубрику слѣдуетъ уничтожать и на мѣсто ея поставять совершенно обратную: сокращеніе церковныхъ должностей. Наука попыталась, что древнѣйшій составъ церковныхъ должностей былъ очень сложенъ, и дальнѣйшее время исторіи не только не прибавило ничего существенно-новаго въ этомъ отношеніи, но даже убавило, сократило церковно-служебный персоналъ. Мало этого, въ настоящее время съ достаточною точностью дознано, что и іерархія въ своемъ историческомъ развитіи претерпѣла въ древнѣйшую пору очень важныя измѣненія, о какихъ до самаго послѣдняго времени почти ничего не знали, сохраняя впрочемъ свои первоначальныя основы. Съ разсмотрѣнія этихъ-то новостей въ наукѣ и начнемъ обзоръ состоянія церковныхъ должностей въ періодъ времени отъ конца I-го до середины III-го вѣка. Это періодъ весьма важный въ исторіи организованія духовенства. И однакожь, какъ мы сказали, до бли-

жайшаго къ намъ времени онъ оставался въ какомъ-то мракѣ, въ какомъ-то туманѣ. Конецъ этому положило открытіе въ 1883 году древне-христіанскаго анонимнаго памятника: *Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*, — „Ученіе 12-ти апостоловъ“, памятника, относящагося по своему происхожденію къ срединѣ II вѣка, похожаго по своему характеру на Постановленія Апостольскія. Памятникъ этотъ, имѣя такую глубокую древность, живо заинтересовалъ собою ученыхъ — конечно западныхъ; — изученіе его повело къ разъясненію исторіи іерархіи древнѣйшей эпохи, такъ какъ самъ онъ не бѣденъ свѣдѣніями касательно этого предмета, да и притомъ же онъ далъ возможность понять содержаніе нѣкоторыхъ давноизвѣстныхъ памятниковъ, но остававшихся какбы запечатанными семью печатями — разумѣемъ такъ называемые *Canones ecclesiastici*, памятникъ конца II вѣка, и Постановленія Апостольскія, памятникъ, представляющій собою наслоеніе извѣстій и свѣдѣній, относящихся ко II, III, IV и началу V вѣка. Замѣтимъ еще: „Ученіе 12-ти“ объяснило смыслъ многихъ мѣстъ изъ древнѣйшей церковной письменности и изъ сочиненій полемистовъ — язычниковъ, наприм. Цельса, Лукіана. Вотъ главная причина обогащенія науки въ настоящее время свѣдѣніями и по части исторической жизни іерархическаго института.

I. Харисматическіе учителя первенствующей Церкви, I и II вѣка¹⁾).

Хотя съ самаго давняго времени наукѣ извѣстно было, что въ первохристіанскую, — главнымъ образомъ апостольскую, эпоху существовали особливья лица: апостолы (не ученики Христовы), пророки и дидаскалы, но ничего не было извѣстно, какое мѣсто занимали они въ церкви, какія ихъ были функціи, долго ли существовали эти лица въ церкви—и почему прекратилось ихъ существованіе и служеніе. Не то теперь. Теперь наука знаетъ очень многое объ этихъ лицахъ, объ этихъ представителяхъ первохристіанской церкви,—хотя, конечно, въ этихъ свѣдѣніяхъ и въ настоящее время есть кой-какіе пробѣлы. Одинъ вопросъ о вышеупомянутыхъ лицахъ—апостолахъ, пророкахъ и дидаскалахъ, *одинъ* уже этотъ вопросъ, который можно ставить и опредѣленно рѣшать, заставляетъ каждого церковнаго историка сознаться, что доселѣ церковные историки ходили въ сущей тьмѣ при ихъ стараніи изучить составъ древнехристіанской общины. Въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ западныхъ ученыхъ о начальной стадіи церковнаго представительства доселѣ ограничивались единственно задачей—объяснить возникновеніе должности епископа, діакона и пресви-

¹⁾ Эти учителя называются харисматическими потому, что ап. Павелъ относитъ ихъ къ числу лицъ, обладавшихъ особыми дарами. Онъ говоритъ: „не хочу оставить васъ въ невѣдѣніи о дарахъ духовныхъ“ (въ этомъ случаѣ впрочемъ слово: „дары“ прибавлено переводчиками для ясности); „дары (*χαρίσματα*) различны. .. но каждому дается проявленіе Духа на пользу. Ревнуйте о дарахъ (*τὰ χαρίσματα*) большихъ“ (1 Кор. 12, 1. 4. 7. 31). См. ст. 29, гдѣ исчисляются харисматическіе учителя.

тера, а тѣ мѣста въ древне-христіанской литературѣ, въ которыхъ упоминалось о какихъ-то апостолахъ (не ученикахъ Христа), пророкахъ и дидаскалахъ, или совсѣмъ оставались безъ вниманія, или же едва удостоивались бесплоднаго вниманія. Конечно, такая ограниченность взгляда и задачъ имѣла свои основанія. Во первыхъ, для всѣхъ было ясно, что только епископы, пресвитеры и діаконы стали впоследствии дѣйствительными предстоятелями церкви, а о какихъ-либо другихъ важныхъ лицахъ церковнаго авторитета въ тѣ же времена не было уже и помину; во-вторыхъ, всѣ указанія древнѣйшихъ памятниковъ относительно апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ настолько были фрагментарны, что изслѣдователи, не желая ударяться въ сферу гипотезъ, оставляли весь вопросъ въ сторонѣ. Недостатокъ знаній въ данной области былъ такъ великъ, что изслѣдователи часто находили себя вынужденными отказываться даже отъ тѣхъ краткихъ извѣстій по разсматриваемому вопросу, какія встрѣчались въ источникахъ, — не желая путаться въ темныхъ абстраціяхъ. Такъ напр., извѣстный языческій сатирикъ II вѣка Лукіанъ называетъ Перегрину, героя одной его противохристіанской пьесы, „пророкомъ“¹⁾. Что это значить — ученые уяснить себѣ никакъ не могли, и потому допускали, что Лукіанъ, по незнанію христіанскихъ отношеній, называлъ своего героя совсѣмъ не надлежащимъ христіанскимъ именемъ, а какимъ то выдуманнѣмъ. — Сейчас увидимъ, что было и что *стало* въ наукѣ по вопросу о такихъ представителяхъ древне-христіанскаго общества, какъ апостолы, пророки и дидаскалы. Покрывало теперь преподнято, — и любопытный можетъ узнать интересныя новости. Этимъ мы обязаны, открытому и обнародованному въ 1883 г., древне-христіанскому памятнику: „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“ (*διδασχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*), памятнику средины II вѣка, пролившему такъ много свѣта на сейчасъ указанный интересный вопросъ.

У апостола Павла встрѣчается очень ясное указаніе на существованіе въ его время въ христіанской церкви: и апо-

¹⁾ Luciani. De morte Peregr. Cap. 11. 16.

столовъ, и пророковъ, и дидакаловъ. Такъ въ I посланіи къ Коринѣянамъ (12, 28—29) онъ говоритъ: „иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ-третьихъ учителями“, и затѣмъ спрашиваетъ: „всѣ ли апостолы? всѣ ли пророки? всѣ ли учителя“? Въ посланіи къ Ефесѣянамъ (4, 11) тотъ же Павелъ пишетъ: „Онъ (Христосъ) поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“. Эти мѣста изъ посланій Павла, въ особенности первое изъ нихъ, давно уже давало ясно понимать, что апостолы и пророки, о коихъ здѣсь рѣчь, не тождественны съ апостолами и пророками, о которыхъ говорятъ Ветхій Заветъ и Евангельская исторія, самое исчисленіе—въ такомъ порядкѣ: апостолы, а потомъ пророки—уже показывало, что здѣсь рѣчь идетъ о другихъ лицахъ. Тѣ же свидѣтельства показывали, что исчисленіе этихъ лицъ въ такой градаціи: апостолъ, пророкъ, учитель (дидакалъ) было не случайностью, а опредѣлялось христіанско общественнымъ значеніемъ этихъ лицъ, такъ какъ подобное исчисленіе крѣпко удерживается, когда рѣчь идетъ о нихъ. Но дальше этихъ общихъ выводовъ наука не въ состояніи была ничего сдѣлать, пока не появились тѣ благоприятныя обстоятельства нашего времени, которыя уяснили дѣло (разумѣемъ открытіе и изученіе памятника: „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“).

Теперь уже для всѣхъ вопросъ рѣшенный, что вышеупомянутыя апостолство, пророчество и учительство были должностями, принадлежащими первохристіанской древности. Сообщимъ сначала главнѣйшія общія свѣдѣнія о апостолахъ, пророкахъ и дидакалахъ. Эти лица назначались для служенія обществу христіанскому „словомъ“. Они-то, именно, были „глаголавшіе слово Божіе“, (Евр. 13, 7), т. е. были возвѣстителями христіанскихъ истинъ, какъ съ цѣлю миссіонерскою, такъ и съ цѣлю назиданія той или другой церкви. Избраніе ихъ къ этому дѣлу изъ числа вѣрующихъ было особое. Ихъ не община христіанская избрала. Они движимы были къ этому внутреннимъ духовнымъ возбужденіемъ. Какъ происходило призваніе къ апостолству, на это имѣемъ ясное указаніе въ книгѣ *Дѣяній*; вѣроятно, и въ

другихъ случаевъ происходило призваніе къ служенію апостольскому подобнымъ же образомъ. Въ 13-ой главѣ книги Дѣяній (ст. 1—4) рассказывается, что въ Антиохіи находилось пять мужей: Варнава, Симеонъ, Лукій, Манаиль и Савлъ. Когда они проводили время въ молитвѣ и постѣ, Св. Духъ указалъ, чтобы Варнава и Савлъ были опредѣлены для путешествія—въ цѣляхъ распространенія христіанства. Варнава и Савлъ такъ и сдѣлали послѣ того, какъ прочіе изъ числа упомянутыхъ лицъ возложили на нихъ руки. Пророки тоже не были избираемы отъ общины. Они являлись послушнымъ орудіемъ внутренняго призванія отъ Духа Святаго. Чувствуя въ себѣ призваніе раскрывать и объяснять истины христіанской вѣры для своихъ собратій, они по внутреннему влеченію дѣлались проповѣдниками христіанскаго ученія между собратіями (1 Кор. 14, 32. 37. 39) для того, чтобы укрѣплять ихъ вѣру и возбуждать ихъ мужество. Что касается призванія нѣкоторыхъ христіанъ къ служенію въ качествѣ дидаскаловъ, то не ясно, какъ оно совершилось. Однакожь и здѣсь можно сдѣлать основательную догадку. Въ посланіи Іакова говорится: „не многіе дѣлайтесь учителями, зная, что мы подвергаемся большому осужденію“ (3, 1). Отсюда видно, что принятіе на себя должности христіанскаго учителя зависѣло отъ личнаго расположенія вѣрующаго, но, разумѣется это расположеніе не считалось субъективнымъ, а признавалось за особый благодатный даръ ¹⁾. Дѣйствительно ли: то или другое лицо есть истинный пророкъ или истинный дидаскаль—рѣшеніе этого вопроса, какъ увидимъ впослѣдствіи, предоставлялось самому обществу христіанскому.

Званія апостола, пророка и дидакала не сливалось и не смѣшивались одно съ другимъ: это были разныя должности, а не разныя названія однѣхъ и тѣхъ же должностей. Это ясно теперь открывается какъ изъ посланій Павла, такъ въ особенности изъ вышеупомянутой διδαχή. Эти званія не были принадлежностью какихъ либо немногихъ церквей; нѣтъ, они были въ первые два вѣка распространены по всей

¹⁾ 1 Кор. 14, 26. Яснѣе: Эрм. Подобія, IX, 25.

церкви и составляли ея характеристическую черту. Если апостолъ Павелъ говорить, что „Богъ поставилъ иныхъ въ церкви во-первыхъ апостолами“, то онъ здѣсь разумѣетъ всю Церковь—и іудейскія области, и Римъ, и Грецію. Но такъ было не въ апостольское только время, а и много позднѣе. Διδαχὴ—памятникъ середины II вѣка—опредѣленно говорить объ апостолахъ, пророкахъ и дидаскалахъ, какъ принадлежности всѣхъ церквей. Кромѣ διδαχὴ и въ другихъ памятникахъ древности можно указать свидѣтельства о существованіи апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, какъ явленіи, принадлежащемъ всей церкви. Такъ Эрмъ въ „Пастырѣ“—произведеніи немного болѣе раннемъ, чѣмъ διδαχὴ, часто упоминаетъ въ качествѣ провозвѣстниковъ христіанскаго ученія—апостоловъ, дидаскаловъ ¹⁾ и хотя не упоминаетъ въ ряду ихъ о пророкахъ, но это вѣроятно потому, что онъ самъ имѣлъ званіе пророка, притомъ же онъ весьма подробно говорить о дѣятельности истинныхъ и ложныхъ пророковъ и указываетъ способъ отличать первыхъ отъ послѣднихъ ²⁾. Въ Климентинахъ, апокрифическомъ сочиненіи II вѣка, говорится объ этихъ лицахъ, какъ явленіи общеизвѣстномъ въ церкви; именно здѣсь просто говорится: „поминайте апостола, или учителя, пророка“ ³⁾. Такъ говорятъ, конечно, тогда, когда всѣ напередъ знаютъ, что за лица, о которыхъ дѣлается упоминаніе.—Апостолы, пророки и дидаскалы—что особенно важно—пользовались высокимъ почетомъ, можно сказать, были первыми лицами въ числѣ прочихъ предстоятелей церкви. „Пастырѣ“ Эрма и „Ученіе 12-ти“—два такихъ важныхъ памятника, исчисляя должностныхъ лицъ церковныхъ—апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, или же однихъ апостоловъ и пророковъ, ставятъ ихъ на первомъ мѣстѣ въ сравненіи не только съ діаконами, но и епископами ⁴⁾. И при всемъ томъ такой авторитетъ имъ давало единственно то, что они были „гла-

¹⁾ Подобія, IX, гл. 25.

²⁾ Заповѣди, XI.

³⁾ Clem. Rom. XI, 35.

⁴⁾ Эрм. Подобія XI, гл. 25—27. (Нѣсколько иначе: Видѣнія, III, гл. 5). „Ученіе 12-ти“, гл. XV, 1.

голавшими слово Божіе“, были насадителями истинъ христіанскихъ, ибо другихъ какихъ либо вліятельныхъ обязанностей имъ совсѣмъ не принадлежало. Апостоламъ, пророкамъ и дидаскаламъ ни въ какомъ смыслѣ не принадлежало административной власти и юридическихъ функцій съ христіанскихъ обществахъ. Ни въ одномъ источникѣ нѣтъ на это никакого указанія. Да и сама природа такихъ должностей, какъ апостольство и пророчество, исключала возможность занятія административными дѣлами христіанскихъ церквей. По единогласному показанію древнихъ свидѣтельствъ, они не были въдѣ должностными лицами отдѣльныхъ церквей; ихъ миссія обращена была ко всей церкви, они принадлежали всей совокупности вѣрующихъ; отъ этого по первоначальному правилу они не должны были оставаться на житѣльство въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а постоянно странствовать, переходить съ одного мѣста на другое. Основавъ церковь тамъ или здѣсь (апостолы), преподавъ уроки христіанскаго благочестія вѣрующимъ той или другой церкви (пророки и дидаскалы), они должны были идти дальше въ другія страны, къ другимъ христіанскимъ общинамъ. То обстоятельство, что эти лица были, такъ сказать, общимъ достояніемъ церкви, имѣло большое значеніе. Разсѣянные и раздѣленные пространствомъ христіане I и II вѣка, еще не успѣвшіе сплотиться въ цѣльную организацію, находили для себя въ этихъ лицахъ объединяющую связь. Апостолы, пророки и дидаскалы, переходившіе съ одного мѣста на другое, отъ одной общины къ другой, пользовавшіеся во всѣхъ общинахъ высокимъ почетомъ,—уже фактомъ своей дѣятельности объясняютъ намъ, какимъ образомъ различныя провинціи, принимавшія христіанство при различныхъ условіяхъ, когда еще не существовало новозавѣтнаго закона,—однакожъ имѣли такъ много общаго между собою въ строѣ жизни и воззрѣній. Христіанскія общины организовались въ то время съ большою самостоятельностью; въ выработкѣ формъ жизни, въ религіозной мысли, еще не было создано никакой стѣсняющей униформы; и тѣмъ не менѣе наблюдатель видитъ въ нихъ (общинахъ) замѣчательное единство развитія. Можно съ увѣренностію полагать, что такое единство развитія услов-

ливалось дѣятельностью странствующихъ апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, руководившихъ общины въ одномъ направленіи. Правда, о самой дѣятельности этихъ лицъ исторія мало знаетъ, но во всякомъ случаѣ нѣтъ основаній отрицать ту заслугу ихъ, на которую мы сейчасъ указали.

Какъ черта характеристическая для апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ должно быть указано еще и то, что они въ качествѣ энтузіастическихъ лицъ, т. е. дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ вдохновенія, писали сочиненія, назначая ихъ въ назиданіе и наставленіе всѣмъ христіанамъ. Несомнѣнно, такія лица написали: и книгу „Пастырѣ“, авторъ котораго считаетъ себя пророкомъ и обращаетъ свою рѣчь ко всему христіанству, и памятникъ — *διδασκαλίας*, авторъ котораго неизвѣстенъ, но онъ пишетъ для всѣхъ. Къ литературѣ, обязанной своимъ происхожденіемъ апостоламъ, пророкамъ и дидаскаламъ, иногда относятъ и нѣкоторые другія древнія сочиненія, но достовѣрность этихъ догадокъ не заходитъ дальше простой вѣроятности. Замѣтимъ только, что дидаскалы, повидимому, извѣстны были въ древности большою литературною дѣятельностью. Это отчасти видно изъ того, что нѣкоторые древніе писатели, напр., Игнатій ¹⁾, Діонисій Александрійскій ²⁾, пиша свои наставительныя посланія, замѣчаютъ, что они пишутъ въ назиданіе не какъ власть имѣющіе дидаскалы. Слѣдовательно, письменная дѣятельность дидаскаловъ, представлялась для древне-христіанскихъ епископовъ явленіемъ обычнымъ и общеизвѣстнымъ, представлялась даже какъ бы профессію названныхъ лицъ.

Что касается вопроса о происхожденіи института апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, то нужно думать, что институтъ этотъ возникъ не вслѣдствіе подраженія, а вслѣдствіе свободнаго творчества первохристіанскихъ общинъ. Впрочемъ нѣчто аналогическое можно находить въ іудействѣ около временъ Р. Хр. Такъ у іудеевъ несомнѣнно встрѣ-

¹⁾ Посланіе къ Ефесянамъ, гл. 3.

²⁾ Harnack. Die Lehre der zwölf Apostel. S. 132 (второй пагинаціи). Leipzig. 1884. Здѣсь приводятся нѣсколько словъ изъ 4-го прав. св. Діонисія. (См. греческій и славянскій текстъ этихъ правилъ въ изд. Москов. Общ. Любителей Духовн. Просвѣщенія). Памятникъ: „Ученіе 12-ти“ изданъ и у насъ свящ. И. И. Соловьевымъ, проф. К. Поповымъ и г. Карашевымъ.

чаемъ апостоловъ, которые по порученію іудейскихъ старѣйшинъ въ Іерусалимѣ странствовали между іудеями разсѣянія, собирали съ нихъ дани въ пользу храма іерусалимскаго, назидили общины разсѣянія и распространяли іудаизмъ между греками. У іудеевъ, далѣе, были въ большомъ уваженіи учителя (дидаскалы). Встрѣчались въ іудействѣ и пророки, въ смыслѣ людей высшаго религіознаго просвѣщенія, — такъ Филонъ называетъ себя пророкомъ ¹⁾.

Обращаемся къ частной характеристикѣ такихъ представителей древне-христіанскаго общества, какъ апостолы, пророки и учителя. Начнемъ съ апостоловъ. Апостолы до самыхъ послѣднихъ дней своего существованія, до конца II вѣка, оставались вѣрны своему назначенію — быть исключительно странствующими проповѣдниками (миссіонерами). Это ясно видно изъ слѣдующаго предписанія вѣрующимъ въ Διδάχῃ (гл. XI, ст. 4—5): „Всякаго апостола, приходящаго къ вамъ, принимайте, какъ Господа“. „Онъ не долженъ оставаться у васъ болѣе одного дня, а если нужно, то и два дня“. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что и во II вѣкѣ апостолъ не имѣлъ постоянного мѣстопробыванія. — Апостолы непремѣнно должны были отличаться полнымъ безкорыстіемъ. Въ Διδάχῃ на этотъ счетъ говорится: „Апостолъ, отправляющійся въ путь (послѣ однодневнаго пребыванія въ какой-либо общинѣ), не долженъ ничего брать, кромѣ хлѣба, сколько нужно до дальнѣйшей переночевки; но если онъ потребуетъ денегъ, то онъ лжепророкъ“ (XI, 6). Черта эта очень замѣчательна. Что полное безкорыстіе требовалось отъ посредственныхъ учениковъ Христа, это извѣстно изъ Евангелія отъ Маттея (10, 9—10), но что тоже требовалось и отъ апостоловъ — не учениковъ Христа, это такъ ново. Правда, Евсевій ²⁾, говоря о распространеніи христіанства въ началѣ II вѣка, утверждаетъ, что христіанскіе миссіонеры отказывались отъ своего имущества, предпринимая подвигъ апостольскій, но этому извѣстію Евсевія не придавали цѣны, почитая его прикрасой. Теперь же, послѣ открытія Διδάχῃ, это свидѣтельство Евсевія получаетъ полное значеніе. Ибо

¹⁾ Seufert. Apostolat. S. 8—12. Harnack. Lehre. S. 110—111.

²⁾ Церковная исторія, III, 37.

это свидѣтельство показываетъ, что требованіе рѣшительнаго безкорыстія отъ апостоловъ, — требованіе, какъ оно выражено въ Διδαχῇ — вполнѣ осуществлялось на практикѣ. Вотъ это извѣстіе Евсевія: „Много было тогда славныхъ мужей, находившихся въ первомъ порядкѣ преемниковъ апостольскихъ. Какъ богодухновенные ученики такихъ предшественниковъ, они продолжали созидать церкви на основаніяхъ, положенныхъ всюду апостолами: больше и больше распространяли проповѣдь и сѣяли спасительныя сѣмена небснаго царствія на пространствѣ вселенной. Многіе изъ нихъ въ то время, дѣйствіемъ божественнаго слова сильно увлекаемые къ любомудрію, сперва исполняли спасительную заповѣдь, т. е. раздѣляли свои имущества бѣднымъ, а потомъ предпринимали путешествія и совершали дѣло благовѣстія, съ ревностью возвѣщая Христа людямъ, вовсе еще не слышавшимъ слова вѣры. Положивъ основанія вѣры въ какихъ-либо чуждыхъ странахъ и поставивъ тамъ пастырями другихъ, съ порученіемъ воздѣлывать тамъ новонасажденіе, сами они, сопровождаемые божественною благодатію, отходили въ инныя земли и къ инымъ народамъ“. По именамъ же такихъ проповѣдниковъ Евсевій (III, 37 и V, 10) знаетъ очень многихъ: изъ начала II вѣка — Кодрата, а изъ второй половины II вѣка — Пантена. Изъ сейчасть приведеннаго мѣста Евсевія прежде всего открывается, что апостолы предъ отпращиваніемъ на проповѣдь имѣли обыкновеніе раздавать все свое имущество, т. е. окончательно отказываться отъ всякой корысти. А такимъ, именно, является апостолъ и по Διδαχῇ. Но это мѣсто Евсевія даетъ основаніи и для другихъ очень важныхъ выводовъ касательно дѣятельности апостоловъ. Апостолы, какъ видно изъ свидѣтельства Евсевія, вели неутомимую странническую жизнь: они не оставались въ общинахъ, ими основанныхъ, а шли дальше и дальше. Очевидно, если они заходили въ организованныя общества христіанскія, то единственно только по дорогѣ. Замѣчательно требованіе, которое предъявляется авторомъ Διδαχῇ къ апостоламъ. Апостолъ остается въ обществѣ христіанскомъ лишь одинъ день, много — два; а если онъ захочетъ остаться больше, то, значитъ, онъ лжеапостолъ. Понятно это требованіе: если

апостолы, по самой природѣ своей миссіи, должны вести странническую жизнь, то если бы кто изъ нихъ сталъ заживаться въ какой-либо общинѣ, то, значить, онъ сталъ предаваться лѣности и небрежетъ о своемъ призваніи: община, гдѣ онъ останавливается, есть только ночлегъ для него, а на ночлегъ никто не заживается. Въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ Евсевія заслуживаетъ вниманія еще указаніе, что и въ мѣстахъ ихъ миссіонерской дѣятельности они не заживались, а, положивъ основанія вѣры, только основанія вѣры, шли въ другія страны; попеченіе же о новообращенныхъ они поручали по личному усмотрѣнію, другимъ мужамъ, которые поставлялись въ пастыри новаго стада Христова.

Ко времени писателя Διδάχῃ, т. е. въ срединѣ II вѣка институтъ апостоловъ былъ жизненнымъ явленіемъ: авторъ не воспоминаетъ о немъ, какъ явленіи прошедшаго времени, а говоритъ о немъ, какъ явленіи, продолжающемъ свое существованіе, и притомъ какъ явленіи, пользовавшемся почтеніемъ въ общинѣ. Но съ другой стороны нельзя не примѣчать, что институтъ апостоловъ началъ уже клониться къ упадку. Появились предостереженія, чтобы вѣрующіе отнюдь не позволяли апостоламъ заживаться, именно, оставаться больше двухъ дней въ общинѣ; значить, были уже и такіе апостолы, которые, вопреки своему назначенію странствовать въ качествѣ миссіонеровъ, готовы были долго проживать въ какой-либо общинѣ. Далѣе писатель Διδάχῃ остерегаетъ христіанъ отъ такихъ апостоловъ, которые, недовольствуясь порціей дневной пищи, отпускаемой при уходѣ ихъ, требовали еще денегъ; значить, появились между апостолами и сребролюбцы. Вообще изъ показаній Διδάχῃ можно заключать, что институтъ апостоловъ во II вѣкѣ началъ уже портиться, извращаться. И очень вѣроятно, что онъ скоро и совсѣмъ прекратилъ свое существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, изъ эпохи III вѣка до насъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ существованія апостоловъ. Можно думать, что апостолы не перешли черты, раздѣляющей II вѣкъ отъ III-го.

Послѣ изложенія свѣдѣній объ апостолахъ, скажемъ о пророкахъ. У апостола Павла и въ Διδάχῃ при исчисленіи

важнѣйшихъ представителей церковнаго авторитета за апостолами слѣдуютъ *пророки*. Знакъ, что это были очень важныя лица. Отъ пророковъ при ихъ служеніи церкви требовалось безкорыстіе. Въ *Λιδαχῇ* на этотъ счетъ замѣчается: „если пророкъ говорить: „дай мнѣ денегъ или что либо другое, не слушайте его“. (XI, 12). Но изъ этого однако не слѣдуетъ, что аскетизмъ долженъ быть отличительною чертою пророковъ, какъ увидимъ ниже. Это далеко не такъ. Отъ странствующихъ апостоловъ пророки отличались не только особливимъ духовнымъ дарованіемъ — „говорить въ духѣ“ (XI, 8: чего не предъявляется къ апостолу), но и функціями, имъ принадлежащими. Пророки не какъ апостолы, не назначались къ миссіонерской дѣятельности, не были обязаны идти къ язычникамъ съ проповѣдью; они были проповѣдниками въ существовавшихъ уже христіанскихъ общинахъ, ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы назидать христіанъ словомъ (XI, 1) ¹⁾. Они по своей задачѣ ближе подходили къ дѣятельности дидакаловъ — учителей, и потому пророкамъ позволялось не только проповѣдывать въ данной христіанской общинѣ короткое время, но и оставаться въ ней для продолжительнаго пребыванія (XIII, 1). Такимъ образомъ были и странствующіе и осѣдлые пророки; и тѣ и другіе играли очень важную роль въ церковныхъ общинахъ I и II вѣка. Писатель *Λιδαχῇ* занимается описаніемъ пророческаго служенія—конечно не даромъ — очень подробно. Но еще важнѣе самыя извѣстія *Λιδαχῇ* о пророкахъ. Пророковъ авторъ этого памятника называетъ первосвященниками, ибо онъ говоритъ христіанамъ: „пророки суть ваши архіереи“. т. е. первосвященники (XIII, 3). Близко къ этому Лукіанъ въ извѣстной сатирѣ говоритъ, что христіане называли Перегринна не только пророкомъ, но и синагогевсомъ. Затѣмъ *Λιδαχῇ* замѣчаетъ: „пророкамъ позволяйте говорить благодаренія (εὐχαριστεῖν), сколько они хотятъ“ (X, 7). Слѣдовательно, пророкамъ давалось право активно участвовать въ богослуженіи, — нужно ли здѣсь разумѣть литургію

¹⁾ Сообразно словамъ ап. Павла: „кто пророчествуетъ, тотъ говорить людямъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе“ (1 Кор. 14, 3).

или агапы, въ источникѣ не сказано; и притомъ пророкамъ не приписывается произносить опредѣленной богослужебной формулы благодаренія, они могли произносить формулу благодаренія собственнаго изобрѣтенія, какую хотѣли. Это показаніе *Διδαχῆ* вполне сообразно съ тѣмъ, какъ, по увѣренію Лукіана, христіане называли своего пророка Перегрину, а они называли его, по Лукіану, тіасархомъ, т. е. начальникомъ при жертвоприношеніяхъ. Тотъ же Лукіанъ, желая осмѣять привязанность христіанъ къ ихъ пророку Перегрину, замѣчаетъ, что христіане такъ его почитали, что „считали его Богомъ“. Конечно, здѣсь явное преувеличеніе въ описаніи христіанскаго пророка. Но тѣмъ не менѣе высокое уваженіе христіанъ къ своимъ пророкамъ—фактъ несомнѣнный. Авторъ *Διδαχῆ* заповѣдуетъ вѣрующимъ почитать пророка, возвѣщающаго слово Божіе, какъ самого „Господа“ (XI, 2). Такое-то значеніе имѣлъ пророкъ въ христіанскомъ обществѣ. Но его значеніе основывалось исключительно на томъ, что онъ былъ лицомъ, „говорящимъ въ духѣ“, былъ наставникомъ въ словѣ, преподавателемъ духовнаго назиданія. Что же касается административныхъ функцій, то въ источникахъ пророку онъ нигдѣ не приписываются.

Мы сказали выше, что, будучи лицами, имѣвшими миссію—наставлять вѣрующихъ, пророки иногда для большаго успѣха своего дѣла изъ странствующихъ проповѣдниковъ превращались въ проповѣдниковъ, остававшихся на болѣе или менѣе продолжительное время въ данной общинѣ, или даже совсѣмъ поселялись въ ней. Въ подобномъ случаѣ къ пророку примѣняли слова Господа: „дѣлатель достоинъ мзды своей“ (Мѡ. 10, 10; Лук. 10, 17), и общины считали своею обязанностью принимать на себя матеріальное содержаніе проповѣдника. Указаніемъ, какъ поступать въ такомъ случаѣ, служилъ примѣръ обезпеченія священника въ Ветхомъ Завѣтѣ. Пророку предназначались такъ называемые *начатки*, не только начатки отъ плодовъ земныхъ, но и начатки отъ точила (т. е. вина) и гумна, а также воловъ и овецъ, отъ всякой приготавливаемой пищи, также часть отъ каждаго кувшина съ виномъ и елеемъ, а равно извѣстная доля денегъ и матеріи, изъ которой шьется платье; ото-всего

слѣдовало удѣлять, сообразно принятому правилу (гл. XIII). Отсюда видно, что пророкъ велъ не аскетическую жизнь: ему полагалась часть ото всего, что потребно человѣку въ обыденной жизни. Этого рода предписанія, находимыя въ Διδαχῇ, указываютъ, что безкорыстіе пророка должно заключаться не въ томъ, чтобы онъ, подобно апостолу, довольствовался пропитаніемъ отъ общины въ теченіе короткаго срока и бралъ съ собою хлѣба, сколько нужно для дневнаго пропитанія, но въ томъ, чтобы онъ не требовалъ ничего лишняго, довольствуясь тѣмъ, что опредѣлено практикой. Διδαχῇ задаетъ себѣ вопросъ, какъ поступать съ начатками въ томъ случаѣ, если въ данной общинѣ нѣтъ пророка—и разрѣшаетъ его такъ: „начатки нужно отдавать бѣднымъ“ (XIII, 4). Слѣдовательно, пророку предназначалась та доля, какая въ другое время шла на бѣдныхъ въ общинѣ. — Таковы свидѣтельства Διδαχῇ о пророкѣ. Писатель Διδαχῇ утверждаетъ, что, дѣлаясь осѣдлымъ, пророкъ уже получалъ содержаніе отъ общины, что это содержаніе состояло изъ начатковъ отъ плодовъ и отъ всякаго имущества вѣрующихъ, что даваніе это было добровольнымъ со стороны послѣднихъ и не было чѣмъ либо въ родѣ опредѣленнаго жалованія, и что, наконецъ, пророки имѣли средства для весьма удобной, не аскетической только жизни. Поучительную и интересную параллель съ этими послѣдними извѣстіями представляетъ описаніе сатирикомъ, Лукіаномъ его героя Перегринна. Это описаніе представляетъ единственную извѣстную параллель къ извѣстіямъ Διδαχῇ и потому заслуживаетъ вниманія. Лукіанъ рассказываетъ, что пройдоха Перегринъ, сдѣлавшись христіаниномъ, скоро достигъ большихъ почестей. Христіане стали, по словамъ Лукіана, считать его пророкомъ, тиасархомъ, кратко, всѣмъ, чѣмъ угодно. Когда онъ, какъ христіанинъ, былъ посаженъ въ темницу, вѣрующіе снабжали его всѣмъ въ полномъ изобиліи; освободившись изъ темницы, онъ пустился странствовать, — получалъ отъ христіанъ достаточное содержаніе, христіане шли за нимъ толпой и онъ жилъ въ совершенномъ довольствѣ. Долгое время питался онъ такимъ образомъ. Но потомъ онъ совершилъ какое-то преступленіе, христіане перестали оказывать ему помощь и

онъ очутился въ нуждѣ. Изображеніе Лукіаномъ Пeregрина выхвачено прямо изъ жизни и составляетъ прекрасную иллюстрацію къ извѣстіямъ Διδαχῆ. Лукіанъ даетъ знать, что продовольствіе христіанскаго пророка на счетъ вѣрующихъ было болѣе чѣмъ достаточнымъ. Пророкъ значитъ, былъ любимымъ лицомъ въ числѣ представителей христіанскихъ общинъ.

Скажемъ о требованіяхъ, какія предъявлялись пророку касательно его поведенія. Διδαχῆ вообще предписываетъ, чтобы пророкъ „имѣлъ нравы Господа“ (τὴν οὐσίαν κυρίου) (XI, 8). Но что разумѣть подъ „нравами Господа“, писатель Διδαχῆ не указываетъ. Однакожъ тотъ же писатель указываетъ отрицательныя черты, по которымъ христіане могли отличать ложнаго пророка отъ истиннаго. Эти отрицательныя черты показываютъ, что, именно, въ нравственномъ отношеніи требовалось отъ пророка, какъ положительное его отличіе. А такъ какъ объ этихъ требованіяхъ писатель говоритъ тотчасъ же вслѣдъ за словами: „пророкъ долженъ имѣть нравы Господа“, то отсюда мы отчасти узнаемъ, что разумѣлъ писатель или церковь его времени подъ „нравами Господа“. Писатель Διδαχῆ считаетъ пророка неправильно дѣйствующимъ въ трехъ случаяхъ: во-первыхъ, если „говоря въ духѣ“, т. е. отъ имени Духа Святаго, онъ потребуетъ, чтобы вѣрующими была устроена трапеза или агапа для бѣдныхъ, и однакожъ самъ начнетъ насыщаться отъ нея (XI, 9); во-вторыхъ, если онъ во имя своего пророческаго званія потребуетъ отъ вѣрующихъ себѣ денегъ или чего нибудь еще (—12); въ третьихъ, если онъ станетъ учить чему-нибудь такому, чему самъ онъ въ своей жизни не слѣдуетъ (XI, 10). Впрочемъ писатель Διδαχῆ прибавляетъ, что если онъ требуетъ денегъ для бѣдныхъ и для нихъ же устройства трапезы, то онъ не можетъ заслуживать осужденія (—9. 12). Такимъ образомъ, подъ „нравами Господа“, которымъ долженъ подражать пророкъ, можно разумѣть слѣдующее: нестяжательность, соотвѣтствіе ученія пророка съ его собственною жизнью и заботливость о неимущихъ христіанахъ. Изъ другого источника можно видѣть и еще нѣкоторые требованія, которыя предъявлялись

пророку. Одинъ полемистъ, опровергая только что появившуюся ересь монтанистовъ, замѣчаетъ о пророкахъ монтанистическихъ: „нужно испытать всѣ плоды пророка. Скажи же мнѣ: развѣ пророкъ намащается? развѣ пророкъ играетъ въ пашки и кости и даетъ деньги въ ростъ? Пусть они (монтанисты) по совѣсти скажутъ — позволительно это или нѣтъ; а я докажу, что у нихъ дѣйствительно такъ бывало“ ¹⁾. Изъ этихъ непривлекательныхъ чертъ монтанистическихъ пророковъ открывается, какимъ дѣйствительнымъ нравственнымъ характеромъ долженъ отличаться пророкъ, принадлежащій церкви. Впрочемъ мы не лишены возможности указать и положительные черты, которыя должны были по сознанию церкви характеризовать истиннаго пророка. Въ книгѣ „Пастырь“ Эрма говорится, что „истинный пророкъ“ отличается такими свойствами: онъ „спокоенъ, кротокъ и смиренъ“; „онъ удаляется отъ всякаго зла и суетнаго желанія вѣка сего“; онъ такъ мало думаетъ о своемъ достоинствѣ, что „ставитъ себя ниже всѣхъ“; отъ лица Духа Божія онъ ни съ кѣмъ не говоритъ наединѣ, съ своимъ пророческимъ словомъ онъ „обращается только къ собранію мужей праведныхъ“, т. е. къ церкви; онъ „проповѣдуетъ не тогда, когда ему вздумается, но когда онъ чувствуетъ, что требуетъ Духъ Св., имъ управляющій“ ²⁾. Такимъ идеальнымъ характеромъ долженъ отличаться пророкъ по сознанию церкви II вѣка. Что касается вопроса: брачную или безбрачную жизнь вели пророки? — то изъ *Διδαχῆ* видно, что они проводили жизнь безбрачную. Безбрачіемъ отличались всѣ извѣстные пророки христіанской древности ³⁾. Это былъ, кажется, единственный пунктъ, въ отношеніи котораго отъ пророковъ не требовалось, чтобы они учили лишь тому, что сами соблюдаютъ: хотя они и жили безбрачными, но требовать того же отъ вѣрующихъ имъ не вмѣнялось въ обязанность. Вѣроятно же всего по этому случаю писатель *Διδαχῆ*

1) У Евсевія. Церк. исторія, кн. V, гл. 18.

2) Заповѣди, XI-я.

3) Къ числу таковыхъ Гарнакъ относитъ слѣдующихъ лицъ пророческаго призванія: Агава, дочерей Филиппа, Кодрата, Гуду, Силу, Аммію. *Lehre u. s. w. S. 46* (первой пагинаціи).

замѣчаетъ: судить пророка за то, что онъ не учить всѣхъ тому, что самъ дѣлаетъ,—предоставляется Богу (XI, 11).

Главная задача пророка, по самой его идеѣ, заключалась въ томъ, чтобы наставлять вѣрующихъ. Спрашивается, какъ же это происходило и чему они учили? Дадимъ, по возможности, опредѣленный отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Пророки говорили не отъ себя, а отъ лица Духа Св., говорили въ экстазѣ. Свои рѣчи они произносили въ церковныхъ собраніяхъ, слѣдовательно публично. Учить кого либо наединѣ считалось не дѣломъ пророка. Рѣчи пророка и дѣйствіе ихъ на душу вѣрующихъ должно представлять себѣ не такъ, что это были какія либо импозантныя импровизаціи, которыя производили потрясающее впечатлѣніе. Это были поученія простыя, производившія впечатлѣніе не сильное, но вѣрное, — вѣрное главнымъ образомъ потому, что пророкъ неутомимо внушалъ то, что нужно было знать христіанину. Этимъ въ „Пастырѣ“ слѣдующими метафорическими чертами описываетъ дѣйствіе рѣчей пророка на душу поучающихся у него: „Вѣрь духу, приходящему отъ Бога и имѣющему силу. Пойми теперь силу, свыше приходящую. Градъ—крупинка очень малая; но когда упадетъ на голову человѣка, какую причиняетъ боль? Или еще возьмемъ въ примѣръ дождевую каплю, которая съ крыши упадетъ на землю и продолбливаетъ камень. Видишь, что и самое малое, что сверху падаетъ на землю, имѣетъ великую силу. Такъ силенъ и Духъ божественный, приходящій свыше. Этому духу ты вѣрь“¹⁾. Рѣчь у автора идетъ о пророкѣ.

Источникомъ, пополняющимъ наши свѣдѣнія о проповѣднической дѣятельности пророковъ, служитъ сочиненіе Цельса (II-го вѣка) противъ христіанъ. Конечно, это свидѣтельство нельзя принимать буквально, такъ какъ оно принадлежит врагу христіанства, но съ другой стороны нельзя отказывать полемисту въ томъ, что имъ схвачены достаточно вѣрно по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черты разсматриваемой дѣятельности пророковъ. Цельсъ говоритъ о христіанскихъ пророкахъ: „есть многіе у нихъ (христіанъ), хотя это люди безъ

¹⁾ Заповѣди, XI-я (ad fin).

имени и призванія, но они съ великимъ удобствомъ, пользуясь каждымъ ближайшимъ случаемъ, въ святилищахъ (языческихъ) или внѣ ихъ, всячески ломаются, какъ будто бы они одержимы пророческимъ экстазомъ. Другіе подъ видомъ нищихъ расхаживаютъ по городамъ и военнымъ лагерямъ и продѣлываютъ тоже зрѣлище. У каждаго изъ нихъ не стоитъ дѣло за словомъ, каждый изъ нихъ проворно провозглашаетъ: „я—Богъ, я—Сынъ Божій, я—Духъ Святой“. „Я пришелъ потому, что скоро будетъ кончина міра и вы, люди, за свою неправду заслужили наказанія. Я хочу спасти васъ, и вы скоро увидите меня снова приходящимъ съ небесною силою. Блаженъ тотъ, кто воздастъ мнѣ теперь почитаніе, всѣ же прочіе будутъ преданы мною огню, вѣчный огонь пожретъ—города, страны и народы. Тѣ, кто не имѣетъ вѣры въ страшный судъ, который ожидаетъ ихъ, будутъ потомъ напрасно сокрушаться и вздыхать. Напротивъ, вѣрующіе въ меня получатъ отъ меня жизнь вѣчную“. „Къ этимъ страшнымъ угрозамъ, продолжаетъ Цельсъ, они примѣшивали странныя, почти безумныя и совершенно непонятныя слова, смыслъ которыхъ ни одинъ разумный человѣкъ постигнуть не можетъ, — такъ темны, непередаваемы ихъ слова. Но за то первый попавшійся малоумный или болтунъ можетъ объяснить ихъ, какъ ему угодно. Этихъ мнимыхъ пророковъ — заключаетъ Цельсъ—я самъ не разъ слышалъ собственными ушами“ ¹⁾. Въ этомъ извѣстіи Цельса, повидному, перемѣшаны черты пророковъ съ чертами апостоловъ, но все же приведенное мѣсто несомнѣнно характеризуетъ проповѣдническую дѣятельность пророковъ. Даже и Цельсъ замѣтилъ, что они говорили не отъ своего лица, а отъ лица Духа Св.; онъ указываетъ, что пророки старались о разъясненіи основныхъ истинъ вѣры и говорили съ сильнымъ жаромъ; наконецъ, весьма вѣроятно, что и въ самомъ дѣлѣ пророки въ своихъ рѣчахъ не всегда были ясны, что ихъ сообщенія были темноваты и казались странными,—этого весьма можно ожидать отъ говорившихъ въ экстазѣ. —Какія въ частности

¹⁾ Origenis. Contra Celsum.. VII, 9. 10. Migne. Patrol. cursus. Gr. ser. Tom. XI, col. 1433. 1436.

мысли раскрывали пророки, мы не можемъ сказать. Но если признаемъ „Пастырѣ“ Эрма произведеніемъ пророка II вѣка, то можемъ составить себѣ ясное понятіе о проповѣдяхъ пророковъ. Впрочемъ книга „Пастырѣ“ извѣстна, и нѣтъ надобности распространяться о ней. Книга эта во всякомъ случаѣ не можетъ относиться къ очень яснымъ произведеніямъ, по ея изложенію. Достаточно припомнить описаніе „видѣній“ Эрма, чтобы не заблуждаться на ея счетъ: въ этой части книга носитъ мало-понятный апокалипсическій характеръ.

Пророковъ въ I и II вѣкахъ было не мало, но именъ ихъ мы почти не знаемъ. Вѣроятно, къ числу ихъ принадлежали лица, хотя и одушевленные религіозною ревностью, но не выдававшіяся своимъ образованіемъ. Болѣе извѣстные пророки — слѣдующіе: Эрмъ — писатель „Пастыря“, Мелитонъ Сардійскій ¹⁾, мученикъ Папила (II в.) ²⁾; къ пророкамъ древность причисляла дочерей діакона, одного изъ семи, — Филиппа, „дѣвъ, одаренныхъ пророческимъ даромъ“ ³⁾.

Пророки продолжали свое существованіе въ I и II вѣкахъ, но едва ли они дожили до III-го вѣка. Въ концѣ, а въ иныхъ мѣстахъ даже въ срединѣ II вѣка институтъ пророковъ началъ портиться и видимо клониться къ упадку. Эрмъ въ своемъ „Пастырѣ“, произведеніи, явившемся около середины II вѣка, находитъ весьма много недостатковъ, вкравшихся въ институтъ пророковъ. Онъ говоритъ, что пророки стали проводить жизнь „въ роскоши и удовольствіяхъ“; брали деньги за свое пророчествованіе, а въ случаѣ отказа въ деньгахъ не хотѣли исполнять своего пророческаго дѣла; они сдѣлались „наглы и болтливы“; они начали высоко думать о себѣ; поучали не только въ церквахъ, но, вопреки правилу, они, подобно оракуламъ, стали давать отвѣты на частные вопросы людей пустыхъ и легкомысленныхъ; они стали подольщаться къ лицамъ, которые обращались къ нимъ съ вопросами; они предрекали своимъ кліентамъ, что ихъ

¹⁾ Евсевія. Церк. исторія, V, 24.

²⁾ Gebhardt und Harnack. Texte und Untersuchun. B. III, Heft 3—1. S. 448. 460.

³⁾ Книга Дѣяній св. Апостоловъ, 21, 9. Евсевія, ibid.

суетныя желанія исполнятся; вообще они забыли, что пророки говорят во имя Духа Св., не тогда, когда они хотятъ этого, а когда ихъ будетъ къ этому побуждать экстатическое состояніе. Эрмъ называетъ ложныхъ пророковъ своего времени „пустыми горшками“, а ихъ рѣчи сравниваетъ съ трубой, наполненной водою и направленной на небо — въ расчетъ, что водяная струя пробьетъ сводъ небесный. Эрмъ рекомендуетъ удалаться такихъ ложныхъ пророковъ¹⁾. Писатель Διδαχῆ съ своей стороны даетъ понимать, что въ его время пророческій институтъ уже не всегда стоялъ на высотѣ своего призванія. Изъ его предостереженій противъ ложныхъ пророковъ видно, что иные пророки назойливо и дерзко требовали себѣ денегъ и другихъ вещей въ награду за свое служеніе. Общество христіанское, по словамъ того же писателя, начало довольно скептически смотрѣть на пророковъ. По крайней мѣрѣ только этимъ можно объяснять слѣдующія вразумленія сказаннаго писателя, съ которыми онъ обращается къ вѣрующимъ: „всякаго пророка, говорящаго въ духѣ, не испытывайте, и не судите, ибо всякій грѣхъ отпустится, а этотъ грѣхъ не отпустится“ (XI, 7). Очевидно писатель уже старается охранять институтъ пророковъ отъ какихъ-то враговъ этого послѣдняго и призываетъ на голову непослушныхъ страшныя угрозы. Появленіе монтанизма съ его мечтательнымъ профитизмомъ тоже содѣйствовало упадку пророковъ.

На основаніи довольно твердыхъ историческихъ извѣстій можно заключать, что пророки совсѣмъ прекращаютъ свое существованіе вскорѣ послѣ 180 года. Слѣдовательно, они немногимъ пережили апостоловъ, существованіе которыхъ закончилось около 150 года. Въ Римской церкви послѣ Эрма, т. е. послѣ 40 годовъ II вѣка уже не встрѣчаемъ пророковъ. Это и понятно. Самъ Эрмъ указываетъ множество злоупотребленій, вкравшихся въ дѣятельность пророковъ. Дальнѣйшее существованіе пророковъ стало дѣломъ невозможнымъ и анахронизмомъ. Въ Малой Азіи во времена развитія монтанизма тоже не видимъ пророковъ цер-

¹⁾ Заповѣди, XI-я.

ковнаго характера. Полемисты противъ монтанизма только выражали увѣренность, что истинная церковь никогда не остается безъ пророковъ, но дѣйствительныхъ наличныхъ пророковъ они уже не знаютъ. Въ Кароагенѣ пророки уже совсѣмъ исчезаютъ во времена Тертулліана: перечисляя лицъ, составляющихъ персоналъ представителей церкви, онъ не упоминаетъ пророка ¹⁾. Пророки дольше всего, кажется, держались въ Египетской церкви (свидѣтель — Διδαχῆ, какъ думаютъ, египетскаго происхожденія), но и здѣсь къ началу III вѣка пророки безъ слѣда исчезаютъ. Оригенъ, опровергая Цельса, говоритъ: „едва ли нужно вѣрить Цельсу, если онъ утверждаетъ, что онъ самъ слышалъ пророковъ; ибо во дни его не появлялось никакихъ пророковъ“ ²⁾. Оригенъ, значитъ, не зналъ уже пророковъ. Вотъ свѣдѣнія о пророкахъ I и II вѣка. Эти свѣдѣнія важны, какъ для пониманія исторіи епископата, являющагося наслѣдникомъ дѣятельности пророковъ, такъ и для объясненія многихъ древне-христіанскихъ памятниковъ, гдѣ вскользь, но все же не мало говорится на тему о пророкахъ.

Третій классъ лицъ церковнаго авторитета, о которомъ съ увѣренностью можно стало говорить только послѣ открытія памятника: Διδαχῆ, — это въ собственномъ смыслѣ — учителя, *дидакалы*.

Дидакалы упоминаются въ Διδαχῆ при исчисленіи лицъ, составляющихъ предстояние церковное, — послѣ апостоловъ и пророковъ, слѣдовательно, они стояли ниже этихъ послѣднихъ ³⁾. Дидакалы принадлежали къ лицамъ, ведшимъ странническую жизнь. О нихъ вмѣстѣ съ пророками и апостолами говорится: „если кто *пришедши* станетъ учить“ ⁴⁾ и т. д. Изъ этого видно, что они не были осѣдлыми учителями. Дидакалы учили христіанскимъ истинамъ тѣ общины, которыя они навѣщали; они, по выраженію Διδαχῆ, старались объ „умноженіи правды и знанія Господа“ ⁵⁾. Въ смыслѣ

¹⁾ Такой персоналъ состоятъ изъ епископа, діакона, вдовицы, дѣвственницы, учителя и исповѣдника. *De praescript.*, cap. 3.

²⁾ *Contra Celsum*. Lib. VII, cap. 11. Migne. Tom. XI, col. 1437.

³⁾ XIII, 2; XV, 1.

⁴⁾ XI, 1.

⁵⁾ *Ibidem*, 2.

проповѣдниковъ положеніе ихъ не было такъ высоко, какъ положеніе пророка. Они составляли какъ бы дополненіе къ пророческой дѣятельности. Главное отличіе дидаскаловъ отъ пророковъ заключалось въ томъ, что дидаскалы принимали это званіе по личному усмотрѣнію (въ посланіи Іакова говорится: „не мнози учителяе бывайте“ — 1, 3, — значить, каждый могъ быть или не быть учителемъ: это его дѣло), напротивъ пророкъ принимался за свое дѣло только тогда, когда онъ чувствовалъ, что его призываетъ къ дѣятельности внѣшняя сила — Духъ Святой. Впрочемъ и дидаскалы считали свою дѣятельность проявленіемъ дѣйствующаго въ нихъ Духа Святаго, и потому они въ древности причислялись къ лицамъ, въ извѣстной мѣрѣ обладающимъ высшимъ благодатнымъ дарованіемъ ¹⁾. Дидаскаль за свое служеніе имѣлъ право получать матеріальное содержаніе отъ общины, какой онъ служилъ, но точно не указывается: на что, именно, онъ могъ разсчитывать въ матеріальномъ отношеніи. Въ *Διδαχῇ* на этотъ счетъ только сказано: „истинный учитель, какъ и всякій трудящійся, достоинъ своего пропитанія“ ²⁾. Въ этомъ отношеніи онъ замѣтно приравнивался къ пророкамъ. Почтеніемъ въ общинѣ дидаскалы должны были пользоваться не въ меньшей мѣрѣ, какъ и пророки. А какъ высоко было это уваженіе къ дидаскаламъ (а равно и къ пророкамъ) видно изъ того, что въ *Διδαχῇ* предписывается почитать ихъ не меньше, если не больше—самихъ епископовъ ³⁾. На высокое уваженіе къ дидаскаламъ указываетъ и Эрмъ въ „Пастырѣ“, когда говоритъ, что учителя, свято и чисто учившіе Слово Божію и неуклонявшіеся къ худымъ пожеланіямъ, станутъ пребывать въ будущей жизни вмѣстѣ съ ангелами ⁴⁾. На столь же высокое уваженіе дидаскаловъ указываетъ и то обстоятельство, что многіе древне-христіанскіе писатели, давая въ своихъ сочиненіяхъ наставленія христіанамъ, оговариваются, что они пишутъ не какъ дѣй-

¹⁾ Эрм Пастыр: подобія, IX, гл. 25.

²⁾ XIII, 1.

³⁾ XV, 2: „Не пренебрегайте (*Μὴ ἐπερίδητε*) ими, т. е. епископами и діаконами, ибо они должны почитаться вами вмѣстѣ съ (*μετὰ*) пророками и дидаскалами“.

⁴⁾ Подобія. IX, гл. 25.

ствительные дидакалы. Т. е. ясно, что они ставят дидакаловъ выше себя и ихъ словамъ придаютъ особенный авторитетъ. Такъ поступаютъ авторъ посланія Варнавы, Игнатій Антиохійскій и Діонисій Александрійскій ¹⁾.

Что касается характера проповѣднической дѣятельности дидакаловъ и свойствъ ихъ ученія, то на этотъ счетъ мы имѣемъ мало свѣдѣній. Едва ли впрочемъ ихъ учительство было одинаковымъ съ пророческимъ, хотя они подобно пророкамъ учили съ церковной кафедры. Съ раннихъ временъ не мало было лицъ въ христіанскомъ обществѣ, которые не хотѣли довольствоваться млекомъ и искали твердой пищи—въ духовномъ смыслѣ, искали премудрости, высшего знанія и разумѣнія—въ религіи; имъ то удовлетворить и имѣли въ виду между прочимъ дидакалы.

Дидакалы продолжали существовать въ церкви не только дольше апостоловъ, но и дольше пророковъ. Напримѣръ въ Римѣ, въ то время, какъ авторитетъ пророковъ началъ сильно падать, въ эпоху жизни Эрма, — дидакалы еще пользовались полнымъ почетомъ. Въ одной изъ своихъ заповѣдей Эрмъ спрашиваетъ руководящаго его ангела (пастыря), такъ ли нужно смотрѣть на покаяніе, какъ думаютъ дидакалы, — и получаетъ отвѣтъ утвердительный ²⁾. Авторитетъ дидакаловъ, значитъ, стоитъ еще высоко. Дидакалы преступили черту, разделяющую II отъ III вѣка и долго держались въ церкви и въ III вѣкѣ. Въ Египтѣ, и главнымъ образомъ въ Александріи дидакалы существовали еще при Оригенѣ; въ его сочиненіяхъ упоминаются часто: учителя, или „учители церкви“, или же такія лица, которыя „у насъ (въ Александріи) мудро исполняли должность учителя“; достоинство священника и кафедру учителя Оригенъ поставляетъ на одной высотѣ, хотя уже знаетъ и такихъ дидакаловъ, которые мало были достойны своего званія ³⁾. Даже послѣ середины III вѣка встрѣчаемъ указаніе на дидакаловъ въ той же странѣ—

¹⁾ Варнавы—посланіе, гл. I, 8: „Я не какъ учитель (*διδάσκαλος*), но какъ равный съ вами, изъясняю вамъ“. Свидѣтельства Игнатія и Діонисія были указаны выше.

²⁾ Заповѣди, IV, гл. 3.

³⁾ Свидѣтельства изъ разныхъ сочиненій Оригена собраны Гарнакомъ. *Lehre der zwölf Apostel* S. 135—136.

въ Египтѣ. Въ одномъ селеніи, расположенномъ близъ Александріи, Діонисій Александрійскій по одному случаю созвалъ, какъ онъ говоритъ въ посланіи, „пресвитеровъ и учителей тѣхъ братьевъ, которые находились въ селеніи“¹⁾. Но это однако самое послѣднее свидѣтельство о бытіи дидаскаловъ въ церкви: послѣ этого слѣдъ ихъ существованія сглаживается.

Причиной, по которой уничтожается, переходитъ институтъ дидаскаловъ, служатъ искаженіе и злоупотребленія, вкравшіяся въ этотъ институтъ, какъ это было и съ апостолами и съ пророками. Въ одномъ изъ посланій подъ заглавіемъ: „о дѣвствѣ“ дошедшихъ до насъ съ именемъ Климента Римскаго, но появившихся въ началѣ III вѣка, говорится (I, 11): „Дидаскалы хотятъ быть и выказывать себя краснобаями. Да убоимся того суда, который угрожаетъ (такимъ) дидаскаламъ. Тяжкому осужденію подлежатъ будутъ тѣ учителя, которые проповѣдуютъ, а не дѣлаютъ“ (того, о чемъ проповѣдуютъ)²⁾. „Ихъ харизматическое учительство превратилось, по выраженію А. Гарнака, въ мірское“³⁾. Значитъ, въ средѣ дидаскаловъ появилась суетность, удаляющая ихъ отъ ихъ первоначальнаго назначенія. Затѣмъ, они, какъ и пророки послѣдняго времени своего существованія, говорили можетъ быть и хорошо, но не исполняли того, чему учили. Этимъ они роняли себя въ глазахъ христіанъ, — и самое существованіе ихъ перестало интересоваться этихъ послѣднихъ⁴⁾.

Всѣ доселѣ изученные нами представители церковнаго авторитета—апостолы, пророки и дидаскалы имѣютъ между собою много общаго и составляютъ собой въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Евсевія. Церк. исторія. Кн. VII, гл. 24.

²⁾ Сравни. *Λιδαχή*, XI, 10: „пророкъ, если не дѣлаетъ того, чему учитъ, есть лжепророкъ“.

³⁾ Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhund. S. 260. Leipz. 1902.

⁴⁾ Нѣкоторые изъ дидаскаловъ стали адептами ложныхъ ученій, наприм., въ Египтѣ во времена Діонисія стали поддерживать сторону такъ наз. хилиастовъ, „отказываясь слѣдовать евангеліямъ и презирая апостольскія посланія“ (Евсевія Церк. Ист. VII, 24). Такого рода дидаскалы начали появляться еще и во времена Эрма. Онъ упоминаетъ объ „учителяхъ неправды, у которыхъ нѣтъ никакого плода истины; изъ желанія прибытка они обольщали людей и каждый училъ по похотямъ грѣшныхъ; за это они понесутъ наказаніе“, замѣчаетъ Эрмъ (Подобія, IX-ое, гл. 19).

отношеніяхъ одно цѣлое. Они составляли одинъ изъ элементовъ древнѣйшаго церковнаго предстоительства. Элементъ этотъ нѣкоторые западные историки въ отличіе отъ другихъ элементовъ называютъ религіознымъ или духовнымъ. Но, кажется, точнѣе будетъ назвать его первохристіанскимъ элементомъ, такъ какъ въ дальнѣйшей церковной исторіи онъ совсѣмъ исчезаетъ.

II. Взаимоотношеніе епископа и діакона въ глубокой древности.

Въ древнѣйшія времена христіанской исторіи епископы и діаконы составляли близко родственную между собою группу должностныхъ церковныхъ лицъ. Они имѣли много общаго въ своемъ церковномъ положеніи и церковномъ служеніи. Но это нужно разъяснить и доказать, такъ какъ въ настоящее время исконное сходство епископата съ діаконатомъ почти совсѣмъ утратилось.

Задача эта однакожъ не принадлежитъ къ особенно труднымъ и не нуждается въ изысканныхъ гипотезахъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ обозначеніе должностей епископа и діакона всегда соединялось вмѣстѣ, конечно, вслѣдствіе извѣстнаго рода сродства этихъ должностей. Это разъ. Затѣмъ, качества, которыя требовались отъ лицъ, избираемыхъ въ епископа и діакона, были почти тождественны, — опять доказательство того же тезиса. Далѣе, въ управленіи церковными дѣлами діаконы въ извѣстныхъ отношеніяхъ были самыми обыкновенными помощниками епископовъ, именно діаконы, а ни другой кто: діаконатъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ необходимымъ восполненіемъ епископата. Мало того: функции тѣхъ и другихъ имѣли очень много сходнаго и родственнаго. Но историческая судьба епископата и діаконата была далеко неодинакова. Епископы и съ самаго начала своего бытія занимали высокое положеніе въ церковныхъ обществахъ, а съ теченіемъ времени авторитетъ ихъ еще болѣе возросъ; напротивъ того, діаконатъ, — чѣмъ дальше шло время, — тѣмъ больше терялъ устойчивость на

іерархической лѣстницѣ, пока не занялъ того скромнаго мѣста, какое онъ занимаетъ теперь. Правда діаконы, сохранили въ памяти свое первоначальное должностное средство съ епископатомъ, пытались было занять болѣе или менѣе высокое мѣсто въ іерархіи, непосредственно послѣ епископа и выше пресвитера, но ихъ попытки кончились полной неудачей—въ особенности на христіанскомъ Востокѣ.

Подкрѣпимъ всѣ эти положенія историческими данными, сосредоточивая свое вниманіе преимущественно на I и II вѣкахъ, такъ какъ въ это время происходятъ самые существенные процессы въ развитіи іерархіи.

Что касается вопроса о сродствѣ епископата и діаконата въ древнѣйшую пору церкви, то это доказывается, какъ мы сказали, прежде всего тѣмъ, что епископатъ и діаконатъ въ древне-христіанскихъ памятникахъ подводятся подъ одну и ту же категорію—какъ группа сродныхъ должностей. Посланіе ап. Павла къ Филиппійцамъ начинается, какъ извѣстно, привѣтствіемъ къ церкви Филиппійской съ ея епископами и діаконами (гл. 1, ст. 1), а о пресвитерахъ при этомъ нѣтъ упоминанія. Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею различныя предписанія касательно епископовъ и діаконівъ объединяются (гл. 3), причемъ въ этихъ случаяхъ рѣчи о пресвитерахъ нѣтъ. Въ различныхъ памятникахъ, не исключая и апостольскаго вѣка, епископство называется діаконіей ¹⁾, а пресвитерство никогда такъ не называется. Въ памятникахъ послѣ-апостольскаго времени встрѣчаемъ много такого, что говоритъ о сродствѣ епископата съ діаконатомъ. Въ посланіи папы Климента римскаго епископы и діаконы представляются объединяющеюся группой, причемъ не указывается рѣзкаго различія между ними. Климентъ пишетъ: „апостолы, проповѣдуя по различнымъ странамъ и городамъ, первообращенныхъ по духовномъ испытаніи поставляли въ епископы и діаконы для будущихъ вѣрующихъ. И это не новое установленіе,—добавляетъ писатель,—ибо много вѣковъ прежде писано было о епископахъ и діаконахъ. Именно слѣдующее написано въ Писаніи: „поставлю епископовъ

¹⁾ 1 Петр. 4, 10. Эрм. Пастырь, подоб. IX, гл. 27 (ст. 2).

ихъ въ правдѣ и діаконѣ въ вѣрѣ¹⁾. Эрмъ въ „Пастырѣ“ поставляетъ епископовъ и діаконѣ въ тѣснѣйшую связь между собою. Объясняя одно свое видѣніе, онъ пишетъ: „камни квадратные и бѣлые—это суть епископы и діаконы, которые были согласны другъ съ другомъ и слушали взаимно другъ друга“²⁾). Тоже самое встрѣчаемъ у древнихъ восточныхъ писателей. Игнатій Антиохійскій, разсуждая какъ епископъ, показываетъ въ своихъ словахъ особенно сердечное близкое отношеніе къ діаконамъ. Для діаконѣ онъ постоянно употребляетъ названіе: *συνδύλοι*,, именуетъ ихъ „сладчайшими“³⁾. Въ библейскихъ сравненіяхъ, какія употребляетъ Игнатій для обозначенія членѣвъ іерархіи, на долю діакона у него выпадаютъ особенно лестныя. Діакона, какъ и епископа онъ сравниваетъ съ Самимъ Іисусомъ Христомъ. „Діакона и епископа—раскрываетъ онъ—нужно почитать какъ Іисуса Христа⁴⁾; діаконамъ, по его представленію, поручено служеніе (*διακονία*) Іисуса Христа⁵⁾. Онъ заповѣдуетъ почитать „діаконѣвъ, какъ заповѣдь Божию“. А о епископахъ въ тоже время говоритъ, что они въ средѣ вѣрующихъ занимаютъ „мѣсто Самого Бога“⁶⁾. Очевидно, по представленію Игнатія, епископы и діаконы суть какъ бы представители Бога и Христа въ христіанской общинѣ и соединены между собою самымъ тѣснымъ образомъ⁷⁾. Въ противоположность этому пресви-

¹⁾ Климента. Первое послан. Гл. 42. Слич. Псаи, 60, ст. 17. (Но только Климентъ нѣсколько измѣняетъ текстъ этого мѣста).

²⁾ Видѣніе III, гл. 5.

³⁾ Посл. къ Ефес., гл. 2. Посл. къ Магнезіянамъ, гл. 6. Die syrische Diakonia (S. 273) называетъ діакона „ушами епископа, его устами, его сердцемъ и его душою“. „Хотя епископъ и діаконъ обитаютъ въ двухъ тѣлахъ, но они составляютъ одну душу и одинъ духъ, и должны быть согласны въ совѣтѣ“ (S. 86). Leipzig. 1904.

⁴⁾ О діаконѣ онъ пишетъ: „Всѣ почитайте *τοὺς διακόνους, ὡς Ἰησοὺν Χριστόν*“ (къ Траллійцамъ, гл. 3).

⁵⁾ Къ Траллійц., гл. 2. Къ Магнез., гл. 6.

⁶⁾ Къ Смирнянамъ, гл. 8. Магнезіяц., гл. 6.

⁷⁾ Считаемо не лишнимъ привести еще слѣдующее мѣсто изъ т. н. Постановленій Апостольскихъ: „Діаконъ, хотя пусть все возноситъ къ епископу, какъ Христосъ ко Отцу, но что можетъ, то пусть исправляетъ самъ собою, получивъ власть отъ епископа, какъ Господь получилъ власть отъ Отца создавать и промышлять“. (Кн. II, гл. 44). А *Сирская Диаконія*, повторяя ту же мысль, добавляетъ: „епископы и діаконы да будутъ едиными и заботливо управляютъ народомъ въ единомысліи, ибо они должны составлять *одно тѣло*: они отецъ и сынъ, ибо они суть образъ владычества“ (Божія?) Seit. 59.

теровъ св. Игнатій сравниваетъ лишь съ апостолами¹⁾. Конечно, такое сравненіе пресвитеровъ лишь съ апостолами показываетъ, что къ епископу былъ ближе, сроднѣ ему діаконь. Изъ этого само собой открывается, что діаконы на первыхъ порахъ очень много могли ожидать для себя въ историческомъ будущемъ. Изъ писателей восточныхъ приведемъ еще свидѣтельство Іустина мученика. Іустинъ, высказывая мысль о томъ, что распоряженіе дарами, приносимыми для евхаристіи, принадлежитъ единственно предстоятелю—епископу, помощниками его въ этомъ дѣлѣ называетъ „діаконовъ“²⁾. Приведенныхъ свидѣтельствъ для насъ и достаточно.

Первоначальное сродство епископовъ и діаконѡвъ прекрасно доказывается разсмотрѣніемъ свидѣтельствъ касательно тѣхъ нравственныхъ и практическихъ качествъ, которыми должны были отличаться какъ епископы, такъ и діаконы при исполненіи ихъ служенія. Вотъ свидѣтельство апостольскаго вѣка—изъ посланія Павла къ Тимоѳею. Ап. Павелъ требуетъ совершенно одинаковыхъ качествъ отъ епископовъ и діаконѡвъ. Апостоль о епископѣ говоритъ: онъ долженъ быть „непороченъ, трезвъ“, но того же онъ требуетъ и отъ діаконѡвъ: діаконы должны быть „честны и непристрастны къ вину“. Апостоль предписываетъ, чтобы епископъ былъ „некорыстолюбивъ“, но буквально съ тѣмъ же требованіемъ онъ обращается и къ діаконамъ. Наконецъ, апостоль Павелъ о епископѣ говоритъ: „онъ долженъ быть одной жены мужъ, хорошо управляющій домомъ своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностію“; а о діаконахъ онъ же говоритъ: „діаконъ долженъ быть мужъ одной жены, хорошо управляющій дѣтьми и домомъ своимъ“ (Гл. 3, 2—4. 8. 10. 12). Сходство требованій отъ епископовъ и діаконѡвъ ясно до очевидности. Прослѣдимъ за свидѣтельствами на этотъ же счетъ въ дальнѣйшей литературѣ церковной. У мужа апостольскаго Поликарпа (гл. 5) читаемъ; „зная, что Богъ не бываетъ въ посмѣяніи, мы, т. е. епи-

¹⁾ Къ смирянамъ, гл. 8 et passim.

²⁾ I Апологія, гл. 67.

скопы, должны поступать достойно заповѣди Его и славы. Подобно и діаконы должны быть непорочны предъ Его правдою, какъ служители Бога и Христа“. Извѣстный памятникъ: „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“ (*Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων*), говоря объ избраніи общиною епископовъ и діаконѣ, (которые здѣсь весьма ясно рассматриваются, какъ тождественная группа лицъ), замѣчаетъ: „поставляйте себѣ епископовъ и діаконѣ, достойныхъ Господа, мужей кроткихъ и несребролюбивыхъ и истинныхъ и испытанныхъ“¹⁾. Очень ясно, что требованія въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ авторъ не различаетъ, указывая тѣмъ на близкое сродство епископата и діаконата. Въ другомъ памятникѣ, извѣстія и свѣдѣнія котораго считаются характеристичными для конца II вѣка—въ памятникѣ, извѣстномъ подъ именемъ: *Canonες ecclesiastici* требованія въ отношеніи какъ епископовъ, такъ и діаконѣ тоже мало разнятся одни отъ другихъ. Такъ о епископѣ здѣсь говорится: „епископу надлежитъ быть непорочнымъ, нищелюбивымъ (*φιλόπτωχος*), честнымъ, не пьяницей, не корыстолюбцемъ, не лицепріятнымъ. Хорошо если онъ—прибавлено здѣсь — неженатъ, а если не такъ, то долженъ быть мужемъ одной жены“²⁾. А о діаконѣ въ томъ же памятникѣ³⁾ говорится: „діаконы должны быть честны, кротки и спокойны, мало пьющіе вина, не лицепріятны (т. е. не должны смотрѣть угодливо на богатаго и притѣснять бѣднаго); діаконъ долженъ быть мужъ одной жены и воспитывать своихъ дѣтей“. Требованія отъ епископовъ и діаконѣ, какъ видимъ, и здѣсь не разнятся одни съ другими. Но въ этомъ же памятникѣ — *Canonες ecclesiastici*—находимъ и еще одно свидѣтельство, чрезвычайно важное, такъ какъ оно неопровержимо доказываетъ первоначальное сродство указанныхъ должностныхъ церковныхъ лицъ. Уже въ посланіи ап. Павла къ Тимоѣею говорится: „хорошо служащіе (діаконы) готовятъ себѣ

¹⁾ Гл. 15. Памятникъ изданъ между прочимъ и въ книгѣ г. Карашева. О новооткрытомъ памятникѣ: „Ученіе“ и проч. М. 1896.

²⁾ Harnack. Die Quellen der apostolischen Kirchenordnung. S. 9—10. Leipz. 1886.

³⁾ Ibid. S. 20—21.

высшую степень“ (3, 13). Но какую именно степень—писатель не говоритъ. Памятникъ: Сапопес разрѣшаетъ этотъ вопросъ самымъ положительнымъ образомъ. Здѣсь говорится: „діаконы, добръ и неосужденно служащіе достигаютъ мѣста епископскаго“ ¹⁾. Да, никакого другого, а именно (пастырскаго) епископскаго. Вотъ какъ далеко простиралось тогда сродство епископовъ и діаконѣвъ: діаконѣ по разсматриваемому памятнику являются самыми первыми и естественными кандидатами во епископы, они такъ сказать были епископами *in spe*. Наградой за ревностное служеніе діакона было повышение на іерархической лѣстницѣ, а на этой лѣстницѣ слѣдующею ступеню для діакона было епископство. Теперь для насъ понятнымъ становится, почему въ источникахъ нравственныя требованія отъ епископовъ и діаконѣвъ—не отличаются между собою; діаконъ съ теченіемъ времени дѣлался епископомъ, слѣдовательно, отъ него естественно было требовать качествъ, которыя не посрамили бы его будущаго высшаго служенія.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе на сродство епископата и діаконата, поскольку это сродство выражалось въ функціяхъ, принадлежащихъ епископамъ и діаконамъ. Функціи этихъ лицъ съ самаго начала были очень широки: онѣ относились какъ до богослуженія, такъ и управленія церковной общиной ²⁾, управленіе требовало, конечно, побочныхъ занятій, напр., письменнаго сношенія, всякаго рода надзора и т. д. Въ нашу задачу впрочемъ не входитъ исчисленіе и изученіе всѣхъ этихъ функцій. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что во всѣхъ указанныхъ функціяхъ діаконѣ принимали очень большое участіе: они были такъ сказать правою рукою епископовъ ³⁾.—Для доказательства сродства епископата и діаконата въ ихъ функціяхъ остановимся на разсмотрѣніи лишь одной функціи, которая довольно мало привле-

¹⁾ Ibid., 26. 48.

²⁾ Это допускаетъ и Гарнакъ. См. его книгу: *Die Lehre der zwölf Apostel*. S. 144. Leipzig. 1884.

³⁾ Лучшимъ доказательствомъ этой послѣдней мысли могутъ служить слова автора Постановленій Апостольскихъ. „Діаконъ да будетъ и ухомъ, и окомъ и устами, также сердцемъ и душою епископа, чтобы епископъ не заботился о многомъ, но только о важнѣйшемъ“. (Кн. II, гл. 44)

каетъ къ себѣ вниманіе историковъ, но которая имѣетъ важное значеніе въ древнѣйшей исторіи христіанства. Епископы и діаконы одинаково имѣли очень большое участіе въ распредѣленіи—кому слѣдуетъ—матеріальныхъ средствъ церкви. Обыкновенно думаютъ, что первохристіанство было такъ поглощено религіозной идеей, что мало или почти совсѣмъ не заботилось о вещественномъ благополучіи общинъ. Но это далеко не такъ. Церковь не только обновляла духъ человѣка, но незамѣтно пересоздавала и социальный строй на новыхъ началахъ: а этого нельзя было сдѣлать, оставивъ въ сторонѣ матеріальное положеніе вѣрующихъ. А если такъ, то кто-нибудь въ церковныхъ общинахъ долженъ былъ взять на себя заботы о матеріальномъ положеніи вѣрующихъ той или другой церкви. Это и сдѣлалось съ самыхъ раннихъ поръ христіанства функціей епископовъ и діаконовъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о способахъ, какими пріобрѣтала церковь свои матеріальныя средства; какъ они утилизировались. Обо всемъ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Здѣсь же скажемъ лишь то, что прямо относится къ поставленному нами вопросу. Въ самомъ понятіи епископа заключается уже мысль, что онъ, какъ такой, есть главный распорядитель финансовой стороной жизни общины. Въ древнеязыческихъ надписяхъ и памятникахъ открыто нѣсколько такихъ случаевъ, когда заправители финансовой стороны извѣстной римской коллегіи или государственные чиновники, завѣдующіе раздачей хлѣба бѣднымъ классамъ народа, названы прямо именемъ: епископы ²⁾. Но это конечно не такъ важно. Важнѣе то, что и христіанскіе памятники между другими функціями епископа ставятъ на очень видное мѣсто свойственныя ему заботы о матеріальномъ положеніи общины. Извѣстно предписаніе ап. Павла въ посланіи къ Титу, касающееся епископа: „епископъ долженъ быть непороченъ (неукоризненъ), какъ Божій домостроитель“ (οἰκονόμος) (1, 7). Нѣтъ никакой необходимости понимать это предписаніе въ какомъ-нибудь переносномъ, а не буквальномъ смыслѣ.

¹⁾ См. ниже: „Матеріальное состояніе духовенства во II и III вѣкахъ“.

²⁾ Hatch. Gesellschaftsverfassung der christlich. Kirchen. S. 29—30. Gies-sen, 1883.

Повидимому, такое толкованіе подрывается выраженіемъ ап. Павла, въ которомъ онъ называетъ епископовъ: „домостроителями (οἰκονόμοις) *Таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1). Но это мѣсто служить параллелью къ выше приведенному, ибо въ 1 Кор. 4, 2, требуется, чтобы епископъ былъ „вѣрнымъ“ домостроителемъ (экономомъ), а это требованіе умѣстно въ тѣхъ случаяхъ, когда открывается возможность для присвоенія чего-либо чужаго. Съ другой стороны нужно помнить, что апостолъ матеріальное вспомошествованіе именуетъ *εὐχαριστία* а плодами такого дѣла почитаетъ *χάρις* и *δικαιοσύνη* (2 Кор. 9, 10 и дал.). Памятники древне-христіанской литературы даже требуютъ такого буквального толкованія выраженія: *οἰκονόμος*, т. е. въ значеніи распорядителя денежными средствами общины и пекущагося о томъ, чтобы всѣ извѣстныя лица были удовлетворены въ необходимомъ. Иллюстраціей такого пониманія могутъ въ полной мѣрѣ служить: Постановленія Апостольскія, письма св. Кипріана, *Canones ecclesiastici*. Въ этомъ послѣднемъ памятникѣ, въ центрѣ всѣхъ другихъ требованій, предъявляемыхъ къ епископу, стоитъ требованіе, чтобы онъ былъ *φιλόπτωχος*. Онъ, епископъ, долженъ быть всегда готовымъ изыскать и оказать помощь неимущему.

Разсматривая же по отношенію къ этой епископской функціи дѣятельность діакона древнѣйшаго времени, видимъ, что и діаконы дѣлали тоже дѣло, какое составляло обязанность епископовъ. Назначеніемъ діаконѣ было между прочимъ *пещись о матеріальномъ благосостояніи общины*, что самымъ тѣснымъ образомъ сродняло эти двѣ должности. Мы не будемъ упоминать о побужденіяхъ, указанныхъ въ Дѣяніяхъ, — учредить должность діакона. Это извѣстно ¹⁾. Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя. Комментаріи будутъ излишни. Посмотримъ на другія свидѣтельства, относящіяся къ тому времени, когда кругъ обязанностей діакона расширился. Что-же видимъ? И тогда діаконъ, подобно епископу, въ значительной мѣрѣ отданъ попеченіямъ объ удов-

¹⁾ Они поставлены, дабы *пещись о столахъ*, т. е. о ежедневномъ раздаяніи потребнаго неимущимъ. (Гл. 6).

летвореніи вещественныхъ нуждъ общины, и главнымъ образомъ неимущихъ ея членовъ. Послѣапостольская литература достаточно удостовѣряетъ въ этомъ. Игнатій Антиохійскій говоритъ о діаконахъ: „діаконы—не служители только яствъ и питій, но слуги Церкви Божіей; имъ нужно остерегаться обвиненій, какъ огня“¹⁾. Писатель представляетъ діаконівъ экономами, причемъ внушаетъ, чтобы они дѣлали свое дѣло, какъ дѣло Божіе, и боялись обвиненій, разумѣется, въ хищеніи имущества. Въ *Διδαχῇ* діаконы наравнѣ съ епископами представляются близко стоящими къ управленію и расходованію матеріальныхъ средствъ общины. Еще яснѣе эта обязанность діаконівъ выставляется въ другомъ древнемъ памятникѣ—*Canones ecclesiastici*. Здѣсь указывается, что въ ихъ распоряженіи находилась церковная *Λογία*, т. е. церковная сокровищница, въ которой хранились деньги, собираемыя съ членовъ общины въ пользу нуждающихся. Въ памятникѣ предписывается діакону, чтобы онъ не заграждалъ бѣднымъ пользоваться деньгами, хранящимися въ церковной сокровищницѣ. Мало этого: ему внушается, чтобы онъ заботился какъ о приумноженіи церковныхъ доходовъ, такъ и о развитіи общественной благотворительности²⁾. По мнѣнію одного западнаго ученаго (А. Гарнака), въ памятникахъ христіанской древности потому особенно настойчиво требуется трезвость отъ діаконівъ, а вмѣстѣ и епископівъ, что тѣ и другіе имѣли въ своемъ распоряженіи много вина (оно жертвовалось вѣрующими для Евхаристіи и агапѣ—вечерей любви, и остатокъ вина дѣлился между лицами іерархическими и другими лицами, имѣвшими право пользоваться церковнымъ достояніемъ). А если на ихъ рукахъ было много вина, то понятно хорошимъ хозяиномъ по этой части могъ быть только не пьяница.—Очень характеристичны для опредѣленія какъ отношеній діаконівъ къ управленію церковнымъ имуществомъ, такъ и близости діаконівъ къ епископамъ въ указанномъ направленіи—характеристичны слѣдующіе факты, заимствуемые изъ III вѣка. Въ Римской церкви епископъ

¹⁾ Послан. къ Траллійцамъ, гл. 2.

²⁾ Harnack. Die Quellen der apostol. Kirchenordnung. S. 24—25.

въ тѣхъ случаяхъ, когда ему угрожала мученическая смерть, обыкновенно передавалъ управленіе церковнымъ достояніемъ не пресвитерамъ, а діакону. Такъ епископъ Корнелій передаетъ управленіе церковнымъ имуществомъ діакону Стефану, епископъ Луцій — тому же Стефану, а епископъ Стефанъ въ свою очередь діакону Сиксту. Заслуживаетъ вниманія еще слѣдующій фактъ: когда римскій епископъ Сикстъ мученически пострадалъ, то языческая власть въ Римѣ схватила діакона Лаврентія, предполагая, что именно у него находятся церковныя деньги, бросила его въ темницу и всякими насиліями старалась заставить его выдать сокровища ¹⁾.

Такимъ образомъ древне-христіанскіе документы удостоверяють насъ, что епископы и діаконы вначалѣ имѣли близкое сродство между собою, — и это не въ одномъ какомъ-нибудь, а многихъ отношеніяхъ. Но однако-жъ эта близость, это сродство епископата и діаконата, какъ извѣстно, не удержались впослѣдствіи: епископатъ ушелъ далеко, діаконатъ сильно отсталъ. Такое разъединеніе діаконата и епископата имѣло свои причины; ихъ мы разъяснимъ.

Но прежде замѣтимъ, что разъединеніе двухъ родственныхъ должностей произошло не вдругъ. Повидимому, было даже время, когда діаконатъ могъ разсчитывать, что онъ не много отстанетъ отъ епископата въ своемъ развитіи. Это время впрочемъ было непродолжительно. Въ одной замѣткѣ въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, замѣтѣ, носящей на себѣ слѣды древности, въ такихъ высокихъ чертахъ описываются должности какъ епископа, такъ и діакона: „нынѣ, — говорится здѣсь, — мѣсто Аарона, занимаетъ у насъ діаконъ, а мѣсто Моисея епископъ. Итакъ, если Моисея Господь назвалъ Богомъ; а Аарона пророкомъ, то и вы чтите епископа, какъ Бога, а діакона, какъ пророка его... Какъ Сынъ (Божій) есть ангелъ и пророкъ (Бога) Отца, такъ и діаконъ есть ангелъ и пророкъ епископа“ ²⁾. Судя по этимъ словамъ Постановленій, діаконъ имѣлъ нѣкогда такое же значеніе,

¹⁾ Hatch. Opus cit. S. 46. Rade. Damasus Bischof von Rom. S. 12 — 14. 1882.

²⁾ Кн. II, гл. 30.

какое Ааронъ при Моисеѣ, — слѣдовательно, значеніе очень большое, — не говоримъ уже о другихъ сравненіяхъ, какія встрѣчаемъ въ той же тирадѣ. Памятникъ средины II вѣка — *Διδοχῆ*, исчисляя качества, требуемыя отъ епископа и діакона, не полагаетъ никакого различія въ этихъ требованіяхъ. Епископъ и діаконъ для писателя совершенно уравниваются между собою въ этомъ отношеніи. Мало того: писатель, внушая христіанамъ отнюдь не показывать пренебреженія къ епископамъ и діаконамъ, называетъ ихъ одинаково лицами, достойными почтенія: они — *ἐπίσκοποι* (сар. 15) — въ равной степени, какъ тѣ, такъ и другіе. — Діаконы, по крайней мѣрѣ въ глухихъ провинціяхъ, напр. въ Испаніи, успѣли достичь большой власти, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ были уже епископами. Въ правилахъ одного древняго собора нѣкоторые Испанскіе діаконы названы: *regentes plebem*¹⁾. Такое названіе очень мало приличествуетъ діакону, какимъ онъ сталъ позднѣе. — Наконецъ, можно указать еще на тотъ фактъ — въ доказательство раскрываемой мысли, — что въ римской церкви въ древности долго держались обыкновенія ставить въ епископы Рима не пресвитера, а именно діакона²⁾.

Но все-таки такое высокое положеніе діакона, доказываемое приведенными извѣстіями и фактами, какъ мы говорили, было кратковременно и во всякомъ случаѣ не прочно. Между двумя нѣкогда родственными должностями — епископатомъ и діаконатомъ происходитъ разъединеніе. Епископъ уходитъ впередъ, занявъ высокое положеніе на іерархической лѣстницѣ, а діаконъ остается много позади. Это условливалось историческими причинами, на которыя и укажемъ теперь.

Несмотря на свое близкое сродство съ діаконатомъ, епископатъ все же съ самаго начала имѣлъ многія и существенныя преимущества въ сравненіи съ первымъ. Въ чемъ заключались эти преимущества, считаемъ лишнимъ исчислять, это легко припомнить каждый. Конечно, эти преимущества

¹⁾ Собора Эльвирскаго (306 г.) прав. 77. Hefele. Conciliengeschichte. B. I, S. 189 Freib., 1873.

²⁾ Hatch. Op. cit. S. 46, 48.

съ самыхъ раннихъ поръ выгодно отличали епископовъ отъ діаконовъ. Но это не главное. Въ ходѣ исторической жизни епископы не остались на той ступени, на какой они стояли прежде, а поднялись выше. Епископы стали возрастать въ своемъ авторитетѣ по сравненію съ болѣе раннимъ ихъ положеніемъ. Но они возвысились не во всѣхъ мѣстахъ христіанскаго міра одновременно. Въ однихъ мѣстахъ возвышеніе епископовъ произошло раньше, въ другихъ нѣсколько позже. Тѣмъ не менѣе въ срединѣ II вѣка или нѣсколько позднѣе фактъ этотъ сталъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ: всѣ епископы этой эпохи возрасли въ своемъ значеніи. Такое возвышеніе епископа совершилось не путемъ какой-то узурпаціи и не было плодомъ какихъ либо деспотическихъ стремленій, какъ утверждаютъ протестантскіе богословы, не долюбивающіе епископскій институтъ. Ничего такого не было. Дѣло происходило на почвѣ строгой законности и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. Кончили жизнь, переселились въ вѣчность люди, которые оставили послѣ себя богатое наслѣдство. Прямыхъ наслѣдниковъ не оказалось. За неимѣніемъ ближайшихъ родственниковъ, наслѣдство, по закону, перешло къ боковой линіи. А такой боковой линіей и оказались епископы. Они и получили наслѣдство. Вотъ и все... Недавно открытый памятникъ Διδαχῆ прекрасно разъясняетъ—въ чемъ дѣло. Здѣсь (гл. 15, ст. 1—2) заповѣдуется христіанамъ: „не показывайте пренебреженія къ епископамъ¹⁾ они должны почитаться вами вмѣстѣ съ пророками и дидасками²⁾“; ибо они совершаютъ для васъ служеніе пророковъ и дидакаловъ“. Итакъ, писатель Διδαχῆ требуетъ для епископовъ почтенія на томъ основаніи, что они стали исполнять служеніе пророковъ и дидакаловъ. Другими словами здѣсь епископамъ предписывается оказывать ту почесть, какая доселѣ принадлежала другимъ лицамъ — пророкамъ и дидакаламъ. Это значитъ, что епископы теперь, когда писалъ авторъ Διδαχῆ, стали замѣнять собою этихъ

¹⁾ Правда въ указанномъ мѣстѣ Ученія на ряду съ епископомъ упоминается и діаконовъ, но послѣдующая исторія своимъ теченіемъ отстранила послѣдняго.

²⁾ Т. е. харизматическими учителями.

последнихъ, принявъ на себя ихъ миссію. Такъ дѣйствительно и было. Тотъ же памятникъ даетъ знать, что въ иныхъ мѣстахъ, въ иныхъ церквахъ уже не встрѣчалось пророковъ (гл. 13, 4). Очего же это произошло? Да оттого, что весь вообще институтъ странствующихъ апостоловъ (не учениковъ Христа), пророковъ и дидакаловъ съ теченіемъ времени, какъ мы знаемъ, началъ атрофироваться; онъ умиралъ медленною смертію подобно тому, какъ умираетъ престарѣлый человѣкъ. Вотъ наслѣдствомъ отъ этихъ - то вымирающихъ пророковъ и дидакаловъ и воспользовались епископы. Оно перешло къ епископамъ, потому что они были самыми видными предстоятелями общины послѣ пророковъ и дидакаловъ¹⁾. Это было чрезвычайно выгодно для авторитета епископовъ. Они стали пользоваться такимъ же уваженіемъ, какимъ доселѣ пользовались пророки и дидакалы, эти важныя лица, дѣйствовавшія во имя Св. Духа. Наслѣдство, доставшееся епископамъ отъ пророковъ и дидакаловъ было очень значительно. Пророки и дидакалы были проповѣдниками въ общинахъ, они были наставниками въ „правдѣ и знаніи Господа“²⁾. Стать на мѣсто этихъ пророковъ и дидакаловъ, значило, — занять то видное положеніе, какое занимали вымиравшіе пророки и учителя. Эти послѣдніе были, какъ ихъ называли, глаголавшіе слово Божіе (Евр. 13, 7). Теперь такими должны были сдѣлаться епископы — съ исчезновеніемъ специфическихъ проповѣдниковъ. Они стали возмѣстителями „здраваго слова“ (Тит. 2, 8), чѣмъ доселѣ были пророки и дидакалы. Пророки и дидакалы, по своей идеѣ, не были проповѣдниками мѣстными; они принадлежали многимъ или всѣмъ церквамъ, почему они и были странствующими. Епископы, занявъ мѣсто этихъ лицъ, сами такимъ образомъ являлись вождями не одной своей церкви, а подобно пророкамъ и дидакаламъ представителями всей церкви. Положеніе вещей, положеніе, совершенно отъ личной воли епископовъ независимое, создавало условія, весьма благоприятныя для развитія ихъ авторитета.

¹⁾ „Ученіе 12-ти“, 15, 1.

²⁾ Ibid, 11, 2.

Они стали учить въ церкви, кѣкъ доселѣ это дѣлали пророки и дидакалы. Но спрашивается: развѣ раньше этого времени епископы не учили въ церкви? Апостоль Павелъ въ пастырскихъ посланіяхъ требуетъ отъ епископовъ учительности (1 Тим. 3, 2. Тит. 1, 9), но послѣдующая церковь не такъ строго настаивала на этомъ качествѣ. Это отчасти и понятно: институтъ апостоловъ, пророковъ и дидакаловъ, который существовалъ такое продолжительное время съ ихъ миссіею „глаголатъ слово Божіе“ — учить вѣрующихъ, — дѣлалъ не столь настоятельную потребность въ учительности епископовъ. Памятникъ: *Canoncs ecclesiastici*, заключающій въ себѣ извѣстія, рисующія положеніе Церкви конца II вѣка, говоря о требованіяхъ по отношенію къ епископу, замѣчаетъ: „если епископъ необразованъ (*ἀγγραμματος*), то онъ долженъ быть по крайней мѣрѣ кротокъ“¹⁾ и т. д. Подобнаго же рода замѣтку находимъ въ такъ пазываемыхъ Постановленіяхъ Апостольскихъ; здѣсь говорится: „да будетъ епископъ, если возможно, образованъ, а если онъ будетъ необразованъ (*ἀγγραμματος*), то да будетъ“ и пр. (Кн. II, гл. 1). Примѣры епископовъ, не имѣвшихъ никакого образованія, очень нерѣдки въ древнѣйшей Церкви. Слѣдовательно: если епископы, волею судьбы поставленные на мѣстѣ пророковъ и учителей, — съ тѣмъ вмѣстѣ начинаютъ дѣло новое для нихъ²⁾ — учить народъ, то въ этомъ послѣднемъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго и непредвидѣннаго³⁾. Къ сожалѣнію, мы мало знаемъ такихъ епископовъ, которые носили-бы на себѣ ясныя слѣды той перемѣны въ положеніи епископовъ, о которой у насъ рѣчь. Но однакожъ мы не лишены возможности привести примѣръ двухъ епископовъ II вѣка, которые жили на рубежѣ, отдѣляющемъ церковь съ пророками и дидакалами отъ церкви, въ которой мѣсто этихъ лицъ въ извѣстномъ отношеніи только-что

1) Harnack. Die Quellen u. s. w. S. 10.

2) Интересно, что по извѣстіямъ историковъ даже въ IV в. епископы римскіе не имѣли обычая проповѣдывать въ храмѣ. Cassiodorii. *Historia tripartita*, lib. IX, cap. 38—39.

3) *Сирская дидакалія* очень опредѣленно указываетъ, въ чемъ должно было выражаться „учительство“ епископа въ III вѣкѣ. Die syrische *Didascalia* übersetzt von Achelis. (S. 15—17). Leipz. 1904.

занято епископами. Разумѣемъ двухъ епископовъ Мало-Азійскихъ срединъ II вѣка: Поликарпа Смирискаго и Мелитона Сардійскаго, о которыхъ дается понимать въ источникахъ, что „они (по терминологіи *Διδαχῆ*) исполняли служеніе пророковъ“, хотя они несомнѣнно были епископами; о Поликарпѣ даже замѣчено, что онъ былъ не только пророкомъ, но и дидаскаломъ¹⁾.

Итакъ епископы, занявъ мѣсто прежнихъ пророковъ и дидаскаловъ, получили важное отличіе въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ они были до сихъ поръ. Они стали вождями христіанскихъ обществъ въ ученіи. Съ этихъ поръ, приблизительно съ конца II вѣка, первымъ предикатомъ епископскаго званія стало учительство. Постановленія Апостольскія, опредѣляя признаки епископа, на первомъ мѣстѣ ставятъ: онъ есть „служитель слова“ (II, 26). Вмѣстѣ съ этимъ епископы въ качествѣ наслѣдства отъ прежнихъ пророковъ и дидаскаловъ получили и многое другое, весьма важное. Если епископы впослѣдствіи стали называться „первосвященниками“, то это есть наслѣдіе отъ пророковъ, которымъ было усвоено это имя²⁾. Если съ конца II вѣка въ памятникахъ начинаютъ упоминать о кафедрахъ епископа и пресвитеровъ, то можно догадываться, что это та самая кафедра, на которой первоначально возсѣдали пророки и дидаскалы. Если въ памятникахъ такъ часто упоминается о начаткахъ, какъ законной принадлежности епископа, то изъ *Διδαχῆ* (гл. XIII) мы знаемъ, что начатки первоначально назначались для вознагражденія пророковъ (и дидаскаловъ).

Вотъ инвентаръ того наслѣдства, которое получили епископы по смерти пророковъ и дидаскаловъ.

Съ этимъ наслѣдствомъ епископы вскорѣ достигаютъ той высоты, на какой они и остаются въ церковной исторіи. Немного спустя Кипріанъ, описывая достоинство епископа, пишетъ: „Господь избралъ апостоловъ, т. е. епископовъ. Церковь утверждена на епископахъ. Единство (Церкви) предано отъ Господа чрезъ апостоловъ намъ, преемникамъ ихъ.

¹⁾ Евсевія. Церк. Исторія, IV, 15 ad fin; V, 24.

²⁾ „Они (пророки) первосвященники ваши“. *Ученіе 12-ти*, XIII, 3.

Ты долженъ знать, что епископъ въ Церкви и Церковь въ епископѣ, и кто не съ епископомъ, тотъ не можетъ быть и въ Церкви¹⁾ и т. д.

Всѣ эти опредѣленія епископской должности, какія мы исчислили и разъяснили выше, сами по себѣ не абсолютно новы: они—*explicite* или *implicite*—уже даны въ апостольскихъ писаніяхъ, но только они раскрывались путемъ практики въ теченіе исторіи и получили *здѣсь* свой должный смыслъ съ постепенностію.

Обращаемся къ исторіи діакона въ древнее время. Какъ не похожа судьба діаконѡвъ на судьбу епископѡвъ! Будучи родственны между собою вначалѣ, потомъ епископы и діаконы разошлись дорогами. Епископы высоко поднялись, а діаконы далеко остались позади. Отчего это зависѣло? Историческій процессъ не благопріятствовалъ развитію діаконата. Наслѣдіемъ, оставшимся отъ такъ называемыхъ харизматическихъ личностей (пророковъ и пр.), воспользовались лишь епископы, а на долю діаконѡвъ въ дѣйствительности почти ничего не пришлось. На вопросъ: отчего это зависѣло, получается тотъ отвѣтъ: діаконы, по различнымъ обстоятельствамъ, оторвались отъ своей связи съ епископатомъ — и потому наслѣдство отъ харизматическихъ учителей миновало ихъ рукъ. Случилось это весьма скоро. Въ памятникѣ: *Canones ecclesiastici*, относящемся по своему содержанію къ концу II вѣка, діаконъ является значительно сниженнымъ на іерархической лѣстницѣ. Здѣсь лица іерархическія исчисляются въ такомъ порядкѣ: епископъ, пресвитеръ, чтець, діаконъ²⁾. Діаконъ занялъ мѣсто не только ниже пресвитера, но и чтеца³⁾. Правда, діаконы впослѣдствіи поправились, повысились на одну степень въ іерархическомъ спискѣ, но во всякомъ случаѣ видно, что они сильно отстали въ

¹⁾ Кипріана. О единствѣ церкви. Отдѣльныя изреченія этого отца, касающіяся вопроса тщательно собраны у Harnack *Dogmengeschichte*. B. I, S. 311. Freib., 1888.

²⁾ Harnack. *Die Quellen* u. s. w. S. 57.

³⁾ Почему діакону такъ не посчастливилось въ концѣ II вѣка, это въ достаточной мѣрѣ раскрыто нами ниже, въ (IV) главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о церковномъ чтецѣ въ древности.

развитіи отъ епископата. Причинъ такого уничтоженія діаконовъ можно указать нѣсколько. Во-первыхъ, епископы, въ соотвѣтствіе апостольской заповѣди и въ виду потребностей времени, сдѣлались истолкователями слова Божія и христіанскаго ученія съ церковной кафедры. А это намного возвысило ихъ авторитетъ. Примѣру епископа хотя и не скоро послѣдовали пресвитеры: ранѣе III вѣка (напр., при св. Кипріанѣ) мы не знаемъ учащихся пресвитеровъ. Что же касается діаконовъ, то они остались въ сторонѣ отъ этой функціи въ первые три вѣка, отъ какихъ-бы причинъ это ни зависѣло. Такимъ образомъ діаконы отрывались отъ епископа, уступая мѣсто другимъ лицамъ. Ясно, что діаконамъ оставалось только занять слѣдующее низшее мѣсто. Къ указанной причинѣ присоединились и другія. Вмѣстѣ съ развитіемъ іерархіи появилось стремленіе въ церковномъ сознаніи — поставить новозавѣтную іерархію въ параллель съ ветхозавѣтнымъ священствомъ. Неправильно однакожъ было бы думать, что новозавѣтная іерархія развивалась подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ идей о священствѣ, какъ предполагаютъ иные протестантскіе ученые. Этого не было. Сначала новозавѣтная іерархія создавалась, а потомъ уже стали искать аналогій для нея въ іудействѣ. Вслѣдствіе этого послѣдняго стремленія стали уподоблять епископовъ — ветхозавѣтнымъ первосвященникамъ, пресвитеровъ — священникамъ, а діаконовъ — левитамъ¹⁾. А такъ какъ левиты имѣли неважное церковное значеніе, то подобная аналогія повела къ уничтоженію самого діакона. Далѣе, діаконы не долго удержались около церковной кассы въ качествѣ экономовъ, чѣмъ они были раньше, и не долго оставались помощниками епископа въ дѣлѣ распредѣленія церковныхъ средствъ между нуждающимися. Но какъ скоро это случилось, — а отношеніе ихъ къ церковной благотворительности, какъ мы знаемъ, очень возвышало діаконовъ, — послѣдніе превратились въ простыхъ помощниковъ высшихъ членовъ іерархіи при совершеніи богослуженія. Отъ такихъ-то причинъ произошло то, что діаконы не возвысились вмѣстѣ съ поднятіемъ значенія

¹⁾ Постановленія апостольск., кн. II, гл. 19. 25 (а і fin.).

епископа, а принуждены были занять невысокое мѣсто въ іерархіи.

Нельзя однако утверждать, что діаконы спокойно подчинились своему печальному жребію, забыли свое прежнее выгодное іерархическое положеніе, и отказались отъ всякихъ попытокъ подняться вслѣдъ за епископомъ въ своемъ авторитетѣ и правахъ. Исторія показываетъ противное. Діаконы не скоро забыли о томъ, что нѣкогда будущее рисовалось имъ въ болѣе привлекательныхъ чертахъ и что ихъ мечты были не безосновательны. Извѣстно: каждому жалко потерять свое. Въ теченіе всего III вѣка мы видимъ не мало фактовъ, которые показываютъ, что діаконы дѣлали смѣлыя попытки воротить потерянное значеніе — стать выше пресвитеровъ, которые оттѣснили ихъ отъ епископовъ. Замѣчательно, епископы, помня свое прежнее сродство съ діаконами, охотно помогали діаконамъ осуществлять ихъ попытки возвыситься, — и во всякомъ случаѣ не заботились о томъ, чтобы смирять ихъ и ограничивать. Такъ было впрочемъ главнымъ образомъ на Западѣ ¹⁾. На Востокѣ діаконы, повидимому, скоро и безропотно подчинились силѣ обстоятельствъ. На Западѣ же въ III вѣкѣ не рѣдкость встрѣчать такіе случаи, что діаконы, а не пресвитеры съ соизволенія епископа дѣлались самостоятельными блюстителями какого-либо прихода или мѣстечка ²⁾. Иные изъ этихъ уполномоченныхъ діаконовъ до того забывались и надмевались, что дерзали совершать божественную Евхаристію ³⁾, слѣдовательно присвоивали себѣ функціи пресвитера или епископа. Съ другой стороны на Западѣ встрѣчаемъ странные факты, когда самые пресвитеры какъ будто не считали себя вправѣ отличать себя отъ класса діаконовъ. Изъ писемъ свят. Кипріана видно ⁴⁾, что во время тяжкаго гоненія пресвитеры принимали на

¹⁾ Припомнимъ подобнаго рода попытку, наприм., діакона Фелициссима, столь извѣстнаго въ исторіи Кипріана Карфагенскаго.

²⁾ *Regentes plebem* назывались они въ Испаніи, будучи облачаемы папстырскою властію. Собора Эльвирскаго, пр. 77 (см. выше).

³⁾ Прав. 15 собора Арелатскаго (314 г.). Hefele. Conciliengeschichte. B. I. S. 213.

⁴⁾ Творенія его. Часть I. Письма. Русск. пер. Кіевъ. 1891. Фактъ отъѣченъ въ *Analekten Harnack'a: Hatch. Op. Cit.* S. 249.

себя исполненіе обязанностей діаконѣвъ. Изъ этого случая пожалуй даже можно дѣлать болѣе неожиданный выводъ, чѣмъ какой сдѣланъ нами. Если пресвитеры исполняли служеніе діаконѣвъ, то выходитъ, кажется что они ставили себя ниже діаконѣвъ: ибо временнымъ замѣстителемъ извѣстнаго должностнаго лица бываетъ низшій, а не высшій. Такой порядокъ вещей продолжался однакожь недолго. Въ началѣ IV вѣка какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ церковь принимаетъ мѣры для прекращенія самоволія діаконѣвъ и противъ мирволенія епископѣвъ къ этимъ послѣднимъ. На соборѣ Арелатскомъ 314 года составлено правило противъ несообразныхъ притязаній городскихъ діаконѣвъ, которые, пользуясь своею близостію къ епископамъ, позволяли себѣ очень много. Правило гласило: „діаконы въ городахъ не только надмеваются, но и присвояютъ честь пресвитерѣвъ, почему (опредѣлено) діаконы должны быть въ подчиненіи у послѣднихъ“ ¹⁾. Немного спустя Никейскій вселенскій соборъ составляетъ другое подробное правило, которымъ полагался предѣлъ вольностямъ и притязаніямъ діаконѣвъ. Вотъ это правило: „дошло до св. собора, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и городахъ діаконы преподаютъ св. причастіе пресвитерамъ, тогда какъ не предано, чтобы, неимѣющіе власти возносить тѣло Христова, предавали его возносящимъ. Также узнано и то, что нѣкоторые діаконы даже прежде епископѣвъ касаются св. причастія. Все это должно быть прекращено. Даже и сидѣть среди пресвитерѣвъ (вѣроятно, за богослуженіемъ) не дозволяется діаконамъ; ибо если это бываетъ, то вопреки правилу и порядку. Діаконы, — постановляетъ соборъ, — должны оставаться въ своихъ предѣлахъ, помня, что они служители епископѣвъ и ниже пресвитерѣвъ“ (Прав. 18). Въ этихъ послѣднихъ словахъ вселенскаго собора окончательно опредѣлено, какос мѣсто діаконъ долженъ занимать въ средѣ іерархіи. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ теченіе III-го вѣка ни на одномъ соборѣ не сдѣлано подобнаго яснаго опредѣленія, что діаконъ ниже пресвитера. Послѣ временъ Никей-

¹⁾ Прав. 18. Hefele. Op. cit. S. 214.

скаго собора на Востокъ не встрѣчаемъ случаевъ іерархической притязательности діаконовъ, если только подобные случаи раньше имѣли мѣсто здѣсь ¹⁾, такъ какъ можно думать, что правило никейское вызвано главнымъ образомъ лишь западными безпорядками. Что касается Запада, то тамъ и послѣ правила Никейскаго діаконы продолжали еще важничать и считать себя выше пресвитеровъ. Блаж. Іеронимъ въ одномъ изъ своихъ писемъ жалуется на то, что въ Римѣ діаконы за отсутствіемъ епископа, позволяли себѣ садиться между пресвитерами, и за столомъ осмѣливались преподавать благословеніе пресвитерамъ ²⁾. Безпорядки на Западѣ и внослѣдствіи не скоро прекратились, какъ это видно изъ правилъ западныхъ соборовъ V и VI вѣковъ.

III. Пресвитеры во времена глубокой древности.

При изученіи исторіи іерархіи, мы естественно встрѣтились съ вопросомъ о пресвитерахъ, ихъ происхожденіи, а также и положеніи ихъ въ древнѣйшія времена. А для разъясненія его обратились къ сочиненіямъ болѣе извѣстныхъ русскихъ канонистовъ, въ надеждѣ найти въ нихъ по крайней мѣрѣ руководственныя нити и нѣкоторыя указанія. Но къ сожалѣнію, намъ пришлось обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Начали мы просмотръ вышеуказанныхъ сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ. Раньше другихъ оказалось появившимся въ свѣтъ сочиненіе проф. Н. А. Заозерскаго, разумѣемъ его диссертацию на степень доктора церковнаго права, подъ заглавіемъ: „О церковной власти“ (Серг. Пос., 1894), въ которой находится не мало рѣчей о пресвитерствѣ древнѣйшаго, апостольскаго вѣка. Что такое за пресвитеры были въ эту пору? На этотъ вопросъ, не

¹⁾ Къ немалому удивленію, въ VI вѣкѣ, въ христіанской Нубіи встрѣчаемъ нѣкоего діакона (Посія) въ роли перваго лица въ епархіи послѣ епископа, — лица, стоявшаго во главѣ епархіальнаго управленія. (Проф. Розова. „Христіанская Нубія“, — *Труды Е. Д. Ак.*, 1889, т. II, 559). Полагаемъ, что на указанный случай нужно смотрѣть какъ на слѣдъ прежняго западно-латинскаго вліянія.

²⁾ Письмо къ Евангелу. Творен. его въ рус. перев. Т. III. 396.

обинуясь, авторъ отвѣчаетъ такъ: „Пресвитеры суть начальствующія лица въ данномъ мѣстномъ христіанскомъ обществѣ—*πρεσβυteres, ἡγούμενοι*: вѣрные должны по заповѣди апостольской подчиняться и покоряться имъ; они несутъ отвѣтственность предъ Богомъ о вѣреннѣхъ имъ душахъ; они *προϊσταμένοι* — предстоятели церкви, по отношенію къ которымъ вѣрные должны оказывать полное уваженіе и воздавать честь; они — *ποιμένες*, пастыри, руководящіе вѣрныхъ въ благочестіи и жизни, по заповѣдямъ Господнимъ и апостольскимъ; они *ἐπισκόποι*, блюстители вѣры и нравственности, они учителя, оглашающіе паству свою словомъ истины; они совершители христіанскаго богослуженія не только общественнаго но и частнаго, по требованію частныхъ членовъ паствы своей. Апостолы благовѣстники оставляютъ на нихъ (?) попеченіе и отвѣтственность за вѣрныхъ, поручая пастырской попечительности пресвитеровъ утвердить ихъ въ вѣрѣ и доброй жизни, отстранять отъ соблазновъ внутреннихъ и отъ инуду приходящихъ“. А затѣмъ авторъ формулируетъ свой взглядъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, предотвращая всякій поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ. „Должность пресвитеровъ (есть должность) епископовъ, пастырей и учителей — такъ характеризуется пресвитерское служеніе въ св. Писаніи. Новопросвѣщаемыя общины христіанскія въ нихъ получили руководителей, учителей и епископовъ“ (стр. 100—101).

Читатель, конечно, и самъ замѣчаетъ, что проф. Заозерскій какъ будто бы ужъ слишкомъ возвеличиваетъ своихъ пресвитеровъ, поставляя ихъ чуть ли не на одной и той же іерархической ступени съ ихъ высшимъ начальникомъ. Читатель не ошибается: авторъ простерся далеко за предѣлы надлежащаго ¹⁾. Его изображеніе пресвитерства апостольскаго

¹⁾ Самъ авторъ глубоко восчувствовалъ сіе, когда ему послѣ изображенія пресвитера пришлось описывать епископа, какъ должностное лицо апостольскаго вѣка. „Его“ епископъ оказался лишь вторымъ изданіемъ пресвитера, изданіемъ исправленнымъ, но не дополненнымъ, если не считать права хиротоніи, предоставляемаго авторомъ епископу, чего однакожъ, г. Заозерскій, утвердившись на своей точки зрѣнія, могъ бы смѣло и не дѣлать, раздѣливъ пополамъ это право между епископами и „своими“ пресвитерами, на основаніи греческаго текста: 14 ст. 4 гл. 1 Посл. къ Тим. Въ виду вышеуказаннаго неожиданнаго казуса, авторъ за-

вѣка очень мало соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Извѣстно, что кто слишкомъ много доказываетъ, тотъ ничего не доказываетъ. Это случилось и съ докторомъ церковнаго права, разсуждающимъ вопреки всякому праву.

Вся наша ближайшая рѣчь будетъ посвящена раскрытію вопроса о пресвитерахъ древности, а потому обязательно обращено будетъ наши вниманіе и на пресвитерство апостольскаго вѣка. Теперь же пока ограничимся лишь необходимыми замѣчаніями по поводу научной теоріи проф. Заозерскаго. Оставляемъ впрочемъ въ сторонѣ всѣ разсужденія его, а лишь разберемъ не кстати употребляемые имъ термины, несомнѣнно заимствованные изъ апостольскихъ писаній и характеризующіе апостольскій вѣкъ. Говоримъ о греческихъ словахъ, введенныхъ авторомъ въ вышеприведенную его рѣчь. Всѣ эти слова совсѣмъ не значать того, что они должны будто-бы означать, по волѣ проф. Заозерскаго.

Προεστώτες („начальствующие“: 1 Тим. 5, 17) не можетъ быть приложено къ пресвитерамъ, ибо нигдѣ въ апостольскихъ писаніяхъ пресвитеръ не называется „начальствующимъ“. Правда, въ разсматриваемомъ мѣстѣ къ слову этому прибавлено: „пресвитеры“, но подъ пресвитерами здѣсь нужно разумѣть епископовъ, ибо далѣе въ томъ же стихѣ о „начальствующихъ пресвитерахъ“ говорится, что они въ иныхъ случаяхъ съ особенною ревностію „трудятся, въ словѣ и ученіи“ (т. е. проповѣди); но несомнѣнный фактъ, что ни въ апостольское время, ни во второмъ вѣкѣ никто и никогда не предъявлялъ никакихъ требованій по части церковнаго учительства къ пресвитерамъ. Проф. Н. С. Суворовъ ¹⁾ говоритъ: „служеніе слова (церковное учительство) не было первоначально существенною принадлежностію должности пресвитерской“ (стр. 16). Этого замѣчанія по вопросу пока и довольно ²⁾. Не пресвитеры въ изучаемое

благоразсудилъ прикрыться ширмочкой изъ духовнаго Регламента Осеофана и привелъ отсюда такіа словеса: „дѣло убо епископа великое, но честь никаковая (?) почитай въ Писаніи знатная опредѣлена“ (Заоз., стр. 109).

¹⁾ Сочиненіе обозначимъ ниже.

²⁾ Ниже вопросъ будетъ выясненъ обстоятельно и убѣдительно.

нами время занимались церковнымъ учительствомъ, а харизматическіе учителя, составлявшіе характеристическую принадлежность первенствующей церкви, т. е. I и II вѣка ¹⁾). Надъ этимъ же дѣломъ должны были трудиться и епископы (Тит. 1, 9—11).

Ναοῦργενοι („наставники“: Евр. 13, 7). Это выраженіе ап. Павла не имѣетъ тоже никакого отношенія къ пресвитерамъ. „Наставники“ и суть наставники, т. е. учителя. Такъ какъ мы знаемъ одинъ классъ учителей, исключительно переданный наставническому дѣлу на первыхъ порахъ жизни церкви—это „харизматическіе учителя“; то къ нимъ и относится разсматриваемое изреченіе Павла.

Προϊστάμενοι („предстоятели“: 1 Θεσσαλ. 5, 12). Что такое предстоятели? Кто опредѣлитъ это съ точностію? Во всякомъ случаѣ тотъ погрѣшитъ, кто подъ предстоятелями будутъ разумѣть здѣсь пресвитеровъ. Если апостолъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ не говоритъ ни о епископахъ ни о пресвитерахъ, а неопредѣленно упоминаетъ предстоятелей; то простая логика требуетъ разумѣть здѣсь лишь высшихъ представителей іерархіи, епископовъ. Да и знаетъ ли проф. Заозерскій,—когда именно введенъ пресвитерскій институтъ въ церквахъ, образовавшихся изъ язычниковъ, обратившихся въ христіанство? Первое посланіе къ Θεσσαλονικійцамъ, по своему происхожденію относится къ 53 году, т. е. оно явилось очень рано въ исторіи дѣятельности ап. Павла; еще раньше, значитъ, возникла сама церковь Θεσσαλονικійская. А допускать очень раннее появленіе пресвитерскаго института въ церквахъ, образовавшихся изъ язычниковъ, у насъ нѣтъ и не можетъ быть основаній. Пресвитератъ, по его происхожденію, какъ это допускаетъ и проф. Заозерскій (стр. 98 — 99), могъ возникнуть первоначально лишь на почвѣ іудейской, точнѣе—іерусалимской, и не вдругъ могъ привиться на почвѣ языческаго народа. Есть всѣ основанія полагать, что институтъ пресвитерата здѣсь ввелся лишь къ концу дѣятельности ап. Павла; а въ болѣе раннихъ христіанскихъ общинахъ языческаго міра онъ не встрѣчался

¹⁾ См. объ этихъ учителяхъ выше, стр. 3—26.

еще. Припомнимъ, что ап. Павелъ, обращаясь съ посланіемъ къ церкви филиппійской и привѣтствуя ея представителей, упоминаетъ о епископахъ и діаконахъ (1, 1), но молчитъ о пресвитерахъ, вѣроятно потому, что ихъ въ этой церкви не имѣлось. Но возможно ли это дѣло, чтобы какая-либо церковь имѣла епископа или епископовъ, но лишена была пресвитеровъ? Дѣло очень возможное, какъ увѣряетъ въ этомъ св. Епифаній, епископъ Кипрскій. Принимая во вниманіе вышеуказанное мѣсто изъ посланія къ филиппійцамъ, св. отецъ пишетъ: „гдѣ не оказывалось человѣка достойнаго епископства, тамъ мѣсто оставалось безъ епископа; гдѣ же была нужда и были люди, достойные епископства, тамъ поставляемы были епископы. Такъ какъ народа было немного и изъ нихъ не кого было ставить во пресвитеры (а по древнему правилу, при епископѣ, замѣтимъ мы, ихъ всегда бывало нѣсколько), то довольствовались однимъ мѣстнымъ епископомъ. А безъ діакона епископу быть невозможно. Христіанская церковь тогда не получила еще полного устройства, отчего въ то время и было такое ея положеніе. Въ каждомъ дѣлѣ не сначала все есть, но съ теченіемъ времени все устрояется“¹⁾. Такимъ образомъ, открывается вѣроятность предположенія, что въ Θεσσαλονικійской церкви въ 53 году даже и совсѣмъ не было пресвитеровъ: вся іерархія ограничивалась епископомъ и діаконами при немъ²⁾.

¹⁾ Сочиненіе его: „Ο ερεσяхъ“. Ερесь 75, гл. 4 (въ русск. перев. твореній его, ч. 5).

²⁾ Нѣкоторыхъ лицъ, мало что знающихъ кромѣ догматики митр. Макарія, соблазняетъ то обстоятельство, что въ сейчасъ упомянутой церкви филиппійской было, по словамъ апостола, нѣсколько епископовъ; они разсуждаютъ, что въ одной церкви бываетъ только одинъ епископъ, и что въ данномъ случаѣ подъ именемъ „епископовъ“ нужно разумѣть пресвитеровъ. Но это не правда, что въ одной церкви можетъ быть одинъ епископъ. Приведемъ немногія доказательства. Въ *Λιδαχή των 12 ἀποστόλων* читаемъ: „поставляйте себѣ епископовъ и діаконъ“ (гл. XV, 1). Рѣчь обращена къ одной общинѣ или церкви. (См. ниже параллельное мѣсто въ Сал. Есс.). Въ парикіи Павла Самосатскаго (т. е. въ его епископскомъ округѣ), кромѣ него самого имѣлось на лицѣ нѣсколько хорепископовъ, т. е. деревенскихъ епископовъ (Евсевія. Церк. Исторія, кн. VII, гл. 30). Церковные историки допускаютъ случаи, когда въ христіанскомъ городѣ существовало два и болѣе епископовъ съ отдѣльными церковными общинами (Harnack. *Die Mission und Ausbreitung des Christentums*, S. 318. Leipz. 1902). Приведемъ извѣстный примѣръ: Каллистъ и Ипполитъ были одновременно епископами Рима, въ нач. III вѣка. Кстати замѣтимъ для просвѣ-

Ποιμὴν — „пастыри“. Проф. Заозерскій почему-то не сказываетъ, изъ какого апостольскаго писанія заимствовалъ онъ этотъ терминъ, будто бы характеризующій пресвитеровъ апостольскаго вѣка. Осмѣливаемся предположить, что въ разсматриваемомъ случаѣ проф. каноническаго права имѣетъ въ виду посл. къ Ефес. гл. 4, ст. 11. Но если наше предположеніе вѣрно, (а другого мы не можемъ сдѣлать), то должны сказать, что выраженіе это совсѣмъ не относится къ пресвитерамъ. Достаточно полностью привести этотъ стихъ посланія, чтобы исчезли всякія сомнѣнія въ рѣшеніи вопроса. Ап. Павелъ говорилъ: „Онъ (Христосъ) поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками¹⁾ иныхъ евангелистами, иныхъ *пастырями* и учителями“. Гдѣ здѣсь можно находить подтвержденіе мысли г. Заозерскаго, мы этого не знаемъ. Въ другихъ новозавѣтныхъ книгахъ выраженія: ποιῆν и ποιῶν (стадо) ясно и исключительно относится къ епископу и его паствѣ (1 Пет. 2, 25. Дѣян. 20, 28).

Разберемъ наконецъ послѣдній терминъ, который прилагаетъ г. Заозерскій къ пресвитерамъ апостольскаго вѣка, въ качествѣ ихъ характеристики. Это — ἐπίσκοποι („блюстители“: Дѣян. 20, 28). Г. Заозерскій, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ и утверждаетъ, что его пресвитеры были и назывались „епископами“. А по нашему мнѣнію, напротивъ: нигдѣ и никогда! Правъ проф. церковнаго права въ московскомъ университетѣ, Н. С. Суворовъ, когда рѣшительно говоритъ: „епископъ былъ вмѣстѣ и пресвитеромъ, но не наоборотъ“ (рѣчь идетъ о вѣкѣ апостольскомъ. Стр. 16). Профессора Заозерскаго увлекло то обстоятельство, что въ книгѣ Дѣяній въ гл. 20 передается содержаніе рѣчи апостола Павла къ

щенія критика, которому мы посвящаемъ это примѣчаніе (См. его статью: „Моск. Церк. Вѣд.“ 1903, № 24, стр. 345: подъ именемъ „епископовъ“ въ посл. къ Филип. уже потому нельзя разумѣть пресвитеровъ, какъ хочетъ протолковать критикъ послѣднія слова: къ Филип. 1, 1, что во всей древней христіанской литературѣ (1—2 в.) отысканъ до сихъ поръ лишь одинъ случай, гдѣ имя пресвитеровъ употреблено въ сочетаніи съ именемъ діаконовъ, безъ упоминанія наименованія: епископъ; разумѣемъ послан. св. Поликарпа Смирнскаго: гл. 5, ст. 3. Значитъ сочетаніе именъ: пресвитеры и диаконы — въ одной фразѣ не было обычно въ древности, являлось бы парадоксомъ.

¹⁾ Рѣчь у Павла въ обоихъ случаяхъ идетъ о такъ называемыхъ харизматическихъ „апостолахъ и пророкахъ“.

пастырямъ церкви, которыхъ апостолъ хотя и называетъ „епископами“, но которыхъ дѣписатель именуетъ лишь „пресвитерами“ (ст. 17). Нашъ русскій авторъ признаетъ болѣе точнымъ наименованіе, которое даетъ этимъ пастырямъ дѣписатель Лука, а наименованію, употребленному самимъ апостоломъ отказываетъ въ надлежащей точности. Но русскій канонистъ не правъ. Апостолъ держалъ рѣчь дѣйствительно къ епископомъ, а не пресвитерамъ, и называетъ этихъ пастырей ихъ настоящимъ именемъ. Если бы проф. Заозерскій подумалъ надъ словами апостола, съ какими онъ обращается къ пастырямъ, собравшимся въ Милетѣ (дѣло было именно здѣсь), то онъ понялъ бы, что съ выраженными при этомъ случаѣ порученіями Павелъ могъ обратиться только къ епископамъ; послѣдній внушалъ: „внимайте себѣ и *всему* стаду, въ которомъ Духъ св. поставилъ васъ епископами (блюстителями) пасти *церковь Господа* и Бога, которую Онъ *приобрѣлъ Себѣ кровію Своею*“ (20, 28). Спрашивается: если апостолъ такъ говорилъ къ пресвитерамъ, то что же еще онъ могъ бы сказать въ томъ же родѣ, обращаясь, по Заозерскому, къ епископамъ, этимъ высшимъ „пастырямъ“ и „блюстителямъ“ церкви Господней? Нѣтъ, здѣсь рѣчь обращена не къ пресвитерамъ, которыхъ можетъ быть въ это время еще и не существовало въ Ассійской провинціи, а къ настоящимъ епископамъ, которыхъ апостолъ безошибочно и называетъ принадлежащимъ имъ титуломъ: „епископы“. — Выше мы сказали, что проф. Заозерскій вмѣсто точнаго наименованія пастырей, собравшихся по приказанію апостола въ Милетѣ, вмѣсто наименованія, употребленнаго этимъ послѣднимъ: „епископы“, выбралъ менѣе точное, употребленное писателемъ книги Дѣяній въ отношеніи къ тѣмъ же лицамъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что вина съ г. Заозерскаго снимается, и возлагается на свящ. Дѣписателя. Нѣтъ вина полностью остается за однимъ лишь русскимъ профессоромъ. Дѣписатель въ своемъ историческомъ произведеніи *ни разу* не употребляетъ термина: епископъ. Этотъ терминъ для него какъ бы не существуетъ. Что же это значитъ? А значитъ это то, что св. Лука, по примѣру другихъ новозавѣтныхъ писателей, для обозначенія должности

епископской употребляетъ выраженіе: пресвитеръ, и это какъ въ разсматриваемомъ случаѣ, такъ и когда онъ говоритъ о рукоположеніи пастырей Павломъ и Варнавою для „каждой церкви“, а въ числѣ ихъ церквей Антіохійской, Иконійской и Листрійской (14, 23)¹⁾. Если бы мы пожелали согласиться съ г. Заозерскимъ и приняли его мнѣніе, что въ 20 гл. 28 ст. Дѣяній, говорится о пресвитерахъ; то первый христіанскій историкъ-Лука, являлся бы въ нашихъ глазахъ какимъ-то поборникомъ пресвитеріанской церкви, ибо разсматриваемое мѣсто Дѣяній есть, вѣдь, единственное, въ которомъ этотъ свящ. историкъ ясно говоритъ о епископахъ, какъ явленіи дѣйствительно существовавшемъ во времена апостольскія. Но этой опасности и не подозрѣваетъ нашъ профессоръ.

Попутно займемся такимъ вопросомъ. Но справедливо ли допускать, что во времена глубокой древности названія епископъ и пресвитеръ иногда смѣшивались, при чемъ первый назывался этимъ послѣднимъ именемъ? Не есть ли это протестантская выдумка? Ни чуть. Начнемъ съ новозавѣтныхъ писателей, изображавшихъ состояніе церкви апостольскаго вѣка. Ап. Петръ пишетъ: „пресвитеровъ вашихъ умоляю, я сопресвитеръ“ (1 П. 5, 1)²⁾. Безъ сомнѣнія, подъ пер-

¹⁾ Что здѣсь (Дѣян. 14, 23) рѣчь идетъ о епископахъ, а не о пресвитерахъ (хотя первые называются именемъ пресвитеровъ при этомъ случаѣ), это видно изъ того, что пастыри рукополагаются ап. Павломъ и Варнавою для „каждой церкви“, т. е. для церкви каждаго города (Ср. Тит. 1, 5). А для каждой городской церкви тогда ставились епископы, а не пресвитеры, ибо если бы для городскихъ церквей поставлялись пресвитеры, то епископовъ оставалось бы поставлять развѣ только для деревенскихъ церквей. То же самое видимъ и позже въ теченіе двухъ вѣковъ. Въ мысляхъ св. Игнатія частная церковь и христіанскій городъ отождествлялись, безъ сомнѣнія потому, что въ городѣ имѣлся епископъ (къ Римл. 9, 3). Описывая одно „видѣніе“, Ермъ рассказываетъ, что таинственную книгу изъ Рима посылають „внѣшнимъ городамъ“ (2, 4), конечно потому, что тамъ предсуществовали епископы. Игизиппъ, писатель конца II в. сказавъ, что онъ „бесѣдовалъ съ весьма многими епископами“, поясняетъ, что такъ было въ „каждомъ городѣ“, разумѣется христіанскомъ городѣ (Евсевія. Церк. исторія. Кн. IV, гл. 22). Эта истина составляетъ достоинство всѣхъ лучшихъ церковныхъ историковъ нашего времени. А. Гарнакъ разсуждаетъ: „если какой городъ не имѣлъ епископа (во II и III в.), то значить число христіанъ въ немъ — ничтожно“ (Die Mission und Ausbreitung des Christentums in der ersten drei jahrhund., S. 336).

²⁾ Въ русск. переводѣ слова: „пресвитеръ“ „сопресвитеръ“ переведены словами: „пастырь“, „сопастырь“; но это ужъ не переводъ, а комментарий. По словянски тѣ же слова переведены: „старцы“, „старецъ“. Все же это ближе къ оригиналу.

вымъ выраженіемъ Петръ разумѣтъ епископовъ, а не пресвитеровъ; ибо невозможно представить себѣ, чтобы апостолъ, получившій „ключи царствія“ въ наименованіи: сопресвитеръ уравнивалъ себя со второю степенью іерархіи, а не съ первой. Въ посланіяхъ ап. Павла наименованія: епископъ и пресвитеръ употребляются безразлично въ примѣненіи къ первой степени іерархіи. Такъ въ посланіи къ Титу, ап. Павелъ заповѣдавъ ему, чтобы онъ „поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ“ (1, 5), далѣе усвояетъ этимъ самымъ пресвитерамъ епископскую должность и названія (—7). Дѣло ясное, что именемъ пресвитеръ апостолъ въ данномъ мѣстѣ называетъ „епископа“. Но вообще и ап. Павелъ имя „епископъ“ употребляетъ очень рѣдко (въ посланіяхъ—къ филиппійцамъ: одинъ разъ—и въ двухъ т. н. Пастырскихъ посланіяхъ) ¹⁾. О св. Лукѣ, писателѣ книги Дѣяній мы уже подробно говорили, какъ о такомъ новозавѣтномъ писателѣ, который когда говоритъ отъ себя лично, а не приводитъ слова другого, употребляетъ лишь наименованіе: пресвитеръ, не взирая на то, идетъ ли рѣчь о епископахъ, или же пресвитерахъ на точномъ смыслѣ этого слова. Что касается остальныхъ священ. писателей, касавшихся въ своихъ писаніяхъ апостольскаго вѣка, то ни Іаковъ, ни Іуда, ни Іоаннъ не знаютъ и не употребляютъ имени: епископъ; при чемъ одинъ изъ нихъ не употребляетъ въ рѣчи и названіе: пресвитеръ. Нужно еще добавить, что и послѣдующая церковь довольно долго держалась того же правила, т. е. безпрепятственно, не смущаясь, употребляла наименованіе: пресвитеръ въ приложеніи къ дѣйствительному епископу. Св. Иринеи въ своемъ извѣстномъ сочиненіи нерѣдко упоминаетъ „пресвитеровъ въ (Малой) Азій“, разумѣя подъ ними епископовъ, наприм. Поликарпа Смирнскаго, Папія Іерапольскаго ²⁾. Климентъ Александрійскій съ своей стороны, пе-

¹⁾ По поводу I Тим. 5, 17 рѣчь была выше. Здѣсь прибавимъ развѣ только то, что дальнѣйшій стихъ (—19): „обвиненія на пресвитера не иначе принимай“, по тѣсной связи съ предшествующимъ (—17) безусловно относится къ тому же субъекту, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ послѣднемъ стихѣ.

²⁾ Zahn. *Forschungen zur Geschichte des neutestam. Kanons*. B. VI, S. 88. Leipz. 1900. (Въ статьѣ: *Die Presbyter in Asien nach Irenäus*).

редавая одинъ любопытный разсказъ о ап. Іоаннѣ и нѣкоемъ епископѣ, на разстояніи двухъ печатныхъ страницъ называетъ въ перемежку этого послѣдняго: сначала епископомъ (ἐπίσκοπος), потомъ пресвитеромъ, (πρεσβύτερος), а затѣмъ опять епископомъ (ἐπίσκοπε), а наконецъ еще разъ пресвитеромъ (ὁ πρεσβύτερος) ¹⁾.

Теперь рѣчь наша по поводу сужденій и характеристики проф. Заозерскимъ пресвитеровъ апостольскаго вѣка вполне закончена. Выводъ получается слѣдующій: „ни пастырями, ни учителями, ни епископами“ (?) отнюдь не слѣдуетъ признавать пресвитеровъ указаннаго вѣка въ томъ разумѣ, въ какомъ понимаетъ эти наименованія почтенный профессоръ.

Поэтому намъ приходится искать какихъ либо другихъ руководителей, которые, во имя своей спеціальности, открыли бы намъ правду или по крайней мѣрѣ указали бы къ ней путь.

Обращаемся къ сочиненію проф. Н. С. Суворова, подъ заглавіемъ: „Учебникъ церковнаго права“ (Москва, 1902) ²⁾. Послушаемъ: что-то скажетъ намъ названный профессоръ по вопросу о пресвитерахъ временъ глубокой древности? Къ сожалѣнію, онъ говоритъ по вопросу очень немного, а именно слѣдующее: „За семью лицами, избранными въ первой христіанской (іерусалимской) общинѣ для хозяйственной администратіи („пещись о столахъ“ для бѣдныхъ и вдовицъ), утвердилось въ позднѣйшей исторіи названіе діаконовъ, въ смыслѣ родоначальниковъ позднѣйшей діаконской должности, хотя въ книгѣ Дѣяній они не называются этимъ именемъ и, какъ видно изъ примѣровъ Стефана и Филиппа, они были апостольски-одаренными мужами, проходившими апостольское служеніе. Изгнаніе христіанъ изъ Іерусалима по смерти Стефана положило конецъ первоначальной организаціи (?) Іерусалимской общины, и должность 7-ми, въ первоначальномъ ея видѣ, прекратилась вмѣстѣ съ общеніемъ имуществъ (распоряженіемъ которыми и должны были заниматься тѣ 7). Когда же потомъ для христіанъ снова оказалось возможнымъ

¹⁾ Eusebii. Historia eccl. Lib. III, cap. 23.

²⁾ Изъ этой то книги мы раньше и приводили цитаты.

пребываніе въ Іерусалимѣ, мы находимъ тамъ *пресвитеровъ*, какъ наиболѣе престарѣлыхъ и почтенныхъ членовъ общины, завѣдывавшихъ между прочимъ и тѣмъ дѣломъ, которое раньше находилось въ рукахъ „7-ми, т. е. имущественною администраціею“ (стр. 15). Едва ли можно назвать ясными эти представленія о происхожденіи и свойствахъ первохристіанскаго пресвитерства. Можетъ быть, и краткость рѣчи тому виною. Приходится, прежде всего прояснить рѣчи нашего автора. Дѣло въ слѣдующемъ: не прошло и пяти лѣтъ со времени вознесенія Христа, какъ Іудеи подняли гоненіе на іерусалимскихъ христіанъ, во время котораго послѣдовала мученическая кончина Стефана; христіане должны были уйти изъ іудейской столицы; но когда гоненіе утихло, они снова возвратились сюда. Это было въ 35 году по Р. Хр.¹⁾. Тотчасъ по возвращеніи христіанъ въ Іерусалимъ у нихъ появляется церковь въ точномъ значеніи этого слова: по единоголосному свидѣтельству древнихъ христіанскихъ писателей, епископомъ въ Іерусалимѣ дѣлается св. Іаковъ, братъ Госнодень, подлѣ епископа и подъ его управленіемъ возникаетъ въ тоже время пресвитерскій институтъ—появляется значительное число пресвитеровъ²⁾. Теперь, кажется, ясно для насъ, что именно произошло въ Іерусалимѣ послѣ гоненія и возвращенія христіанъ обратно въ этотъ городъ. Но спрашивается: есть ли какая нибудь связь между учрежденіемъ 7-ми и прекращеніемъ этого учрежденія съ одной стороны, и видоизмѣненіемъ организаціи іерусалимской церкви съ появленіемъ въ ней пресвитерата, съ другой? Проф. Суворовъ усматриваетъ эту связь и нарочито отмѣчаетъ ее, мы же съ своей стороны никакой связи между указанными явленіями не находимъ. Ужъ не считаетъ ли онъ іерусалимскій пресвитератъ замѣной прекратившейся, по его словамъ, дѣятельности 7-ми (что, по его мнѣнію, случилось послѣ смерти Стефана)? Повидимому, да. Но въ такомъ случаѣ,

¹⁾ По счисленію Zahn'a: *Forschung*. В. VI, S. 359. Нужно впрочемъ замѣтить относительно хронологіи Цана, что онъ годомъ вознесенія Господа считаетъ 30 г. по Р. Хр., не отрицая однакожъ того, что общественное служеніе Христа продолжалось 3 года.

²⁾ *Ibidem*. S 359. 362.

мы должны сдѣлать слѣдующее возраженіе противъ него. По его, да и общему, мнѣнію, главнымъ дѣломъ 7-ми была, какъ выражается проф. Суворовъ, „хозяйственная администрація общины“. Пусть. Но развѣ пресвитеры первохристіанскихъ временъ занимались этимъ дѣломъ? Къ нашему удивленію, почтенный ученый такъ именно и думаетъ, увѣряя, что въ рукахъ пресвитеровъ, ставшихъ преемниками 7-ми, сосредоточилась и „имущественная администрація“. Но если такъ и было въ теченіе нѣкотораго времени въ іерусалимской общинѣ, въ доказательство чего можно приводить лишь одинъ случай (Дѣян. 11, 29—30), то это было какое то исключительное явленіе, потому что матеріальной стороной каждой христіанской общины завѣдывалъ преимущественно епископъ¹⁾.

Такимъ образомъ и проф. Суворовъ не даетъ никакихъ цѣнныхъ указаній по вопросу о пресвитерахъ глубокой древности. Видно, что вопросъ этотъ очень мало интересуетъ его. Вслѣдствіе этого, мы наконецъ рѣшились обратиться за руководствомъ къ недавно изданному сочиненію знаменитаго московскаго университетскаго проф. А. С. Павлова: „Курсъ церковнаго права“ (Серг. Пос., 1901). Это—посмертное изданіе лекцій названнаго ученаго. Къ сожалѣнію, это сочиненіе совсѣмъ не оправдало нашихъ надеждъ. Оказалось, что въ этомъ „Курсѣ“ нѣтъ и рѣчи о пресвитерахъ древности. Впрочемъ этого обстоятельства нельзя ставить въ вину покойному проф. церковнаго права. Посмертныя изданія всегда бываютъ съ дефектами.

Въ виду вышеуказаннаго положенія дѣла, остается намъ самимъ приняться за разрѣшеніе поставленнаго нами вопроса. Разумѣется, мы сдѣлаемъ лишь попытку къ рѣшенію, не претендуя на полное рѣшеніе задачи.

1) Какъ это раскрыто нами выше: „Взаимоотношеніе епископа и діакона“. Къ этому еще нужно добавить слѣдующее: изъ всей книги Дѣяній видно (см. ниже), что іерусалимскіе пресвитеры всегда дѣйствовали не раздѣльно отъ ихъ епископа—Іакова; а потому мы имѣемъ всѣ права утверждать, что и въ этомъ единственномъ случаѣ (11, 29—30), „пресвитеры“ упомянуты у свящ. лѣтописца одни (безъ наименованія ихъ епископа) только ради краткости рѣчи: подъ именемъ пресвитеровъ здѣсь разумѣется и ихъ епископъ, тѣмъ болѣе, что термина: епископъ св. Лука никогда не употребляетъ, замѣняя его всегда выраженіемъ: „пресвитеръ“.

Само собою понятно, прежде всего обратимся къ новозавѣтнымъ свидѣтельствамъ, относящимся къ вопросу о пресвитерахъ апостольскаго вѣка.

Если оставимъ въ сторонѣ всѣ тѣ свидѣтельства новозавѣтныя, въ которыхъ хотя упоминается о христіанскихъ пресвитерахъ, но въ которыхъ подъ именемъ этихъ послѣднихъ нужно разумѣть на самомъ дѣлѣ епископовъ (эти свидѣтельства выше рассмотрѣны и оцѣнены нами на основаніи ихъ содержанія и контекста), то научный матеріалъ нашъ, поскольку онъ извлекается изъ писаній апостольскаго времени, оказывается очень скуднымъ.

Сюда первѣе всего относится нерѣдкое упоминаніе въ книгѣ Дѣяній о пресвитерахъ іерусалимскихъ, во главѣ которыхъ стоялъ Іаковъ, въ качествѣ мѣстнаго епископа (11, 30; 15, 2. 4. 6. 22—23; 16, 4; 21, 18—25), хотя по извѣстной уже намъ причинѣ этотъ послѣдній нигдѣ у Дѣеписателя епископомъ не называется. Но изъ всѣхъ этихъ упоминаній о пресвитерахъ никакихъ интересныхъ и цѣнныхъ выводовъ сдѣлать нельзя. Приходится ограничиться лишь такими общими выводами: пресвитератъ іерусалимскій составлялъ тѣсно связанную корпорацію: пресвитеры эти дѣйствуютъ только сообща, и ни одинъ изъ нихъ не дѣйствуетъ единично на свой страхъ, или же въ качествѣ делегата отъ цѣлой корпораціи. Да и частнѣйшихъ проявленій воли пресвитерата, какъ корпораціи, мы не видимъ. Все дѣло ограничивается глухими ссылками Дѣеписателя на то, что въ томъ или другомъ случаѣ принималъ участіе іерусалимскій пресвитератъ ¹⁾. Отчего это такъ, постараемся уяснить впослѣдствіи.

Отъ пресвитеровъ требуются опредѣленные качества. Эти качества исчислены въ Посланіи ап. Павла къ Титу. Отъ

¹⁾ Во всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстахъ (за исключеніемъ 11, 30), пресвитеры іерусалимскіе представляются дѣйствующими въ совокупности съ епископомъ Іаковомъ, и никакое остроуміе не поможетъ рѣшить вопроса о роли, какую играли при этомъ пресвитеры. Съ несомнѣнностью можно утверждать одно: вездѣ, гдѣ проявлялась воля епископа іерусалимскаго, проявлялась и воля пресвитеровъ, но не на оборотъ.

пресвитеровъ (πρεσβύτεροι¹⁾): по-русски и славянски — „старцы“) требуется, чтобы они были „бдительны, степенны, цѣлому-дренны, здравы въ вѣрѣ, въ любви, въ терпѣніи“ (2, 2). Здѣсь подъ пресвитерами нельзя разумѣть епископовъ; это видно изъ того, что требованія, какимъ долженъ удовле-творять епископъ подробно исчислены апостоломъ выше (1, 6—9). Да и требованія, выражаемая въ изучаемомъ мѣстѣ, не одинаковы съ тѣми, какія предъявлялись къ епископамъ. Правда, могутъ сказать намъ, что здѣсь просто даются на-ставленія для старцевъ, а не для пресвитеровъ. Но это не идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ мнѣніемъ, ибо пресвитеры потому такъ и назывались, что въ древности они избира-лись изъ стариковъ, какъ это яснѣе станетъ для насъ впо-слѣдствіи²⁾. Равно вполнѣдствіи же при изученіи позднѣй-шихъ памятниковъ (напр. II—III вѣка) уяснится для насъ, какой особый смыслъ имѣли тѣ требованія, которыя предъявлялись къ пресвитерамъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ посланія Павла къ Титу.

Предписываются, чтобы пресвитеры пользовались уваже-ніемъ и избавлены были отъ оскорбленій. „Старца (πρεσβύτερον), говорится въ посланіи къ Тимоѳею, — не укоряй, но увѣ-щавай (точнѣе по-славянски: „но утѣшай), какъ отца“ (1 Тим. 5, 1). Что здѣсь рѣчь идетъ о пресвитерахъ, это видно (помимо самаго наименованія) изъ того, что рѣчь объ этихъ „старцахъ“ у апостола ведется тотчасъ послѣ того, какъ онъ окончилъ изложеніе наставленій, имѣвшихъ отношеніе къ дѣлу епископа (4, 11—16, т. е. до конца главы). Ува-женіе къ пресвитерамъ, по древнѣйшимъ христіанскимъ уста-вамъ, дѣйствительно составляло самую характеристическую черту въ отношеніяхъ всѣхъ вѣрныхъ къ этому институту. Эту черту очень мѣтко выражаетъ одинъ западный ученый въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „епископа слушались, а

¹⁾ Здѣсь употреблено слово это вмѣсто: *πρεσβύτερος*, вѣроятно для большей раздѣльности мысли, ибо выше (1, 5) апостолъ употребляетъ выра-женіе: *πρεσβύτεροι* въ значеніи епископовъ.

²⁾ А пока приведемъ слова проф. Цана, который говоритъ: „пресви-теры въ древней церкви были сплошь (durchweg) старики“. *Forschungen*. В. VI, 85.

пресвитера уважалъ“¹⁾). Эти слова впрочемъ составляютъ воспроизведеніе одного древнѣйшаго свидѣтельства. Св. Климентъ римскій писалъ къ коринѳянамъ: „повинуйтесь предводителямъ (пожалуй точнѣе: наставникамъ, ибо употреблено слова: τοῖς ἡγουμένοις) и воздавайте должную честь (τιμὴν τὴν καὶ ἡκούσαν) пресвитерамъ“ (1 Кор. 1, 3). Выраженіе: „должную честь“, по точному его значенію въ оригиналѣ указываетъ, что такое уваженіе къ пресвитерамъ основывалось на томъ, что эти лица выбирались изъ лицъ преклонныхъ лѣтъ—старцевъ; а въ древности старость почиталась достойною почтенія.

Кромѣ вышеприведенныхъ, по нашему мнѣнію, въ новозавѣтныхъ писаніяхъ есть еще только одно свидѣтельство, прямо относящееся къ пресвитерамъ. Разумѣемъ извѣстныя слова изъ посланія св. Іакова: „болить ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавъ его елеемъ, во имя Господне“ (5, 14) и т. д. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что пресвитеры, упомянутые въ данномъ случаѣ, названы: „пресвитерами церкви“²⁾). Не указываетъ ли это выраженіе на то, что въ церкви того времени существовало два класса пресвитеровъ: просто пресвитеры, т. е. лица достоуважаемые ради своей старости и опытности, и пресвитеры „церковные“, т. е. лица, принадлежація къ составу іерархіи? Дѣло очень возможное. Обратите вниманіе: терминъ: пресвитеры церковные употребляетъ тотъ самый Іаковъ, который былъ первымъ іерусалимскимъ епископомъ, хотя не по названію, но по чину. А онъ, этотъ лучший знатокъ церковныхъ дѣлъ въ Іерусалимѣ, бывшій предсѣдателемъ, выразимся такъ, мѣстнаго пресвитерія³⁾ разумѣется не сталъ бы употреблять этого выраженія, если этимъ по-

¹⁾ Zahn. Op. cit. S. 87.

²⁾ Правда это выраженіе встрѣчается и въ *Дѣян.* 20, 17; но оно, какъ мы знаемъ, означаетъ здѣсь епископа. Во всякомъ случаѣ пріоритетъ въ употребленіи разсматриваемаго выраженія принадлежитъ Іакову.

³⁾ Сколько извѣстно, въ кн. *Дѣяній* это слово (*πρεσβυτέριον*) не употребляется по отношенію къ христіанскимъ пресвитерамъ, а лишь по отношенію къ старѣйшинамъ (пресвитерамъ) іудейскимъ или, что тоже, къ синедріону (*Дѣян.* 22, 5. *Сл. Лук.* 22, 66).

слѣднимъ не обозначалось дѣйствительнаго различія простыхъ пресвитеровъ отъ „церковныхъ“. Безъ сомнѣнія, различіе между этими двумя классами въ то время заключалось въ томъ, что просто пресвитеры были опытными совѣтниками Іакова, какъ предстоятеля іерусалимской церкви, а пресвитеры „церковные“, кромѣ того были лицами, совершавшими богослужебныя дѣйствія, напр. сопровождаемое молитвами помазаніе больныхъ ¹⁾). Долго ли продолжалось такое дѣленіе пресвитеровъ на два класса—мы не имѣемъ свѣдѣній.

Во всѣхъ исчисленныхъ и разсмотрѣнныхъ нами свидѣтельствахъ апостольскаго времени нѣтъ, какъ видимъ, никакого указанія на то: да какъ же произошло учрежденіе должности пресвитеровъ? Обыкновенно думаютъ, что пресвитерскій институтъ — дѣло идетъ при этомъ, конечно, о пресвитерахъ Іерусалимскихъ—возникъ подъ вліяніемъ іудейскихъ учреждений подобнаго же рода съ ихъ старѣйшинами, архисинагами, герусіархами, а также подъ вліяніемъ іудейскихъ общинныхъ обычаевъ ²⁾). Но какъ же именно и когда это произошло—отвѣта не слышимъ. Вѣдь вліяніе однихъ учреждений на другія совершается обыкновенно очень медленно; а между тѣмъ въ Іерусалимѣ мы находимъ пресвитерій съ предсѣдателемъ уже въ 35 г. по Р. Хр., слѣдовательно на пятомъ году по Вознесеніи. Какъ же образовался этотъ христіанскій пресвитерій съ его предсѣдателемъ? Намъ кажется, дѣло произошло очень просто. Когда іудеи порвали связь съ христіанами и даже воздвигли на нихъ гоненіе, то христіане іерусалимскіе остались, такъ сказать, безъ начальства: синедріонъ пересталъ ихъ считать своими чадами; въ виду этого христіанамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ уста-

¹⁾ Ниже мы будемъ имѣть случай упомянуть, какъ о томъ, почему изъ всѣхъ дѣйствій богослужебныхъ у св. Іакова упомянуто лишь одно это, а такъ же сказать и о томъ, почему не указано ни здѣсь, ни при другихъ случаяхъ въ Новомъ Завѣтѣ объ участіи пресвитеровъ апостольскаго вѣка въ общественномъ богослуженіи.

²⁾ Такъ думаютъ не только иностранные ученые (Hatch. Die Gesellschaft - verfassung d. christl. Kirchen in alterthums. S. 54—5. Giessen. 1883), но и русскіе, наприм. профф. Заозерскій, стр. 98—100, и Суворовъ, 15. Исключеніе представляетъ лишь г. Полянскій, авторъ сочиненія: „1 посланіе ап. Павла къ Тимоѣ. Опытъ“ и т. д. (Серг. Пос. 1897), который отвергаетъ эту теорію (стр. 168), но это лишь излишнее усердіе.

новить у себя свое начальство: такъ они и сдѣлали. Образца исвать не приходилось. Іудейскій синедріонъ былъ на лицо. Копію съ него и представлялъ іерусалимскій пресвитерій. Въ составъ этого синедріона входилъ во 1) ὁ ἀρχιερεὺς, во 2) τὸ πρεσβυτέριον. (Дѣян. 22, 5). Сообразно съ этимъ образцомъ тотчасъ по прекращеніи іудейскаго гоненія, христіане завели у себя: а) архіерея — первосвященника, возведя въ это достоинство св. Іакова брата Господня ¹⁾, разумѣется при ближайшемъ участіи 12-ти апостоловъ; б) пресвитерій, пресвитеровъ, поставивъ въ это достоинство, по примѣру поставленія 7-ми, рукою же апостоловъ лицъ старшихъ лѣтами и опытнѣйшихъ христіанъ. Въ составъ новаго пресвитерія, конечно, вошли и іудейскіе священники, обратившіеся ко Христу (Дѣян. 6, 7). Неудивительно послѣ этого, что пресвитерій въ Іерусалимѣ имѣлъ наиблагоустроеннѣйшій видъ; здѣсь находились всѣ элементы для его созданія ²⁾.

Обратимся къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ свидѣтельствъ послѣ—апостольскаго вѣка.

Въ нашемъ вопросѣ имѣютъ большое значенія извѣстія о пресвитерахъ, находимыя въ посланіяхъ Игнатія, епископа Антиохійскаго, хотя эти извѣстія, къ сожалѣнію, тоже немногочисленны. Но за то эти свидѣтельства писателя, скончавшагося въ самомъ началѣ II вѣка и жившаго въ I вѣкѣ, очень важны. Прежде всего изъ этихъ посланій видно, что во время его жизни пресвитерскій институтъ въ странахъ Малоазійскихъ достигъ полнаго развитія и былъ здѣсь очень

¹⁾ Не даромъ въ писаніяхъ апостольскихъ Іаковъ нигдѣ не называется епископомъ. Правда онъ нигдѣ не называется и первосвященникомъ, но за то древніе христіане считали его своимъ первосвященникомъ, ибо они говорили, что будто онъ носилъ на головѣ на кидарѣ золотую дицицу, подобно ветхозав. первосвященнику, и будто бы имѣлъ право входить во святая (святыхъ). (Евсевія. Церк. истор. II, 23. Св. Епифанія. Ересь. 75, гл. 14).

²⁾ Проф. А. Гарнакъ думаетъ, что въ Пастырскихъ посланіяхъ Павла нѣтъ указанія на должность пресвитера (Die Lehre der zwölf Apostel. S. 112. Leipz. 1884). Но если бы это было справедливо, то мы должны были бы утверждать, что въ апостольскихъ писаніяхъ, касающихся церкви изъ среды обращенныхъ язычниковъ, вообще не существуетъ свидѣтельства о бытіи и должности пресвитеровъ въ апостольскихъ церквахъ, возникшихъ среды языческаго міра. Однакожъ, мы старались нѣсколько выше показать, что это едва ли справедливо. Ту же мысль мы надѣемся подтвердить и сейчасъ.

распространенъ. Св. Игнатій уже говоритъ о „боголѣпномъ пресвитеріѣ“ (къ Смирнян. гл. 12), „достопауномъ пресвитеріѣ“. (Къ Ефес., гл. 4). Изъ этихъ словъ мужа Апостольскаго видно, что пресвитерскій институтъ въ Смирнѣ и Ефесѣ и другихъ странахъ Малоазіатскихъ, а равно и въ Антиохійскомъ округѣ, гдѣ былъ епископомъ Игнатій, имѣлъ къ началу II в. вполне благоустроенный видъ. II едва ли кто станетъ спорить противъ того, что пресвитерство здѣсь получило развитіе не вдругъ, въ какіе-нибудь 30 лѣтъ по смерти ап. Павла, насадителя здѣшняго христіанства, но что безъ сомнѣнія оно выросло здѣсь изъ прочныхъ корней, насажденныхъ еще ап. Павломъ и его сотрудниками. Есть всѣ основанія предполагать, что быстрому развитію здѣсь пресвитерства много помогъ ап. Іоаннъ, поселившійся послѣ 66 года въ Ефесѣ: этотъ апостольскій прекрасно былъ знакомъ съ пресвитерскимъ институтомъ въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ жилъ до сейчасъ указаннаго времени, — и содѣйствовалъ его укрѣпленію въ Ефесѣ и сосѣднихъ городахъ. — Въ посланіяхъ Игнатія нигдѣ не говорится объ отдѣльныхъ пресвитерахъ, или пресвитерѣ въ единственномъ числѣ. Вездѣ здѣсь они представляются (какъ и въ книгѣ Дѣяній) крѣпко сплоченной организаціею, строго — опредѣленною корпораціею. Образцомъ устройства пресвитерія въ Малоазіатскихъ и Сирійскихъ церквахъ, безъ сомнѣнія, служило пресвитерство іерусалимское, которое и въ географическомъ отношеніи было близко къ этимъ церквамъ. Игнатій, разсматривая пресвитерію, какъ корпорацію, называетъ его „прекрасносплетеннымъ вѣнцомъ“ (къ Магнез., гл. 13). Еще опредѣленнѣе корпоративность устройства пресвитеровъ обозначаетъ тотъ же Игнатій, когда многократно сравниваетъ ихъ съ ликомъ апостоловъ, конечно 12-ти. Въ посланіи къ Тралійцамъ, (гл. 2) онъ сравниваетъ ихъ съ „апостолами Іис. Христа“, въ томъ же посланіи онъ называетъ ихъ „собраніемъ (συνεδρίον) Божіимъ и сонмомъ (συνδεδρυμένον) апостоловъ“ (гл. 3). Въ посланіи къ Магнезійцамъ онъ же говоритъ, что „пресвитеры занимаютъ мѣсто лика апостоловъ“ (εἰς τὸν τοῦ συνεδρίου τῶν ἀποστόλων) (гл. 6). По всему этому видно, что пресвитеры дѣйствовали сообща, коллегі-

ально, по примѣру христіанскаго пресвитерія въ Іерусалимѣ¹⁾. Въ посланіяхъ Игнатія, а отчасти и въ посланіи св. Поликарпа указываются и другія стороны въ положеніи пресвитеровъ того времени. Поликарпъ перечисляетъ нравственныя качества, которыми должны отличаться пресвитеры. По сужденію его, они должны быть „благосерды, милостивы ко всѣмъ, обращать заблуждающихся, посѣщать всякаго немощнаго (больного), воздерживаться отъ всякаго гнѣва, лицепріятія“. (Къ Филип. гл. 6). Положимъ, что эти требованія, съ перваго взгляда, могутъ казаться общими и малохарактеристическими; но вглядываясь въ нихъ ближе, находимъ, что они очень приличны старцамъ: стариковъ обыкновенно представляютъ мягкими, уступчивыми, кроткими. Съ этой точки зрѣнія всѣ перечисленныя качества умѣстны, когда рѣчь идетъ о пресвитерахъ, этихъ лицахъ, которыя дѣйствительно въ тѣ времена были возраста преклоннаго. Въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ есть ясное указаніе на отношеніе пресвитеровъ къ епископу. По словамъ Игнатія, они должны повиноваться ему, помня Отца небеснаго, епископа надъ всѣми; при этомъ дается знать, что хотя они и стары, но это не можетъ освобождать ихъ отъ повиновенія епископу, хотя бы послѣдній былъ и молодъ по возрасту (Игн. къ Магnez., гл. 3). Здѣсь указаны черты, которыхъ раньше мы не встрѣчали: указывается на то, что пресвитеры были лицами престарѣлыми въ отличіе отъ епископа, который могъ быть и очень молодъ. Далѣе: здѣсь впервые выражается требованіе, чтобы пресвитеры „повиновались“ епископу. Положимъ, требованіе это не совсѣмъ ново. Мы раньше видѣли, что пресвитератъ іерусалимскій очень точно слѣдовалъ волѣ предсѣдателя-епископа (Іакова). Но до сихъ поръ это отношеніе пресвитеровъ къ епископу не было точно сформулировано: держалось оно практикой. А теперь онъ опредѣленно выражено. И съ этой стороны оно составляетъ новую черту въ исторіи пресвитерія.

¹⁾ Интересно, что Игнатій, говоря о пресвитерахъ своего времени, употребляетъ выраженія: *συνέδριον*, *πρεσβυτέριον*, т.-е. тѣ самыя, какія встрѣчаются въ книгѣ *Дѣяній* при описаніи собранія старѣйшинъ іудейскихъ, по образцу котораго, какъ мы сказали, сложился пресвитератъ іерусалимской церкви.

Довольно любопытнаго представляютъ отношенія вѣрующихъ къ пресвитерамъ. какъ они рисуются въ посланіяхъ св. Игнатія и св. Поликарпа. Св. Игнатій требуетъ со стороны вѣрующихъ почтенія къ пресвитерамъ. „Всѣ почитайте пресвитеровъ“, говоритъ онъ (Тралл., гл. 3). Тотъ же писатель требуетъ отъ нихъ повиновенія пресвитерамъ. Онъ пишетъ: „повируйтесь пресвитерамъ, (пресвитерію, τῷ πρεσβυтеріῳ), какъ апостоламъ Ис. Христа“. (Тамъ же, гл. 2. Къ Магн. гл. 2).¹⁾ Вѣрующіе должны брать примѣръ въ жизни не только съ епископа, но и пресвитеровъ. Св. Игнатій внушаетъ: „всѣ послѣдуйте... пресвитерію, какъ апостоламъ“ (къ Смирн., гл. 8). Всѣ подобнаго рода предписанія показываютъ, что Игнатій и Поликарпъ смотрѣли на пресвитеровъ, какъ на лицъ, облеченныхъ значительнымъ церковнымъ авторитетомъ.

Изъ функций пресвитеровъ въ посланіяхъ мужей апостольскихъ отмѣчена лишь одна. Именно, право суда надъ вѣрующими. Св. Поликарпъ, признавая это право за пресвитерами, увѣщаетъ послѣднихъ избѣгать „неправедности на судъ“ и не быть „жестокими на судъ“, „ибо всѣ мы — разсуждаетъ Поликарпъ, находимся предъ очами Господа Бога, каждый изъ насъ долженъ предстать предъ судилище Христова и каждый за себя дать отчетъ“ (гл. 6). Черта, здѣсь указываемая, не есть что-либо случайное въ дѣятельности пресвитеровъ. Какъ увидимъ ниже, судъ надъ вѣрующими составлялъ одну изъ существенныхъ обязанностей древнѣйшаго пресвитерата. А пока теперь сошлемся на одно параллельное мѣсто, находящееся въ памятникѣ II вѣка и удостоверяющее въ справедливости сейчасъ выраженной мысли. Въ апокрифѣ, извѣстномъ подъ именемъ Климентинъ, говорится: „кто изъ вѣрующихъ имѣетъ тяжбу, тѣ не должны съ своими жалобами обращаться къ гражданскому суду, но должны всегда судиться у пресвитеровъ и обязаны безпрекословно подчиняться ихъ приговору“ (Clement. (въ началѣ). Epistola Clem. ad Iakob. (брату Господню).

¹⁾ Тоже правило встрѣчаемъ въ наставленіяхъ Поликарпа (гл. 5).

Вотъ то немногое, что сообщаютъ намъ писанія мужей апостольскихъ касательно пресвитерата на Востокъ до половины II вѣка.

Изъ всего вышеизложеннаго открывается, что пресвитерскій институтъ раньше всего возникъ и сложился въ іерусалимской церкви. Отсюда онъ не быстро распространился въ странахъ Сиріи и Малой Азіи: въ концѣ жизни апостола Павла онъ начинаетъ дѣйствовать здѣсь, но окончательно слагается послѣ его смерти, къ концу перваго вѣка, нужно полагать, не безъ участія ап. Іоанна, долго жившаго въ Ефесѣ. Что касается Запада, то тамъ этотъ институтъ, вѣроятно, развивался медленно. Въ посланіи Климента римскаго къ коринѳянамъ, хотя и упоминается о пресвитерахъ (гл. 1, 3; 3, 3; 21, 6; 44, 6), но, кажется, не римскихъ, а коринѳскихъ; тѣмъ не менѣе изъ того тона, которымъ говоритъ о пресвитерахъ римскій епископъ, видно, что ему хорошо былъ извѣстенъ этотъ институтъ. Св. Іустинъ въ своей апологѣ (ок. 150 г.), при описаніи литургіи, какъ она совершалась въ Римѣ, почему-то не упоминаетъ о пресвитерахъ (гл. 67); можетъ быть, это зависитъ отъ большой краткости, съ какою Іустинъ описываетъ литургію въ своемъ произведеніи. Но за то у Эрма, въ его „Пастырѣ“ встрѣчаемъ очень опредѣленное указаніе на пресвитеровъ, которые имѣли право сидѣть по правую сторону (епископа? при богослуженіи?); о нихъ почему то еще замѣчается, что они „имѣютъ нѣкоторую честь“ (δόξαν ἔχειν)¹⁾. Изъ того обстоятельства, что въ источникахъ, касающихся западной (латинской) церкви конца I-го и до половины II вѣка, очень мало говорится о пресвитерахъ въ ней, можно, кажется, вывести то заключеніе, что на Западѣ пресвитератъ сформировался позднѣе, чѣмъ на греческомъ Востокѣ. Это отчасти и понятно: исходною точкою развитія пресвитерскаго института служилъ Іерусалимъ; поэтому, чѣмъ христіанская страна лежала дальше отъ этого города, тѣмъ медленнѣе проникалъ туда этотъ институтъ; а такъ какъ Римъ былъ

¹⁾ Видѣніе III, гл. 1—2. (Слич. Видѣн. II, гл. 4). Сочиненіе Эрма относится по своему происхожденію къ 140 году, но нѣкоторыя части его древнѣе глѣтъ на 20 (Нагск).

дальше отъ Іерусалима, чѣмъ Антиохія, Смирна и другіе Малоазіатскіе города, то Западъ, вѣроятно, не очень быстро пересаживалъ на свою почву іудео-христіанскій пресвитеръ.

Сознаемся, что изъ всего прежде изложеннаго еще недостаточно уясняется существо, свойства, и въ особенности функціи христіанскаго пресвитерата. Виноваты въ этомъ источники, изъ которыхъ намъ приходилось черпать наши свѣдѣнія. Къ счастью, другіе источники, нѣсколько позднѣйшіе по сравненію съ прежде разсмотрѣнными, но все же рисующіе намъ положеніе пресвитерата древнѣйшей эпохи въ его жизни, болѣе богаты извѣстіями по нашему вопросу и позволяютъ намъ дополнить и значительно уяснить ту картину, которую не совсѣмъ успѣшно рисовали мы до сихъ поръ. Такими болѣе отрадными источниками мы считаемъ во 1-хъ *Canones ecclesiastici* („церковныя правила“) неизвѣстнаго происхожденія, но возникшія приблизительно въ 70—90 годахъ II вѣка ¹⁾), вѣроятно въ какой-нибудь церкви сирійской ²⁾); памятникъ этотъ, сколько знаемъ, еще никѣмъ не былъ утилизovánъ въ русской литературѣ въ интересѣ изученія древнѣйшаго пресвитерата ³⁾. Во 2-хъ, „Правила Ипполита“, епископа римскаго или точнѣе антипапы. Памятникъ начала III вѣка. Это совершенно дѣйстви́тельный памятникъ, ни одна дерзновенная рука русскаго изслѣдователя не касалась его; а между тѣмъ онъ безпримѣрно любопытенъ и по нашему вопросу ⁴⁾.

¹⁾ Памятникъ этотъ въ греческомъ оригиналѣ съ нѣмецкимъ переводомъ и комментариемъ, упомянуть кстати—изданъ трудолюбивымъ Гарнакомъ въ книгѣ: *Die Quellen der sogenan. apostolischen kirchenordnung* (Leipz. 1886).

²⁾ Такъ думаетъ проф. Funk. *Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen* B. II, S. 251. Paderborn, 1899.

³⁾ Заслуживаетъ упоминанія слѣдующій фактъ: въ знаменитомъ памятникѣ *διδασκ.* 12 *Αποστ.* нѣтъ ни слова о пресвитерахъ, хотя въ немъ обстоятельно говорится о епископахъ и діаконахъ и хотя онъ современенъ „*Canonicus*“. Гарнакъ старается объяснить этотъ фактъ, но его объясненіе недостаточно (Lehrs... S. 142).

⁴⁾ „Правила Ипполита“ отпечатаны въ книгѣ: Achelis. *Die canones Hippolyti* (Die ältesten Quellen des orientalischen kirchenrechtes) Leipz. 1891. Такъ какъ памятникъ этотъ у насъ неизвѣстенъ, то считаемъ нужнымъ сдѣлать о немъ слѣдующія замѣчанія на основаніи книги *Achelis*. Въ заголовкѣ правилъ Ипполита именуется патріархомъ или архіепископомъ г. Рима (S. 212). Правила эти очень рано были переведены съ греческаго на

Войдемъ въ разсмотрѣніе содержанія этихъ памятниковъ. Конечно, начнемъ съ перваго изъ нихъ. Въ Синопез ессезіастісі требуется, чтобы пресвитеры были „покорливы“ по отношенію къ епископамъ (13. 32) ¹⁾. Черта эта не нова. Но интересно то, что рядомъ съ этимъ они—пресвитеры—называются „сотайниками и соратниками епископа“. Выраженія эти указываютъ на то, что они были лицами достопочтенными, подлинными помощниками епископа (12—13. 35). И дѣйствительно наприм. діаконы, обязанныя надзирать за больными, обо всемъ, что нужно было въ этой сферѣ, обязаны были докладывать пресвитерамъ (23). Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить это церковно-общественное право пресвитеровъ, нужно взять во вниманіе, что это право потомъ переходитъ отъ нихъ къ епископу (37). Какъ и отъ кого поставлялись пресвитеры, въ памятникѣ ничего не сказано. Но зато интересны требованія, какія предъявляются здѣсь пресвитерамъ. Въ то время, какъ о возрастѣ, въ какомъ епископъ возводится въ должность, въ памятникѣ ничего не сказано, о пресвитерахъ прямо говорится, что они должны быть „престарѣлыми“ лицами, т.-е. должны быть избираемы изъ стариковъ (11. 33). Вотъ яснѣйшее свидѣтельство древности, показывающее, почему пресвитеры получили это свое названіе. Не даромъ позднѣе блаж. Іеронимъ, проводя разграничительную черту между пресвитерами и епископами, говорилъ: „пресвитеръ и епископъ, это имена—одно возраста (конечно, пожилого) другое—сана“ ²⁾. Въ связи съ разсматриваемымъ требованіемъ памятника отъ пресвитеровъ стоитъ другое. Въ то время, когда о епископѣ здѣсь говорится, что было бы „хорошо, еслибы онъ былъ

коптскій (египетскій), съ коптскаго на арабскій, а съ арабскаго позднѣе на латинскій (этотъ послѣдній текстъ и напечатанъ у автора). S. 215). Ахелисъ доказываетъ, что правила дѣйствительно написаны Ипполитомъ римскимъ. Ибо эти правила западнаго происхожденія (219, 226), появились ранѣе эпохи Кипріана и появились въ церкви римскаго характера (227, 229); писателемъ былъ епископъ, и именно извѣстный Ипполитъ (237. 251). Это одно изъ раннихъ его произведеній и относится къ 213—222 г. (263—7).

¹⁾ Цифры въ текстѣ въ дальнѣйшей рѣчи, безъ другихъ указаній, будутъ означать страницы книги: Die Quellen d. apostol. Kirchenordn.

²⁾ Творенія Іеронима въ русск. пер. Томъ третій: письма, его, стр. 397 (письмо къ Евангелу). Киевъ, 1880.

не женатъ, а если этого не будетъ, онъ долженъ быть одной жены мужъ“ (9); ¹⁾ о пресвитерахъ же выражается совсѣмъ другое требованіе. Относительно и ихъ читаемъ такое предписаніе: „какъ надлежитъ, они должны воздерживаться отъ сожитія съ женами“ (ἀπεχόμενοι τῆς πρὸς γυναῖκας συνουσίας. 12). Требованіе это естественно вытекаетъ изъ предписаній о возрастѣ пресвитеровъ: само собой разумѣется, что брачныя удовольствія неприличны старикамъ, тѣмъ болѣе, что бракъ ап. Павломъ разрѣшается молодымъ людямъ, чтобы они не „разжигались“, чего нельзя ожидать у людей преклонныхъ лѣтъ. Нѣкоторую параллель къ указанному мѣсту памятника составляютъ слова, находящіяся въ „Правилахъ Ипполита“. Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ приводимъ ихъ, что этимъ способомъ оградимъ памятникъ: Canonъ ecclesiastici отъ нареканій въ произволъ и экцентричности. Въ указанномъ произведеніи читаемъ такое правило: „пресвитерь, жена котораго родила, не извергается изъ сана“ (Achelis, S. 74). Ясное дѣло, что по смыслу и этого источника, брачныя сношенія пресвитера съ его женой были запрещены, хотя это запрещеніе, какъ видимъ, не простиралась до крайнихъ предѣловъ ²⁾.

¹⁾ См. Die Syrische Didaskalia (überzetz und erklärt von Achelis und Flemming), S. 271. Leipz. 1904. Это восточный памятникъ III вѣка.

²⁾ Одинъ критикъ (въ Моск. Церк. Вѣд. 1903, № 24) утверждаетъ, (стр. 346), что будто третья гл. I послан. къ Тимоѳ. относится не къ епископу, а къ пресвитеру. Онъ говоритъ: „апостолъ здѣсь указываетъ требованія, какимъ долженъ удовлетворять не епископъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а пресвитерь, которому поручено наблюдать за своимъ приходомъ“. Я долженъ сказать, что критикъ самъ не знаетъ, что онъ говоритъ: наприм. онъ воображаетъ, что пресвитеры въ древности были приходскими батюшками. Какое полное отсутствіе церковно-историч. свѣдѣній! Но не въ этомъ дѣло. Разсуждая такъ, какъ онъ разсуждаетъ о 3 гл. указанного посланія, онъ служитъ тенденціозной цѣли и желаетъ кому-то угодить. Если эта глава выражаетъ требованія по отношенію къ пресвитеру, а не епископу, то выходитъ, что слова: „одной жены мужъ“ относятся къ первому, а не послѣднему. Но такъ разсуждать можетъ только тотъ, кто желаетъ смѣяться надъ здравымъ смысломъ. Проф. А. С. Павловъ говоритъ: „въ посланіи ап. Павла къ Тимоѳ. содержится правило: „подобаетъ епископу быть единой жены мужу“, но мы знаемъ, что по дѣйствующему церковному праву для епископовъ обязательно безбрачіе“ (Курсъ, стр. 37). Но для критика М. Ц. В-стей не существуетъ авторитетовъ, чего и доказывать не нужно. А потому пусть онъ прочтетъ вышеприведенныя правила (въ текстѣ этой нашей работы) и онъ пойметъ, быть можетъ, что голосъ церкви II вѣка свидѣтельствуетъ, какъ нужно разумѣть слова апостола; ибо эти правила опираются на точное пониманіе этихъ словъ.

Въ разсматриваемомъ памятникѣ—*Capones ecclesiastici*—есть указанія на нѣкоторыя функціи пресвитерата. Правда, эти указанія немногочисленны, но неожиданны и новы. „Правилами“ требуется, чтобы при каждомъ епископѣ было обязательно чѣтное число пресвитеровъ: не менѣе двухъ, но идеаломъ полноты пресвитерія считается 24 пресвитеровъ. Почему чѣтное число? Потому что пресвитеры во время богослуженія занимаютъ двѣ стороны возлѣ епископа—правую и лѣвую. А число 24 предносится предъ взоромъ составителя правилъ, какъ число священное, ибо въ *Апокалипсисѣ* говорится, что престолъ Всевышняго окружаютъ 24 старца (4, 4; 5, 8). Очень интересно то, что говоритъ памятникъ объ участіи пресвитеровъ при епископскомъ богослуженіи, т.-е. при совершеніи Евхаристіи; при всемъ интересѣ этихъ извѣстій нужно сказать, что они очень не ясны. Пресвитеры, во время совершенія Евхаристіи, становятся по правую и лѣвую сторону епископа (и престола), примѣрно такъ: 12 справа и 12 слѣва. Пресвитеры правой, по выраженію нашего источника, „пріемлютъ фіалы“ (чаши), очевидно съ евхаристическими элементами, „отъ архангеловъ“ (т.-е. какъ бы съ небесъ) и приносятъ ихъ владыкѣ (епископу), а пресвитеры лѣвой стороны „передаютъ чаши множеству ангеловъ“ (т.-е. сонму вѣрующихъ) (S. 11). Ясное дѣло: рѣчь образная и по крайней мѣрѣ въ первой ея части есть подраженіе вышеуказаннымъ словамъ Тайнозрителя. Памятникъ хочетъ, какъ бы, сказать, что дольніе пресвитеры при участіи въ богослуженіи служатъ отображеніемъ дѣятельности небесныхъ апокалипсическихъ старцевъ. Что касается раздаянія св. даровъ вѣрующимъ рукою пресвитеровъ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго ¹⁾. Свѣдѣнія эти о пресвитерахъ, совершающихъ литургію, вмѣстѣ съ епископомъ, говоримъ, очень любопытны. Они важны въ томъ отношеніи, что они объясняютъ намъ очень странный съ

¹⁾Funk. (Op. citat. S. 243), принимая во вниманіе, что, по словамъ большинства древнихъ памятниковъ, раздачей Евхаристіи народу занимались діаконы, думаетъ, что подъ „пресвитерами лѣвой стороны“ нужно разумѣть діаконівъ; но мы не знаемъ ни одного свидѣтельства, гдѣ бы діаконы назывались „пресвитерами“.

перваго взгляда, фактъ, почему это болѣе древніе памятники ничего не говорятъ о совершеніи пресвитерами общественнаго богослуженія. Теперь понятно, чѣмъ объясняется такое молчаніе. Пресвитеры совершали Евхаристію — это важнѣйшее богослуженіе — обязательно вмѣстѣ съ епископомъ общины; а если такъ, то участіе пресвитеровъ при этомъ, само собой понятно, стушевывалось, и писателямъ не было поводовъ распространяться на этотъ счетъ ¹⁾. Кстати скажемъ: какое большое число пресвитеровъ насчитывалось иногда при одной церкви, при одномъ епископѣ? Въ правленіе римскаго епископа Корнелія (сред. III в.) его клиръ состоялъ изъ 46 пресвитеровъ. (Евсевія церк. ист. кн. VI, гл. 42). Число, какъ видимъ, опять чѣтное. — Нашъ памятникъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о церковно-общественныхъ функціяхъ пресвитеровъ; опять эти свѣдѣнія немногочисленны, но полны интереса. При этомъ опять же пресвитеры ясно дѣлятся на правыхъ и лѣвыхъ. Функціи правыхъ обращены на епископа и прочихъ сотоварищей, пресвитеровъ же, а функціи лѣвыхъ, напротивъ, обращены на вѣрующихъ, на христіанскій народъ ²⁾. Что же такое имѣютъ право совершать правые? „Правые должны имѣть попеченіе о епископахъ ³⁾, служащихъ на altarѣ (первое упоминаніе о altarѣ богослужебныхъ собраній!), чтобы они (епископы) получили дары чести (τιμήσασι) и чтобы сами (пресвитеры) удостоены были чести (ἐντιμήθωσιν), смотря по потребностямъ“ (тѣхъ и другихъ). Здѣсь повидимому, идетъ дѣло о моральномъ почтеніи, но такое пониманіе было бы непра-

¹⁾ Die Syrische Didaskalia, S. 272. — Въ болѣе древней литературѣ историка указываютъ лишь одно свидѣтельство, изъ котораго выводятъ заключеніе, что иногда пресвитеры совершали Евхаристію не совмѣстно съ епископомъ. Разумѣемъ слова св. Игнатія: „только та Евхаристія должна почитаться истинною, которая совершается епископомъ или тѣмъ, кому онъ самъ предоставитъ это“ (къ Смирн., гл. 8). Но, какъ видимъ, и здѣсь не упомянуто имени пресвитеръ.

²⁾ Это не единственный случай въ литературѣ древности, гдѣ пресвитеры представляются раздѣляющимися на два класса. Нѣчто подобное находимъ въ книгѣ Эрма. Здѣсь дается знать, что правую сторону могутъ занимать лишь пресвитеры — исповѣдники, а лѣвая сторона представляется здѣсь менѣе почетною, съ которой можно перейти на правую за доблестное обнаруженіе вѣры (Видѣн. III, гл. 1).

³⁾ Интересно это указаніе на многихъ епископовъ въ одной церкви.

вильно. Этого рода пониманіе текста не имѣло бы опредѣленнаго смысла. Нужно помнить, что по первоначальному значенію слово: *τιμᾶν* означаетъ: „оцѣнивать“, отсюда: вознаграждать ¹⁾. Поэтому, въ разсматриваемомъ случаѣ рѣчь идетъ несомнѣнно о матеріальномъ вознагражденіи епископа и пресвитеровъ изъ церковныхъ денежныхъ суммъ и вещественныхъ т.-е. съѣстныхъ припасовъ, жертвовавшихся вѣрующими. Для насъ въ данномъ случаѣ интересно то, что вопросъ о томъ, чѣмъ и какъ вознаградить епископа, рѣшался голосомъ „правыхъ“ пресвитеровъ. Епископъ не произвольно бралъ, что ему нужно изъ церковнаго достоянія, но ожидалъ рѣшенія этого вопроса со стороны пресвитеровъ. Заслуживаетъ вниманія и то, что слово: *προνοήσουσι* („должны имѣть попеченіе“), употребленное для обозначенія отношеній пресвитеровъ въ данномъ мѣстѣ—къ епископу, указываетъ ясно на власть ихъ распоряжаться, смотря по усмотрѣнію. Значить, достоинство пресвитеровъ высоко цѣнилось въ то время. Не будетъ большой натяжки видѣть въ разсматриваемомъ случаѣ примѣненіе апостольскаго предписанія: „достойно начальствующимъ пресвитерамъ (т.-е. епископамъ, какъ доказано было выше) должно оказывать сугубую честь“ — *τιμῆς ἀξιοῦσθωσαν* (I Тим. 5, 17): другими словами—щедро вознаграждать ихъ ²⁾. У апостола не сказано: кто долженъ этимъ распоряжаться; но нашъ памятникъ, рисующій церковную практику, прямо указываетъ, что это дѣло лежало на обязанности пресвитеровъ. И намъ отнюдь не должно казаться страннымъ, что епископы въ указанномъ случаѣ становятся какъ бы въ зависимость отъ лицъ нисшихъ ихъ. Древность не полагала такого строгаго разграниченія правъ епископскихъ и пресвитерскихъ, какъ видимъ то теперь, хотя по общему правилу тогда собиралъ, хранилъ и когда нужно раздавалъ деньги и все прочее

¹⁾ Правильно объ этомъ судить и г. Полянский. I Послан. къ Тимоѣ. Опытъ и т. д. стр. 495.

²⁾ Что въ данномъ случаѣ у ап. Павла рѣчь идетъ о вознагражденіи епископовъ, а не пресвитеровъ, это отчасти видно изъ того, что въ иныхъ церквахъ не было правила вознаграждать пресвитеровъ изъ церковныхъ доходовъ, за исключеніемъ того случая, когда жертвователь опредѣленно выражалъ подобное желаніе. Die Syrische Didascalia, S. 272.

нуждающимся главнымъ образомъ епископъ: онъ былъ -- *οἰκονομος* (Тит. 1, 7). Даже и впоследствии, въ IV и V вѣкахъ, пресвитеры служили къ ограниченію власти епископа расходовать церковное достояніе. Такъ соборъ Антиохійскій 341 года говоритъ: „все, что принадлежитъ церкви, должно быть явнымъ и находиться въ веденіи приставленныхъ къ церковному имуществу пресвитеровъ“ (пр. 24). А соборъ Халкидонскій постановлялъ: „каждая церковь должна имѣть эконома изъ своего клира, который распоряжался бы церковнымъ имуществомъ, подъ вѣдѣніемъ своего епископа“ (пр. 26). По смыслу этого правила, эконома являлся представителемъ контроля со стороны духовенства по отношенію къ епископу. Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли единственную церковно - общественную функцію „правыхъ“ какую только и указываетъ нашъ памятникъ, говоря о „правыхъ“ (S. 14. 36).

Функція или функціи лѣвыхъ пресвитеровъ описываются въ памятникѣ въ слѣдующихъ словахъ: „лѣвые имѣютъ попеченіе объ общинѣ, чтобы она (т.-е. христіанскій народъ во время богослуженія), навывнувъ во всякомъ послушаніи, оставалась спокойною и не позволяла себѣ шумѣть“. Задача лѣвыхъ въ храмѣ состояла, значитъ, въ инспекторскомъ надзорѣ за публикою ¹⁾. Функція эта нѣсколько странна, ибо за поведеніемъ присутствующихъ обыкновенно смотрѣли діаконы. Но Гарнакъ—не знаю, съ какою степенью справедливости—утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ указывается старинный порядокъ вещей, который потомъ исчезъ: уже діаконы, а не пресвитеры стали потомъ надзирать за поведеніемъ присутствовавшихъ за богослуженіемъ (36). Памятникъ нашъ, дажѣ, даетъ знать, какъ поступали съ тѣми членами общины, которые вздумали бы не слушаться надзирающихъ пресвитеровъ. Здѣсь читаемъ: „если кто, будучи увѣщиваемъ, станетъ дерзко отвѣчать (пресвитеру), то въ этомъ случаѣ лѣвые пресвитеры всѣ собираются въ алтарѣ (безъ сомнѣнія, по окончаніи богослуженія) и виновнаго, по общему рѣше-

¹⁾ Die Syrische Didaskalia пресвитеровъ называетъ „церковными благочинными“ (Ordner und Ratgeber der Kirche), S. 273.

нію, присуждають къ заслуженному наказанію, чтобы и прочіе имѣли страхъ“ (16. 17). Ясное дѣло, здѣсь рѣчь идетъ о правахъ пресвитеровъ судить провинившихся христіанъ ¹⁾. Но черта это не новая. Уже въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, какъ мы видѣли, ясно отмѣчается эта функція пресвитеровъ, хотя и не столь детально, какъ здѣсь. Слѣдуетъ еще замѣтить, что настойчивое указаніе памятниковъ II вѣка на эту функцію пресвитеровъ, выражающуюся въ судѣ ими вѣрующихъ, очень хорошо объясняетъ для насъ, почему въ посланіи ап. Павла къ Титу (2, 2) отъ пресвитеровъ требовались именно эти, а не другія качества: отъ судей, какими были пресвитеры, больше всего и требовалось, чтобы они были, какъ говоритъ апостоль, „бдительны, степенны“ и проч., тѣмъ болѣе, что въ раннюю эпоху церкви они же были и блюстителями порядка во время богослуженія. — Заканчивая наши разсужденія о такомъ памятникѣ, какъ *Capones ecclesiastici*, нельзя не видѣть, что какъ будто бы не всѣ пресвитеры были равноправны, но лѣвые, и по самому понятію, и по ихъ функціямъ уступали первое мѣсто „правымъ“, какъ своего рода старшимъ братьямъ. Чѣмъ условливалось такое различіе, съ точностью мы сказать не беремся.

Съ предпринятою нами цѣлію остается изучить еще только одинъ памятникъ, характеризующій пресвитератъ древнѣйшихъ временъ: „Правила Ипполита“. Памятникъ этотъ, какъ было уже сказано, очень обиленъ нужными намъ свѣдѣніями, которыя къ тому же поражаютъ насъ многими неожиданностями. Приведемъ прежде всего извѣстія изъ него относительно посвященія и избранія лицъ пресвитерскаго чина. Если не ошибаемся, это первый памятникъ, ясно и опредѣленно говорящій объ актѣ посвященія въ пресвитеры. Въ правилахъ говорится: „если поставляется пресвитеръ, то надъ нимъ совершается все то, что и надъ епископомъ, но только онъ не садится на каеэдру. Также и молитва при этомъ читается та самая, какъ и при поста-

¹⁾ Ту же роль усваиваетъ пресвитерамъ и памятникъ (III-го же вѣка): *Die Syrische Didascalia*, S. 272—3.

влении въ епископы, съ тѣмъ различіемъ, что не произносится слово: епископъ. Епископъ — прибавляется здѣсь — во всѣхъ отношеніяхъ равенъ пресвитеру, за исключеніемъ права послѣдняго возсѣдать на кафедрѣ и посвящать, ибо власть совершать посвященіе пресвитеру не принадлежитъ“ (61. 62)¹⁾. Согласитесь, что слова эти очень оригинальны. Но еще любопытнѣе извѣстія нашего памятника объ избраніи лицъ сана пресвитерскаго. Здѣсь между прочимъ выражена мысль, что нѣкоторые лица возводятся въ должность пресвитера, не нуждаясь въ актѣ посвященія, или рукоположенія въ должность. Какъ это ясно видно изъ правилъ Ипполита, самыми естественными кандидатами во пресвитеры были во 1) экзоркисты, заклинатели, практика которыхъ имѣла блестящій успѣхъ въ смыслѣ врачеванія больныхъ; во 2) разнаго рода мученики и исповѣдники. Нѣкоторые изъ этихъ непререкаемыхъ съ тогдашней точки зрѣнія кандидатовъ во пресвитеры дѣлались пресвитерами *eo ipso*,—т. е. по тому самому, чѣмъ они были. Экзоркисты впрочемъ, кажется, всѣ безъ исключенія, не пользовались указаннымъ преимуществомъ; они довольствовались тѣмъ, что ихъ дѣятельность давала имъ полное право, безпрепятственно, быть рукоположенными въ пресвитеры. Правила сообщаютъ намъ слѣдующее на этотъ счетъ: „если кто нибудь станетъ просить о посвященіи его въ пресвитеры и въ доказательство своихъ правъ сошлется на то, что онъ получилъ благодатный даръ (*charisma*) исцѣленій, таковой (хотя и можетъ быть руположенъ, но), не прежде рукополагается, какъ по выясненіи обстоятельствъ дѣла²⁾. И прежде всего, должно изслѣдовать: исцѣленія, имъ совершаемыя, дѣйствительно ли посылаются отъ Бога?“ (74. 163). Въ иномъ положеніи находились „мученики“, т. е. такія лица, которыя въ языческихъ судилищахъ понесли изстязанія за имя Христово. Ихъ героизмъ дѣлалъ ихъ пресвитерами, такъ сказать, внѣ

¹⁾ Цифры въ текстѣ будутъ указывать далѣе на страницы книги Achelis'a.

²⁾ Какъ прекрасно разъясняетъ для насъ разсматриваемое явленіе трогательныя слова изъ посланія Іакова: „болитъ ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ“ и т. д.

правиль или точнѣе, вопреки правиламъ. Нашъ памятникъ знакомить насъ со слѣдующимъ постановленіемъ. „Кто удостоился стать предъ (языческимъ) судилищемъ и потерпѣлъ мученія (роена) ради Христа, таковой за это заслужилъ пресвитерскую степень отъ Бога, а не получаетъ ее чрезъ посвященіе епископомъ. Ибо его исповѣданіе вѣры служить посвященіемъ для него“. „Но если таковой призывается къ епископству, онъ долженъ быть рукоположенъ“ (67. 68). Странное и непонятное явленіе! Правда извѣстно было, кровь проливаемая исповѣдникомъ замѣняла, въ эпоху гоненій, для оглашаемаго крещеніе; но теперь оказывается, что такого же рода мученичество могло замѣнять и епископское рукоположеніе. Впрочемъ мы не имѣемъ основаній скептически относиться къ разсматриваемому показанію правилъ. Нѣчто подобное находимъ въ одномъ „видѣніи“ Эрма. Нѣкая старица говорила Эрму, что и онъ можетъ удостоиться возсѣдать въ рядахъ пресвитеровъ, если „онъ претерпитъ то, что претерпѣли они“, ибо послѣдніе, по словамъ старицы, „угодили Богу, пострадавъ за Его имя“ (Видѣн. III, гл. 1). Осмѣливаемся думать, что въ книгѣ Эрма мы нашли достаточное подтвержденіе приведеннымъ выше воззрѣніямъ, въ правилахъ Ипполита. Слѣдуетъ отмѣтить, что судя по изучаемымъ правиламъ такъ наз. мученичество не всегда дѣлало мученика *eo ipso* пресвитеромъ. „Мученикъ“ изъ рабскаго состоянія не пользовался прерогативой входить въ составъ пресвитеровъ, безъ епископскаго рукоположенія. Въ правилахъ встрѣчаемъ слѣдующія странныя разсужденія. „Если чей-нибудь рабъ (*servus*) претерпитъ мученія“ (*cruciatus*) ради Христа, таковой (хотя и имѣетъ право стать пресвитеромъ, но) долженъ быть рукоположенъ епископомъ. Ибо хотя онъ—непонятныя рѣчи—и не приобрѣлъ формы пресвитерства (*forma presbyteratus*), но однакожъ онъ пріялъ духъ (*spiritus*) пресвитерства; а потому епископъ пусть (при рукоположеніи такого) пропустить ту часть молитвы, которая обращена (!) къ Духу Святому“ (! *quae ad spiritum sanctum pertinet*. 68). Почему такое неравенство отношеній къ „мученику“ изъ свободнаго состоянія и къ „мученику“ изъ рабскаго состоянія?

Не противорѣчить ли это самому духу христіанскому? Разгадку явленія стараются отыскать въ томъ, что въ пресвитеры поставлялись тогда лишь люди свободнаго состоянія; поэтому рабъ не могъ наравнѣ со свободнымъ приобрѣтать эту степень. По идеѣ же, тогда господствовавшей въ христіанскомъ сознаніи, рабъ, въ качествѣ мученика, получилъ уже благодать пресвитерства и не нуждался во вторичномъ ниспосланіи Св. Духа на него. Въ виду этого, посвященіе могло дать ему лишь одно: „форму пресвитерства“, которая освобождала бы его навсегда изъ рабскаго состоянія; а потому безъ епископскаго посвященія не возможно было обойтись рабу—мученику. Насколько удовлетворительны эти разсужденія, предоставляю, впрочемъ, судить читателю. Съ мученикомъ изъ рабскаго званія до извѣстной степени уравнивался „исповѣдникъ“ свободнаго сословія. О такомъ правила говорятъ. „Если кто (подразумѣвается, изъ лицъ свободныхъ) исповѣдывалъ вѣру (предъ судилищемъ), а мученій не испыталъ, таковой хотя и достоинъ пресвитерства, но долженъ быть рукоположенъ епископомъ“ (68). Вотъ главный контингентъ, которымъ укомплектовывались ряды пресвитерія въ началѣ III вѣка, какъ кажется, въ Римѣ и вообще въ Италіи, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ съ несомнѣнностію открывается, что воля народа, мірянъ не играла никакой роли въ избраніи пресвитеровъ. Даже воля епископа и пресвитерія даннаго мѣста имѣла въ этомъ случаѣ, повидимому, очень ограниченное значеніе.

Масса самыхъ любопытныхъ и самыхъ новыхъ свѣдѣній сообщаютъ правила Ипполита объ участіи пресвитеровъ въ общественномъ богослуженіи; такихъ интересныхъ извѣстій по вопросу мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ древнѣйшемъ христіанскомъ памятникѣ. По словамъ памятника пресвитеры, иподіаконы (діаконы не упомянуты почему-то) и чтецы (анagnostы), а также и народъ должны были ежедневно собираться для полунощнаго богослуженія, въ часъ пѣнія пѣтуховъ (*tempore gallicinii*). Египетскій текстъ памятника, представляющій собою нѣсколько позднѣйшій переводъ оригинала, утверждаетъ, что всѣ перечисленные церковныя лица

собирались въ томъ мѣстѣ, которое будетъ указано епископомъ. Изъ этого видно, что памятникъ нашъ говоритъ о такомъ времени исторіи церкви, когда храмовъ еще не было и когда богослуженіе совершалось въ частныхъ домахъ, смотря по обстоятельствамъ, то тамъ, то здѣсь. Въ правилахъ при этомъ прибавлено, что пресвитеры и другіе члены клира обязательно должны были являться для этого богослуженія, подъ опасеніемъ отлученія (separantur): снисхожденіе оказывалось только тяжело больнымъ и находящимся въ путешествіи (122).—Особенно любопытны черты, въ которыхъ описывается въ памятникѣ участіе пресвитеровъ въ литургіи, совершаемой епископомъ. Изъ нашего памятника не видно, чтобы пресвитеры когда-либо совершали литургію одни, безъ предстоянія епископа. Къ сожалѣнію, въ памятникѣ, кажется, не сказано, какъ часто совершалась тогда литургія. „Когда епископъ, читаемъ въ правилахъ, намѣревается совершить таинство Евхаристіи, то къ нему (на домъ?) собираются діаконы“ (а вотъ тутъ упомянуты діаконы; ужъ не служили они лишь съ епископомъ, а не съ пресвитерами) „и пресвитеры“ (слѣдуетъ отмѣтить, что діаконы здѣсь названы раньше пресвитеровъ), ¹⁾ „будучи облачены въ бѣлыя одежды, красивѣйшія чѣмъ у кого другого, а лучше всего, если онѣ къ тому жъ будутъ блестящими“ (118). Любопытнѣйшую особенность указываютъ намъ правила, когда сообщаютъ слѣдующее извѣстіе. Когда начинался литургійный канонъ, то не только епископъ, но и пресвитеры возлагали свои руки на освящаемые дары (чудная картина!). Очевидно освященіе даровъ почиталось дѣйствіемъ, равнымъ руксположенію въ церковныя степени (48). По совершеніи освященія даровъ, епископъ причащался самъ и причащалъ клиръ, затѣмъ онъ становился возлѣ престола (mensa) и собственноручно причащалъ весь народъ. Если же епископъ не пожелаетъ этого сдѣлать, то поручаетъ это дѣло пресвитеру, которому помогаетъ діаконъ, если пресвитеръ немощенъ (ясное указаніе на престарѣлый возрастъ пресвитеровъ)

¹⁾ Не есть ли это—свидѣтельство, что въ древности діаконы были ближе, сроднѣ епископу, чѣмъ пресвитеры? См. выше главу: „Взаимоотношеніе епископа и діакона въ древности“.

(100. 122). Болящіе пресвитеры, не имѣвшіе возможности участвовать въ совершеніи евхаристіи епископовъ, не оставались безъ причащенія въ этотъ день: діаконы приносили имъ св. дары на-домъ. Если за литургіей, совершаемой епископомъ, въ первый разъ принимали причащеніе новокрещенные (а крестили тогда, какъ извѣстно, большею частію взрослыхъ), то двое изъ пресвитеровъ дѣлали слѣдующее: въ то время, какъ епископъ сообщалъ имъ евхаристическіе дары, священники напойали ихъ медомъ и молокомъ: въ ихъ рукахъ были чаши съ этими веществами, изъ которыхъ они и насыщали новокрещенныхъ, приговаривая: вы, какъ младенцы, снова, родились, а потому, какъ младенцы, и приѣмлете молоко и медъ (100). Очень достопримѣчательно участіе пресвитеровъ при совершеніи крещенія, конечно, надъ взрослыми. По правую и лѣвую руку епископа становятся два пресвитера. Епископъ читаетъ молитву надъ елеемъ, посредствомъ котораго совершается таинство елеосвященія, и передаетъ этотъ елей пресвитеру, стоящему по лѣвую руку; затѣмъ онъ же читаетъ молитву надъ елеемъ, посредствомъ котораго совершается таинство мвропомозанія и вручаетъ его пресвитеру, стоящему по правую сторону. Въ томъ и другомъ случаѣ епископъ въ молитвахъ проситъ Бога сообщить елею благодатную силу. Потомъ первый изъ пресвитеровъ помазуетъ крещаемого своимъ елеемъ, по отреченіи имъ отъ сатаны, а второй даетъ ему вопросы, употребительные при крещеніи, погружаетъ его въ воду, помазуетъ его своимъ мвромъ и въ заключеніе вводитъ его (не сказано откуда: изъ крещальни?) въ богослужебное собраніе, конечно, для приобщенія, по окончаніи литургіи (95—98). Но самое поразительное извѣстіе мы умышленно приберегли къ концу рѣчи объ участіи пресвитеровъ въ общественномъ богослуженіи. Въ правилахъ Ипполита читаемъ: „при рукоположеніи во епископы, избирается *одинъ* изъ епископовъ или *пресвитеровъ*, который и *полагаетъ руку* на голову его (поставляемаго во епископы) и произноситъ молитву“ (40) ¹⁾. Что это такое? Пресви-

¹⁾ Deinde eligatur unus ex episcopis et presbyteris, qui manum capituli ejus (episcopi) imponat, et oret dicens...

теръ избраннаго во епископы рукополагаетъ въ эту степень? Мыслимо ли это? Не противорѣчить ли это тому, что сказано въ другомъ мѣстѣ правилъ: пресвитеръ не имѣетъ права рукополагать? Быть можетъ, и противорѣчить; но, какъ говорится, что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ. Значить, остается фактъ на лицо: пресвитеры получали право, по смыслу нашихъ правилъ, рукополагать избраннаго христіанина во епископа. Правило лишь допускаетъ одно смягчающее обстоятельство: повидимому, пресвитеръ рукополагаетъ новопоставляемаго епископа въ присутствіи епископовъ и съ ихъ соизволенія. Можно, кажется, представлять себѣ такой случай: собравшіеся на хиротонію епископы оказываются всѣ очень молодыми, можетъ быть женатыми, а нужно посвящать человѣка уже старческаго возраста, аскетическаго склада ума; и вотъ епископы, изъ уваженія къ новопосвящаемому, поручаютъ возложить руки и молитвословить какому-либо почетному пресвитеру, который, по лѣтамъ, могъ бы быть отцомъ и даже дѣдомъ всѣхъ прибывшихъ на посвященіе епископовъ. Конечно, я высказываю лишь свое предположеніе, которое никого и ни къ чему не обязываетъ. Обратимся къ исторіи и допросимъ ее: что она знаетъ по вопросу о посвященіи епископовъ пресвитерами? Прежде всего въ пользу возможности такого факта я могъ бы сослаться на слова ап. Павла къ Тимофею: „не неради... о дарованіи, которое дано тебѣ съ возложеніемъ рукъ пресвитерства“ (μετὰ ἐπιθέσεως τῶν χερῶν τοῦ πρεσβυτέρου. 1 Тим. 4. 14) ¹⁾; говорю: я могъ бы сослаться на эти слова, но не стану, ибо очень трудно сказать: что они значатъ и какъ ихъ понимать ²⁾. Мы не

¹⁾ По славянски и по русски это послѣднее слово переводятъ выраженіемъ: „священства“. Но пресвитеръ и священникъ — понятія, не покрывающіяся взаимно.

²⁾ П. Θ. Полянскій (Op. cit.) указалъ, какое разнообразіе мнѣній имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ этому тексту (стр. 467—8). Мы думаемъ, что этотъ текстъ только тогда будетъ удобопріемлемо истолкованъ, когда уяснится: кто былъ Тимофей? Ибо старое мнѣніе, что Тимофей былъ епископомъ Ефесскимъ оставлено лучшими богословами, а новаго не установлено (См. наприм. Zahn. Einleit. in das neue Testam. B. I. S. 422—3. Leipz. 1900). Самъ Полянскій склоняется въ пользу пресвитерскаго „возложенія рукъ“, а я напротивъ хотѣлъ бы разумѣть здѣсь рукоположеніе отъ епископовъ, на-

останемся ни съ чѣмъ, если и оставимъ въ сторонѣ эти интересныя для насъ слова. Въ самомъ дѣлѣ, въ знаменитомъ памятникѣ *Διδαχῇ* писатель, обращаясь ко всей церковной общинѣ даннаго мѣста, говоритъ: „поставляйте себѣ (*χειροτονήσατε ἐξ υἱοῖς*) епископовъ и діаконовъ, достойныхъ Господа“ (XIV, 1). Само по себѣ понятно, что этимъ древнимъ постановленіемъ не исключались отъ совершенія разсматриваемаго акта и пресвитеры данной церкви. Въ прежде разсмотрѣнномъ памятникѣ: *Canones ecclesiastici* указывается возможность такого случая: какая нибудь церковная община такъ мала, что не насчитывала и 12-ти человѣкъ, которые по возрасту могли бы принять участіе въ избраніи епископа, избрать котораго положила община; при такомъ положеніи дѣлъ эта послѣдняя обращалась за помощію къ сосѣдней церковной общинѣ, прося ее прислать трехъ лучшихъ (*ἐκ λελυγμένων*) мужей, которые и помогали малоомощной церкви избрать, и какъ думаютъ, и рукоположить епископа. Между этими пришлыми мужами, могли, конечно быть и пресвитеры ¹⁾. Но если это все и проблематично, то несомнительно, по крайней мѣрѣ, право пресвитеровъ глубокой древности посвящать себѣ діаконовъ, т. е. вообще право рукополагать, хотя бы и не въ епископы. Св. Кипріанъ въ письмѣ къ Корнелію римскому говоритъ о Новатѣ, подчиненномъ своему пресвитерѣ: „это—онъ, который Фелициссима, своего прислѣзника, безъ моего согласія и вѣдома, по своему злоумышленію и амбиціи, поставилъ во діакона“ ²⁾. И замѣчательно, какъ видимъ, Кипріанъ не гнѣвается на него за то, что онъ, будучи лишь пресвитеромъ, рукоположилъ себѣ діакона, но единственно за то св. отецъ порицаетъ его, что онъ сдѣлалъ этотъ самовольный поступокъ безъ вѣдома своего мѣстнаго епископа. Извѣстны также случаи, когда пресвитеръ, въ виду тѣсныхъ обстоятельствъ, посвящаетъ другого человѣка во пресвитеры. Такъ Кассіанъ римлянинъ

званныхъ здѣсь подобно книгѣ Дѣяній, которая именуетъ этихъ послѣднихъ лишь пресвитерами, — „пресвитеріемъ“.

¹⁾ Harnack: Quellen Apost. Kirchenordn. und s. w. S. 7—8. 39—40.

²⁾ Felicissimum satellitem suum diaconum nec permittente me nec sciente sua factione et ambitione constituit. (Сл. Твор. Кипр. въ рус. пер. Т. I. 212) (письмо 42).

разсказываетъ, что пресвитеръ Пафнутій, находясь въ египетской пустынѣ, гдѣ по близости нельзя было найти епископа, посвятилъ одного монаха по имени Даниїла, сначала во діаконы, а потомъ и во пресвитера, желая имѣть его своимъ преемникомъ по должности ¹⁾. Приводя эти факты, иллюстрирующіе разбираемое нами правило Ипполита, мы все не намѣрены доказывать того, что будто это правило выражаетъ общецерковныя понятія того и древнѣйшаго времени; мы только сочли своимъ долгомъ сообщить при этомъ случаѣ все, что намъ извѣстно по затронутому нами вопросу. Но мы ничего не станемъ возражать и противъ того, кто сочтетъ это правило чѣмъ-то исключительнымъ, эксцентричностью.

Въ разсматриваемомъ памятникѣ еще обращаетъ на себя вниманіе одно предписаніе, въ которомъ говорится, если не ошибаемся, о томъ, что пресвитеръ, лишенный сана, снова можетъ сдѣлаться священнослужителемъ. Правило гласитъ: „если какой пресвитеръ произвольно удалится и станетъ проживать гдѣ ему не положено, то... виновный лишается пресвитерства“. А затѣмъ въ правилѣ прибавлено: „но потомъ онъ снова принимается въ сообщество (пресвитеровъ?) и вторично (?) удостоивается чести, но не посвящается опять“ (74—75) ²⁾. Мы, пожалуй, оставили бы безъ вниманія это правило, еслибы намъ не было извѣстно, что существуетъ на свѣтѣ какая-то галатійская (изъ Галатіи) надпись (Cogr. Inscr. Graec.), въ которой отмѣчается фактъ двукратнаго принятія пресвитерской должности однимъ и тѣмъ же лицомъ; въ этой надписи упоминается кто-то, „дважды бывший пресвитеромъ“ (δὶς ὑερόμενος πρεσβυτερος) ³⁾.

Есть ли въ нашемъ памятникѣ какой-либо слѣдъ того, что между пресвитерами начала III вѣка встрѣчались лица учительныя, занимавшіяся разъясненіемъ истинъ вѣры и проповѣдью? На нашъ взглядъ, нѣтъ. Но нашелся какой-то нѣмецъ (Ганебергъ), который слова памятника: *presbyter examinetur, si est discipulus... in societatem recipiatur et*

¹⁾ Migne. *Patrologiae curs. Lat. ser.* Tom. 49, col. 585.

²⁾ Текстъ этого правила не ясенъ и повидимому испорченъ.

³⁾ Hatch. *Op. cit.* S. 138.

duplice honore afficiatur (S. 75), слова совершенно неясныя, вздумалъ прояснить и пришелъ къ той мысли, что будто первоначальное чтеніе этого мѣста было такое: *si eruditione quidem scholastica ornatus est et c.* А въ результатѣ у него получилось слѣдующее: правило де—говорить о такихъ же *presbyteri doctores*, пресвитерахъ учителяхъ, т.-е. учителяхъ вѣры, которые столь стали извѣстны позднѣе, во времена св. Кипріана. (167—168). Но объ этомъ улучшенномъ чтеніи даннаго мѣста памятника только и можно, кажется, сказать: не люблю не слушай...

Въ памятникѣ: Правила Ипполита, нѣтъ никакого намека на то, что пресвитеры этого времени были „учительны“ (въ смыслѣ: 1 Тим. 3, 2). И это потому, что и раньше и теперь никто отъ нихъ ничего такого не требовалъ. Англійскій изслѣдователь исторіи іерархіи древняго времени (Hatch) утверждаетъ, что „пресвитеры древнѣйшей церкви не извѣстны въ качествѣ учителей вѣры, хотя имъ это и не было воспрещено“¹⁾. Проф. А. С. Павловъ ту же мысль выражаетъ въ слѣдующихъ отрицательныхъ словахъ; „въ первыя времена христіанства, право публичнаго проповѣданія въ церковныхъ собраніяхъ принадлежало *исключительно* (курсивъ оригинала) епископамъ“²⁾. Извѣстный ученый Афольфъ Гарнакъ сгруппировалъ въ одно цѣлое длинный рядъ свидѣтельствъ до конца II вѣка, въ которыхъ перечисляются лица, занимавшіяся церковнымъ учительствомъ, но среди этихъ лицъ, какъ оказывается, не упоминается имени пресвитеровъ³⁾. Само собою понятно, подтасовывать эти свидѣтельства не было надобности нѣмецкому ученому; онъ не беретъ на себя роли прокурора суда, по отношенію къ пресвитерамъ; а главное—вѣдь и надъ нимъ существуетъ контроль науки. Наконецъ, мы сами на предшествующихъ страницахъ рассмотрѣли цѣлую серію памятниковъ древности, въ которыхъ ведется рѣчь о пресвитерахъ, но не встрѣтили въ нихъ ни одного свидѣтельства, удостовѣряющаго, что эти

¹⁾ Hatch. S. 74.

²⁾ Курсь... стр. 239.

³⁾ Harnack. Die Lehre der zwölf Apostel. S. 112. 148.

лица должны были принимать или принимали на себя обязанность церковных учителей. Изъ всего видно, что въ дѣлѣ „учительства“ церковь въ то время обходилась безъ нихъ; они не нужны были на этомъ поприщѣ. Никто отъ нихъ не требовалъ этого и они стояли далеко отъ такого дѣла ¹⁾.

Мы окончили наше изслѣдованіе поставленнаго вопроса. Мы дошли до того предѣла, за которымъ пресвитеры, какъ выражается проф. Павловъ, сдѣлались „делегатами духовной власти епископа“ ²⁾, а по просту говоря, приходскими священниками. Въ этомъ случаѣ начинается новый періодъ въ жизни пресвитерскаго института, а слѣдовательно пришелъ къ концу древнѣйшій періодъ исторіи пресвитерства. Когда собственно начался указанный новый періодъ и чѣмъ опредѣлялось его наступленіе, объ этомъ скажемъ особо, впоследствии.

Принимая во вниманіе то, что пресвитеры въ глубокой древности избирались изъ старцевъ, пресвитерство нѣкоторыми учеными (наприм. Гарнакомъ) справедливо называется *патріархальнымъ* элементомъ церковной общины до половины III вѣка; а принимая во вниманіе то обстоятельство, что по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ пресвитератъ формируется и растетъ съ особеннымъ успѣхомъ въ церкви іерусалимской и другихъ восточныхъ церквахъ, это явленіе можно назвать преимущественнымъ продуктомъ религіозной энергіи іудео-греческаго міра; какъ наоборотъ епископатъ, по его исторической сторонѣ, нужно признавать преимущественнымъ продуктомъ религіозной энергіи греко-латинскаго языческаго міра, поскольку этотъ послѣдній находился подъ вліяніемъ христіанства.

¹⁾ Отчего это зависило? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ нами данъ въ вышеизложенныхъ главахъ: „Харизматическіе учителя I и II в.“ „Взаимоотношеніе епископа и діакона въ древности“.

²⁾ Курсъ... стр. 243.

IV. „Нижніе чины“ клира, въ древности.

Обращаемся къ разсмотрѣнію нисшихъ степеней церковныхъ должностей (*Ordines minores*), извѣстныхъ съ древнихъ временъ, чтобы такимъ образомъ имѣть ясное представленіе о составѣ церковныхъ лицъ древняго періода исторіи.

Къ числу такихъ нисшихъ степеней церковныхъ принадлежали: иподіаконы, анагносты, аколуты, экзоркисты и остіаріи. (Евсевія, VI, 43).

Начнемъ нашу рѣчь съ анагностовъ (чтецовъ), потому что исторія этого чина наиболѣе интересна для изслѣдователя.

Вопросъ о историческомъ происхожденіи должности церковныхъ чтецовъ (анагностовъ) нельзя назвать простымъ и яснымъ. Этотъ, теперь мало замѣтный, церковный чинъ, повидимому, пережилъ въ древности сложную исторію, которая и до сихъ поръ еще недостаточно распутана.

Касательно происхожденія института церковныхъ чтецовъ (анагностовъ) какъ протестантскіе, такъ и римско-католическіе писатели до послѣдняго времени держались мнѣнія, что онъ возникъ въ концѣ II или началѣ III вѣка—изъ діаконата. И разсуждали такъ: съ теченіемъ времени, по мѣрѣ появленія новыхъ потребностей богослуженія и церковнаго благочинія, нужно было создать новую должность, и вотъ возникаютъ чтецы, какъ восполненіе діаконской должности. На этомъ и оканчивались всѣ разсужденія о такой неважной церковной степени, какъ „чтець“. Но въ ближайшее къ намъ время обращено было вниманіе на одно свидѣтельство о чтецахъ, находящееся въ мало изученномъ памятникѣ II вѣка, извѣстномъ съ именемъ *Canones Ecclesiastici*. А этимъ свидѣтельствомъ чтецамъ отводится необычное мѣсто въ церковномъ персоналѣ: послѣ пресвитера—и выше діакона. Названный памятникъ, между прочимъ, ведетъ рѣчь о поставленіи въ разныя церковныя степени и указываетъ требованія, которыя предъявлялись въ отношеніи къ лицамъ,

занимавшимъ эти степени, при чемъ свои разсужденія ведутъ въ такомъ порядкѣ: о епископѣ, пресвитерѣ, *чтецѣ*, *діаконѣ*. Этого мало. Здѣсь поставлены по отношенію къ чтецамъ такія требованія, которыя заставляютъ иначе, чѣмъ какъ это было раньше, понимать характеръ и существо должности первохристіанскихъ чтецовъ. Здѣсь говорится: „при поставленіи въ чтеца нужно старательно разузнавать — не болтунъ ли онъ, не пьяница ли, не наклоненъ ли къ смѣхотворству, вообще добрыхъ ли онъ нравовъ“¹⁾. „Во время собраній въ день Господень (воскресенье) онъ занимаетъ первое мѣсто и долженъ, по словамъ памятника, обладать ясною рѣчью и быть способнымъ къ поученію (изъясненію), такъ какъ онъ занимаетъ мѣсто евангелиста. Кто служить слуху невѣдущихъ — добавляетъ памятникъ, тотъ будетъ считаться вписаннымъ у Бога“ (подразумѣвается: въ книгу живота)²⁾. Приведенное мѣсто — нужно сознаться — перевертываетъ всѣ наши привычныя понятія о чтецѣ древней церкви. Здѣсь, что ни слово, то загадка, требующая большого напряженія мысли. И прежде всего чтецъ въ перечнѣ церковныхъ лицъ помѣщенъ выше діакона. Значить, онъ почему-то представляется почтеннѣе и значительнѣе діакона. Далѣе, ему отводится за богослуженіемъ, въ церковныхъ собраніяхъ, какое-то первое мѣсто. Отъ него требуется довольно высокая нравственная жизнь. А главное требуется, чтобы онъ не только читалъ, но и истолковывалъ Св. Писаніе: онъ называется „евангелистомъ“, т.-е. проповѣдникомъ; его дѣятельность ублажается, ибо ему обѣщано, что имя его впишется у Бога. Все это такія черты, которыя древними источниками не приписываются діакону, въ родственную связь съ которымъ ставятъ чтецовъ нѣкоторые изслѣдователи исторіи церкви; въ особенности ярко бросается въ глаза требованіе, чтобы чтецъ былъ способенъ истолковывать Св. Писаніе, чего въ то время совсѣмъ не представлялось въ отношеніи къ діакону. Вообще свѣдѣнія о чтецѣ

¹⁾ Нужныя для насъ мѣста изъ разсматриваемаго памятника приведены въ оригиналѣ съ переводомъ, въ сочиненіи Harnack'a: Die Quellen der sogenan. Apostolischen Kirchenordnung u. s. w. Leipzig, 1886.

²⁾ Ibidem, s. 17—19.

въ данномъ источникѣ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что институтъ чтецовъ отнюдь не возникъ изъ діаконата, ибо рассматриваемый памятникъ категорически поставляетъ чтецовъ выше діаконѳовъ.

Если такъ, то что-же такое первоначальный институтъ чтецовъ?

Изученіе всѣхъ главныхъ документовъ, относящихся къ вопросу, показываетъ, что прежде чѣмъ войти точнымъ образомъ въ составъ клира, чтецы пережили не кратковременную исторію, что, далѣе, первоначально чтецы имѣли совсѣмъ другой характеръ дѣятельности и другое значеніе, чѣмъ какое получили потомъ, и что, наконецъ, институтъ этотъ, по своему происхожденію древнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Когда мы раскроемъ исторію чтецовъ, то увидимъ что, быть можетъ, и правъ былъ Коммодіанъ, христіанскій писатель III-го вѣка, который съ слѣдующими словами хвалы обращается къ чтецамъ: „вы црѣты въ народѣ (церкви), вы свѣтильники Христовы, помните о своемъ достоинствѣ и не забывайте о своей власти“ ¹⁾.

Разсмотримъ тѣ свидѣтельства древности, которыя помогутъ разяснить церковно-общественное положеніе чтецовъ, ихъ функціи,—вообще темную ихъ исторію.

Остановимся прежде всего на свидѣтельствѣ Тертуліана (кон. II и нач. III в.). Тертуліанъ къ церковнымъ степенямъ относитъ лишь епископа, пресвитера, діакона (и пожалуй вдовицу). Чтець опущенъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе въ его время въ Карфагенѣ чтецы несомнѣнно существовали. Куда же относились чтецы? Къ разясненію вопроса можетъ послужить слѣдующее свидѣтельство этого писателя. Обличая еретиковъ (гностиковъ) за допущеніе у нихъ церковныхъ безпорядковъ, Тертуліанъ говоритъ: „у нихъ сегодня одинъ епископъ, а завтра другой; кто сегодня діаконъ, тотъ завтра чтець; кто сегодня пресвитеръ, тотъ завтра мірянинъ“ ³⁾. Обыкновенно думаютъ, что въ приведенныхъ словахъ Тертуліанъ дѣлаетъ упреки еретикамъ за то, что у нихъ без-

¹⁾ Commodiani. Instruct. II, 26. Harnack, s. 64.

²⁾ De bapt.. c. 17. De fuga, c. 11. De monog., c. 11—12.

³⁾ Praescr., c. 41.

порядочно переи́мались церковныя степени клира. Но правильнѣе будетъ утверждать, что Тертулліанъ упрекаетъ еретиковъ въ данномъ случаѣ за допущеніе еще большихъ злоупотребленій, чѣмъ выше указанный безпорядокъ. Онъ упрекаетъ ихъ не за смѣшеніе степеней іерархическихъ, а за то, что лица, непринадлежащія совсѣмъ къ клиру, функционируютъ у нихъ, какъ лица церковнаго чина. Такое объясненіе приведенныхъ словъ Тертулліана даетъ возможность сдѣлать интересный выводъ касательно вопроса о чтецахъ. Но спрашивается: основательно ли то объясненіе словъ Тертулліана, на какое мы сейчасъ указали? Это объясненіе представляется совершенно правильнымъ и вотъ на какихъ основаніяхъ. Онъ упрекаетъ, что у еретиковъ сегодня одинъ епископъ, а завтра другой, — значитъ, кто ни попало; далѣе, что у нихъ кто сегодня пресвитеромъ, тотъ завтра міряниномъ. Очевидно, и послѣдній примѣръ о діаконѣ нужно понимать въ томъ же смыслѣ: если онъ говорить, что кто у нихъ сегодня діаконъ, тотъ завтра чтецомъ, то онъ, очевидно, хочетъ сказать, что діаконъ у нихъ изъ діакона на другой день становится міряниномъ. Что упрекъ Тертулліана дѣйствительно заключается въ томъ, что у еретиковъ были переи́маны два порядка—порядокъ лицъ іерархическихъ съ порядкомъ лицъ мірскихъ, это ясно открывается изъ заключительныхъ словъ, которыми онъ заканчиваетъ выше приведенную тираду; онъ говоритъ: у еретиковъ „и мірянамъ поручаются іерархическія обязанности“. Вотъ гдѣ суть обличеній Тертулліана! Изъ этого слѣдуетъ, что Тертулліанъ не причислялъ чтецовъ къ разряду лицъ клира. Для него степеней клира три: епископъ, пресвитеръ, діаконъ, какъ это онъ ясно говоритъ при другихъ случаяхъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Итакъ мы видимъ, что во времена Тертулліана, т. е. въ концѣ II вѣка и въ началѣ III-го, а слѣдовательно и раньше того чтецъ не принадлежалъ къ членамъ клира.

Можно поэтому съ полною вѣроятностью утверждать, что чтецъ въ древнѣйшую пору церкви не причислялся къ клиру. Нѣкоторые чтецы въ такомъ положеніи оставались даже и позднѣе, во времена Кипріана, епископа Карфаген-

скаго (середина III вѣка). Въ своихъ письмахъ этотъ карфагенскій пастырь упоминаетъ о лицахъ, имѣвшихъ право читать Свящ. Писаніе въ церковныхъ собраніяхъ, но оставшихся въ мірскомъ состояніи; изъ писемъ того же Кипріяна видно, что существовали въ его время какіе-то *lectores* (чтецы) — *lectores doctorum audientium* („чтецы при учителяхъ—несомнѣнно пресвитерахъ—при учителяхъ для оглашенныхъ“), но что это за должность доселѣ никѣмъ не объяснено, — но и эти *lectores* не были клириками, а считались лишь „приближенными къ клиру“ ¹⁾.

Еще важнѣе свидѣтельство Кипріяна о тѣхъ чтецахъ, которые въ его время стали зачисляться въ составъ клира. (А это при немъ уже стало встрѣчаться и въ Карфагенѣ). Онъ описываетъ дѣло, исполняемое чтецами, и мѣсто, занимаемое ими при богослуженіи, — какъ нѣчто въ высшей степени почетное. Поставляя, отличившагося особеннымъ мужествомъ во время гоненія, нѣкоего Целерина во чтецы, Кипріанъ пишетъ въ письмѣ къ клиру и народу: „мы возвели его на амвонъ, на этотъ церковный трибуналъ (судилище), чтобы поставленный на возвышенномъ мѣстѣ и при такомъ своемъ почетѣ видимый всему народу онъ читалъ заповѣди (праесорта) и Евангеліе Господни. Пусть онъ увидитъ, есть ли высшая степень, на которой можно было бы принести столько пользы въ церкви“ ²⁾? Очевидно, Кипріанъ къ должности чтеца относится съ какимъ то особеннымъ почтеніемъ; но этимъ дѣло не ограничивается, онъ называетъ мѣсто, на которомъ стоитъ чтець, какъ бы своего рода церковнымъ трибуналомъ, а такъ какъ трибуналъ въ то время находился во власти пресвитеровъ, имѣвшихъ такое близкое отношеніе къ алтарю, то Кипріанъ сближаетъ

¹⁾ Творенія св. Кипріяна въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 152 (Письм 21). Пзд. 2-е. Кіевъ. 1891. Мѣсто это безъ свѣрки съ оригиналомъ остается не яснымъ.

²⁾ Въ томъ же письмѣ Кипріанъ, указывая, что кромѣ Целерина, онъ сдѣлалъ чтецомъ еще Аврелія, затѣмъ пишетъ: „знайте, что они сдѣланы чтецами, потому что надлежало поставить свѣтильникъ на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ; надлежало возвестъ эти лица на возвышенное мѣсто, дабы быть созерцаемыми всѣмъ предстоящимъ братствомъ“. Св. Кипріяна. Творенія. Т. I, (Письмо 31), стр 184—185.

этимъ самымъ служеніе чтеца съ служеніемъ пресвитера¹⁾. И это не случайная, ничего не значущая, замѣтка. Св. Кипріанъ смотрѣлъ на чтецовъ, какъ на кандидатовъ на пресвитеры. Въ томъ же письмѣ, указавъ на достоинства Целерина и другого чтеца Аврелія, онъ пишетъ: „да будетъ вамъ извѣстно, что они предназначаются нами къ пресвитерскому достоинству, а потому они должны быть почтены одинаковою съ пресвитерами кружкою и при ежемѣсячномъ раздѣлѣ получать части въ равномъ съ ними количествѣ, какъ имѣющіе съ достиженіемъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ возсѣдать съ нами“²⁾. Изъ этого мѣста письма Кипріана съ ясностью открывается, что чтецы, достигшіе извѣстнаго возраста, были естественными кандидатами именно во пресвитеры: этотъ переходъ считался настолько натуральнымъ, что Кипріанъ нисколько не затрудняется прямо назначить вышепоименованнымъ чтецамъ пресвитерское вознагражденіе изъ церковныхъ доходовъ, хотя они еще и не сдѣлались настоящими пресвитерами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что чтецы въ древности представляли собой что-то необычайное. Долгое время они къ клиру не принадлежали, но пользовались почетомъ, а впослѣдствіи—въ случаѣ принятія въ клиръ, были въ Кароагенѣ естественными кандидатами въ пресвитеры. Откуда могло возникнуть такое непонятное явленіе?

Все это до извѣстной степени разъяснится, если мы изучимъ, сколько возможно, съ одной стороны такъ сказать первоначальную природу чтеца, а съ другой его функціи, какія ему принадлежали до того времени, когда онъ сдѣлался неважнымъ церковнымъ чиномъ.

О первоначальной природѣ чтецовъ даютъ понятіе отчасти *Sacerdotes Ecclesiastici*. гдѣ о чтецѣ говорится, что онъ занимаетъ мѣсто „евангелиста“. А подъ выраженіемъ: „евангелистъ“ на языкѣ того времени разумѣлись харизматическіе учителя, т. е. лица, считавшія себя обладающими благодатнымъ даромъ учительства въ церкви. Они, какъ извѣ-

¹⁾ Harnack. Op. cit., s. 63.

²⁾ Св. Кипріана. I, 184.

стно, именовались „пророками, дидасками“ (1 Коринѣ. 12, 28). Ихъ было много въ I-мъ и въ первой половинѣ II вѣка¹⁾. Въ томъ же документѣ — *Canoness eccles.* — о чтецѣ еще замѣчается, что въ церковныхъ собраніяхъ въ день воскресный чтецъ занимаетъ первое мѣсто. Можно допускать мысль, что такое мѣсто отводилось чтецу потому, что онъ въ такомъ или другомъ отношеніи напоминалъ или даже имѣлъ сродство съ тѣми же вышеупомянутыми харисматическими учителями, которымъ въ собраніяхъ отводилось почетное мѣсто²⁾. Само по себѣ предположеніе, что по первоначальной своей природѣ чтецъ относился въ началѣ къ разряду харисматическихъ учителей, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Харисматическіе учителя составляли разрядъ людей „глаголавшихъ слово Божіе“, но тоже самое дѣлали и чтцы, читавшіе съ амвона Свящ. Писаніе — во всемъ его объемѣ, т. е.: не одинъ только такъ называемый Апостоль и Ветхій Завѣтъ, но и самыя Евангелія. Положимъ, все это пока предположенія, но они могутъ находить подтвержденіе въ свидѣтельствахъ древности. А когда это будетъ сдѣлано, для насъ станетъ понятно, почему въ началѣ чтецъ, при всемъ уваженіи къ нему, не считался принадлежащимъ къ клиру, а былъ міряниномъ: въ началѣ его никто не поставлялъ формально, какъ никто формально не поставлялъ пророковъ и дидасковъ. — Но попытаемся съ возможною обстоятельностью доказать мысль, что чтецъ имѣлъ сродство съ харисматическими учителями.

Здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на ту молитву, которая записана въ Постановленіяхъ Апостольскихъ и которая читалась при поставленіи въ чтцы. Вотъ эта молитва: „Боже вѣчный, многій въ милости и щедротахъ, самъ и нынѣ призри на раба твоего, ему же вручается читать Свящ. Писаніе твое людямъ твоимъ, и даждь ему Духа Св., Духа пророческаго. Иже Эздру раба твоего на

¹⁾ См. подробнѣе о нихъ въ книгѣ г. Карышева. О новооткрытомъ памятникѣ: *Ученіе 12-ти Апостоловъ*. Моск., 1896.

²⁾ „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“, гл. X, ст. 7; гл. XI, ст. 2; гл. XIII, ст. 3. Этотъ памятникъ въ оригиналѣ съ переводомъ цѣликомъ напечатанъ въ вышеуказанной книгѣ.

чтеніе законовъ твоихъ народу твоему умудривый: и нынѣ, призываемый нами, умудри раба твоего, и даждь ему врученное ему дѣло совершающе неосужденно, достойнымъ явится *вѣщія степени*“ (Постановл., кн. VIII, гл. 22). Здѣсь *обращаетъ на себя вниманіе* прошеніе о томъ, чтобы Богъ ниспослалъ чтецу „Духа Св., Духа пророческаго“. Чтецу испрашивается Духъ Святой,—но во имя Духа Святаго дѣйствовали и харисматическіе учителя; чтецу испрашивается Духъ *пророческій*, но здѣсь разумѣется не духъ пророковъ ветхозавѣтныхъ, такъ какъ чтецы никогда не были пророками въ этомъ смыслѣ, но духъ пророческій въ другомъ смыслѣ: чтецы должны являться тѣмъ же, чѣмъ были харисматическіе новозавѣтные пророки. Въ этой мысли насъ утверждаетъ и еще одно замѣчаніе, находимое въ тѣхъ же Постановленіяхъ Апостольскихъ. Авторъ Постановленій, указывая, какъ нужно дѣлить церковную кружку между различными клириками, говоритъ: „если есть и чтець, то и онъ пусть получить долю едину — въ честь пророковъ“ (Кн. II, гл. 28). Думать, что здѣсь разумѣются пророки ветхозавѣтные нѣтъ никакихъ основаній, потому что мы не знаемъ, чтобы давалась въ Ветхомъ Завѣтѣ какая то „доля единая“ пророкамъ, но несомнѣнно знаемъ, что доля всякихъ начатковъ, даже денегъ — дѣйствительно выдавалась харисматическимъ пророкамъ, какъ объ этомъ возвѣщаетъ древнехристіанскій памятникъ: *Ученіе двѣнадцати Апостоловъ* (гл. XIII)¹⁾. Итакъ принимая указанныя основанія, нѣтъ, кажется, причинъ сомнѣваться въ томъ, что первоначальная природа чтецовъ имѣла сродство съ харисматическими учителями—въ особенности съ пророками.—Сейчасъ приведенное мѣсто изъ Постановленій Апостольскихъ имѣетъ еще другую редакцію, которая съ новой стороны освѣщаетъ вопросъ о чтецахъ. Въ новѣйшее время найденъ древній сирскій памятникъ, которому дали греческое названіе: *Διδασ-*

¹⁾ Здѣсь читаемъ: „каждый истинный пророкъ, который поселится у васъ, достоинъ своего пропитанія. Точно также и истинный учитель (*διδάσκαλος*). Поэтому, взявши начатокъ изъ произведеній точила и гумна, воловъ и овецъ, дай этотъ начатокъ пророкамъ. Точно также, если ты открылъ сосудъ вина или едеи, то взявши начатокъ, дай пророкамъ. Взявши начатокъ серебра и всякаго имѣнія, отдай по заповѣди“.

χαλῖα—наставленіе,—и который представляет собою первоначальную редакцію большей части (I—VI книгъ) теперешнихъ Постановленій Апостольскихъ (разумѣется, въ свое время этотъ памятникъ явился не на сирскомъ, а греческомъ языкѣ). Въ этомъ сирскомъ памятникѣ рассматриваемое мѣсто о долѣ чтецовъ читается такъ: „а если и чтець есть, пусть получить и онъ, какъ *пресвитеры*,—(въ честь пророковъ) ¹⁾“. Здѣсь находятся слова, которыхъ нѣтъ въ теперешнихъ Постановленіяхъ Апостольскихъ: пусть и онъ получить, какъ пресвитеры. Слѣдовательно, если во времена Кипріана, какъ мы указали выше, чтецы являлись естественными кандидатами на степень пресвитерства, то это не было обычаемъ частной Кареагенской церкви, а было явленіемъ общимъ, такъ какъ находить себѣ не прямое, но прочное подтвержденіе въ Сирской *Διδασχάλια*, представляющей собою собраніе древнѣйшихъ церковныхъ законовъ.

Теперь займемся рассмотрѣніемъ тѣхъ функций, какія принадлежали чтецу древнѣйшей эпохи. Какъ показываетъ самое имя, чтець имѣлъ обязанность читать при богослуженіи Свящ. Писаніе. Онъ это и дѣлалъ. Но читалъ, не какъ теперь, только нѣкоторыя книги Свящ. Писанія, но безъ исключенія всѣ. Т. е. онъ дѣлалъ не только то, что теперешній чтець, но то, что принадлежитъ теперь къ прерогативамъ пресвитера и діакона. Самое искусство чтенія въ тѣ времена не принадлежало къ такимъ распространеннымъ явленіямъ, какъ въ наши дни. Въ особенности среди малообразованнаго перво-христіанскаго общества человѣкъ, умѣвшій читать, могъ быть поставляемъ высоко. Кстати нужно еще прибавить, что тогдашній способъ писанья книгъ, называемый *scriptio continua*, безъ знаковъ преписанія и безъ промежутковъ между словами, былъ чрезвычайно труденъ для чтенія; не всякій могъ легко научиться читать тогдашнюю рукопись. И церковь дѣйствительно цѣнила чтецовъ, исполняющихъ свое дѣло какъ слѣдуетъ. По извѣстіямъ одного древняго сборника каноновъ, епископъ, посвящая чтеца и вручая ему книгу, говорилъ: „если ты

¹⁾ Harnack. Op. cit. S. 76.

будешь исполнять свое дѣло съ вѣрностью и съ пользою, то будешь имѣть часть съ тѣми, кто исполняетъ слово Господне“¹⁾). Значеніе чтеца въ древнѣйшую эпоху церкви еще больше возрастетъ въ нашихъ глазахъ, если примемъ во вниманіе слѣдующее обстоятельство: въ тѣ времена (въ I и II вѣк.) играли большую роль въ христіанскихъ общинахъ въ качествѣ церковныхъ учителей харизматическіе пророки и дидакалы²⁾). Но весьма возможно допустить, что между этими учителями, обладавшими даромъ свободной рѣчи, могли быть лица, неумѣвшія читать книгъ. Въ такихъ случаяхъ чтецъ могъ быть чрезвычайно полезенъ, ибо древняя проповѣдь всегда примыкала къ тому, что прочитано было за богослуженіемъ изъ книгъ Свящ. Писанія. Но одни ли харизматическіе учителя нуждались въ чтецахъ, какъ въ своихъ добрыхъ помощникахъ! Въ древнѣйшую пору христіанства и между епископами всрѣчались лица неграмотныя³⁾). Какъ эти лица могли бесѣдовать съ общиной въ храмѣ, еслибы напередъ чтецъ не читалъ предъ началомъ проповѣди извѣстнаго отдѣла Свящ. Писанія? Не даромъ же сначала все Писаніе читали въ церкви *одни чтецы*; быть можетъ ихъ помощь была существеннѣе, чѣмъ какъ мы полагаемъ теперь.

Чтецу принадлежала не одна механическая функція—чтеніе Свящ. Писанія въ собраніяхъ но—что особенно важно—онъ имѣлъ право еще и толковать Свящ. Писаніе для вѣрующихъ публично, въ церковныхъ же собраніяхъ. Это новая и важная функція существенно приближала чтеца къ харизматическимъ пророкамъ и дидакаламъ. Харизматическій учитель поучалъ народъ, толковалъ Свящ. Писаніе, тоже сдѣлалъ и чтецъ; притомъ въ то время вообще даръ религіознаго наставленія, учительства считался подлиннымъ даромъ Св. Духа, харисмой. Въ принадлежности чтецу

¹⁾ Harnack. Die Quellen der Apostolisch. Kirchenordnung, s. 79.

²⁾ См. Ап. Павла I корин. 14, 29—31. Въ *Ученіи 12-ти Апостоловъ* говорится: „если кто, пришедши къ вамъ, станетъ учить васъ тому, что сказано прежде..., того примите. Если онъ учить такъ, что умножаетъ правду и знаніе Господа, то примите его, какъ Господа. Всякаго пророка, говорящаго въ духѣ, не испытывайте и не судите“ (Гл. XI, 1—2 и 7).

³⁾ См. объ этомъ ниже.

функции—толковать Свящ. Писание публично, вообще наставлять вѣрующихъ, — хорошо удостовѣряетъ насъ памятникъ: *Canones ecclesiastici*. Въ немъ прямо требуется, чтобы чтець „имѣлъ способность къ поученію“, „такъ какъ онъ занимаетъ—добавляется въ памятникъ—мѣсто евангелиста“, т. е. харизматическаго учителя. Какимъ образомъ возникла эта функция чтецовъ — толковать Свящ. Писание? Прежде всего нужно сказать, что по древнимъ представленіямъ чтеніе Свящ. Писанія и объясненіе его стояли въ тѣсной связи между собою: кто читалъ Писаніе, тотъ какъ бы обязывался и толковать его (I Тимоѳ. 4, 13). Но еще болѣе важнымъ условіемъ появленія разсматриваемой функции у чтецовъ служило то, что было особое время въ положеніи церкви, когда чтець силою самихъ вещей побуждаемъ былъ взяться за дѣло толкованія и поученія. Наступило время, когда не стало харизматическихъ учителей,—это время наступило для однихъ церквей раньше, а для другихъ позже,—а разъ наступило такое время ¹⁾, нужно было занять мѣсто этихъ учителей, ибо поученіе составляло тогда существенную принадлежность церковныхъ собораній. Эту обязанность естественнѣе всего, по исчезновеніи пророковъ и дидакаловъ, было всецѣло взять на себя епископамъ, изъ которыхъ иные до этого времени, при существованіи харизматическихъ церковныхъ учителей, могли и всецѣмъ не заниматься этимъ дѣломъ. Но епископы далеко не всегда могли брать на себя это дѣло. Памятникъ: *Canones Ecclesiastici* ²⁾ представляетъ возможность такихъ случаевъ: „когда епископъ оказывался неграмотнымъ (ἀγράμματος)“. Подобнымъ же образомъ и постановленія Апостольскія (кн. II, гл. 1), не исключаютъ таковой же возможности, повторяя слова памятника: *Canones*. А церковная исторія дѣйствительно можетъ указать не мало необразованныхъ епископовъ ³⁾, жившихъ

¹⁾ Пророки, какъ мы знаемъ, уже исчезаютъ въ исторіи къ концу II вѣка, а дидакалы еще продолжаютъ существовать въ нѣкоторыхъ захолустныхъ церквахъ даже въ срединѣ III вѣка.

²⁾ Nagelsk. Op. citat., s. 10.

³⁾ Не говоря уже о епископахъ II и III вѣка въ маленькихъ и бѣдныхъ городахъ, даже епископы столичныя иногда отличались полныхъ невѣжествомъ. Римскій епископъ (папа) Зефиринъ былъ ἀγράμματος; а епископъ

около того времени, когда исчезаютъ послѣдніе харизматическіе учителя. Естественно при такихъ условіяхъ, что обязанность поучать общину, толковать Свящ. Писаніе перешла къ чтецу, который принадлежалъ къ наиболѣе просвѣщеннымъ членамъ церковной общины и пожалуй клира¹⁾. Нельзя утверждать, чтобы это золотое время въ жизни института чтецовъ продолжалось долго, но оно все же было,—это историческій фактъ. Это было состояніе во всякомъ случаѣ переходное и очень возможно, что не во всѣхъ церквахъ имѣло мѣсто возвышеніе чтеца на степень церковнаго проповѣдника.

Теперь намъ нужно доказать, что въ исторіи разсматриваемой нами эпохи дѣйствительно встрѣчались чтецы въ роли проповѣдниковъ въ церковныхъ собраніяхъ. Безъ этого наши разъясненія могутъ казаться гадательными. Къ счастью, до насъ дошла цѣлая проповѣдь чтеца древне-христіанской эпохи. Въ числѣ произведеній древне-христіанской литературы съ давнихъ поръ занимало видное мѣсто такъ называемаго II посланіе Климента, епископа римскаго (нач. II вѣка). Признавалось оно Климентовымъ просто потому, что первоначально оно открыто было въ одномъ и томъ же кодексѣ съ первымъ, подлиннымъ посланіемъ Климента. Но до самаго недавняго времени никто изъ ученыхъ точно не зналъ, что такое въ существѣ дѣла такъ называемое II Климентово посланіе, такъ какъ оно сначала открыто было въ неполномъ видѣ. Теперь же, когда это произведеніе сдѣлалось извѣстнымъ въ полномъ его видѣ, ученые пришли къ тому выводу, что такъ называемое II посланіе Климента есть проповѣдь, древнѣйшая проповѣдь, какая только сохранилась до насъ, проповѣдь, появившаяся не позднѣе середины

(патріархъ) Александрійскій Димитрій былъ деревенщина, не знакомый съ Св. Писаніемъ. Hagback. Op. citat., s. 10.

¹⁾ Памятникъ: *Canones ecclesiastici*, единственный памятникъ II вѣка, въ которомъ перечисляются требованія, предъявляемыя тогдашней церковію къ пресвитерамъ (Hagback. S. 11—17. Здѣсь подлинный текстъ памятника по занимающему насъ вопросу) ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ, чтобы на пресвитерѣ того времени лежала обязанность учить вѣрующихъ съ церковной кафедры. Да исторія II вѣка и не знаетъ пресвитеровъ, посвящавшихъ свое вниманіе этому дѣлу. А о діаконахъ и говорить нечего—въ данномъ отношеніи.

II вѣка. Кому же принадлежитъ по своему происхожденію эта проповѣдь? Судя по содержанію ея, она не могла быть произнесена ни епископомъ, ни пресвитеромъ, потому что проповѣдникъ говоритъ къ слушателямъ какъ человѣкъ равный съ этими послѣдними и даетъ знать о своемъ подчиненіи пресвитерамъ ¹⁾). Можно задать себѣ вопросъ: не принадлежитъ ли проповѣдь по своему происхожденію какому либо харизматическому учителю, напр., пророку? Но и этого нельзя допускать: свои поученія и назиданія харизматическіе учителя произносили экспромтомъ и наизусть, а здѣсь мы имѣемъ дѣло съ проповѣдью, записанной на тетради; проповѣдникъ говоритъ о себѣ: „я читаю“ (αὐτὸν ἰσχυὸς σα. 19). (Вотъ древнѣйшій примѣръ проповѣди, предварительно записанной на тетрадку, какъ извѣстно, столь спасительную для проповѣдниковъ нашего времени; такая древность употребленія проповѣднической тетрадки, конечно, можетъ защищать нашихъ проповѣдниковъ отъ упрека во введеніи бумажнаго проповѣдничества; но едвали они были бы польщены, еслибы знали: кто первый завелъ спасительную тетрадку?). Такъ—говоримъ—проповѣдь эту произносилъ не харизматическій учитель, ибо этотъ говорилъ поученія, а не читалъ. Да и самый тонъ проповѣди не допускаетъ подобнаго предположенія. Проповѣдникъ здѣсь говоритъ не отъ лица Духа Св., какъ дѣлали пророки и дидакалы, а поучаетъ, такъ сказать, на свой страхъ; притомъ же онъ поучаетъ не какъ власть имѣющій учитель, не какъ авторитетъ, а какъ человѣкъ очень скромный и смиренный: онъ даже называетъ себя „всегрѣшнымъ“ (са. 18). Итакъ, кто же написалъ загадочную проповѣдь? Думаютъ, что никто другой, какъ чтець. А для доказательства сейчасъ указанной мысли справедливо ссылаются на разные выраженія самого проповѣдника. Въ особенности же къ этому выводу склоняются, когда проповѣдникъ прямо даетъ знать, что сначала онъ прочелъ отдѣлъ Свящ. Писанія за богослуженіемъ ²⁾ (а это дѣло чтеца), а затѣмъ сталъ чи-

¹⁾ Са. 17. 19.

²⁾ Са. 19. Conf. Harnack. Op. citat. S. 83.

тать и свое поученіе, относящееся къ этому отдѣлу Писанія. Итакъ мы имѣемъ примѣръ проповѣдника—чтеца, взявшаго на себя обязанность эту, какъ разъ въ то время, когда стали исчезать харизматическіе учителя, т. е. около середины II вѣка ¹⁾. Но это не единственный, намъ извѣстный примѣръ чтеца, занимавшагося толкованіемъ Свящ. Писанія съ церковной каѳедры. Одинъ мученикъ Діоклітіанова гоненія, по имени Прокопій, въ актахъ мученическихъ названъ и чтецомъ Свящ. Писанія (за богослуженіемъ) и истолкователемъ его ²⁾.—Проповѣдничество съ церковной каѳедры было функціей, характеризующей положеніе чтецовъ въ лучшую пору жизни этого института. Поэтому-то чтецовъ въ это время ставили выше діаконовъ (*Canones eccles.*) ³⁾.

1) Дѣлають догадку, что проповѣдь эта прочитана была или въ Римѣ или Коринѣѣ.

2) Ruinart. *Acta martyrum*, p. 387. Ratisbonae, 1859.

3) Нужно сказать, что нѣкоторые ученые отрицательно относятся къ утвержденію, что въ жизни чтецовъ былъ такой періодъ, когда они были церковными проповѣдниками. Къ числу такихъ ученыхъ принадлежитъ римско-католическій писатель *Виландъ*. Для этого онъ прежде всего даетъ свое толкованіе словамъ вышеуказаннаго памятника, въ которыхъ выражается требованіе, чтобы чтець „имѣлъ способность къ поученію“. По мнѣнію Виланда, этими словами требовалось отъ чтеца, чтобы онъ умѣлъ читать внятно и толково, такъ чтобы его чтеніе было поучительно. Но нельзя не находить, что подобное толкованіе есть ясная натяжка, тѣмъ болѣе, что въ томъ же памятникѣ чтець называется „евангелистомъ“ въ смыслѣ харизматическаго учителя. Правда Виландъ старается и этотъ терминъ истолковать не въ пользу проповѣднической дѣятельности чтеца, но это—новая натяжка со стороны разсматриваемаго ученаго. Онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Евангелистами иногда называются миссіонеры—проповѣдники (наприм. Евсевія, III. 37). А евангелистами они, по сужденію Виланда, назывались потому, что они рассказывали предъ оглашенными о дѣлахъ и ученіи Спасителя, но рассказывали не изустно, а читая предъ ними самую книгу евангельскую. Эти евангелисты не были самостоятельными проповѣдниками. Въ такомъ же смыслѣ будто бы именуются евангелистами и чтецы. Но мы полагаемъ, что не найдется ни одного разсудительнаго человѣка, который согласился бы съ такимъ пониманіемъ задачи евангелиста—миссіонера. И едва ли что-либо подобное приходило въ голову историка Евсевія, повѣствующаго о дѣятельности древнихъ миссіонеровъ. Наконецъ Виландъ не соглашается съ тѣмъ, что чтець былъ авторомъ той проповѣди, которая дошла до насъ съ именемъ II-го посланія Климента. Онъ разсуждаетъ: если чтець сочинилъ эту проповѣдь, то онъ могъ бы ее и не читать, а передовать содержаніе ея въ свободной рѣчи, какъ дѣлають проповѣдники. Положимъ такъ... Но если чтець почему-бы то ни было написалъ проповѣдь, то значить онъ рѣшился ее прочесть, а прочитавъ ее сдѣлалъ то, что и хотѣлъ сдѣлать. Неужели онъ не долженъ былъ поступать такъ? (*Wieland. Die Entwicklung der sog. ordines minores in den 3 erst.*

Разскажемъ вкратцѣ (резюмируемъ) исторію института чтецовъ, какъ она представляется на основаніи имѣющихся документовъ. Чтецы появляются въ церкви гораздо раньше, чѣмъ какъ объ этомъ принято думать. Въ началѣ Апокалипсиса говорится: „блаженъ читающій и слушающіе слова пророчества сего“ (1, 3). Здѣсь уже различаются читающій, чтецъ, и его слушатели. Едвали здѣсь идетъ рѣчь о простомъ читателѣ вслухъ. Подобное различіе чтеца отъ слушателей было бы пустымъ педантизмомъ, еслибы при этомъ не шло рѣчи о чтецѣ, занимающемъ извѣстное видное мѣсто въ церковной общинѣ. Значитъ, это мѣсто Апокалипсиса даетъ свидѣтельство о существованіи чтецовъ раньше 100-го года христіанской эры. Еще яснѣе представляется существованіе чтецовъ около середины II вѣка. Въ извѣстной апологіи Іустина, при описаніи совершенія литургіи христіанами (вѣроятно, въ Римѣ), говорится (гл. 67): когда чтецъ прерветъ чтеніе писаній апостольскихъ или пророческихъ, тогда предстоятель начинаетъ говорить къ собранію.

Въ началѣ чтецы появились, какъ лица нужныя при совершеніи богослуженія: читать хорошо могли лишь немногіе изъ первоначальныхъ христіанъ, такъ какъ между ними мало было лицъ, получившихъ образованіе. Чтецы сначала не принадлежали къ клиру, потому что, подобно харизматическимъ учителямъ, не были лицами выборными или назначаемыми, а служившими въ силу внутренняго призванія; но, не принадлежа къ клиру, они успѣли на нѣкоторое время достигнуть высокаго положенія. Съ исчезновеніемъ харизматическихъ учителей, они сдѣлались проповѣдниками Слова Божія въ церковныхъ собраніяхъ. Но едвали это продолжалось долго. Во всякомъ случаѣ это былъ золотой періодъ въ жизни чтецовъ; онъ продолжался со середины II-го до второй четверти III-го вѣка. Затѣмъ звѣзда чтецовъ видимо начинаетъ блекнуть. Столь выгодно отличавшее

Iahrhund. S. 81. 84. 91. Rom. 1897). Кстати сказать, Виландъ думаетъ, что чтецъ въ древнѣйшія времена пользовался „высокимъ уваженіемъ“ (160), но спрашивается: на чемъ же основался этотъ почетъ, утраченный чтецомъ впоследствии?

ихъ, проповѣдничество стало отходить отъ нихъ. Оно частью перешло къ епископамъ, между которыми теперь рѣже и рѣже стали попадаться люди малообразованные: *ἀρχιδιάκονοι*, какъ называли ихъ *Canones ecclesiastici*. Проповѣдническую должность стали отправлять также и пресвитеры; около середины III вѣка въ Карфагенѣ появились *presbyteri doctores*—пресвитеры учащіе ¹⁾. Значеніе чтецовъ стало падать. Зачисленіе ихъ въ клиръ и отведеніе имъ невысокаго мѣста здѣсь сильно подорвало важность и престижъ чтецовъ. Это включеніе чтецовъ въ разрядъ клириковъ и притомъ низшихъ происходитъ въ двадцатыхъ годахъ III вѣка. Въ срединѣ же III вѣка окончательно опредѣляется положеніе чтецовъ въ клирѣ. Это произошло въ Римѣ. Въ правленіе папы Корнелія они причисляются уже къ одной группѣ съ привратниками и заклинателями ²⁾. Отъ чтецовъ стали требовать только механическаго дѣла—чтенія, не поручая имъ болѣе важныхъ функцій. Впрочемъ въ теченіе III-го вѣка должность чтецовъ на практикѣ еще далеко не превратилась въ должность низшаго разряда, какою она стала въ болѣе позднее время. Изъ нѣкоторыхъ фактовъ начала IV вѣка видно, что чтецы еще не потеряли нѣкотораго значенія. Во время гоненія Діоклитіана, когда приказано было отбирать у христіанъ кодексы Св. Писанія, то сбереженіе этихъ кодексовъ отъ опасности было поручено чтецамъ; такъ въ одной африканской церкви на рукахъ чтецовъ находилось цѣлыхъ 32 кодекса. Между подписями собора Арльскаго (314 года) встрѣчаемъ подписи двухъ чтецовъ—рѣдкое отличіе ³⁾.

Въ довершеніе принятой нами задачи изучить составъ церковныхъ лицъ древнѣйшей эпохи христіанства намъ остается сказать еще немного. Наиболѣе полный списокъ церковныхъ лицъ сохранился до насъ лишь отъ времени папы Корнелія (ок. 250 г.). Разумѣемъ письмо его къ антиохійскому епископу Фавію. Здѣсь въ числѣ низшихъ должно-

¹⁾ Св. Кипріяна. Творен. I (письмо 21), стр. 152.

²⁾ Церк. Исторія Евсевія, кн. VI, гл. 43.

³⁾ Harnack. Op. cit., s. 63.

стныхъ церковныхъ лицъ, такъ сказать „нижнихъ чиновъ“ въ церковномъ причтѣ, кромѣ чтецовъ, о которыхъ у насъ рѣчь была сейчасъ, упоминаются иподіаконы, аколуюы, экзоркисты и остіаріи (Евсевія, VI, 43). Что это за чины? Какія должности имъ принадлежали и какъ они произошли? Два рода должностныхъ лицъ: иподіаконы и экзоркисты не требуютъ долгихъ объясненій. Иподіаконы, какъ показываетъ самое имя, стояли въ связи съ институтомъ діаконовъ и явились въ качествѣ дополненія этого послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, въ церкви долго держалось правило, чтобы діаконовъ въ каждомъ городѣ было не свыше семи. Вотъ опредѣленіе собора Неокесарійскаго (315 г.): „діаконовъ, по правилу, должно быть семь, хотя бы и очень великъ былъ городъ, въ этомъ удостовѣряетъ книга дѣяній“ (пр. 15). Естественно, очень скоро въ значительныхъ городахъ оказывалось, что мало имѣть такое ограниченное число діаконовъ; и вотъ появились иподіаконы, какъ ихъ помощники. Интересно отмѣтить, что и иподіаконовъ въ началѣ было не болѣе же семи въ той и другой христіанской церкви (Евсевія, тамъ же).— Не трудно дать понятіе и о должности экзоркистовъ (ἐξορκιστής). Многіе изъ древнихъ христіанъ приписывали себѣ даръ исцѣлять болѣзни и въ особенности изгонять злыхъ духовъ изъ больныхъ. Это и были экзоркисты, т. е. заклинатели. О нихъ можно находить упоминаніе у св. Иринея Ліонскаго ¹⁾. Очень возможно, что нѣкоторые изъ такихъ лицъ еще въ глубокой древности зачислялись въ штатъ должностныхъ церковныхъ лицъ; слова папы Корнелія, указанныя нами выше, даже требуютъ допущенія такого факта. Эти заклинатели необходимы были при совершеніи крещенія надъ обращающимися къ христіанской вѣрѣ, тѣмъ болѣе, что крещеніе совершалось тогда очень торжественно ²⁾.

Труднѣе составить понятіе о другихъ церковныхъ должностяхъ, упоминаемыхъ въ вышеуказанномъ письмѣ Корнелія. Название: аколуюъ (ἀκλούος) довольно неопредѣленно. Оно

¹⁾ Противъ ересей. Кн. II, гл. 31.

²⁾ Wieland. Entwicklung der sog. ordines minores. S. 114—115. Rom, 1897.

не указывает на какойнибудь определенный родъ церковнаго служенія; само по себѣ оно означаетъ человѣка, принадлежащаго къ чей-нибудь свитѣ, вообще человѣка служащаго. Яснѣе названіе остальной должности: остіарій (*ostiarіus* = *πολωρός*), что значитъ придверникъ или привратникъ; но непонятно, почему такое лицо причисляется къ штату церковному. Главная же трудность заключается въ томъ, что ученые расходятся во мнѣніи какъ относительно происхожденія этихъ должностей, такъ отчасти и по вопросу о функціяхъ, соединенныхъ съ этими должностями.

Вотъ мнѣніе проф. Ад. Гарнака. Оно очень оригинально. Этотъ ученый утверждаетъ, что напрасно было бы искать корни этихъ должностей въ первохристіанствѣ и что, вѣроятно, возникли онѣ подъ вліяніемъ языческо-римскихъ преданій и обыкновеній. Изученіе религіозныхъ римскихъ должностей даетъ основаніе находить здѣсь нѣчто аналогическое съ христіанскими аколутами и остіаріями. Остіаріевъ очень напоминаютъ прислужники, имѣвшіе мѣсто при языческихъ римскихъ храмахъ; эти прислужники назывались *aeditui* (отъ *aedes* храмъ). *Aeditui* или храмовые прислужники имѣли своимъ назначеніемъ отворять, запираеть двери храма и поддерживать чистоту въ святилищѣ, показывать посѣтителямъ достопримѣчательности храмовъ; они выпускали сюда для совершенія молитвы или жертвоприношенія лицъ, имѣвшихъ на то право и воспрещали входъ въ храмъ лицамъ, не обладавшимъ такимъ правомъ.—Что касается аколутамъ, то они похожи на прислужниковъ, бывшихъ въ личномъ распоряженіи языческихъ жрецовъ. Они назывались *salatores*. Они исполняли при жрецахъ должности писмоносцевъ, писцовъ, а также они были помощниками жрецовъ при совершеніи жертвъ этими послѣдними.

Что римскіе *aeditui* въ самомъ дѣлѣ сходны съ остіаріями, а римскіе же *salatores* съ аколутами, въ этомъ, по сужденію Гарнака, удостовѣряютъ насъ церковныя свидѣтельства. Остіаріи, подобно древнимъ *aedituis*, отпирали и запирали двери христіанскихъ храмовъ, смотрѣли за лицами, входящими въ храмъ, а лицамъ почему либо подозрительнымъ заграждали входъ, они сортировали присутствующихъ,

указывали мѣста для кающихся и оглашенныхъ и пр. Указанія на это Гарнакъ находитъ въ одномъ правилѣ четвертаго Карфагенскаго собора, въ которомъ говорится о томъ, что будущій остіарій получалъ наставленія, какъ нужно относиться къ храму Божію, а равно и о томъ, при какихъ обстоятельствахъ ему вручались ключи отъ храма самимъ епископомъ. Съ другой стороны тотъ же ученый увѣряетъ, что существуетъ въ самомъ дѣлѣ родство между аколуюами и прежними *salatoribus*. Изъ писемъ св. Кипріана видно, что аколуюы больше всего употреблялись въ качествѣ письменосцевъ по церковнымъ дѣламъ ¹⁾). Затѣмъ изъ этихъ же писемъ видно, что какъ и *salatores*, аколуюы сообразно своему наименованію, употреблялись не на служеніе храму, а для личныхъ услугъ предстоятеля. Нашъ ученый обращаетъ вниманіе на то, что въ вышеуказанномъ письмѣ Корнелія, число пресвитеровъ римскихъ и аколуюовъ выходитъ почти одинаковымъ: при римской церкви первыхъ было 46, а вторыхъ 42. Значитъ на каждого пресвитера приходилось по одному аколуюу, какъ было и въ мірѣ языческомъ, среди жрецовъ. Гарнакъ при этомъ старается объяснить, почему цифра пресвитеровъ не совсѣмъ совпадаетъ съ цифрою аколуюовъ ²⁾). Такимъ образомъ Гарнакъ для остіаріевъ и аколуюовъ указываетъ не только языческое, но и собственно римское происхожденіе.

Другихъ воззрѣній на происхожденіе разсматриваемыхъ должностей держится Виландъ, римско-католическій ученый. Аколуюать, по его сужденію, произошелъ изъ института иподіаконовъ. Иподіаконы, въ началѣ появленія этой должности, исполняли простѣйшіе работы при храмѣ, наприм. подметали его, а также были на посылкахъ, въ качествѣ письменосцевъ. Они были слугами діаконовъ безъ опредѣленнаго назначенія. Въ свою очередь и аколуюы были прислужниками безъ указанія какой нибудь опредѣленной сферы. Это роднило иподіаконовъ съ аколуюами. Но эти должности

¹⁾ См., наприм. 42 и 47 пис. Кипріана. Т. I въ рус. пер. стр. 210. 249

²⁾ Harnack. Die Quellen der sog. apostolisch. Kirchenordnung nebst einer Untersuchung über den Ursprung der niederen Weihen. S. 93—96. Leipz., 1886.

появились одновременно. Когда иподіаконы, появившіеся, вѣроятно, во II вѣкѣ, съ возвышеніемъ діаконовъ, и сами повысились въ должности, сдѣлались болѣе или менѣе служителями алтарными, то мѣсто ихъ и занято было новыми лицами, которые назывались аколоуеами. Если во времена Кипріяна письмоносецами являлись не одни аколоуеы, но и иподіаконы, то это показываетъ, что между этими должностями было родство. На то же самое указываетъ и то, что въ письмѣ Корнелія аколоуеы упомянуты непосредственно послѣ иподіаконовъ и первые ясно отнесены къ одной группѣ церковныхъ лицъ съ послѣдними. Далѣе, Виландъ считаетъ не случайностью число 42, которымъ обозначалось количество аколоуеовъ въ письмѣ Корнелія. Нужно знать, что папа Фабіанъ, предшественникъ Корнелія, раздѣлилъ Римъ въ церковномъ отношеніи на семь участковъ (*regiones*), поручивъ ихъ наблюденію семи діаконовъ и семи иподіаконовъ. Если раздѣлить цифру 42 на 7, то получится равное число 6. Изъ этого Виландъ заключаетъ, что каждые шесть аколоуеовъ состояли при одномъ иподіаконѣ (а чрезъ нихъ и при каждомъ римскомъ діаконѣ). Название аколоуеъ скоро стало означать человѣка покинувшего міръ и вступившаго въ званіе клирика. Вообще нашъ ученый смотритъ на аколоуеатъ какъ на подготовительную школу къ должности прислужника въ алтарѣ ¹⁾. — Остіаріямъ этотъ ученый приписываетъ такое же происхожденіе, какъ и аколоуеамъ. Остіаріи — это вѣтвь иподіаконата. На первоначальное родство этихъ двухъ должностей указываетъ то, что по крайней мѣрѣ на Востокѣ иподіаконы долгое время исполняли обязанности придверниковъ храма. Соборъ Лаодикійскій (IV в.) неоднократно (прав. 22. 43) внушаетъ иподіаконамъ не покидать дверей храма, во время богослуженія. Но тотъ же соборъ знаетъ и привратниковъ (*πυλῳροὶ*) (пр. 24). Поэтому, Виландъ думаетъ, что остіаріи были специально служами и помощниками иподіаконовъ; съ этихъ послѣднихъ перенесены были на остіаріевъ нисшіе работы при храмѣ, наименѣе соединенные съ богослуженіемъ. Разумѣется, такое

¹⁾ Wieland. Ordines minores. S. 50. 154—158. 177.

перенесеніе произошло тогда, когда иподіаконъ началъ принимать болѣе или менѣе активное участіе въ богослуженіи ¹⁾). Соборъ Лаодикійскій (пр. 24) уже причисляетъ остіаріевъ къ лицамъ церковнаго чина.

Приведя два мнѣнія ученыхъ, прибавимъ лишь слѣдующее: мы не имѣемъ основаній отвергать воззрѣній Гарнака, но желаемъ, чтобы въ наукѣ утвердилось мнѣніе Виланда, такъ какъ безпристрастіе требуетъ допускать самое малое вліяніе язычества на образованіе христіанскихъ институтовъ, а отнюдь не перенесеніе готовыхъ языческихъ формъ въ сферу церковную.

¹⁾ Wieland. S. 161—162.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

І. Духовенство и народъ и ихъ взаимныя отношенія во II и III вѣкахъ.

Во времена апостольскія представители церковнаго авторитета и христіанскій народъ находились между собою въ самыхъ близкихъ и тѣсныхъ отношеніяхъ. Одинъ русскій канонистъ говоритъ: „церковное управленіе апостольскаго вѣка было открытымъ, публичнымъ. Трудно, едва-ли даже возможно—замѣчаетъ онъ—отыскать въ дѣйствіяхъ апостоловъ какой-либо намекъ на то, чтобы они когда-либо дѣйствовали секретно отъ вѣрующихъ, предпринимали какія-либо мѣры, не посовѣтовавшись предварительно со всею церковію даннаго мѣста. Напротивъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ находится множество свидѣтельствъ въ пользу того, что они раскрывали предъ всѣмъ множествомъ свои планы и осуществляли ихъ по совѣщаніи съ нимъ и при содѣйствіи его“¹⁾. Разсужденія эти совершенно справедливы. Такой же порядокъ управленія церковію поддерживался и въ послѣ-апостольское время до III-го вѣка. Міряне этой эпохи составляли живую и дѣятельную силу въ церкви и ея дѣлахъ. Если когда, то теперь тѣмъ болѣе міряне находились въ въ тѣснѣйшей и гармонической связи съ своими представителями—іерархіею. И могло-ли быть иначе? Первоначаль-

¹⁾ Проф. Заозерскаго. О церковной власти, стр. 92—93. Серг. Посадъ, 1894.

ная христіанская церковь не была такой мрежей, которою уловляется доброкачественная рыба наравнѣ съ негодной; въ то время принадлежность человѣка къ церкви не была случайностію, а опредѣлялась глубокимъ внутреннимъ расположеніемъ: самая эта принадлежность гарантировала духовную зрѣлость ея членовъ. Это въ свою очередь вело къ тому, что христіане конца I-го и II-го вѣка были дѣйтельными сочленами Христовой церкви. Въ чемъ же это проявлялось? Прежде всего въ дѣлѣ чрезвычайно важномъ—въ избраніи себѣ пастырей по сердцу своему. Писатель христіанскаго памятника II-го вѣка: „Ученіе 12-ти Апостоловъ“ (Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων), предписываетъ христіанскому обществу или народу избирать самимъ себѣ епископовъ и діаконовъ (гл. XV, ст. 1). „Поставляйте себѣ—рѣчь обращена къ церковной общинѣ—епископовъ и діаконовъ“: χειροτονῆσατε—мы передаемъ выраженіемъ „поставляйте“, желающій же сдѣлать болѣе рѣзкій выводъ пожалуй переведетъ это слово иначе. Объ условіяхъ поставленія со стороны формальной здѣсь ничего не сказано; слѣдовательно, это дѣло было въ полной власти общинъ, но, разумѣется, надлежало выбирать только достойныхъ, какъ и заповѣдуется въ памятникѣ. По свидѣтельству другого апокрифическаго памятника законоположительнаго характера (II-го же вѣка), подъ названіемъ: „Правила Церковныя“ (canones ecclesiastici), право церковной общины избирать себѣ епископовъ находится въ рукахъ мірянъ и представляется ничѣмъ неограниченнымъ. Въ указанномъ памятникѣ разрѣшается вопросъ: какъ поступать въ томъ случаѣ, если данная община пожелаетъ имѣть епископа (а нужно замѣтить, что въ то время каждая община старалась имѣть отдѣльнаго епископа), а между тѣмъ число членовъ ея, взрослыхъ и граждански-полноправныхъ, способныхъ принять участіе въ актѣ избранія, менѣе двѣнадцати человѣкъ? Поставляя на рѣшеніе этотъ вопросъ, памятникъ предписываетъ слѣдующее: „если въ какомъ либо мѣстѣ число мужчинъ—христіанъ невелико, такъ что не найдется и 12-ти человѣкъ, имѣющихъ право подавать голосъ при избраніи епископа, то пусть они обратятся къ сосѣднимъ церквамъ, и эти пусть пришлютъ троихъ

избранныхъ мужей, вмѣстѣ съ которыми и слѣдуетъ опредѣлить кто достоинъ епископской должности“. Заслуживаетъ вниманія то, что въ указанномъ памятникѣ какъ инициатива, такъ и процессъ избранія епископа исключительно усвоется мірянамъ данной общины: послѣ того, какъ почувствуется нужда имѣть отдѣльнаго епископа, міряне, если община ихъ очень мала, обращаются съ письменною просьбою къ ближайшей церкви прислать отсюда трехъ избранныхъ мужей (повидимому, тоже мірянъ), вмѣстѣ съ которыми они и обсуждаютъ, кто изъ членовъ общины достоинъ епископскаго званія ¹⁾. Къ свидѣтельству этого памятника нечего прибавлять.

Поставлять церковныхъ должностныхъ лицъ — міряне, какъ мы видѣли, имѣли право во II-мъ вѣкѣ, точно также они же не лишены были права отстранять отъ должности тѣхъ изъ нихъ, которые заслуживали лишенія ея. Лучшимъ доказательствомъ указаннаго положенія вещей служатъ мысли и извѣстія, находящіеся въ такихъ авторитетныхъ произведеніяхъ древности, какъ посланіе Климента епископа римскаго къ коринѳянамъ и посланіе же Поликарпа Смирнскаго къ филиппійцамъ. Климентъ и Поликарпъ въ своихъ посланіяхъ обращаютъ рѣчь къ цѣлымъ общинамъ, а не къ какимъ-либо ихъ представителямъ, слѣдовательно цѣлыя общины (а онѣ состояли главнымъ образомъ изъ мірянъ) являются компетентными въ рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, по поводу которыхъ ведутся разсужденія въ посланіяхъ, а въ посланіяхъ говорится о явленіяхъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ изучаемому нами дѣлу. Въ посланіи св. Климента рѣчь идетъ о лицахъ, которыя протестовали противъ церковныхъ предстоятелей, облеченныхъ властію, — при чемъ, разсуждая объ этомъ дѣлѣ, мужъ Апостольскій не отъемлетъ права у членовъ общины отстранять церковныхъ должностныхъ лицъ; св. отецъ только изображаетъ беззаконіе такого поступка, когда были-бы лишены должности люди, проходящіе свое служеніе съ достоинствомъ. „Не малый

¹⁾ Harnack A. Die Quellen der sogenannten Apostolischen Kirchenordnung. S. 7—8. 39—40. Leipz., 1886. Слич. Постан. Апостольскія, кн. II, гл. 1.

будетъ грѣхъ на насъ—пишетъ св. Климентъ—если неукоризненно и свято приносящихъ дары (т. е. евхаристію) будемъ лишать епископства. Блаженны предшествовавшіе намъ пресвитеры, которые разрѣшились отъ тѣла: имъ нечего опасаться, чтобы кто могъ свергнуть ихъ съ занимаемаго ими мѣста. Ибо мы видимъ, что вы (коринѳяне) нѣкоторыхъ, похвально провождающихъ жизнь, лишили служенія, безукоризненно ими проходимаго“ (гл. 14). Пользуясь случаемъ, Климентъ внушаетъ коринѳской общинѣ слѣдующее: „если Господь на служителей своихъ не полагается и въ ангелахъ своихъ усматриваетъ недостатки“ (гл. 39), то христіанамъ, обыкновеннымъ смертнымъ, нужно слѣдовать по иному пути. Какъ Климентъ раскрываетъ мысль, что достойные предстоятели не должны быть лишаемы своего званія, такъ Поликарпъ наоборотъ старается внушить филиппійцамъ, чтобы они оказали снисхожденіе, приняли бы снова на свое служеніе такого пресвитера, который лишенъ былъ священническаго мѣста самой этой общиною. Мужъ Апостольскій говоритъ: „сильно печалюсь изъ-за Валента, который нѣкогда былъ у насъ пресвитеромъ, что онъ такъ забылъ данный ему санъ. Простите его, увѣщаетъ св. Поликарпъ, Богъ вознаградитъ васъ за добродѣтели (гл. 11—12). Очевидно св. мужъ считаетъ общину компетентною въ такомъ вопросѣ, какъ возвращеніе на службу пресвитера, который потерялъ право на нее. По позднѣйшимъ понятіямъ, это есть дѣло епископа, а во второмъ вѣкѣ указанное дѣйствіе считалось правомъ мірянъ, самой общины.

Преждеупомянутый нами памятникъ: „Ученіе 12-ти“ указываетъ много второстепенныхъ чертъ, свидѣтельствующихъ о весьма значительной долѣ участія народа въ управленіи церковной общиною. Община принимала и странствующаго христіанскаго „учителя“ и должна была судить о его достоинствахъ (гл. XI, 1. XII, 1); ей же поручалось различать истинныхъ пророковъ, какіе появились и во II вѣкѣ, отъ ложныхъ, она же разрѣшала пророку отправлять извѣстныя функціи (XI, 3. 11—12. X, 7) и проч. Въ особенности въ этомъ памятникѣ встрѣчается много предписаній,

чтобы сама община заботилась о своемъ внутреннемъ религіозномъ благоустройствѣ и благочиніи. Напримѣръ, всякой общинѣ приходилось разрѣшать такой вопросъ: кто нибудь изъ постороннихъ христіанъ придетъ къ данной общинѣ, будетъ просить позволенія погостить въ ней или даже совсѣмъ остаться на жительство,—какъ тутъ поступить? Въ этихъ случаяхъ община, (и именно община) подчиняясь дѣйствующимъ тогда правиламъ, поступала такъ: если кто посторонній приходилъ въ извѣстную церковную общину, приходилъ „во имя Господне“, то его принимали, но послѣ тщательнаго обсужденія—не будетъ ли этимъ допущено какой либо ошибки, ибо требовалась осторожность. Если пришлецъ выдавалъ себя за прохожаго человѣка, то община помогала ему во всемъ потребномъ, но она зорко смотрѣла, чтобы прохожій не оставался здѣсь болѣе двухъ, много трехъ дней. Если пришедшій будетъ просить общину принять его на постоянное жительство, то въ случаѣ, если онъ ремесленникъ, по принятіи въ общину, онъ долженъ заняться своимъ ремесломъ, и отъ этого питаться. А если-бы оказалось, что пришлецъ не знаетъ никакого ремесла, то на общинѣ лежала священная обязанность пристроить его къ какому нибудь дѣлу, „ибо—какъ замѣчаетъ памятникъ—христіанинъ не долженъ жить между вами въ праздности“. Если же пришлецъ не захочетъ трудиться, то община, признавъ его „христопродавцемъ“, должна была изгнать изъ своей среды (гл. XII). Въ дѣйствіяхъ общины по части внутренняго благочинія обращаетъ на себя вниманіе то, что никто другой, какъ сама община опредѣляетъ религіозно-нравственный образъ пришельца съ цѣлю, конечно, предохранить себя отъ лицъ порочныхъ и заблуждающихся, и ей же, во имя религіи, предоставляются дальнѣйшія попеченія о приходящимъ братѣ. При этомъ нѣтъ рѣчи о предстоятеляхъ общины, какъ лицахъ болѣе компетентныхъ, чѣмъ прочіе.

Представители церковнаго авторитета II вѣка съ своей стороны раскрывали мысль, что благо церкви заключается въ единодушномъ дѣйствованіи членовъ ея. Игнатій антиохійскій внушалъ: „составляйте же изъ себя вы всѣ до одного

хоръ, чтобы согласно настроенные въ единомысліи могли быть всегда... и въ союзѣ съ Богомъ“ (къ Ефес., гл. IV). Еще сильнѣе утверждаетъ въ подобномъ же воззрѣніи Климентъ Римскій; онъ говоритъ: „ни великіе безъ малыхъ, ни малые безъ великихъ не могутъ существовать. Всѣ они какъ бы связаны вмѣстѣ, и это доставляетъ пользу“ (Посл., гл. 37). Въ такомъ-же родѣ можно находить разсужденія у св. Іустина и Иринея Ліонскаго ¹⁾.

Изъ приведенныхъ выше историческихъ показаній съ достаточною ясностію открывается, какъ велико было участіе мірянъ въ дѣлахъ, касающихся церковной общины, этого религіознаго организма. Міряне являлись не пассивнымъ, а напротивъ очень энергическимъ элементомъ въ жизни церкви не только I-го, но и II-го вѣка.

Тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени, положеніе этого дѣла сильно измѣняется.

Сообщимъ свѣдѣнія по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ клира и народа сначала объ одномъ третьемъ вѣкѣ, приблизительно до I-го вселенскаго собора, такъ какъ въ это время происходитъ не мало явленій, заслуживающихъ съ нашей точки зрѣнія полного вниманія.

Въ сейчасъ указанную эпоху до I-го вселенскаго собора происходитъ лишь кризисъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ клира ²⁾ и мірянъ. Это не была, однако, такая пора, когда міряне утратили-бы свои прежнія права на участіе въ дѣлахъ церкви. Въ это время полагается лишь прочное основаніе, становясь на которое, клиръ все выше поднимается надъ народомъ. Тѣ большія и разнообразныя права, которыми располагалъ народъ прежде, еще въ значительной мѣрѣ сохраняются за нимъ и теперь. Поэтому, прежде чѣмъ указать на то, что началъ терять и потерялъ народъ, нужно сообщить свѣдѣнія о томъ, что продолжалъ имѣть народъ въ своемъ распоряженіи. А продолжалъ онъ, народъ, имѣть въ своемъ распоряженіи очень многое. До-

¹⁾ Іустина. Разговоръ съ Трифон., гл. 116. Иринея. Противъ ересей, кн. IV, 8, 3.

²⁾ Слово: „клиръ“ здѣсь и въ слѣдующихъ случаяхъ мы употребляемъ въ широкомъ (древнемъ) смыслѣ,—цѣлой епископіи, или духовенства цѣлой отдѣльной церкви.

стояніе, которое наслѣдовалъ III-ій вѣкъ отъ предъидущихъ, въ этомъ отношеніи было еще очень значительно.

Лучшіе церковные писатели III-го вѣка еще часто приводятъ себѣ на память мысли о томъ, въ какомъ близкомъ отношеніи долженъ поставить себя христіанинъ къ дѣламъ церкви, какія онъ имѣетъ права на участіе въ дѣлахъ вѣры и жизни церковной, какъ близко къ сердцу онъ долженъ принимать интересы церковные и не считать ихъ чуждыми для себя. Принимая во вниманіе слова ап. Петра (I Петр. 2, 5. 9) о христіанахъ: „вы священство святое, вы родъ избранъ, царское священство“, писатели III-го вѣка ясно раскрывали воззрѣніе, что христіане суть своего рода священники, разумѣя подъ этимъ не идею всеобщаго священства, а ту близость, какая должна соединять пастырей и пасомыхъ и изъ какой образуется единая и нераздѣльная церковь. Тертулліанъ ни на минуту не хочетъ выпустить изъ вниманія мысль, что нѣтъ такой черты, которая раздѣляла бы мірянина отъ священника на большее разстояніе. Онъ внушаетъ вѣрующимъ: „Иисусъ Христосъ сдѣлалъ насъ священниками Богу, Отцу Своему“. Онъ находитъ, что никакъ не слѣдуетъ клиръ представлять себѣ, какъ что - то отдѣльное отъ мірянъ. Въ этомъ смыслѣ онъ спрашиваетъ: „откуда епископъ и клиръ? Не изъ среды ли всѣхъ“. Онъ, Тертулліанъ, не можетъ представить себѣ, чтобы по снисхожденію позволялось мірянамъ нѣчто такое, что, однако-же, было бы запрещено священнику. Онъ не знаетъ такого различія: „какое безуміе полагать, что мірянамъ, говорить онъ, дозволено то, что запрещено священникамъ; развѣ міряне не тоже, что и мы священники“¹⁾? Тотъ же Тертулліанъ писалъ: „гдѣ трое собраны, хотя бы то были и міряне, тамъ церковь. Ибо каждый живетъ собственною вѣрою, и Богъ не отдаетъ предпочтенія одному лицу предъ другимъ, а слѣдовательно, замѣчаетъ онъ, если ты носишь въ себѣ права священника, то ты долженъ и слѣдовать предписаніямъ, касающимся священника“²⁾. Оригенъ, учитель Але-

¹⁾ De monogam., cap. 7. 12.

²⁾ Exhortatio castit., cap. 7

ксандрійской церкви, съ своей стороны тоже объявлялъ, что нѣтъ такой разграничительной черты, которая раздѣляла бы пасомаго отъ пастыря и которая поставляла бы его много ниже этого послѣдняго. Онъ разясняетъ: ключи, которыми отверзаются врата небесныя, суть цѣломудріе и правота. Они не единственно въ рукахъ священниковъ; ибо каждый христіанинъ — священникъ и наставляется Богомъ. Путемъ исповѣданія вѣры можно сдѣлаться подобнымъ апостолу Петру, ибо если вѣрующій, какъ и Петръ, утвердится на камени, т. е. Христѣ, то онъ достоинъ носить это символическое имя ¹⁾. Обращаясь къ епископамъ своего времени, тотъ-же Оригенъ говоритъ: „грѣшитъ противъ Бога каждый епископъ, который исполняетъ свое служеніе не какъ рабъ съ прочими сорабами, т.-е. вѣрующими, но какъ господи́нъ“ (ихъ) ²⁾. Такимъ образомъ, Оригенъ не рѣшается возвышать клиръ на счетъ мірянъ, а какъ бы поставляетъ ихъ совершенно на одной линіи. Въ такомъ-родѣ христіанская литература третьяго вѣка представляла себѣ отношеніе двухъ элементовъ церкви — клира и мірянъ; она пробуждала самочувствіе въ простыхъ вѣрующихъ и старалась изгнать изъ ихъ сердець рабскій страхъ предъ іерархическимъ авторитетомъ.

Въ виду такихъ представленій о мірянахъ, какъ ничуть не обездоленный и безличной части христіанскаго общества, какъ о такихъ членахъ церкви, надъ которыми не тяготѣетъ никакого видимаго, подавляющаго авторитета, носители церковной власти рѣшительно допускали мысль, что мірянамъ должно быть свойственно интересоваться дѣлами церкви, — они ясно выражали требованіе, ясно объявляли о правахъ мірянъ на участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ церкви. Кипріанъ Кареагенскій говоритъ, что сила церковныхъ постановленій заключается въ согласіи мірянъ принять такія постановленія. Епископъ Кареагенскій писалъ: „кротость, ученіе и самая жизнь наша (т.-е. жизнь пастыря) требуютъ, чтобы предстоятели, собравшись съ кѣлгомъ въ присутствіи народа

¹⁾ Homil. XII, 14 in Matth. Migne. Curs. patr. Gr. Tom. XIII, col. 1012.

²⁾ In Matth., cap. 61. Migne, ibid. p. 1695.

распоряжались во всемъ, по общему согласію“ ¹⁾, Церковь, по опредѣленію того же Кипріяна, есть общество, сосредоточенное въ своемъ епископѣ и стадо, нераздѣльное отъ своего пастыря ²⁾. Вслѣдствіе этого, міряне не могли встрѣчать противодѣйствія со стороны іерархіи, если они стремились принять участіе въ дѣлахъ управленія церковію. Этого участія искали и желали тогдашніе пастыри. Въ то время представлялось страннымъ, какъ это какой-нибудь церковный вопросъ, прямо касающійся мірянъ, былъ бы рѣшенъ безъ ихъ воли и согласія. Такъ римская церковь, рассматривая участіе народа въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, какъ необходимое условіе для твердости того или другого рѣшенія этихъ вопросовъ, писала въ Карфагенъ при Кипріанѣ: „намъ кажется весьма непріятнымъ и тяжкимъ произносить частное сужденіе (т.-е. сужденіе одного клира безъ народа), такъ какъ не можетъ быть твердымъ постановленіе, не подтвержденное согласіемъ большинства“ ³⁾. Такого рода дѣятельное участіе народа въ особенности требовалось при избраніи пастырей церкви. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Кипріанъ: „мы знаемъ, что Богомъ постановлено, чтобы священное лице было избираемо въ присутствіи народа предъ глазами всѣхъ, и чтобы его достоинство и способность были подтверждены общественнымъ судомъ и свидѣтельствомъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ повелѣваетъ Господь,—пишетъ Кипріанъ,—предъ всѣмъ сомномъ поставить священника,—т.-е. учить, чтобы поставленіе священника не иначе совершалось, какъ съ вѣдома предстоящаго народа, такъ что присутствующіе имѣли возможность объявить и преступленія злыхъ и возвѣстить заслуги добрыхъ. Тоже, по божественному наставленію, соблюдалось и впослѣдствіи“. Затѣмъ, представивъ примѣръ избранія Матея на мѣсто Іуды и поставленіе семи діаконъ, при чемъ принималъ участіе весь народъ, Кипріанъ продолжаетъ: „такъ внимательно и осторожно, при собраніи всего народа со-

¹⁾ Творен. св. Кипріяна. Переводъ. Т. I (Письма), стр. 133. Изд. 2-ое. Кіевъ, 1891.

²⁾ Тамъ же, стр. 307.

³⁾ Творенія Кипріяна. Томъ I, между письмами Кипріяна. стр. 231.

вершаемо было это дѣло для того, чтобы кто-нибудь недостойный не поступилъ на служеніе алтарю и на мѣсто священника (т.-е. вообще духовнаго лица). Поэтому тщательно нужно наблюдать это правило — внушаетъ этотъ отецъ церкви—и хранить его“¹⁾). Современникъ Кипріана, Оригенъ избраніе пастыря народомъ тоже выставлялъ какъ гарантію, что дѣйствительно выбирается человѣкъ самый лучший, и что міряне, конечно, будутъ довольны тѣмъ, кто избранъ ими же самими. Этотъ писатель говоритъ: „при поставленіи епископа требуется присутствіе народа, чтобы это дѣло было всѣмъ извѣстнымъ, потому что во священники (т.-е. въ іерархическую должность) избирается тотъ, кто имѣетъ преимущество предъ всѣми, кто всѣхъ образованнѣе, святѣе и отличается всѣми добродѣтелями. Въ этомъ дѣлѣ долженъ участвовать народъ, чтобы послѣ не сталъ кто-либо прекословить и чтобы не вышло какого -нибудь неудовольствія“²⁾).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, по свидѣтельству учителей и писателей церкви III-го вѣка, міряне считались активными членами церкви; они не отдѣлялись отъ іерархіи, какъ-то не принадлежащее къ ней, какъ что-то низшее ея. Мало этого: міряне призывались къ дѣятельному, живому участию даже въ важнѣйшихъ дѣлахъ церкви. Слѣдовательно, еще хранились въ памяти преданія церкви I и II-го вѣка, когда пастыря и пасомые жили одною общею жизнію и общими церковными интересами.

И эти представленія о тѣсной связи пастырей и пасомыхъ не оставались только въ теоріи, но и выражались въ практикѣ въ соотвѣтствующихъ формахъ. Укажемъ нѣкоторые церковно - историческіе факты, изъ которыхъ ясно было бы видно, въ какомъ родѣ и въ какой степени міряне принимали участіе въ дѣлахъ церкви, въ теченіе III-го вѣка. — Міряне прежде всего участвовали въ судѣ надъ лицами, преступившими законы церкви, они выслушивали публичную исповѣдь кающихся, принимали въ церковь, наравнѣ съ

¹⁾ Творен. св. Кипріана. Т. I, стр. 316—317.

²⁾ In Levit., hom. VI, 3. Migne. Op. cit. Tom. XII, p. 469.

клиромъ, тѣхъ, кто возвращался къ православному обществу отъ какого - нибудь заблужденія. Такъ извѣстно, что судъ надъ Новатомъ, возмутителемъ церкви кареагенской, производился при общемъ собраніи мірянъ, и для этого, по желанію народа, назначенъ былъ опредѣленный день ¹⁾. Оригенъ, упрекая слушателей въ нерадѣніи къ церковной проповѣди, замѣчаетъ, что они приходятъ въ церковь едва только въ праздники и по поводу публичнаго покаянія, во время котораго, по свидѣтельству Оригена, кающійся долженъ былъ просить прощенія не только у епископа, но и мірянъ ²⁾. По словамъ Тертуліана, публичная исповѣдь требовала, чтобы кающійся „просилъ о принятіи въ общеніе епископовъ и пресвитеровъ, колѣнопреклонялся предъ исповѣдниками и умолялъ всѣхъ братій“ ³⁾. Историкъ Евсевій рассказываетъ слѣдующій фактъ, подтверждающій это свидѣтельство Тертуліана. Исповѣдникъ Наталій, увлеченный ересью монархіанскою и отлученный отъ церкви римскимъ епископомъ Викторомъ, рѣшился потомъ возвратиться къ церкви, и для этого умолялъ о принятіи его въ общеніе не только епископа Зефирина (римскій епископъ начала III в.), но и весь народъ. „Онъ палъ къ ногамъ епископа — говоритъ у Евсевія — валялся у ногъ не только клира, но и мірянъ, пока наконецъ своими слезами не тронулъ чадолубивую церковь“ (кн. V, гл. 28). Въ указанныхъ случаяхъ участіе мірянъ не было только формальнымъ и номинальнымъ; нѣтъ оно имѣло дѣйствительное значеніе. Это видно изъ того, что епископамъ приходилось иногда упрашивать, мірянъ, чтобы они не отвергали того или другого христіанина, приходившаго съ покаянной головой къ церкви. Замѣчательный случай въ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ дѣятельности Кипріана. Міряне рѣшительно не соглашались принять въ церковь нѣкоторыхъ людей, раскаяніе которыхъ казалось подозрительнымъ, и Кипріану не легко было убѣдить своихъ пасомыхъ предложить гнѣвъ на милость. Кипріанъ писалъ Корнелію, епископу римскому: „о еслибы ты.

¹⁾ Творенія Кипріана. Т. I. Письма, стр. 213.

²⁾ In Genes. Homil. X. Op. cit. Tom. XII, p. 215.

³⁾ De poenit., cap. 3. 9.

возлюбленный братъ, могъ быть съ нами, то увидать бы, чего стоитъ мнѣ склонить къ терпѣнію нашихъ братьевъ, чтобы они, умѣривши сердечную досаду, склонились на принятіе злыхъ и на заботу о нихъ. Едва убѣждаю я народъ, замѣчаетъ Кипріанъ, даже силою понуждаю, чтобы не противились принятію таковыхъ“¹⁾). Полагають, что народное мнѣніе по поводу вопроса: принять или не принимать въ общеніе извѣстнаго заблудшагося христіанина, выражалось открытой подачей голосовъ (открытой баллотировкой): большинство голосовъ рѣшало дѣло въ ту или другую сторону.

Замѣчательный примѣръ дѣятельности мірянъ по дѣламъ церкви представляетъ ихъ участіе въ соборахъ. На многихъ соборахъ Африканской церкви въ III-емъ вѣкѣ вмѣстѣ съ епископомъ и клиромъ участвовали и міряне. Такъ на соборъ, бывший по вопросу о крещеніи еретиковъ²⁾, приглашено было множество мірянъ. По вопросу о падшихъ Кипріанъ необходимо требовалъ соборнаго разсужденія при участіи мірянъ-же. Сообщая римскому клиру и народу о своемъ намѣреніи по прекращеніи гоненія Декіева на соборѣ разслѣдовать дѣло о падшихъ, Кипріанъ говорилъ, что онъ положилъ за правило ничего не дѣлать по своему частному усмотрѣнію, безъ совѣта клира и народа, поэтому онъ считалъ себя обязаннымъ и этотъ вопросъ обсуждать вмѣстѣ съ народомъ. Римская церковь вполне одобряетъ подобное намѣреніе Кипріана. „Какъ пріятна намъ твоя мысль—пишетъ ему римскій клиръ—мысль, которую ты и прежде высказывалъ, что въ столь важномъ дѣлѣ—о падшихъ—нужно разсуждать епископамъ, передавая на разсмотрѣніе свое мнѣніе пресвитерамъ и всему народу“³⁾). Римскій клиръ при этомъ выражаетъ мысль, что соборное опредѣленіе будетъ тверже, если оно основывается на согласіи большинства народа. — Какъ кажется, мірянъ не устранили отъ участія въ соборѣ и тогда, когда дѣло касалось и прямо догматическихъ вопросовъ. По крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ появленія соборовъ, т. е. въ концѣ II-го в., такъ

1) Творен. Кипріана. Т. I. Письма, стр. 267.

2) Hefele. Conciliengeschichte. B. I. 120. Freiburg im Br., 1873.

3) Творен. Кипріана. Томъ I, стр. 136 слич. 221.

именно и было. По случаю распространения ереси Монтана, замѣчаетъ Евсѣій, многіе вѣрующіе во многихъ мѣстахъ Азіи собирались для изслѣдованія новаго ученія и, по тщательномъ изслѣдованіи, оно было отвергаемо (V, 16)¹⁾.

Но особенно ясно и рѣшительно міряне проявляли свои права на участіе въ дѣлахъ церкви въ вопросѣ объ избраніи пастырей. Обычай призывать народъ къ участію въ этомъ дѣлѣ твердо сохранялся въ III-мъ вѣкѣ. Кипріанъ называетъ указанный обычай установленіемъ божественнымъ и увѣряетъ, что онъ всегда держался его. При одномъ случаѣ онъ писалъ клиру и народу: „обыкновенно при поставленіи (посвященіи) клириковъ мы совѣтуемся съ вами и общимъ голосомъ обсуждаемъ поведеніе и заслуги каждого“²⁾. Онъ даже заявляетъ, что „народъ имѣетъ полную власть какъ достойныхъ избирать во священники, такъ и недостойнымъ отказывать въ доступѣ сюда“³⁾. Избраніе пастыря народнымъ голосомъ и въ самомъ дѣлѣ было самою правильною формою при тогданнемъ положеніи церкви. На служеніе церкви избирались лица изъ самаго же общества мірянъ. Естественно, что никто не могъ такъ хорошо знать качества и способности и жизнь избираемаго, какъ сами міряне. Народное избраніе ручалось, что избранъ человѣкъ лучшій во всѣхъ отношеніяхъ⁴⁾, съ другой стороны оно же устраняло въ будущемъ возможность какихъ-либо пререканій и неудовольствій между пастыремъ и пасомыми. Постановленія Апостольскія—этотъ памятникъ, содержащій въ себѣ много свѣдѣній, характеризующихъ II и III-й вѣка, безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду указанную эпоху, когда рисуетъ намъ картину, какъ происходило избраніе епископа въ древности (кн. VIII, 4). Если опрастывалась епископская кафедра, то народъ вмѣстѣ съ клиромъ разсуждалъ о

¹⁾ Впрочемъ участіе мірянъ въ соборахъ, по самой важности вопросовъ здѣсь, не могло быть очень широкимъ. См. объ этомъ: Rothe. Vorlesungen über Kirchengeschichte. B. I, 283—4.286. Heidelberg, 1875.

²⁾ Творен. Кипріана. Т. I, 180.

³⁾ Тамъ же, стр. 316. Слпч. Rothe, I, 220.

⁴⁾ *Сирская Дидаскалія* III вѣка говоритъ: „все, что можно найти прекраснѣйшаго въ другихъ людяхъ, все это должно быть у епископа“. Die syrische Didaskalia übersetzt von Achelis. S. 16. Leipz. 1904.

выборъ новаго епископа, предлагались различные кандидаты, оцѣнивались ихъ достоинства и недостатки; послѣ всѣхъ этихъ разсужденій выборъ падалъ на какое-либо определенное лицо. Затѣмъ назначался день для посвященія избраннаго. И эта процедура имѣла цѣлю опять-таки выяснить, дѣйствительно ли данное лицо поставляется съ согласія народа и потому, прежде рукоположенія, старшій изъ числа епископовъ, явившихся для посвященія, обращался къ клиру и народу троекратно съ вопросомъ: тотъ ли это, кого они требуютъ себѣ въ предстоятели? Дѣйствительно ли онъ достоинъ епископскаго служенія? Всѣ ли согласны на его избраніе? Когда получится отъ народа отвѣтъ утвердительный на всѣ эти вопросы, происходилъ самый фактъ посвященія. Въ такомъ же родѣ, по всей вѣроятности, происходило и избраніе пресвитеровъ: избиралъ ихъ народъ по своей волѣ, причѣмъ предсѣдателемъ на такихъ собраніяхъ былъ мѣстный епископъ, присутствіе же пріѣзжихъ епископовъ не требовалось.

До какой степени уважалась народная воля, выражавшаяся въ требованіи, чтобы извѣстное лицо было поставлено въ епископы,—это можно видѣть изъ того, что народное избраніе имѣло силу даже тогда, когда оно и не совсѣмъ отвѣчало правиламъ и предписаніямъ церковнымъ. Вотъ, напр., какъ произошло избраніе Фабіана, епископа римскаго. Когда всѣ братія, рассказываетъ Евсевій (кн. VI, гл. 29), собрались въ церковь по случаю выборовъ, и всѣ заняты были думами о разныхъ кандидатахъ, между которыми было много людей достойнѣйшихъ, голубь слетѣвшій сверху и усѣвшійся на голову Фабіана былъ принятъ за небесное указаніе, что этотъ именно человѣкъ и есть избранникъ Божій. И Фабіанъ посвященъ въ епископа всемірной столицы, не смотря на то, что никто не считалъ его кандидатомъ на эту высокую должность, такъ какъ Фабіанъ былъ простымъ поселяниномъ. Здѣсь простой случай, принятый народомъ за сверхъестественное предъуказаніе, рѣшаетъ дѣло. И однако волѣ народной церковная власть не прекословить. Очень замѣчательный случай въ подобномъ же родѣ рассказывается въ біографіи Григорія Чудотворца

(біографія эта написана Григорієм Нисскимъ). Однажды нужно было поставить епископа въ городъ Команъ, въ Понтѣ. Собрался народъ, принадлежащій къ Команской церкви; на собраніе прибылъ и Григорій Чудотворецъ, вѣроятно въ качествѣ мѣстнаго митрополита. Началось избраніе епископа. Предложено было множество кандидатовъ, между ними не мало лицъ богатыхъ, знатныхъ, извѣстныхъ своимъ краснорѣчіемъ. Но Григорію большая часть этихъ кандидатовъ не нравилась. Онъ началъ внушать команцамъ, чтобы они выбрали въ епископа человѣка, хотя и попроще, но извѣстнаго добродѣтельною жизнію. Такія внушенія, по-видимому, породили недовольство среди команцевъ и они въ насмѣшку надъ Григоріемъ, сказали ему: „пустъ такъ, но въ такомъ случаѣ на что же лучше угольщика Александра“? И затѣмъ они вытащили на средину церкви чумазаго Александра, въ сажѣ и грязи. Григорій, принимая это дѣло за небесное рѣшеніе, посвящаетъ Александра въ епископа, тѣмъ болѣе, что по собраннымъ свѣдѣніямъ дѣйствительно это былъ человѣкъ хорошихъ правилъ ¹⁾. Изъ этого факта видно, что въ епископы могли ставить рѣшительно всякаго, лишь бы на то было согласіе народа: въ народѣ была вся сила. Постановленія Апостольскія, быть можетъ, имѣя въ виду свободу избранія пастырей голосомъ народа, хотя и требуютъ, чтобы въ епископы выбирались люди почтенныхъ лѣтъ (50 л.) ²⁾, тѣмъ не менѣе позволяютъ уступать волѣ народной, если эта воля выбираетъ въ епископа хотя и молодого человѣка, но съ достоинствами. Если такъ уважалось народное избраніе кого-либо въ предстоятели церкви, то съ другой стороны избраніе клирика, совершенное безъ согласія народа, должно было казаться незаконнымъ. И если въ крайнихъ обстоятельствахъ совершалось чье-либо избраніе и посвященіе безъ предварительнаго согласія народа, то епископы старались объясниться съ народомъ, выяснить, почему и какъ это случилось и такимъ образомъ помирить народъ съ совершившимся фактомъ.

¹⁾ Творенія Григорія Нисскаго. Русск. переводъ, томъ, VIII, стр. 170—175.

²⁾ Постап. Апост., кн. II, гл. I. Die Syrische Didaskalia, S. 13.

Такъ Кипріанъ, какъ мы знаемъ уже, держался мысли, имъ выражаемой, что при посвященіи клириковъ онъ непременно долженъ предварительно совѣщаться съ народомъ и общимъ голосомъ обсуждать достоинства и заслуги избираемаго ¹⁾; если, поэтому, въ то же время по обстоятельствамъ самъ же онъ не могъ соблюсти этого правила, то находить себя вынужденнымъ оправдываться предъ своею паствою. Такихъ случаевъ въ его практикѣ было немного, но всѣ они заставляли его извиниться предъ народомъ. Вотъ болѣе извѣстные изъ этихъ случаевъ. Поставивъ во время гоненія (слѣдовательно въ такое время, когда общее собраніе было невозможно) двухъ лицъ—Сатура и Оптата—перваго въ чтеца, второго въ иподіакона—безъ предварительнаго согласія народа, Кипріанъ въ нарочитомъ посланіи въ Кароагенъ (его въ это время не было въ городѣ), извиняется въ своемъ поступкѣ, приводя въ свое оправданіе то, что названныя лица еще раньше съ общаго согласія приближены были къ клиру ²⁾. Тотъ-же Кипріанъ, во время того же гоненія, поставивъ еще двухъ лицъ Аврелія и Целерина въ чтецы, безъ согласія паствы, считаетъ долгомъ выяснитъ предъ народомъ мотивы, которые руководили его поступками и для этого пишетъ два письма въ Кароагенъ. Говоря здѣсь объ Авреліи, онъ въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ описываетъ его личность и тѣмъ даетъ знать, что хотя Аврелій посвященъ безъ согласія общества, но что общество не можетъ быть недовольно избраніемъ новаго клирика. А говоря о Целеринѣ, Кипріанъ приводитъ въ свое оправданіе много смягчающихъ обстоятельствъ: онъ указываетъ на то, что Целеринъ имѣлъ видѣніе, которое побудило его, помимо собственной воли, сдѣлаться клирикомъ; онъ, Кипріанъ, далѣе въ блестящихъ краскахъ рисуетъ родню Целерина—его бабушку, которая сдѣлалась мученицею, и двухъ дядей его, прославившихся исповѣдничествомъ въ гоненіе. Исчисливъ всѣ эти обстоятельства, Кипріанъ заключаетъ: „итакъ не могъ быть недостойнымъ такой человѣкъ, какъ Целеринъ“ ³⁾.

¹⁾ Творенія его. Томъ I, 180.

²⁾ Твор. Кипріана, т. I. Письма, стр. 151—152.

³⁾ Творен. Кипріана. Два его письма, стр. 180—185.

Въ письмѣ по поводу Целерина очень бросается въ глаза стараніе Кипріана всячески доказать, что въ своемъ поступкѣ онъ руководился серьезными соображеніями. Значить, Кипріанъ очень былъ озабоченъ мыслию, какъ бы его паства не подумала, что онъ ни во что ставитъ голосъ народа при выборѣ лицъ духовныхъ.

Быть можетъ, не лишне будетъ привести еще слѣдующее правило Анкирского собора (314 года): „если какой епископъ, будучи избранъ, не будетъ однакожъ принять той паствой, для которой онъ поставленъ, и станетъ вторгаться въ другія епархіи и будетъ производить безпорядки (съ цѣлію занять здѣсь кафедру), то отлучается отъ церковнаго общенія“ (прав. 18). Правило даетъ право дѣлать изъ него очень интересныя заключенія. Оно, очевидно, имѣетъ въ виду такой случай: паства какой-либо мѣстности или города выбрала себѣ епископа, но лишь только онъ хочетъ вступить въ должность, паства начинаетъ отвергать его. Подобное явленіе весьма возможно было въ III и началѣ IV вѣка. Могло случиться, что епископъ избранъ не единогласно, но лишь большинствомъ голосовъ, а потомъ меньшинство возымѣло преобладаніе, къ нему присоединилась и часть лицъ, составлявшихъ прежнее большинство. При такихъ обстоятельствахъ, вновь поставленный епископъ могъ естественно найти себѣ противодѣйствіе и сопротивленіе со стороны новой своей паствы. Что тогда дѣлать? Правило, имѣя въ виду подобный случай, даетъ одинъ и единственный совѣтъ (хотя прямо и не высказанный) примириться съ своимъ несчастнымъ жребіемъ¹⁾. Отсюда съ очевидностію слѣдуетъ, что въ указанное нами время воля народная уважалась даже тогда, когда она творила явное беззаконіе: избрать себѣ епископа и потомъ его же не принять—вѣдь это крайняя степень самовластия. Но церковь мирилась и съ этимъ самовластіемъ, ограждая принципъ свободы выборовъ.

Итакъ мы сначала познакомились съ кругомъ тѣхъ возрѣній, какія высказывались въ церкви въ III-мъ вѣкѣ и

¹⁾ Толкованіе правила см. у Hefele. Conciliengeschichte. B. I. 237—238.

какія указываютъ, что клиръ и міряне были тѣсно связаны общностію церковныхъ интересовъ: это были какъ-бы части одного организма, части совершенно необходимыя одна для другой. А потомъ мы представили доказательства дѣйствительнаго участія мірянъ въ дѣлахъ церкви. Все это представляетъ прекраснѣйшіе отзвуки прежней эпохи прістіанства. Но эти возрѣнія, но эти факты не могутъ быть признаны типическою чертой исторіи іерархіи III вѣка. Напротивъ, такую типическую черту составляетъ стремленіе клиру поставить себя въ независимое отношеніе къ народу, выставить себя, какъ классъ высшаго порядка, удержатъ большую часть церковныхъ правъ у себя и за собою: преимущественно или исключительно. Другими словами: въ III вѣкѣ происходитъ энергическое выдѣленіе класса клириковъ отъ класса мірянъ; мало-по-малу проводится разграничительная черта между духовенствомъ и народомъ¹⁾. На эту сторону въ исторіи іерархіи мы теперь и обратимъ свое вниманіе.

Теперь, въ III вѣкѣ и даже въ концѣ II вѣка, начинаютъ высказываться возрѣнія о преимущественныхъ достоинствахъ клира, какихъ не могутъ имѣть обыкновенные міряне. Центръ тяжести церковной жизни переносится съ большинства общины на одну точку ея — на клиръ. Писатели начинаютъ приводить возрѣнія, имѣющія цѣлью указать значительное пространство, раздѣляющее духовенство отъ мірянъ. Стремленіе выдѣлить клиръ отъ мірянъ становится типическою чертою III вѣка; и это стремленіе высказывается очень многими и очень часто.

Еще въ концѣ II вѣка начинаютъ раздаваться голоса, выражающіе указанныя наклонности. Въ такъ называемыхъ Климентинахъ, апокрифическомъ произведеніи конца II вѣка, говорится уже къ мірянамъ: „знайте, что вы только чрезъ епископа ко Христу, а чрезъ Христа къ Богу можете быть приведены“. Въ тѣхъ же Климентинахъ читаемъ: „діаконы должны наблюдать надъ внѣшнею и нравственною жизнію братій и давать объ этомъ отчетъ епископу. Назначеніе

¹⁾ Смирнова. *Θ.* (еписк. Христофора). *Богослуженіе христіанское до 4-го вѣка*, стр. 390—381. Кіевъ, 1876.

епископа повелѣвать, а назначеніе простыхъ христіанъ слушаться, ибо епископъ намѣстникъ Христа“ ¹⁾). Замѣчательно, въ Климентинахъ ни однимъ словомъ не упоминается о правѣ мірянъ избирать епископа, очевидно, авторъ не раздѣлялъ уже подобнаго воззрѣнія. Въ III - емъ вѣкѣ слова: клирикъ и мірянинъ начинаютъ часто встрѣчаться у церковныхъ писателей и этимъ словамъ дается особенный смыслъ. Подъ клирикомъ стали разумѣть человѣка, близкаго къ Богу, а подъ міряниномъ человѣка, удаленнаго отъ истинной святости, въ значеніи профана ²⁾). Въ этомъ же смыслѣ часто уже употребляетъ выраженія: клирикъ и міряне и Климентъ Александрійскій. Климентъ разсматриваетъ клиръ, какъ такое сословіе или состояніе въ церкви, которому принадлежитъ право учить, творить судъ и управлять; это состояніе представляется въ его глазахъ съ такимъ значеніемъ, что гностикъ, т.-е. ученый христіанинъ, долженъ считать за счастье принадлежать къ этому сословію. Онъ столько же отличаетъ клириковъ отъ мірянъ, сколько отличаюся пастухи отъ овецъ ³⁾). Нѣкоторые писатели уже начинаютъ употреблять выраженіе: *ordo* въ примѣненіи къ клиру и *plebs* въ приложеніи къ мірянамъ, т.-е. употреблять эти термины въ томъ же смыслѣ, въ какомъ они извѣстны были въ римскомъ правѣ: *ordo* въ смыслѣ сената и въ смыслѣ начальства въ каждомъ городѣ, а *plebs* въ смыслѣ подчиненнаго, безправнаго народа. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что тѣ изъ писателей III вѣка, которые такъ энергично развивали мысль о самомъ тѣсномъ общеніи мірянъ и клира въ правовомъ отношеніи, и эти писатели подчасъ позволяютъ себѣ высказывать воззрѣнія въ противоположномъ родѣ. Разумѣемъ Оригена и Кипріана. Такая раздвоенность и непоследовательность мысли есть лучший показатель того, что дѣйствительно въ III вѣкѣ возникаетъ кризисъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ клира и мірянъ. Такіе писатели, какъ Оригенъ и Кипріанъ, стояли

¹⁾ Pressensé. Histoire des trois premiers siècles de l'église. 4.ième série, p. 48. Paris. 1877.

²⁾ Rothe. Vorlesungen über Kirchengeschichte. B. I, 211 -12. 299.

³⁾ Propst. Kirchliche Disciplin, S. 26. Tübing. 1873.

на рубежѣ, раздѣляющемъ прежніе порядки отъ новыхъ и потому ихъ мысль какъ-бы невольно склоняется туда и сюда, оберегаетъ прежнее и санкціонируетъ новое... Такъ мы встрѣчаемъ у Оригена воззрѣнія, свидѣтельствующія, что новые порядки уже коснулись его мысли. Онъ описываетъ должность епископа въ очень высокихъ чертахъ: онъ именуетъ его посредникомъ между Богомъ и людьми, чрезъ котораго изливаются отъ Бога милости на народъ. Въ томъ же самомъ направленіи еще яснѣе высказывается и Кипріанъ. Онъ выражаетъ мысль, что въ рукахъ епископа находятся ключи божественной благодати. Онъ говорилъ, что если онъ не есть истинный епископъ (нѣкоторые, нужно сказать, противились его епископскому избранію), то всѣ христіане, умершіе во время его епископства, лишены надежды спасенія. Тотъ же Кипріанъ заявлялъ: „епископу одному предоставлено начальство надъ церковію“ ¹⁾. Кипріанъ не удовольствовался и этимъ. Онъ старается внушить мірянамъ страхъ и трепеть предъ епископомъ, а для этого онъ пользуется строгими ветхозавѣтными предписаніями касательно преслушниковъ закона. Такъ, онъ прилагаетъ къ христіанамъ, не соблюдающимъ приказаній епископовъ, грозныя слова Іеговы, обращенныя къ народу израильскому (въ 1 кн. Царствъ 8, 7): „не тебя (Самуила) онъ (народъ) отвергъ, но отвергъ Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними“. Тотъ же Кипріанъ къ христіанамъ—ослушникамъ епископовъ относитъ и страшныя слова Второзаконія (17, 12), въ которыхъ говорится: „кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго на служеніи предъ Господомъ, тотъ долженъ умереть“ ²⁾. Кипріанъ угрожаетъ супротивникамъ церковной власти ужасною участію Дафана и Авирона. Онъ же говорилъ: „кто не вѣритъ Христу, поставляющему священника (т. е. епископа), тотъ станетъ потомъ вѣритъ Ему, отмщающему за священника“ ³⁾. Вообще полагаютъ, что во времена Кипріана или около того проводится наиболѣе яснымъ и рѣзкимъ образомъ разграничительная черта между

¹⁾ Творен. Кипріана. I. Письма, стр. 304—305

²⁾ Тамъ же, стр. 253.

³⁾ Тамъ же, стр. 308.

клиромъ и народомъ въ мышленіи церковныхъ представителей. Пастырь и паства не продолжаютъ утверждать и поддерживать того внутренняго единенія, которое отличало пастырство и пасомыхъ въ болѣ раннія времена церкви; напротивъ противопоставленіе одного элемента другому является господствующимъ стремленіемъ. Происходитъ, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, выдѣленіе клира отъ народа ¹⁾: іерархія хочетъ стоять не въ средѣ народа и не рядомъ съ народомъ, но высоко надъ народомъ. Іерархія хочетъ усвоить себѣ владычество надъ мірянами, и отъ мірянъ требовать рабскаго подчиненія. Въ какую форму отлились клирикальныя представленія объ отношеніи пастырей и пасомыхъ къ концу III-го вѣка, объ этомъ интересныя свѣдѣнія находимъ въ такъ называемыхъ Постановленіяхъ Апостольскихъ. Постановленія Апостольскія, очерчивая на этотъ разъ послѣкипріановское время, даютъ какъ-бы кодексъ тѣхъ воззрѣній о взаимныхъ отношеніяхъ клира и мірянъ, какими стала жить церковь къ концу III-го вѣка. Здѣсь пастыри называются „господами“, „владыками“ надъ мірянами, мірянамъ же внушается почитать ихъ какъ „царей“: „пастырь, говорится въ Постановленіяхъ, это послѣ Бога земной богъ вашъ“. Пастырю вручена безусловная власть надъ мірянами: „тебѣ, пастырю, надлежитъ — внушается здѣсь — начальствовать надъ подчиненными, а не быть у нихъ подъ начальствомъ, потому что и сынъ не начальствуетъ надъ отцомъ, ни рабъ надъ господиномъ, ни ученики надъ учителемъ“ ²⁾. Міряне сами по себѣ ничего не должны дѣлать безъ воли епископа: даже раздавать дары бѣднымъ должны чрезъ него же. Постановленія говорятъ: „вы, міряне, ничего не дѣлайте безъ епископа; если же кто сдѣлаетъ что безъ епископа, это попусту, ибо имъ не вмѣнится въ заслугу. Потому все, что только совершаетъ мірянинъ въ отношеніи къ другому (разумѣется благотворительность), да бываетъ извѣстно епископу и чрезъ него да совершается. Безъ епи-

¹⁾ Pressensé. См. вышеуказ. его сочиненіе, р. 201.

²⁾ Постановл. Апостольскія, кн. II, гл. 19. 33. 26. 14. Переводъ. Казань, 1864. Подробное же читаемъ и въ Die Syrische Didaskalia, S. 49—50. Cf. 269.

скопа пусть онъ не дѣлаетъ совершенно ничего. Бѣднымъ мірянамъ пусть не самъ даетъ что-либо, а черезъ епископа“. Епископъ или вообще пастырь, по Постановленіямъ, долженъ быть безконтрольнымъ распорядителемъ церковныхъ имуществъ. Здѣсь внушается мірянину слѣдующее: „тебѣ, мірянину, прилично только давать, а ему, пастырю, раздавать, потому что онъ хозяинъ и правитель церковныхъ дѣлъ. Не требуй у своего епископа отчета и не наблюдай за хозяйствованіемъ его: какъ, или когда, или кому, или гдѣ, хорошо или худо, такъ ли какъ должно распоряжается имъ. У него есть одинъ требователь отчетовъ Господь Богъ“¹⁾. Наконецъ, въ томъ же памятникѣ (кн. II, гл. 28. 14) внушается христіанамъ не слишкомъ беспокоить епископа, потому что онъ важное лице. „Начальника своего, т.-е. епископа, не легко пусть беспокоятъ, но что желаютъ дать, то пусть предлагаютъ черезъ служителей (діаконовъ), къ которымъ пусть и имѣютъ большее дерзновеніе. Міряне, если хотятъ что-либо сообщить епископу, пусть дѣлаютъ извѣстнымъ это ему черезъ діакона же. Ибо и къ Вседержителю Богу прихдять не иначе, какъ черезъ Иисуса“. Вообще Постановленія величаютъ пастыря главою, а мірянъ, не обинуясь, называютъ „хвостомъ“.

Но, къ счастью, міряне въ самомъ дѣлѣ „хвостомъ“ не сдѣлались. Правда, гдѣ-нибудь на Западѣ въ средніе вѣка міряне превращались во что-либо подобное, но на Востокѣ никогда. Что-же касается III-го вѣка, о которомъ у насъ теперь рѣчь, то ничего такого въ это время не было ни на Востокѣ, ни на Западѣ. Если мы рассмотримъ, въ чемъ, въ такихъ историческихъ фактахъ выражалось это указанное стремленіе клира провести разграничительную линію между собою и прочимъ народомъ, выдѣлить себя какъ привилегированный классъ церковнаго общества, то убѣдимся, что практика далеко еще не отвѣчала теоріямъ. Къ числу болѣе выпуклыхъ фактовъ, въ которыхъ выразилось стремленіе клира III вѣка поставить себя выше мірянъ, отдѣлить себя отъ нихъ рѣзкою чертою, поставить себя въ приви-

¹⁾ Постан. Апост., кн. II, гл. 27. 30—31. 35.

легированное положеніе принадлежитъ лишь: 1) отъятіе у мірянъ права проповѣди въ церкви, 2) насколько возможно, устраненіе себя клиромъ отъ мірскихъ житейскихъ занятій.

Клиръ, стремясь отчуждить себя отъ прочаго общества и создать изъ себя корпорацію съ высшими преимуществами—говоримъ—присвоаетъ исключительное право учительства въ церковныхъ собраніяхъ. Это было въ III-емъ вѣкѣ новостію, которой не знали ни вѣкъ апостольскій, ни эпоха послѣ-апостольская. Въ первоначальной апостольской церкви проповѣдь въ церковныхъ собраніяхъ подчинялась тому же правилу, какое было въ практикѣ іудейскихъ синагогъ. А въ синагогахъ право проповѣдованія было достояніемъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя вообще получили религіозное образованіе. Въ этомъ отношеніи свобода проповѣданія въ синагогѣ была такъ велика, что позволялось говорить даже чужестранцамъ и лицамъ, не принадлежащимъ къ извѣстной синагогальной общинѣ ¹⁾. Поэтому, какъ здѣсь способные къ тому могли читать и изъяснить св. писаніе и предлагать поученіе, такъ и въ церкви апостольской право поученія принадлежало всѣмъ призываемымъ къ этому дѣлу внутреннею возбужденіемъ, за исключеніемъ лишь женщинъ (1 Кор. 14, 28—35). Въ церкви послѣ-апостольской видимъ нѣчто подобное-же. Во II-омъ вѣкѣ продолжали существовать харизматическіе наставники—„пророки“ и „дидакалы“ (1 Кор. 12, 28). Они учили безпрепятственно въ церковныхъ собраніяхъ; препятствіе имъ могли полагать одни міряне въ томъ случаѣ, если находили, что пророки и дидакалы не отвѣчали своему признанію ²⁾. Конечно, харизматическихъ учителей, не смотря на ихъ священный характеръ, нельзя относить въ строгомъ смыслѣ къ классу іерарховъ. Подобно этимъ харизматическимъ учителямъ, извѣстны своей проповѣдническою дѣятельностію во II вѣкѣ чтецы, хотя они довольно долгое время не относились къ клиру. Въ древнѣйшей первоосновѣ Постановленій Апостольскихъ (кн. VIII, гл. 32

¹⁾ Никитина. Синагоги іудейскія, какъ мѣста общественнаго богослуженія, стр. 303. Кіевъ, 1891.

²⁾ Памятникъ II вѣка: „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“ гл. XI, ст. 1—2. 8.

ad fin.), носящей на себѣ отпечатокъ христіанской жизни II вѣка, мірянину прямо предоставляется право проповѣдывать въ церкви наравнѣ съ полноправными проповѣдниками слова Божія, разумѣется подѣ условіемъ, если мірянинъ будетъ человѣкомъ способнымъ вести указанное дѣло. „Древняя церковь (II в.) въ дѣлѣ поученія отдавала больше предпочтенія личной умственной и нравственной компетентности, чѣмъ званію“¹⁾. Не такъ стало въ церкви въ III-емъ вѣкѣ. Клеръ настойчиво удерживаетъ за собой право учительства и проповѣди въ церковныхъ собраніяхъ. Кажется, уже Тертуліанъ неблагоклонно смотрѣлъ на проповѣдь мірянина, считая это дѣло привилегіей лицъ церковнаго сана²⁾. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нихъ ясно отражается церковный духъ половины III вѣка, ведутся такія рѣчи: послѣ чтенія св. писанія „пусть пресвитеры по одиночкѣ, а не всѣ вдругъ, увѣщаютъ народъ, а послѣ всѣхъ епископъ, который подобенъ кормчему“ (II, 57). Какъ видимъ, здѣсь перечисляются одни лица іерархическаго достоинства въ качествѣ учителей въ церковныхъ собраніяхъ. Но главное не въ томъ. Есть факты, удостовѣряющіе, что учительство мірянъ въ III-емъ вѣкѣ доживаетъ свои послѣдніе дни. Исторія этого времени показываетъ, что право мірянина на учительство уже рассматривается со стороны іерархіи, какъ узурпація ея преимуществъ. Обычай учительства мірянъ въ нѣкоторыхъ церквахъ совсѣмъ выводится, а въ другихъ, если и встрѣчается, то на него однакожъ смотрятъ неблагоклонно со стороны. Все это можно изучать на разсказѣ объ одномъ событіи изъ жизни знаменитаго Оригена. Евсевій передаетъ (кн. VI, гл. 19), что когда Оригенъ по случаю гражданскихъ замѣшательствъ отправился изъ Александріи въ Палестину и былъ въ Кесаріи, то палестинскіе епископы просили его бесѣдовать и изъяснять св. Писаніе въ церкви, хотя онъ былъ тогда простымъ міряниномъ. Едва это случилось (событіе относится къ 216 г.), какъ епископъ Алек-

¹⁾ Pressensé. Вышецитированное сочиненіе, р. 16.

²⁾ Сочиненіе его: „О крещеніи“, гл. 17.

сандрійскій (Димитрій) обращается къ нимъ съ упреками въ противозаконности ихъ поступка. Онъ пишетъ къ епископамъ Іерусалимскому Александру и Кесарійскому Теооктисту, что никогда не слыхано и не въ обычаѣ, чтобы въ присутствіи епископовъ проповѣдывали міряне. Изъ этихъ укоровъ видно, что Александрійская церковь въ данное время уже вовсе не знала обычая допускать мірянъ до проповѣди. Правда, епископъ Александрійскій упрекаетъ палестинскихъ епископовъ собственно за то, что Оригинъ проповѣдовалъ „въ присутствіи епископовъ“, но въ сущности эта оговорка не имѣетъ значенія: богослуженіе въ то время совершалось самими епископами (такъ какъ храмовъ вообще было не много и въ каждомъ городѣ былъ одинъ храмъ и былъ одинъ епископъ). Да и послѣдующій поступокъ палестинскихъ епископовъ въ отношеніи къ Оригину показываетъ, что укорищенное письмо епископа Александрійскаго они поняли въ смыслъ полного запрещенія мірянину являться на церковной кафедрѣ. Эти епископы прежде всего старались оправдать себя отъ возводимого на нихъ обвиненія тѣмъ, что (въ письмѣ къ тому же Александрійскому епископу) указывали частные примѣры, когда міряне допускались до церковнаго учительства, примѣры изъ добраго стараго времени (у Евсевія, тамъ же). Замѣчательно однако же, указывая тѣ церкви, гдѣ были допускаемы міряне къ проповѣди (эти церкви названы въ ихъ посланіи, какъ и имена мірянъ—проповѣдниковъ), они поименовываютъ такія мѣстности, гдѣ не задолго предъ тѣмъ царилъ монтанизмъ, слѣдовательно на такія мѣстности, гдѣ учительство мірянъ могло быть вліяніемъ или остаткомъ монтанизма ¹⁾, такъ какъ монтанисты завели у себя независимыхъ отъ клира проповѣдниковъ—проповѣдниковъ, воображая, что они такимъ образомъ возстановляютъ обычаи христіанской древности. Значитъ, палестинскіе епископы въ своемъ письмѣ къ епископу Александрійскому ссылались на примѣръ такихъ церквей, которыя, быть можетъ, находились въ исключительныхъ

¹⁾ Harnack. Lehrbuch d. Dogmengeschichte, S. 349—350. Band I. Freiburg im Br., 1886.

условіяхъ; а если такъ, то очевидно, что въ другихъ церквахъ, гдѣ подобныхъ условій не было, учительство мірянъ въ церковныхъ собраніяхъ совсѣмъ вышло изъ практики. По продолжимъ пересказъ о случаѣ съ Оригеномъ. Палестинскіе епископы не ограничились тѣмъ, что дали объясненіе своему поступку, но какъ бы чувствуя себя не совсѣмъ правыми—голосъ Александрійскаго епископа казался имъ очень внушительнымъ,—они заблагоразсудили сдѣлать слѣдующее: чтобы избѣгнуть упрековъ на будущее время, они, когда улеглась вся эта исторія, посвятили Оригена въ пресвитеры (Евсев., VI, 23). Сами эти епископы, значить, нашли, что церковному проповѣднику приличіе носить церковный санъ. Очевидно, все дѣло шло не объ томъ только, что Оригенъ проповѣдывалъ „въ присутствіи епископовъ“, а о томъ, что позволялъ себѣ учить съ церковной кафедры мірянъ. Оригенъ поставленъ въ пресвитеры: знакъ, что проповѣдничество стало теперь считаться исключительнымъ правомъ пресвитеровъ (не говоря уже о епископахъ). Послѣ разсмотрѣннаго нами случая съ Оригеномъ учительство мірянина въ церкви выводится изъ практики. Такимъ образомъ, въ III вѣкѣ древнее обыкновеніе допускать до проповѣдованія слова Божія всѣхъ способныхъ безъ различія: іерархическое ли то лице или нѣтъ—приходитъ въ забвеніе, устраняется. Это пріобрѣтеніе духовенствомъ исключительнаго права проповѣди должно было въ значительной мѣрѣ выдѣлять лицъ клира отъ остальныхъ членовъ христіанской церкви. Это право, притомъ, могло быть важнымъ средствомъ въ рукахъ іерархіи къ господствованію надъ умами. Теперь іерархія начала дѣлаться, скажемъ словами одного позднѣйшаго отца церкви, „огражденнымъ сѣдальцемъ мудрыхъ, рѣшоткою, раздѣляющею два міра“. Правда, міряне и послѣ этого могли быть учителями въ катихизаторскихъ школахъ, а также миссіонерами ¹⁾, но это далеко не то, что право раскрывать смыслъ христіанской религіи съ церковной кафедры.

¹⁾ Rothe. Vorlesungen über Kirchengeschichte. I, 217.

Тоже стремленіе клира отдѣлить себя отъ народа, возвысивъ себя надъ мірянами, выражается съ другой стороны, какъ мы сказали, въ устраниніи себя отъ мірскихъ занятій даже въ томъ случаѣ, когда эти занятія должны были давать средства къ жизни. Клеръ въ данномъ случаѣ стремился сдѣлать изъ себя, говоря, словами вышецитированнаго отца церкви: „дворъ совершенныхъ, возвышеніе для ангельскихъ ликованій“. Міръ и его дѣла являлись какъ бы скверною, соприкасаться съ которой было недостойно пастыря. Въ этомъ случаѣ іерархія III-го вѣка, а пожалуй и II-го вѣка, не остается вѣрною практикѣ времени Апостольскихъ. Въ высшей степени вѣроятно, что въ первоначальной церкви лица, принимавшія на себя церковныя должности, оставались при тѣхъ житейскихъ профессіяхъ, при какихъ они были до времени избранія въ іерархическую степень, пропитывая себя и своихъ присныхъ на тѣ средства, которыя получались отъ ихъ труда. Въ то время, стоявшіе во главѣ той или другой церковной общины, пастыри совершенно свободно могли, съ исполненіемъ ихъ церковныхъ обязанностей, соединять продолженіе тѣхъ самыхъ занятій, какія имъ доставляли средства содержанія до поставленія ихъ въ клиръ. И первоначальный образъ воззрѣній христіанъ не могъ приводить къ мысли о непристойности соединять дѣло пастырства съ мірскимъ трудомъ, такъ какъ крѣпко держалось убѣжденіе, что каждое мірское занятіе, если оно совершается съ христіанскимъ расположеніемъ духа, чрезъ это получало освященіе; да и притомъ, было хорошо извѣстно, что апостолы съ проповѣданіемъ евангелія соединяли и занятіе своими ремеслами. — Не такъ было впослѣдствіи. Пастырство II-го и въ особенности III-го вѣка все болѣе и болѣе начинаетъ устранять себя отъ житейскихъ профессій, предоставляя такія лишь мірянамъ. Возникло стараніе намѣренно удержать духовенство отъ снисканія пропитанія какими-либо житейскими занятіями. Подобныя занятія, въ III вѣкѣ, уже казались не соответствующими достоинству духовнаго лица, считались лишь принадлежностію мірянъ и строго воспрещались духовенству. Подобныя воззрѣнія выражаются уже въ апокрифическомъ сочиненіи конца

II вѣка — въ Климентинахъ. Здѣсь внушается епископу: „тебѣ нужно вести жизнь непорочную, и совѣмъ чуждаться всякихъ житейскихъ занятій. Не принимай на себя занятія довѣреннаго лица и адвоката и вообще не принимай на себя ни какой мірской профессіи. Вѣдь не судіей и не оцѣнщикомъ золота и не другимъ чѣмъ подобнымъ поставилъ тебя Христосъ; отдавшись заботамъ о мірскихъ дѣлахъ, не будешь имѣть времени на то, чтобы по справедливости отличать злыхъ людей отъ добрыхъ. Нечестиво принимать на себя мірскія хлопоты, оставивши въ сторонѣ то, что тебѣ повелѣно дѣлать“ ¹⁾. Тѣ-же воззрѣнія, но съ особенною ясностію высказываются въ сочиненіяхъ Кипріана. Вотъ, напр., какъ онъ говоритъ объ этомъ: „каждый изъ клириковъ или служителей Божіихъ долженъ служить только алтарю и жертвамъ и заниматься только молитвами и моленіями. Этотъ образъ чиноположенія и обязанностей прежде въ ветхозавѣтномъ законѣ соблюдали Левиты. Въ то время какъ одиннадцать колѣнъ раздѣлили страну и брали въ ней участки, колѣно Левіино, предназначенное для занятій при храмѣ, алтарѣ и божественныхъ службахъ не должно было участвовать въ этомъ раздѣлѣ; но предоставляя другимъ воздѣлывать землю, оно долженствовало служить только Богу, на пищу же и одежду получать отъ одиннадцати колѣнъ десятину съ плодовъ, производимыхъ землею. Таковъ же чинъ и порядокъ соблюдается клиромъ и нынѣ. Тѣ, кто избирается въ церквахъ Божіихъ въ духовный санъ, не должны ничѣмъ отвлекаться отъ божественнаго служенія, не должны связывать себя занятіями и хлопотами мірскими, а должны жить приношеніями какъ бы десятинами отъ плодовъ“ ²⁾. Воспрещеніе духовенству заниматься мірскими дѣлами встрѣчаемъ и въ такъ называемыхъ правилахъ Апостольскихъ; Правила Апостольскія возникли въ разное время на пространствахъ отъ II по V вѣкъ, но нижеприведенныя правила, судя по ихъ характеру, носятъ печать III-го вѣка. Въ нихъ (пр. 6 и 81) говорится: „епископъ, пресвитеръ

¹⁾ Clementis Romani Homiliae, p. 13—14. Edit. A. Dressel. Gottinae, 1853.

²⁾ Кипріана. Т. I. Письма, стр. 112—113.

и діаконъ не долженъ принимать на себя мірскихъ попеченій, иначе да будетъ изверженъ изъ священнаго сана; ибо имъ подабаєть не упустительно бытъ при дѣлахъ церковныхъ“. Подобными мыслями изобилуютъ и Постановленія Апостольскія,—памятникъ того же рода, какъ и Правила Апостольскія. Здѣсь очевидно высказываются идеалы III-го вѣка, когда авторъ, согласно съ Кипріаномъ, говоритъ: „какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ священники имѣли содержаніе отъ мірянъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ тѣ, кои живутъ для церкви, должны питаться отъ нея—же“. Постановленія Апостольскія прилагаютъ къ духовенству слова Христа, сказанныя апостоламъ: „ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои“ (Лук. 10, 7)¹⁾, хотя, кажется, правильнѣе эти слова прилагать къ странствующимъ миссіонерамъ прежняго и будущихъ временъ. Подобнаго рода предписаніями хотѣли достигнуть двоякой цѣли въ отношеніи къ клиру. Во первыхъ, имѣлось въ виду поставить духовенство внѣ зависимости отъ мірянъ, такъ какъ, наприм., большая часть гражданскихъ должностей находится подъ начальствомъ мірянъ: казалось неприличнымъ зависеть духовенству отъ кого-либо въ случаѣ принятія на себя духовнымъ лицомъ какихъ-нибудь гражданскихъ должностей. Во вторыхъ, отклоненіе отъ занятій житейскихъ вообще имѣло цѣлю выдѣлить духовенство, какъ классъ людей высшей нравственности, отъ всѣхъ остальныхъ людей, погруженныхъ въ мірскую суету, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать болѣе нагляднымъ разстояніе, отдѣляющее духовенство отъ народа. До какой степени церковь III-го вѣка была уже строга въ примѣненіи разсматриваемаго требованія, это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ церкви Карфагенской одинъ мірянинъ, умирая, сдѣлалъ опекуномъ и душеприкащикомъ пресвитера Геминія Фавстина. Кипріанъ чувствуетъ себя огорченнымъ вслѣдствіе такого поступка со стороны мірянина. Онъ положилъ не возносить молитвы, не совершать евхаристіи по душѣ указаннаго мірянина. Кипріанъ разсуждалъ: „тотъ недостоинъ поминаенія у алтаря въ молитвахъ священника,

¹⁾ Кн. II, гл. 25 и 24 ad fin.

кто хотѣлъ отвлечь священника отъ алтаря; и да будетъ, чрезъ наказаніе, наложенное на умершаго, поданъ примѣръ и прочимъ братіямъ, чтобы никто, не отвлекалъ къ мірскимъ занятіямъ священниковъ, служащихъ алтарю и церкви“ ¹⁾). Другой примѣръ. Извѣстный Павелъ Самосатскій, епископъ Антиохійскій, продолжалъ и въ епископскомъ санѣ нести должность дученарія прокуратора (судебная должность, которая давала ему 200,000 сестерцій доходу: сестерція мелкая монета около 6 коп.). Соборъ епископовъ, судившій Павла, сильно порицалъ его за это, тѣмъ болѣе, что онъ дѣла свѣтскія предпочиталъ дѣламъ своего пастырскаго служенія, и становился въ зависимость отъ мірскихъ властей (Евсев. VII, 30).

Вотъ тѣ болѣе знаменательные факты, въ которыхъ выразилось стремленіе клира III вѣка къ выдѣленію себя изъ ряда мірянъ, къ самовозвышенію на счетъ прочаго народа. Клеръ и народъ, — повторяемъ, — уже значительно ослабили тѣ чувства единенія, какія такъ тѣсно связывали ихъ раньше: клеръ стремится стоять не въ средѣ народа, а надъ народомъ.

II. Духовенство и народъ и ихъ взаимныя отношенія въ IV—VIII вѣкахъ.

Въ какомъ отношеніи клеръ и міряне, какъ два элемента церковнаго общества, стояли въ это время одинъ къ другому? Мы уже знаемъ, что въ III вѣкѣ клеръ руководился стремленіемъ выдѣлится себя изъ ряда мірянъ, поставить себя выше ихъ, — клеръ хотѣлъ стоять не среди мірянъ, но надъ ними. Эта же тенденція не покидаетъ клира и въ вѣка, о которыхъ мы хотимъ говорить.

Разсматриваемое стремленіе въ изучаемые вѣка выражается въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ желаніи наложить безбрачіе на духовенство— безбрачіе, какъ особое отличіе для

¹⁾ Творен. Кипріана, I, 112—113.

него отъ мірянъ; клиръ въ этомъ случаѣ хочетъ противопоставить себя, какъ классъ святыхъ, народу, какъ классу грѣшныхъ. Во 2-хъ, клиръ мало по малу исторгаетъ изъ рукъ народа право выбора духовенства, клиръ хочетъ право это перенести въ свою среду, чего и достигаетъ. То же самое стремленіе стать въ особое привилегированное положеніе высказывается и въ нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ менѣе важныхъ, фактахъ.

Установивъ такимъ образомъ общую точку зрѣнія на вышеуказанныя явленія, расскажемъ теперь исторію брака и безбрачія въ духовенствѣ—и исторію упадка вліянія народа на избраніе пастырей.

Вопросъ о брачномъ и безбрачномъ состояніи духовенства поднимался уже во II и III в., но ни къ какому опредѣленному рѣшенію церковь въ этомъ случаѣ не пришла.

Во времена апостольскія епископы, пресвитеры и діаконы были безбрачными, но встрѣчались между ними и такіе, которые состояли въ бракѣ. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ же началѣ II вѣка появлялись нѣкоторые лица, не чуждыя желанія наложить безбрачіе на все духовенство. Объ этомъ можно судить по свидѣтельству посланія Игнатія Богоносца къ Поликарпу. Въ этомъ посланіи (гл. 5) Игнатій даетъ знать, что нѣкоторые міряне, проводя жизнь дѣвственную, смотрѣли съ пренебреженіемъ на епископовъ, живущихъ въ бракѣ, почему св. мужъ призываетъ такихъ притязательныхъ христіанъ къ смиренію. Въ теченіе II вѣка за безбрачіе духовенства ратуютъ уже не простые міряне, но епископы. Таковъ былъ именно нѣкто Пинить, епископъ Критскій. Онъ задался странною мыслію ввести безбрачіе не только въ клиръ, но и среди самихъ мірянъ, и хотя Пинить за это противоестественное желаніе обличенъ былъ Діонисіемъ еписк. Коринескимъ, однакожъ ни мало не исправился, а еще съ нѣкоторымъ сарказмомъ писалъ Діонисію, что онъ, Пинить, не ожидалъ слышать такого обличенія. Послѣдній внушалъ Діонисію, чтобы епископъ Коринескій „преподалъ болѣе твердую пищу, и наплатъ ввѣренныхъ ему людей новымъ совершеннѣйшимъ посланіемъ, иначе, постоянно принимая млечную пищу слова, они мало по малу могутъ со-

стариться въ дѣтской жизни“¹⁾. Въ древней Коптской редакціи постановленій апостольскихъ уже говорится: „хорошо, если епископъ не женатъ“²⁾. Совершенно то же самое повторяется въ такъ называемыхъ *canones ecclesiastici* (памятникъ II вѣка): „хорошо, если епископъ не женатъ“; причемъ въ этомъ древнемъ памятникѣ отъ пресвитеровъ требуется, чтобы „они воздерживались отъ сообщенія съ женами“³⁾. Климентъ Александрійскій весьма высокаго мнѣнія о лицахъ безбрачныхъ, онъ называетъ ихъ „избранныйшими изъ числа избранныхъ“. А Оригенъ, прилагая этотъ идеалъ къ духовенству, прямо уже заявлялъ, „что совершенному іерею не подобаетъ сношенія съ женой“. Впрочемъ кажется, что этими примѣрами и свидѣтельствами и исчерпывается ригористическое направленіе въ церкви первыхъ вѣковъ по данному вопросу. Голоса, раздавашіеся въ II и III вѣкѣ и требовавшіе безбрачія духовенства, не были преобладающими. Потому что общерелигіозное сознаніе эпохи ничего не имѣло противъ брака пастырей. Въ этомъ случаѣ важное значеніе имѣло то обстоятельство, что по твердому убѣжденію многихъ христіанъ, какъ это видно изъ сочиненій Климента Александрійскаго, даже нѣкоторые изъ апостоловъ проводили жизнь безбрачную: наприм. апостолы Петръ, Павелъ, Филиппъ⁴⁾. Въ такъ наз. постановленіяхъ апостольскихъ (кн. VI, гл. 17) въ полной гармоніи съ религіознымъ сознаніемъ II и III вѣка заповѣдывалось слѣдующее: „въ епископа, пресвитера и діакона должно поставлять однобрачныхъ—въ живыхъ ли будутъ ихъ жены или уже умерли“. Мало того: сознаніе церкви даже рѣшительно высказывалось противъ тѣхъ, кто хотѣлъ ввести безбрачіе въ клиръ, подъ предлогомъ, что этого рода жизнь выше брачной. Вотъ что говорить одно изъ такъ называемыхъ правилъ апостольскихъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ да не изгоняетъ жены своей подъ предлогомъ благочестія. Если же изгонить, да

¹⁾ Евсевія. Церк. Исторія, кн. IV, гл. 23.

²⁾ Pressensé. *La vie ecclésiastique, religieuse des chrétiens*, p. 64. Paris, 1877.

³⁾ *Die Quellen der Apostolischen Kirchenordnung*—von Harnack. S. 9. 12. Leipz. 1886.

⁴⁾ Евсевія. Исторія III, 30.

будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, а оставаясь непреклоннымъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина“ (прав. 5).

Практика церковная II и III вѣка допускала возможность существованія брачныхъ и безбрачныхъ пастырей безъ всякаго различія, безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ. Что брачные священнослужители встрѣчались, какъ явленіе нерѣдкое въ указанную эпоху, объ этомъ свидѣтельствъ не мало. Тертуллианъ въ сочиненіи „о цѣломудріи“ (сarr. 7.9) пишетъ: „у христіанъ вмѣнено въ точнѣйшую и строжайшую обязанность священникамъ жениться одинъ только разъ, такъ что, какъ мнѣ извѣстно, кто имѣлъ двухъ женъ, тотъ не можетъ быть священникомъ“. Онъ же говоритъ о литургіи, совершаемой руками священника единобрачнаго, а можетъ быть и дѣвственника, окруженнаго своими діаконами тоже единобрачными или дѣвственниками. Другой писатель — Климентъ Александрійскій — говоритъ: „апостолъ допускаетъ одну жену мужу, который, — будетъ ли то пресвитеръ или діаконъ, — подобно мірянину, можетъ, не встрѣчая осужденія, пользоваться правами брака“¹⁾. Тертуллианъ и Климентъ говорятъ о брачныхъ священникахъ, какъ явленіи обычномъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, упоминая и о дѣвственныхъ священнослужителяхъ, не отдаетъ имъ никакого предпочтенія предъ брачными. Если вѣрить автору книги: „философумены“, писателю въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тенденціозному, то на Западѣ въ началѣ III вѣка встрѣчались въ клирѣ епископы, пресвитеры и діаконы двубрачные и троебрачные; при чемъ: если кто женился изъ числа самихъ клириковъ, то это не мѣшало ему оставаться въ клирѣ и продолжать свое служеніе²⁾. — Что касается отдѣльныхъ примѣровъ брачнаго провозженія жизни пастырями, то исторія, къ сожалѣнію, знаетъ такихъ примѣровъ мало изъ II и III вѣка. Во II вѣкѣ встрѣчаемъ челоуѣка женатаго въ лицѣ пресвитера Валента, о которомъ упоминаетъ Апостольскій мужъ Поликарпъ (гл. 11). III вѣкѣ развѣ немного богаче примѣ-

¹⁾ Stromat., Lib. III, cap. 12 ad fin.

²⁾ Philosoph., IX, 12, p. 460.

рами въ указанномъ родѣ. Въ одномъ письмѣ къ Кипріану Кареагенскому упоминается пресвитеръ Феликсъ и жена его Викторія ¹⁾. Какъ человѣкъ женатый, извѣстенъ пресвитеръ Новатъ, виновникъ раскола въ Кареагенѣ. Св. Кипріанъ порицаетъ его за то, что онъ дурно обращался съ своею женою. Такъ онъ ударилъ ногою жену свою въ животъ, отчего она преждевременно родила ²⁾. Кипріанъ не порицаетъ его за то, что онъ былъ женатъ, а за то только, что онъ худо жилъ съ женою; значить Кипріанъ ничего не видитъ худаго въ самомъ фактѣ брачной жизни Новата. Изъ епископовъ, жившихъ въ бракѣ въ первые вѣка, намъ извѣстны единственно слѣдующія лица: Діонисій Александрійскій (III в.), который самъ о себѣ въ одномъ посланіи пишетъ, что онъ въ гоненіе Декія выѣхалъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми изъ Александріи, избѣгая преслѣдованія; значить, онъ былъ женатъ (Евсев. VI, 40); тотъ же Діонисій упоминаетъ о египетскомъ епископѣ Херемонѣ, человѣкѣ достигшемъ глубокой старости, что онъ въ гоненіе Декіево удалился вмѣстѣ съ своею женою на одну гору и болѣе не возвращался назадъ (Евсев. VI, 42). Еще: Евсевій (8, 9) свидѣтельствуетъ о Оивайдскомъ епископѣ Филеасѣ, что онъ, не жалѣя своей жены и дѣтей, мужественно встрѣтилъ мученическую смерть въ гоненіе Діоклитіана. Но вообще наблюдая за состояніемъ дѣлъ церкви въ эпоху первыхъ трехъ вѣковъ, нужно утверждать, что безбрачныхъ священниковъ и епископовъ въ это время едва ли было не болѣе, чѣмъ женатыхъ.

Съ IV вѣка вопросъ о бракѣ и безбрачій духовенства вступаетъ въ новую фазу развитія. Имъ усиленно занимается церковь, и результатомъ этихъ ея усилій является практика, которой держится церковь до сихъ поръ. Вопросъ этотъ иначе рѣшала церковь восточная, иначе западная, а потому мы раздѣльно обозримъ, какъ и при какихъ условіяхъ рѣшала данный вопросъ церковь восточная, и какъ и при какихъ условіяхъ западная.

¹⁾ Творенія св. Кипріана въ русск. перев., т. I, стр. 136. Изд. 2-ое.

²⁾ Твор. Кипріана, т. I, стр. 213. Женатыми священниками во времена Кипріана были еще: Цецилій и Нумидикъ.

Церковь восточная встрѣчается съ вопросомъ съ самого начала IV вѣка. Побудительною причиною, почему церковь восточная останавливаетъ на немъ свое вниманіе, было то, что въ ней рядомъ встрѣчались священнослужители брачные и безбрачные: бракъ не былъ воспрещенъ, а равно и къ безбрачію законъ не обязывалъ. Такая смѣсь явленій естественно вызвала вопросъ: не нужно ли составить какого-либо опредѣленнаго правила — въ виду разнообразія практики? Но кромѣ этого, были и другія обстоятельства, выдвигавшія на видъ тотъ же вопросъ. Съ одной стороны, чѣмъ болѣе было безбрачныхъ пастырей, тѣмъ чаще встрѣчались случаи, которыми компрометировалась церковь: въ III вѣкѣ неженатые пастыри заводили у себя подозрительныхъ женщинъ, подъ именемъ „духовныхъ сестеръ“, „возлюбленныхъ“¹⁾; съ другой стороны такое явленіе, какъ монашество, ставшее съ началомъ IV вѣка довольно усиливаться, получившее уже немалое влияніе на народъ, монашество наводило на мысль: не необходимо ли въ цѣляхъ неразвлеченнаго служенія пастырей своему долгу — ввести безбрачіе, какъ условіе для вступленія въ духовное сословіе, а само монашество, повидимому, предлагало неистощимый контингентъ для укомплектованія рядовъ духовенства. Выдвинувшись на очередь, вопросъ этотъ началъ занимать собою умы въ восточной церкви. Такъ о немъ разсуждаютъ на соборахъ Неокесарійскомъ и Анкирскомъ (314 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ позднѣе онъ становится предметомъ разсужденій и на I вселен. соборѣ. Когда здѣсь начали разсуждать о немъ, то нѣкоторые склонялись къ мысли ввести правило, чтобы епископы, пресвитеры и діаконы не оставались въ брачномъ сожитіи. Мысль эта передана была на обсужденіе собора. Но вотъ, что тогда послѣдовало. Пафнугій епископъ Оивандскій заявилъ: „не возлагайте тяжкаго ига на лицъ посвященныхъ: честенъ бракъ и ложе не скверно. Какъ бы отъ избытка строгости не произошло вреда для церкви; ибо не всѣ могутъ принять на себя подвигъ безстрастія. Довольно

¹⁾ См. Евсевія. Истор., VII, 30. Творенія Кипріяна т. I, стр. 104—108. А также ниже въ главѣ: нравствен. состояніе духовенства во 2 и 3 вѣкахъ.

того, если по древнему преданію церкви, вступившій на служеніе церкви въ безбрачномъ состояніи — и будетъ оставаться такимъ. А кто женился до посвященія, тотъ отнюдь не долженъ оставлять жены“. И это говорилъ человекъ, не знавшій брачныхъ удовольствій, ибо онъ воспитывался какъ аскетъ, и цѣломудріемъ былъ извѣстенъ болѣе, чѣмъ кто другой. Соборъ ободрилъ мнѣніе Пафнутія. Поэтому относительно вопроса о брачномъ и безбрачномъ состояніи духовенства соборъ не постановилъ никакого опредѣленія, обязательнаго для лицъ духовныхъ¹⁾. Безбрачіе, по прежнему, предоставлялось волѣ и рѣшенію cadaго, вступающаго въ духовный санъ.

Какъ-же религиозное сознаніе той эпохи отозвалось на это рѣшеніе вопроса? Подчинялось ли ему всецѣло? Этого нельзя сказать. Преобладающій духъ монашества того времени приводилъ къ тому, что общество IV вѣка съ большимъ предпочтеніемъ относилось къ клирикамъ неженатымъ по сравненію съ женатыми, и тѣмъ шло какъ бы наперекоръ мнѣнію самого вселенскаго собора. Женатыхъ священниковъ въ IV вѣкѣ стали чуждаться. Замѣчательно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Григорія Богослова. Въ его время нѣкоторые изъ язычниковъ, желавшихъ принять крещеніе, медлили однакожъ дѣлать это, потому что были слишкомъ разборчивы въ выборѣ того лица, которое должно было преподать имъ таинство. Обличая эту неумѣстную разборчивость, Григорій восклицаетъ: „не говори: меня долженъ крестить епископъ... или хоть священникъ, но безбрачный, воздержный, человекъ ангельской жизни, ибо несносно, приприбавляли, по Григорію, такіе прихотники — если осквернюсь во время очищенія“, ²⁾ т.-е. самаго акта крещенія. Отсюда открывается, что нѣкоторые очень невысоко смотрѣли на женатыхъ священниковъ: въ самыхъ таинствахъ, совершаемыхъ ими, видѣли какъ-бы оскверненіе! Случалось, что христіане предпочтеніе безбрачныхъ священниковъ брачнымъ простирали такъ далеко, что не хотѣли принимать

¹⁾ Сократа. Церк. Исторія, кн. I, гл. 11.

²⁾ Творенія Григорія Богослова въ русск. переводѣ. Т. III, 298. М. 1844.

тайнства Евхаристіи изъ рукъ брачныхъ священниковъ, прекращали съ ними всякое общеніе, считая самое священнодѣйствіе ихъ недѣйствительнымъ при ихъ женатой жизни. Церковь вынуждена была вступить въ борьбу съ этимъ крайнимъ направленіемъ. Она отнесла къ разряду еретиковъ тѣхъ христіанъ, которые допускали себѣ такое самоволіе. Соборъ Гангрскій (340 г.), собранный по этому случаю, взявъ сторону женатыхъ священниковъ, опредѣлялъ: „если кто о священникѣ, находящемся въ супружествѣ, разсуждаетъ, что не должно причащаться у него, когда онъ совершаетъ литургію, таковой да будетъ подъ клятвою“ (пр. 4). Противъ брачныхъ священниковъ раздавался голосъ даже такого знаменитаго отца церкви IV вѣка, какимъ былъ Епифаній Кипрскій. Вотъ его слова: „ты скажешь мнѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пресвитеры, діаконы и иподіаконы еще рожаютъ дѣтей“. Но „это не на основаніи правила, скажу я,—а вслѣдствіе разслабленія образа мыслей человѣческихъ и по недостатку достойныхъ служителей ради множества“ ¹⁾ вѣрующихъ. Объ Евстаѳіи епископъ Севастійскомъ тоже извѣстно, что онъ былъ врагомъ женатыхъ священниковъ въ IV вѣкѣ. О немъ Сократъ говоритъ: „онъ приказывалъ, какъ отъ грѣха, удаляться отъ благословенія (евхаристіи) и общенія съ женатымъ священникомъ, хотя бы онъ вступилъ въ бракъ, по закону, до принятія сана“. Евстаѳій до того простиралъ свою ненависть къ подобнымъ лицамъ, что „заповѣдывалъ народу лучше молиться въ частныхъ домахъ, чѣмъ присутствовать при богослуженіи женатаго священника“ ²⁾ Такъ-то относилось христіанское общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ его представителей послѣ Никейскаго собора къ вопросу о бракѣ и безбрачїи іерархическихъ лицъ.

При такомъ положеніи дѣла, когда съ одной стороны Никейскій соборъ уравнивалъ права и брачныхъ и безбрачныхъ занимать священныя должности, а съ другой стороны господствующій духъ времени требовалъ безбрачїа ду-

¹⁾ Св. Епифанія. О ересяхъ. Ер. 59, глав. 4. Творен. его, т. III, стр. 31, въ русск. перев.

²⁾ Сократа, II, 43. Объ Евстаѳіи см. книгу Loofs'a Eustathius von Sebaste (Halle, 1898).

ховенства, практика церковная допускаетъ компромиссъ, избираетъ средній путь. Церковь, какъ и прежде, не препятствовала женатымъ вступать въ клиръ: брачная жизнь оставалась неотъемлемымъ правомъ духовенства. Но тѣмъ не менѣе дѣлается уступка и ригористическому направленію въ вопросѣ. Начинаютъ искать по крайней мѣрѣ епископовъ болѣе всего между монахами, т.-е. безбрачными. Подобное требованіе высказываетъ Григорій Богословъ, когда говорить: „на нашихъ Назарейхъ (т.-е. монашествующихъ), на нихъ однихъ, или по крайней мѣрѣ большею частію, должно падать избраніе“ ¹⁾ во епископы. Поэтому выборъ епископовъ изъ монаховъ становится все чаще и чаще. Уже Аѳанасій Великій многихъ монаховъ возводитъ въ епископы, какъ это можно видѣть изъ одного его письма, писаннаго Драконтію: „не ты одинъ поставленъ (въ епископы) изъ монаховъ, не ты одинъ до этого начальствовалъ въ монастырѣ“; затѣмъ Аѳанасій перечисляетъ поименно, кто были сдѣланы епископами изъ монаховъ ²⁾. Изъ того-же письма видно, что монахи неохотно принимали на себя санъ епископскій, боясь, что дѣятельность епископа отвлечетъ ихъ отъ подвиговъ монашескихъ и, замѣтимъ, не безосновательно. Позднѣе, въ концѣ IV и началѣ V вѣка, у нѣкоего аввы Исаака изъ 150 монаховъ Теофилъ, архіепископъ Александрійскій, взялъ въ епископы 7 или 8 человѣкъ ³⁾. Такая практика имѣла мѣсто не въ одномъ Египтѣ, этой колыбели монашества, но она встрѣчалась и за предѣлами Египта. Епифаній еписк. Кипрскій отмѣчаетъ, какъ явленіе самое обыкновенное, что въ его время было много епископовъ изъ лицъ небрачныхъ. „Вѣнецъ всего священства, говоритъ онъ, состоитъ по большей части изъ дѣвственниковъ, если же не изъ дѣвственниковъ, то изъ монашествующихъ, или воздерживающихся отъ собственныхъ женъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Творенія Григорія въ русскомъ переводѣ. Т. II, 137. М. 1844.

²⁾ Творенія Аѳанасія Александрійскаго въ русск. переводѣ. Т. I, 398. Изд. 1-ое.

³⁾ О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви Восточной, стр. 10. М. 1862.

⁴⁾ Краткое слово о вѣрѣ вселенской. Творенія его въ русск. перев. Томъ V, стр. 351.

Говоря томъ, что практика церковная при выборѣ епископовъ—въ IV и V вѣкѣ—отдавала преимущество безбрачнымъ предъ брачными, мы не хотимъ утверждать, что-бы это сдѣлалось какимъ либо повсюднымъ правиломъ. Напротивъ, церковь того времени еще долго не чуждалась избирать въ епископы и лицъ женатыхъ. Цер. ист. Сократъ (V, 22) свидѣтельствуетъ, что въ его время, въ V в. — на востокѣ зналъ онъ многихъ епископовъ, которые во время епископства отъ женъ своихъ имѣли дѣтей. Такъ было, по его увѣренію, въ Фессалоникѣ и Македоніи, въ Греціи, Фессаліи. А о тѣхъ епископахъ, которые отказывались отъ сожитія съ женами, Сократъ замѣчаетъ, что дѣлали они это по собственному произволенію, не будучи принуждены къ этому неизбѣжнымъ закономъ. Если отъ этого общаго увѣренія Сократа въ томъ, что онъ зналъ на востокѣ многихъ женатыхъ епископовъ, обратимся къ отысканію дѣйствительныхъ примѣровъ, подтверждающихъ это свидѣтельство историка, то мы не будемъ въ нихъ имѣть недостатка. Въ IV вѣкѣ брачными епископами были: отецъ Григорія Богослова, ¹⁾ имѣвшій дѣтей отъ своей жены, во время епископскаго служенія. Брачную жизнь проводилъ извѣстный Григорій Нисскій, братъ Василя В. Историкъ Никифоръ Каллистъ ²⁾ говоритъ: „имѣлъ Василій братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ епископомъ въ Ниссѣ, онъ жилъ въ супружествѣ съ женою“. По свидѣтельству Сократа (V, 22), жизнь брачную проводилъ Иліодоръ, епископъ Трикийскій въ Фессаліи. На Ефесскомъ соборѣ 400 года, происшедшемъ подъ предсѣдательствомъ Златоуста, епископы Ефесскаго округа говорили: „многіе изъ насъ не только разорены, но отдали все до послѣдняго украшенія нашихъ женъ и домашней утвари; справедливость требуетъ, чтобы это было намъ возвращено“ ³⁾. Значитъ эти епископы имѣли женъ и не разлучались съ ними. Въ пятомъ вѣкѣ брачная жизнь епископа не остается безпримѣрною. Такую жизнь проводилъ извѣстный Синезій, епископъ Птолемаидскій въ

¹⁾ Арх. Порфирія. Жизнь Григ. Богослова, стр. 7, М. 1864 г.

²⁾ *Ecclesiastica Historia*, lib. XI, cap. 19.

³⁾ Palladii. *Dialogus historicus de vita Ioannis Chrysostomi*, cap. 54.

Египтѣ, неоплатоническій философъ, обратившійся къ христіанству. Когда его избрали въ епископы въ Птолемаиду, онъ рѣшительно заявилъ: „Богъ, законъ и священная рука Теофила (епископа Александрійскаго, крестившаго (?) его) дали мнѣ жену. Поэтому я возвѣщаю всѣмъ и свидѣтельствую, что я не хочу разлучаться съ ней и что не буду тайно жить съ ней, какъ прелюбодѣй; ибо первое нисколько неблагочестиво, а второе—незаконно; напротивъ я желаю и молюсь о томъ, что-бы имѣть отъ нея многочисленнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ дѣтей“ ¹⁾).

Но какъ-бы то ни было, предпочтеніе, отдаваемое безбрачнымъ священникамъ предъ брачными въ церкви восточной—вело къ тому, что законодательство, не воспретая брачной жизни священнику и діакону, однакожъ безусловно требуетъ безбрачія для епископа. Въ VI в. гражданскимъ законодательствомъ, при Юстиніанѣ, предписано было избирать во епископы изъ женатыхъ только тѣхъ, у кого нѣтъ дѣтей и племянниковъ, чтобы заботы объ ихъ воспитаніи не отвлекали епископа отъ попеченіи о паствѣ. Потомъ, при томъ же Юстиніанѣ воспрещено избранному во епископы жить съ своей женой. Наконецъ Юстиніанъ постановилъ, чтобы избираемый въ епископы или принадлежалъ къ монашеству или состоялъ не менѣе шести мѣсяцевъ въ клирѣ, но уже разлучившись съ женою — разумѣется — навсегда. Такимъ образомъ безбрачіе становится отличіемъ епископа. Цѣль, къ которой стремился Юстиніанъ въ подобнаго рода законахъ, точнѣе имъ объясняется такъ: „едва-ли возможно, чтобы женатый человекъ при ежедневныхъ попеченіяхъ о дѣтяхъ своихъ, обращалъ всѣ свои труды и мысли на служеніе Богу, Нѣкоторые изъ христіанъ дарятъ все свое имущество церквамъ съ тою цѣлю, чтобы оно употреблялось на бѣдныхъ и другія потребности. Но было бы неприлично, если-бы епископъ пользовался этимъ для своихъ дѣтей и родственниковъ. Въмѣсто плотской склонности онъ долженъ быть отцомъ всѣхъ вѣрующихъ“ ²⁾). Впрочемъ, не смотря

¹⁾ Остроумова. Синезіій, епископъ Птолемаидскій, стр. 108. М. 1879.

²⁾ Codex Justiniani. Lib. I, tit. 3, cap. 42. Novella VI, cap. 1.

на узаконенія Юстиніана, нѣкоторые епископы, наприм. въ Ливіи, даже въ концѣ VII вѣка, продолжали жить въ брачномъ состояніи. Поэтому соборъ Трульскій VII же вѣка постановилъ (пр. 12): „если кто будетъ усмотренъ творящимъ таковое, да будетъ изверженъ“. Послѣ этого постановленія мало-по-малу женатая жизнь епископовъ выходитъ изъ практики на Востокѣ. Что же касается прочихъ клириковъ, то соборъ Трульскій постановилъ правило, которое составляетъ заключительное звено въ законодательствѣ касательно брака въ духовенствѣ. Соборъ узаконилъ (пр. 13): „если кто найденъ будетъ достойнымъ рукоположенія въ діаконы или пресвитеры, таковому отнюдь не должно служить препятствіемъ къ возведенію въ свящ. степень сожительство съ женою, и отъ него во время посвященія да не требуется обязательства въ томъ, что онъ станетъ удерживаться законнаго сообщенія съ своею женою, дабы мы не были принуждены оскорблять Богомъ установленный и Имъ въ Его пришествіе благословенный бракъ“. Послѣднія слова правила возбуждаютъ вопросъ: почему же епископъ обязательно долженъ быть безбрачнымъ, если священникамъ и діаконамъ разрѣшается бракъ, чтобы не оскорблять Бога, благословившаго бракъ?

Итакъ, Востокъ касательно брачнаго вопроса духовенства въ рассматриваемое время — не провелъ до конца ни воззрѣній аскетическихъ, ни противоположныхъ имъ воззрѣній, остановившись на срединномъ пути.

Вопросъ о бракѣ и безбрачїи духовенства иначе рѣшался на Западѣ. Идею о безбрачїи духовенства, съ IV в., западная церковь проводить со всею настойчивостію. Первое соборное постановленіе на Западѣ, рѣшительно высказавшее себя въ пользу безбрачїа духовенства, есть слѣдующее правило собора Эльвирскаго въ Испаніи въ нач. IV в.: „пусть епископы, священники, діаконы и уподїаконы воздерживаются отъ женъ своихъ и дѣтей не рожаютъ. Кто нарушитъ это, тотъ извергается изъ церковнаго чина“¹⁾. Но это узаконеніе не вдругъ вошло въ практику. Духовныя лица не

1) Hefele. Conciliengeschichte. B. I, S. 168. Freiburg im Br., 1873.

хотѣли разставаться съ своими женами, и оправдывали себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что въ Ветхомъ завѣтѣ священникамъ позволена была брачная жизнь. Противъ такихъ непокорливыхъ сильно началъ бороться папа Сирицій (IV в.). Онъ называлъ тѣхъ, кто такимъ образомъ рассуждали, „последователями похотей и учителями пороковъ“. Папа аргументировалъ при этомъ: „Господь Іисусъ Христосъ благоволилъ озарить церковь Свою свѣтомъ чистоты, чтобы въ день суда, когда паки придетъ, найти ее безъ пятна и порока. Силою такихъ постановленій, умозаключаетъ папа, всѣ мы священники и левиты (въ противоположность священникамъ ветхо-завѣтнымъ), со дня нашего рукоположенія обязаны хранить сердца и тѣла наши въ трезвенности и чистотѣ, чтобы угождать Богу жертвами, которыя мы ежедневно приносимъ: тѣ же, кои по плоти, угодить Богу не могутъ“. Затѣмъ папа приказываетъ исключить изъ клира лицъ, преданныхъ гнуснымъ похотямъ—такъ онъ называетъ бракъ священниковъ¹⁾. Мнѣніе о необходимости безбрачія для духовенства крѣпко укореняется на Западѣ. Въ пользу его ратуютъ Амвросій, Іеронимъ, Августинъ. Тѣмъ не менѣе случаи нарушенія этого правила встрѣчались еще нерѣдко. Іеронимъ сожалѣетъ, что въ его время нѣкоторые епископы, держась мнѣнія о вредѣ безбрачія для духовенства, „не иначе посвящали во диаконы, какъ только женатыхъ“²⁾. Африканскіе соборы V-го вѣка постоянно повторяютъ правило о безбрачіи духовенства³⁾. Папа Левъ Вел. въ V-мъ в. предписывалъ: „епископы, пресвитеры и всѣ служители алтаря должны воздерживаться отъ брачнаго сожитія; однако же не должны покидать своихъ женъ, но должны имѣть ихъ такъ, какъ будто-бы не имѣютъ“⁴⁾. Но это правило, какъ само по себѣ понятно, было очень трудно соблюдать: около огня всегда обожжешься. И дѣйствительно, соборъ Клермонскій VI в. показываетъ, что такое совмѣстное

¹⁾ Migne. Patrologiae cursus. Latina series. Tom. XIII, p. 1138 et cet.

²⁾ Противъ Вигиланція. Творен. Іеронима въ русск. переводѣ. Т. IV, 295. Кіевъ, 1880.

³⁾ Наприм. см. прав. 34 (по книгѣ Правиль).

⁴⁾ Leonis Magn. Epistola ad Rusticum episc. Narbon. n. 3.

житіе епископа съ женою приводило къ искушенію для перваго. Соборъ этотъ говоритъ: „пустъ епископъ, пресви-теръ, діаконъ будетъ не болѣе, какъ братомъ своей жены, но такъ какъ нѣкоторые, воспламенясь плотію, снова допу-стили себѣ брачное сожитіе, то ихъ опредѣляется лишити сана“¹⁾). Усиліями цѣлаго ряда папъ безбрачіе, какъ извѣ-стно, наконецъ восторжествовало въ церкви западной.

Другое явленіе, замѣчаемое историкомъ IV-го и дальнѣй-шихъ вѣковъ, въ которомъ также выразилось стремленіе духовенства выдѣлать себя какъ можно болѣе изъ ряда мі-рянъ—это постепенный переходъ права избирать духовныхъ лицъ (переходъ) отъ народа къ самому духовенству. Мы знаемъ, какое широкое вліяніе имѣли міряне, народъ, во II и III в. на избраніе пастырей, отъ нихъ болѣе всего зави-сѣло избрать или не избирать данное лицо на извѣстную церковную степень. Въ періодъ же отъ IV по IX в. духо-венство высвобождается изъ подъ такой зависимости. Оно начинаетъ выбирать само себя. Посмотримъ, при какихъ условіяхъ совершилось это измѣненіе.

Нужно сказать, что въ началѣ этой эпохи еще значи-тельно сохранялся прежній порядокъ избранія лицъ духов-ныхъ. Эту практику ревностно поддерживали своимъ голо-сомъ, въ указанное время, вліятельнѣйшіе изъ отцевъ и учителей церкви. Именно Амвросій епископъ Медиоланскій въ посланіи къ одной церкви умоляетъ, „чтобы, по при-мѣру отцовъ, избраніе епископа было по согласію народа, и чтобы не давали дѣлу значенія, если народъ не согла-шается принять предлагаемаго ему епископа“²⁾). Особенно выразительно писалъ Василій Вел. неокесарійцамъ о народ-номъ избраніи епископа, представляя это дѣло для каждого изъ нихъ какъ-бы собственнымъ дѣломъ. „Умоляю васъ разсудить, размыслить, что при томъ или другомъ окончаніи дѣла, каждый самъ вкуситъ первый плоды его, а потому попеченіе объ общественномъ дѣлѣ, какъ это случается, не возлагать на другаго, чтобы впослѣдствіи каждый по своему

¹⁾ Hofele. Conciliengeschichte. B. II. S. 762 (can. 12). Freib. 1875.

²⁾ Epist. 95. Сл. Христ. Чтеніе (Объ участіи паствы въ дѣлахъ цер-ковныхъ). 1861, т. II, стр. 395.

нерадѣнію не навлекъ на себя бѣды“¹⁾. Въ V вѣкѣ папа Левъ Велик. также ясно признаетъ значеніе паствы въ выборѣ іерарховъ. Левъ писалъ: „при поставленіи священниковъ нужно ожидать голоса гражданъ, свидѣтельства народа, сужденія почетныхъ людей, избранія клира, чтобы во всемъ соблюдался порядокъ апостольскій“. „Никто да не поставляется противъ воли и желанія народа, чтобы народъ претерпѣвъ понужденіе, не возненавидѣлъ и не сталъ презирать нежелаемаго епископа и не потерялъ должнаго благоговѣнія, какъ скоро ему не позволяютъ имѣть епископомъ того, кого онъ желалъ“²⁾. Тотъ же папа при другомъ случаѣ весьма сильно замѣчалъ: „кто долженъ предстоятельствомъ всѣмъ, тотъ долженъ и быть выбранъ всѣми“. Въ пользу избранія духовныхъ лицъ народомъ въ IV в. возвышаются голоса даже нѣкоторыхъ соборовъ. Это стремленіе прежде всего нужно приписать 1-му вс. собору. Въ окружномъ посланіи собора говорится: „по кончинѣ кого-либо изъ епископовъ на его мѣсто можетъ быть возведенъ и новообращенный, если только онъ будетъ того достоинъ, и народомъ избранъ“³⁾. Въ правилахъ собора Иппонскаго въ Африкѣ (въ концѣ IV в.) говорится: „никто не долженъ быть посвященъ, если за него нѣтъ ручательства народа“⁴⁾.

Поэтому практика церковная представляетъ немало примѣровъ, когда воля народная въ избраніи архипастыря рѣшительно уважается церковною властію. По народному избранію возшелъ на епископскую кафедру Константинопольскую Іоаннъ Златоустъ. Сократъ (VI, 2) объ этомъ говоритъ такъ: „по смерти Константинопольскаго епископа Нектарія начались заботы о поставленіи новаго епископа. Одни желали одного, другіе требовали другаго, и послѣ многократныхъ по этому случаю совѣщаній, наконецъ, согласились вызвать изъ Антиохіи пресвитера Іоанна, ибо о немъ распространи-

¹⁾ Творенія св. Василія Велик. въ русск. перев. Томъ VI, стр. 74. Серб. Пос. 1892.

²⁾ Epist. 89 (ad episc. eccles. Viennens.), epist. 84 (ad Anastas.). Сл. Христ. Чит., 1861, т. II, 394—395.

³⁾ Дѣянія вселенск. соборовъ въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 79. Изд. 2-ое.

⁴⁾ Hefele. В. II, 57.

лась слава, какъ о человѣкѣ учительномъ и краснорѣчивомъ. Итакъ, императоръ Аркадій по общему опредѣленію *всѣхъ*, клира и *народа*, призвалъ Іоанна“. Единственно волѣ народа обязанъ своимъ избраніемъ въ епископы Мартинъ Турскій, такъ какъ нѣкоторые епископы, недовольные его невзрачнымъ видомъ, рѣшительно были противъ такого избранія ¹⁾). При такомъ признаніи права за народомъ избирать себѣ пастырей, церковная власть уступала народному требованію не только тогда, когда выборъ можно было считать вполнѣ одобрительнымъ, но и тогда, когда народный выборъ представлялся антиканоническимъ. Воля народная брала верхъ и въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ что, наприм., случилось въ Кесаріи Каппадокійской въ 361 году. Народная партія, опираясь на войско, избрала во епископы нѣкогого Евсевія, почтеннаго гражданина, человѣка отличной нравственности, но онъ еще не былъ крещенъ, а извѣстно, что правилами церковными не всегда дозволялось поставлять даже новокрещенныхъ. Избравъ этого Евсевія, народъ, какъ выражается нашъ документъ, „насильственно требовалъ“, чтобы епископы посвятили избраннаго. Послѣдніе хотя и противились, однако-жъ должны были исполнить желаніе народа. Въ этомъ случаѣ, посвящая Евсевія, епископы, по выраженію Григорія Богослова, „болѣе дѣйствовали руками, чѣмъ произволеніемъ духа“ ²⁾). Народною волею выбирается въ епископа Медиоланскаго Амвросій, опять не смотря на то, что онъ не былъ еще крещенъ. Въ нѣкоторыхъ источникахъ разсказывается о слѣдующей подробности, имѣвшей мѣсто при выборѣ Амвросія: когда Медиоланцы собрались въ соборный храмъ для выбора себѣ епископа и начали сильно спорить по этому поводу, то вдругъ раздался дѣтскій голосъ: „Амвросій—епископъ“! И всѣ, принявъ этотъ голосъ за указаніе свыше, избрали этого мужа епископомъ. Какъ понимать этотъ фактъ? Какимъ образомъ чье-то дитя указало именно на Амвросія? Вѣроятно дѣло происходило такъ: когда начались споры по вопросу объ избраніи новаго епископа и когда

¹⁾ Schaff. Geschichte der alten Kirche, s. 625. Изд. 1-ое.

²⁾ Творенія Григорія Богослова, т. II, стр. 133—134.

возникъ такимъ образомъ шумъ, то Амвросій, присутствовавшій на выборахъ въ качествѣ городского префекта, пожелалъ унять шумѣвшихъ — и для того, чтобы успѣшнѣе выполнить эту задачу, возшелъ на епископскую кафедру, высокую и для всѣхъ видимую. Но лишь только онъ возшелъ на эту кафедру какое-нибудь дитя, хорошо знавшее, что Амвросій былъ префектомъ, съ удивленіемъ закричало: „Амвросій епископъ“, вообразивъ, что онъ сталъ въ самомъ дѣлѣ епископомъ города. Этотъ-то крикъ ребенка и рѣшилъ вопросъ объ избраніи новаго епископа въ Медиоланѣ ¹⁾. Случай въ подобномъ же родѣ бывали. Иногда народъ позволялъ себѣ избирать новаго епископа при жизни прежняго, устраняя этого послѣдняго своею собственною волею и народная воля торжествовала. Жители двухъ маленькихъ пентапольскихъ городковъ при Аванасіи Великомъ, недовольные своимъ епископомъ Оріономъ, добрымъ, но совершенно недѣятельнымъ старикомъ, отложившись отъ его власти, избрали на его мѣсто Сидерія ²⁾. Но самый замѣчательный примѣръ уступки волѣ народной представляетъ избраніе пастыря жителями Птолемаиды, въ Пентаполѣ, въ Египтѣ. Говоримъ объ избраніи Синезія Птолемаидскаго. Церковь или церков-

¹⁾ Paulini. Vita S. Ambros. гл. 6. Сократа IV, 30. Созом. VI, 24. Теодорита IV, 7. Въ подобномъ же родѣ, какъ понимаемъ мы событіе избранія св. Амвросія, понимаетъ и г. Самуиловъ въ книгѣ: „Исторія аrianства на латинскомъ Западѣ“, стр. 88. (Спб., 1890). Нужно сказать, что разсматриваемому событію даютъ иногда въ нашей литературѣ странное толкованіе. Такъ иногда передаютъ фактъ слѣдующимъ образомъ: когда Амвросій явился въ храмъ для водворенія порядка, то вдругъ *какой-то голосъ, какъ-бы дѣтскій* прозвучалъ: Амвросій епископъ. Но спрашивается, если это былъ голосъ не дѣтскій, а „какъ-бы дѣтскій“, то чей-же былъ это голосъ? Если онъ принадлежалъ вѣстнику свыше, то почему этотъ посланникъ заговорилъ не своимъ, а какимъ то дѣтскимъ голосомъ? Не странно-ли это? А если это былъ голосъ какого-либо миланскаго христіанина, подражавшаго лишь дѣтской рѣчи, то выходитъ, что заговорившій дѣтскимъ голосомъ былъ мистификаторомъ и сознательнымъ обманщикомъ, преслѣдовавшимъ какія-то свои цѣли.—Для подобнаго рода толкователей факта можно рекомендовать: довольствоваться простымъ изложеніемъ событія, какъ оно рассказано въ источникѣ, т. е. указаніемъ на то, что при избраніи новаго епископа въ Миланѣ, вдругъ слышался дѣтскій голосъ, произносившій извѣстныя слова и рѣшившій вопросъ объ избраніи, а не пускаться въ догадки, насколько не разъясняющія дѣла.

²⁾ Остроумова. Синезій, епископъ птолемаидскій, стр. 102. М. 1879. Синезій, рассказывая о событіи, прибавляетъ: „необходимо при тѣсныхъ обстоятельствахъ пренебрегать и справедливостію“.

ная власть должна была съ своей стороны сдѣлать поразительныя уступки Синезію, уступая единственно волѣ народа. Лишь только птолемаидцы узнали о переходѣ этого философа-неоплатоника въ христіанство, какъ заявили о непреложномъ желаніи имѣть его своимъ епископомъ, — тѣмъ болѣе, что катедра въ Птолемаидѣ была въ это время незанята. Синезій согласился принять епископство, но при этомъ заявилъ, что онъ не желаетъ растаться не только съ своею женою, но и съ неоплатоническою философіею, которую онъ высоко цѣнилъ, и съ тѣми частными мнѣніями, которыя ему были дороги. Онъ захотѣлъ остаться при своемъ неоплатоническомъ воззрѣніи на происхожденіе душъ, т. е. хотѣлъ держаться мнѣнія о предсуществованіи душъ; не хотѣлъ раздѣлять ходячихъ христіанскихъ вѣрованій относительно воскресенія плоти и вѣчныхъ мученій: въ этихъ пунктахъ ученія онъ хотѣлъ имѣть и сохранять полную независимость. Синезій незадолго до посвященія писалъ своему брату: „ты знаешь, что философія не соглашается со многими изъ утвердившихся мнѣній. Я не могу увѣрить себя, чтобы душа происходила послѣ тѣла, т. е. отрицалъ ученіе, находившее себѣ пріемъ въ тогдашней богословской наукѣ, о томъ, что душа создается особымъ актомъ божества послѣ зачатія тѣла. Я смотрю—писалъ еще Синезій—на воскресеніе тѣла, какъ на тайну, но я далекъ отъ того, чтобы принимать относительно этого вопроса (народныя) христіанскія мнѣнія. Если правила епископскія позволяютъ мнѣ это, я буду епископомъ, не переставая философствовать. Ради Бога я покину цѣнныя для меня удовольствія (по однимъ здѣсь разумѣется только охота, а по другимъ и азартная игра въ кости)¹⁾, но что касается до моихъ мнѣній, то я не откажусь отъ нихъ²⁾. И что же? Извѣстный своею нетерпимостію Теофилъ, архіеп. Александрійскій, вынужденъ согласиться на поставленіе Синезія, при тѣхъ условіяхъ, на которыхъ настаивалъ Синезій. Такъ сильна была народная воля. Правда, Синезій послѣ отказался отъ своихъ философ-

¹⁾ Последняго мнѣнія держится Гарнакъ.

²⁾ Остроумова. Синезій, стр. 108—109.

скихъ мнѣній въ пользу христіанскихъ, но то было уже въ послѣдствіи.

Итакъ, участіе народа въ выборѣ лицъ іерархическихъ является фактомъ, доказаннымъ въ разсматриваемый періодъ.

Но народъ, участвующій въ выборѣ іерархическихъ лицъ, не умѣлъ удержатъ за собою этого права, не умѣлъ цѣнить всей важности избранія духовенства голосомъ паствы. Появились безпорядки, злоупотребленія, которыя повели къ упадку обыкновенія выбирать пастырей чрезъ пасомыхъ. Нерѣдко являлись честолюбивые искатели епископской власти, привлекали на свою сторону гражданскихъ начальниковъ, составляли въ народѣ себѣ партію и такими способами пролагали себѣ путь къ епископской кафедрѣ, которой они были недостойны. Даже открытыя возмущенія, случалось, имѣли мѣсто во время епископскихъ избраній. Какимъ характеромъ запечатлѣны были народныя собранія, составлявшіяся въ цѣляхъ избранія пастыря, это лучше всего показываютъ жалобы знаменитаго Іоанна Златоуста. Онъ пишетъ: „приди сюда и посмотри на народное празднество, я говорю объ избраніи въ епископскій санъ, какое у насъ бываетъ, и ты увидишь, что на епископа, который предсѣдательствуетъ на такихъ собраніяхъ, сыплется столько порицаній, сколь велико все собраніе. Ты увидишь тогда, что всѣ они раздѣлившись на многія партіи, каждый стоитъ за своего кандидата, предлагаютъ одинъ — одного, другой — другаго. Потому что никто не беретъ во вниманіе должнаго, т. е. душевныхъ качествъ, но поставляются другія побужденія. по которымъ оцѣниваютъ своихъ кандидатовъ, наприм. говорятъ: этотъ достоинъ избранія, такъ какъ онъ изъ знатнаго рода, а другой — такъ какъ онъ богатъ. Всякій старается, что-бы предпочтенъ былъ другимъ или короткій его другъ, близкій родственникъ, или даже льстецъ. Другіе избираются даже за свою злобу, изъ опасенія, что-бы въ случаѣ отверженія ихъ они не стали жестоко мстить“¹⁾. И это не есть только ораторское описаніе явленія — со стороны Златоуста. Историкъ Сократъ свидѣтельствуетъ, что самъ Зла-

¹⁾ Слова о священствѣ, кн. III, гл. 15. Твор. Злат., т. I, 428—9. Спб. 1895. Слич. твор. Григорія Богослова, т. II. 137.

тоусть находился въ такомъ именно тяжеломъ положеніи, когда онъ отправился въ Эфесъ для рукоположенія новаго епископа. „Находясь тамъ, замѣчаетъ Сократъ (VI, 11), Іоаннъ увидѣлъ, что возвести въ епископское достоинство старался кто—кого и, что желая доказать справедливость своего выбора, всѣ жарко спорили между собою“. Не видя возможности удовлетворить противорѣчивыхъ желаній Эфесянъ, Златоустъ кончилъ тѣмъ, что не принимая въ расчетъ требованій городскихъ жителей, назначилъ имъ въ епископы собственнаго діакона Ираклида. Какъ много иногда набиралось кандидатовъ въ епископы, по неразборчивости народа, видно изъ того, что разъ въ Галльскомъ городѣ Буржѣ кандидаты на епископство занимали цѣлыхъ двѣ скамьи. Но случалось и не то еще. Иногда распри и споры при избраніи епископа приводили въ безпокойство свѣтское начальство. Даже болѣе: раздоры въ этихъ случаяхъ доходили иногда до спенъ кровавыхъ, какъ это показываетъ, напримѣръ, буйство, бывшее при избраніи папы Дамаса въ 60-хъ годахъ IV вѣка. Въ Римѣ образовалось двѣ партіи: одна желала Дамаса, другая Урсина. Сначала эти двѣ партіи въ теченіи трехъ дней дрались на улицахъ; затѣмъ спустя нѣкоторое время произошла свалка между приверженцами Дамаса и Урсина въ базиликѣ Сицинина, т. е. въ перкви; здѣсь найдено было послѣ побоища 137 труповъ; наконецъ еще чрезъ нѣсколько времени, когда приверженцы Дамаса взяли верхъ, въ другой базиликѣ поднято было 160 мертвыхъ тѣлъ: убитые на этотъ разъ принадлежали къ Урсиніанамъ ¹⁾. Само собой понятно, что результаты такой избирательной процедуры не могли быть утѣшительны. Часто возводились въ епископское достоинство люди совершенно негодные. Такъ было уже въ IV вѣкѣ; Григорій Богословъ говоритъ: „теперь есть опасность, что-бы чинъ самый священный не сдѣлался у насъ наиболѣе смѣшнымъ, потому, что епископство пріобрѣтается не добродѣтелью, но происками“ ²⁾. Народъ, по словамъ того-же Григорія, сталъ

¹⁾ Rade. Damasus Bischof von Rom, S. 12—14.—1882.

²⁾ Надгробное слово Григорія Богослова Василию Велик. Твор. Грн IV, 82.

искать въ лицѣ епископовъ все, что угодно, и меньше всего пастыря душъ. „Народъ, говоритъ онъ, ищетъ теперь не священниковъ, но риторовъ, не блюстителей душъ, но обладателей золота, не такихъ, кто приносятъ-бы жертвы съ чистымъ сердцемъ, но могущественныхъ предстателей“ ¹⁾). Народное избраніе при указанныхъ его свойствахъ вело къ безпорядкамъ въ церковномъ управленіи. Дѣянія Халкидонскаго IV вселенскаго собора даютъ обильный матеріалъ для сужденія объ этомъ. Здѣсь разсматривалось весьма интересное дѣло двухъ епископовъ Эфесскихъ, изъ которыхъ каждый, обвиняя другого въ томъ, что этотъ избранъ незаконно-народнымъ самоволіемъ, предъявлялъ свои права на кафедрѣ Эфесскую. Имена этихъ претендентовъ—Вассіанъ и Стефанъ. Вассіанъ такъ рассказывалъ о своемъ низведеніи съ кафедры Эфесской и возведеніи на нее Стефана: „народъ и клирики—говоритъ онъ—неожиданно схватили меня, вытащили изъ св. церкви, водили и таскали меня по площадямъ, осыпали меня ударами, заключали меня въ тюрьму. Они похитили мои свящ. облаченія, бѣснуясь посадили на престолъ и мое мѣсто одного изъ тѣхъ, кто дерзнулъ сдѣлать противъ меня несправедливость“, т. е. Стефана. Сверхъ того Вассіанъ жаловался, что его имущество разграблено народомъ ²⁾). Съ своей стороны Стефанъ вотъ что рассказывалъ о поставленіи во епископы Вассіана: „Вассіанъ не былъ законнымъ образомъ поставленъ въ Эфесѣ, онъ самъ себя возвелъ на кафедрѣ, поддерживаемый безпорядочною толпою съ мечами и какими-то гладиаторами“ ³⁾). Одинъ изъ епископовъ, посвящавшихъ Вассіана, дѣйствительно подтвердилъ на Халкидонскомъ соборѣ, что избраніе Вассіана было актомъ народного самоволія. Онъ говорилъ: „нѣкто Олосирихъ, одинъ изъ государственныхъ чиновниковъ съ обнаженнымъ мечемъ и съ толпой народа посадилъ Вассіана на кафедрѣ, при чемъ свидѣтель докладывалъ, что толпа и его насильственно заставила посвятить

¹⁾ Творен, Григор. Богослова, IV, стр. 48.

²⁾ Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ русск. переводѣ, Томъ IV, стр. 112. Казань. Изданіе 2-е.

³⁾ Тамъ же, стр. 113.

Вассиана ¹⁾). Вообще одинъ изъ отцовъ собора Халкидонскаго замѣтилъ объ избраніяхъ въ Эфесѣ: „тамъ рукополагають конфѣтчиковъ, т. е. кого ни попало—отъ того и бываютъ возмущенія“ — прибавилъ онъ ²⁾). Въ Римѣ въ V вѣкѣ двѣ народныя партіи выбрали двухъ лицъ Симмаха и Лаврентія въ епископы. Такимъ образомъ явилось двое папъ. Слѣдствіемъ этого, по замѣчанію историка, были убійства, расхищенія и другія злодѣйства ³⁾).

Развитіе народныхъ безпорядковъ, сопровождавшихъ избраніе епископа, имѣло слѣдствіемъ то, что народъ мало по малу стали устранять отъ этого дѣла. Но къ этой причинѣ, заключавшейся въ самомъ народѣ, присоединилась еще другая причина, которая вела къ такому же слѣдствію. Духовенство стремится высвободиться изъ подъ зависимости народа и старается предоставить пополненіе своего сословія своей собственной волѣ. Чѣмъ выше было представленіе клира о самомъ себѣ, тѣмъ неестественнѣе казалась зависимость его отъ мірянъ въ актѣ избранія ⁴⁾). Прослѣдимъ вкороткѣ законодательство Восточной Церкви, которымъ постепенно вытѣснялось участіе народа въ поставленіи пастырей. Въ одномъ изъ такъ называемыхъ правилъ апостольскихъ, въ которомъ ясно рѣчь идетъ о положеніи дѣлъ церковныхъ въ IV вѣкѣ, указывается возможность такихъ случаевъ, когда рукоположенный епископъ или пресвитеръ не принимается обществомъ какой либо церкви—„по злобѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 116.

²⁾ Тамъ же, стр. 119.

³⁾ Феодора Чтеца Изъ церковн. исторіи, кн. II, гл. 17.

⁴⁾ Въ 18 прав. Антиохійскаго собора говорится: „если какой-либо епископъ, бывъ рукоположенъ, не пойдеть въ ту епархію, для которой онъ назначенъ, не по своей винѣ, но или по непріятію его народомъ или по другой причинѣ, отъ него независящей; то да не лишается ни чести епископской, ни служенія“. А раньше было иначе: такого рода епископъ, нисходя въ разрядъ пресвитеровъ, если онъ раньше былъ таковымъ (Анкирс. соб., прав. 18); при чемъ остается возможность полагать, что если онъ раньше избранъ въ епископы былъ міряниномъ, то и переходилъ опять въ это прежнее состояніе. Правило Антиохійскаго собора, такимъ образомъ, показываетъ, что значеніе народа при поставленіи епископа начинаетъ ослабѣвать. Духовная власть не исполнѣ уже принимаетъ въ расчетъ народную волю. Впрочемъ нужно помнить, что устраненіе народа отъ акта избранія высшихъ духовныхъ лицъ произошло больше всего по винѣ самого народа, переставшаго не только дорожить этимъ правомъ, но и ставшаго злоупотреблять этимъ послѣднимъ.

народа“. Это предполагает, что выборъ иногда происходилъ уже не по инициативѣ народа; доказательство для этого предположенія можно находить съ самомъ правилѣ (36), гдѣ народъ, не принимающій поставленнаго для него епископа, называется „непокорливымъ народомъ“. Такимъ образомъ открывается, что въ IV вѣкѣ (если не ранѣе) народъ начинаютъ устранять отъ избранія епископовъ. Затѣмъ появляются опредѣленные правила, поторыя полагаютъ ограниченіе для власти народной въ выборѣ пастырей. Помѣстный Лаодикійскій соборъ въ IV вѣкѣ постановляетъ первое опредѣленіе съ указанною цѣлю. Однимъ правиломъ этого собора устранена отъ участія въ выборахъ — самая безпояная часть народа: чернь (σχῆλος). Правило (13) гласитъ: „да не будетъ позволено соборищу народа избирать имѣющихъ быть поставленными во священство“. Впослѣдствіи и гражданское законодательство старается объ ограниченіи власти народной — въ томъ же отношеніи. По законамъ Юстиніана, изъ всего народа, какъ лица компетентныя въ избраніи епископовъ, упоминаются одни только знатные граждане, значить прочій народъ лишень права выбора ¹⁾. Окончателное устраненіе народа отъ разсматриваемаго права произошло на VII всел. соборѣ. Въ правилахъ этого собора читается: „всякое избраніе въ епископа или пресвитера или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ недѣйствительно“. А имѣющій произвестися въ епископа долженъ быть избираемъ отъ епископовъ (пр. 3). Это правило мало по малу утверждается какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ.

Остается прибавить еще нѣсколько словъ о другихъ явленіяхъ изучаемаго періода, въ которыхъ выразилось то же стремленіе духовенства поставить себя выше мірянъ, отдѣлить себя, какъ элементъ высшій отъ нихъ, какъ низшаго элемента. Въ ту же эпоху, о которой мы говоримъ, утвердилось правило, — подвергать наказаніямъ лицъ духовныхъ, если они переходили въ другое званіе. Въ седьмомъ правилѣ Халкидонскаго IV вселенскаго собора говорится: „если кто однажды поступилъ въ клиръ, тотъ не долженъ

¹⁾ Novella 123.

переходить ни въ военную службу, ни въ мірской чинъ; если же кто дерзнетъ на такое и не возвратится съ раскаяніемъ къ тому, что прежде избралъ ради Бога, да будетъ преданъ анаемѣ“ ¹⁾). Законодательство Юстиніана идетъ еще далѣе. По законамъ Юстиніана положено: „если кто вздумаетъ самовольно оставить духовное званіе и возвратиться къ мірской жизни, то все его имущество обращается въ собственность той церкви, къ которой онъ принадлежалъ; самъ же онъ, по лишеніи правъ состоянія, низводится въ низшее сословіе“ ²⁾). Очевидно, законодательство начинаетъ смотрѣть на духовное сословіе, какъ на такое высокое, переходъ изъ котораго въ другое сословіе представляется какъ бы святотатствомъ и профанаціею святыни. Замѣчательно еще, что вдовамъ епископа, пресвитера и діакона правилами запрещалось снова вступать въ бракъ ³⁾). Какъ будто бы сожителство съ клирикомъ дѣлаетъ жену его такою священою вещію, обладаніе которой черезъ бракъ со стороны простаго смертнаго представляется какимъ-то оскверненіемъ святыни. Съ V вѣка соборы съ особенною рѣшительностію усиливаютъ предписаніе, которое создано въ церкви еще раньше, о томъ, чтобы епископы и клирики удалялись отъ житейскихъ профессій, какъ несообразныхъ съ ихъ священнымъ достоинствомъ ⁴⁾).

Въ томъ же періодѣ происходитъ окончательное устраненіе мірянъ отъ права проповѣди въ церкви, начало котораго (устраненія) положено, какъ мы знаемъ, еще въ III вѣкѣ. На Карѳагенскомъ соборѣ конца IV вѣка опредѣлено: „мірянинъ, въ присутствіи членовъ клира, не долженъ осмѣливаться проповѣдовать безъ ихъ позволенія“ ⁵⁾). Самое же авторитетное правило на сей конецъ положено на Трулльскомъ соборѣ, VI вѣка. „Не слѣдуетъ мірянину, говорится

¹⁾ Это правило повторяется на Западѣ соборомъ Турскимъ, въ 461 г. Hefele, B. II, 588.

²⁾ Cod. Iustiniani. Lib. I, tit. 3, cap. 53. Novellae 6 et 123.

³⁾ Опредѣленія западныхъ соборовъ IV и VI вѣковъ. Hefele B. II, 80. 663.

⁴⁾ Карѳаген. собора прав. 19. Тяжелова. Законы греческихъ императоровъ въ отношеніи церкви, стр. 38. М. 1877.

⁵⁾ Hefele. B. II. S. 76.

въ 64-омъ правилѣ этого собора,—держать рѣчь или учить всенародно и такимъ образомъ брать на себя учительное достоинство, но повиноваться преданному отъ Господа чину, отверзать слухъ по отношенію къ пріившимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучаться божественному“.

Въ заключеніе однако нужно сказать, что при всѣхъ стремленіяхъ духовенства выдѣлить себя отъ народа, клиръ далеко еще не составлялъ собою замкнутого сословія, въ изучаемое время. Такъ, наприм., одно правило Трулльскаго же собора порицаетъ обычай, установившійся въ нѣкоторыхъ церквахъ избирать клириковъ исключительно изъ дѣтей духовенства (прав. 33).

III. Епископія и епископское управленіе церковію.

Приблизительно къ концу II вѣка начинаетъ быть весьма замѣтно возвышеніе всей іерархіи и въ особенности главныхъ ея представителей. Возвышеніе всей вообще іерархіи, какъ мы разъяснили, въ историческомъ теченіи выразилось тѣмъ, что она высоко поднялась надъ уровнемъ прочихъ членовъ церкви—мірянъ. Можно сказать, что она расширила свое значеніе на счетъ правъ, принадлежащихъ прежде мірянамъ. Но это лишь одна сторона въ исторіи духовенства. Въ тоже время происходитъ измѣненіе въ положеніи высшихъ членовъ самой іерархіи: епископы не остаются равными между собою, какъ было прежде, но между ними выдѣляются епископы съ высшими церковными правами и такимъ же авторитетомъ. Указанное измѣненіе составляетъ новую сторону въ исторіи духовенства. Объ этой сторонѣ и поведемъ теперь рѣчь.

Но прежде чѣмъ разъяснить, въ чемъ заключалось это развитіе іерархіи, мы должны указать, въ какую форму отличалось церковное управленіе, когда во главѣ его сталъ епископъ, по прекращеніи жизни харизматическихъ учителей. Это произошло, какъ мы знаемъ, къ концу II вѣка. Какіе же особенности представляло епископское управленіе древняго періода исторіи, въ особенности II и III вѣка?

Епископовъ въ эпоху древней церкви было чрезвычайно много, въ особенности, если сравнимъ это число съ числомъ епископовъ въ нашей русской церкви настоящаго времени. У насъ епископъ поставляется одинъ на цѣлую губернію или даже на нѣсколько губерній; въ древней же церкви епископъ имѣлъ въ своемъ управленіи, въ особенности на первыхъ порахъ исторіи христіанской, одинъ какой либо городъ, гдѣ возникала и существовала христіанская община. Поэтому, епископовъ было столько же, сколько было городовъ, просвѣщенныхъ христіанствомъ. Разумѣется, общее число епископовъ сначала было незначительно, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше увеличивалось оно. Какъ заботилась каждая даже маленькая община извѣстнаго города имѣть своего отдѣльнаго епископа, это ясно видно изъ такъ называемыхъ *capones ecclesiastici*. Здѣсь находимъ рѣшеніе вопроса: какъ быть въ томъ случаѣ, если какая либо христіанская община желаетъ имѣть самостоятельнаго епископа, и однакожь она такъ мала, что не насчитываетъ у себя и 12-ти взрослыхъ христіанъ, которые могли бы принять участіе въ выборахъ епископа? Писатель указаннаго памятника даетъ такой отвѣтъ на вопросъ: пусть подобная община обратится къ сосѣдней христіанской церкви, и проситъ прислать ей трехъ избранныхъ мужей, въ присутствіи и съ помощію которыхъ пусть и произойдетъ избраніе епископа ¹⁾. Это извѣстіе очень характеристично: оно показываетъ, что если въ какой церкви города было 12 взрослыхъ христіанъ, она уже имѣла полную возможность избирать самостоятельнаго епископа; не лишалась она этого права и тогда, когда въ ней не было даже такого ничтожнаго числа правоспособныхъ лицъ. Съ другой стороны отсюда же видно, какъ сравнительно много было епископовъ въ древнѣйшую пору церкви. Великіе пастыри тѣхъ временъ искренно желали умноженія своихъ собратій. Св. Игнатій не могъ представить себѣ христіанской общины безъ епископа; а св. Кипріанъ разсуждалъ, что для таковой епископъ необходимъ и что безъ него она близка къ гибели ²⁾.

¹⁾ Harnack. Die Quellen der apostol. Kirchenordnung. S. 7. 39. 40.

²⁾ Harnack. Die Mission und Ausbreitung des Christentums. S. 334 Leipz. 1902.

Вслѣдствіе того, что епископовъ было столько же, сколько и городовъ христіанскихъ, каждый епископъ всѣми дѣлами церковными управлялъ прямо, непосредственно; онъ совершалъ всегда богослуженіе для своей общины, онъ зналъ всѣхъ своихъ пасомыхъ лично и домашнимъ образомъ. При епископѣ находилось нѣсколько пресвитеровъ въ качествѣ его помощниковъ. Число ихъ было крайне ограничено, такъ какъ обыкновенно въ большинствѣ городовъ было по одной церкви, въ которой совершалось богослуженіе. Пресвитеры составляли совѣтъ епископскій (пресвитерій), безъ совѣщанія съ ними предстоятель церкви — епископъ — не предпринималъ ничего сколько нибудь важнаго. Въ составъ этого совѣта пресвитерскаго, повидимому, входили и діаконы. Безъ сношенія съ этимъ совѣтомъ епископъ не поставлялъ никого въ церковныя должности, не распоряжался церковнымъ имуществомъ, не творилъ суда¹⁾. Въ случаѣ смерти епископа этотъ церковный совѣтъ бралъ на себя дѣла управленія церковію—до времени поставленія новаго епископа²⁾. Значеніе этого совѣта хорошо опредѣляется слѣдующимъ древнимъ церковнымъ правиломъ: „нельзя считать законнымъ приговора епископа (по дѣламъ судебнымъ), если онъ произнесенъ безъ согласія (confirmetur) клириковъ“³⁾. Кромѣ вышеуомянутыхъ церковныхъ лицъ, при епископѣ состоятъ и прочій клиръ церковный: ѿподіаконы, чтецы, аколуты, діакониссы и проч.

Такъ какъ епископъ допускалъ къ участію въ управленіи церковію многихъ клириковъ, и такъ какъ сами міряне въ извѣстныхъ отношеніяхъ тоже не лишены были подобнаго участія, то церковная община носила возвышенный нравственный характеръ; церковь cadaго христіанскаго города представляла собой братство въ буквальномъ смыслѣ: братство, въ которомъ всѣ другъ другу помогали, взаимно связаны были единствомъ интересовъ. Такой строй общины, управ-

¹⁾ Постан. Апост. кн. II, гл. 28; Теофила Александр., пр. 6—7. Апост. прав. 41; Антиох. собора прав. 25; Апостол. Постановл. II, 47 и др.

²⁾ См. письма св. Кипріяна къ римскимъ пресвитерамъ и діаконамъ, наприм., письма 14 и 19 (Русск. переводъ твореній Кипріяна, часть I).

³⁾ Кароагенскій соборъ 398 г., прав. 23 (Hefele. Conciliengesch. B. II, S. 71. Freiburg, 1875).

ляемой епископомъ разомъ объясняетъ для насъ всѣ древнія церковныя правила, касающіяся отношеній епископа и клира, клира и мірянъ, правила, которыя съ перваго взгляда кажутся совершенно непонятными. Этотъ строй церкви, управлявшейся епископомъ, вполнѣ объясняетъ намъ, какимъ образомъ каноны могли предписывать, чтобы священникъ или діаконъ ничего не дѣлалъ безъ позволенія епископа (прав. апост. 39), чтобы онъ, епископъ, все зналъ и во все входилъ самъ, чтобы міряне приносили начатки плодовъ земныхъ въ домъ епископа, чтобы епископъ дѣлилъ даже незначительные доходы между своими клириками (прав. апост. 4) и т. д. Для насъ понятно становится, почему для управления клиромъ и пасомыми епископу не нужно было ни имѣть консисторій въ родѣ нынѣшнихъ, ни разсылать указовъ и предписаній по епархіи—онъ могъ вѣдать всѣ дѣла лично. Надзоръ епископа за пасомами былъ не номинальный только, (какъ теперь), а дѣйствительный. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ о епископѣ: „онъ раздѣляется на такое множество народа и имѣетъ особенныя заботы о каждомъ изъ подчиненныхъ“. „Если епископъ не будетъ ежедневно посѣщать домовъ болѣе, чѣмъ какъ дѣлаютъ то городскіе смотрители (полиція), то отсюда происходятъ невыразимыя неудовольствія, ибо не только больные, но и здоровые желаютъ посѣщеній его“ ¹⁾. Эта же мысль въ указѣ одного изъ Византійскихъ императоровъ разъясняется такъ: „апостолы не для чего иного обходили вселенную, какъ для того, чтобы преподавать правое проповѣданіе всѣмъ людямъ. Итакъ должно и архіереямъ, какъ ихъ наслѣдникамъ, входить и въ хижину бѣдняка, обстоятельно знакомиться съ его состояніемъ и направлять его на путь истинный, вообще хорошо знать свой округ“ ²⁾. Таковы-то обязанности возлагались на епископа даже позднѣе III вѣка, послѣ котораго епископскія округа уже разширились; весьма естественно предполагать, что надзоръ епископа надъ пасомами раньше, когда паствы были еще не велики, оказывался еще внимательнѣе, полнѣе и

¹⁾ Слова о священствѣ: III, 12 и III, 17 (Твор. Златоуста въ рус. переводѣ. Т. I, 424, 436. Спб. 1895).

²⁾ *Ραλλή καὶ Πότλη. Σύνταγμα. Τομ. 5, σελ. 303.* Аѳины.

всестороннѣе. Вслѣдствіе сейчасъ указанныхъ отношеній, епископъ, конечно, зналъ своихъ пасомыхъ ¹⁾, пасомые своего епископа, а не такъ какъ у насъ: гдѣ нерѣдко пасомые во всю жизнь и не видывали своего архіерея. Вообще установилась близкая связь между епископомъ и паствою, отчего паства съ такою-то ревностію и занималась въ первые вѣка вопросомъ объ избраніи епископа: епископъ положительно былъ нуженъ для нея, безусловно полезенъ. Отношенія епископа и клира, епископа и мірянъ, — нѣтъ сомнѣнія, представляли много симпатичнаго, поучительнаго. На близкую, неразрывную связь пастыря (епископа) и пасомыхъ прекрасно указываетъ слѣдующее обстоятельство: въ періодъ II и III вѣковъ совсѣмъ не было обыкновенія, чтобы архіерей переходилъ съ одной катедры на другую: епископъ смотрѣлъ на себя, какъ на вступившаго въ духовный, неразрывный союзъ съ своею паствою. Поэтому, когда позднѣе, съ IV вѣка, стало входить въ обыкновеніе — перемѣненіе архіереевъ съ одной катедры на другую, т.-е. изъ одного города въ другой, то многіе протестовали противъ подобнаго явленія, какъ своего рода аномаліи ²⁾. Въ такомъ-то видѣ нужно представлять себѣ управленіе древнѣйшей церковной общины, стоявшей подъ руководствомъ епископа.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе касательно именовапія разсматриваемой формы церковнаго управленія. Въ церковныхъ правилахъ и опредѣленіяхъ древнѣйшій видъ церковной общины, управляемой епископомъ, — былъ-ли онъ простъ или сложенъ, — носилъ греческое названіе: *παροικία* ³⁾. Слово это значитъ поселокъ извѣстнаго рода людей среди другихъ, имъ чуждыхъ — означаетъ колонію. Этимъ выражалась та мысль, что христіане, составляя общину среди язычниковъ извѣстнаго города — были какъ-бы пришельцами между ними. Впоследствии, когда христіанство умножилось, названіе: *παροικία*

¹⁾ Епископы Викторъ—римскій (II в.) и Кипріанъ—Карфагенскій (III в.) знали даже по именамъ своихъ пасомыхъ. Uhlhorn. Die christliche Liebesthätigkeit in d. alten Kirche (по свидѣтельству автора „философуменъ“, IX, 12. и писемъ Кипріана). S. 131. Zweite Ausg. 1882.

²⁾ Сократа. Церк. Исторія. VII, 36.

³⁾ Евсевія. Церк. Исторія, III, 4; VI, 2; VII, 28. Апостольск. Постановленія VII, 46.

замѣнилось словомъ епископія, которое точнѣе указывало характеръ управленія церковной общиной.

Мы рассмотрѣли самый несложный видъ управленія общиной подъ главенствомъ епископа, такой видъ епископіи, когда въ городѣ былъ епископъ съ небольшимъ штатомъ клира при одной церкви. Но встрѣчался, безъ сомнѣнія, не рѣдко и болѣе сложный видъ епископіи. Это именно когда была не одна, а нѣсколько церквей въ городѣ, когда штатъ клириковъ былъ болѣе или менѣе значителенъ. При такихъ обстоятельствахъ возникало то, что теперь называется городскими приходами, существовавшими рядомъ съ епископскою кафедральною церковію. Возникновеніе приходовъ едва ли можетъ быть возводимо къ эпохѣ болѣе древней, чѣмъ III вѣкъ. Такъ мы знаемъ, что въ Римѣ въ срединѣ III вѣка при епископѣ Корнеліи было 46 пресвитеровъ (Евсевія VI, 43). Безъ сомнѣнія, при одной церкви такой обширный персоналъ священниковъ въ то время былъ бы излишенъ. Это само собою ведетъ къ предположенію, что эти многочисленные пресвитеры римскіе исправляли служеніе въ III вѣкѣ при многихъ церквахъ Рима. Такое предположеніе подтверждается свидѣтельствомъ Оптата Милевитскаго, писателя IV вѣка, который утверждаетъ, что въ Римѣ въ гоненіе Діоклитіана было болѣе 40 церквей¹⁾. Въ этомъ случаѣ, когда пресвитеры даннаго города исправляли службу, наставляли и заправляли народомъ въ какой-нибудь одной части города, само собою понятно, они дѣлались нѣсколько самостоятельнѣе, чѣмъ тогда, когда они вмѣстѣ съ епископомъ состояли при одной и той же церкви. Такіе же приходы образуются и въ другихъ большихъ городахъ III вѣка, такъ, напр., въ Кареагенѣ и Александріи. Въ Кареагенѣ при св. Кипріанѣ такіе приходы несомнѣнно существовали, ибо извѣстные возмутители церковнаго мира Новатъ пресвитеръ и Фелициссимъ діаконъ имѣли возможность съ полною самостоятельностью въ одной изъ частей города: кого допускать къ причастію, а кого нѣтъ²⁾. Еще въ болѣе развитомъ видѣ

¹⁾ Optati. De schismate Donatistarum. Liber II, cap. 4.

²⁾ Письмо св. Кипріана къ Калдонію, Геркулану и проч. (Творенія его въ рус. пер. Т. I, 186—188. Кіевъ. 1891).

указанное нами устройство находимъ въ Александріи. Здѣсь въ концѣ III вѣка возникло нѣсколько правильно организованныхъ приходовъ. Епифаній, церковный писатель IV вѣка, сообщаетъ намъ очень обстоятельныя извѣстія касательно этого предмета. Онъ говоритъ: въ Александріи „для каждой церкви былъ поставляемъ одинъ пресвитеръ, церковей же было много“ ¹⁾. Тотъ же писатель перечисляетъ и называетъ по именамъ и самыя эти церкви и даже нѣкоторыхъ пресвитеровъ, стоявшихъ при нихъ. Главная церковь называлась Кесарійскою, она прежде была гимназіей Ликинія. Само собой понятно, что подъ гимназіей разумѣлось нѣчто другое, чѣмъ что теперь понимается подъ этимъ именемъ. Интересны названія и другихъ церковей въ Александріи; отчасти эти названія странно звучатъ для нашего времени. Церкви носили такія названія: Діонисіева, Θεоны, Γιερίя, Σεραπίона, Персея, Дизія, Мендизія, Анніана, Вавкалійская. Въ одной изъ этихъ-то приходскихъ церковей Александріи былъ священникомъ Арій ²⁾. Вотъ тотъ видъ, какой имѣло церковное управленіе въ городахъ.

Но спрашивается: вѣдь, не всѣ же христіане были и жили въ городахъ? Жили же христіане и въ селахъ, или если и въ городахъ, то въ незначительномъ числѣ, напр., въ числѣ 5—10 человѣкъ, тогда: какой видъ принимало церковное устройство? Обратимся къ разсмотрѣнію этого вопроса. Здѣсь могло быть нѣсколько неодинаковыхъ случаевъ, и при каждомъ изъ такихъ случаевъ форма управленія паствою была такая или другая. Если христіане села или малаго городка находились вблизи того города, гдѣ былъ уже епископъ и клиръ, то христіане этихъ мѣстъ приходили для богослуженія въ этотъ епископскій городъ и составляли съ христіанами города одну паству. Такъ было во времена Іустина философа въ Римѣ и вѣроятно въ Малой Азіи, какъ свидѣтельствуешь этотъ писатель ³⁾. При этомъ, въ случаѣ на-

¹⁾ Ересь 68, гл. 4. Творен. томъ IV, стр. 95. Впрочемъ св. Аѳанасій напротивъ утверждаетъ, что церковей въ Александріи было „немного“, (а между тѣмъ оба писателя говорятъ приблизительно объ одномъ и томъ же времени). Аѳанасія. Творен. Томъ II, 52. Сер. Пос., 1902.

²⁾ Св. Епифанія. Ересь 69, гл. 1—2. Творен. Томъ IV, стр. 107. 109.

³⁾ Первая апологія, гл. 67.

добности могъ быть отражаемъ кто-либо изъ числа священниковъ городскихъ въ село или малочисленный христіанскій городъ, напр., для напутствованія св. Евхаристіей. Но могло быть дѣло иначе и дѣйствительно бывало. Если общество христіанское села или небольшого городка становилось значительнымъ, если же притомъ эти мѣстечки находились далеко отъ епископскаго города, то въ селѣ и городкѣ устраивался приходъ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ возникали приходы въ городахъ. Т. е. епископъ поставлялъ для села или городка постоянного пресвитера, который и управлялъ паствою ¹⁾. Говоримъ — такъ бывало. Но прямыхъ указаній на существованіе такого рода устройства церковнаго — очень немного. Извѣстно, напр., что такого рода отношенія существовали между Александріей и окрестными селеніями. Эти селенія назывались нарицательнымъ именемъ: лавры и имѣли пресвитеровъ, поставляемыхъ изъ Александріи ²⁾. Въ зависимости отъ Александрійскаго епископа находилось мѣстечко Арсиноя. Такъ было при епископѣ Діонисіи Александрійскомъ въ III вѣкѣ. Это видно изъ того, что когда въ Арсиноѣ распространились идеи хиліастическія (ученіе о 1000-лѣтнемъ чувственномъ царствованіи Христа съ вѣрующими), то Діонисій счелъ долгомъ вразумить жителей Арсинои; и когда онъ прибылъ сюда, — къ нему стеклись всѣ братія, во главѣ ихъ пресвитеры и дидакалы (Евсевія, VII, 24). (Дидакалы — это не церковно-приходскіе учителя, какихъ въ древности не существовало, но это были особые дидакалы: здѣсь находимъ послѣдніе слѣды такъ называемыхъ харизматическихъ учителей). Очевидно Діонисій прибылъ въ мѣсто, ему подвѣдомственное, но управляемое пресвитерами съ участіемъ дидакаловъ. Словомъ это былъ сельскій приходъ Александрійской епископіи. Діонисій вообще свидѣтельствуетъ, что въ его время существовали „загородные приходы“ (Евсевія, VII, 11),

¹⁾ Во время большихъ гоненій III вѣка многіе изъ христіанъ бѣжали въ скрытыя мѣста или попадали въ ссылку, даже въ каторгу; естественно что среди нихъ появлялся пресвитеръ, совершалъ для нихъ богослуженія, а оставаясь среди нихъ надолго или навсегда, онъ основывалъ приходъ, зависимый отъ епископа.

²⁾ Св. Епифанія. Ересь 69, гл. I. Творенія его. Томъ IV, 107.

конечно находившіеся въ административной зависимости отъ городского епископа. И дѣйствительно, по другому свидѣтельству нѣсколько позднѣйшему, подѣ Александріей встрѣчаемъ и еще нѣсколько сельскихъ приходовъ, подвѣдомственныхъ епископу Александрійскому, именно въ Мореотидѣ. Св. Аѳанасій Александрійскій говоритъ, что Мореотида была подчинена епископу Александрійскому и имѣла нѣсколько пресвитеровъ и церквей. Мореотида — это было соединеніе нѣсколькихъ селъ. Пресвитеры, по свидѣтельству Аѳанасія, имѣли здѣсь подѣ своимъ управленіемъ большіе приходы по десяти и болѣе селъ¹⁾. Нѣчто подобное встрѣчаемъ и въ Месопотаміи въ срединѣ III вѣка²⁾. Очень оригинальный видъ эти сельскія христіанскія общины, управляемыя духовнымъ лицомъ, назначаемымъ изъ ближайшаго города отъ тамошняго епископа — представляли въ Испаніи. Здѣсь во главѣ общины иногда стоялъ не пресвитеръ, а діаконъ. Въ одномъ правилѣ собора Эльвирскаго въ началѣ IV вѣка читаемъ: „если какой діаконъ, управляя паствою (regens plebem), безъ епископа и пресвитера кого либо окрестить, то епископъ долженъ преподавать таковымъ благословеніе“ (т. е. таинство миропомазанія)³⁾. Очевидно здѣсь въ Испаніи въ качествѣ блюстителей прихода, надзирателей за церковной дисциплиной, случалось, бывали и діаконы. Для насъ понятно, почему могъ являться діаконъ въ такой неподобающей ему роли, ибо мы знаемъ, что діаконъ во II и III в. стоялъ въ самомъ близкомъ отношеніи къ епископамъ, онъ былъ естественнымъ кандидатомъ на должность епископа; поэтому неудивительно, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, діаконы, — безъ сомнѣнія съ соизволенія епископа, — занимали такія мѣста, какія приличнѣе и правильнѣе было бы поручать пресвитерамъ. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ такъ именно и бывало, т. е. надзоръ за сельскимъ приходомъ поручался пресвитерамъ⁴⁾. Пресвитеры сельскіе стояли совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ городскимъ еписко-

¹⁾ Творенія св. Аѳанасія. Т. I. 391—392. Серг. Посадъ. 1902.

²⁾ Св. Епифанія. Ересь 66, гл. 11. (Рус. пер. Т. III, 257).

³⁾ Can. 77. Hefele. Conciliengeschichte. B. I. S. 190. Freib. 1873.

⁴⁾ Собора Неокесарійскаго (нач. 4 вѣка), прав. 13.

памъ, въ какихъ пресвитеры городскихъ приходовъ, и имѣли равныя съ этими послѣдними права. Они были участниками въ епископскихъ распоряженіяхъ, такъ какъ были членами пресвитерскаго совѣта (пресвитерія) наравнѣ съ городскими своими собратіями; они подобно послѣднимъ были въ зависимости отъ епископа, должны были обращаться къ нему за разрѣшеніемъ въ трудныхъ случаяхъ практическихъ и т. д. Замѣчательно: всѣ церковные доходы, деньгами и натурой, они представляли къ епископу, какъ это дѣлали и городскіе пресвитеры, и отъ него, городского епископа, получали свою узаконенную долю вознагражденія. Впрочемъ впослѣдствіи пресвитеры приходовъ получили право пользоваться доходами своей церкви независимо отъ епископа¹⁾. Пресвитеры сельскіе, можно сказать, тысячью нитей связывались съ епископомъ города, и потому хотя они жили въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ епископа, однакожъ оставались въ полной зависимости отъ него и въ подчиненіи. Но кромѣ того: сельскаго пресвитера связывало съ епископомъ города и еще одно обстоятельство, имѣвшее свое основаніе въ тогдашнемъ гражданскомъ строѣ. Въ Римской имперіи не было дѣленія жителей на горожанъ и поселянъ, какъ у насъ; а всѣ жители селъ, за исключеніемъ лицъ не свободныхъ, рабовъ, причислялись къ ближайшему городу въ качествѣ его согражданъ. Естественное вслѣдствіе этого, что и христіане селъ по тому же образцу, составляли одно неразрывное цѣлое съ церковной общиной ближайшаго города, а пастыри сельскіе связывались тоже отношеніями городского единенія съ церковію городской и ея епископомъ²⁾.

Но въ сельскихъ церквахъ не всегда такъ было, какъ мы сейчасъ указали. — Былъ еще случай, когда селомъ управлялъ не пресвитеръ, а совершенный епископъ, который въ подобномъ случаѣ назывался хорепископомъ, т. е. сельскимъ епископомъ. Происхожденіе хорепископовъ, ихъ отношенія къ городскимъ епископамъ, даже ихъ функціи,

¹⁾ Въ Константинопольской церкви право это получили приходскіе пресвитеры лишь въ срединѣ V-го вѣка, въ правленіе патріарха Геннадія. См. Церк. исторія Феодора Чтеца, изъ кн. I, гл. 13.

²⁾ Hatch. Die Gesellschaftsverfassung der kirchen im Alterthum. S. 200—2. Giessen. 1883.

вообще ихъ исторія составлять предметъ спорный въ наукѣ. Но несомнѣнно прежде всего то, что хорепископы существуютъ въ значительномъ числѣ около середины III вѣка. Исторія встрѣчаетъ ихъ вокругъ Антиохіи во времена епископа Павла Самосатскаго (Евсев. VII, 30). Въ Карфагенской области (проконсульской Африкѣ) въ III вѣкѣ было очень много епископовъ; можно съ правомъ предполагать, что большая часть этихъ епископовъ были простыми хорепископами¹⁾. Догадку эту отчасти можно основать на томъ, что унизительное имя: хорепископъ— „деревенскій архіерей“ не употреблялось въ эпоху трехъ вѣковъ; хорепископы именовались епископами наравнѣ съ городскими архипастырями. Въ такъ называемыхъ правилахъ апостольскихъ (прав. 35) встрѣчаются также указанія на хорепископовъ; возможно, что это указаніе относится къ III же вѣку.—Хорепископы, вѣроятно, возникли очень просто: большія селенія, отдаленныя отъ города, начали избирать себѣ епископовъ. Церковь не считала себя въ правѣ противиться этому, и вотъ возникъ институтъ хорепископовъ. Нужно сказать, что и въ гражданскомъ отношеніи пригородныя мѣстечки и села не всегда были въ подчиненіи городскому начальству (магистрату), но случалось изрѣдка, что мѣстечки и села имѣли свое отдѣльное управленіе²⁾. Можно поэтому предполагать, что гражданскій строй римскаго управленія не оставался безъ нѣкотораго вліянія на возникновеніе института сельскихъ епископовъ или хорепископовъ. — Хорепископы на первыхъ порахъ, нужно думать, были полными епископами³⁾, но впослѣдствіи, именно въ IV вѣкѣ ихъ іераршія функціи значительно урѣзаны. Имъ запрещено было посвящать въ пресвитеры и діаконы, а позволено поставлять только нис-

1) Rothe. Vorlesungen über Kirchengeschichte. B. I, S. 338. Heidelb. 1875.

2) Hatch. Op. cit. S. 202.

3) Это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ подписяхъ подъ опредѣленіями Пикейскаго собора находятъ отъ 14 до 20 подписей хорепископовъ (значитъ они не отличались отъ дѣйствительныхъ епископовъ. Gelzer. u. s. w. Patrum Nicaenorum nomina, p. LX—LXIV. Leipz. 1898). Въ „Лавсаикѣ“ встрѣчаемъ указаніе, что въ IV вѣкѣ нѣкто Элпидій „удостоился пресвитерства“ отъ руки кашадокійскаго хорепископа Тимоея. (Палладія. Лавсаикъ, гл. 91. Рус. пер. стр. 318. Спб. 1893).

шихъ клириковъ—не выше вподіаконовъ ¹⁾). Соборъ Неокесарійскій (IV в.) отличаетъ ихъ отъ простыхъ пресвитеровъ тѣмъ, что они, имѣли право совершать Евхаристію въ присутствіи епископа — право котораго не имѣли пресвитеры (пр. 13—14). Но это положеніе хорепископовъ представляетъ пору ихъ упадка; раньше же они имѣли, полную епископскую власть. Хорепископы имѣли очень малочисленный штатъ: діакона, рѣдко: нѣскольکو діаконовъ, и чтецовъ.—Хорепископы, обладая вначалѣ свойствами самостоятельныхъ епископовъ, довольно скоро стали въ зависимость отъ городскихъ епископовъ; они по отношенію къ городскимъ епископамъ, т. е. епископамъ ближайшаго города, стали въ положеніе подручныхъ епископовъ ²⁾ и какъ-бы викаріевъ. Къ нимъ стали прилагать нелестное названіе: деревенскихъ архіереевъ. Хорепископы съ самаго начала были слишкомъ бѣдны матеріально, имѣли слишкомъ ничтожный церковный штатъ, вѣроятно и образованіемъ не близились; по всему этому они не могли стать на одну линію съ городскими епископами. Епископы городскіе не рѣдко обижали хорепископовъ; обойдя ихъ, поставляли клириковъ въ ихъ областяхъ ³⁾, такъ что сельскіе архіереи по крайней мѣрѣ на Востокѣ становятся въ подчиненное положеніе къ городскому епископу, какъ это видно, напр., изъ исторіи Павла Самосатскаго. При немъ хорепископы, имѣвшіе паству около Антіохіи, льстили ему, и не позволяли ни въ чемъ ему прекословить (Евсев. VII, 30). Впослѣдствіи, послѣ IV вѣка хорепископы исчезаютъ изъ исторіи ⁴⁾; вмѣсто нихъ стали поставлять простыхъ пресвитеровъ, подчиненныхъ городскому епископу ⁵⁾).

¹⁾ Анкирского собора (314 г.), прав. 13.

²⁾ По словамъ Григорія Богослова въ епископскомъ округѣ Василія Вел. было 50 хорепископовъ. Творен. Григор. въ рус. пер. Т. VI, стр. 19. М. 1848. При такомъ ихъ множествѣ авторитетъ ихъ былъ, конечно, не великъ.

³⁾ Такой выводъ позволительно дѣлать на основаніи 35 апост. прав.

⁴⁾ Соборъ Лаодикійскій (ок. 360 г.) положительно запрещаетъ поставлять епископовъ въ села (прав. 57).

⁵⁾ Появилось сочиненіе Gillmann'a: *Das Institut der Chorbischofe in Orient*. München, 1903, но въ немъ, не смотря на его немалый объемъ, нѣтъ ничего новаго по сравненію съ прежними изслѣдованіями вопроса.

Итакъ разсматривая управление церковныхъ общинъ подъ водительство епископовъ, мы намѣтили главные черты; дающія понятіе объ этой формѣ церковнаго управленія, формѣ, какъ она выражалась преимущественно во II и III вѣкахъ. Впрочемъ, форма эта оставалась почти безъ измѣненій во всѣ времена древней церкви. Епископъ стоялъ во главѣ клира и паствы: или извѣстнаго города, имѣвшаго только одну церковь, или же города съ нѣсколькими приходскими церквами; случалось также, что въ его вѣдѣніи кромѣ приходоу городскихъ были и приходы сельскіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ епископъ, клиръ и паства составляли одну общину, одну церковно-административную единицу. Эта церковно-административная единица называлась сначала *paroichia* отсюда латинское слово *parochia*, а потомъ стала называться: епископія, или епископскій округъ ¹⁾.

IV. Митрополическая система церковнаго управленія во II и III вѣкахъ, и ея происхожденіе.

Различные епископскіе округа въ римской имперіи во II и III вѣкахъ представляли собой безчисленныя церковно-административныя точки. Это было великое множество совершенно самостоятельныхъ церковныхъ братствъ, христіанскихъ общинъ или какъ хотите-назовите. Но эти точки не остаются въ постоянномъ равновѣсіи, онѣ начинаютъ стремиться къ централизаціи. Нѣкоторыя изъ нихъ становятся такими пунктами, къ которымъ тяготеютъ, около которыхъ группируются ближайшія точки. Возникаетъ митрополичество и митрополическій округъ. Митрополическій округъ есть соединеніе къ одному религіозно-административному цѣлому нѣсколькихъ епископскихъ округоу. Нѣкоторые изъ епископоу возвы-

¹⁾ Что же касается до принятаго у насъ названія: епархія, то оно не точно. „Епархіей“ у Грекоу IV и V вѣкоу назывался довольно обширный гражданскій (именно гражданскій) административный округъ, равняющійся по размѣрамъ древне-греческой митрополичьей области, заключавшей много отдѣльныхъ епископій.

шаются положеніемъ и властію надъ своими собратіями, епископами же, живущими въ данной мѣстности, становятся первенствующими членами въ ряду извѣстнаго ряда епископовъ—становятся митрополитами. Они выдѣляются изъ ряда прочихъ епископовъ, являются стоящими во главѣ цѣлаго большаго округа церковнаго. Въ этомъ случаѣ происходитъ извѣстнаго рода развитіе въ средѣ самой іерархіи, при чемъ нѣкоторые ея члены развиваются въ высоту—становятся выше другихъ. О власти этихъ выдающихся епископовъ скажемъ нѣсколько словъ впослѣдствіи. Теперь же займемся вопросомъ: какимъ путемъ эти епископы достигали высшихъ правъ и ранга въ сравненіи съ другими епископами, сосѣдними по мѣстожителству? При разсмотрѣніи этого вопроса—какимъ путемъ нѣкоторые епископы достигли привилегіи предъ другими—мы должны болѣе руководиться соображеніями и догадками, чѣмъ фактами. Это зависитъ отъ того, что исторія не знаетъ опредѣленныхъ фактовъ, которые служили-бы цѣли. Мы встрѣчаемъ митрополическій институтъ въ II и III в., но исторія молчитъ о томъ, какъ произошелъ онъ. Знакъ, что дѣло происходило самымъ простымъ, обыденнымъ образомъ, безъ какихъ-либо споровъ и волненій. Въ самомъ дѣлѣ, до какой степени исторія даетъ мало данныхъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи митрополическаго института, объ этомъ можно судить по тому явленію, что до IV вѣка мы не видимъ точныхъ и обстоятельныхъ законовъ касательно митрополитовъ, и однакожь законодательство IV вѣка не учреждаетъ митрополическаго института, а рассматриваетъ его, какъ уже сложившійся въ стройную систему прежде того. Самое имя: митрополитъ неизвѣстно во II и III вѣкѣ и въ первый разъ встрѣчается въ правилахъ Никейскаго собора (пр. 4). Вѣроятно, митрополиты до этого собора назывались просто „первыми епископами“. (Ап. пр. 34). По этому, если мы хотимъ говорить о происхожденіи и характерѣ митрополической системы II и III вѣка, то должны говорить, основываясь исключительно на теоріи вѣроятностей. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что система эта получила въ II и III вѣкахъ прочное основаніе, какъ это можно заключать изъ

слѣдующаго такъ называемаго апостольскаго правила, въ которомъ явно идетъ рѣчь о митрополитахъ до — никейскаго періода, такъ какъ въ немъ (правилѣ), хотя и опредѣляется сущность власти митрополитовъ, но эти церковные сановники еще не носятъ позднѣйшаго своего имени: митрополиты. Въ этомъ правилѣ (34) говорится, чтобы епископы признавали авторитетъ того изъ нихъ, кто занимаетъ первое мѣсто: „первый“ между ними, — и повелѣвается „признавать его, какъ главу“ и ничего важнаго „не творить безъ его разсужденія“.

Разъяснимъ же дѣло сколько возможно. Епископы съ высшею церковною властію — властію митрополитовъ, появляются въ значительнѣйшихъ городахъ римской имперіи, каковы: главнѣйшіе города въ государствѣ и главные города провинцій. Такое возвышеніе епископовъ указанныхъ городовъ зависило прежде всего отъ того, что въ этихъ городахъ раньше всего и утвердилось христіанство въ имперіи. Апостолы проповѣдовали преимущественно въ центральныхъ и важнѣйшихъ городахъ римскаго государства. Вслѣдствіе этого на епископовъ такихъ городовъ христіанское общество ближайшихъ мѣстъ смотрѣло, какъ на епископовъ церквей старѣйшихъ и первохристіанскихъ, и эти-то церкви и каеодры стали извѣстны съ почетными именами: *matrices ecclesiae*, *sedes apostolicae*, *ecclesiae apostolicae*. Утвердившись прежде всего въ главнѣйшихъ городахъ имперіи и главныхъ провиціальныхъ городахъ, христіанство, потомъ, отсюда перешло въ близъ лежащіе второстепенные города, какъ это бываетъ съ цивилизаціей и культурными нравами. Вслѣдствіе чего второстепенные города съ ихъ епископомъ и клиромъ становились какъ бы въ сыновнія отношенія къ тѣмъ городамъ и ихъ предстоятелю, откуда къ нимъ проникало христіанство. Ктому же: принимая христіанство изъ болѣе важныхъ городовъ, второстепенные города отсюда же получали помощь при избраніи епископа, а можетъ быть и готовыхъ клириковъ, отсюда же получали указанія и наставленія касательно устройства церковнаго. А все это вело къ тому, что епископы меньшихъ городовъ мало-помалу становились въ нравственную и административную

зависимость отъ епископовъ главныхъ провинціальныхъ городовъ или же главнѣйшихъ городовъ цѣлой имперіи. Установливалась связь между христіанскими обществами городовъ второстепенныхъ и представителями обществъ городовъ первостепенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что удивительнаго въ томъ, если общины христіанъ второстепенныхъ городовъ обращались къ обществамъ городовъ первостепенныхъ въ безчисленныхъ случаяхъ: за совѣтомъ, за помощію, за разрѣшеніемъ труднаго церковнаго вопроса. Все это и тому подобное было вполнѣ естественно; и вотъ утверждались отношенія, при которыхъ епископы второстепенныхъ городовъ, *de facto*, облекали епископовъ важнѣйшихъ городовъ особою высшею властію и авторитетомъ, чѣмъ какими они сами обладали въ церковныхъ дѣлахъ, нѣтъ ничего неожиданнаго въ томъ, если и самъ епископъ важнѣйшаго города начинаетъ отличать себя отъ прочихъ, какъ епископъ высшаго ранга; если и эти прочіе въ свою очередь отличаютъ его, какъ неравнаго съ ними, относятся къ нему съ выраженіемъ особенной чести и уваженія, говорятъ съ нимъ особеннымъ почтительнымъ языкомъ — словомъ — признають за нимъ исключительныя права и преимущества. А все это и создавало епископовъ съ высшею церковною юрисдикціею, съ особеннымъ церковнымъ авторитетомъ, — словомъ: митрополитовъ. — Возвышенію епископовъ важнѣйшихъ городовъ надъ епископами городовъ менѣе важныхъ много помогли помѣстные соборы II и III вѣка. На соборѣ обыкновенно предсѣдательствуетъ епископъ главнаго города провинціи или главнѣйшаго въ цѣлой имперіи, понятно, потому, что ему принадлежала иниціатива созванія подобныхъ соборовъ, на немъ лежали заботы по осуществленію этого дѣла. И вотъ епископы, руководившіе этимъ дѣломъ, уже по этому самому возвышаются надъ своими собратіями. А такое созваніе соборовъ выпадало естественно на долю епископа большаго города, ибо онъ удобнѣе могъ сдѣлать это, чѣмъ другіе епископы: въ его церкви могло быть больше, чѣмъ гдѣ-либо просвѣщенныхъ пресвитеровъ, необходимыхъ при совѣщаніяхъ и разсужденіяхъ, для него доступнѣе способы сообщенія (почта) и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, кому наприм. удобнѣе было соз-

вать соборъ въ антиохійскомъ церковномъ округѣ: епископу ли города Кира, или епископу Антиохійскому? а въ Египтѣ: епископу ли Александріи или какой нибудь Пелузіи? Соборъ закончился, но и тутъ дѣятельность епископа важнѣйшаго города не прекращается: чрезъ епископа города, гдѣ происходилъ соборъ, опредѣленія его разсылаются другимъ церквамъ; и вотъ этотъ же епископъ становится органомъ церковнаго законодательства: получается новое отличіе отъ остальныхъ епископовъ. А со всѣмъ этимъ, епископъ первостепеннаго города пріобрѣтаетъ одно изъ важнѣйшихъ правъ митрополическихъ — управлять церквами извѣстнаго округа при содѣйствіи соборовъ. — Наконецъ, сюда же, къ возвышенію извѣстныхъ епископовъ въ сравненіи съ другими епископами, сосѣдними, вело и христіанское процвѣтаніе того или другаго города. Гдѣ христіанство обнаруживало себя съ особенною мощію, гдѣ оно имѣло многочисленныхъ и важныхъ по своему общественному положенію послѣдователей, гдѣ оно заявило себя наукой, литературой, школами, — въ этихъ городахъ и появляется епископъ съ митрополическою властію. Яркимъ блескомъ горѣла слава церкви Александрійской, богатой, знаменитой своею христіанскою наукою, ознаменовавшей себя замѣчательными побѣдами надъ языческою ученостію, обезсмертившей себя именами глубокихъ христіанскихъ философовъ — и вотъ здѣсь возникаетъ епископская катедра съ высокимъ церковнымъ авторитетомъ. Не менѣе процвѣталъ и Римъ съ своею церковію. Не даромъ здѣсь уже въ правленіе папы Корнелія было 46 пресвитеровъ и многочисленный остальной штатъ церковный. Благотворительность церкви римской очень богатой, щедро изливалась на самыя отдаленныя церкви и составляла ея славу ¹⁾. Ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ изъ тогдашней практики церковной не обходился безъ того, чтобы такъ или иначе не выразила своего мнѣнія о немъ компетентная церковь Римская. Все это говорило о процвѣтаніи церкви римской, а потому ея епископъ стоялъ

¹⁾ См. любопытное посланіе Діонисія Коринѣскаго къ еписк. римскому Сотиру. Евсевія, IV, 23.

высоко во мнѣніи другихъ, въ особенности италійскихъ епископовъ. При такихъ же или подобныхъ обстоятельствахъ выказываютъ свои значительные христіанскіе успѣхи и нѣкоторые другіе христіанскіе города, какъ напримѣръ Антиохія, Караагень, Ефесъ, Коринѣъ и т. д. Указаннаго рода процвѣтаніе христіанства въ извѣстныхъ церквахъ и было однимъ изъ важныхъ условій, содѣйствовавшихъ предстоятелямъ такихъ церквей стать во главѣ предстоятелей другихъ церквей, сосѣднихъ, сдѣлаться епископами высшаго ранга, высшей чести, высшихъ правъ — митрополитами.

Изъ этого перечня историческихъ условій, поскольку они заключались въ жизни самаго христіанскаго общества, условій, содѣйствовавшихъ возникновенію митрополическаго института отчасти видно, чѣмъ отличался епископъ первенствующаго города отъ епископовъ второстепенныхъ городовъ, какія права и какая честь принадлежала митрополиту въ ряду другихъ епископовъ. Въ цѣломъ же власть и авторитетъ митрополита понимались такъ: его высшему надзору принадлежалъ болѣе или менѣе обширный церковный округъ, болѣе или менѣе опредѣленный, заключающій часто сотни епископій или епископскихъ округовъ. Онъ могъ каждаго изъ епископовъ своего митрополичьяго округа за какое либо нарушеніе каноновъ привлекать къ суду, каковой судъ онъ производилъ вмѣстѣ съ другими епископами того-же округа. Ни одинъ епископъ не могъ вводить ничего важнаго въ церковномъ отношеніи въ подвѣдомственной ему общинѣ безъ утвержденія и разрѣшенія митрополита. Митрополитъ предсѣдательствовалъ на помѣстныхъ соборахъ, наблюдалъ за избраніемъ епископовъ въ своемъ митрополичьемъ округѣ и посвящалъ ихъ, онъ принималъ апелляцію отъ клириковъ на судъ епископа и вновь рассматривалъ дѣло соборно ¹⁾. Митрополитъ пользовался уваженіемъ со стороны прочихъ епископовъ своего округа, его, кажется, звали „главой“ и т. д.

¹⁾ Нужно впрочемъ сказать, что всѣ эти права митрополитовъ опредѣленно сформулированы уже въ IV вѣкѣ Проф. А. С. Павлова. „Курсъ церковн. права“, 254. Серг. Посадъ, 1902.

Изъ области теоретическихъ и юридиико-каноническихъ представлений о митрополическомъ институтѣ обратимся къ дѣйствительной, фактической исторіи этого института во II и III вѣкѣ. Хотя исторія этой эпохи не ясно и не очень опредѣленно говоритъ о митрополитахъ и ихъ дѣятельности, однакожъ она оставила довольно видные слѣды бытія этого института, сохранила свидѣтельства обнаруженія власти митрополитовъ. Допросимъ же церковную исторію: когда съ очевидностію и несомнѣнностію начинается дѣйствовать этотъ институтъ, въ чемъ въ какихъ фактахъ обозначалась эта дѣятельность? и т. п.

Не только нѣкоторые римско-католическіе, но случается даже и протестантскіе ученые историки хотять искать и находить слѣды митрополическаго института уже во времена апостольскія. Въ доказательство этой мысли ссылаются на нѣкоторыя изреченія апостольскія и явленія этой эпохи. Такъ апостолъ Павелъ, пребывая въ Ефесѣ, отъ лица всѣхъ христіанъ Азіи (Азія въ тогдашнемъ узкомъ смыслѣ слова) привѣтствуетъ коринѳянь (I Кор., 16, 19). Слѣдовательно, говорятъ, онъ смотритъ на Азію, какъ на нѣкотораго рода іерархическій (митрополичій) округъ, во главѣ котораго стоитъ Ефесъ. Далѣе тотъ же Павелъ, привѣтствуя въ посланіи къ Коринѳянамъ церковь коринѳскую, вмѣстѣ съ этою церковію привѣтствуетъ и всю Ахаію, т.-е. Грецію (2 Кор. 1, 1); опять Ахаія, говорятъ намъ, представляется какъ-бы іерархическимъ цѣлымъ подъ главенствомъ Коринѳа. Въ посланіяхъ того-же Павла Македонія съ ея главнымъ городомъ Фессалониками является какъ-бы однимъ церковнымъ округомъ (1 Фессал. 1, 7; 2 Кор. 8, 1). Тоже желаютъ усматривать и въ нѣкоторыхъ фактахъ, упоминаемыхъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Именно здѣсь извѣщеніе объ опредѣленіи апостольскаго собора въ Іерусалимѣ адресуется на имя Антиохіи со всею Сиріею и Киликіею (Дѣян. 15, 23). По заключенію иныхъ ученыхъ историковъ, Сирія и Киликія разсматриваются писателемъ Дѣяній, какъ одинъ церковный округъ, соединенный подъ главенствомъ Антиохіи ¹⁾. -- Но

¹⁾ Bickell. Gesch. des Kirchenrechts (протест.). I B., 2 Liefer. S. 167—169. Frankf. 1849. Rothe. Vorlesungen über Kirchengesch. und Gesch. des

видѣть въ этихъ фактахъ указаніе на митрополитескій институтъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакихъ основаній. Правда, въ вышеприведенныхъ указаніяхъ апостольскаго времени, предъ нами дѣйствительно возстаютъ церковные округа, которые впоследствии являются округами митрополитанскими, но въ свидѣтельствахъ апостольскаго вѣка нѣтъ ни малѣйшаго намека на главный признакъ митрополитескаго института, на то, чтобы одинъ какой-нибудь епископъ округа стоялъ выше другихъ епископовъ того же округа. А какъ скоро такого признака не указывается, то существованіе митрополитескаго института не можетъ быть доказуемо. Поэтому намъ представляется неправильнымъ отыскивать слѣды митрополитескаго института во времена апостольскія; въ эти времена указаннаго института совсѣмъ еще не было.—Мало того: намъ кажется неосновательнымъ отыскивать слѣды митрополитескаго устройства и въ первой половинѣ II вѣка. По крайней мѣрѣ доказательства, какія обыкновенно приводятся въ подтвержденіе мысли, что уже въ это время существовалъ митрополитескій институтъ, намъ представляются недостаточными и натянутыми. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли доказывать, что Игнатій Богоносецъ, епископъ Антиохійскій, и Поликарпъ епископъ Смирнскій были тѣмъ же въ своихъ округахъ въ первой половинѣ II вѣка, чѣмъ стали и являлись митрополиты позднѣйшаго времени? Не думаемъ. Во всякомъ случаѣ попытки ученыхъ въ подобномъ родѣ едва ли можно назвать удачными. Такъ касательно Игнатія прибѣгаютъ иногда къ такому аргументу. Игнатій въ посланіи къ церкви римской (гл. 9) говоритъ: „поминайте въ вашихъ молитвахъ церковь въ Сиріи, которая вмѣсто меня имѣетъ пастыремъ Бога“ (самъ Игнатій отправлялся на мученичество въ Римъ). Въ томъ же посланіи онъ и прямо называетъ себя „епископомъ Сиріи“ (гл. 2). Слѣдовательно, говорятъ намъ, Игнатій представляетъ себя предстоятелемъ цѣлой большой области, Сиріи, хотя въ собственномъ смыслѣ онъ былъ епископомъ одной Антиохіи.

kirchlichen Lebens. B. I, S. 184. 189—191. Heidelberg, 1875. (протест.). Lübeck. Reichseintheilung und Hierarchie des Orients bis zum Ausgange des IV Jahrhund. (католич.) S. 12—14. Münster, 1901.

Что касается Поликарпа, то относительно его дѣлаютъ иногда такое замѣчаніе: въ посланіи церкви смирской, написанномъ тотчасъ послѣ мученической смерти Поликарпа, въ уста народа смирскаго влагаются такія слова: „Поликарпъ—это учитель Азіи“. (Евсевія IV, 15). Опять и Поликарпъ, говорятъ намъ нѣкоторые ученые, въ срединѣ II вѣка представляется въ сознаніи тогдашняго общества главой цѣлой церковной провинціи—Азіи, т.-е. части теперешней Малой Азіи. Изъ сейчасъ приведенныхъ фактовъ дѣлается такой выводъ, значить—Игнатій и Поликарпъ были митрополитами по власти, значить въ ихъ время институтъ митрополическій существовалъ и дѣйствовалъ ¹⁾.—Но мы съ своей стороны не видимъ здѣсь ничего доказывающаго этой истины. Здѣсь указывается высокій нравственный авторитетъ Игнатія и Поликарпа въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они жили и дѣйствовали, но нѣтъ никакого указанія на правовыя, юридическія ихъ отношенія къ христіанскимъ общинамъ Азіи и Сиріи, на власть и вліяніе, которыми они пользовались бы въ ряду другихъ епископовъ поименованныхъ областей. Другими словами: не видно, чтобы они въ качествѣ полновластныхъ епископовъ стояли выше другихъ собратій, а только подобныхъ епископовъ, возвышающихся по власти и положенію надъ другими епископами и можно считать митрополитами. Такимъ образомъ митрополическій институтъ едвали существовалъ въ первой половинѣ II вѣка. Достаточно будетъ допускать, что выдающееся положеніе нѣкоторыхъ епископовъ этого времени, въ родѣ Игнатія и Поликарпа, подготавливали появленіе митрополическаго института, но утверждать болѣе этого—было бы смѣлой гипотезой. — Митрополическій институтъ возникаетъ не раньше появленія соборной системы управленія церкви. Извѣстно, что соборы потребовали созванія многихъ епископовъ въ одно и тоже мѣсто, потребовали, чтобы одинъ кто-либо изъ епископовъ предсѣдательствовалъ на нихъ, ставилъ вопросы и руководилъ ходомъ разсужденій и по заключеніи соборовъ публиковалъ ихъ опредѣленія въ средѣ той области, изъ

¹⁾ Bickell, *ibid.* S. 170—171. Rothe, *ibid.* 185—6. Lübeck, 43.

которой собирались епископы. Соборы такимъ образомъ полагали первый основной камень для утвержденія митрополитическаго института въ церкви. Они проложили путь для дѣятельности и развитія этого института, и митрополитическій институтъ *быстро* утверждается въ церкви въ эпоху появления первыхъ соборовъ. А такъ какъ соборы появляются въ церкви никакъ не раньше второй половины второго вѣка, то было бы напраснымъ трудомъ искать митрополитовъ раньше этого времени, хотя и пѣтъ особенной надобности отрицать того, что зачатки митрополитическаго института могли встрѣчаться и до этого времени. Итакъ, что-же видимъ къ концу второго вѣка?

• Одновременно съ появленіемъ соборовъ въ церкви исторія встрѣчаетъ и митрополитовъ, хотя первенствующие епископы такъ еще и не назывались; она, исторія замѣчаетъ проявленіе митрополитическаго института: митрополитическій институтъ становится къ концу II вѣка несомнѣннымъ историческимъ фактомъ, хотя онъ не былъ ни регулированъ вполне, и ни оформленъ, какъ было позднѣе. Это явленіе начинаетъ обнаруживать себя и на Востокѣ и на Западѣ, особенно на Востокѣ. Что касается Запада, то извѣстный Иринеи Лионскій къ концу II вѣка уже представляется стоящимъ во главѣ Галльской церкви и ея епископовъ ¹⁾. Онъ пишетъ посланіе къ церкви римской, безъ сомнѣнія, соборное посланіе „отъ лица всѣхъ галльскихъ епископовъ и братіи“, слѣдовательно отъ лица всей церковной области—Галліи, (Евсевія, V, 23. 24), и значитъ является облеченнымъ высшею властію, чѣмъ прочіе галльскіе епископы, словомъ: митрополитомъ. Но еще яснѣе дѣйствование митрополитическаго института обнаруживается въ концѣ II вѣка на Востокѣ. Въ концѣ этого вѣка является стоящимъ во главѣ церквей Азійскихъ, какъ опредѣленной іерархической области, Поликратъ, епископъ Ефесскій. Въ защиту своего мѣстнаго обыкновенія праздновать пасху онъ пишетъ къ Виктору епископу римскому и говоритъ, что онъ пишетъ

¹⁾ Свѣдѣнія о положеніи первоначальной Галльской церкви можно находить въ книгѣ Малицкаго: „Борьба Галльской церкви за независимость“, стр. 1—21. М. 1903.

отъ лица цѣлой Азіи съ ея церковными предстоятелями. Въ своемъ посланіи онъ замѣчаетъ: „могъ бы я упомянуть и о соприсутствующихъ мнѣ епископахъ, которые *созваны мною* (очевидно на соборъ), но если бы обозначить ихъ поименно, то именъ оказалось бы великое множество“. (Тамъ же, III, 21; V, 24). Поликрать пишетъ, какъ епископъ, стоящій во главѣ многихъ другихъ епископовъ соедѣнныхъ ему, — епископовъ, которыхъ онъ самъ „созывалъ“ (что особенно важно), слѣдовательно онъ является ничѣмъ другимъ, какъ митрополитомъ. О своемъ церковномъ авторитетѣ Поликрать говоритъ: „я имѣю сношенія съ братіей во всей вселенной“. Въ этихъ словахъ заключается указаніе на такой высокій авторитетъ его, который даже не укладывается въ обычныя рамки митрополитическаго авторитета. Высокое церковное положеніе у Евсевія (IV, 23) приписывается и Діонисію епископу Коринескому конца II вѣка. Евсевій даетъ прямо понимать, что іерархическое вліяніе Діонисія простиралось далеко за предѣлы его епископскаго округа, когда говоритъ: „Діонисій Коринескій простираетъ щедро свою дѣятельность не только на непосредственно подчиненныхъ себѣ, но и на постороннихъ“. Изъ дальнѣйшаго разсказа Евсевія видно, что Діонисій пастырски вліялъ на церковь Лакедемонскую, на церковь Аѳинскую, словомъ — на многія Элладскія церкви, конечно потому, что стоялъ во главѣ всего Элладскаго округа. Церковное вліяніе Діонисія заходило даже за предѣлы Греціи; такъ онъ обращался со своими внушеніями къ церквамъ о. Крита и церкви Никомидійской. А эти факты говорятъ больше того, чѣмъ сколько намъ нужно для доказательства нашей мысли. Но во всякомъ случаѣ вполне видно, что Діонисій не былъ рядовымъ епископомъ, подобно многимъ другимъ епископамъ элладскимъ. Въ томъ же II вѣкѣ несомнѣнно стоялъ во главѣ цѣлой Палестины въ качествѣ митрополита, Теофилъ епископъ Кесаріи Палестинской. Теофилъ высоко стоялъ среди прочихъ мѣстныхъ епископовъ, какъ это видно изъ того, что обнародывая одно соборное опредѣленіе (по вопросу о празднованіи пасхи), онъ пишетъ епископамъ Палестины въ тонѣ начальственномъ: „списки съ нашего посланія постарайтесь

разослать по всѣмъ церквамъ“ (Евсев. V, 25) — пишетъ въ такомъ тонѣ, какой свойствененъ только митрополитамъ древней церкви. Заслуживаетъ вниманія еще слѣдующее свидѣтельство Тертулліана отъ 190 года, изъ котораго съ очевидностію слѣдуетъ, что въ его время нѣкоторыя церкви въ своемъ церковномъ авторитетѣ сильно возвысились въ ряду другихъ, а съ ними и ихъ епископы. Тертулліанъ говоритъ: „если ты близокъ къ Ахаіи, то для тебя служить авторитетомъ Коринѣ; если ты не далеко отъ Македоніи, то — Фессалоника (и Филиппы); если ты достигъ Азіи, то Ефесъ; если ты живешь по сосѣдству съ Италіей, то для тебя авторитетомъ служить Римъ“¹⁾.

Переходя къ III вѣку, мы чувствуемъ себя еще болѣе на твердой почвѣ по вопросу о томъ: какіе епископы и какія церкви стояли въ это время во главѣ другихъ церквей и какія имъ принадлежали области, какъ области подчиненныя ихъ особому надзору. Не вдаваясь въ подробности скажемъ кратко: въ это время являются епископами съ преобладающей властію и значеніемъ кромѣ: Римскаго, Александрійскаго и Антиохійскаго, епископы Кесаріе — Палестинскій, Карфагенскій, Кесаріе - Каппадокійскій, Тарсійскій, Лаодикійскій, Критскій и проч. и проч. Что касается церковныхъ областей, на которыя простиралось іерархическое вліяніе того или другаго изъ первенствующихъ епископовъ, то области эти иногда были очень широки. Такъ епископъ Римскій простиралъ свое вліяніе на всю Италію, какъ это можно усматривать изъ того, что императоръ Авреліанъ представляетъ себѣ Римъ и Италію одною областію, подчиняющеюся одному и тому же руководящему церковному началу²⁾. Діонисій Александрійскій простиралъ свою власть не только на собственно Египетъ, но и на Ливію и Пентаполь³⁾. А это далеко заходило даже за предѣлы той власти, которая принадлежала предстоятелю обыкновенной митрополической области. Епископы

¹⁾ De praescriptione, cap. 36.

²⁾ Евсевія, VII, 30. Lübeck. 130—1, 134. (Даже и нѣкоторые острова были подъ церковною властію Рима). О большихъ соборахъ въ Римѣ: Евсевія, VI, 43.

³⁾ Ник. соб. пр. 6.

кареагенскіе наблюдали за ходомъ дѣлъ церковныхъ, въ теченіе первой половины III вѣка, были блюстителями ихъ не только во всей проконсульской Африкѣ, гдѣ Кареагенъ былъ главнымъ городомъ, но и въ Нумидіи и Мавританіи ¹⁾).

Итакъ вотъ фактическая историческая сторона вопроса о развитіи митрополическаго института, во II и III в. Исторія не можетъ многого сказать, какъ и при вакихъ условіяхъ росли нѣкоторые епископы на счетъ другихъ епископовъ, но она показываетъ, что нѣкоторые епископы сильно росли во власти и доросли до юрисдикціи митрополической надъ болѣшими или мѣньшими церковными областями.

Въ началѣ нашего трактата о митрополическомъ институтѣ II и III вѣка, мы выяснили дѣйствительныя или гипотетическія условія церковнаго характера, содѣйствовавшія образованію митрополической власти. Но какъ ни важно церковное значеніе тѣхъ городовъ, епископы которыхъ стали обладать особенными правами въ сравненіи съ другими епископами, какъ ни важно это церковное значеніе для уясненія происхожденія митрополическаго института, однакожь одно это не объясняетъ всего дѣла. Если бы только одно церковное значеніе извѣстнаго города возвышало власть епископа этого города, въ такомъ случаѣ мы видѣли бы обладающими митрополическою властію епископовъ и въ такихъ городахъ, которые имѣли выдающееся церковное значеніе, но которые не были ни сколько важны въ гражданскихъ отношеніяхъ римскаго государства. И однакожь такихъ случаевъ не встрѣчаемъ. Наприм. города Троада, Листра были городами, въ которыхъ христіанскія общины основаны самими апостолами; при всемъ томъ епископы этихъ городовъ не выдвигаются изъ ряда другихъ епископовъ. Или вотъ еще болѣе замѣчательный примѣръ: Іерусалимъ оставался священнѣйшимъ городомъ въ глазахъ

¹⁾ Проф. А. Гарнакъ научно, т. е. опираясь на критически проверенныя данныя, перечисляетъ всѣ африканскіе епископскіе города, которые въ это время подлежали юрисдикціи кареагенскаго примаса, т. е. митрополита: *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten 3 Jahrhund.* S. 520—27. Leipz., 1902. Оказывается, что въ срединѣ III в. было 150 епископскихъ кафедръ здѣсь, а въ началѣ IV в. ихъ было не менѣе 250. (S. 520).

всѣхъ христіанъ, былъ такъ сказать „каедрой самого Іисуса Христа“, какъ иногда и дѣйствительно называли его древніе ¹⁾, и однакожъ епископъ этого священнѣйшаго города во II и III вѣкѣ не имѣлъ никакой особенно видной іерархической власти и былъ въ подчиненіи епископу Кесаріи Палестинской. Отчего зависели подобныя явленія? Это зависило отъ того, что указанные города при ихъ неоспоримомъ церковно - историческомъ значеніи не были значительны и важны въ политическомъ отношеніи. Напримѣръ, Троада не играла никакой роли въ политическихъ отношеніяхъ римскаго государства; а Іерусалимъ хотя и былъ столицей Іудейскаго царства, но въ началѣ II христіанскаго вѣка онъ превращается въ развалины, на мѣстѣ прежней столицы остается только городокъ съ именемъ Эліи. Слѣдовательно одно церковное значеніе города было еще не достаточно, чтобы возвысить значеніе епископа того же города. Нужно что-то еще для возвышенія города на степень митрополіи. Что же именно? Нужно было политическое значеніе города, которое возвышая его въ ряду другихъ городовъ, вызывало бы и епископа города въ ряду его собратій. Словомъ: однимъ изъ важнѣйшихъ условій для возвышенія даннаго города на степень митрополіи было то: насколько городъ былъ политически значителенъ? Въ самомъ дѣлѣ: не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что не одно церковное значеніе придавало блескъ и славу епископамъ городовъ Рима, Александріи и Антіохіи, но и ихъ политическая важность. Изъ числа этихъ городовъ, какъ извѣстно, Римъ былъ столицею міра: *caput orbis terrarum*. Александрія со временъ императора Августа сдѣлалась главнымъ городомъ всего Египта и вторымъ въ имперіи. Антіохія по своему значенію занимала третье мѣсто въ государствѣ римскомъ и именовалась „царицей Сиріи“ ²⁾. Да и вообще эти города составляли поли-

¹⁾ Св. Епифанія. Ересь 78, гл. 7. (Рус. перев., т. V, 245). Патріархъ Іерусалимскій въ письмѣ къ Фотію называетъ свой престолъ: *τὸν αὐτὸν θρόνον τοῦ σωτῆρος ἡμῶν* I. Xp. (Hergenröther. Photius patr. von Constantinopel. B. II, 441).

²⁾ Lübeck. loc. cit., 229. 231.

тическую триаду знаменитѣйшихъ городовъ государства. Ефесъ тоже считался главнымъ городомъ всей Азіи, онъ назывался „окомъ Азіи“ ¹⁾. Рѣшительное же основаніе къ признанію важности политическаго ранга городовъ, въ отношеніи къ вопросу о происхожденіи митрополіи, можно находить въ томъ, что нерѣдко епископовъ съ митрополитическими правами исторія встрѣчается въ такихъ городахъ, которые ничѣмъ не извѣстны въ древне-христіанскомъ мірѣ, но которые за то были или сдѣлались важными политическими центрами. Именно исторія встрѣчается съ такими примѣрами: Кареагенъ ничѣмъ не былъ извѣстенъ въ первоначальной исторіи христіанства, тѣмъ не менѣе епископъ Кареагена, какъ важнаго центра политическаго, скоро становится однимъ изъ вліятельнѣйшихъ епископовъ. Еще: Кесарія Каппадокійская не имѣла никакого значенія въ исторіи христіанства I и II вѣка и однакожь достаточно было этому городу сдѣлаться главнымъ городомъ Каппадокійской провинціи при императорѣ Септиміи Северѣ, и епископъ этого города въ III вѣкѣ достигаетъ вдругъ необыкновенно высокаго положенія въ ряду другихъ его собратій. Или: при томъ же Септиміи Северѣ вмѣсто разрушенной Византіи главнымъ городомъ во Фракіи дѣлается городъ Ираклія ²⁾, ничѣмъ неизвѣстный въ исторіи христіанства прежняго времени, и вскорѣ епископъ этого города становится епископомъ съ митрополитическими правами въ большой церковной области ³⁾. Или вотъ еще замѣчательный примѣръ. Въ главномъ провинціальномъ городѣ Понта Неокесаріи до середины III вѣка почти совсѣмъ не было христіанъ, и митрополитомъ бывалъ даже епископъ незначительнаго понтійскаго города Амастріи, но лишь только Неокесарія проовѣщена христіанствомъ, устроила у себя церковь и получила епископа, какъ этотъ епископъ сейчасъ же сдѣлался

¹⁾ Hergenröther. Handbuch der Kirchengeschichte. B. I, 108. (I Auflage).

²⁾ Rothe. B. I, S. 361.

³⁾ Къ этому еще нужно прибавить, что Кесарія не теряла своего ореола, какъ бывшая столица каппадокійскихъ царей, а Ираклія много приобрѣла блеску, сдѣлавшись (въ концѣ III в.) главнымъ городомъ политическаго діоцеза (генераль-губернаторства). Lübeck, S. 219.

митрополитомъ, потому что Неокесарія была главнымъ городомъ Понта въ политическомъ отношеніи ¹⁾). Изъ приведенныхъ нами выше фактовъ достаточно ясно открывается, насколько политически униженное или возвышенное положеніе городовъ выражалось въ униженіи или возвышеніи власти епископской тѣхъ же городовъ. Вообще можно сказать: политическая роль города придавала большое значеніе власти епископа, какого значенія не давала одна церковная важность того-же города. Сами правила церковныя придаютъ митрополическія права епископамъ извѣстныхъ городовъ главнымъ образомъ потому, что эти города были центрами гражданского управленія. Такъ 9-ое правило собора Антиохійскаго (IV вѣка) опредѣляетъ, чтобы епископъ главнаго города въ провинціи имѣлъ попеченіе о цѣломъ церковномъ округѣ, такъ какъ туда, въ главный городъ провинціи, „отовсюду стекаются всѣ имѣющіе дѣла“.

Опредѣляя политическую важность городовъ по отношенію къ вопросу о развитіи церковнаго управленія, можно утверждать даже болѣе: гражданское раздѣленіе римской имперіи на области съ извѣстными главными городами въ нихъ предлагало готовыя формы для развивавшагося митрополическаго института. При Августѣ вся римская имперія была раздѣлена на 26 провинцій; число провинцій около времени Траяна еще больше увеличилось. Это гражданское раздѣленіе имперіи могло давать основаніе и для раздѣленія христіанской церкви на подобныя же округа въ дѣлѣ управленія и церковію ²⁾). При этомъ нужно замѣтить, что власть, функціи и нѣкоторыя особенности въ дѣятельности гражданскихъ правителей провинціями представляютъ значительное совпаденіе съ отправленіями митрополическаго инсти-

¹⁾ Rothe. Op. cit. S. 351—2.

²⁾ Pichler. Gesch. der kirchlich. Trennung. B II, S. 613. München, 1865. Въ какой мѣрѣ политическое раздѣленіе имперіи вліяло на церковное, это видно изъ слѣдующаго. Діоклитіанъ (въ 292 г.) умножилъ число провинцій, доведя число ихъ до 101. Сообразно съ этимъ умножилось и число митрополитовъ, при чемъ каждый митрополитъ сталъ во главѣ той или другой изъ многочисленныхъ провинцій. И такое явленіе произошло быстро: Никейскій соборъ уже знаетъ объ этомъ умноженіи митрополіей и митрополитовъ. Lübeck. Op. cit. S. 49. 162—4.

тута. Каждая провинція во главѣ управленія имѣла претора или пропретора, консула или проконсула, которые имѣли право суда въ подчиненныхъ имъ провинціяхъ, вслѣдствіе чего мѣстопробыванія ихъ становились трибуналами, мѣстами судебнаго разбирательства. А какъ извѣстно чинить судъ и разбирательство въ извѣстныхъ случаяхъ принадлежало также къ прерогативамъ и митрополитовъ; резиденціи этихъ послѣднихъ стали центрами судебной дѣятельности въ извѣстномъ округѣ. Но еще болѣе важное значеніе въ нашемъ вопросѣ имѣетъ другая особенность управленія преторовъ или консуловъ провинціями, особенность, которая возникла и утвердилась въ III вѣкѣ. Сначала гражданскіе правители провинцій начальствовали въ данномъ округѣ не болѣе года, а затѣмъ смѣнялись, со времени же утвержденія монархической власти въ римскомъ государствѣ, они стали оставаться правителями одной и той же провинціи и болѣе года, такъ было при Тиверіи и императорахъ изъ фамиліи Антониновъ (II в.), а въ царствованіе Александра Севера (1 половина III вѣка) одинъ и тотъ же преторъ или консулъ могъ управлять извѣстною провинціею неопредѣленно долгое время ¹⁾. Какъ извѣстно, и митрополиты являлись не смѣняемыми правителями данной церковной области. Даже самое наименованіе епископовъ, выдающихся изъ ряда другихъ, наименованіе: „митрополитъ“ не церковнаго характера; оно получило свое происхожденіе отъ имени главныхъ городовъ провинцій, которые на языкѣ тогдашняго времени назывались митрополіями, какъ города, важные въ политическомъ отношеніи. Это послѣднее имя усвоено извѣстнымъ городамъ въ III вѣкѣ, хотя встрѣчалось и ранѣе, — говорить: въ III вѣкѣ, когда окончательно слагается и христіанскій митрополическій институтъ. Вообще нужно полагать, что политическое устройство имперіи имѣло не малое вліяніе на митрополическое устройство церкви. Что это дѣйствительно такъ было, объ этомъ можно судить по тому, что при Константинѣ Великомъ церковныя митрополіи поставлены были въ болѣе точныя соотношенія съ митрополіями

¹⁾ Pichler, 614. Bickell. Gesch. des Kirchenrechts. S. 161—3.

политическими ¹⁾. Конечно, законодательство въ этомъ случаѣ не вводило чего-либо новаго, а шло по пути, проложенному прежде, иначе церковь не авторизовала бы подобнаго постановленія.

Впрочемъ было бы несправедливо утверждать, что политическое устройство имперіи имѣло какое-либо исключительное значеніе при образованіи митрополій церковныхъ ²⁾. Иногда мы встрѣчаемъ поразительныя несовпаденія въ данномъ отношеніи. Такъ, напр., епископъ Александрійскій въ качествѣ высшаго митрополита имѣлъ власть не только надъ Египтомъ, но и надъ Ливією и Пентаполемъ, и однакожъ въ гражданскомъ отношеніи ни Ливія, ни Пентаполь вовсе не принадлежали къ Египетскому округу (они принадлежали къ проконсульской Африкѣ.) Или другой примѣръ: Кесарія Палестинская сдѣлалась кафедрой епископа съ митрополическою властію раньше, чѣмъ этотъ городъ сдѣлался митрополією политическою ³⁾. Интересно, что по приказанію Діоклітіана Египетъ подчиненъ былъ въ административномъ отношеніи Востоку, т. е. Антиохіи; но однакожъ Александрійская церковь не только никогда не подчинялась Антиохійской, но и всегда считалась выше этой послѣдней ⁴⁾. На основаніи этихъ фактовъ можно заключать, что христіанская церковь въ своемъ устройствѣ, хотя силою вещей и примѣнялась къ политическимъ порядкамъ имперіи, однакожъ въ то же время имѣла въ данномъ отношеніи и свое собственное самостоятельное теченіе, которое условливалось внутренними потребностями церковными, и которое не всегда согласовалось съ римско-политическими распорядками.

¹⁾ Ник. соб. пр 4. Cf. Lübeck, S. 74 u. s. w. Послѣдній писатель еще предполагаетъ, что митрополическая власть развилась въ противодѣйствіе тѣмъ верховнымъ языческимъ жрецамъ, которые служили культу цезарей въ главныхъ провинціальныхъ городахъ. Митрополиты должны были парализовать вліяніе этихъ жрецовъ, въ интересахъ укрѣпленія христіанства. (S. 21. 22. 30 u. s. w.). Но теорію эту мы считаемъ лишнею: и безъ нея происхожденіе митрополическаго института—понятно. Впрочемъ нѣкоторые замѣчанія противъ теоріи будутъ приведены нами ниже (см. главу: „произхожденіе соборовъ“).

²⁾ А. Harnack говоритъ: „вліяніе греко-римскаго политическаго устройства на церковное устройство касалось лишь формъ, но не самой сущности дѣла и его опоръ“. Die Mission und Ausbreitung des christentums. S. 309.

³⁾ Pichler. II, 617.

⁴⁾ Lübeck. 161—3. 168. 170.

Говоря о происхожденіи митрополическаго института въ II и III вѣкѣ—этого явленія, въ которомъ выразилось развѣтіе и возвышеніе нѣкоторыхъ іерарховъ на счетъ прочихъ епископовъ, мы упоминали о кафедрахъ съ подобнымъ значеніемъ только немногихъ важнѣйшихъ городовъ, какъ, напр., Рима, Александріи, Ефеса, Коринѳа и пр., однакожь отсюда не надо дѣлать заключенія, что только въ перечисленныхъ нами городахъ были епископы съ высшею властію. Нужно думать, что по крайней мѣрѣ въ III вѣкѣ епископы съ подобною властію существовали уже во многихъ городахъ. Такъ въ началѣ IV вѣка первый вселен. соборъ, не дѣлая никакого распоряженія о томъ, чтобы митрополиты непременно были въ такихъ или другихъ мѣстахъ, однакожь въ 4-омъ правилѣ говорить о митрополитахъ каждой провинціи, какъ о фактѣ общезвѣстномъ. Отсюда съ достаточною ясностію открывается, что еще въ III вѣкѣ каждая гражданская митрополія имѣла митрополита въ церковномъ смыслѣ. Указанное никейское правило даже требуетъ принять такое мнѣніе, въ качествѣ научнаго результата.

Представляя себѣ митрополическій институтъ II и III вѣка не слѣдуетъ полагать, что онъ повсюду имѣлъ одинъ и тотъ же видъ, одну и ту же опредѣленную форму.—Институтъ этотъ разнообразился. Нѣкоторые ученые различаютъ двѣ формы обнаруженія митрополическаго института. Во 1-хъ, были такіе митрополическіе округа, которые ограничивались предѣлами одной провинціи, главный городъ которой и былъ кафедрой митрополита. Это простѣйшій видъ митрополическаго устройства, наиболѣе соотвѣтствующій потребностямъ церковнаго управленія. Во 2-хъ, митрополическіе округа заключали въ себѣ не одну, а нѣсколько провинцій, это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда въ странѣ имѣлся главный городъ имперіи, или же столица. Въ такихъ случаяхъ митрополическая кафедра находилась не въ какомъ нибудь провинціальномъ городѣ, а въ одномъ изъ такъ называемыхъ главныхъ городовъ имперіи или столицѣ. Епископъ такого города въ качествѣ митрополита получалъ власть не надъ одною, а нѣсколькими провинціями, прилегающими къ главному городу имперіи или столицѣ. Это —

вторая форма митрополического управления ¹⁾. — Первая форма митрополий была распространена на Востокъ. Однако и здѣсь встрѣчаемъ исключенія. Таковымъ прежде всего былъ Египетъ, гдѣ былъ слишкомъ важный городъ тогдашней имперіи—Александрія, митрополитъ которой поэтому подчинилъ своему вліянію не только собственный Египетъ, но и нѣкоторые сосѣднія провинціи — Пентаполь и Ливію. Второе исключеніе представляла Сирія съ ея главнымъ городомъ. Антиохіею: церковное вліяніе Сирійской Антиохіи замѣтно отражалось и на Палестинѣ, и на Киликии, и на Аравіи. Зачатки подобнаго же церковнаго вліянія одной провинціи на другія сосѣднія можно видѣть и въ другихъ мѣстахъ Востока. Но въ болѣе опредѣленномъ видѣ эта вторая форма митрополическаго управления утвердилась на Западѣ. На Западѣ—говоримъ и въ особенности въ Италіи и Африкѣ. Римъ былъ столицей, и потому онъ былъ слишкомъ вліятельнымъ центромъ во всѣхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего епископы провинціальныхъ городовъ Италіи не могли стать рядомъ съ предстоятелемъ Рима въ качествѣ равноправныхъ митрополитовъ. Тоже въ Африкѣ: Карфагенъ былъ очень значительнымъ городомъ въ имперіи, а потому епископъ его былъ митрополитомъ (примасомъ) не одной провинціи — проконсульской Африки, — но въ продолженіи долгаго времени и двухъ сосѣднихъ — Нумидіи и Мавританіи ²⁾. Нѣчто подобное было и въ Галліи. — Еще другое различіе въ митрополіяхъ заключалось въ слѣдующемъ: обык-

¹⁾ Во второмъ случаѣ митрополитовъ въ наукѣ иногда называютъ „высшими митрополитами“, (Obermetropolit).

²⁾ Въ политическомъ отношеніи римское государство къ концу III в. (въ 292 г.) дѣлилось: 1) на діоцезы (*διοίκησις*), большіе округа, заключавшіе въ себѣ по нѣскольку провинцій, — нѣчто въ родѣ нашихъ генералъ-губернаторствъ. Название діоцеза перешло и въ церковный языкъ того времени; почему іерархъ, стоявшій во главѣ подобнаго діоцеза являлся облеченнымъ особенными „преимуществами“, высшимъ митрополитомъ „области“—*διοίκησις*. (Ник. соб. пр. 6. Слич. II вс. сов. пр. 2).—2) На провинціи (*ἐπαρχία*): главный городъ провинціи — епархіи назывался „митрополія“ (*μητρόπολις*). Это нѣчто въ родѣ нашихъ губерній. Іерархъ, стоявшій во главѣ провинціи, естественно назывался и былъ рядовымъ митрополитомъ. — Въ большинствѣ городовъ (*πόλις*), принадлежащихъ къ извѣстной провинціи существовали епископы, церковный округъ которыхъ въ древности часто назывался „парикія“ (*παρικήα*), что значило епископія. (См. объ этомъ терминѣ выше, стр. 162). Lübeck. Op. cit. S. 175—176. Cf. 141. 160—1.

новеннымъ правиломъ было то, что митрополитомъ въ данной области былъ епископъ болѣе важнаго города. Но однакожъ это правило имѣло исключенія. Такъ въ понтійской провинціи (побережье Чернаго моря) до середины III вѣка митрополитомъ считался не епископъ главнаго города провинціи, а тотъ епископъ, который былъ старѣе другихъ по своему архіерейскому сану, т. е. который сдѣлался епископомъ раньше другихъ. Тоже самое встрѣчаемъ въ Нумидіи и Мавританіи, — двухъ африканскихъ провинціяхъ. До середины III вѣка эти провинціи были подчинены епископу Карфагенскому, какъ митрополиту, но затѣмъ онѣ составили самостоятельныя митрополіи. Митрополитами въ нихъ стали считаться епископы старѣйшіе по своему посвященію въ архіереи. Такъ, напр., въ концѣ третьяго вѣка митрополитомъ Нумидіи былъ не епископъ главнаго города провинціи Цирты, а епископъ маленькаго городка Тигизиса. Въ этихъ двухъ провинціяхъ Нумидіи и Мавританіи утвердился указанный порядокъ можетъ быть и вслѣдствіе того, что здѣсь не было очень значительныхъ городовъ, такъ что и главные города этихъ провинцій ничѣмъ не отличались отъ прочихъ. Такое же устройство несомнѣнно было и въ Испаніи. Здѣсь на соборѣ Эльвирскомъ (305 г.) председательствуетъ епископъ Кадикса, какъ древнѣйшій по времени посвященія, причемъ ему уступаетъ первенство епископъ главнаго города — Кордовы ¹⁾. Этотъ порядокъ митрополическаго устройства, какой встрѣчаемъ въ Понтѣ, Нумидіи, Мавританіи и Испаніи, вель, разумѣется, къ тому, что кафедра митрополическая не была приурочена къ одному городу, а переходила изъ одного города въ другой. Этимъ достигалось уравниеніе между епископами: каждый изъ епископовъ рано или поздно могъ сдѣлаться митрополитомъ, но съ другой стороны митрополитъ, помѣщаясь въ какомъ нибудь глухомъ городкѣ, не совсѣмъ удобно могъ управлять прочими епископскими округами, и по необходимости бывалъ менѣе вліятельнымъ; быть можетъ, вслѣдствіе этого, указанное устройство съ теченіемъ времени вывелось изъ практики: митрополическую

¹⁾ Rothe. Op. cit. S. 351. 366 - 367.

власть. вездѣ стали приурочивать или къ кафедрѣ главнаго провинціального города или главнаго города въ имперіи, не говоря уже о столицѣ, гдѣ встрѣчаемъ такъ сказать высшихъ митрополитовъ.

V. Происхожденіе и характеристика древнѣйшихъ соборовъ.

Высшею формою церковнаго управленія II и III вѣка были соборы. Что такое соборы, это не требуетъ опредѣленія и поясненія. Соборы стоятъ въ самой тѣсной и неразрывной связи съ митрополическимъ институтомъ. Соборы явились, потому что въ церкви явился митрополическій институтъ и наоборотъ. Какая изъ этихъ двухъ формъ церковнаго управленія первичная, какая вторичная — трудно сказать. Развитіе этихъ двухъ формъ управленія идетъ параллельно, при чемъ одна форма въ своемъ развитіи опирается на другую. Невозможно представить себѣ ни митрополическаго института безъ соборовъ, ни соборовъ безъ митрополическаго института. Отъ этого исторія встрѣчаетъ ихъ появившимися одновременно, къ концу II-го вѣка. Въ нѣкоторыхъ церковно - историческихъ трудахъ высказывается мысль о томъ, что соборы всегда были въ церкви, но эта мысль не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія: ее могутъ высказывать только лица, не понимающія развитія церковно - историческаго движенія. — Какимъ образомъ митрополическій институтъ служилъ къ развитію соборной формы управленія, и наоборотъ соборная форма — развитію митрополическаго института, — это не трудно себѣ представить. Отдѣльныя группы церквей стали концентрироваться, въ ряду ихъ начали выдвигаться церкви съ особеннымъ значеніемъ и авторитетомъ, епископы этихъ послѣднихъ церквей чуть не на цѣлую голову стали выше рядовыхъ епископовъ, т.-е. получили значеніе митрополитовъ; но въ чемъ и когда яснѣе всего это могло выразиться? На соборѣ и только на соборѣ, потому что соборъ давалъ

возможность болѣе вліятельному епископу обнаружить свою вліятельность, поэтому-то соборъ сталъ такъ сказать органомъ митрополическаго института, коррелятомъ его. Итакъ: развивается митрополичество—и вслѣдъ за этимъ и соборная форма. — Съ другой стороны: появляются соборы, на нихъ собирается большее или меньшее число епископовъ, они постановляютъ такое или другое рѣшеніе, но кто же долженъ взять на себя заботу о приведеніи рѣшенія въ извѣстность, кто долженъ слѣдить за исполненіемъ постановленія? Возникаетъ потребность вручить эту власть кому-нибудь одному, какъ лицу отвѣтственному и въ то же время авторитетному, а такимъ лицомъ въ церковной сферѣ и становится со времени возникновенія соборовъ—именно митрополитъ. Такая-то тѣсная связь существуетъ между этими двумя важнѣйшими формами церковнаго управленія II и III вѣка — митрополическимъ институтомъ и соборами. Закройте соборы, не въ чемъ будетъ обнаруживаться митрополической власти, уничтожьте митрополическій институтъ, не станутъ соборы.

Прослѣдить происхожденіе соборовъ, какъ формы церковнаго управленія, довольно трудно. Нѣкоторые историки полагаютъ, что соборы впервые появляются въ Элладѣ, и отсюда уже заимствуется это учрежденіе и прочими церквями; а въ поясненіе этого предположенія говорятъ: въ Элладѣ отъ временъ ахейскаго союза удержался конфедеративный духъ, здѣсь въ главныхъ городахъ провинцій продолжали учреждаться собранія подъ предсѣдательствомъ римскаго намѣстника, эти собранія носили названія *συμβόλη*, *consilia*. Весьма вѣроятно, говорятъ намъ, что эти свѣтскія собранія свободной Греціи и послужили образцами для церковныхъ соборовъ, на это, пожалуй, указываетъ одинаковость именъ какъ элладскихъ свѣтскихъ собраній, такъ и христіанскихъ соборовъ¹⁾. Фактическое подтвержденіе для подобнаго мнѣнія хотятъ находить въ слѣдующихъ словахъ латинскаго писателя III вѣка Тертуліана: „въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Bickell. Geschichte des Kirchenrechts. B. I, Liefer. 2. Seit. 159—160. Frankf., 1849. Neander. Allgemeine Gesch. der Religion und Kirche. B. I, S. 113. Gotha, 1856.

мѣстахъ Греціи (per Graecias) собираются соборы во имя всѣхъ церквей. Здѣсь сообща разсуждается о важнѣйшихъ предметахъ. Это явленіе доставляетъ великую славу имени христіанскому¹⁾. Но разсматриваемое мнѣніе не заслуживаетъ особеннаго вниманія; ни откуда не видно, чтобы Эллада временъ христіанскихъ стояла впереди другихъ странъ, служа для послѣднихъ образцемъ и руководителемъ. Да такое объясненіе и совершенно излишне. Безъ всякихъ остатковъ конфедеративнаго духа соборы могли возникнуть изъ естественныхъ и живыхъ потребностей самой церкви. При всякомъ избраніи новаго епископа собирались сосѣдніе епископы;—собралось нѣсколько епископовъ по поводу избранія новаго епископа: что удивительнаго, если они кстати начинаютъ обсуждать какіе нибудь другіе вопросы церковной практики? А вѣдь это и могло стать подготовленіемъ къ соборной формѣ управленія церковію. Независимо отъ того: мало ли могло встрѣчаться вопросовъ, напримѣръ, по поводу ереси монтанизма, о празднованіи Пасхи (въ какое время ее справлять)—вопросовъ трудныхъ и серьезныхъ, рѣшать которые требовалось общими усиліями, общимъ голосомъ; а это само собой условливало нужду собранія пастырей, нужду въ соборахъ²⁾. Да и вообще, кажется, по самой своей природѣ человѣкъ весьма склоненъ къ взаимообщенію при обсужденіи и рѣшеніи болѣе важныхъ вопросовъ: посовѣтоваться съ другимъ каждый любитъ. Эта чисто-человѣческая черта естественно наводила на мысль древне-христіанскихъ пастырей о собраніи соборовъ, сначала изъ немногихъ членовъ, а потомъ и изъ очень многихъ. Что касается фактическаго основанія, на которое ссылаются защитники мнѣнія о происхожденіи соборовъ изъ подъ вліянія совѣщательныхъ собраній Эллады и которое (основаніе) находятъ у Тертуліана въ вышеприведенныхъ его словахъ, то оно не имѣетъ того значенія, какое придаютъ ему. Если, по свидѣтельству Тертуліана, соборы начали свое бытіе въ Греціи (per Graecias), то конечно онъ здѣсь разумѣетъ не собственно

¹⁾ De jejuniis, cap. 13.

²⁾ И дѣйствительно по поводу сейчасъ указанныхъ вопросовъ имѣли мѣсто соборы въ 60—70 годахъ II вѣка.

Элладу, но всю греческую половину имперіи въ противоположность латинскому Западу, словомъ: говорить о восточной церкви ¹⁾, Понятая же въ этомъ смыслѣ, указанная мысль Тертулліана будетъ вполне справедлива: дѣйствительно соборы впервые появились въ греческой половинѣ имперіи на Востокѣ. Востокъ нужно считать настоящимъ мѣстомъ зарожденія института соборовъ, а отсюда соборы, обычай собирать ихъ, перешли на Западъ ²⁾. Замѣчательно, первые соборы на Западѣ встрѣчаемъ не въ другомъ какомъ мѣстѣ, а именно въ Галліи, а галльская христіанская церковь, какъ извѣстно, представляла собой колонію, для которой митрополіей (въ общемъ смыслѣ этого слова) была Малоазійская христіанская община: Галльская церковь—дщерь восточной Малоазійской церкви ³⁾.

¹⁾ Rothe. Vorlesungen über Kirchengesch. und Geschichte des kirchl. Lebens. B. I, 381.

²⁾ Ibidem. S. 198. 381.

³⁾ Недавно появилась новая теорія возникновенія соборной дѣятельности въ христіанствѣ, принадлежащая нѣмецкому ученому Любеку. Она состоитъ въ слѣдующемъ: соборная дѣятельность церкви II и III вѣка развилась отчасти въ подражаніе, отчасти въ противодѣйствіе такой же дѣятельности языческаго характера. Въ разъясненіе теоріи Любекъ говоритъ: въ язычествѣ, въ особенности на Востокѣ, въ Малой Азіи появляется религиозный культъ въ честь римской власти вообще, а впоследствии въ честь римскаго цезаря, т.-е. императора въ особенности. Въ значительнѣйшихъ городахъ Востока были устроены храмы, въ которыхъ совершалось богослуженіе въ честь императора; отправленіе этого культа возложено было на верховнаго жреца, состоящаго при этомъ храмѣ. Подъ предѣлательствомъ этого-же жреца происходили въ важнѣйшихъ городахъ ежегодныя собранія или соборы (*συνόδον*,—*συνωδος* даже съ прибавленіемъ *αὐλας*); на эти соборы собирались депутаты изъ городовъ, принадлежащихъ къ извѣстной провинціи. На собраніяхъ обсуждался вопросъ о матеріальныхъ средствахъ для поддержанія храма, о раскладкѣ податей на ближайшій годъ, рѣшался вопросъ о выборѣ верховнаго жреца, о чествованіи окончившаго службу проконсула, здѣсь же составлялись жалобы къ императору на недостойнаго проконсула, разбирались вообще внутреннія дѣла провинціи. По мнѣнію Любека, по подражанію этимъ соборамъ возникли христіанскіе соборы, которые и стали собираться въ тѣхъ именно городахъ, гдѣ процвѣталъ опасный для христіанъ языческій культъ цезаря. (Lübeck. Reichseintheilung und kirchliche Hierarchie des Orients bis zum Ausgange des IV Jahrh. S. 32 u. s. w. Münster. 1901). Но эта теорія неосновательна. Нѣтъ сходства между предѣлательствомъ языческаго собранія, верховнымъ жрецомъ и предѣлательствомъ христіанскаго собора — епископомъ (митрополитомъ), ибо жрецъ тотъ избирался только на годъ, а епископъ на всю жизнь. Далѣе, случайные депутаты изъ городовъ ни чутъ не похожи на членовъ христіанскихъ соборовъ, ибо таковыми членами были епископы (т.-е. съ точки зрѣнія языческой—жрецы). Предметы соборныхъ разсужденій на собраніяхъ христіанскихъ и языческихъ не имѣютъ почти ничего общаго. Серьезныхъ доказа-

Время первых извѣстныхъ намъ соборовъ падаетъ на вторую половину II вѣка и первую половину III-го, что зависѣло отъ благоприятныхъ обстоятельствъ въ положеніи церкви. Со времени императора Коммода до Декія церковь пользовалась сравнительнымъ миромъ, поэтому она свободно могла работать надъ развитіемъ своего устройства. Не возбуждая подозрѣнія правительства, пастыри могли съѣзжаться для соборовъ. Такимъ образомъ миръ церкви указанного времени весьма много способствовалъ происхожденію и развитію соборной системы управленія церковію. Впрочемъ, кажется, появленіе соборовъ въ церкви, представляясь для нѣкоторыхъ нововведеніемъ, встрѣчаетъ себѣ оппозицію, такъ что Тертуллианъ находитъ себя призваннымъ защищать это церковное учрежденіе¹⁾. Но голосъ церкви повсюду высказывалъ себя въ пользу соборовъ и соборы входятъ во всеобщую практику.

Нѣкоторые изъ древнихъ соборовъ были очень просты, они носили характеръ дружественнаго собесѣдованія пастыря съ пасомыми. Нужно думать, что это было общимъ типомъ болѣе раннихъ соборовъ, немногочисленныхъ по числу членовъ и недостаточно еще организованныхъ. Таковы, на примѣръ, тѣ соборы II вѣка, о какихъ упоминаетъ Евсевій. Одинъ писатель изъ епископовъ у Евсевія (V, 16), рассказывая о своей борьбѣ съ монтанистами, такъ описываетъ собраніе, въ которомъ происходило это дѣло: „посѣтивъ Анкиру въ Галатіи и нашедши, что понтійская церковь оглушена крикомъ о появленіи новыхъ пророковъ — или лучше сказать лжепророковъ—монтанистовъ,—я сколько могъ бесѣдовалъ въ церкви въ теченіе многихъ дней и разсматривалъ, какъ это, такъ и все другое, что мнѣ предлагали“. Съ такимъ же простымъ характеромъ встрѣчаемъ соборы иногда и въ болѣе позднее время, на прим., въ III вѣкѣ.

тельствъ для своей теоріи Любекъ не приводитъ. Общаго между „соборами“ языческими и христіанскими только то, что тамъ и здѣсь собирались лица, облеченныя полномочіями и—разсуждали. Профессоръ А. Гарнакъ скептически отнесся къ теоріи Любека. (Harnack. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten 3 Jahrhund. S. 340. Leipzig, 1902).

¹⁾ *Ista solennia, quibus tunc praesens patrocinator est sermo. (De jejuniis, cap. 13).*

Такимъ представляется соборъ, бывшій въ мѣстечкѣ Арсиноя, въ Египтѣ, при епископѣ Діонисіѣ Александрійскомъ, по поводу хилиастическихъ идей о будущемъ тысячелѣтнемъ чувственномъ царствованіи Христа съ вѣрующимъ, — идей епископа Непота. Діонисій говоритъ о себѣ (у Евсевія VII, 24): „я созвалъ пресвитеровъ, тамошнихъ учителей и братій и убѣждалъ ихъ изслѣдовать указанное ученіе всенародно. Тогда я изслѣдовалъ, говоритъ онъ, книгу Непота, въ которой раскрывалось хилиастическое ученіе и я сидѣлъ съ ними, стараясь разобрать ея содержаніе“. Таковъ простѣйшій видъ соборовъ, но обыкновенно соборы представляли собой торжественныя собранія епископовъ, которые и были на нихъ лицами рѣшающими дѣло ¹⁾. Соборы этого послѣдняго характера собирались сначала нерегулярно, т.-е. не въ определенное время, а смотря по надобности и требованію обстоятельствъ. Но затѣмъ они становятся регулярными, т.-е. они созываются уже разъ или же два раза въ годъ для обсужденія болѣе важныхъ дѣлъ церковныхъ. Объ однократныхъ соборахъ, регулярно созываемыхъ ежегодно изъ епископовъ даннаго церковнаго округа, упоминаетъ Фирмилианъ епископъ Кесаріи Каппадокійской въ срединѣ III вѣка ²⁾, а о двукратныхъ дѣлаютъ упоминанія такъ называемыя правила (37) апостольскія. На востокѣ обыкновенно созывать соборы правильно—разъ или два въ году появляется раньше, чѣмъ на Западѣ. На Западѣ же, даже въ Африкѣ, гдѣ соборная система была очень развита, соборы созывались не регулярно, а смотря по надобности, такъ было въ III-мъ вѣкѣ при Кипріанѣ. Кромѣ небольшихъ соборовъ, членами которыхъ чаще всего были епископы данной церковной провинціи т. е. митрополіи, не рѣдко созывались соборы, членами которыхъ были епископы не одной, а нѣсколькихъ митрополій, соборы многочисленные по количеству членовъ. Таковы, наприм., были соборы противъ епископа Павла Само-

¹⁾ Протестантскій историкъ Rothe говоритъ, что пресвитеры на соборахъ имѣли лишь совѣщательный голосъ (*votum deliberativum*), а епископы обладали рѣшающимъ голосомъ (*decisivum*). *Vorlesungen über Kirchengeschichte u. s. w.* B. I. S. 386.

²⁾ Письмо Фирмилиана къ св. Кипріану. См. Твор. К-ріана въ рус. пер. Т. I, стр. 376. Кіевъ, 1891.

сатскаго въ Антиохіи. Такихъ соборовъ для обсужденія ученія и поведенія Павла было три. Соборы противъ Павла были въ нѣкоторомъ родѣ соборами вселенскими, потому что по дѣлу Павла выражали свой голосъ всѣ важнѣйшіе іерархіи церкви: епископы римскій, александрійскій и пр. Даже самъ языческій императоръ Авреліанъ беретъ на себя обязанность привести въ исполненіе опредѣленія соборовъ противъ Павла (Евсев. VII, 30). Вселенскіе соборы обыкновенно отличаютъ отъ другихъ многочисленныхъ, по составу членовъ, соборовъ, по тому признаку, что опредѣленія вселенскихъ входятъ въ число государственныхъ законовъ. Если такъ, то соборы противъ Павла Самосатскаго имѣютъ пожалуй и этотъ признакъ, такъ что мы можемъ назвать ихъ соборами вселенскими до вселенскихъ соборовъ. Почему и не такъ?

Соборы II и III вѣка были важнѣйшими органами церковнаго управленія. Нельзя строго опредѣлить: какіе именно вопросы собственно и исключительно подлежали ихъ вѣдѣнію. Кажется, всѣ безъ исключенія религіозные вопросы могли быть предметомъ соборныхъ обсужденій.

Соборы этого времени представляютъ величественный, привлекательный, свѣтлый образъ въ тогдашней церкви. Все, что можно находить достопочтеннаго и исполненнаго глубокаго значенія въ соборахъ вообще—все это можно находить въ соборахъ II и III вѣка. Это чистѣйшій типъ истинно-христіанскаго управленія церковію.

Соберемъ общія черты для характеристики соборовъ II и III вѣка въ ихъ церковной дѣятельности. Эта характеристика должна показать намъ все величіе этого института.—Прежде всего мы должны отмѣтить необыкновенную ревность самихъ епископовъ, которые не рѣдко собирались въ большомъ числѣ (напр., на одномъ соборѣ римскомъ III вѣка было до 60 епископовъ¹⁾; на одномъ кареагенскомъ соборѣ—85 епископовъ)²⁾ и которые, случалось, пріѣзжали изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Напримѣръ, въ Антиохію для

¹⁾ Евсевія, VI, 43.

²⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. I, 120. Freib. 1873.

разсмотрѣнія дѣла Павла Самосатскаго, епископа антиохійскаго, собрались епископы не только изъ одной области антиохійской, но прибыли епископы Іерусалимскій съ кесарійскимъ, епископъ Востры аравійской; отдаленный Понтъ имѣлъ также здѣсь своихъ представителей; такъ былъ по этому случаю въ Антиохіи Фирмилианъ, епископъ Кесаріи Каппадокійской, человѣкъ престарѣлый (Евсев. VII, 28). Фирмилианъ послѣ перваго собора на Павла, на которомъ этотъ сѣумѣлъ оправдаться, не считаетъ для себя обременительнымъ еще разъ ѣхать на второй соборъ по поводу того же Павла. И только смерть помѣшала Фирмилиану отправиться и въ третій разъ въ Антиохію для того же дѣла (Евсев. VII, 30). Пріѣхавши на соборъ, отцы собора занимаются дѣломъ съ крайнею внимательностію, съ великою ревностію изслѣдуютъ его. Евсевій говоритъ, объ отцахъ, собиравшихся для суда надъ Павломъ, что они „въ разное время и часто сходились въ одно мѣсто и въ каждомъ засѣданіи разсматривали отдѣльный вопросъ“ (Евс. VII, 28). Діонисій александрійскій свидѣтельствуетъ о себѣ, что на соборѣ III вѣка по поводу епископа Непота онъ оставался въ Арсиноѣ *три дня, ежедневно съ утра до вечера бесѣдуя съ приверженцами ученія Непотова* (Евс. VII, 24).

Члены соборовъ пользовались полною свободою высказывать свои мнѣнія касательно даннаго вопроса. Кипріанъ, созвавъ соборъ въ 256 году по вопросу о крещеніи еретиковъ, такъ говорилъ членамъ его, епископамъ: „теперь остается, чтобы каждый изъ васъ объявилъ, что думаетъ объ этомъ предметѣ, никого при томъ не осуждая, и не подвергая отлученію того, кто думаетъ иначе“¹⁾. На ту же свободу выражать свое мнѣніе, какой пользовались епископы на соборахъ, при чемъ они не терпѣли никакого сторонняго понужденія или стѣсненія, обладая полною равноправностію, указываютъ еще слѣдующія слова Кипріана, съ которыми обращается онъ къ отцамъ того же собора: „никто изъ насъ не считаетъ себя епископомъ епископовъ, никто страхомъ

¹⁾ Hefele. В. I. S. 120. Творенія Кипріана. Т. I, стр. 349. (Пис. къ Юбаяну).

не принуждаетъ, какъ тиранъ, своихъ товарищей слѣдовать своему мнѣнію, потому что всякій епископъ въ силу своей свободы и власти имѣетъ собственное мнѣніе; и не можетъ быть судимъ другимъ епископомъ, равно какъ и самъ не можетъ судить другого“ ¹⁾). Весьма замѣчательно, что данное дѣло на соборѣ рѣшалось не личнымъ только авторитетомъ и волею епископовъ, но придавалось большое значеніе преніямъ. Пренія, кажется, составляли душу соборныхъ разсужденій и въ случаѣ, если сторона правая не защититъ въ нихъ своего дѣла, а сторона неправая ловко отстраняла возраженія и защищала себя, то соборъ, движимый чувствомъ истины, хотя и понималъ неправоту этой послѣдней стороны, однако удерживался отъ окончательнаго приговора. Это лучше всего можно видѣть на примѣрѣ Павла Самосатскаго. Противъ Павла собиралось въ одномъ и томъ же мѣстѣ и по одному и тому же случаю нѣсколько соборовъ—и тщетно; потому что этотъ еретикъ и нарушитель законовъ церковныхъ, пользуясь своимъ искусствомъ слова, и обладая тончайшей діалектикой—не разъ заставлялъ разойтись отцевъ собора, ничего не постановивъ противъ судимаго. Только тогда соборъ одержалъ верхъ надъ Павломъ, когда на сторонѣ собора нашелся тоже ловкій и искусный діалектикъ, пресвитеръ Малхіонъ, профессоръ софистическаго училища въ Антіохіи. Этотъ Малхіонъ побѣдоносно опровергъ Павла: діалектикъ Павловой противопоставилъ свою діалектику, поставилъ Павла въ замѣшательство и уличилъ его въ лжеученіи. Только послѣ этого опроверженія Павла Малхіономъ соборъ положилъ осудить его, хотя, конечно, соборъ съ первыхъ же словъ этого послѣдняго понималъ, что подсудимый не правъ (Евсев. VII, 29). Какое громадное значеніе на соборахъ придавалось диспутамъ, это еще можно видѣть изъ исторіи двухъ соборовъ въ Аравіи въ III вѣкѣ. Епископъ Вострійскій Вирилъ былъ еретикомъ-монархіаниномъ и распространялъ свое лжеученіе. Нужно было созвать соборъ, и онъ созванъ. Но для отцевъ его казался недо-

¹⁾ Hefele. Ibid. (Binii. Concilia. Tom. I, p. 179). Твор. Кипріяна. I, 331 (Пис. къ Стефану).

статочнымъ ихъ простой епископскій авторитетъ въ судѣ надъ Вирилломъ. Они выписываютъ для защиты своихъ воззрѣній и для опроверженія Вирилла знаменитаго оратора и ученаго того времени Оригена. Успѣшный диспутъ Оригена съ Вирилломъ приводитъ къ тому, что еретикъ отказывается отъ своихъ мнѣній (Евсев. VI, 33). Тоже самое повторилось и при другомъ случаѣ въ Аравіи. Здѣсь явились еретики, которые утверждали, что душа по смерти тѣла разрушается и уничтожается, но что она снова оживетъ, когда воскреснетъ тѣло. Собрался соборъ. Но опять соборъ для большей вѣрности въ достиженіи цѣли нуждается въ хорошемъ адвокатѣ и ораторѣ, и такимъ снова былъ славный диспутантъ Оригенъ (Евс. VI, 37). Вся остальная церковь не лишена была возможности судить: правильно ли рѣшено дѣло на соборѣ, на какихъ основаніяхъ поступлено такъ, а не иначе. Ибо препія многихъ соборовъ тщательно записывались стенографами, составлялись протоколы, которые и публиковались для общаго свѣдѣнія. Это извѣстно о соборѣ противъ Павла Самосатскаго, на которомъ диспутировалъ Малхіонъ, также объ одномъ соборѣ въ Аравіи, на которомъ такъ побѣдоносно выступаетъ Оригенъ ¹⁾. Тоже извѣстно о другихъ соборахъ ²⁾. Слѣдовательно, и вся остальная церковь, по окончаніи даннаго собора, на основаніи протоколовъ могла составлять свое собственное самостоятельное сужденіе, по извѣстному вопросу.

Какъ на замѣчательную черту, опредѣлявшуюся свободю преній, можно указать на то, что отцы собора подчасъ не считали униженнымъ для себя кой-отъ чего отказываться изъ своихъ мнѣній, если оппонирующая сторона доказываетъ неправоту этихъ мнѣній. Въ этомъ отношеніи достопамятно свидѣтельство Діонисія александрійскаго объ его диспутѣ на соборѣ съ приверженцами ученія Непотова. Діонисій съ полной искренностію заявляетъ о себѣ послѣ собора вотъ что: „принятыхъ нами мнѣній мы не защищали съ упорствомъ и настойчивостію, если они не оказывались

¹⁾ Евсевія. VI, 33. VI, 29.

²⁾ Наприм., о соборѣ Кареагенскомъ 256 г. и Нумидійскомъ соборѣ въ 305 г. (въ гор. Циртѣ).

вѣрными; мы не стыдились также перемѣнить свой взглядъ и согласиться съ другими, если требовалъ того разсудокъ, но добросовѣстно и безъ притворства, съ отверстыми Богу сердца́ми принимали то, что подтверждалось доводами и изреченіями Писанія“ (Евсев. VII, 24). Значить, отцы являлись на соборъ безъ всякихъ предвзятыхъ намѣреній, и оппозиціонная сторона разсматривалась, какъ полноправная, съ которою слѣдовало спорить, подчасъ и соглашаться, а не осуждать ее безапелляціонно. Такая простота церковныхъ нравовъ возможна была только въ первыя столѣтія, въ періодъ заріи церкви христіанской.

Наконецъ, мы должны указать на особенно мягкое, гуманное отношеніе соборовъ къ тѣмъ лицамъ, которыя подлежали ихъ суду. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ на отношенія собора къ епископу Павлу Самосатскому? Въ чемъ только не былъ виновенъ онъ: въ корыстолюбіи, въ неаппетитномъ управленіи подчиненнымъ духовенствомъ, во властолюбіи, въ неуваженіи къ status quo церковнаго богослуженія и чуть не въ прелюбодѣянніи—и однакожъ соборъ медлитъ осудить его, произнести отлученіе на него, пока еще не было доказано, что онъ еретикъ. (Евсев. VII. 30). Или: что можетъ сравниться съ исполненными любви отношеніями на соборѣ со стороны Діонисія александрійскаго къ епископу Непоту, виновнику раскола, уже умершему. Діонисій употребляетъ всѣ усилія на опроверженіе ложныхъ мнѣній Непота о грядущемъ тысячелѣтнемъ чувственномъ царствѣ Христовомъ,—мнѣній заключавшихся въ одномъ сочиненіи этого епископа; и однакожъ, что касается личности Непота, то Діонисій не только не поражаетъ этого епископа проклятіемъ, напротивъ весьма сочувственно отзываясь о немъ: „я люблю и одобряю Непота за все остальное—говоритъ Діонисій—за его вѣру и трудолюбіе, за его ревностное занятіе свящ. писаніемъ, за множество духовныхъ его пѣсней, которыми и донинѣ услаждаются многіе изъ братій“. (Евсев. VII, 24).

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ, указанныхъ нами, качествъ соборовъ II и III в. было то, что дѣятельность ихъ была весьма благотворна для церкви: соборъ противъ епископа Вирилла монархіанина кончился торжествомъ православія надъ

ересью и обращеніемъ къ истинѣ самого еретика; соборъ Аравійскій противъ думавшихъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и съ нимъ же въ послѣдствіи снова воскреснетъ, соборъ этотъ при содѣйствіи Оригена не остается безъ желаннаго успѣха; а Діонисій александрійскій съ радостію говоритъ, что его диспуты съ послѣдователями Непотова ученія увѣнчались побѣдой истины надъ заблужденіемъ и пр. и пр. Соборы—замѣтимъ еще—были весьма важны въ томъ отношеніи, что они служили къ развитію и укрѣпленію идеи единства церкви въ мірѣ христіанскомъ.

VI. Патріаршая система церковнаго управленія и ея происхожденіе.

Переходимъ къ исторіи церковнаго управленія отъ IV по IX вѣкъ.

Церковное управленіе въ IV-омъ и дальнѣйшихъ вѣкахъ древней церкви претерпѣваетъ многія и существенныя измѣненія, выразившіяся въ дальнѣйшей централизаціи іерархической власти. Правда, сохранились въ принципѣ всѣ прежнія формы церковнаго управленія: епископы удерживали ту же власть, какою обладали и прежде; сохранилась во всей силѣ и митрополическая система, собирались на прежнихъ основаніяхъ соборы помѣстные подъ руководствомъ митрополитовъ—все это сохранило въ существѣ дѣла прежній строй, а потому говорить о положеніи этихъ формъ церковнаго управленія не стоитъ надобности. Можно было-бы пожалуй сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, каснувшихся митрополическаго института: указать на то, что рядомъ съ митрополитами дѣйствительными, по разнымъ обстоятельствамъ появились митрополиты титулярные (такъ епископъ Халкидонскій послѣ вселенскаго собора этого имени въ виду важности указаннаго собора получилъ титулъ митрополита); или разъяснить, какъ поступала церковь въ томъ случаѣ, когда политическая система управленія, въ тѣсной связи съ которой возникло и

развилося митрополичество, видоизмѣнялась, отступая отъ прежнихъ началъ и основаній, какъ приспособлялась церковь къ этимъ новымъ явленіямъ при существенномъ желаніи—не измѣнять добытыхъ церковною исторіею формъ и отношеній и т. д. Но всѣ эти и подобные вопросы недостаточно важны и интересны, чтобы останавливаться на нихъ нашимъ вниманіемъ. Мы намѣрены вести рѣчь лишь о крупныхъ многозначительныхъ и исторически—очень важныхъ измѣненіяхъ въ церковномъ управленіи. Такъ извѣстно, что рядомъ съ прежними формами церковнаго управленія (епископіей и митрополичествомъ) развились и утвердились въ церкви съ IV вѣка новыя формы, настолько новыя, что онѣ кладутъ сильный отпечатокъ на всемъ ходѣ церковныхъ дѣлъ. Разумѣемъ патріаршества и вселенскіе соборы: тѣ и другія являются въ исторіи, облеченными высшею церковною властію. Патріаршество есть дальнѣйшее развитіе прежней митрополической системы, а вселенскіе соборы—дальнѣйшее развитіе прежней системы соборовъ.

Скажемъ сначала о происхожденіи патріаршествъ.—Уже въ первые три вѣка проявляется въ церкви сильное стремленіе къ централизаціи. Важнѣйшимъ актомъ такой централизаціи было митрополическое устройство. Дальнѣйшимъ актомъ той-же централизаціи въ IV и V вѣкахъ были патріаршества. Въ эпоху II-го и въ особенности III вѣка митрополитовъ было много; вѣроятно, столько-же, сколько и гражданскихъ митрополій или что то-же главныхъ городовъ провинцій. Но ихъ, митрополитовъ, конечно, было менѣе, чѣмъ простыхъ епископовъ. Слѣдовательно въ лицѣ митрополитовъ церковь начинаетъ централизоваться около извѣстныхъ епископскихъ каедръ высшаго ранга, каедръ митрополическихъ, но нѣкоторыя изъ этихъ каедръ митрополическихъ выдвигаются изъ ряда прочихъ, возвышаются на счетъ другихъ такихъ же митрополическихъ каедръ, получаютъ преимущественное и начальственное по отношенію къ нимъ значеніе. Эти каедры и суть каедры патріаршія, такихъ каедръ, какъ извѣстно насчитываютъ пять. Такимъ образомъ въ появленіи патріаршихъ каедръ нужно видѣть дальнѣйшій шагъ на пути церковной централизаціи. Ибо

патріарховъ какъ заправителей дѣлъ церковныхъ, было еще менѣе, чѣмъ митрополитовъ. Патріархи—это есть проявленіе роста іерархіи въ высоту. Указанная централизація условливалась главнымъ образомъ тѣмъ, что хотѣли сколько возможно установить единство и единообразіе въ теченіи церковныхъ дѣлъ. Власть патріаршую коротко можно опредѣлить такъ: какъ митрополитъ выше епископа, такъ патріархъ выше митрополита. Между патріархами и подчиненными ему митрополитами, принадлежащими къ его округу, устанавливались такія же отношенія, какія между митрополитами и простыми епископами: патріархъ посвящалъ всѣхъ митрополитовъ своего округа, имѣлъ надзоръ за ихъ дѣятельностію, и въ случаѣ отступленія ихъ отъ церковныхъ правилъ, призывалъ ихъ къ суду, принималъ апелляціи на судъ митрополитовъ, предсѣдательствовалъ на окружномъ соборѣ, на которомъ присутствовали прочіе митрополиты его области и т. д. Почти вся церковь съ ея областями постепенно раздѣлилась между пятью патріархами, какъ высшими блюстителями надъ древне-христіанскимъ міромъ.

Патріаршества возникли очень просто. Между множествомъ митрополическихъ каедръ нѣкоторыя, немногія, выделяются теченіемъ исторіи изъ ряда другихъ, становятся во главѣ ихъ, въ качествѣ каедръ патріаршихъ. Разъяснимъ исторію образованія патріаршествъ.

Изъ пяти патріаршествъ нѣкоторыя, именно: Іерусалимское и Константинопольское возникаютъ на глазахъ исторіи, т. е. историкъ наблюдаетъ, какъ камень за камнемъ кладется въ воздвигающееся зданіе этихъ двухъ патріаршествъ. Нельзя того-же сказать объ остальныхъ патріаршествахъ: Римскомъ, Александрійскомъ и Антиохійскомъ. Исторія почти не видитъ, какъ мало-по-малу сложились эти патріаршества; она застаётъ ихъ уже сложившимися. Церковное законодательство IV и V вѣка не учреждаетъ ихъ, но разсматриваетъ, какъ фактически существовавшія и только подтверждаетъ ихъ права.

На первомъ вселенскомъ соборѣ 325 г., на которомъ впервые идетъ рѣчь о власти патріаршей, упоминается о патріархатахъ: римскомъ, александрійскомъ, антиохійскомъ,

какъ учрежденіи, уже сложившемся и не нуждающемся ни въ какихъ новыхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Въ 6-мъ правилѣ Никейскаго собора читаемъ: „да соблюдаются древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ (все это одна патріаршая область), дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими; понеже и римскому епископу сіе обычно (т. е. имѣть власть надъ многими областями), подобно въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества (προσέλα) церквей“ (т. е. что одинъ изъ епископовъ долженъ имѣть смотрѣніе надъ многими заразъ церковными областями). Это правило, какъ видимъ поименовываетъ епископовъ: александрійскаго, римскаго и антиохійскаго, какъ іерарховъ, имѣвшихъ начальственный надзоръ за многими митрополическими округами, а это и есть выраженіе власти патріаршей. Правда, здѣсь не встрѣчается именъ: патріархъ и патріаршество, но они и вообще не встрѣчаются на вселенскихъ соборахъ до вселен. Халкидонскаго собора V-го вѣка ¹⁾). Правило приведенное выше гласитъ: „да соблюдаются древніе обычаи“, значить соборъ смотритъ на указанныхъ епископовъ, какъ на высшихъ іерарховъ, достигшихъ подобной власти раньше того. Замѣчательно: дальнѣйшее законодательство ничего болѣе того, что сказано въ этомъ правилѣ, не опредѣляетъ о патріаршей власти епископовъ: римскаго, александрійскаго и антиохійскаго. Все это показываетъ, что эпоха никейскаго собора разсматривала эти патріаршества, какъ вполне организованныя еще до этого времени.

И въ самомъ далѣ, каждый изъ этихъ епископовъ съ давнихъ временъ пользовался такимъ высокимъ авторитетомъ и такою широкою властію въ церкви, что законодательству оставалась только утвердить то, что выработала сама исторія. Каждое изъ этихъ—назовемъ такъ—патріаршествъ уже создано ранѣ IV вѣка, хотя имя „патріархъ“ и присвоено этимъ іерархамъ уже позднѣе. Посмотримъ,

¹⁾ Здѣсь уже употребляются наименованія: патріархъ, патріархи—въ нашемъ смыслѣ. Mansi. Concilia. Tom. VI, p. 953. Дѣян. всел. соб. въ русск. пер. Т. III, стр. 229 слѣд. 207. 2-е изд.

какою властію, какимъ значеніемъ пользовался каждый изъ этихъ іерарховъ съ болѣ раннихъ временъ и мы увидимъ, что они пожалуй были патріархами, прежде чѣмъ въ сознаніи церковномъ родилась и созрѣла идея патріаршества, или лучше сказать: идея патріаршества потому явилась, что уже фактически патріаршества существовали. Исторія на этотъ разъ упредила законодательство, какъ это и часто бываетъ.

Говоримъ: три перечисленные епископы съ давнихъ временъ пользовались значительною властію и авторитетомъ и притомъ надъ болѣ или менѣ обширными областями. И это доказать нетрудно. Начнемъ съ епископа римскаго. О римскомъ епископѣ и римской церкви съ глубокимъ почтеніемъ отзываются первѣйшіе церковные писатели древности. Приней Ліонскій II вѣка называетъ римскую церковь: *maxima, gloriosissima*¹⁾. Кипріанъ Карфагенскій III в. величаетъ ее высокими именами: *ecclesia principalis, ecclesiae catholicae radix et matrix*²⁾. Тертуллианъ ставитъ римскую церковь во главѣ всего западнаго христіанства; онъ говоритъ: „если ты находишься вблизи Италіи, то для тебя долженъ служить авторитетомъ Римъ, который авторитетъ и для насъ“ (т. е. сѣверо-африканцевъ)³⁾. Даже въ вѣкѣ мужей апостольскихъ авторитетъ римской церкви стоялъ очень высоко. Игнатій Антиохійскій въ посланіи къ римлянамъ (*initium*) называетъ римскую церковь „предсѣдательствующую въ столицѣ, богодостойною, первенствующею въ любви, христонменитою, отценменитою“. Такіе эпитеты, какъ „первенствующая“ указываетъ на особенныя отличія этой церкви. Факты историческіе подтверждаютъ, что дѣйствительно вліяніе римской церкви еще до IV в. простиралось очень далеко, заходило даже за предѣлы запада. Такъ Климентъ римскій, начала II в., пишетъ внушительное посланіе къ коринѳянамъ. Епископъ римскій Корнелій, III в., имѣетъ возможность по вопросу о римскомъ расколѣ того времени—

1) Противъ ересей, кн. III. гл. 3 § 2.

2) Эпитеты собраны у Bickell. *Gesch. des Kirchenrechts*. 1 B. 2 Liefer. S. 203. Frank. 1849.

3) *De praescriptione*, cap. 36.

новаціанствѣ собрать благопріятные ему голоса, какъ онъ самъ заявляетъ, ото всѣхъ епископовъ Италіи, Африки и окрестныхъ странъ (Евсевій, VI, 43). Діонисій епископъ коринѳскій свидѣтельствуєтъ, что матеріальныя благодѣянія Рима простирались на всѣхъ братіи (Евсев., IV, 23). Римъ, наконецъ, еще до эпохи Никейской имѣлъ зависимыхъ отъ него митрополитовъ — признакъ патріаршій. Именно—митрополиты Арльскій (въ Галліи), а также, можетъ быть и Ліонскій, и Эльвирскій (въ Испаніи) сносились съ епископомъ римскимъ, какъ своимъ главой ¹⁾. Опредѣленія собора Арльскаго 314 года отцы этого собора отъ лица Арльскаго епископа Марина посылаютъ папѣ Сильвестру въ надеждѣ, что папа своею властію сдѣлаєтъ то, что на будущее время всѣ станутъ сохранять постановленное на соборѣ ²⁾. Ко времени Никейскаго собора округъ патріаршій, подлежащій вѣдѣнію римскаго епископа, еще точно не опредѣлился. Но во всякомъ случаѣ этотъ епископъ простираетъ уже и въ это время свое вліяніе на всю Италію, а съ теченіемъ времени вліянію римскаго епископа, какъ патріарха, подчиняется болѣе или менѣе весь Западъ ³⁾.

Обращаемся къ изученію историческаго положенія епископа Александрійскаго. Епископу этому издавна, еще до времени Никейскаго собора, принадлежала верховная власть надъ всѣмъ Египтомъ съ Ливією и Пентаполемъ — обширная область, онъ имѣлъ право посвящать епископовъ для всѣхъ этихъ странъ безъ исключенія ⁴⁾. Значитъ онъ стоялъ выше всѣхъ епископовъ мѣстныхъ. Какого нравственнаго значенія и авторитета достигли епископы александрійскіе въ эпоху доникейскую, объ этомъ лучше всего можетъ засвидѣтельствовать примѣръ Діонисія еписк. Александрійскаго, III вѣка. Діонисій по важнымъ вопросамъ времени писалъ самыя внушительныя письма не только въ свой Египетъ,

¹⁾ Bickell. Op. cit. 186—7. Hergenröther. Photius Patr. von Constantino-pol. B I, 28—29. Regensb., 1867.

²⁾ Bickell, ibid. Hefele. Conciliengeschichte. B. I, 202—203. Freib. 1873.

³⁾ Lübeck. Reichseintheilung und Hierarchie des Orients bis zum Ausgange des IV Jahr. S. 130—31. 134.

⁴⁾ Lübeck. Op. cit. S. 111. 120.

но и на весь Востокъ и на отдаленный Западъ. Епископы: римскій, антїохійскій и другіе выслушиваютъ его авторитетныя рѣчи. (Евсевія, VI, 44. 46. VII, 2). Еще до Никейскаго собора ему подчинены были митрополиты, какъ высшему іерарху, — признакъ патріаршества. Хотя на это и нѣтъ точныхъ указаній, но разсматриваемое явленіе есть дѣло естественное. Ибо невѣроятно, чтобы Египетскіе архіереи, которыхъ было до сотни, не были раздѣлены во взаимныхъ отношеніяхъ на ранги, чтобы не было между ними и митрополитовъ и простыхъ епископовъ. Нѣкоторые между Египетскими епископами и въ самомъ дѣлѣ были митрополитами. Такъ Мелетій Оивандскій еще до перваго вселенскаго собора имѣлъ такое іерархическое положеніе, которое можно сравнивать только съ митрополическимъ. Епифаній Кипрскій (IV в.) говоритъ о немъ: „Мелетій казался выше другихъ епископовъ Египетскихъ и занималъ въ архіепископїи (т.-е. въ Египетскомъ округѣ) *второе* мѣсто послѣ Петра епископа Александрійскаго, будучи какъ-бы его помощникомъ „¹⁾. Мелетій даже посвящалъ самостоятельно епископовъ, что однако возбуждало неудовольствіе въ іерархї Александрійскомъ²⁾. Какъ въ Оивандѣ, такъ и въ Ливїи съ Пентаполемъ безъ сомнѣнія тоже были митрополиты еще до Никейскаго собора³⁾. И слѣдовательно епископъ Александрійскій еще до Никейской эпохи имѣлъ верховенство надъ митрополитами, былъ патріархомъ. Патріархатъ Александрійскій заключалъ въ себѣ весь Египетъ съ его десятью провинціями, верхнюю и нижнюю Ливію, Пентаполь, верхнюю и нижнюю Оиванду⁴⁾. Говоря о патріархатѣ Александріскомъ, нужно замѣтить, что патріархъ этого города, можно сказать, ничего не приобрѣлъ съ появленіемъ системы патріарховъ, съ IV вѣка. Кругъ его іерархическаго надзора не расширился. Потому что онъ и прежде Никейскаго собора простиралъ свою власть и на Египетъ, и Пентаполь, и Ливію — словомъ на всѣ тѣ страны,

¹⁾ Ересъ 68, гл. 1.

²⁾ Тамъ же, гл. 3.

³⁾ Вопросъ о томъ, были ли митрополиты по власти въ этихъ двухъ послѣднихъ мѣстахъ, еще до никейскаго собора, обстоятельно изучаетъ Lübeck и рѣшаетъ его въ положительномъ смыслѣ. S. 120—2. 117—119.

⁴⁾ Hefele. Conciliengesch. B. I, 393 Hergenröther. Op. cit., S. 27—28.

которыя стали позднѣе принадлежать его вѣдѣнію въ качествѣ патриарха. Можно сказать, что вообще позднѣйшее возвышеніе епископа Александрійскаго—послѣ Никейскаго собора выразилось лишь въ почетныхъ титулахъ, какіе стали принадлежать ему наравнѣ съ другими патриархами. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Александрійскій патриархатъ *de facto* уже предшествовалъ по своему бытію разбираемому нами опредѣленію Никейскому.

Что касается Антиохіи, то и ея авторитетъ высоко стоялъ на горизонтѣ церковномъ еще до Никейскаго собора. На Востоку весьма рано, если нужно было составить опредѣленное мнѣніе о церковномъ вопросѣ, то справлялись, какъ смотреть на дѣло церкви Антиохійская. Ея значеніе усматривается въ той торжественности, съ какою въ III вѣкѣ судимъ былъ за разные поступки епископъ Антиохійской, Павелъ, называемый Самосатскимъ. Собранъ былъ можно сказать цѣлый вселенскій соборъ (Евсевія, VII, 27 — 30). И это понятно: всѣ хорошо знали, что дѣло касалось одного изъ первыхъ іерарховъ церкви. Антиохія была „одною изъ главъ церкви“ какъ и называлась антиохійская церковь ¹⁾. Въ подчиненіи антиохійскому іерарху еще до Никейскаго собора находились митрополиты: опять признавъ патриаршій, именно въ зависимости отъ него находился епископъ Кесаріи Палестинской, бывшій митрополитомъ всей Палестины ²⁾. Относительно Антиохійскаго патриархата нужно сказать, что разбираемое опредѣленіе Никейское очень выгодно отзывалось на власти предстоятеля антиохійскаго. До этого времени власть этого епископа въ качествѣ высшаго іерарха была не очень сильна; но послѣ этого опредѣленія область его вліянія расширилась, и самое вліяніе его стало рѣшительнѣе. Патриархатъ Антиохійскій впослѣдствіи былъ очень широкъ, онъ обнималъ Сирію, Финикію, Киликію, Аравію, Месопотамію ³⁾, даже страны внѣ римской имперіи: Персію и Мидію.

¹⁾ Васил. Великаго творенія. Томъ VI, 169 (письма). Изд. 1-е.

²⁾ Документальныя доказательства въ пользу этого приводятся у Lübeck'a. Op. cit. S. 137—138.

³⁾ Hefele. Op. cit. 393—4.

Итакъ патріархи: римскій, александрійскій и антиохійскій глухо и неясно утверждаютъ въ своихъ правахъ на первомъ вселен. соборѣ въ шестомъ правилѣ потому, что каждый изъ нихъ *de facto* уже до сего времени былъ патріархомъ или точнѣе сказать—обладалъ патріаршею властію. Соборъ этотъ только указываетъ и перечисляетъ уже сложившіяся патріаршества. Этимъ правиломъ собственно и ограничивается все церковное законодательство относительно этихъ патріаршествъ. Но соборъ Никейскій, такія высокія права, какія приписывались епископамъ римскому, александрійскому и антиохійскому, приписывалъ не однимъ этимъ іерархамъ. Подобно имъ, на томъ же Никейскомъ соборѣ предназначены въ такимъ же правамъ и нѣкоторые другіе іерархи, которые однако-жъ не были въ своей послѣдующей судьбѣ такъ счастливы, какъ вышеуказанные іерархи. Именно на соборѣ Никейскомъ въ 6 правилѣ послѣ исчисления вліятельнѣйшихъ іерарховъ—римскаго, александрійскаго и антиохійскаго, замѣчено было: „и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей“. Какія это церкви—соборъ прямо не упоминаетъ, но нѣтъ сомнѣнія, что этимъ церквамъ предназначались такіе-же права, какія принадлежали и епископамъ Рима, Александріи и Антиохіи, т.-е. права патріаршія. Какія же это были церкви или каѳедры? Разрѣшить вопросъ намъ помогаютъ правила II всел. собора. Соборъ этотъ въ правилѣ 2-мъ приводитъ тоже шестое правило Никейское, но съ нѣкоторыми дополненіями и поясненіями ¹⁾. Отсюда мы видимъ, что не упомянутыми прямо въ шестомъ Никейскомъ правилѣ, но подразумеваемыми здѣсь, каѳедрами патріаршими, были: Ефесская съ Азійскимъ округомъ въ тогдашнемъ узкомъ смыслѣ слова (Азія), Кесаріе-Каппадокійская съ Понтійскимъ округомъ и

¹⁾ Второе правило II всел. собора читается такъ: „областные епископы (т.-е. епископы діоцезовъ — *διοικησες*) не должны простираť своей власти на церкви, внѣ своихъ областей; но по правиламъ александрійскій епископъ долженъ управлять церковными дѣлами только въ Египтѣ, а епископы Востока (Антиохіи) начальствовать только въ восточной церкви, съ сохраненіемъ преимуществъ (*πρεσβείων*) церкви Антиохійской, утвержденныхъ Никейскими правилами (разумѣется 6 пр.); также епископы Азійской области да управляютъ церковію только въ Азіи, Понтійскіе только въ Понтійской области, и Фракійскіе—только во Фракіи.

Ираклія во Фракіи. Итакъ теперь ясно, что кромѣ Рима, Александріи и Антиохіи, на Никейскомъ соборѣ причислены были, безъ поименованія ихъ, къ патріаршимъ городамъ и нѣкоторые другіе города: т.-е. Ефесъ, Кесарія и Ираклія. Но спрашивается: почему эти послѣдніе города въ правилѣ Никейскомъ не упомянуты прямо? Конечно, можно пожалуй сказать, что 6 правило Никейское возникло по случайнымъ обстоятельствамъ и отцамъ собора для ихъ цѣлей не было надобности исчислять всѣхъ церквей съ патріаршимъ значеніемъ. Но такое объясненіе недостаточно. Можно съ большимъ правомъ утверждать, что соборъ Никейскій намѣренно умалчалъ о другихъ высшихъ іерархическихъ каедрѣхъ, поименовавъ только Римъ, Александрію и Антиохію. Не будетъ особенною смѣлостію утверждать, что Никейскій соборъ упомянулъ объ однѣхъ каедрѣхъ, что ихъ власть — дѣйствительный фактъ, не подлежащій сомнѣнію, а не упомянулъ онъ о другихъ каедрѣхъ потому, что высокое значеніе этихъ другихъ каедръ еще не достаточно выяснилось. Законодательство церковное, какъ мы выше замѣчали, держалось мудраго правила: оно санкціонировало то, что вошло въ практику церковную, что создалось теченіемъ исторіи, и что въ то же время приносило несомнѣнную пользу церкви. Смотри на дѣло съ этой точки зрѣнія, можно ли ожидать, что бы Никейскій соборъ прямо упомянулъ въ качествѣ патріаршихъ каедръ города Ефесъ, Кесарію Каппадокійскую и Ираклію? Нѣтъ, этого нельзя было ожидать. Потому что ни одинъ изъ этихъ городовъ до временъ Никейскаго собора по своему церковному значенію далеко не могъ равняться ни съ Римомъ, ни съ Александріей, ни съ Антиохіей. Соборъ Никейскій, выражаясь въ 6 своемъ правилѣ: „и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей“, — этимъ сказалъ только то, что если есть въ христіанскомъ мірѣ и другія церкви, которыя поднялись въ своемъ значеніи и имѣютъ надзоръ надъ многими областями, то и имъ должны принадлежать высшія права—патріаршія. Соборъ не хочетъ стѣснять хода развитія церковнаго управленія. Подъ это Никейское опредѣленіе еще не совсѣмъ подходили Ефесъ, Кесарія и Ираклія временъ Никейскаго собора, но они, эти

города, несомнѣнно подошли подъ это опредѣленіе, какъ скоро они пережили эпоху Никейскую. Объяснимъ въ чемъ тутъ дѣло. Ефесъ и Кесарія имѣли не очень много въ своемъ прошедшемъ, что давало бы имъ высшія іерархическія права, подобныя тѣмъ, какія отличали Римъ, Александрію и Антиохію. Ефесъ заблисталъ и покрылся славою лишь на короткое время, да и притомъ это было уже давно; разумѣемъ дѣятельность Поликрата епископа Ефесскаго въ концѣ II вѣка, когда онъ рѣшительно и сильно выступилъ на борьбу съ папскими притязаніями по вопросу о точномъ времени празднованія пасхи: Поликратъ собиралъ многочисленные соборы, показалъ себя важнымъ іерархомъ (Евсевія, V, 24) — все это такъ, но это было давно, а живая исторія рѣдко цѣнить прошедшее выше настоящаго. Поэтому, хотя Ефесъ до извѣстной степени ранѣе и выдѣлялся изъ ряда прочихъ городовъ христіанскихъ, но однако-жъ Никейское 6 правило не имѣло основаній прямо поставить Ефесъ на ряду съ Римомъ, Александріей и Антиохіей—по церковно-общественной вліятельности. То же самое должно сказать и о Кесаріи Каппадокійской. Ея слава до временъ Никейскаго собора была не особенно велика. Ея слава соединялась не съ церковно-общественнымъ положеніемъ самаго города, а съ немногими выдающимися личностями, возсѣдавшими на епископской каедрѣ Кесарійской. Разумѣемъ главнымъ образомъ Фирмилиана (сред. III вѣка), который стоялъ во главѣ епископовъ, судившихъ Павла Самосатскаго (Евсевія, VII, 28. 30), и вмѣстѣ съ Кипріаномъ епископомъ Карфагенскимъ былъ рѣзкимъ противникомъ папскихъ притязаній¹⁾. Но какъ извѣстно: одна ласточка не дѣлаетъ весны, и одинъ Фирмилианъ не могъ дать выдающагося положенія каедрѣ Кесарійской. Понятно, что и Никейскій соборъ, постановляя правило о преимуществахъ тѣхъ или другихъ церквей, хотя и разумѣлъ, но не поименовалъ Кесаріи. Что касается Иракліи во Фракіи, то этотъ городъ ничѣмъ не былъ знаменитъ въ церковно-историческомъ отношеніи—до времени Никейскаго собора и нѣтъ

¹⁾ См. письмо Фирмилиана между письмами св. Кипріана. Творенія его. Т. I, 374—388. К. 1891.

ничего удивительнаго въ томъ, что о немъ не говоритъ прямо 6-ое правило Никейское. Но спрашивается: почему же Константинопольскій II всел. соборъ въ своемъ 2 правилѣ, гдѣ онъ въ существѣ дѣла повторяетъ 6 Никейское правило, на ряду съ Римомъ, Александріей и Антиохіей, въ качествѣ вліятельнѣйшихъ церковныхъ центровъ, въ качествѣ кафедръ патріаршихъ, не обинуясь уже упоминаетъ: и Ефесъ (Азію) и Кесарію Каппадокійскую (Понтъ) и Ираклію (Θρακίю)? На это были свои основанія. Нѣтъ сомнѣнія, послѣ Никейскаго собора церковное значеніе Ефеса, Кесаріи и Иракліи въ большей или меньшей мѣрѣ возросло ¹⁾, а еще важнѣе то, что эти города много поднялись въ общественномъ мнѣніи. Этому содѣйствовало новое гражданское дѣленіе имперіи на правительственные округа, происшедшее въ послѣднемъ десятилѣтіи III вѣка, при императорѣ Діоклитіанѣ. При этомъ дѣленіи имперіи на правительственные округа — на долю Ефеса, Кесаріи и Иракліи выпалъ очень счастливый жребій. Они подобно древнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ городамъ государства, стали главными городами такъ называемыхъ діоцезовъ (по нашему генераль-губернаторскихъ округовъ). Во главѣ діоцезовъ между прочимъ стали: Ефесъ, Кесарія и Ираклія ²⁾, А возвышеніе городовъ въ іерархическомъ отношеніи, какъ мы знаемъ, много зависѣло отъ политическаго ихъ значенія. Вслѣдствіе этого-то II вселен. соборъ, перечисляя въ 2-омъ правилѣ выдающіеся центры церковнаго управленія счелъ долгомъ поименовать и Ефесъ, и Кесарію и Ираклію. Конечно, тоже самое могъ бы сдѣлать и соборъ Никейскій: дѣленіе имперіи на діоцезы уже существовало. Но во 1-хъ, этотъ соборъ не былъ увѣренъ въ томъ, что политическое дѣленіе имперіи, произведенное гонителемъ (Діоклитіаномъ), останется въ силѣ при новомъ христіанскомъ правительствѣ; а во 2-хъ, церковное возвышеніе указанныхъ городовъ въ это время не выходило изъ предѣловъ вѣроят-

¹⁾ Болѣе другихъ возросло значеніе Кесаріи. Lübeck. Op. cit. S. 189—190. Церковный авторитетъ и Иракліи, конечно, поднялся, послѣ того какъ въ вѣдѣніи ея іерарха очутилась новая христіанская столица (Константинополь принадлежалъ къ ея церковному округу).

²⁾ Lübeck, S. 161 (здѣсь перечислены и тѣ провинціи, которыя вошли въ составъ діоцезовъ).

ности и предположений. Для второго же вселен. собора все эти вопросы разъяснились, будучи рѣшены теченіемъ исторіи въ благопріятномъ смыслѣ для разсматриваемыхъ діоцезальныхъ городовъ.

Итакъ мы теперь видимъ, что на I-омъ вселен. соборѣ утверждены и на II вселен. соборѣ подтверждены въ правахъ патріаршихъ кафедръ: Римская, Александрійская и Антиохійская. Но кромѣ того, въ опредѣленіяхъ I и II вселенскихъ соборовъ сначала предуказаны, а потомъ и утверждены въ подобныхъ же патріаршихъ правахъ еще Ефесъ, Кесарія Каппадокійская и Ираклія. Такъ слагались эти патріаршества. Но возникаетъ вопросъ: почему же тогда какъ первые три кафедры римская, александрійская, антиохійская такъ навсегда и удержались съ правами патріаршими, послѣдніе три, какъ извѣстно, лишились своихъ правъ? Отчего это? Это зависело единственно отъ того, что въ близкомъ сосѣдствѣ съ этими городами появился могущественный соперникъ, который, пользуясь своими могущественными средствами, затмилъ собою значеніе Ефеса, Кесаріи и Иракліи и, наконецъ подчинилъ ихъ своему вліянію и своей власти. Это былъ *Константинополь*. Его патріархатъ образовался на развалинахъ сосѣднихъ патріархатовъ — Ефесскаго, Кесаріе-каппадокійскаго и Ираклійскаго.

Итакъ въ раскрытіи исторіи происхожденія патріархатовъ мы достигли до исторіи образованія патріархата Константинопольскаго; на этомъ вопросѣ и сосредоточимъ свое вниманіе.

На первомъ вселен. соборѣ, на которомъ утверждены въ правахъ патріаршихъ извѣстныя уже намъ кафедры, не было ничего опредѣлено относительно Византіи по той простой причинѣ, что тогда она еще не была столицею имперіи: такою она сдѣлалась спустя пять лѣтъ послѣ собора Никейскаго. Но и сдѣлавшись столицею имперіи, Константинополь на первыхъ порахъ оставался въ іерархическомъ подчиненіи епископу Ираклійскому (такъ какъ Константинополь находился въ Ѳракійскомъ діоцезѣ). Однакожъ такое подчиненное іерархическое положеніе Византіи не могло долго оставаться въ силѣ. Политическая власть, сосредото-

ченная въ новой столицѣ Востока, съ своей стороны потребовала, чтобы церковная власть К—поля соотвѣтствовала въ своемъ вліяніи тому значенію, какое имѣлъ Константинополь, какъ столица всемірной имперіи. Недаромъ Григорій Богословъ называетъ К—поль „окомъ вселенной, городомъ могущественнѣйшимъ на сушѣ и морѣ, узломъ соединяющимъ Востокъ съ Западомъ, общенародномъ форумомъ, откуда исходитъ все важнѣйшее въ вѣрѣ“ ¹⁾. Церковное значеніе Византіи силою историческихъ обстоятельствъ должно было подняться до той высоты, на какой находилось политическое полновластіе столицы. Поэтому, естественно, что хотя Византія ничѣмъ не была извѣстна въ христіанскомъ мірѣ до временъ перенесенія въ нее столицы, тѣмъ не мѣнѣе теперешнее ея государственное значеніе, каковое съ первыхъ временъ христіанства придавало такой вѣсъ и авторитетъ и Риму, и Александріи, и Антиохіи, требовало, чтобы іерархическія права Кон—поля уравнены были съ правами другихъ важнѣйшихъ центровъ іерархическаго могущества. Такъ и было сдѣлано. Первый шагъ къ такому возвышенію сдѣланъ въ правилахъ II-го вселен. собора. Третьимъ правиломъ этого собора Константинопольскому епископу предоставлено было право чести послѣ епископа древняго Рима. Правило гласило: „Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по римскомъ епископѣ, потому что Константинополь есть новый Римъ“ ²⁾. Этимъ давались Константинополю такъ сказать почетныя патріаршія права. Потому что юридически онъ оставался подчиненнымъ Ираклійскому іерарху. Но во всякомъ случаѣ почетныя права Константинополя, по смыслу 3-го правила, становились уже очень высокими. Такъ какъ епископъ Константинопольскій, по указанному правилу, получаетъ мѣсто въ ряду первостепенныхъ іерарховъ — послѣ римскаго и выше Александрійскаго — то онъ тѣмъ самымъ по идеѣ возвышался надъ іерархомъ Ираклійскимъ. Даны ли были при

¹⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Русск. пер. Т. I, стр. 100 Каз. 1887.

²⁾ Не даромъ древній лексикографъ Сuida выражался: „Византія насколько же меньше Рима, насколько она больше всѣхъ остальныхъ городовъ“ (Lübeck, 206).

этомъ какія-либо фактическія права К—польскому епископу — вопросъ, на который нужно отвѣчать отрицательно ¹⁾. Его юрисдикціи въ собственномъ смыслѣ подлежалъ лишь Константинополь. И нужно сказать, что еслибы на II вселен. соборѣ К—скій епископъ получилъ въ свое распоряженіе церковный округъ, его дальнѣйшее развитіе въ качествѣ патріарха, не встрѣтило бы тѣхъ коллизій, съ какими ему пришлось имѣть дѣло впоследствии.

Почетное преимущество, дарованное Константинопольской церкви на II вселен. соборѣ, въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи, между II и IV вселенскими соборами, переходитъ въ преимущество фактическое, пока наконецъ Халкидонскій IV вселен. соборъ путемъ каноническимъ ясно и точно не опредѣлилъ патріаршей власти епископа К—польскаго. Послѣдуемъ за исторіей возвышенія К—польской кафедры. Уже тотчасъ послѣ II вселен. собора права чести К—польскаго епископа *de facto* переходятъ въ права власти, и это дѣлается какъ-то само собой. Столица, вслѣдствіе своего политическаго значенія, дѣлается и іерархическимъ центромъ, куда по преимуществу обращаются взоры не только сосѣднихъ, но и болѣе отдаленныхъ епископовъ. Со временъ Нектарія, избраннаго въ епископы столицы на II вселен. соборѣ, въ К—поль образуется *συνόδος ἐνδημοῦσα*, мѣстный (домашній) соборъ. Возникновеніе его условливалось тѣмъ, что многіе епископы, частію по нуждамъ своихъ епископій, частію по другимъ причинамъ стекались въ К—поль, и часто оставались здѣсь на болѣе или менѣе продолжительное время. Иногда число такихъ пріѣзжихъ епископовъ простиралось до 60. Нѣкоторые изъ нихъ обращались съ просьбою о разсмотрѣніи своихъ дѣлъ къ императору; императоръ иногда рѣшалъ такія дѣла самъ по совѣту съ епископомъ К—польскимъ, а иногда, что случалась чаще, передавалъ подобныя дѣла на рѣшеніе епископу К—польскому въ совокупности съ другими еписко-

¹⁾ Hefele отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно (В. II, S. 18. Freib., 1875); но Lübeck очень обстоятельно и основательно опровергаетъ это мнѣніе Гефеле. (S. 212—217).

пами, по какому либо поводу находившимися въ столицѣ. Съ другой стороны случалось, что и самъ К—польскій епископъ собиралъ, находившихся въ столицѣ, своихъ собратій для обсужденія какихъ либо церковныхъ дѣлъ; такіа собранія, какъ естественно, происходили подъ его председательствомъ. Въ К—нополь, ко двору обращались для разсмотрѣнія своихъ жалобъ въ особенности высшіе іерархи изъ окрестныхъ странъ; сюда же поступали на апелляцію дѣла обыкновенныхъ епископовъ, подчиненныхъ юрисдикціи высшихъ іерарховъ окрестныхъ странъ; оттого на долю К—польскаго епископа выпадалъ преимущественно судъ надъ высшими іерархами ¹⁾—а съ этимъ онъ фактически пріобрѣталъ права патріаршіа. Такъ самымъ ходомъ обстоятельствъ К—польская каѳедра *de facto* получила тѣ права, какихъ ей еще не было предоставлено *de jure*. И мало-помалу *σύνοδος ἐνδημοῦσα*, подъ вліяніемъ привычки и церковной потребности, обращается въ постоянный и регулярный трибуналъ для разбирательства дѣлъ сосѣднихъ іерарховъ, въ особенности высшаго ранга. А такими іерархами были: Ефесскій, Кесаріе-Каппадокійскій и Ираклійскій. Такимъ положеніемъ дѣлъ патріаршимъ правамъ указанныхъ іерарховъ уже наносился сильный ударъ. Но на этомъ дѣло не остановилось. К—польскіе епископы со своею властію начали вторгаться во внутреннее управленіе трехъ названныхъ церковныхъ областей: Ефесской, Кесарійской и Ираклійской. И такимъ образомъ эти, дотогѣ независимые, іерархи начинаютъ невольно клонить голову предъ ихъ счастливымъ соперникомъ, епископомъ К—польскимъ. Церковный историкъ Θεодоритъ о К—польскомъ епископѣ Іоаннѣ Златоустѣ говоритъ (V, 28), что онъ властно распоряжался въ указанныхъ областяхъ. „Іоаннъ имѣлъ попеченіе — слова Θεодорита—не только о своемъ городѣ, но и о всей Θρακίи,

¹⁾ Примѣръ дѣятельности собора *ἐνδημοῦσα* представляетъ извѣстный Константинопольскій соборъ 448 г. (Дѣян. вселен. соборовъ, т. III). Свѣдѣнія о соборѣ *ἐνδημ.* можно находить: у Mansi. Concilia. Tom. VII, p. 92 (Дѣян. IV, 42. Каз. 1878); у проф. Т. В. Барсова. К—польскій патріархъ и его власть надъ русск. церковію, стр. 41. 236—7. Спб. 1878; у проф. Θ. А. Курганова. Отношенія между церковною и гражданскою властію въ визант. имперіи, 125—128. Каз. 1880; у Hergenröther. Photius, B. I, 38.

даже о цѣлой Азіи (Ефесскій округъ), да и всею Понтійскою областію управлялъ“. Значить, уже при епископѣ К—польскомъ Златоустъ іерархи Ефесскій, Кесарійскій и Ираклійскій теряютъ свою независимость.

Въ частности, каждый изъ нихъ въ рассматриваемое время—между II и IV вселен. соборами—становится въ большую и большую зависимость отъ К—польскаго епископа. Начать съ Ефеса. Здѣсь Іоаннъ Златоустъ распоряжался въ качествѣ верховнаго судьи-іерарха. Дѣло было такъ: въ 400 году нѣкоторые изъ епископовъ Азійскихъ подали въ *сυνodus ἐκκλησιαστικῆς* жалобу на Антонина епископа Ефесскаго и на безпорядки, здѣсь происшедшіе. Для прекращенія безпорядковъ К—польскій синодъ отправилъ—было въ Азію трехъ епископовъ, но епископы Азійскіе не удовольствовались этимъ и просили, чтобы самъ Златоустъ прибылъ для суда надъ виновными и водворенія мира. И вотъ Златоустъ отправляется въ Ефесскій округъ, на помѣстномъ соборѣ разбираетъ тамошніе споры, лишаетъ сана шестерыхъ епископовъ, виновныхъ въ симоніи и поставляетъ въ Ефесѣ на мѣсто уже умершаго Антонина епископомъ собственнаго діакона Ираклида ¹⁾. Послѣдующіе за Златоустомъ К—польскіе іерархи также удерживаютъ права власти надъ Ефесскою областію и поставляютъ въ Ефесѣ епископовъ по своему усмотрѣнію. Такъ поступалъ, напр., К—польскій епископъ Прокль ²⁾. Области Понтійская съ Кесаріей во главѣ и Фракійская съ Иракліей также подчиняются, подпадаютъ въ рассматриваемое время подъ власть епископа К—польскаго. Именно: Кесарійцы прямо сами просятъ у Прокла К—польскаго, чтобы для нихъ назначенъ былъ епископъ изъ К—поля ³⁾. Значить, Кесарія стала уже забывать о своей іерархической самостоятельности. А въ Ираклію, главный въ церковномъ отношеніи городъ во Фракіи, по своей волѣ ставитъ епископовъ еще Златоустъ ⁴⁾.

¹⁾ Церк. истор. Сократа, VI, 11. Церк. ист. Созомена. VIII, 6. Palladii. *Dialogus historicus*: Migne. Gr. ser., tom. 47, col. 47—8. 50—51.

²⁾ IV вселен. Халкид. собора, дѣяніе 11.

³⁾ Сократа VII, 48.

⁴⁾ Тамъ же, VI, 17.

Всѣ эти указаннныя явленія ¹⁾ постепенно, положеніемъ самихъ вещей, подготовляли тѣ узаконенія, которыми впоследствии канонически опредѣлены были патріаршія права К—польскаго епископа на счетъ епископовъ Ираклійскаго, Ефесскаго и Кесарійскаго.

Столица имперіи мало-по-малу становится средоточнымъ пунктомъ и церковнаго управленія: одно условливало другое. При такомъ положеніи дѣлъ весьма неудивительны тѣ императорскіе эдикты, которые задолго до вселенскаго халкидонскаго собора издаются для установленія болѣе правильнаго хода церковнаго управленія касательно К—поля и близъ лежащихъ округовъ. Эти эдикты имѣютъ цѣлію оформить отношенія, образовавшіяся между епископомъ К—польскимъ и близъ лежащими церковными округами. Такъ императоръ Θεодосій Младшій издаетъ законъ, по которому церковныя области Θракійская, Понтійская и Азіійская должны были избирать своихъ епископовъ на будущее время не иначе, какъ съ согласія и утвержденія синода К—польскаго. И когда позднѣе, одна епископія, именно Кизическая, принадлежавшая къ Ефесскому округу, уклонилась отъ этого требованія, тотъ же Θεодосій снова издаетъ указъ, которымъ и внушается Кизической епископіи подчиняться епископу К—польскому ²⁾. Итакъ патріаршая власть епископа К—польскаго слагается прежде, чѣмъ эта власть утверждена за нимъ канонически.

Какъ видимъ, сильно возвышалась власть епископа К—польскаго между II и IV всел. соборами. Но не безъ борьбы и неудовольствій совершалось это возвышеніе. Ефесъ съ Азіей и Кесарія съ Понтомъ по временамъ, когда открывалась къ тому возможность, протестовали противъ, казавшагося незаконнымъ, возвышенія Константинополя, — но тщетно. Сила брала верхъ. Такъ извѣстно, что враги Іоанна Златоуста между другими мнимыми его преступленіями выставляли и то, что онъ вмѣшивался и распоряжался въ

¹⁾ См. еще: IV вселен. собора дѣян. 16. и: проф. Барсова. К—польскій патріархъ, стр. 43—44.

²⁾ Сократа, VII, 28. Hergenröther. Photius, I, 45. 48.

округахъ церковныхъ, ему не подвѣдомыхъ¹⁾); далѣе, когда Сисиній К—польскій назначилъ въ городъ Кизикъ епископомъ Прокла, Кизикцы отказались принять его²⁾. На самыхъ вселенскихъ соборахъ слышится, хотя и не очень громкій, ропотъ противъ возвышенія духовной власти К—поля. На третьемъ всел. соборѣ 431 г., на которомъ осужденъ былъ Несторій епископъ К—польскій, члены его смотрѣли на этого послѣдняго, какъ на нарушителя древнихъ законовъ касательно самостоятельности ближайшихъ къ столицѣ округовъ³⁾. Тоже было на Халкидонскомъ всел. соборѣ, прежде чѣмъ было внесено на соборъ и утверждено здѣсь постановленіе о патріаршихъ правахъ К—польскаго епископа. Со стороны епископовъ, желавшихъ поослабить церковное значеніе епископа К—польскаго, слышались здѣсь возраженія противъ власти собора ἐκκλησία, какъ собора, не имѣющаго правильной и законной соборной организаціи, и въ особенности противъ права іерарха К—польскаго поставлять епископовъ въ Ефесѣ и другихъ прежде поименованныхъ городахъ. Относительно собора ἐκκλησία нѣкоторые члены Халкидонскаго собора выражали сомнѣніе: можно ли даже называть его соборомъ и приписывать его распоряженіямъ законную силу⁴⁾? Оппозиція въ этомъ случаѣ указывала на то, что К—польскій синодосъ собирався изъ числа епископовъ случайно прибывшихъ въ К—поль, слѣдовательно, что и самъ онъ имѣлъ случайный характеръ. Членамъ его не доставало — де надлежащихъ полномочій. Противъ же права епископа К—польскаго поставлять іерарховъ въ другихъ округахъ вооружались на соборѣ Халкидонскомъ въ особенности представители Ефесскаго округа: они выставляли на видъ, что будто бы постановленіе Ефесскихъ епископовъ по волѣ К—польскаго предстоятеля всегда вызывало бунты, и они добавляли: если еще разъ епископъ К—польскій рѣшится на это, то произойдетъ возмущеніе въ

¹⁾ Hefele. Conciliengesch. II, 94 (соборъ 403 г.).

²⁾ Сократа, VII, 28.

³⁾ Дѣян. всел. соборовъ въ русск. пер. Т. II, 13—14. 25.

⁴⁾ Mansi. Concilia, VII, p. 89. 92. (Дѣян. въ рус. пер. IV, 41—42).

Ефесѣ и городѣ постигнетъ самая печальная участь ¹⁾. Но всѣ эти и подобные протесты оставались безъ послѣдствій.

Соборъ вселенскій Халкидонскій къ правамъ чести епископа К—польскаго, къ тому, что получено имъ на II всел. соборѣ, приложилъ и права власти патріаршей. Какъ мы видѣли, *de facto* іерархъ К—польскій въ силу самихъ историческихъ обстоятельствъ, является уже совершенно подготовленнымъ къ тѣмъ правамъ, которыя утверждаетъ за нимъ *de jure* соборъ Халкидонскій. И вотъ 28 правило собора этого гласить: „престолу древняго Рима отцы прилично дали преимущества, поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію, и соборъ второй вселенскій предоставилъ равныя преимущества престолу новаго Рима, правильно разсудивъ, да градъ, получившій честь быть градомъ царя и синклита и имѣющій равныя преимущества съ древнимъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ будетъ возвеличенъ, подобно тому, и будетъ вторымъ по немъ“. По этимъ словамъ правила, епископъ К—польскій уравнивался въ патріаршемъ достоинствѣ съ высшимъ патріархомъ — римскимъ. Соборъ Халкидонскій, возвышая власть и значеніе К—польской каеэдры, даетъ замѣтить, что онъ вполне слѣдуетъ опредѣленію на этотъ счетъ собора К—польскаго II вселенскаго. Но это не совсѣмъ такъ. Халкидонское опредѣленіе въ корнѣ измѣняетъ постановленіе II вселенскаго собора относительно К—польской каеэдры ²⁾. Халкидонскій соборъ своею ссылкою на соборъ К—польскій, повидимому, хотѣлъ главнымъ образомъ избѣгнуть бесполезныхъ споровъ по поводу своего постановленія о патріаршемъ достоинствѣ епископа новаго Рима. Разсматриваемое 28-ое правило Халкидонское точно опредѣляетъ и размѣры самого патріархата К—польскаго. „Посему-то—говорится въ немъ — митрополиты области Понтійской, Азійской и Фракійской да поставляются отъ вышепрѣченнаго святѣйшаго престола“ ³⁾.

¹⁾ Mansi, VII, 292 (Дѣян. всел. соб. IV, 118—119).

²⁾ Тоже утверждаетъ и проф. Барсовъ. К—скій патріархъ, 54—5.

³⁾ Вслѣдъ за тѣмъ въ правилѣ сказано: „кромѣ того (да поставляются) епископы у иноплеменниковъ вышеупомянутыхъ округовъ“. Это значитъ, что К—скій пархіархъ имѣлъ право ставить епископовъ и для инородцевъ,

Когда это правило было внесено на соборъ и утверждено, то оно встрѣтило противодѣйствіе со стороны папскихъ легатовъ, бывшихъ членами собора. Они говорили, что правило это вынужденное и противорѣчитъ приказаніямъ папы Льва. Въ доказательство послѣдняго они указывали на инструкцію, врученную имъ отъ папы, въ которой говорилось, чтобы они не соглашались на незаконное возвышеніе городовъ: здѣсь разумѣется, конечно, К—поль, возраставшему значенію котораго завидовали папы. Въ успокоеніе легатовъ были спрошены на соборѣ епископы Азіійскаго и Понтійскаго округовъ: точно ли они дали согласіе на возвышеніе епископа К—польскаго и согласны ли въ будущемъ подчиниться его волѣ? Епископы, конечно, могли дать отвѣтъ лишь утвердительный. Легаты однакожь выразили протестъ противъ даннаго опредѣленія и не приняли разсматриваемаго правила¹⁾. Они утверждали, что правило составлено „тайкомъ“ и приведено на соборъ „воровскимъ способомъ“²⁾.—Такъ произошло возвышеніе К—польской каеэдры. Но спрашивается: какимъ же образомъ это правило благополучно прошло на соборѣ, когда, какъ мы знаемъ, многіе епископы недобрыми глазами смотрѣли на возрастаніе власти епископа К—польскаго? Отвѣтъ тотъ, что обстоятельства, при какихъ дѣйствовалъ соборъ, были въ общемъ благоприятны для утвержденія проэкта о возвышеніи К—польской каеэдры. Именно: соборъ Халкидонскій велъ свою дѣятельность въ полной зависимости отъ тогдашнихъ К—польскихъ властей — свѣтской и церковной. Враги же и соперники К—польскаго епископа были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ, епископъ Александрійскій, который обыкновенно враждовалъ противъ К—польскаго епископа³⁾, былъ осужденъ на Халкидонскомъ соборѣ. То былъ еретикъ-монофизитъ Діоскоръ. А потому съ этой стороны никакого протеста быть не могло. Епископъ Іерусалимскій Ювеналій, хотя и не могъ

проживавшихъ тамъ, а не для одного греческаго народонаселенія, при чемъ для первыхъ назначались отдѣльные епископы (но не митрополиты).

¹⁾ Халкид. собора. дѣяніе 16.

²⁾ Mansi, VII, 428. (дѣян. IV, 159).

³⁾ Lübeck. S. 231.

сочувствовать (онъ прежде держалъ сторону еретика Діоскора) возвышенію К—поля, тѣмъ не менѣе, какъ замѣшанный въ дѣйствіяхъ собора монофизитскаго такъ называемаго разбойничьяго, недавно происходившаго подъ руководствомъ Діоскора же, долженъ былъ помалчивать, потому что самъ нуждался въ милости и снисхожденіи со стороны собора. Епископомъ Антиохійскимъ въ это время былъ Максимъ—креатура епископа К—польскаго, поэтому, если бы онъ и хотѣлъ протестовать, то онъ долженъ былъ сдерживаться. Что касается епископовъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ возвышеніемъ К—поля, разумѣмъ: Ираклійскаго, Ефесскаго и Кесарійскаго, то и они также не могли идти противъ теченія. Ибо кathedra епископа Ефесскаго въ это время объявлена была праздною, слѣдовательно не имѣла защитника; предстоятеля округа Ираклійскаго на соборъ не было; оставался одинъ епископъ Кесарійскій, но онъ одинъ ничего не могъ сдѣлать. Послѣдній протестовалъ, но слабо, именно его подписи нѣтъ подъ Халкидонскимъ опредѣленіемъ о возвышеніи К—польской кathedры. Значитъ все вообще обстояло благополучно, и К—поль возвысился на счетъ трехъ, созданныхъ предшествующею исторіею, патріархатовъ: Оракійскаго, Азійскаго и Понтійскаго. — Послѣ Халкидонскаго собора мы тоже встрѣчаемъ протесты противъ церковнаго возвышенія К—поля, но опять протесты безуспѣшны. Во главѣ протестующихъ стоитъ папа римскій Левъ. Онъ пишетъ нарочитыя посланія къ императору Маркіану и императрицѣ Пульхеріи, въ которыхъ доказываетъ незаконность власти, какая дана К—полю, но изъ прекраснаго далека и папа не могъ ничего сдѣлать. Все дѣло — и ограничилось словами ¹⁾. Изъ другихъ лицъ, вскорѣ послѣ собора, протестовавшихъ противъ разсматриваемаго явленія, заслуживаетъ вниманія патріархъ Александрійскій (монофизитъ) Ти-

¹⁾ Левъ писалъ на Востокъ: я напоминаю, чтобы права (преимущества) церкви оставались въ томъ видѣ, какъ они опредѣлены Никейскимъ соборомъ. Пусть безчестное (sic!) домогательство не желаетъ ничего чужого и пусть не ищетъ себѣ прибытка чрезъ лишеніе другого. А патріарха К—польскаго Анатолія (при которомъ происходилъ IV всел. соборъ) Левъ называетъ гордецомъ, противъ котораго онъ намѣренъ употребить твердую силу. (Дѣян. IV, 198. 201).

мофей Элуръ. Онъ хлопочеть о томъ, чтобы Ефесу были возвращены прежнія патріаршія права; среди монофизитскихъ смуть Ефесу дѣйствительно удалось этого достигнуть, но только на короткое время ¹⁾. Константинопольскій патріархъ, опираясь на императорскую власть, навсегда удержалъ права власти надъ тѣми церковными областями, надъ которыми утверждены его верховныя права соборомъ Халкидонскимъ.

Пятымъ и послѣднимъ патріархатомъ, возникшимъ и утвердившимся въ церкви изучаемаго времени, было патріаршество Іерусалимское. Оно образовалось чрезъ отторженіе нѣкоторыхъ, именно южныхъ частей отъ древнѣйшаго патріархата Антиохійскаго. Исторія его образованія, исполнена подобно патріархату К—польскому въ его развитіи, — борьбы, коллизій и пререканій. Вотъ эта исторія: не смотря на великое значеніе, какое имѣлъ Іерусалимъ въ христіанствѣ, епископъ этого города послѣ того, какъ столица Іудеи была разрушена римлянами и на ея мѣстѣ возникъ городокъ — Элія, такъ названный отъ имени императора Элія Адріана, — епископъ св. города сталъ въ подчиненное іерархическое положеніе въ отношеніи къ сосѣднему митрополиту Кесарійскому въ Палестинѣ, который въ свою очередь былъ подчиненъ іерарху Антиохійскому, какъ своему патріарху. Чтобы достигнуть патріаршества, епископу Іерусалимскому съ одной стороны нужно было освободиться отъ подчиненія митрополиту Кесарійскому, съ другой — патріарху Антиохійскому. Всего этого постепенно и достигаетъ названный епископъ. Въ этомъ помогла ему слава, которою пользовался Іерусалимъ, какъ священнѣйшее христіанское мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ, при всей незначительности своего іерархическаго положенія, епископъ Іерусалимскій никогда не терялъ уваженія, онъ удерживалъ за собой нѣкоторыя почетныя права. Такъ епископы Іер—скіе въ II и III вѣкѣхъ рядомъ съ епископами кесаріе-палестинскими предсѣдательствуютъ на соборахъ (Евсевія V, 23). Иногда даже на нихъ первый преимуществуетъ предъ послѣднимъ. Наприм., послѣ собора противъ Павла Самосатскаго въ адресѣ соборнаго посланія про-

¹⁾ Евагрія. Церк. Исторія, кн. I. гл. 6.

тивъ этого еретика, а (вѣроятно и въ подписяхъ актовъ собора) имя епископа Іерусалимскаго значилось выше епископа Кесарійскаго (Евсевія VII, 30). Историкъ Евсевій въ своей церковной исторіи, слѣдя за преемствомъ епископовъ въ первенствующихъ городахъ имперіи, со тщательностію передаетъ рядъ именъ епископовъ Іерусалимскихъ и не удостоиваетъ такой чести Кесарію Палестинскую. Значитъ, Іерусалимъ всегда высоко стоялъ во мнѣніе христіанскаго міра, при всей незначительности іерархической роли его епископовъ. Съ IV вѣка, со времени перехода Константина Великаго въ христіанство, и утвержденія христіанства въ имперіи, взоры всѣхъ еще болѣе обратились къ Іерусалиму, его посѣщаютъ, его украшаютъ. Все это мало гармонировало съ его невысокимъ іерархическимъ положеніемъ, съ подчиненіемъ іерарха этого города митрополиту Кесарійскому. И вотъ это христіанско-историческое значеніе Іерусалима мало-по-малу побуждаетъ самое законодательство расширить права епископа Іерусалимскаго, пока эти права не возрастаютъ до правъ патріаршихъ. Первый камень для этого зданія положенъ уже на I-мъ вселен. соборѣ. Седьмое правило этого собора во уваженіе древности и святости этого города (позже утвердился обыкновеніе и древнее преданіе, чтобы чтить епископа пребывающаго въ Элліи — говорится въ правилѣ) усволяетъ епископу Іерусалимскому почетное преимущество предъ другими епископами окружными и предъ самымъ Кесарійскимъ, хотя фактически высшее управленіе, касательно Іерусалимской епископін, по прежнему остается за митрополитомъ Кесарійскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Іерусалимскій епископъ остается въ зависимости отъ этого послѣдняго.

Пользуясь такимъ преимуществомъ, Іерусалимскіе епископы идутъ далѣе, они стремятся приобрѣсти іерархическую независимость отъ епископа Кесарійскаго. Такъ было между I и II вселенскими соборами. Извѣстный Кириллъ Іерусалимскій старается поставить свою кафедру внѣ зависимости отъ митрополита Кесарійскаго, откуда происходятъ распри между епископами — Іерусалимскимъ Кирилломъ и Кесарійскимъ Акакіемъ ¹⁾. Съ наступленіемъ II всел. собора честь

¹⁾ Созомена. Ц. Ист., IV, 25. Сократа, II, 40.

Іерусалимскаго епископа возрастаетъ. Въ подписяхъ этого собора епископъ Іерусалимскій помѣщаетъ свое имя прежде епископа Кесарійскаго ¹⁾ и въ посланіи Константинопольскаго собора 382 года церковь Іе—ская уже именуется „матерью всѣхъ церквей“ ²⁾. Такой успѣхъ возвышаетъ духъ Іе—скаго епископа; онъ уже помышляетъ о независимости не только отъ Кесарійскаго митрополита, но и отъ самаго іерарха Антиохійскаго, его законнаго патріарха. У него рождается стремленіе къ полной самостоятельности патріаршей. Попытку осуществить подобные планы дѣлаетъ Ювеналій, епископъ Іерусалимскій на III вселен. соборѣ, 431 года. Онъ энергично поддерживаетъ сторону Кирилла Александрійскаго противъ Несторія и противъ епископа Антиохійскаго Іоанна, въ надеждѣ, что Кириллъ, какъ предсѣдатель собора, оплатитъ ему за это возвышеніемъ Іерусалимской кathedры. На III вселен. соборѣ Ювеналій ищетъ независимости отъ іерарха не только Кесарійскаго, но и Антиохійскаго, и домогается подчинить себѣ на правахъ патріаршихъ всю Палестину, Финикию и Аравію ³⁾. Для доказательства своихъ правъ на Палестину онъ пользуется дѣломъ незаконнымъ—подложными документами. Но старанія Ювеналія были напрасны. Кириллъ Александрійскій не оправдалъ его надеждъ ⁴⁾. Епископъ Іеру—скій ничего не достигъ на III вселен. соборѣ. Онъ однакожъ не останавливается при видѣ такой неудачи, а обращается въ надеждѣ на исполненіе своихъ плановъ къ императору Θεодосію Младшему, который дѣйствительно указомъ и даетъ Ювеналію права независимаго управленія всей Палестиной, Финикіей и Аравіей ⁵⁾. Такимъ образомъ епископу Іеру—скому удастся отторгнуть отъ патріархата Антиохійскаго очень значительныя области и подчинить ихъ себѣ на правахъ патріаршихъ. Но не смотря на самый императорскій указъ, патріархъ Антиохійскій не думалъ уступать Ювеналію іерар-

¹⁾ Дѣян. вселен. собор. Т. I, 112. Каз. 1887.

²⁾ Θεодорита. Цер. Ист., V, 9.

³⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. II. S. 241.

⁴⁾ Ibidem, S. 213.

⁵⁾ Mansi, tom. VII, p. 184 (Дѣян. IV, 78).

хическихъ правъ надъ указанными странами, которыя по церковнымъ правиламъ принадлежали патріархату Антіохійскому. Между двумя претендентами ведется долгій и упорный споръ ¹⁾ и только IV вселен. соборъ положилъ ему конецъ. По взаимному соглашенію между епископами Антіохійскимъ и Іерусалимскимъ, соглашенію, конечно, недобровольному, области: Финикія и Аравія снова перешли въ вѣдѣніе Антіохіи, а за Іерусалимскимъ епископомъ остались лишь три области въ Палестинѣ, но съ правомъ самостоятельнаго управленія ими ²⁾. Эти три области слѣдующія: верхняя Палестина съ митрополіей Кесарійской, средняя Палестина съ митрополіей Скиѳопольскою и нижняя Палестина съ митрополіей въ г. Петрѣ. Ювеналій, по всему видно, явилъ себя уступчивымъ на соборѣ Халкидонскомъ, потому что, будучи замѣшанъ въ дѣяніяхъ собора так. наз. разбойничьяго, онъ вынужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что дадутъ, чтобы не остаться ни при чемъ. Итакъ епископъ Іер—скій достигаетъ патріаршихъ правъ лишь надъ тремя областями Палестины. Впослѣдствіи патріархи Антіохійскіе старались лишить его и этого скуднаго достоянія, но не имѣли успѣха.

Такъ произошли, сложились пять древнихъ патріархатовъ: римскій, александрійскій, антіохійскій, к—польскій и іерусалимскій.

Не слѣдуетъ однакожъ думать, что эти патріархаты обнимали собой всю тогдашнюю церковь. Такъ Сѣвероафриканская церковь съ Карфагеномъ во главѣ не принадлежала ни къ какому патріархату; римскій патріархатъ сначала далеко не обнималъ собой всѣхъ странъ Запада, причемъ опредѣлить съ точностію, гдѣ именно кончались предѣлы этого патріархата — не представляется возможности. На Востокѣ церкви о. Кипра составляли независимую автокефальную область ³⁾. Ни къ какому патріархату долгое время не были приписаны многочисленныя церкви обшир-

¹⁾ Mansi, tom. VII, 180—1 (Дѣян. IV, 76—77). Hefele, I, 407.

²⁾ Mansi, VII 180 (Дѣян. IV, 76).

³⁾ Дѣян. всел. соб. въ рус. пер. Т. II, 13—14. Каз. 1861. Cf. Lübeck, 165—166.

наго такъ называемаго Илирика — онѣ считались то подчиненными Риму, то Византіи ¹⁾. Патріархамъ не были подчинены также страны внѣ предѣловъ римской имперіи.

VII. Историческое развитіе іерархическаго римскаго приматства.

Возникновеніе пяти патріархатовъ и патріарховъ не было заключительнымъ актомъ въ развитіи іерархической централизаціи. Хотя въ идеѣ патріархи были равны между собою по авторитету, но въ церковной практикѣ авторитетъ каждого изъ нихъ не былъ одинаковъ. Такъ было и раньше, а еще болѣе обнаружилось это въ срединѣ IV и дальнѣйшіе вѣка. Къ тому же, между болѣе вліятельными патріархами происходитъ препирательство изъ за мѣры власти: патріархъ болѣе сильный отмежевывалъ себѣ сколько возможно широкіе предѣлы власти и авторитета. Въ концѣ концовъ самыми видными и полновластными патріархами сдѣлались римскій и Константинопольскій; остальные ступеньваются и становятся почти номинальными. Это исторія чрезвычайно длинная, дающая матеріалъ для обширной книги, но мы можемъ этимъ вопросамъ удѣлить лишь немного мѣста.

Всегда и неизмѣнно выше другихъ патріарховъ былъ епископъ римскій. Такъ было съ самаго начала христіанской исторіи. Равнаго съ нимъ епископа не было и быть не могло. Посмотримъ на положеніе римскаго епископа въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ. Уже въ апостольское время слава римской церкви превосходила славу всѣхъ остальныхъ въ отдѣльности. Ап. Павелъ писалъ къ римлянамъ: „ваша вѣра (*ваша!*) возвѣщается во всемъ мірѣ“ (1, 8). Послѣдующіе вѣка показали, что въ этихъ словахъ не заключается никакого преувеличенія. Римская церковь быстро выдвинулась изъ ряда другихъ. Въ первомъ же вѣкѣ по-

¹⁾ Проф. П. Лепорскаго. Исторія Фессалоникскаго экзархата до присоединенія его къ К—польскому патріархату. Стр. VII. 211. Спб. 1901.

является знаменитое письмо Климента епископа римскаго къ коринѣянамъ, а это письмо составляетъ замѣчательный историческій фактъ. Оно свидѣтельствуетъ, что уже въ концѣ I-го вѣка римская церковь присвоить себѣ материнскія попеченія о далекихъ отъ нея церквахъ, и что тогда уже эта церковь умѣла говорить языкомъ, который заразъ былъ и языкомъ любви и авторитета. Она присвоить себѣ такое пониманіе требованій христіанства, какого — пониманія — съ ея точки зрѣнія нѣтъ у другихъ. Книга „Пастырѣ“ Эрма (римское произведеніе II-го вѣка) показываетъ съ своей стороны, что даже въ кругахъ римскихъ мірянъ было сознаніе, что на римской церкви лежатъ заботы чуть не о всей христіанской церкви ¹⁾. Если такъ смотрѣла на себя эта церковь, то можно было бы подумать, что это только самовосхваленіе съ ея стороны. Но такая мысль не можетъ имѣть мѣста, какъ скоро и представители восточной церкви первыхъ вѣковъ отдавали полную дань уваженія римской церкви и ставили ее выше другихъ церквей. Первое свидѣтельство въ подобномъ родѣ находимъ у мужа апостольскаго Игнатія Богоносца; какъ-бы мы не смягчали тѣ высокія похвалы, какія Игнатій приписываетъ римской церкви, все же остается несомнѣннымъ, что Игнатій считалъ римскую церковь первенствующею въ ряду всѣхъ прочихъ (см. посл. къ римл., привѣтствіе). Другой восточный писатель II вѣка Діонисій Коринескій въ своемъ письмѣ къ епископу римскому Сотеру не знаетъ даже, какъ и похвалить римскую церковь; письмо показываетъ, что дѣятельность этой церкви въ особенности по части благотворенія была громадна и простиралась на близкія и отдаленныя церкви, съ другой стороны оно же свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ благоговѣніемъ и почитаніемъ римская церковь пользовалась на греческомъ Востокѣ. Діонисій Коринескій въ своемъ письмѣ въ особенности ударяетъ на то, что римскіе христіане суть Римляне, т. е. жители всемірной столицы, и что слѣдовательно у Рима христіанскаго есть особая права по отношенію къ прочимъ церквамъ ²⁾. У

¹⁾ Видѣніе II, гл. 4 (ad fin.).

²⁾ Евсевія, истор. IV, 23 (ad fin.).

извѣстнаго писателя II вѣка Ириней Ліонскаго, грека по происхожденію и языку его сочиненій, можно находить не мало такого, что указываетъ, что римская церковь II-го вѣка пользовались великою славою; онъ называетъ ее „*maxima, antiquissima*“ и „всѣмъ извѣстная церковь“; о римской церкви онъ говоритъ: „къ этой церкви по причинѣ ея преимущественнаго первенства необходимо обращаться всѣмъ церквамъ“¹⁾. Ириней видѣлъ и отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Римъ приходили представители многихъ церквей, чтобы такимъ образомъ доказать свое православіе или утвердиться въ православіи. Не мѣшаетъ остановиться на минутку на извѣстномъ путешествіи Поликарпа еписк. Смирнскаго въ Римъ (II вѣк.); это тоже можетъ служить свидѣтельствомъ такъ сказать безъ словъ. Престарѣлый знаменитый епископъ Востока — Поликарпъ не страшится предпринять опаснаго для его лѣтъ путешествія въ Римъ — и зачѣмъ же онъ ѣдетъ — лишь затѣмъ, чтобы лично утвердить общеніе съ Римомъ, общеніе казавшееся поколебленнымъ. Не можетъ не бросаться въ глаза очень замѣчательный фактъ: не папа Аникита ѣдетъ къ Поликарпу, а этотъ послѣдній къ первому²⁾. Въ срединѣ II-го вѣка, къ которой относится путешествіе Поликарпа въ Римъ, для всѣхъ христіанъ открылось то, что нѣтъ и не можетъ быть ни одной церкви въ имперіи, которая оставалась бы равнодушна къ вопросу: въ какихъ отношеніяхъ стоитъ она къ римской церкви, ибо каждая изъ церквей имѣла такія или другія связи съ римскою церковію — въ римской церкви поэтому всегда можно было встрѣчать христіанъ изъ всѣхъ церквей. Римская церковь еще во II вѣкѣ такъ возвысилась, что она одна изъ всѣхъ церквей для засвидѣтельствованія своего значенія создала списокъ (каталогъ) своихъ епископовъ, который доказывалъ непрерывное преемство римскихъ епископовъ отъ первоверховныхъ апостоловъ — Петра и Павла; римская церковь раньше другихъ церквей выработала свой символъ вѣры, который сдѣлался образцомъ для другихъ церквей.

¹⁾ Св. Ириней. Противъ ересей, кн. III, гл. 3 § 2.

²⁾ Евсевій, IV, 14; V, 24 (ad fin.).

Пользуясь своимъ положеніемъ, именно какъ церковь столицы, Римъ служилъ къ тому, чтобы сплотить всѣ разсѣянные церкви къ одному цѣлому съ признаніемъ приматства римской церкви. Правда на первыхъ порахъ приматство Рима не было чѣмъ-либо строго опредѣленнымъ, точно формулированнымъ, то этотъ фактъ оставался фактомъ, не возбуждавшимъ прекословій¹⁾. Замѣчательно, что уже въ концѣ II вѣка приматство Рима начинаетъ быть какимъ-то правомъ римскаго епископа; образуется уже взглядъ, что самая власть папы выше власти другихъ епископовъ: и это происходитъ какъ-то само собой. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія слѣдующіе два факта изъ конца второго вѣка. Когда возникло монтанистическое движеніе, то монтанисты, и именно монтанисты Мало-азійскіе отправляются въ Римъ къ папѣ Елевѣерію и ищутъ здѣсь поддержки для своего ученія; сюда же въ Римъ по этому случаю прибыли Галльскіе исповѣдники и ходатайствуютъ предъ тѣмъ же папою о принятіи въ общеніе монтанистовъ²⁾. Такимъ образомъ и Малая Азія и Галлія смотрятъ на Римъ, какъ на такое мѣсто, откуда можно ожидать санкціи своего дѣла, а такимъ дѣломъ на этотъ разъ былъ монтанизмъ. Разумѣется въ данномъ случаѣ нельзя искать какого либо указанія на то, что появляется въ церкви догматъ о папской власти, это было бы несправедливо; но остается фактъ очень важный: монтанистическіе энтузіасты въ Римѣ и отъ Рима ждутъ рѣшающаго голоса въ интересующемъ ихъ дѣлѣ. —Еще рѣшительнѣе доказываетъ раскрываемую нами мысль поведеніе слѣдующаго за Елевѣеріемъ папы Виктора. Разумѣемъ извѣстное участіе папы Виктора въ спорѣ о празднованіи Пасхи. Въ этомъ случаѣ Викторъ уже требуетъ, чтобы уваженіе, которое оказывалось церкви римской, было вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіемъ предъ самимъ папою. Въ спорѣ о Пасхѣ Викторъ писалъ по крайней мѣрѣ три письма на Востокъ. Первѣе всего письмомъ онъ потребовалъ отъ Поликрата епископа

¹⁾ Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte. B. I, S. 367. Freib., 1886.

²⁾ Tertulliani. Advers. Praxean, cap. 1. Евсевія, V, 3—4.

Ефесскаго, чтобы онъ собралъ соборъ для разсмотрѣнія спорнаго вопроса—и Поликрать исполняетъ это требованіе папы. А такъ какъ въ это же время происходило много соборовъ и въ другихъ странахъ Востока, и такъ какъ рѣшенія этихъ соборовъ были отправлены къ папѣ, то можно думать, что Викторъ обращался съ окружнымъ посланіемъ къ разнымъ церквамъ Востока, требуя отъ нихъ высказать свое мнѣніе по спорному вопросу. Какой былъ тонъ окружающаго посланія папы къ другимъ церквамъ, кромѣ Мало-Азійской, неизвѣстно, но несомнѣнно, что его посланіе къ Мало-Азійской церкви, т. е. къ главнѣйшей изъ нихъ Ефесской, отличалось суровымъ и грознымъ тономъ ¹⁾. Въ перечисленныхъ фактахъ все замѣчательно: епископъ римскій окружнымъ письмомъ обращается ко многимъ и можетъ быть ко всѣмъ церквамъ—онъ очевидно чувствуетъ себя такъ сказать хозяиномъ въ церковныхъ дѣлахъ; онъ обращается при этомъ не собственно къ церквамъ, а къ епископамъ, слѣдовательно сами іерархи (что доселѣ не было въ обычаѣ) какъ бы привлекаются къ отвѣту предъ папой по данному вопросу; очень замѣчательно и то, что отвѣты епископовъ, отвѣты, которые выработаны ими на соборахъ, посылаются ни въ какое другое мѣсто, а въ Римъ,—Римъ такимъ образомъ является какой-то высшей инстанціей въ спорномъ дѣлѣ. Но на этомъ не окончились сношенія Виктора со своей церковію. Папа Викторъ обнародовалъ свое рѣшеніе вопроса о Пасхѣ, составленное на римскомъ соборѣ, обнародовалъ очевидно, какъ норму, которая должна служить руководствомъ для прочихъ церквей ²⁾. Затѣмъ послѣдовалъ со стороны римскаго епископа важный шагъ: когда онъ получилъ отъ Поликрата Ефесскаго соборное опредѣленіе, въ которомъ Мало-азійскіе епископы очень смѣло утверждали правоту своего празднованія Пасхи, отличнаго отъ римскаго, то епископъ римскій написалъ письмо Мало-азійцамъ, въ которомъ провозглашалось отлу-

¹⁾ Въ виду этого допускаютъ, что можетъ быть, папою отправлено было при этомъ не одно, а два посланія на Востокъ.

²⁾ Это можно считать вторымъ его окружнымъ посланіемъ по спорному вопросу.

чение Мало-азійскихъ церквей отъ союза со всею остальною церковію ¹⁾). Намъ нѣтъ надобности подвергать критикѣ поведение папы въ спорѣ о Пасхѣ (Евсевія, V, 23—25). Важно то, что Викторъ уже является въ видной роли охранителя „общаго единенія“ церковнаго: онъ, епископъ римскій, заявляетъ самую своею дѣятельностію, что въ вопросахъ церковной жизни ему принадлежитъ право опредѣлять, чѣмъ должно условливаться общее единеніе церкви ²⁾). Древность, въ лицѣ нѣкоторыхъ епископовъ, неодобрительно отнеслась къ притязательному вмѣшательству Виктора въ дѣла восточной церкви (Евсев. V, 24); и доселѣ въ церковно-историческихъ курсахъ не римско-католическихъ писателей, рассказанная нами исторія папы Виктора обыкновенно ставится въ вину этому папѣ; но поступающіе такимъ образомъ, кажется, не должны опускать изъ вниманія, что папа Викторъ ратовалъ за правду: извѣстно, что римскія воззрѣнія касательно празднованія Пасхи потомъ стали общеобязательными для всей церкви. И значить папа можетъ быть до извѣстной степени признанъ не властолюбцемъ, а поборникомъ церковнаго благочинія. Таково было положеніе римскихъ епископовъ во II вѣкѣ ³⁾).

Обращаемся къ III вѣку. Само по себѣ понятно, что столь успѣшно начавшееся возвышеніе римской кафедры, такъ сказать въ силу закона инерціи, не должно было останавливаться на этомъ, и дѣйствительно оно пошло дальше и дальше. Третій вѣкъ былъ благопріятенъ для римскихъ епископовъ. Папы этого времени показываютъ новые опыты своего возрастающаго значенія. Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о папѣ Каллистѣ. Монтанистъ Тертуллианъ забрасываетъ грязью этого папу, такъ какъ папа отнюдь не отвѣчалъ монтанистическимъ иллюзіямъ Тертуллиана, тѣмъ не менѣе для насъ остаются въ высшей степени характеристическими тѣ насмѣшливыя имена, которыми этотъ писа-

¹⁾ Третье, по счету, письмо.

²⁾ Harnack. *De aleatoribus*—ein Werk des römischen Bischofs Victor I. S. 111—113. Leipz. 1888.

³⁾ Кстати сказать, что церкви римской стали усваивать наименование: *царицы*. (Эпитафія Аверкія, II вѣка). Harnack. *Lehrbuch u. s. w.* S. 365.

тель обзываетъ Каллиста. Онъ называетъ его иронически: pontifex maximus, episcopus episcoporum. benedictus et apostolicus papa. Всѣми этими названіями Тертуліанъ хочетъ выразить мысль, что Каллистъ что-то позволялъ себѣ такое, что дѣлало его „епископомъ епископовъ“ или высшимъ изъ всѣхъ епископовъ. Значитъ Тертуліанъ видѣлъ, чувствовалъ и понималъ, что папа далеко выдвинулся изъ ряда прочихъ епископовъ. Для насъ конечно очень важно имѣть предъ собою такое свидѣтельство. Но что-же такое сдѣлалъ папа Каллистъ, что такъ разсердило Тертуліана и въ тоже время отличило папу? Папа, по сообщенію Тертуліана, выдалъ „эдиктъ“, которымъ широко отворялись двери покаянія для самыхъ тяжкихъ грѣшниковъ, каковы напр. прелюбодѣи¹⁾. Эдиктъ этотъ, или проще сказать распоряженіе папы, хотя и раздражилъ Тертуліана, но онъ не былъ такъ нелѣпъ, какъ это кажется монтанисту Тертуліану. Папа раньше другихъ понялъ, что христіанское общество не можетъ оставаться идеально-прекраснымъ по своимъ нравамъ, — какъ того требовали крайніе ригористы. Если бы въ самомъ дѣлѣ требовать абсолютной святости отъ членовъ церкви, то церковь ограничилась бы очень малымъ количествомъ людей. Чтобы избѣжать такой крайности папа далъ позволеніе посредствомъ покаянія разрѣшать даже тяжкіе грѣхи, и такимъ образомъ достигнуть хотя относительной святости церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ дать возможность христіанскому обществу раздвинуться и разрастися, какъ можно больше и шире. Вотъ смыслъ распоряженія папы Каллиста. Пусть Тертуліанъ сердился, но папа дѣйствовалъ благоразумно. Папа понималъ, что волей-неволей приходится считаться съ этимъ грѣшнымъ міромъ и дать возможность церкви утвердиться среди этого послѣдняго. Но для насъ въ настоящемъ случаѣ гораздо важнѣе всего узнать: почему—это Тертуліанъ за изданіе рассматриваемаго нами папскаго опредѣленія называетъ Каллиста такимъ именемъ: какъ „епископъ епископовъ“? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ скажемъ, что на это названіе Тертуліану давали право: и форма папскаго „эдикта“

¹⁾ De pudicitia, cap. 1.

и мотивированіе эдикта. Форма эдикта показывала, что папа выдалъ его самъ отъ своего лица безъ сношенія съ кѣмъ либо другимъ изъ представителей церкви; и тѣмъ не менѣе свое распоряженіе папа издавалъ для всего христіанскаго міра. Такова форма эдикта. Что касается мотивированія эдикта, то здѣсь встрѣчаемся съ новостію, которой доселѣ еще не знала христіанская исторія: папа, выдавая отъ своего лица эдиктъ, оправдываетъ себя ссылкой на изреченіе Христа въ евангеліи Матѳея ¹⁾: „ты Петръ и на семъ камнѣ создалъ церковь Мою. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго, и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ“ и т. д. (Мтѳ. 16, 18—19). Т. е. слова эти Каллистъ относитъ къ себѣ, какъ преемнику ап—ла Петра: это былъ первый случай въ исторіи подобнаго пониманія вышеприведеннаго текста. Называлъ ли при этомъ Каллистъ самъ себя „епископомъ епископовъ“ неизвѣстно,—и весьма сомнительно, чтобы онъ дѣлалъ это. Но несомнѣнно то, что Каллистъ, жившій въ началѣ III вѣка, былъ исполненъ мыслию о своемъ необычайномъ авторитетѣ, почитая себя прямымъ и истиннымъ преемникомъ ап. Петра, которому, по Евангелію отъ Матѳея, даны такіа многозначительныя обѣтованія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что самочувствіе римскихъ епископовъ растетъ такъ сказать не по днямъ, а по часамъ. Но это было бы не такъ еще важно, если бы только сами папы превозносили себя, а другія лица или бы протестовали противъ нихъ, или бы награждали ихъ претензіи холоднымъ молчаніемъ. Но не такъ было на дѣлѣ. Другіе представители церкви III вѣка хоть и не всегда, но весьма часто съ своей стороны давали знать, что они не могутъ не раздѣлять мысли о высокомъ уваженіи, какимъ пользовалась и должна пользоваться кathedra римскаго епископа. Здѣсь прежде всего укажемъ, какъ смотрѣлъ на авторитетъ римскаго епископа Кипріанъ, еписк. Карфагенскій. Положеніе, что церковь основана на ап. Петрѣ, онъ высказывалъ часто какъ въ своихъ „трактатахъ“, такъ и въ письмахъ. Въ трактатѣ:

¹⁾ Tertulliani. De pudicitia, cap. 21.

„о единствѣ церкви“ онъ такъ рѣшаетъ вопросъ, отчего появляются ереси и еретики: „оттого, что не обращаются къ началу истины, не ищутъ главы. Тутъ нѣтъ надобности въ пространнѣхъ разсужденіяхъ и доказательствахъ: стоитъ только вникнуть въ дѣло и изслѣдовать его. Господь говоритъ Петру (дальѣ приводятся слова изъ Матѣ. 16, 18—19)... и опять же Онъ говоритъ ему же, по воскресеніи своемъ: „паси овецъ Моихъ“ (Іоан. 21, 16). Такимъ образомъ, пишетъ Кипріанъ, Господь основалъ церковь Свою на одномъ. И хотя, по воскресеніи своемъ, Онъ усвоилъ равную власть всѣмъ апостоламъ (Іоан. 20, 21—23), однако, чтобы показать единство, Ему угодно было съ одного же (Петра) предначать это единство“¹⁾. Въ трактатѣ же: „объ одеждѣ дѣвственницъ“ Кипріанъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Петру Господь препоручаетъ пасти и охранять овецъ своихъ и на немъ положилъ основаніе церкви“²⁾. Еще болѣе подобныхъ мѣстъ въ письмахъ епископа карфагенскаго. При одномъ случаѣ онъ именуетъ церковь римскую „матерью и корнемъ“, „мѣдромъ (matrīx) и корнемъ (radix) вселенской церкви“; или при другомъ случаѣ пишетъ: „на Петрѣ Господь основалъ церковь Свою, почему Петръ, говоря одинъ за всѣхъ и отвѣчая голосомъ церкви, сказалъ: Господи, къ кому идемъ“... (Іоан. 6, 68—69). При разныхъ случаяхъ въ тѣхъ же своихъ письмахъ Кипріанъ выражается подобнымъ же образомъ. Разъ онъ пишетъ: „Одинъ есть Богъ и одинъ Христосъ и церковь одна и каедрa, основанная по слову Господа на камнѣ, одна“. Другой разъ онъ же говорилъ: „ты въ общеніи съ римскимъ епископомъ, то есть съ каеолическою церковію“, и такимъ образомъ папа и каеолическая церковь какъ бы отождествляются. Еще. Сѣдальникъ, занимающій святительскую римскую каедрu, по выраженію Кипріана, занимаетъ „мѣсто Петра“. Дальѣ. Изобличая дерзость еретиковъ, карфагенскій пастырь говорилъ: „они осмѣливаются предпринять путешествіе къ каедрѣ Петра, къ той главной церкви (ecclesiam principalem), отъ которой изшло священническое единство“. Или приве-

¹⁾ Творен. Кипріана въ русск. переводѣ. Т. II, 179. Кіевъ, 1891.

²⁾ Тамъ же, стр. 135.

демъ еще одинъ, послѣдній, примѣръ. Похвалая папу Корнелія, Кипріанъ разсуждалъ: „ясно выразилась вѣра ваша, которую приписалъ вамъ св. Павелъ (Рим. 1, 8). Уже тогда онъ предвидѣлъ въ духѣ эту хвалу доблести и крѣпости силы, и возвѣщая торжественно о вашихъ заслугахъ въ будущемъ, вызывалъ потомковъ, похвалая предковъ. Своимъ единодушіемъ и своимъ мужествомъ вы подали великіе примѣры единодушія и мужества и прочимъ братіямъ церкви“¹⁾. Такихъ взглядовъ на римскую церковь и ея епископа держался Кипріанъ. Правда тотъ же Кипріанъ нѣсколько послѣ въ спорѣ съ папою Стефаномъ по вопросу о крещеніи еретиковъ, недовольный его настойчивостію на своемъ мнѣніи, старался ослабить тѣ вышеприведенныя опредѣленія, въ какихъ онъ выражалъ свое уваженіе къ Риму, и уличаетъ римскаго епископа въ томъ, что онъ хочетъ стать епископомъ епископовъ. Такъ онъ начинаетъ относить выраженія „глава“ и „корень“ ко всей церкви, а власть пользоваться ключами царства небснаго переносить съ Петра на всѣхъ апостоловъ. Далѣе, онъ упрекаетъ папу въ злоупотребленіи своею властію; наприм., онъ писалъ: „Петръ, котораго перваго избралъ Господь и на которомъ основалъ Свою церковь, ничего нагло не присваивалъ себѣ и не говорилъ съ высокомѣріемъ, что ему, какъ первоизбранному, должны повиноваться новички и послѣдующіе“ (a novellis et posteris). А самыя разсужденія папы по вопросу именуютъ „слишкомъ высокомѣрными, не относящимися къ дѣлу и противорѣчивыми“, и иронически восклицаетъ по этому поводу: „прекрасное же и законное преданіе предлагаетъ братъ нашъ Стефанъ своимъ ученіемъ“²⁾! Но всѣ эти неблагоприятныя и уничижительныя замѣчанія Кипріана не даютъ намъ права уменьшать значенія вышеприведенныхъ его отзывовъ о римской каедрѣ; эти неблагоприятныя замѣчанія появились у Кипріана въ виду личныхъ столкнове-

¹⁾ Твор. Кипріана въ рус. пер. Т. I (пис. 36) стр. 197; (пис. 39), стр. 203; (пис. 47), стр. 257; (пис. 34), стр. 192; (пис. 43) стр. 214; (пис. 43), 223; (пис. 47), стр. 265; (пис. 50), стр. 288.

²⁾ Тамъ же (пис. 60) стр. 332. 336; (пис. 58) стр. 327; (пис. 61) стр. 350. 353. Cf. Harnack. Lehrbuch. u. s. w. B. I, 370.

ній его съ папою. Притомъ же мы не должны забывать, что догматическая правда въ спорѣ Кипріяна со Стефаномъ оказалась не на сторонѣ епископа Карфагенскаго. — На Востокѣ въ III вѣкѣ голосу папѣ въ важнѣйшихъ вопросахъ времени придавалось великое значеніе. Знаменитый Оригенъ, желая защитить свое православіе, съ этою цѣлю, пишетъ нарочитое письмо къ папѣ Фабіану¹⁾. Можно указать и еще случай въ подобномъ же родѣ. Когда нѣкоторые изъ Александрійскихъ христіанъ оказались недовольными ученіемъ Діонисія еписк. Александрійскаго о Сынѣ Божіемъ (онъ называлъ Сына Божія „тварью“, желая опровергнуть еретика Савеллія), то отъ лица этихъ христіанъ отправилась депутація въ Римъ къ римскому епископу Діонисію же съ жалобой на Діонисія Александрійскаго. И папа, ни мало не затрудняясь, принялъ эту жалобу и отдалъ ее на обсужденіе римскаго собора. Это внимательство папы никого не удивило и не встрѣтило никакого протеста²⁾. Очевидно восточная церковь того времени признавала за папой право оберегать единство церковнаго ученія. Даже языческіе императоры III вѣка считали римскаго епископа какъ бы главою церкви. Такъ, когда къ императору Авреліану обратились отцы Антіохійскаго собора съ просьбой изгнать за ересь епископа Павла Самосатскаго изъ Антіохіи и допустить къ управленію этою церковію Домна, языческій императоръ постановилъ: пусть тотъ будетъ епископомъ Антіохіи, кто соглашается въ вѣрѣ съ церковію города Рима. (Евсевія, VII, 30). Конечно императоръ Авреліанъ въ этомъ случаѣ придаетъ значеніе римскому епископу, лишь какъ епископу столицы, но фактъ все же остается фактомъ поучительнымъ.

Римъ съ его епископомъ поднимался въ авторитетъ и значеніи по многимъ причинамъ; главные изъ нихъ слѣдующія: Римъ былъ городомъ, гдѣ проповѣдовали первоверхов-

¹⁾ Евсевія, VI, 36. Творен. Иеронима въ русск. пер. Т. II, (чис. 77), стр. 374. Киев. 1879.

²⁾ Св. Афанасія. О Діонисіи еписк. Александрійскомъ. Твор. его въ рус. пер. Т. I, 456. Изд. 2-ое. Его-же. Посланіе о соборахъ. Т. III, 149—150. Изд. 2-ое.

ные апостолы Петръ и Павелъ, онъ былъ каедрой Петра, единственною апостольскою церковію на Западѣ, Римская церковь свои духовныя и матеріальныя попеченія простирала на всю остальную церковь; Римъ, наконецъ, не могъ не имѣть значенія, какъ столица міра — даже перенесеніе столицы не повредило римскому епископу, потому что хотъ столицу и перенесли, но за то остался Римъ.

Съ IV вѣка значеніе римскаго епископа все больше и больше возрастаетъ и къ срединѣ V вѣка папы возвышаются настолько, что имъ почти нечего было больше желать. Самочувствіе римскихъ епископовъ этого времени растетъ съ изумительною быстротою. Папа IV вѣка Юлій уже не стѣсняясь объявлялъ, что будто бы въ силу церковныхъ правилъ, въ дѣлахъ церковныхъ ничего не должно совершаться безъ вѣдома римскаго епископа¹⁾. Папа Дамасъ того же IV вѣка, обращаясь въ своихъ письмахъ къ восточнымъ епископамъ въ совокупности, называетъ ихъ не братьями, какъ прежде, а осмѣливается называть ихъ: „мои дѣти“, говоритъ съ ними не отъ имени соборовъ, а прямо отъ своего лица, отъ своей апостольской каедры, и объявлялъ, что кормило церкви, которое прежде было въ рукахъ ап. Петра, теперь перешло къ нимъ, папамъ²⁾. Начиная съ папы Сириція, римскіе епископы не опускали случая заявлять, что на нихъ лежитъ забота о всѣхъ церквахъ³⁾. Въ пятomъ вѣкѣ на самыхъ вселенскихъ соборахъ папы осмѣливаются провозглашать о своей высшей церковной власти. Конечно они здѣсь заявляютъ не лично, а чрезъ своихъ легатовъ. Легатъ Филиппъ на III всел. соборѣ говоритъ: „никто не сомнѣвается,—это уже стало извѣстно въ теченіи вѣковъ,—что св. Петръ предстоятель (князь) (и глава) апостоловъ, столпъ вѣры и фундаментъ каеолической церкви, отъ Господа Христа получилъ ключи царствія, и ему поручена власть вязать и рѣшить; и этотъ (т. е. Петръ) живетъ доднесь въ его преемникахъ и имѣетъ власть суда. Теперь же преемникомъ Петра есть святѣйшій папа Целестинъ“

¹⁾ Сократа. Церк. ист., II, 17.

²⁾ Θεодорита Церк. ист., V, 10.

³⁾ Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte. B. II, 102. Freib. 1887.

и т. д.¹⁾. Тоже видимъ на IV вселенскимъ соборѣ. Папскій легатъ Пасхазинъ говорилъ: „мы имѣемъ въ рукахъ повелѣніе святѣйшаго и апостольскаго мужа папы города Рима, который (Римъ) есть глава всѣхъ церквей“. И при другомъ случаѣ тотъ же Пасхазинъ называетъ апостола Петра „скалой и утвержденіемъ католической церкви и основаніемъ правой вѣры“²⁾ — въ извѣстномъ папскомъ смыслѣ. Западные церкви и западные епископы съ своей стороны не только не противодѣйствовали развитію папскаго абсолютизма, но и охотно поддерживали папъ въ подобныхъ стремленіяхъ. Такъ соборъ Сардикійскій IV вѣка, по первоначальному намѣренію вселенскій соборъ (пр. 3), предоставилъ папѣ, въ лицѣ римск. епископа Юлія, право принимать апелляціи ото всѣхъ епископовъ христіанскаго міра (епископовъ, которые считали себя несправедливо низложенными), принимать апелляціи съ тѣмъ, чтобы или подтвердить приговоръ или, кассируя его, передавать дѣло на разсмотрѣніе новаго собора. Замѣчательнѣйшіе западные писатели, какъ св. Амвросій Медиоланскій, блаж. Августинъ и бл. Иеронимъ говорятъ о папской власти такъ, какъ будто бы ихъ устами говорилъ самъ папа³⁾. Сами императоры напр. Θεодосій I и Валентиніанъ III говорятъ въ лестныхъ выраженіяхъ о власти папъ въ церкви⁴⁾.

Но что еще важнѣе — Востокъ, восточная церковь съ IV вѣка, какъ будто умышленно дѣлаетъ очень многое, чтобы утвердить и увѣрить папу, что онъ дѣйствительно высшій другихъ епископъ. Во время различныхъ нестроений на Востокъ въ IV и V вѣкѣ многіе замѣчательнѣйшіе представители православія искали себѣ помощи въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни — въ Римѣ, у папы. Туда отправлялся лично Аѳанасій Великій; тамъ искали себѣ поддержки и защиты Павелъ епископъ К—польскій, Маркелъ Анкирскій; Златоустъ, сосланный въ ссылку, обращается за по-

¹⁾ Дѣян. всел. соб. въ рус. пер. Т. I, 273. Изд. 2-ое. (Переводъ нѣсколько отстupaетъ отъ оригинала).

²⁾ Mansi. Concilia. Tom. VI, 579 et. seq. Дѣян. Т. III, стр. 66. Изд. 2.

³⁾ Pichler. Geschichte d. kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. B. I, 114—15.

⁴⁾ Ibidem, S. 121.

мощью опять въ Римъ. Кириллъ Александрійскій и блаж. Теодоритъ—въ Римѣ же ищутъ себѣ поддержки и одобренія. Изъ всего этого создавался прочный фундаментъ для папскаго возвышенія. Василий Великій во время аріанскихъ смятеній отъ лица церкви восточной писалъ на Западъ: „подвигнитесь на помощь нашу и избавьте насъ отъ бури; прежде нежели совершенное крушеніе постигло церкви, поспѣшите къ намъ, уже, ей! просимъ васъ, подайте руку падшимъ на колѣна“¹⁾. Конечно папѣ не только пріятно, но и выгодно было видѣть Восточную церковь смиренно преклоняющеюся на колѣнахъ предъ римскими и вообще западными епископами. И нужно сказать: Римскій епископъ привлекалъ и очаровывалъ восточныхъ епископовъ своимъ могуществомъ: папа былъ большою реальною силою. А народъ на Востокѣ отдавалъ дань уваженія папамъ за ихъ твердость и непоколебимость въ вѣрѣ, хотя народъ нерѣдко за такую твердость принималъ нѣчто другое: Римъ покоенъ, онъ не входитъ въ споры—значитъ онъ твердъ въ истинѣ, разсуждали непроницательные люди на Востокѣ. — Далѣе; что ни дѣлалось бы на церковномъ Западѣ—восточные епископы не вмѣшивались въ это, какъ напротивъ: не было ничего такого на Востокѣ, во что ни вмѣшались бы папы. Образовалось странное положеніе: папамъ какъ будто бы до всего есть дѣло, а восточнымъ епископамъ ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ ихъ домашнихъ споровъ. Невольно, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ возникала мысль, что папы дѣйствительно обладаютъ какими-то особыми правами въ церкви. А чѣмъ отвѣчали въ IV и V вѣкѣхъ на Востокѣ на многочисленные притязанія папъ, вторгавшихся въ дѣла Востока? Почти ничѣмъ. Мы не видимъ громкаго протеста противъ папскаго высокомерія. Вотъ папа Левъ I не принялъ 28 правилъ собора Халкидонскаго, каковымъ правиломъ возвышалась каеэдра К—польская. Чѣмъ же отвѣчаетъ Востокъ на это? Епископы Востока съ императоромъ византійскимъ дѣйствуютъ нерѣшительно и уклончиво; повидимому, они подавали Льву даже надежду, что правило это въ скоромъ вре-

¹⁾ Письма Василия Вел. (86. 88): твор. его въ рус. п., т. VI, 194. 199. Сер. II., 1892.

мени будетъ совсѣмъ отмѣнено ¹⁾. Власти церковная и гражданская смиренно склоняются предъ чуждымъ авторитетомъ и не настойчиво настаиваютъ на своихъ правахъ. Историки церковные V-го вѣка Сократъ и Созоменъ настолько приглядѣлись ко вѣшательству папъ въ дѣла Востока, что въ своихъ историческихъ трудахъ считаютъ это явленіемъ какъ бы вполне законнымъ и обычнымъ. Созоменъ говоритъ: „Римскій епископъ имѣетъ обязанность, пеищися о всѣхъ“, т. е. о всѣхъ церквахъ, „согласно достоинству своего престола“ (III, 8). А Сократъ пишетъ: „по церковному правилу никакого постановленія въ церквахъ *безъ согласія* римскаго епископа вводить не слѣдуетъ“ (II, 8. 15).

Вообще нѣкоторые современные намъ историки полагаютъ, что во времена вселен. Халкидонскаго собора „идея папскаго приматства достигала уже тѣхъ размѣровъ, до какихъ она доходила въ Средніе вѣка“ ²⁾.

Было бы однако напрасно думать, что папскій авторитетъ возрасталъ безъ всякихъ помѣхъ на Востокѣ. Такія помѣхи были, но онѣ не остановили возрастанія папской власти. О соперничествѣ съ Римомъ раньше всего сталъ помышлять Александрійскій патріархъ, но его помыслы въ этомъ родѣ закончились полнѣйшимъ фіаско. Извѣстный нѣмецкій историкъ Гарнакъ вотъ что говоритъ объ этомъ соперничествѣ Александріи съ Римомъ: Александрійскіе епископы, начиная отъ Аѳанасія до Діоскора, имѣли нѣчто общее. Они ратовали за то, чтобы сдѣлаться повелителями Египта и руководителями церкви восточной. Ихъ характеризовало постоянное ихъ сопротивленіе свѣтской власти. Ихъ можно сравнивать съ великими папами, и это сравненіе тѣмъ болѣе уместно, что они имѣли цѣлію образовать изъ Египта родъ независимой церковной области. Всѣ епископы Александрійскіе отъ Аѳанасія до Діоскору все болѣе и болѣе близились къ этой цѣли. Они при этомъ опирались на три могучія силы; на монашество, на массы писшаго народа и на римскаго епископа, который до поры до времени под-

¹⁾ Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ русск. пер. Томъ IV. 201. Изд. 2-ое.

²⁾ Слова проф. В. В. Болотова (изъ его литограф. лекцій за 1887—8 г., стр. 331). *Handb. Lehrbuch...* В. II, 102—103.

держиваль Александрійскихъ патріарховъ. Александрійскій патріархъ былъ сторонникомъ церковнаго традиціонализма и боролся противъ науки—этимъ онъ хотѣлъ достичь ореола высшей святости. Всѣ цѣли, къ коимъ стремились эти патріархи, воплотилъ въ себѣ Діоскоръ. Онъ хотѣлъ закончить то, къ чему стремились его предшественники. Онъ порвалъ всѣ связи съ Римомъ и захотѣлъ образовать второй Римъ въ Александріи. И вотъ въ срединѣ V вѣка Діоскоръ сталъ на такую точку, утверждаясь на которой, онъ вздумалъ объявить себя—независимымъ владыкой Египта и полнымъ господиномъ всей восточной церкви. Но попытка Діоскора не удалась. Онъ былъ коптъ. А коптскій деспотъ, отказавшійся отъ всего греческаго, могъ развѣ только помечтать о той власти, къ какой онъ стремился. При томъ же онъ вооружилъ противъ себя папу, а папой въ то время былъ могущественнѣйшій Левъ I, который не желалъ съ кѣмъ бы то ни было дѣлить своей церковной власти. И Александрія не сдѣлалась вторымъ Римомъ. Діоскоръ палъ—и папа навсегда избавился отъ такого соперника, какъ патріархъ Александрійскій, такъ какъ послѣ Халкидонскаго собора Александрійскій патріархатъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше теряетъ свое значеніе. Вотъ разсужденія Гарнака, впрочемъ слишкомъ ужъ рѣшительныя, по занимающему насъ вопросу ¹⁾.

Гораздо большее значеніе имѣлъ въ глазахъ папы—Константинопольскій патріархъ, въ особенности съ V вѣка. Это былъ соперникъ, съ которымъ борьба папы была продолжительна и упорна. Съ теченіемъ времени на Востокѣ остался одинъ патріархъ, который по справедливости могъ носить это имя—Константинопольскій. Прочіе патріархи Востока стали его послушными орудіями ²⁾. Тѣмъ болѣе было основаній для папы не выпускать изъ вниманія этого соперника; Константинопольскій патріархъ сдѣлался почти такимъ же папой Востока, какимъ на Западѣ былъ римскій епископъ.

¹⁾ Harnack. Lehrbuch u. s. w. II, 348 - 351. 341.

²⁾ „Съ началомъ VI в. управленіе христіанскою церковію на Востокѣ сосредоточилось въ однѣхъ рукахъ“ К—польскаго патріарха. Lübeck. Reichseintheilung und kirchliche Hierarchie des Orients, S. 232.

Естественно, между этими двумя папами происходила многовѣковая борьба, разрѣшившаяся раздѣленіемъ церквей ¹⁾.

Раздѣленіе церквей—это есть вѣковѣчное свидѣтельство, что два великана-іерарха, послѣ бесплодной борьбы нѣкогда разошлись, сложили оружіе, не видѣвъ возможности побѣдить одинъ другаго.

Скажемъ нѣсколько словъ о вселенскихъ соборахъ, какъ высшей формѣ церковнаго управленія.

Происхожденіе вселенскихъ соборовъ очень просто. По существу дѣла вселенскіе соборы ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ большихъ соборовъ, какіе собирались въ эпоху первыхъ трехъ вѣковъ. Таковы, напр., были Антиохійскіе соборы противъ Павла Самосатскаго. На этихъ соборахъ присутствовали весьма многіе восточные епископы; всѣ представители главныхъ каедръ—римской, Александрійской и проч.—такъ или иначе выразили свой голосъ и свое согласіе по предмету соборныхъ разсужденій въ Антиохіи. Слѣдовательно въ іерархическомъ отношеніи эти соборы тоже были какъ-бы вселенскими, поскольку съ опредѣленіями этихъ соборовъ согласна была вся церковь. Единственное и главное отличіе дѣйствительныхъ вселенскихъ соборовъ отъ большихъ многочисленныхъ по составу членовъ соборовъ прежней эпохи въ томъ, что постановленія вселенскихъ соборовъ принимались подъ покровительство императоровъ, постановленія эти входили въ число государственныхъ законоположеній. Такое условіе, конечно, сдѣлалось возможнымъ только со временъ императора Константина Великаго, со временъ единенія церкви и государства. Поэтому, можно утверждать, что происхожденіе вселенскихъ соборовъ обязано тому измѣненію въ положеніи церкви и государства, какое совершилось со временъ Константина.

Вселенскіе соборы съ другой стороны, по своему происхожденію, тѣсно связаны съ возникавшей и утверждавшейся

¹⁾ При изученіи папства древняго времени не лишнее имѣть въ виду заграничную книгу, подъ заглавіемъ: „Церковное преданіе и русск. богословская наука“ (стр. 1—582). Книга занимается вопросомъ о главенствѣ папы (Авторъ ея не названъ). Фрейбургъ въ Бризгау. 1898.

съ IV вѣка, системой патріаршескаго управленія. Раньше, въ своемъ мѣстѣ, мы замѣтили, что въ эпоху первыхъ трехъ вѣковъ, развитіе соборной системы шло рука объ руку съ развитіемъ митрополической системы, при томъ такъ, что система соборовъ въ своемъ развитіи опиралась на систему митрополическую, а эта послѣдняя крѣпла по мѣрѣ утвержденія соборной системы. Эти двѣ системы управленія развились тогда совмѣстно, одна другую поддерживая, одна на другую опираясь, развитіе одной выгодно отзывалось на развитіи другой и т. д. Тоже должно сказать о патріаршеской системѣ управленія и о вселенскихъ соборахъ. Эти два новыхъ института развиваются, взаимно себя поддерживая и условливая, такъ что трудно сказать: что важнѣе было для ихъ возникновенія и утвержденія — вселенскіе ли соборы для патріаршеской системы, или эта система для вселенскихъ соборовъ? Ихъ развитіе идетъ параллельно, въ тѣсной зависимости одного института отъ другого. Вселенскіе соборы организовали институтъ патріаршескій — это несомнѣнно, но съ другой стороны возникновеніе патріаршей системы дало жизнь и опредѣлило форму вселенскихъ соборовъ. Вселенскій соборъ немислимъ безъ согласія по данному вопросу всѣхъ патріарховъ: они должны ясно выразить свою волю на соборѣ, но съ другой стороны никто другой, — какъ именно вселенскіе соборы возвысили патріарховъ, поставили ихъ во главѣ церкви, облекли ихъ исключительною властію. Какъ скоро явилась высшая церковная власть — патріархи, необходимъ былъ опредѣленный органъ, который служилъ бы къ выраженію ихъ совокупной власти, такимъ органомъ и сдѣлался вселенскій соборъ. Вселенскій соборъ ясно выражалъ собою единеніе церкви, регулируемой волей высшихъ іерарховъ, т.-е. патріарховъ. Но съ другой стороны только вселенскіе соборы выяснили для общецерковнаго сознанія, что такое патріархи, съ какимъ уваженіемъ и почтеніемъ должна относиться церковь къ ихъ голосу. Итакъ мы видимъ, что вселенскіе соборы и патріаршеская система стоятъ по своему развитію и утвержденію въ церкви, — въ тѣснѣйшей связи. Не случайно произошло то, что послѣ VIII вѣка мы не видимъ вселенскихъ соборовъ въ церкви. Отдѣлился отъ

союза съ восточною церковію главнѣйшій и важнѣйшій патріархъ — римскій, вслѣдствіе чего ни на Востока не можетъ быть истинно-вселенскаго собора, ни на Западѣ: для восточной церкви не достаетъ голоса римскаго патріарха—папы ¹⁾). А безъ согласія всѣхъ патріарховъ не можетъ быть вселенскаго собора — такъ мыслила древняя церковь. Расколъ патріаршій положилъ конецъ вселенскимъ соборамъ.

Докончимъ характеристику вселенскихъ соборовъ, какъ формы церковнаго управленія.

Древняя церковь не знала такого раздѣленія функцій власти, какое имѣетъ мѣсто въ настоящее время, наприм. въ государствѣ. Въ древности одни и тѣ же іерархи были и администраторами, и законодателями, и судьями, и надзира-телями за членами церкви,—такъже, какъ это осталось въ нашей церкви и доселѣ: у насъ епископъ — и администра-торъ, и судья, и блюститель за общимъ религіознымъ состо-яніемъ клира и пасомыхъ. Вслѣдствіе этого, вселенскіе соборы соединяли въ себѣ всевозможные функціи. Кругъ ихъ занятій былъ чрезвычайно широкъ: ихъ вѣдѣнію под-лежали прежде всего важнѣйшіе догматическіе вопросы, они составляли символы и вѣроопредѣленія, обязательные для остальной церкви. Они производили судъ надъ нарушителями церковнаго мира,—еретиками; будетъ-ли таковымъ патріархъ или священникъ, или архимандритъ, или простой монахъ. Вселенскіе соборы рѣшали вопросы о церковномъ управленіи: указывали нормы такого управленія и узаконяли ихъ, или же рѣшали спорные вопросы о предѣлахъ церковнаго округа того или другаго іерарха. Мало того: они являлись выра-женіемъ какъ-бы высшей духовной цензуры; произносили свой судъ касательно литературы церковной — современной имъ или болѣе древней. Извѣстно, наприм., что V-ый вселен. соборъ подвергаетъ строгому разбору всѣ сочиненія умер-шаго епископа Θεодора Мопсуестскаго, указываетъ ихъ ошибки и заблужденія и такимъ образомъ беретъ на себя обязан-ность предостеречь отъ нихъ церковь будущаго времени;

¹⁾ Такихъ же мыслей держался и Моск. митрополитъ Филаретъ. См. его „Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ“ и т. д. Стр. 61. Спб. 1815.

тоже самое дѣлаетъ этотъ же соборъ касательно нѣкоторыхъ сочиненій Θεодорита Кирскаго и Ивы Едесскаго. (Оба жили въ V вѣкѣ). На VII вселен. соборѣ происходилъ разборъ сочиненій Евсевія Кесарійскаго (IV в.), на котораго въ свою защиту ссылались иконоборцы, и Евсевій былъ осужденъ, какъ аріанинъ и нечестивецъ. На III всел. соборѣ читались многія выдержки изъ сочиненій Несторія, хотя въ подробности по этому поводу отцы и не входили. На VI всел. соборѣ подвергались критикѣ сочиненія Макарія, патріарха Антиохійскаго. — Соборы вселенскіе также занимались финалсовою частію церкви, наприм. на Халкидонскомъ соборѣ разсматривался вопросъ о томъ, какъ предовратить расхищеніе церковныхъ денегъ нѣкоторыми недостойными епископами. На томъ же соборѣ рѣшался, впрочемъ, частный вопросъ о пенсіи нѣкоторымъ отставнымъ іерархамъ. Вселенскіе соборы издавали, наконецъ, множество правилъ и постановленій касательно общественной нравственности, касательно благочинія клириковъ, монаховъ и мірянъ. Вообще кругъ дѣятельности этихъ соборовъ такъ широкъ, какъ только можно представить себѣ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІИ.

І. Способы образованія духовенства и интел- лектуальное состояніе его во II и III вѣкахъ.

Когда первохристіанскій религіозный энтузіазмъ началъ убавляться и ослабѣвать, когда суровая и будничная жизнь начала предъявлять свои права и требованія, а ожиданія близкаго второго пришествія Христова, которыми преисполнялись сердца первыхъ поколѣній христіанъ, не приходили къ осуществленію, тогда нѣкоторые изъ членовъ новой религіи принялись за изученіе тогдашней науки, пришли къ мысли о пользѣ и необходимости сообщенія имѣющихся у нихъ научныхъ свѣдѣній другимъ своимъ собратіямъ и стали открывать нѣкоторое подобіе тѣхъ школъ, какія существовали въ греко-римскомъ мірѣ.

Церковь однакожъ не только не поощряла такихъ затѣй, но даже смотрѣла на нихъ съ явнымъ нерасположеніемъ. Главная причина такого страннаго на первый взглядъ явленія заключалась въ томъ, что она боялась какъ бы такимъ путемъ не повредить чистотѣ Евангелія и не привнести въ свою среду мірской—языческой элементъ. Насколько опасенія церкви въ данномъ отношеніи были справедливы — объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Другою очень важною причиною, побуждавшею церковь скептически взирать на профессоровъ, заводившихъ христіанскія школы, и на самыя эти школы, было то, что христіанскія школы любили

открывать еретики съ цѣлю противодѣйствія православію; при чемъ, само по себѣ понятно, училища эти не могли находить ни малѣйшаго одобренія въ глазахъ церкви. Вотъ наприимѣръ, какая была программа изученія св. Писанія въ школахъ маркіонитскихъ, получившихъ свое имя, какъ извѣстно, отъ имени еретика Маркіона: „пророчества опровергають сами себя, потому что не заключаютъ нисколько правды; они несогласны между собою, лживы и противорѣчатъ одно другому“. Учителя этихъ школъ, на взглядъ церкви, были надменными неучами. О нихъ говорили въ кругахъ церковныхъ, что они тщеславились названіемъ „учитель“ и однакожъ „не умѣли доказывать своего ученія“ (Евсевія Ц. Ист. V, 13). Столь же много не привлекательнаго и даже еще болѣе церковь находила въ школахъ артемонитовъ, получившихъ свое названіе отъ монархіанина Артемона. Церковный судъ касательно этихъ школъ прекрасно выражается въ слѣдующемъ интересномъ историческомъ извѣстіи современника изучаемаго явленія: „они (артемониты) не обращаютъ вниманія на то, что говоритъ свящ. Писаніе, но неутомимо стараются найти какой-нибудь видъ умозаключенія въ подтвержденіе нечестиваго своего ученія. А когда противопоставляютъ имъ изреченія божественнаго Писанія, то они изслѣдываютъ, какой-бы сдѣлать изъ него видъ силлогизма—соединительный или раздѣлительный. Отлагая въ сторону святое Писаніе, они учатся геометріи: какъ земные говорятъ земное и не знаютъ грядущаго свыше. Нѣкоторые изъ нихъ прилежно занимаются Евклидомъ, удивляются Аристотелю и Теофрасту, а Галена (ученаго медика) едва-ли не боготворять. Что они злоупотребляютъ наукою невѣрныхъ ради подтвержденія еретическаго своего мнѣнія и искажаютъ простую вѣру божественныхъ Писаній хитростями безбожниковъ, и такимъ образомъ дѣлаются не близкими къ вѣрѣ — объ этомъ и говорить нечего. Потому-то, чуждые страха, они наложили свои руки и на божественное Писаніе: надлежало, толковали они, „исправить его“, и въ самомъ дѣлѣ, „исправляли его, то есть обезображивали“, замѣчаетъ повѣствователь, и затѣмъ продолжаетъ: „сколь дерзко такое преступленіе, вѣроятно сознають и они сами.

Они либо не вѣрятъ, что божественное Писаніе изречено святымъ Духомъ, либо почитаютъ себя мудрѣе святаго Духа, — а что это, какъ не бѣснованіе? Нѣкоторые изъ нихъ даже не сочли достаточнымъ обезобразивать Писаніе, но просто отвергли Законъ (пятокнижіе) и (ученіе) пророковъ, и прикрываясь именемъ благодати, начали преподавать свое беззаконное и безбожное ученіе и дошли до послѣдней бездны гибели“ (Евсевія V, 28). Горькіе плоды иногда получались даже отъ такихъ учителей, отъ которыхъ церковь имѣла всѣ основанія ожидать совершенно обратнаго. Припомнимъ, напримѣръ, Таціана — апологета. Онъ былъ ученикомъ св. Іустина философа и пока обращался съ этимъ послѣднимъ, являлся представителемъ православныхъ воззрѣній, но вотъ скончался Іустинъ, удостоившись мученичества, и Таціанъ „отпалъ отъ церкви“. Онъ вообразилъ себя „превосходнѣйшимъ учителемъ“ и „образовалъ какую-то свою особую школу“ (ἰδίῳ χαρακτῆρι διδασκαλείου). Тогда онъ сталъ распространять разную „хулу“, „баснословилъ о какихъ-то невидимыхъ зонахъ, объявлялъ бракъ разтлѣніемъ и отрицать спасеніе Адама“¹⁾.

Церковь видѣла всѣ подобныя явленія, сокрушалась и конечно относилась къ нимъ съ нерасположеніемъ. А въ результатѣ получалось то, что она не только сама не дѣлала попытокъ заводить у себя школы, но и съ предубѣжденіемъ относилась къ инициаторамъ школьнаго дѣла въ христіанскомъ мірѣ. Писатель первой половины II вѣка, Эрмъ уже жалуется на появленіе въ церкви „лицемѣровъ и учителей неправды, которые не имѣютъ плодовъ правды и въ которыхъ нѣтъ никакого плода истины; они обольщали людей и каждый изъ нихъ училъ сообразуясь съ похотями грѣшныхъ“; церковный писатель замѣчалъ, что за „свое дѣло они могутъ ожидать только одного: наказанія“²⁾.

Среди такихъ историческихъ обстоятельствъ, инициаторы школьнаго дѣла въ христіанскомъ мірѣ не только не могли разчитывать на прямую поддержку со стороны тогдашней

¹⁾ Св. Иринея. Противъ ересей, кн. I, гл. 28.

²⁾ Эрм. Пастырь: видѣн. IX, 19.

церкви, но и должны были вести самое дѣло среди величайшихъ трудностей. Климентъ александрійскій, извѣстный учитель школы, всю жизнь провелъ въ борьбѣ со взглядами, неблагопріятствовавшими укрѣпленію и развитію христіанскаго училищнаго дѣла. Онъ постоянно сталкивался съ лицами, которые утверждали, что будто „слѣдуетъ заниматься вещами лишь самыми необходимыми, каковы элементарныя положенія вѣры, и что будто бы ученія внѣшнія (т. е. науки, какія были у язычниковъ), намъ (христіанамъ) чуждыя и не нужны, слѣдуетъ обходить молчаніемъ, потому что они будто бы будутъ лишь обременять насъ и притомъ совершенно понапрасну и отвлекать насъ къ дѣламъ, не имѣющимъ отношенія къ нашему спасенію“. Иные же, по словамъ Климента выражали мнѣніе, что „философія (подъ понятіе которой тогда подводилась вся наука) проникла въ жизнь людей лишь на горе и на гибель имъ и что она имѣетъ злой корень“. Въ виду такихъ взглядовъ на науку, Клименту приходилось доказывать, что „философія сама по себѣ вовсе не вліяетъ губительно на человѣческую жизнь и что не она причиною возникновенія ложныхъ мнѣній и дурныхъ дѣлъ и что отъ вѣры она не отвлекаетъ насъ, какъ еслибы это были чары какого-либо волшебнаго искусства“¹⁾. Повидимому, устные и письменныя разъясненія Климентомъ сейчасъ указанныхъ его воззрѣній не имѣли большаго успѣха. По крайней мѣрѣ Оригенъ, извѣстный учитель той же александрійской школы, долженъ былъ начинать сначала защиту пользы и необходимости изученія христіанами языческихъ наукъ и въ особенности философіи. Оригенъ, сдѣлавшись учителемъ, хотѣлъ было довольствоваться изложеніемъ христіанскихъ истинъ, но потомъ увидалъ, что этого недостаточно и что необходимо преподавать еще философію. А такъ какъ онъ философіи не изучалъ, то сталъ ходить на уроки тогдашнихъ александрійскихъ философовъ. Но все это не сошло ему даромъ. Его стали порицать за это, какъ за измѣну вѣры. Оригенъ принужденъ былъ защищаться, ука-

¹⁾ Stromat. Lib I, cap. 1 (finis) et cap. 2 (initium). Слич. русскій пер. Корсунскаго, стр. 21—23.

зывая на примѣры лицъ истинно-православныхъ, которые и сами учились у философовъ и въ христіанской школѣ преподавали философію (Евсевія VI, 19). Любопытно, что онъ не счелъ нужнымъ сослаться на примѣръ Климента. По всей вѣроятности репутація этого горячаго любителя философіи была не особенно высока: его авторитетомъ не удобно было защищаться и прикрываться... Очень интересно узнать, что иногда преподаваніе въ христіанской школѣ приводило къ неожиданно тяжкимъ послѣдствіямъ для преподавателя. О Лукіанѣ, пресвитерѣ Антиохійскомъ, котораго считаютъ основателемъ Антиохійской школы, извѣстно, что онъ въ теченіе болѣе четверти столѣтія, въ правленіе трехъ преемственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ епископовъ названнаго города, находился внѣ общенія церковнаго. былъ ἀποσυνῶμος, подлѣ отлученіемъ¹⁾). Но почему случилось такъ? Историкъ Адольфъ Гарнакъ предполагаетъ, что въ такомъ положеніи Лукіанъ очутился потому, что онъ былъ „главой школы“ или училища²⁾, т. е. потому, что онъ рѣшилъ на такое дѣло, которое не считалось одобрительнымъ. Предположеніе это, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вѣроятія въ виду того, что хотя вскорѣ по смерти Лукіана исторія и старается указать какую-либо другую причину нелегальнаго положенія знаменитаго главы школы, (его неправославіе); но это указаніе мало кого удовлетворитъ³⁾. Памятники хранятъ по разсматриваемому поводу полное молчаніе. Но еще интереснѣе указаніе, что въ изучаемое нами время слово „школа“ вошло въ лексиконъ бранныхъ словъ. Какъ въ наше время, когда хотятъ кого-нибудь опозорить, то именуютъ его нигилистомъ или социалистомъ, такъ въ тѣ отдаленные вѣка съ такимъ же успѣхомъ въ подлежащихъ случаяхъ пользовались словомъ „школа“. Извѣстный антипапа Ипполитъ, желая въ конецъ опозорить своего недруга Каллиста, римскаго папу, не нашелъ, для этого, другаго болѣе вѣрнаго способа, какъ приписываніе ему основанія школы. То цер-

¹⁾ Θεοδωρίτου. Церк. Исторія, I, 3 (по другимъ 4. Послан. Александра Александрійскаго).

²⁾ Harnack. Die Lehre der zwölf Apostel. S. 136. Leipzig, 1884.

³⁾ Θεοδωρίτου. Церк. Ист., I, 3 (4).

ковное общество, главой котораго былъ Каллистъ и которымъ была церковь Рима, Ипполитъ въ гнѣвъ и раздраженіи называетъ „школой“ (*διδασκαλείον*)¹⁾, давая тѣмъ разумѣть, что этотъ римскій папа оставилъ и презрѣлъ церковь и вмѣсто нея учредилъ школу, училище. Выходило такимъ образомъ, что завести школу значило отторгнуться отъ церкви, перейти за ея предѣлы.

Изъ предшествующей рѣчи само собою открывается, что шансовъ на развитіе школьнаго дѣла въ рассматриваемое время было очень мало. Церковь отстранялась отъ него, а частныя лица принимали на себя инициативу въ данномъ отношеніи рѣдко и при исключительныхъ условіяхъ²⁾.

Но такъ какъ христіанскія школы все-же существовали и во II и III вѣкахъ и много-ли и мало-ли, но все же служили къ подготовленію тогдашнихъ христіанъ къ пастырскому служенію, то и обозримъ тѣ школы, которыя такъ или иначе приносили пользу по отношенію къ интеллектуальному состоянію духовенства рассматриваемаго времени.

Простѣйшій типъ христіанскихъ школъ II и III вѣковъ представляютъ обыкновенныя религіозныя собесѣдованія епископовъ какъ съ лицами, обращающимися къ христіанству, такъ и лицами, вообще желавшими лучше и подробнѣе изучить христіанское ученіе. Собранія подобныхъ слушателей около епископа — а такія собранія дѣло совершенно несомнѣнное — были первыми христіанскими школами, они носили названія *диатрибъ*. Греческое слово *διатρίβη* означаетъ вообще всякое продолжительное обращеніе съ достойнымъ довѣрія лицомъ, въ частности обозначаетъ обращеніе учениковъ около своихъ учителей. Объ одной изъ такихъ *диатрибъ*, элементарныхъ христіанскихъ школъ, открытой Поликарпомъ епископомъ Смирнскимъ съ удовольствіемъ вос-

1) *Philosophumena*, lib. IX, cap. 12, p. 458 et cet.

2) Слѣдуетъ замѣтить, что и въ позднѣйшее время церковь, въ особенности греко-восточная, не принимала на себя попеченій объ устройствѣ христіанскихъ школъ, — говоримъ о такихъ школахъ, которыя могли бы служить образованію будущихъ пастырей церкви. Духовныхъ училищъ греко-восточная церковь не заводила во все время существованія Византійской имперіи: онѣ ей были не нужны и она, повидимому, прекрасно обходилась безъ нихъ.

поминаетъ Иринеи лiонскій, учившійся у Поликарпа. Иринеи въ одномъ письмѣ къ соученику своему Флорину, который тоже учился у Поликарпа, пишетъ: „бывъ еще отрокомъ, я видѣлъ тебя въ Азiи у Поликарпа: тогдашнее я помню тверже, чѣмъ недавнее. Я могу вспомнить и мѣсто, гдѣ сидѣлъ и съ котораго велъ бесѣду Поликарпъ; я могу припомнить, откуда онъ входилъ и куда уходилъ,—припомнить самыя двери; я припоминаю, какъ онъ держалъ себя на урокахъ и о чемъ бесѣдовалъ. Я помню, какъ онъ рассказывалъ намъ о своемъ знакомствѣ съ евангелистомъ Іоанномъ и другими самовидцами Господа, какъ онъ передавалъ слова ихъ, и не забылъ его рассказовъ о чудесахъ Христа и Его ученiи. По Божіей милости ко мнѣ, я тогда внимательно слушалъ Поликарпа и записывалъ слова его не на бумагѣ, а въ сердцѣ“ (Евсевiя, V, 20). Подобныя элементарныя школы, о какихъ рассказываетъ Иринеи, открывали не только епископы, но и болѣе образованные изъ простыхъ христіанъ. Очень можетъ быть, что и сами епископы поручали подобнымъ лицамъ дѣло христіанскаго обученiя. Такими учредителями діатрибъ не изъ числа епископовъ во II вѣкѣ были: Іустинъ, Таціанъ, Аристидъ. Въ Римѣ около Іустина, а по смерти его около ученика его Таціана, въ Аѳинахъ около Аристида собирались христіанскіе юноши для слушанiя христіанскихъ уроковъ, и такимъ образомъ возникали діатрибы подъ руководствомъ свѣтскихъ лицъ изъ христіанъ. Но это еще не были школы въ собственномъ смыслѣ, эта были скорѣе просто катихизическія собесѣдованiя. Первая христіанская школа съ опредѣленнымъ учебнымъ характеромъ, съ нѣкоторымъ опредѣленнымъ планомъ преподаванiя возникаетъ уже въ III вѣкѣ въ Александріи и главнымъ образомъ при Оригенѣ. Только при Оригенѣ мы встрѣчаемъ раздѣленіе учениковъ на нѣкотораго рода группы и указаніе на болѣе или менѣе широкую программу преподаванiя. Устроивъ школу александрійскую, Оригенъ частію по личному желанію, частію по неудовольствіямъ, переходитъ въ Кесарію Палестинскую и открываетъ здѣсь не менѣе знаменитую школу съ замѣчательно широкой программой. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (наприм. патролога Альцога) эта

школа имѣла своимъ назначеніемъ готовить образованныхъ богослововъ, слѣдовательно была какъ бы духовной семинаріей III вѣка. Школу Кесарійскую по смерти Оригена реставрируетъ почитатель его пресвитеръ Памфилъ и обогащаетъ ее прекрасной библіотекой, часть манускриптовъ которой написана была собственной рукой Памфила. (Евсевія, VII, 32). По мнѣнію нѣмецкаго церк. историка Неандера, не безъ вліянія Оригена основывается въ концѣ III вѣка и очень извѣстная впослѣдствіи школа Антиохійская. Въ томъ же III вѣкѣ Климентъ Александрійскій, предшественникъ Оригена по учительству въ александрійской школѣ, во время гоненія Септимія Севера, принятый въ качествѣ гостя въ Іерусалимѣ, основываетъ здѣсь школу христіанской науки. Утверждаютъ, что, быть можетъ, еще въ II вѣкѣ возникла и школа Едесская¹⁾, впослѣдствіи славная именемъ св. Ефрема Сирина²⁾.

Изъ числа вышеуказанныхъ школъ съ подробностію останемся лишь на школѣ Александрійской (и по связи съ ней на Кесаріи-палестинской). Въ сущности только о ней мы и имѣемъ сколько-нибудь достаточныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Да она и была славнѣе и знаменитѣе всѣхъ другихъ школъ не только этого, но и позднѣйшихъ временъ древней церкви³⁾.

Кто былъ основателемъ Александрійскаго училища? Самое обычное мнѣніе касательно этого вопроса то, что основателемъ его былъ евангелистъ Маркъ, но мнѣніе это рѣшительно безъ всякаго доказательства. Основаніемъ, на которомъ строятъ свою догадку о происхожденіи этой школы отъ евангелиста Марка, служитъ прежде всего преданіе о проповѣди Марка въ Египтѣ въ Александріи. Но проповѣдь Марка

¹⁾ Kihn. Die ältesten christlichen Schulen. 1 Theil, S. 9—10. Weissenb. 1865.

²⁾ Слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣкоторые, и даже многіе изъ христіанъ, слѣдовавшихъ потомъ пастырями церкви, получили свое образованіе не въ школахъ христіанскихъ, а въ общихъ школахъ языческихъ, дополняя свое образованіе самостоятельнымъ ознакомленіемъ съ свящ. Писаніемъ и церковной литературою. Таковы были Тертуліанъ, Кипріанъ и друг.

³⁾ О знаменитой Антиохійской школѣ считаемъ болѣе уместнымъ сказать впослѣдствіи. Теперь она только-что начала свою дѣятельность, а раскрылась во всей силѣ она—позднѣе III вѣка.

въ Александріи не есть строго-историческій фактъ: правда о проповѣди Марка упоминаетъ Евсевій, (II, 16) но упоминаетъ не совсѣмъ рѣшительно. Въ своей церковной исторіи онъ выражается такъ: „говорять, Маркъ первый былъ посланъ въ Египетъ и проповѣдывалъ тамъ Евангеліе“. Отсюда видно, что во времена Евсевія не было уже достовѣрныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о проповѣди Марка въ Египтѣ, то есть, конечно главнымъ образомъ въ Александріи, а были лишь слухи объ этомъ: „говорять“. Да если бы и достовѣрно было извѣстно, что Маркъ проповѣдывалъ здѣсь¹⁾: что же отсюда слѣдуетъ? Неужели то, что Маркъ основалъ александрійское училище? Кромѣ этого въ доказательство мысли, что Маркъ основатель александрійскаго училища, указываетъ на слова Евсевія, въ которыхъ выражается свидѣтельство о раннемъ появленіи христіанской школы въ Александріи. Вотъ эти слова: „по древнему обычаю тамъ было училище Св. Писанія, и мы слышали, что въ немъ получалось наставленіе отъ людей, свѣдущихъ въ словѣ (т.-е. Писаніи) и божественныхъ догматахъ“²⁾. Какъ очевидно и это свидѣтельство Евсевія ни чуть не говоритъ о томъ, что Маркъ основалъ школу въ Александріи. Ревнители мысли, что Маркъ былъ основателемъ этой школы, ударяютъ здѣсь въ особенности на слова: „по древнему преданію тамъ было училище“, слѣдовательно, — заключаютъ, съ самыхъ древнихъ временъ христіанства въ Александріи—съ Марка. Сколько основательности въ подобныхъ заключеніяхъ понятно для cadaго. Правда, блажен. Іеронимъ сейчасъ указанную мысль Евсевія въ одномъ изъ своихъ сочиненій приводитъ въ такомъ видѣ, что извѣстіе Іеронима собственно и дало возможность создаться мнѣнію объ основаніи школы въ Александріи Маркомъ. Онъ, Іеронимъ, говоритъ: по нѣкому древнему обычаю, было училище въ Александріи, гдѣ

¹⁾ У проф. Болотова есть большая статья, подъ заглавіемъ: „день и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка“. Въ ней онъ даетъ понять, что на основаніи имѣющихся извѣстій нельзя опредѣлить, сколько годовъ или по крайней мѣрѣ сколько мѣсяцевъ пробылъ Маркъ въ Александріи. Къ Александріи можно только приурочивать событіе его смерти. („Христ. чт.“, 1893, томъ II, 429).

²⁾ V, 10.

начиная со временъ Марка были церковные учителя — *ecclesiastici doctores* ¹⁾. Но Иеронимъ въ настоящемъ случаѣ лишь перефразируетъ слова Евсевія, и потому свидѣтельство Иеронима лишено значенія. Недостатокъ прямыхъ и авторитетныхъ свидѣтельствъ объ основаніи христіанской школы въ Александріи заставляетъ прибѣгать приверженцевъ этого мнѣнія къ различнымъ умозаключеніямъ съ цѣлю утвержденія своего мнѣнія, но и эта попытка не имѣетъ успѣха. Напримѣръ, говорятъ: около 180 года при Пантенѣ, первомъ извѣстномъ учителѣ Александрійской школы, это училище становится средоточіемъ и орудіемъ дѣйствій Александрійской церкви—доказательство, замѣчаютъ, что оно и раньше процвѣтало. Едва-ли такъ, скажемъ на это: если училище существовало съ давнихъ поръ въ Александріи и даже со временъ Марка, то почему нѣтъ никакихъ извѣстій объ его существованіи до 180 года, почему напримѣръ Іустинъ философъ, столь старательно изучившій христіанство вездѣ, гдѣ можно было изучать его, оставилъ безъ вниманія лишь эту школу, еслибы она дѣйствительно существовала въ его время, т.-е. въ первой половинѣ II вѣка? Да и нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать, что школа существовала издавна, чтобы такимъ образомъ объяснять ея процвѣтаніе при Пантенѣ, въ срединѣ II вѣка. Достоинства и таланты Пантена въ преподаваніи, искусство, съ которымъ онъ нападалъ на политеизмъ и современную языческую философію, все это сразу могло возбудить любопытство и вниманіе со стороны Александрійцевъ, какъ извѣстно, весьма неравнодушныхъ ко всякому явленію, выступавшему изъ обыкновенной колеи, а потому школа могла процвѣтать, какъ скоро начала свое существованіе. Евангелистъ Маркъ могъ - бы быть признанъ основателемъ Александрійской школы развѣ только въ томъ смыслѣ, что онъ, какъ проповѣдникъ новаго ученія въ Александріи, собиралъ около себя слушателей и велъ съ ними бесѣды, но въ такомъ случаѣ всѣ апостолы были основателями школъ въ разныхъ городахъ римской имперіи. А сдѣлалъ ли Маркъ для Алексан-

¹⁾ Catalog. cap. 36.

дрійской школы что - либо болѣе того — можно прямо отрицать.

Если не Маркъ основатель Александрійской школы, то кто же долженъ быть признанъ такимъ? Опреѣленныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ. Исторія не имѣетъ извѣстій, которыя бы говорили о существованіи ея раньше времени знаменитаго Пантена, поэтому можно полагать, что она основана этимъ лицомъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что школа основана и раньше Пантена, но во всякомъ случаѣ свой опредѣленный характеръ, съ какимъ она извѣстна въ исторіи, она получила только со времени Пантена.

Кто бы ни былъ основателемъ Александрійской школы, остается несомнѣннымъ, что школа эта со второй половины II вѣка стяжала почетную извѣстность, служила развитію христіанской науки. Что именно церковь Александрійская съ ея училищемъ стала такимъ замѣчательнымъ мѣстомъ зарожденія и процвѣтанія христіанской науки — это не какая нибудь счастливая случайность. Такой фактъ обусловливался характеромъ интеллектуальнаго состоянія самой Александріи. Для большей ясности представленія о томъ, чѣмъ была тогда Александрія и какимъ образомъ она могла служить возникновенію здѣсь знаменитой школы христіанской — познакомимся съ этой древней столицей Египта, ея характеромъ, жителями, учеными учрежденіями и ходомъ ея внутренней жизни.

Александрія основана Александромъ Македонскимъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было прежде даже простаго селенія. Этотъ государь основалъ нѣсколько городовъ на Востокѣ, назначеніемъ которыхъ было сблизить цивилизацію греческую съ восточной и служить проводниками греческаго просвѣщенія во весь міръ. Къ числу такихъ городовъ принадлежала и Александрія. — Александръ самъ начерталъ общій планъ города, указавъ, какой онъ долженъ имѣть объемъ, гдѣ должно устроить форумъ и прочее. Первоначальными жителями его сдѣлались насильственно переселенные сюда обитатели близъ лежащаго городка Канобиса. Но главнымъ образомъ Александрія одолжена своимъ устройствомъ династіи Лагидовъ. При нихъ она стала первымъ или вторымъ

городомъ въ свѣтѣ по богатству и великолѣпію. Окружность города была не очень велика, она имѣла около трехъ географическихъ миль. Какъ всѣ города, построенные по предварительному плану, Александрія отличалась симметричносію и правильностію расположенія. Двѣ главныхъ улицы пересѣкали городъ, сходясь въ срединѣ его подъ прямымъ угломъ. Обѣ эти улицы во всю свою длину украшены были колоннадами, частію въ видахъ изящества, частію въ видахъ защиты домовъ отъ солнечнаго зноя. Подъ городомъ устроенъ былъ водопроводъ. Близость моря, улицы открытыя для свободного движенія вѣтра заставляли забывать его жителей, что они живутъ въ знойной Африкѣ, потому что они не терпѣли жары. Городъ раздѣленъ былъ на 5 кварталовъ, изъ которыхъ каждый назывался какою либо изъ первыхъ буквъ греческаго алфавита, но имѣлъ и другія названія. Повсюду можно было встрѣчать великолѣпныя зданія, открытыя площади, украшенныя художественными произведеніями, пальмовыя рощи, блестящія коллонады, роскошные храмы. Одинъ древній писатель такъ изображаетъ свои чувства при видѣ этого города: „когда я вступилъ въ ворота, называемыя воротами солнца, то я остановился, какъ оглушенный при видѣ этого изумительнаго города. Никогда глаза мои не испытывали такого удовольствія“. За городомъ на восточной сторонѣ помѣщался ипподромъ и мѣстечко Элевзинъ, славное своими таинствами и веселыми праздниками. Въ числѣ храмовъ въ самомъ городѣ первое мѣсто принадлежало храму Сераписа. На этотъ храмъ потрачено было все искусство и весь блескъ, къ какому только способны были художники Греціи. Самую населенную и роскошную часть города составлялъ такъ называемый Брухіумъ. Въ ней находились дворцы, въ ней же имѣла мѣсто знаменитая александрійская бібліотека и Музей, Музей—это нѣчто въ родѣ нашихъ академій наукъ, учрежденіе замѣчательно устроенное.

Особенно обращала на себя вниманіе живость, подвижность, кипучесть жителей этого города. Императоръ Адріанъ писалъ во II вѣкѣ: „этотъ городъ очень богатъ и обилень источниками пріобрѣтенія. Здѣсь никто не живетъ праздно. Всѣ искусства здѣсь находятъ людей понимающихъ и зани-

мающихся ими. Здѣсь находятъ себѣ работу и слѣпецъ, и подагрикъ, и хирагрикъ, всѣмъ найдется трудъ“. Жителей Александріи составляли Греки, Египтяне, Іудеи и различные пришельцы. Народъ отличался безпокойнымъ характеромъ, наклонностію къ возмущеніямъ и безпорядкамъ. Число жителей города въ цвѣтущее его время, восходило до 800,000, слѣдовательно превосходило число жителей цѣлой Аттики, которая даже въ лучшее свое время насчитывала лишь до 500,000 жителей. Разумѣется, жителями Александріи при этомъ считаются не одни обитатели города, но и его предмѣстій.—Что касается до ученыхъ учрежденій Александріи, каковыми были знаменитая Александрійская библіотека и Музей, то основаніе ихъ относится ко времени перваго египетскаго царя изъ фамиліи Лаговъ или Лагидовъ, ко временамъ Птолемея Сотера; послѣдующіе цари изъ той же фамиліи съ ревностію продолжали дѣло, начатое названнымъ царемъ. Въ составъ Александрійской библіотеки вошла знаменитая библіотека философа Аристотеля, которая по смерти его приобрѣтена чрезъ покупку однимъ изъ Птолемеевъ — Лагидовъ. Кромѣ того, для царей египетскихъ сдѣлалось правиломъ поручать приобретеніе книгъ знаменитыхъ писателей купцамъ и морякамъ, которымъ приходилось странствовать по бѣлу свѣту, приобретеніе книгъ для пополненія библіотеки. Во избѣжаніе обмана и подлоговъ при подобномъ способѣ обогащенія библіотеки, въ Александріи жили особые спеціалисты, на обязанности которыхъ было удостовѣрять и распознавать подлинность или поддѣлку извѣстныхъ сочиненій, поступающихъ въ библіотеку. При самой библіотекѣ находился штатъ переписчиковъ, которые должны были переписывать рукописи для нея и тѣмъ увеличивать ея сокровища. При такихъ условіяхъ еще при первыхъ Птолемеяхъ библіотека заключала въ себѣ до 50,000 томовъ. Впослѣдствіи число томовъ увеличилось до 400,000, такъ что библіотека при Музеѣ не могла вмѣщать въ себѣ всѣхъ книгъ, и потому открыта вторая библіотека при храмѣ Сераписа. Ко времени Юлія Цезаря въ обѣихъ библіотекахъ насчитывалось до 700,000 томовъ. Но библіотека сама по себѣ была бы мертвымъ капиталомъ, еслибы не было рядомъ съ нею

устроено еще Музея, этой академіи наукъ въ Александріи. Цѣль Музея состояла въ развитіи науки, въ распространеніи просвѣщенія. Въ Греціи музеями (отъ имени Муза) назывались собранія ученыхъ мужей, а также самыя зданія, въ которыхъ происходили такія собранія. Такъ у философа Платона въ садахъ Академа въ Аѳинахъ былъ устроенъ Музей съ галлереей для ученыхъ собесѣдованій. Тѣмъ же былъ и Музей въ Александріи, только въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Музей въ Александріи занималъ часть царскаго дворца въ Брухіумѣ. Къ нему принадлежали въ 1) открытое пространство для прогулокъ (*періпатосъ*), 2) крытая галлерей, 3) обширный обѣденный залъ. У Грековъ и Римлянъ свободное пространство для прогулокъ — *періпатосъ*, — обыкновенно украшалось аллеями изъ высокихъ деревьевъ. Такъ было и въ Александріи при Музеѣ. Это мѣсто служило для уединенныхъ размышленій лицъ ученыхъ, для обмена мыслей между ними въ бесѣдѣ, а иногда для чтенія сочиненій чужихъ или своихъ въ обществѣ своихъ товарищей. Подобной же цѣли въ Александріи служила при Музеѣ и крытая галлерей. Такую галлерей обыкновенно поддерживали колонны, въ ней устраивались удобныя мѣста для ученыхъ занятій; здѣсь происходили диспуты между учеными и здѣсь же позднѣе стали читать лекціи для желающихъ изучать тотъ или другой предметъ. Но вънцемъ учрежденій при Музеѣ по красотѣ изяществу и роскоши былъ обѣденный залъ, куда ежедневно собирались ученые для стола. Это было зданіе обширныхъ размѣровъ и замѣчательной архитектуры. Самый Музей вѣроятно служилъ мѣстомъ, гдѣ жили александрійскіе ученые. Одинъ древній писатель юмористически сравниваетъ Музей съ корзиной, наполненной курами; въ музеѣ, по его словамъ, сочлены его сберегались и откармливались подобно дорогимъ птицамъ. Здѣсь же въ Музеѣ было святилище или храмъ, въ которомъ одинъ изъ ученыхъ отправлялъ должность жреца. Въ Музеѣ, кромѣ того, помѣщался зоологическій садъ, стоившій громадныхъ денегъ, а также астрономическая обсерваторія. Содержаніе всѣхъ учрежденій Музея и самихъ ученыхъ отнесено было на счетъ государственнаго казначейства. Оно было совершенно обез-

печеннымъ. Назначеніе ученыхъ въ члены Музея принадлежало къ прерогативамъ сначала царей египетскихъ, а потомъ римскихъ императоровъ. Въ числѣ членовъ Музея встречаемъ — философовъ, поэтовъ, грамматиковъ, литераторовъ, астрономовъ, медиковъ, географовъ, риторовъ. Видно, что при выборѣ въ члены Музея не ограничивались одной или нѣсколькими учеными профессіями, а принимали ученыхъ лицъ всѣхъ профессій. Сначала членами Музея были греческіе ученые, но впоследствии стали принимать и ученыхъ всѣхъ другихъ странъ, если слава о нихъ широко распространялась, такъ что покровители Музея находили полезнымъ призвать ихъ въ число сочленовъ Александрійскаго учебнаго общества. Занятія членовъ Музея состояли въ составленіи ученыхъ изслѣдованій, вѣдѣности въ чтеніи предъ собраніемъ прочихъ членовъ Музея своихъ или болѣе знаменитыхъ чужихъ сочиненій и въ обсужденіи ихъ достоинствъ. Иногда происходили диспуты по какому либо вопросу и побѣдитель на нихъ получалъ вѣнокъ и денежную награду. Сами цари нерѣдко принимали участіе въ состязаніяхъ между учеными, предлагая отъ себя тѣ или другіе вопросы. Впоследствии Александрійскій Музей изъ чистоученаго учрежденія переходитъ въ учебное или лучше сказать ученая часть его пополняется учебнымъ учрежденіемъ. Здѣсь стали читать публичныя лекціи по греческой литературѣ, по грамматикѣ, риторикѣ, философій, исторіи, математикѣ, медицинѣ. Множество слушателей стекалось въ Александрію слушать уроки знаменитыхъ преподавателей Музея. Долгое время было самою лучшею рекомендаціею для молодого человека, если онъ учился именно въ Александріи. Въ качествѣ лучшаго учебнаго заведенія Музей славился во времена римскихъ императоровъ. Какъ все на свѣтѣ, Музей имѣлъ въ своей исторіи и счастливыя и несчастныя времена. Но несомнѣнно, что въ то время, когда является въ Александрію христіанская школа, въ II и III вѣкѣ, онъ имѣлъ еще большое вліяніе на умы, онъ представлялъ собою еще очень важный фактъ въ дѣлѣ общаго просвѣщенія ¹⁾. Кромѣ этого

¹⁾ Klippel. Das Alexandrinische Museum. S. 25 u. s. w.; 61 u. s. w.: 81 u. s. w.; 212. Parthey. Das Alexandrin. Museum. Berl. 1838.

главнаго ученаго учрежденія въ Александріи—Музея здѣсь было много и другихъ ученыхъ заведеній, основанныхъ императорами или же лицами частными. Вообще Александрія была „центромъ всей тогдашней учености и образованности“¹⁾).

Понятно, что христіанство, утвердившись въ Александріи, для большаго успѣха надъ умами, должно было въ научномъ отношеніи поставить себя въ уровень съ языческою наукою здѣсь. Александрія въ своемъ родѣ была городомъ ученыхъ, пытливость составляла характеръ ея жителей, но интересовались не всѣмъ, а тѣмъ, что имѣло форму научную, философскую. Приверженцы христіанской церкви какъ бы невольно призывались создать въ Александріи свою научную школу. Въ Александріи легче всего было христіанамъ пріобрѣтать то образованіе, которое дѣлало бы ихъ равными съ гордыми своей наукой язычниками. Такъ называемый Музей, ставшій послѣ временъ рождества Христова помимо ученаго и учебнымъ заведеніемъ, дѣлалъ легкимъ и доступнымъ для христіанъ самое серьезное образованіе. Знаменитая Александрійская бібліотека давала драгоценныя пособія для самой глубокой борьбы со врагами христіанства. Послѣ этого, что удивительнаго, если въ Александріи зацвѣла христіанская наука, основалась здѣсь научная школа христіанская? Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ историческихъ извѣстій о томъ, при какихъ частныхъ условіяхъ возникла здѣсь школа христіанская. Объ этомъ могутъ быть дѣлаемы только вѣроятныя догадки. Можно полагать, что это случилось очень просто. Въ Александріи конечно нерѣдко бывали случаи обращенія къ христіанству людей эллински образованныхъ, которые принявъ христіанство, хотѣли болѣе подробно и основательно ознакомиться съ принятой ими религіей; для этой цѣли они поручаемы были наставленію лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ изъ христіанъ. Когда число такихъ образованныхъ язычниковъ, обратившихся въ христіанство и желавшихъ болѣе глубокаго знанія христіанства, увеличилось, нашли нужнымъ назначить одно опредѣленное лицо изъ христіанъ въ качествѣ руководителя

¹⁾ Lehmann. Die Katechetenschule zu Alexandria. S. 8. Leipzig, 1896.

и наставника указанных лицъ. И вотъ являлась школа, училище. Поэтому-то Александрійская школа у древнихъ писателей известна подъ именемъ катихизаторской. Безъ сомнѣнія, къ этимъ указаннымъ лицамъ, врученнымъ для наставленія учителю христіанскому, могли присоединиться и язычники, еще не крещенные, но желавшіе вообще ознакомиться съ истинами новой религіи, или изъ простаго любопытства, или по склонности къ христіанству, а исторія жизни Оригена дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что и такія лица приходили въ его школу (Евсевія, VI, 3). Даже еретики, и тѣ имѣли желаніе слушать александрійскихъ ученыхъ катихитовъ, какъ свидѣтельствуетъ опять исторія Оригена (Евсев. VI, 18). И вотъ школа росла и росла. Такъ, весьма естественно могло возникнуть Александрійское христіанское училище, известное съ именемъ катихизаторскаго.

Чтобы представлять себѣ правильно, что такое было александрійское училище, мы должны твердо помнить о слѣдующихъ особенностяхъ этого училища. Для училища вовсе не было отводимо особыхъ специальныхъ корпусовъ, какъ это бываетъ у насъ, преподаваніе происходило въ квартирахъ катихитовъ, совершенно запросто ¹⁾. Въ училищѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время его существованія, не видно какого либо распредѣленія слушателей на группы или отдѣленія ²⁾.—Слушателями были люди возрастные, увѣреніе же нѣкоторыхъ изслѣдователей, что будто оно назначалось и для дѣтей, не имѣетъ основаній ³⁾. На уроки безпрепятственно являлись и женщины ⁴⁾. Учителей всего на всю школу было одинъ и рѣдко двое (Евсев. VI, 15). Преподаватель никакого вознагражденія не получалъ.

¹⁾ Во всякомъ случаѣ Музей не былъ и не могъ быть мѣстомъ, гдѣ помещалась школа христіанская.

²⁾ В. Преображенскій, а за нимъ и Д. Миртовъ, говоря объ этой школѣ, употребляютъ выраженія: 1, 2 и 3 курсы, студенты такого-то курса, лекціи 1-го, 2-го курса (Миртовъ. Нравственное ученіе Климента Алекс., стр. XVII—XIX. Петерб., 1900). Но мы не видимъ основанія для такого опредѣленнаго разграниченія.

³⁾ Если Оригенъ учился въ этой школѣ, будучи еще въ возрастѣ дѣтскомъ (Евсевія, VI, 6) то это случай исключительный. Lehmann. S. 73—75.

⁴⁾ Евсевія. VI, 8. Вѣроятно, это происходило по примѣру языческихъ философскихъ школъ.

Послѣ этого общаго взгляда на училище Александрійское, войдемъ въ подробности, что это была за школа и что въ ней дѣлалось?

Училище Александрійское послѣ своего возникновенія сдѣлалось славнымъ и благотворнымъ для науки богословской. Этимъ оно одолжено было своимъ учителямъ, которыми были люди всецѣло преданные своему дѣлу и съ успѣхомъ его ведшіе. О нихъ, этихъ учителяхъ, прежде всего и скажемъ. Исторія этого училища свидѣтельствуетъ, какими высокими умственными, нравственными и педагогическими качествами отличались учителя Александрійской школы. Къ сожалѣнію, о первомъ александрійскомъ учителѣ, Пантенѣ, мы знаемъ очень мало. Сохранились только отзывы о педагогической его дѣятельности его учениковъ Климента и затѣмъ—Оригена. Вотъ какой лестный отзывъ дѣлаетъ Климентъ александрійскій, долго странствовавшій по бѣлу свѣту для отысканія истины, о своемъ почтенномъ учителѣ Пантенѣ: „я остался въ Египтѣ,—говоритъ онъ о себѣ,—какъ скоро услышалъ его ученіе. Подобно сицилійской пчелѣ, онъ собиралъ на нивѣ св. Писанія цвѣты слова пророковъ и апостоловъ и вливалъ чистую и святую мудрость въ душу слушателей“¹⁾. Климентъ свидѣтельствуетъ, что онъ до глубокой старости живо сохранилъ въ памяти тѣ уроки, какіе онъ слушалъ у достопочтеннаго мужа, т.-е. Пантена (Евсев. V, 11). Оригенъ съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что онъ въ методѣ преподаванія подражалъ Пантену²⁾, значить: онъ считалъ его образцовымъ наставникомъ.—Климентъ, преемникъ Пантена по учительству въ Александрійской школѣ, проходилъ свою должность съ глубокимъ убѣжденіемъ, что учительство катихита есть призваніе самое возвышенное, отображающее дѣятельность самого Христа, что оно есть призваніе посредничества между Богомъ и людьми. Сочиненія Климента взвѣщаютъ намъ о томъ возвышенномъ духѣ, который руководилъ всею его ученой дѣятельностію. Онъ „требуетъ, чтобы берущій на себя должность учителя, по

¹⁾ Stomat., I, cap. 1. Русскій пер. Корсунскаго, стр. 14.

²⁾ Евсевія, кн. VI, гл. 19.—Пантенъ учительствовалъ въ этой школѣ 30 лѣтъ (по счету Леманна).

совѣсти далъ себѣ напередъ отвѣтъ на вопросы: „свободенъ ли онъ отъ предразсудковъ и честолюбія, не ищетъ ли онъ славы, не стремится ли къ какому либо другому вознагражденію, кромѣ спасенія своихъ слушателей“. Климентъ свидѣтельствуешь, съ какою заботливостію старался онъ приспособлять свои уроки къ нравственному и интеллектуальному состоянію своихъ учениковъ. „Кто посвящаетъ себя устному преподаванію, говоритъ онъ, тотъ основываетъ сужденіе о своихъ ученикахъ на опытѣ и разсудительности. Онъ заботливо изучаетъ у своихъ слушателей языкъ, характеръ, нравы и поведеніе, внутреннія движенія, манеры, даже взгляды и тонъ голоса, чтобы различать каменистую почву и землю плодородную, кто наиболѣе пріемлетъ для сѣмени (ученія), и кто болѣе противится, нежели принимаетъ его“¹⁾. Климентъ желалъ и старался возбудить въ своихъ ученикахъ энергію въ изслѣдованіи истины. Онъ по его словамъ, „не хотѣлъ, чтобы ученики на школьныхъ урокахъ какъ бы прогуливались въ культивированномъ саду, но чтобы они находились здѣсь, какъ въ саду невоздѣланномъ, гдѣ нужно истину искать въ потѣ лица, какъ розу среди тернія“²⁾. Климентъ на урокахъ избѣгалъ всего бьющаго на эффектъ, всего, что могло имѣть лишь минутное впечатлѣніе, а стремился единственно къ истинѣ. Онъ, по собственному признанію, вовсе не заботился о томъ, чтобы разставлены были фразы въ надлежащемъ порядкѣ, какъ женскія наряды. Онъ припоминаетъ прекрасное правило Пизагора, что Музы должно предпочитать сиренамъ. Истина, говоритъ онъ, не должна наряжаться и румяниться подобно кокеткѣ. „Приправа не пища, говорилъ онъ еще, рѣчь которая разсчитана на то, чтобы понравиться, чѣмъ на истинную пользу слушателей—есть дурно изготовленное кушанье“. Климентъ вовсе не заботился о томъ, много ли мало ли у него слушателей. Одинъ объявлялъ, что „для мудреца достаточно и одного слушателя“³⁾. Онъ (Климентъ) отнюдь также не думалъ о матеріальной поживѣ отъ своихъ слушателей. „На-

¹⁾ Stromat., I, cap. 1. Русск. пер. Корсунскаго, стр. 11.

²⁾ Stromat., I, cap. 1. Русск. пер., стр. 13.

³⁾ Stromat., lib. I, cap. 10. Русск. перев. стр. 58—61.

града позора (блуда), говорилъ онъ словами ветхозавѣтнаго пророка, да не внидетъ во святилище“ ¹⁾.—Таковъ былъ Климентъ, какъ учитель ²⁾, съ такими педагогическими приемами проходилъ онъ свою должность, такіе идеалы истиннаго наставника руководили его занятіями въ школѣ. Но еще выше Пантена и Климента стоитъ великій александрійскій учитель—Оригенъ. „За блестящей звѣздой, какъ Климентъ, поднялась на небѣ церковной науки еще болѣе блестящая звѣзда—это Оригенъ“, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь ³⁾. Его неутомимость въ преподаваніи, его неустанныя стремленія все больше и больше расширять кругъ своихъ познаній, чтобы быть достойнымъ наставникомъ, — дѣлаютъ изъ него чудо—учителя. Когда Климентъ во время гоненія при Септиміи Северѣ удалился изъ Александріи, покидая свою должность учителя александрійскаго, и когда никто не вызывался продолжать прерванное имъ дѣло, тогда за это дѣло смѣло берется 18-лѣтній юноша—Оригенъ. Преподавать новую религію въ такое время значило ежеминутно рисковать свою жизнью: мечъ постоянно висѣлъ надъ учителемъ и учениками ⁴⁾. Его истинно-аскетическій образъ жизни былъ изумителенъ и привлекалъ къ нему многихъ въ то время, когда философія начала проповѣдывать аскетизмъ, какъ истинное благо человѣка. Оригенъ проводитъ все время въ постѣ, совсѣмъ не пьетъ вина, спитъ такъ мало, какъ возможно, спитъ не въ постели, а просто на землѣ. Онъ буквально исполнялъ заповѣдь Христа не имѣть двухъ одеждъ, онъ не зналъ, что такое обувь и ходилъ босой. Здоровье его подчасъ страдало отъ такихъ неумѣренныхъ подвиговъ, но Оригенъ оставался вѣренъ себѣ. Многіе предлагали ему всѣ средства для болѣе удобной жизни, но онъ всегда отказывался. Если принимать буквально слова

¹⁾ Stromat., I, cap. 1. Слич. *Второзак.* 23, 2, а также толкованіе Филона въ русск. переводѣ „Строматовъ“, стр. 12 (въ примѣч.).

²⁾ Климентъ былъ преподавателемъ въ изучаемой школѣ отъ 189 г. до 202, до времени гоненія Септимія Севера, когда онъ удалился изъ Египта и кажется болѣе не возвращался сюда.

³⁾ Lehmann. Die Katechetenschule zu Alexandria, S. 32.

⁴⁾ Pressensé. Gesch. der drei ersten Jahrhunderte. Deutsche Ausgabe Theil III, 217. Leipz., 1863.

Евсевія, то мы должны будемъ съ изумленіемъ вѣрить, что Оригенъ до того простиралъ свою ревность по школѣ, что принималъ своихъ слушателей не только днемъ, а и ночью. (Евсев. VI, 3. 8). Да, когда бы не приходилъ слушатель, Оригенъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду, наставляя его, хотя бы пришлось учителю лишиться ночнаго покоя. Оригенъ былъ учитель прямодушный, искренній, откровенный, онъ прямо высказывалъ то, что думалъ, что считалъ полезнымъ для своихъ учениковъ, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ. „У него, говоритъ Евсей, (VI, 3) что было на языкѣ, то и на дѣлѣ, а что на дѣлѣ, то и на языкѣ“. Оригена не сердило, не раздражало, если иногда его ученики, обращаясь къ нему съ какими либо вопросами, имѣли въ виду не дѣйствительную личную пользу, а лишь желаніе поиспытать своего учителя. Онъ терпѣливо отвѣчалъ и на такіе вопросы, слѣдуя, какъ онъ говоритъ, примѣру Христа, Которому предлагаемы были вопросы и не изъ желанія знанія, а съ цѣлію искушать Его ¹⁾). Оригенъ не считалъ для себя позорнымъ, будучи учителемъ, въ тоже время и еще и еще учиться. Онъ желалъ съ полною славою проходить свою должность. Когда онъ увидалъ, что къ нему на уроки стали приходять люди философски образованные, онъ счелъ своимъ долгомъ изучить и философію языческую, чтобы такимъ образомъ еще болѣе привлечь въ свою школу этихъ лучшихъ людей язычества, и только не сталъ носить философскаго плаща, какъ дѣлали нѣкоторые христіане, изучавшіе философію. (Евсев. VI, 19). Съ теченіемъ времени знанія его сдѣлались очень обширны—онъ являлся знатокомъ и свѣтской и церковной науки. Это дѣлало его человекомъ исключительнымъ и привлекало къ нему множество слушателей. Но не одно знаніе—составляло силу преподаванія Оригена: къ нему влекло всѣхъ его искусство преподаванія, и вообще его личность. Григорій Неокасарійскій, Чудотворецъ, много и съ одушевленіемъ говорить объ этомъ предметѣ. Онъ съ наслажденіемъ рисуетъ намъ самыми живыми красками свои первыя впечатлѣнія

¹⁾ Оригенъ въ комментаріи на Евангеліе отъ Маттея (22, 19—20): Migne. Patr. curs. Gr. ser. Tom. XIII. col. 1557. 1560.

на лекціяхъ Оригена. Прибывъ изъ глубины Понтійской провинціи въ Кесарію палестинскую, гдѣ впоследствии основалъ новую школу Оригенъ, и имѣя намѣреніе чрезъ нѣсколько дней воротиться назадъ, Григорій такъ же, какъ и сопровождавшій его братъ, какъ будто прикованы были краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ словомъ Оригена. И сколько краснорѣчіе, столько же и нравственное вліяніе внезапно отвлекло ихъ отъ отечества, отъ семьи, отъ изученія юриспруденціи, которая составляла предметъ ихъ научныхъ занятій и которая обѣщала привести ихъ къ почестямъ. Они уступили строгому очарованію, производимому этимъ учителемъ на всѣхъ, кто съ нимъ знакомился. „Любовь къ нему, говоритъ Григорій, какъ стрѣла вонзилась въ сердце, такъ что уже нельзя было вырвать ее, или какъ искра зажигала душу“¹⁾. Когда Григорій оставилъ школу Оригена, то ему казалось, что его какъ будто-бы изгнали изъ рая. Послѣ этого понятно, почему слава объ Оригенѣ, какъ учителѣ, разливалась повсюду и школа его переполнялась слушателями и притомъ самыми разнообразными, что возвышало репутацію Оригена. Евсевій не можетъ достаточно надивиться успѣхамъ Оригена. „О немъ, замѣчаетъ Евсевій, говорили многіе и весьма много“. По его свидѣтельству „множество оглашаемыхъ вѣрою“ тѣснились вокругъ знаменитаго учителя: „ревностно внимало Оригену, по словамъ тогоже Евсевія, немалое число знаменитѣйшихъ философовъ“, т. е. языческихъ; къ нему стекалось, по увѣренію Евсевія, „безчисленное множество еретиковъ“ (VI, 1. 3. 18). На скамью въ школѣ великаго учителя не стыдились садиться въ качествѣ учениковъ даже лица, облеченныя высокимъ церковнымъ авторитетомъ, — разумѣемъ епископовъ. Одинъ изъ епископовъ пріѣзжалъ учиться къ Оригену изъ отдаленнѣйшей Каппадокіи (Евсев. VI, 26—27). Разумѣется, не всѣ перечисленные классы слушателей приходили въ школу Оригена съ тѣмъ, чтобы спокойно выслушивать его уроки. Такими не были, напр.,

¹⁾ Migne. Patr. curs. Tom. X (oratio panegyrica in Origenem), col. 1069. 1072.

языческіе философы и въ особенности еретики. Они заводили споры и состязанія съ Оригеномъ. Подобными состязаніями и спорами въ то время интересовались весьма многіе: составлялись протоколы диспутовъ, которые потомъ распространялись по всей церкви, наприм., доходили до Рима (Евсев. VI, 33; VII, 29). Языческіе философы до такой степени высоко цѣнили Оригена, что преподносили ему свои сочиненія, какъ въ наше время подносятся таковыя высокопоставленнымъ лицамъ, или присылали ему сочиненія съ тѣмъ, чтобы узнать его мнѣніе, выслушать его замѣчанія (Евсев. VI, 19).

Чему учили александрійскіе учителя въ своей школѣ, въ какомъ порядкѣ и по какому методу? Кругъ предметовъ преподаванія у нѣкоторыхъ учителей александрійскихъ былъ довольно обширенъ. Больше всего извѣстно, чему именно училъ Оригенъ. Сохранилось два рода свидѣтельствъ. Одни принадлежатъ Евсею и указываютъ, какъ велось дѣло Оригеномъ въ Александріи, другія принадлежатъ Оригенову ученику, Григорію Неокесарійскому, и сообщаютъ, какъ велось дѣло въ Кесаріи, гдѣ Оригенъ впоследствии открылъ школу. Извѣстія Евсея очень коротки и отрывочны, напротивъ извѣстія Григорія подробнѣе и важнѣе. Можно полагать, что въ Кесаріи преподаваніе у Оригена шло болѣе систематично, чѣмъ въ Александріи. Свидѣтельства Григорія о преподаваніи Оригена въ Кесаріи мы имѣемъ право прилагать и къ Александрійской собственно школѣ, потому что безъ сомнѣнія въ общемъ планъ преподаванія былъ одинъ и тотъ же у Оригена и въ Александріи и Кесаріи. По свидѣтельству Евсея, Оригенъ сначала преподавалъ одно богословіе, а потомъ началъ преподавать и свѣтскія науки, именно онъ дѣлалъ критическую оцѣнку замѣчательнѣйшихъ философскихъ системъ, излагалъ геометрію и ариметику и — прибавляетъ Евсей — другія науки, такъ называемыя пропедевтическія. Къ числу этихъ пропедевтическихъ наукъ, которыя у древнихъ назывались общимъ именемъ *τὰ εὑρετήρια* — принадлежали кромѣ упомянутыхъ нами геометріи и ариметики, еще риторика, физика и астрономія. Сначала Оригенъ, по Евсею (VI, 18. 15), преподавалъ своимъ

слушателямъ одинъ всѣ эти науки и богословіе, а потомъ, когда число его учениковъ слишкомъ увеличилось, нисшій курсъ этихъ наукъ онъ поручилъ другу своему Праклу, себѣ же оставилъ преподаваніе высшихъ знаній. — Болѣе подробностей относительно наукъ, преподававшихся Оригеномъ, какъ мы сказали, находимъ у Григорія Неокесарійскаго въ его прощальной рѣчи, съ которою онъ обращается къ своему учителю, по окончаніи курса наукъ подъ его руководствомъ. Эта рѣчь обстоятельно знакомитъ насъ съ содержаніемъ Оригенова преподаванія и показываетъ, какое обширное поприще этотъ учитель заставлялъ пробѣгать своихъ учениковъ, чтобы постепенно привести ихъ къ изученію тайнъ христіанскаго ученія. Мы видимъ здѣсь ту мудрую постепенность, съ какою онъ какъ бы по ступенькамъ лѣстницы велъ своихъ учениковъ отъ нисшаго къ высшему, отъ болѣе простыхъ знаній къ глубочайшимъ. Оригенъ начиналъ тщательнымъ изученіемъ почвы, которую долженъ былъ застѣвать и старался распознать ея достоинства и недостатки. Въ простыхъ и дружескихъ бесѣдахъ онъ знакомился съ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ тѣхъ, кто приходилъ его слушать. „Какъ искусный земледѣлецъ, говоритъ о немъ Григорій, онъ не останавливался на томъ только, что видимо снаружи и открыто, но взрывалъ почву, чтобы узнать, что она скрывала, а для этого предлагалъ намъ вопросы и проблемы и слушалъ наши отвѣты“. Къ методическому обученію онъ приступалъ только послѣ этого испытанія. И прежде всего онъ старался дать строгое опредѣленіе употребительнѣйшихъ въ школѣ терминовъ, въ томъ убѣжденіи, что такимъ образомъ онъ сократитъ трудъ и избѣжитъ недоразумѣній. Такимъ приѣмомъ онъ приучалъ ихъ умъ къ строгимъ формамъ здоровой логики. Отъ этой діалектики онъ переходилъ къ наукамъ естественнымъ, математическимъ и астрономіи. А затѣмъ уже обращался къ уясненію началъ морали. Мораль была одною изъ тѣхъ отраслей вѣдѣнія, которымъ Оригенъ посвящалъ много старанія. При изученіи морали онъ указывалъ на лучшія правила, выработанныя философіей, напр. Платономъ, и показывалъ отношеніе ихъ къ христіанской морали и превосход-

ство послѣдней. Отъ изученія морали Оригенъ переходилъ къ изложенію теоретическихъ истинъ, религіозно-философскому знанію. При этомъ прежде всего знакомилъ съ кругомъ истинъ философскихъ, смотря на это дѣло какъ на приготовленіе къ ученію объ истинахъ христіанскихъ. Григорій объ этомъ такъ говоритъ: „Оригенъ желалъ, чтобы ученикъ предался философіи; наставникъ не оставлялъ безъ вниманія и древнихъ поэтовъ, отвергая совершенно только книги атеистовъ“. Это разсмотрѣніе всей замѣчательнѣйшей древней литературы подъ руководствомъ учителя должно было быть такъ сказано судомъ древняго міра, критическою оцѣнкою его религій и системъ. „Онъ самъ, говорилъ Григорій, шелъ впереди насъ и велъ насъ за руку. Своимъ опытнымъ взоромъ онъ открывалъ заблужденіе, какъ бы оно ни было тонко, но съ радостію указывалъ на истину, которая могла чрезъ него открыться“. Наконецъ послѣ всего этого, онъ вводилъ своихъ учениковъ въ кругъ наукъ самаго христіанства, знакомилъ съ Св. Писаніемъ¹⁾. Подъ этимъ не должно разумѣть просто объясненія Писанія, но изложеніе вообще истинъ вѣры, какъ они изображены въ Писаніи. Всему этому въ совокупности древніе даютъ одно общее названіе *ἱερὸν λόγον*, т. е. богословія. (Евсевія, V, 10). Такое изученіе слова Божія, какъ понятно, было главнымъ предметомъ преподаванія въ школѣ Оригена. Учителя школы, вызываемые тогдашними обстоятельствами, столкновеніемъ съ философами, гностиками и другими еретиками поставляли себѣ задачею понять Откровеніе въ его глубинахъ, или какъ они любили выражаться, простую вѣру претворить въ знаніе и такимъ образомъ стать на уровень современныхъ требованій. Оригенъ излагалъ богословіе съ такою силою убѣжденія, что Григорій въ словахъ толкователя пророковъ, т. е. у Оригена, находилъ и признавалъ тотъ же духъ, какой одушевлялъ и самихъ пророковъ²⁾.

Что касается метода, по которому велось преподаваніе науки, то мы должны быть далеки отъ представленій о ка-

¹⁾ Migne. Op. cit. Tom X, 1073. 6. 1088. 1093.

²⁾ Слова Григорія чудотворца. Ibidem, col. 1093.

комъ - нибудь строго - систематическомъ изложеніи научныхъ знаній, какое имѣетъ мѣсто въ наше время, въ нашихъ школахъ, и какое не имѣетъ приложенія къ Александрійской христіанской школѣ. — Въ этой школѣ нельзя искать какого-либо закономѣрнаго, методичнаго какъ общаго, такъ и религіознаго обученія. Александрійская школа, какъ назначенная, по идеѣ лучшихъ ея представителей, быть школой — такъ сказать христіанской философіи, вела свое дѣло приблизительно такъ же, какъ оно велось и въ языческихъ философскихъ школахъ. Въ древности всякая официальность изгнана была изъ преподаванія философіи. Отсюда знаменитѣйшіе учителя философіи въ Греціи довольствовались простыми, свободными собесѣдованіями съ своими учениками, и двѣ знаменитѣйшія греческія школы именно отъ такого способа преподаванія получили и самое свое имя. Такъ Академія — имя, которымъ, какъ извѣстно, обозначалась философская школа Платона, напоминаетъ о садахъ Академа, гдѣ преподавалъ Платонъ, а школа перипатическая своимъ наименованіемъ даетъ разумѣть объ ученыхъ прогулкахъ Аристотеля съ учениками. Такое же преподаваніе философіи находимъ и у современниковъ Александрійской христіанской школы — неоплатониковъ. Плотинъ, знаменитый представитель неоплатонизма, основываетъ въ Римѣ философскую школу, но что разумѣется подъ этой школой? Эта школа была ничѣмъ другимъ, какъ собраніями, въ которыхъ на ряду съ юношами принимали участіе и зрѣлые мужи. На нихъ бесѣдовали о разныхъ философскихъ предметахъ. Содержаніе бесѣдъ было совершенно случайно. Здѣсь читались комментаріи разныхъ философовъ, какъ платонической, такъ и Аристотелевой школы. И вѣроятно читалось также то, что было особенно замѣчательнаго въ тогдашней литературѣ. Споры и вопросы составляли содержаніе бесѣдъ учителя съ учениками. Только они приурочивались къ извѣстному предмету и тѣмъ достигался нѣкоторый порядокъ преподаванія. Если кто изъ приверженцевъ школы велъ литературную полемику съ кѣмъ-либо, то каждое сочиненіе обоихъ оппонентовъ прочитывалось на школьныхъ бесѣдахъ. Понятно, большая часть бесѣдъ у неоплатониковъ наполнялась рѣчами

самого учителя Плотина, который по поводу вопросов отъ учениковъ развивалъ и излагалъ свои мысли ¹⁾. — Учителя христіанскіе безъ сомнѣнія оставались болѣе или менѣе вѣрными этой древней и современной имъ практикѣ философскихъ школъ. Александрійская школа приблизительно держалась того же образца ²⁾. Преподаваніе въ ней носило дружескій характеръ собесѣдованій. Теченіе лекціи приноравливалось къ нуждамъ и потребностямъ слушателей, нерѣдко прерывалось вопросами и отвѣтами. Сообщаемыя свѣдѣнія носили характеръ болѣе или менѣе фрагментарный, отрывочный и единство лекцій состояло лишь въ томъ, что если онѣ касались истинъ христіанскихъ, то большею частію опирались на мѣста изъ Библіи и истолкованіе ея было вообще главнымъ предметомъ преподаванія ³⁾. — Школа имѣла свободный открытый характеръ. Въ нее не принуждали ходить учениковъ; да этого и нельзя было дѣлать, когда учениками были люди взрослые и самостоятельные. Учитель не задавалъ имъ уроковъ.

Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя нами переданы объ Александрійской школѣ, ясно видно, что она существенно (him-melweit) разнилась отъ школъ новѣйшаго и нашего времени ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе это не препятствуетъ современнымъ ученымъ принимать и именовать ее древнѣйшею духовно-учебною школою. Эти ученые или считаютъ ее вообще „теологическою школою“ (Gericke), или именуютъ прямо „богословскою семинаріею“ (Lehmann). Особенно выразительно говорить о сущности и назначеніи этой школы третій ученый (Augusti), когда пишетъ: „Александрійское училище скорѣе всего было богословской семинаріей или философско-богословскимъ факультетомъ“ (т. е. духовной Академіей). Нѣкоторые изъ указанныхъ ученыхъ допускаютъ, что это училище было „заведеніемъ, подготовлявшимъ будущихъ катихитовъ и будущихъ пастырей церкви къ ихъ дѣ-

¹⁾ Проф. М. Владиславлева. Философія Плотина, основателя неоплатонической школы, стр. 42—43. Спб., 1868.

²⁾ Pressensé. Op. cit., S. 201. Слич. Евсевія, VI, 18.

³⁾ Redepenning. Origenes, eine Darstellung seines Lebens. B. I, S. 69. Bonn. 1841.

⁴⁾ Lehmann, S. 68.

тельности“¹⁾. Дѣйствительно, можно предполагать, что на скамьяхъ этого училища сидѣли и учились многіе изъ духовныхъ лицъ III и начала IV вѣка, хотя исторія называетъ по именамъ таковыхъ и не часто (Евсев. VI, 3. 30; VII, 14).

Ученый Леманнъ, (S. 113) кажется самый новѣйшій писатель по исторіи Александрійской школы, заканчиваетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „если мы оглянемся на исторію этой школы, на ея практико теоретическую дѣятельность, на жизнь ея учителей и знаменитыхъ представителей, на ея заслуги словомъ и перомъ, то должны будемъ согласиться, что эта школа не только въ лѣтописяхъ церковной исторіи, но также и въ исторіи педагогики и въ культурной и всемірной исторіи занимаетъ и всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто“.

Какъ высоко было образованіе пастырей церкви разсматриваемаго времени—II и III вѣковъ? Всѣ болѣе значительныя церкви этого времени имѣли по нѣскольку такихъ пастырей, слава высокаго просвѣщенія которыхъ дошла даже до отдаленнѣйшихъ потомковъ. Начнемъ съ церкви Александрійской. Въ числѣ епископовъ этой церкви встрѣчаемъ лицъ очень образованныхъ. Такими были Иракль и Діонисій Александрійскіе, принадлежавшіе до своего епископствованія къ числу преподавателей знаменитой Александрійской школы. Послѣдній изъ нихъ отличался особенною широтою воззрѣній, безпристрастно изучилъ какъ сочиненія философовъ, такъ и еретиковъ, за что даже подвергался укорамъ со стороны лицъ ограниченныхъ; онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, но они дошли до насъ лишь въ небольшомъ числѣ²⁾. Изъ пресвитеровъ александрійской церкви особенною высотой и блескомъ образованія отличались Оригенъ и Піерій. Оригенъ, прозванный за свое необычайное ученое трудолюбіе и блестящую образованность „адамантовымъ“, т. е. алмазнымъ, оставилъ послѣ себя 6000 сочиненій, былъ знаменитымъ библіологомъ, экзегетомъ и бого-

¹⁾ Ibidem, 72, 20, 76.

²⁾ Всѣ его сочиненія собраны въ небольшомъ томѣ въ русск. переводѣ: Творенія св. Діонисія велик. Перев. свящ. Дружинина. Каз. 1900.

словомъ—философомъ. Но о немъ нѣтъ надобности распространяться. Заслуги его для науки извѣстны. Пресвитера Александрійскаго Піерія Евсевій называетъ самымъ рѣдкимъ человѣкомъ. По словамъ Евсевія (VII, 32) онъ былъ извѣстенъ какъ глубокій философъ, основательный экзегетъ и превосходный проповѣдникъ. Въ честь его въ послѣдствіи въ Александріи построена была церковь ¹⁾— значить, воздвигнуть своего рода монументъ.—Что касается до антиохійской церкви, то ея пастыри, со стороны образованности, можно сказать конкурировали съ полнымъ успѣхомъ съ пастырями церкви александрійской. Древнѣйшимъ пастыремъ—писателемъ антиохійской церкви былъ Игнатій Богоносецъ; Игнатій, какъ извѣстно, не былъ глубокимъ мыслителемъ, но его сочиненія за то отражаютъ съ необыкновенною яркостью духъ христіанства въ его первоначальной чистотѣ. Онъ писалъ просто, но внушительно. Другой епископъ антиохійской церкви Теофилъ былъ основательно знакомъ съ философіей своего времени и въ качествѣ христіанскаго апологета съ энергіею отражалъ нападки образованныхъ язычниковъ на христіанское ученіе. Въ III вѣкѣ особенно славился въ числѣ епископовъ антиохійскихъ извѣстный Павелъ Самосатскій. Это былъ даровитый, увлекательный проповѣдникъ. Его проповѣди возбуждали необыкновенный энтузіазмъ въ слушателяхъ. Слушатели приходили въ такое восторженное состояніе отъ его проповѣдей, что вскакивали со своихъ мѣстъ, аплодировали и махали ему платками ²⁾. Павелъ извѣстенъ, какъ церковный пѣснописецъ, по крайней мѣрѣ мы такъ понимаемъ замѣчаніе о немъ одного древняго документа, что Павелъ оставилъ прежнія пѣснопѣнія и

¹⁾ De-Boor. Neue fragmente aus der Kirchengeschichte des Philippus Sidetes (Texte und Untersuch. von Gebhar. u. Harnack. B. V. Heft 2, S. 179. Leipzig, 1888).

²⁾ Сколько знаетъ церковная исторія, аплодисменты въ храмѣ по адресу ораторовъ впервые появились во время жизни Павла Самосатскаго. Но затѣмъ этотъ обычай нашелъ широкое распространеніе въ церкви IV и V вѣковъ. Второстепенные и суетные духовные виты были въ восторгѣ отъ него. Впрочемъ нужно замѣтить, что и великіе христіанскіе ораторы не только терпѣли его, но до извѣстной степени и защищали его (разумѣемъ Златоуста, Августина). Безъ сомнѣнія обычай этотъ возникъ подъ вліяніемъ языческихъ ораторскихъ турнировъ.

ввелъ новыя. Павелъ воспитанъ былъ на философіи Аристотеля и извѣстенъ, какъ искуснѣйшій діалектикъ. Не менѣе трехъ разъ собирался соборъ для разсмотрѣнія его монархическаго лжеученія и только на третьемъ соборѣ пастырями церкви удалось изобличить еретичество Павла (Евсев. VII, 30). Изъ пресвитеровъ антиохійской церкви выдавались своими способностями, талантомъ и глубокимъ образованіемъ: Дорофей, Лукіанъ и Малхіонъ. Первые двое считаются основателями Антиохійской школы, и слѣдовательно представляли собою выдающихся мужей. Дорофей, по отзыву Евсевія, (VII, 32); былъ человѣкъ ученѣйшій, знакомый съ Библіею въ еврейскомъ подлинникѣ, свѣдущій въ такъ называемыхъ свободныхъ наукахъ (т. е. геометріи, діалектикѣ и пр.), не чуждый греческаго образованія (т. е. знакомый съ греческой литературою). Еще болѣе славился Лукіанъ, человѣкъ очень ученый въ точномъ смыслѣ слова; какъ учитель школы, онъ оставилъ послѣ себя множество учениковъ, а потому приобрѣлъ общую извѣстность: многіе гордились тѣмъ, что они учились у Лукіана, потому что это было лучшею рекомендаціею серьезности ихъ образованія; Лукіанъ вновь рецензировалъ св. Писаніе Ветхаго Завета на греческомъ языкѣ и его рецензія (изданіе) быстро распространилась въ большей части греческой церкви древняго времени — и до сихъ поръ его трудъ очень внимательно изучается и изслѣдуется наукою. Сообщимъ свѣдѣнія о Малхіонѣ. Малхіонъ, по словамъ Евсевія (VII, 29), былъ мужемъ ученѣйшимъ, онъ былъ начальникомъ софистическаго училища въ Антиохіи, обладалъ несокрушимой діалектикой, благодаря которой онъ успѣлъ раскрыть на антиохійскомъ соборѣ, что ученіе Павла Самосатскаго было лжеученіемъ, изобличивъ этого еретика. Особенно много образованныхъ пастырей было, по свидѣтельству Евсевія, въ Лаодикии, городѣ, принадлежавшемъ къ антиохійскому церковному округу. Объ Анатолиі, епископѣ Лаодикійскомъ, Евсевій пишетъ (VII, 32): „родомъ онъ былъ александріецъ и по своей учености и эллинскому образованію, равно какъ и по философіи занималъ первое мѣсто между извѣстнѣйшими лицами. Такъ какъ онъ въ математикѣ, геометріи, астрономіи, діа-

лектикѣ, философіи и искусствѣ риторическомѣ достигъ самой высокой степени, то жители Александріи, по словамъ Евсевія, просили его открыть въ ихъ городѣ школу „на Аристотелевыхъ началахъ“. И другіе епископы лаодикійскіе, по отзыву того же Евсевія (VII, 32), славились своимъ образованіемъ. Такъ, по его словамъ, Теодотъ лаодикійскій занималъ первое мѣсто въ качествѣ врача¹⁾, а Стефанъ лаодикійскій внушалъ къ себѣ уваженіе своими философскими познаніями и разностороннимъ еллинскимъ образованіемъ. — Церкви южнаго побережья Чернаго моря также насчитывали въ числѣ своихъ пастырей не мало лицъ образованныхъ. Между ними видное мѣсто занимаетъ ученикъ Оригена, Григорій чудотворецъ, епископъ неокесарійскій. Онъ былъ извѣстенъ какъ писатель; на его богословскихъ сочиненіяхъ воспитались впоследствии кападокійскіе знаменитые отцы церкви — Василій Великій, Григорій Нисскій и Григорій Богословъ. Въ Каппадокіи въ III в., какъ пастырь образованный, извѣстенъ былъ Фирмилианъ, епископъ Кесарійскій. Отъ него дошло до насъ очень мало письменныхъ памятниковъ, но во всякомъ случаѣ видно, что онъ былъ человѣкъ съ проницательнымъ взглядомъ: онъ могущественно поражающе обнаруживавшуюся заносчивость римскихъ епископовъ. Изъ „поетійскихъ“ епископовъ почему-то съ особеннымъ одушевленіемъ Евсевій (VII, 32) говоритъ о Мелетіи. Вотъ слова Евсевія: „Мелетій былъ таковъ, какимъ только можно описать человѣка совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, нельзя достойно подивиться силѣ его краснорѣчія. Но быть можетъ скажутъ, замѣчаетъ Евсевій, — что это у него отъ природы? Однакожъ, кто превзойдетъ его въ многостороннемъ знаніи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ? Испытай его только одинъ разъ, и ты скажешь, что во всѣхъ словесныхъ на-

¹⁾ Епископъ — врачъ. Спрашивается, что общаго между обязанностию епископа и врача? Этотъ вопросъ прекрасно разработанъ въ книги Harnack'a: *Medicinisches aus der ältesten Kirchengeschichte* (Texte und Untersuch. B. VIII, Heft 4. Leipz. 1892). Оказывается, что въ видахъ противо-дѣйствія культу Эскулапа представители христіанства усердно занимались лечеваніемъ больныхъ. Съ точки зрѣнія Гарнака хорошо уясняется значеніе христіанскаго института „заклинателей“, института до сихъ поръ остававшегося темнымъ.

укахъ онъ человѣкъ самый искусный и самый ученый“. Изъ другихъ восточныхъ церквей — пастырей съ образованнымъ вкусомъ встрѣчаемъ въ Палестинѣ и Финикии. Въ Палестинѣ пользовался извѣстностью Іерусалимскій епископъ Александръ, устроившій прекрасную библіотеку въ св. градѣ, которая много послужила на пользу историку Евсевію. Въ Финикии въ III в. славился образованіемъ Меоодій, епископъ Тирскій, этотъ строгій, но правдивый критикъ Оригеновыхъ воззрѣній. Менѣе образованныхъ пастырей было на Западѣ, но все же было и тамъ ихъ нѣсколько, и притомъ очень извѣстныхъ. Наомнимъ изъ африканцевъ — Тертулліана и Кипріана, изъ римлянъ — Климента римскаго, антипапу Ипполита, ревностнаго и плодовитаго писателя, епископа Діонисія, который былъ замѣчателенъ удивительно точнымъ раскрытіемъ догмы, окончательно формулированной въ Никее, пресвитера Новаціана, оставившаго послѣ себя нѣсколько сочиненій съ очень зрѣлымъ взглядомъ на религіозные вопросы; — въ Галліи прославился Иринеи Ліонскій.

Сейчасъ сдѣланное, исчисленіе пастырей Церкви II и III вѣковъ показываетъ, что образованныхъ пастырей было довольно въ эти времена, но безъ сомнѣнія еще больше было пастырей малообразованныхъ и совсѣмъ простыхъ. Изъ II вѣка мы знаемъ очень немногихъ образованныхъ пастырей. И это вполне естественно. На первыхъ порахъ въ христіанство обращались лица простые — съ незначительнымъ образованіемъ; изъ нихъ же, конечно, выбирались и пастыри церкви. По свидѣтельству памятника: *Canonēs ecclesiastici* во II вѣкѣ могли встрѣчаться епископы, лишенные всякаго образованія: *ἀγροῦργοι*. У такихъ высота нравственности занимала мѣсто образованности¹⁾. Одинъ изъ очень выдающихся епископовъ II вѣка Поликрать Ефесскій — считаетъ себя очень ученымъ епископомъ потому только, что онъ былъ знакомъ съ Св. Писаніемъ. Поликрать съ нѣкоторымъ самовосхваленіемъ говорилъ о себѣ: „я прочиталъ все Св. Писаніе“ и на этомъ утверждалъ авторитетность своего голоса по одному церковному вопросу (Евсевія V, 24). Съ

¹⁾ Harnack. Die Quellen der apost. Kirchenordnung. 10. Leipz 1886.

III вѣка положеніе дѣла значительно улучшается. Теперь и очень образованные люди нерѣдко переходятъ къ церкви. Поэтому-то пастырей церкви образованныхъ въ III вѣкѣ встрѣчаемъ не мало. Но и въ это время между епископами небольшихъ городовъ встрѣчаемъ лицъ, которыхъ современникъ называетъ „весьма простыми и даже деревенщиной“ (Евсев. VI, 43). Епископъ Александръ Команскій, напр., былъ угольщикомъ до времени своего посвященія ¹⁾. Но что говорить о епископахъ второстепенныхъ городовъ, даже епископы столицъ иногда принадлежали къ малообразованному классу людей. Римскаго папу Зефирина современникъ называлъ ²⁾ „человѣкомъ невѣжественнымъ (ἰδιώτης) и безграмотнымъ“. Другой папа III вѣка Фабіанъ былъ изъ простыхъ крестьянъ (Евсев. VI, 29). Папа Каллистъ вышелъ изъ купцовъ. Еще примѣръ. Объ Александрійскомъ епископѣ III-го же вѣка Димитріи одинъ древній коптскій календарь замѣчаетъ: „Димитрій былъ необразованный поселянинъ, не знавшій Св. Писанія“ ³⁾. Подобныя лица, переходя къ пастырской и церковно-учительной должности прямо отъ занятій предметами далеко недуховнаго свойства, безъ сомнѣнія, не блистали богословскими знаніями.

Слѣдовательно, говоря вообще процентъ малообразованныхъ пастырей во II вѣкѣ, вѣроятно, бралъ перевѣсъ надъ процентомъ образованныхъ, а въ III вѣкѣ процентъ тѣхъ и другихъ пастырей, можно думать, оставался въ равновѣсіи.

¹⁾ Творенія Григорія Нисскаго. Перев. Томъ VIII, стр. 170—175.

²⁾ Hippolyti, Philosophum.. lib. IX, cap. 11.

³⁾ Harnack. Op. citat. S. 10.—У проф. Болотова встрѣчается указаніе, что ранѣе того (въ концѣ I в.) на Александрійскомъ престолѣ возсѣдалъ даже „сапожникъ“ (Анніанъ), но никакой нибудь мастеръ, а сапожникъ, который „чинилъ лишь старые сапоги“ (День и годъ кончины сватгел. Марка: „Христ. Чт., 1893, II, 429).

II. Способы образованія духовенства и интеллектуальное состояніе его отъ IV до IX вѣка.

Какими правилами руководилась церковь по отношенію къ образованности лицъ, поставляемыхъ въ духовныя должности отъ IV до IX вѣка, объ этомъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ очень мало. Какъ кажется, на этотъ счетъ не было выработано строго-опредѣленныхъ правилъ. Требованія, которыя предъявлялись по отношенію къ кандидатамъ на священство, были очень невысоки. Довольствовались тѣмъ, чтобы будущій пастырь былъ грамотенъ, чистъ въ вѣрѣ, могъ съ толкомъ читать свящ. книги и зналъ наизусть важнѣйшія молитвословія. Требованія — слишкомъ общія. Такъ соборъ Кароагенскій 397 года требуетъ отъ поставляемаго въ епископы, чтобы онъ былъ испытанъ, проэкзаменованъ; здѣсь указаны опредѣленные вопросы, какіе надлежало предлагать ищущему епископства. Испытаніе происходило предъ посвященіемъ. Въ правилахъ (1 и 2) указаннаго собора говорится: „если хотятъ кого посвятить въ епископы, то должно испытать его насколько онъ разуменъ, достаточно ли онъ грамотенъ (*literatus*), способенъ ли къ учительству (*docibilis*), то есть насколько онъ свѣдуещъ въ законѣ Божіемъ, правильно-ли понимаетъ догматы вѣры“. Затѣмъ въ правилахъ слѣдуетъ довольно широкій списокъ догматическихъ матерій, относительно которыхъ онъ долженъ былъ спрошенъ. Но изъ этого списка открывается, что имѣлось въ виду узнать не степень и объемъ богословскаго вѣдѣнія, а лишь то — не держится ли онъ какого-либо заблужденія, не держится ли онъ манихейской, пелагианской ереси и новаціанскихъ заблужденій. А о клирикахъ въ рассматриваемыхъ правилахъ говорится только, что „ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть посвященъ безъ предварительнаго испытанія епископомъ“ (пр. 22) ¹⁾. Мы должны помнить, что

¹⁾ *Statuta ecclesiae antiquae*. § 145. Hefele. *Conciliengesch.*, B. II, S. 69. Binterim. *Denkwürdigkeiten der Christ-kath. Kirche*. B. I, Theil 2, S. 224—226.

здѣсь въ этихъ правилахъ рѣчь идетъ лишь о духовенствѣ латинской церкви, да и то далеко не всей. Не больше требуется отъ кандидата на священство и правилами вселенскихъ соборовъ. Во второмъ правилѣ VII вселенскаго собора говорится: „кто посвящается въ епископы, тотъ долженъ въ совершенствѣ (т.-е. наизусть) знать Псалтирь, чтобы онъ могъ поучать подчиненныхъ ему клириковъ (?); также должно испытать его: умѣть ли онъ съ разсужденіемъ, а не бѣгло (т. - е. только зрѣніемъ) лишь читать свящ. правила, Евангеліе, Апостоль и все свящ. Писаніе и учить порученный ему народъ“. Последнее требованіе впрочемъ не нужно понимать въ широкомъ смыслѣ: выразилось желаніе, чтобы онъ по крайней мѣрѣ умѣлъ объяснять главнѣйшія истины вѣры, слѣдуя выраженному ученію св. отцовъ (слич. Трульск. соб. прав. 19). — Гражданское законодательство по дѣламъ церкви, именно Юстиніаново, съ своей стороны опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять испытаніе лица, которое готовится въ посвященію во епископы. Требованія—опять очень ограниченныя. Избираемый обязывается изустно изложить истины православной вѣры. Затѣмъ онъ наизусть же долженъ произнести слова, читаемыя при совершеніи евхаристіи, крещенія и другихъ таинствъ. Отъ епископа требовалась извѣстная степень образованія ¹⁾; во епископы не могъ быть посвященъ человекъ неученый, но подъ ученостію разумѣлась простая грамотность ²⁾. Законы Юстиніана требуютъ также отъ епископа знакомства съ церковными правилами, чего требовали тоже и соборы ³⁾. Но подъ такимъ знакомствомъ съ правилами конечно разумѣлось не научное знаніе, не законовѣдѣніе, а простое знаніе необходимыхъ практическихъ постановленій церковныхъ. Позднѣйшіе западные соборы (наприм. VIII в.), по видимому, узаконяютъ требованія, подобныя тѣмъ, которыя выражены въ законодательствѣ Юстиніановомъ, — требуютъ знанія главнѣйшихъ молитвословій, знакомства съ обрядовой

¹⁾ Novella 123, cap. 12.

²⁾ Въ законѣ запрещается рукополагать кого либо, *si nō uerūmāta uiaat*.

³⁾ Novella 6, cap. 1. Novella 137. cap. 2. Кареев. соб. пр. 25.

стороною таинствъ, умѣть разъяснить ихъ смыслъ и т. п. ¹⁾; но все это не имѣетъ большаго значенія.

Церковь не была притязательна по части образованности лицъ, поставляемыхъ въ духовные чины и вообще обходила этотъ вопросъ. Но то, чего не было выражено церковнымъ законодательствомъ, а также гражданскими законами, регулировавшими жизнь церкви, очень достаточно было раскрыто и разъяснено знаменитыми отцами церкви того времени, въ видѣ частныхъ мнѣній какъ *pia desideria*, — въ особенности Иоанномъ Златоустомъ въ его извѣстныхъ „Словахъ о священствѣ“ ²⁾. Эти отцы поставляютъ многія и значительныя требованія по отношенію образованности пастыря. Златоустъ прямо заявляетъ, что никакая жизнь, какъ-бы она ни была высока, не есть достаточное условіе для поставленія въ пастыри церкви. Основательное знаніе догматовъ вѣры — вотъ что нужно со стороны пастыря, кромѣ высоконравственной жизни ³⁾. Съ этимъ знаніемъ, по Златоусту, необходимо должно соединяться искусство краснорѣчія у пастыря, потому что пастырь въ словѣ, словомъ и чрезъ слово совершаетъ свое служеніе. Златоустъ разсуждаетъ: „врачи тѣлесныя изобрѣтаютъ и употребляютъ извѣстнаго рода лекарства, различные снаряды, они предписываютъ различнаго рода діету для больныхъ. Для души же, съ которою имѣетъ дѣло пастырь, ничего подобнаго нельзя придумать. Но остается для нея одно средство, одинъ способъ леченія — ученіе *словами*. Это вмѣсто лекарства, это вмѣсто огня и вмѣсто же-

¹⁾ Hefele. Conciliengesch. B. III, 563. Freiburg, 1877.

²⁾ Обыкновенно думаютъ, что въ этомъ сочиненіи Златоустъ рисуетъ идеалъ пресвитера (священника въ точномъ смыслѣ слова) и его положеніе въ церкви. Но нашъ канонистъ проф. Н. С. Суворовъ, на достаточныхъ основаніяхъ держится совсѣмъ иного взгляда. Онъ говоритъ: „въ сочиненіи, написанномъ по поводу предстоявшаго ему посвященія *въ епископы* (курсивъ не нашъ), Златоустъ согласно общему древне-церковному словопотребленію подъ священниками понимаетъ только *епископовъ*. Хотя нѣкоторыя функціи, усвоенныя Златоустомъ священнику, и въ то время были общими для епископа и пресвитера, но даже говоря объ общихъ епископу и пресвитеру функціяхъ, Златоустъ (въ „словахъ о священствѣ“) всегда имѣетъ въ виду епископовъ и нигдѣ не говоритъ о пресвитерахъ“. См. его сочиненія: „къ вопросу о такой исповѣди“, стр. 42—43. Яросл., 1886; „Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника“, стр. 50—51. Ярославль, 1898.

³⁾ Слова о священствѣ. Сл. IV, гл. 9. Творенія св. Іоанна Златоуста (изд. Петерб. академіи). Т. I, кн. 2-ая, стр. 452. Спб., 1895.

лѣза. Настоятъ ли надобность отсѣкать или прижигать — необходимо должно прибѣгать къ слову. Если оно нисколько ни подѣйствуетъ, то все прочее остается недѣйствительнымъ. Если бы кто, какой пастырь, имѣлъ бы мечъ духовный и пить вѣры такіе, что могъ бы производить чудеса, тотъ не имѣлъ бы надобности въ помощи слова, или лучше оно и тогда не бесполезно, даже весьма необходимо. Ибо и Ап. Павелъ дѣйствовалъ словомъ, хотя повсюду прославляемъ былъ за чудеса. И всѣ апостолы ни по какой иной причинѣ препоручили Стефану и его сотрудникамъ попеченіе о вдовицахъ, а именно потому, чтобы сами могли безпрепятственно заниматься *служеніемъ слова*“ (Дѣян. 6, 4). Итакъ, замѣчаетъ Златоустъ, священникъ (епископъ) обязанъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы пріобрѣсти силу слова ¹⁾. Въ особенности, по Златоусту, пастырю нужно быть очень искуснымъ въ краснорѣчіи въ томъ случаѣ, когда ему приходится поучать съ церковной кафедры людей съ изысканнымъ вкусомъ, людей ищущихъ глубины и новизны въ раскрытіи предмета. Златоустъ замѣчаетъ, что образованное общество было очень взыскательно въ отношеніи къ проповѣднику; онъ пишетъ: „если бы случилось кому-либо изъ проповѣдниковъ прибавить къ своему слову небольшую часть изъ чужихъ трудовъ, то онъ большимъ подвергается укоризнамъ, нежели похитители чужаго имѣнія. Да что говорю я о чужихъ трудахъ? Проповѣдникъ не можетъ пользоваться часто даже тѣми мыслями, какія изложены ранѣе имъ самимъ, и потому искусство слова у насъ становится гораздо болѣе необходимымъ, нежели у софистовъ“. Златоустъ даетъ совѣтъ, чтобы пастырь и самый искусный въ краснорѣчіи ни на минуту не оставлялъ своей способности безъ усовершенствованія. Вотъ его совѣтъ: „кто обладаетъ великою силою слова, даже и тотъ не освобождается отъ непрестанной заботливости объ усовершенніи. Такъ какъ сила слова не природою дается, но пріобрѣтается образованіемъ, то хотя бы кто довелъ ее до высшей степени совершенства, и тогда

¹⁾ О священствѣ. IV, гл. 3, стр. 444—445; гл. 5. стр. 448.

онъ можетъ потерять ее, если постояннымъ и прилежнымъ занятіемъ не будетъ развивать этой силы“ ¹⁾).

Нѣкоторые лица изъ духовенства во времена Златоуста говорили: къ чему приобрѣтать даръ краснорѣчія, когда самъ Ап. Павелъ называетъ себя *невѣждою*, и притомъ объ этомъ пишетъ къ коринѳянамъ, которые славились и хвалились краснорѣчіемъ? Златоустъ со всею энергіею опровергаетъ тѣхъ, кто вслѣдствіе такого основанія охлаждали въ себѣ ревность къ приобрѣтенію церковно-ораторской способности. Онъ находитъ, что подобныя лица вовсе не понимаютъ Апостола, „они хвалятъ такое невѣжество, отъ котораго Павелъ столько былъ далекъ, сколько не былъ далекъ никакой другой человѣкъ, живущій подъ небесами“. Апостоль, какъ никакой другой человѣкъ, разъясняетъ Златоустъ, умѣлъ защищать истинное ученіе *словомъ*, значитъ не былъ невѣждой; онъ былъ невѣждою только въ отношеніи къ изысканной и утонченной витіетоватости языческихъ писателей. А что Апостоль силенъ былъ въ словѣ, на это приводитъ Златоустъ многія доказательства, въ укоръ возражавшимъ. „Скажи мнѣ, пишетъ Златоустъ, какимъ образомъ онъ переспросилъ іудеевъ, живущихъ въ Дамаскѣ! Какимъ образомъ взялъ верхъ надъ еллинами? Не потому ли что сильно побѣждалъ *словомъ*? И никто не можетъ сказать, что ему удивлялся народъ, по молвѣ объ его чудесахъ, нѣтъ въ это время онъ еще не начиналъ творить чудесъ: онъ побѣждалъ единственно *словомъ* своимъ. Членъ Ареопага, житель суевѣрнѣйшаго города, не за одно-ли проповѣданіе Павла сдѣлался его послѣдователемъ? А что было въ Солунѣ, Коринѣ, въ Ефесѣ и самомъ Римѣ? Не цѣлые ли дни и ночи сряду были проводимы имъ въ истолкованіи Писаній? Что еще сказать о состояніи съ эпикурейцами и стойками (Дѣян. 17, 18)? И такъ очевидно, что если и прежде чудесъ и при чудесахъ Павелъ расточалъ обильно слово свое, то неужели осмѣлимся называть невѣждою того, кто бесѣдою и проповѣдію своею приобрѣлъ себѣ великую славу. Почему ликаонцы приняла его за Меркурія? Что

¹⁾ Слово V, гл. 1, стр. 453. Сл. V, гл. 5, стр. 455.

Павла и Варнаву сочли за боговъ, причиною этому чуда, но что Павла приняли именно за Меркурія, причиною этому не чуда, а слово“ (Дѣян. 14, 12). Златоустъ далѣе спрашиваетъ: „почему во всей вселенной имя Павла наиболѣе обращается въ устахъ всѣхъ? И отвѣтаетъ: не за превосходство ли его посланій, которыми онъ приносилъ пользу вѣрнымъ не только въ то время жившимъ, но и приносить ее существовавшимъ съ того времени до нынѣшняго дня и имѣющимъ послѣ существовать?“ Св. отецъ энергически пишетъ: „многіе (изъ пастырей) и погибли и сдѣлались менѣе ревностными къ истинному ученію“, вслѣдствіе того, что вообразили будто Павелъ хвалился дѣйствительнымъ невѣжествомъ, и рѣшили быть невѣждами. Послѣ этихъ разсужденій Златоустъ спрашиваетъ у этихъ дѣйствительныхъ невѣждъ въ духовенствѣ: „какимъ образомъ кто-либо, оставаясь невѣждою, будетъ обличать противниковъ вѣры и заградить имъ уста? Да и какая нужда заниматься чтеніемъ и литературой, если потребно лишь невѣжество? Все это,— что говорили невѣжды въ духовенствѣ въ свое оправданіе,— все это, замѣчаетъ Златоустъ, только одинъ вымыселъ, предлогъ, пустое извиненіе лѣности“¹⁾ со стороны ихъ. Отсюда видно, какъ многого требовалъ Златоустъ отъ пастыря по части образованія.—Другой великій святитель того времени Григорій Богословъ также рѣшительно требовалъ многосторонняго образованія со стороны пастыря. Григорій находитъ, что пастырю весьма прилично знать философію, какъ и другія человѣческія науки, не говоря уже о наукахъ богословскихъ. Григорій, напр., пишетъ: „предстоятелю совершенно необходимо быть вмѣстѣ и простымъ и сколько можно болѣе многостороннимъ и разнообразнымъ для приличнаго со всякимъ бесѣдѣ. Ибо одни, будучи по способностямъ младенцы, требуютъ самыхъ простыхъ первоначальныхъ уроковъ, а другіе имѣютъ нужду въ премудрости, желаемой совершенными“ (1 Кор. 2, 6)²⁾. Въ частности богословъ долженъ имѣть отчетливое понятіе: о мірѣ, о матеріи, душѣ,

¹⁾ Сл. IV, гл. 6—8. стр. 448—451

²⁾ Твор. Григ. въ рус. пер. Т. I. Слово 3, стр. 43—44. М. 1843. Тамъ же, стр. 37.

разумныхъ существахъ и проч. Подобно Златоусту, Григорій Богословъ сильно боролся противъ предрасудка, который, кажется, былъ очень силенъ между духовенствомъ, именно, что будто нѣтъ надобности въ учености для пастыря, когда сами апостолы, не отличаясь ученостію, однакожь силою духа побѣдили міръ. Въ опроверженіе этого предрасудка Григорій замѣчалъ: апостолы находились подъ особеннымъ дѣйствіемъ благодати, а пастыри церкви дѣйствуютъ среди обыкновенныхъ условій и обыкновенными способами, а потому должны обладать образованіемъ, какъ наилучшимъ средствомъ дѣйствовать на паству¹⁾. Григорій въ похвальномъ словѣ Василию Великому прямо объявляетъ, что подобнаго мнѣнія держатся лишь невѣжды, желающіе оправдать свое невѣжество. Онъ говоритъ: „не должно унижать образование, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые, напротивъ надобно признать глупыми и невѣжественными тѣхъ, кто держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостатокъ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество“²⁾.

Такимъ рисовался идеаль пастыря въ умахъ лучшихъ просвѣщеннѣйшихъ отцевъ церкви. Имѣли ли пастыри того времени способы и средства поднять себя на тотъ уровень образованія, какого желали болѣе передовые святители?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что церковь, или если угодно іерархія, въ разсматриваемое время не принимала на себя попеченія объ учрежденіи какихъ-либо училищъ для подготовленія юношества къ прохожденію духовнымъ должностей. Это зависило отъ многихъ причинъ. Во первыхъ эпоха первыхъ трехъ вѣковъ не знала никакихъ духовно - учебныхъ заведеній, обходилася безъ нихъ. Это было такъ сказать прецедентомъ. Далѣе съ VI вѣка развивается и утверждается въ церкви монашество, которое по самой идеѣ³⁾ не имѣло побужденій благопріятствовать школьному дѣлу. А такъ какъ даже въ IV вѣкѣ изъ монаховъ стали выбирать епископовъ, то заботы о научномъ

¹⁾ Ullmann. Gregorius von Nazianz, der Theologe. S. 361. Gotha, 1866.

²⁾ Григорія Бог. Рус. пер. Томъ IV, стр. 64.

³⁾ См. объ этомъ въ концѣ этой главы

развитіи духовенства отступили въ церкви на задній планъ. Климентъ Александрійскій въ III вѣкѣ разсуждалъ: „если бы кто-либо предложилъ гностику (т.-е. христіанскому ученому: τῷ ὑποστῆκῳ) сдѣлать выборъ между познаніемъ Бога и вѣчнымъ блаженствомъ (τῇ σωτηρίᾳ τῇ αἰώνιῳ), допуская, что одно съ другимъ несовмѣстно (а это, конечно, не правда), то гностикъ, безъ сомнѣнія, избралъ бы познаніе“¹⁾ (т. е. науку), а съ тѣмъ оказался бы отъ блаженства. Мысль замѣчательная! Но съ IV вѣка едва ли кто рѣшился бы повторить подобную мысль: она противорѣчила духу времени (нѣчто подобное говорили крайніе аріане, но аріане—плохой примѣръ). Не о наукѣ, и не о школахъ были тогда думы... Наконецъ, нужно сказать, что наука и школы сдѣлались подозрительными: изъ существовавшихъ школъ слишкомъ много вышло аріанъ и несторіанъ. Поэтому попеченія церкви о школахъ были не въ интересахъ того времени.

Но однакожъ, гдѣ же училось тогдашнее духовенство? За отсутствіемъ церковной инициативы, на помощь духовенству явились частныя лица изъ просвѣщенныхъ христіанъ, которыя и открывали школы, какія пришлось и какія могли.

Сообщимъ свѣдѣнія объ этихъ школахъ. Само собою разумѣется, такихъ школъ было очень мало.

Обратимъ вниманіе сначала на Востокъ. Всѣ указаннаго рода школы, въ которыхъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ могли получать образованіе пастыри, — на перечетъ. Древнѣйшею и знаменательнѣйшею изъ этихъ школъ была александрійская. Но время ея процвѣтанія относится къ періоду до Константина Великаго. Съ четвертаго же вѣка среди аріанскихъ, монофизитскихъ и другихъ движеній она какъ-то стухаетъ и вскорѣ умираетъ. Послѣднимъ осеннимъ цвѣткомъ этой школы былъ знаменитый учитель ея Дидимъ, слѣпецъ отъ рожденія. Глубоко образованный не только въ наукахъ отвлеченныхъ, но и начертательныхъ, Дидимъ возбуждалъ общее удивленіе. Онъ зналъ поэзію, риторику, астрономію, геометрію, діалектику, музыку и всѣ науки философскія. Бл. Іеронимъ называетъ его чудомъ для всѣхъ.

¹⁾ Stromat. Liber VI, cap. 22.

Его широкая образованность при слѣпотѣ, заставляла нѣкоторыхъ говорить о немъ, что не имѣя очей тѣлесныхъ, онъ имѣетъ очи ангельскія. По свидѣтельству церковнаго историка Созомена, его слава привлекала многихъ въ Александрію: однихъ для того, чтобы слушать слѣпца, другихъ для того, чтобы только увидѣть его. Тотъ же Созоменъ называетъ училище, въ какомъ преподавалъ Дидимъ, „духовнымъ училищемъ священныхъ наукъ“. Дидимъ былъ горячимъ приверженцомъ Оригена ¹⁾. Но, говоримъ, недолговѣчна была школа Александрійская.

Болѣе вліятельною была школа Антиохійская, основанная, какъ мы знаемъ въ III вѣкѣ, преимущественно пресвитеромъ Лукіаномъ († 311). Но о дѣятельности Лукіана ²⁾, какъ учителя, мы почти ничего не знаемъ. Гарнакъ остроумно называетъ его „признаннымъ святымъ, но непризнаннымъ учителемъ“. Это не то значить, что его ученики своими умышленіями скомпрометировали своего учителя: при жизни Лукіана ничего такого не было, а значить то, что его учено-педагогическая дѣятельность, какъ таковая, не нашла себѣ одобренія въ глазахъ церкви ³⁾. Въ общемъ хотя свѣдѣнія наши о Лукіанѣ и не совсѣмъ скудны, но они весьма мало отвѣчаютъ на вопросъ: что онъ дѣлалъ, чѣмъ занимался въ своей школѣ, чему и какъ училъ? Мы знаемъ достоверно только о томъ, кто у него учился. Эти лица развили широкую богословскую и педагогическую дѣятельность въ IV вѣкѣ ⁴⁾. Нельзя скрывать, что ученики его стяжали печальную извѣстность; между ними оказались самъ Аріій, много аріанъ, каковъ, наприм., Евсевій Никомидійскій и др. Но эти и подобныя имена въ настоящемъ случаѣ важны для насъ, какъ свидѣтельство, что у Лукіана была дѣйствительно школа; а это намъ пока только и нужно доказать.

¹⁾ Иеронима. Книга о знаменитыхъ мужахъ (Catalogus), гл. 109. Созомена, III, 15.

²⁾ Свѣдѣнія о Лукіанѣ тщательно собраны Harnack'омъ. Gesch. d. altchrist. Litteratur. S. 527—531.

³⁾ См. выше, стр. 252.

⁴⁾ Ученики Лукіана исчислены въ сейчасъ указанномъ сочиненіи Harnack'a, S. 531—532. А также въ нашей книгѣ: „Всел. соборы, IV и V в., гл. 2-ая. С. П. 1904.

Конечно, между его учениками были не одни аріане, а люди различнаго религіознаго умонастроенія. Ясно замѣтно одно: школа скрѣпляла связь между учениками (какъ показываетъ исторія аріанскихъ движеній), значить была доброй школой—товарищи не забывали другъ друга и по выходѣ изъ школы. Они притомъ же высоко ставили имя своего учителя, хвалились тѣмъ, что они учились у этого мужа (существовалъ извѣстный въ исторіи кружокъ „солукіанистовъ“) ¹⁾. Значить было чѣмъ хвалиться, значить ученики любили своего учителя и безъ сомнѣнія — было за что. — Преемники Лукіана по учительству въ IV вѣкѣ съ большимъ успѣхомъ поддерживали славу той же школы. Такъ Діодоръ, впоследствии епископъ Тарсскій, былъ замѣчательнѣйшимъ учителемъ антиохійской школы. Подъ его руководствомъ воспитывался такой блестящій богословскій талантъ, какимъ былъ Іоаннъ Златоустъ. Своимъ рѣдкимъ по обширности и глубинѣ богословскимъ образованіемъ Златоустъ обязанъ Діодору. Съ любовію слушалъ его уроки Златоустъ, и какъ онъ сознается, всегда благодарилъ и другимъ внушалъ благодарить Бога, что Онъ даровалъ имъ такого мудраго отца и учителя ²⁾. Другой учитель антиохійской школы Θεодоръ ³⁾, впоследствии епископъ Мопсуестскій, славенъ былъ, какъ экзегетъ, изъ-подъ руководства котораго вышелъ глубокомысленный богословъ своего времени—Θеодоритъ, епископъ Кирскій. Достаточно знать, что Златоустъ и Θεодоритъ обязаны своимъ богословскимъ развитіемъ школѣ антиохійской, чтобы понять, на какой высокой степени совершенства стояли антиохійскіе учителя. Но и этой школѣ подобно Александрійской, какъ-то не посчастливилось: она поставляла современной церкви болѣе пастырей еретическихъ (несторіанскихъ), чѣмъ православныхъ и потому дѣятельность ея была кратковременна. Въ V вѣкѣ она уже прекращаетъ свое существованіе.

¹⁾ Ibidem (у Harnack'a).

²⁾ Лебедева В. Жизнь св. Іоанна Златоуста. Прибавл. къ твореніямъ св. отцевъ, т. XIV (1855 г.), стр. 186.

³⁾ Гурьева, Θεодоръ, еписк. Мопсуестскій, стр. 35. М. 1890.

Родною сестрою школы антиохійской по характеру ея дѣятельности была школа—Едесско-Низивійская. Мы называемъ эту школу едесско-низивійскою потому, что она попеременно существовала въ этихъ двухъ городахъ,—то Едессѣ, то Нивизіи. Месопотамія издавна славилась образованностію; здѣсь издавна существовало два рода школъ—нисшія въ селеніяхъ и высшія въ городахъ. Все это благопріятствовало появленію здѣсь собственно христіанскихъ школъ. Древнѣйшею христіанскою школою въ Месопотаміи была—низивійская. Она процвѣтала здѣсь уже въ началѣ IV вѣка подъ руководствомъ Іакова, епископа этого города. Іаковъ имѣетъ значеніе, какъ учитель св. Ефрема Сирина, родившагося въ Низивіи и бывшаго въ свою очередь учителемъ этой школы послѣ Іакова. Ефремъ пользовался большимъ уваженіемъ въ своей странѣ и къ нему прилагали самыя возвышенныя имена: называли его краснорѣчивыми устами, языкомъ церкви, арфой св. Духа, учителемъ вселенной. Однакожъ недолго Ефрему пришлось оставаться учителемъ въ низивійской школѣ. Персы разрушили Низивію (въ IV вѣка) и школа уничтожилась ¹⁾. Ефремъ переходитъ въ Едессу, которая также славилась христіанскимъ просвѣщеніемъ и открываетъ здѣсь христіанскую школу. Впрочемъ эта была не первая школа въ Едессѣ, и до Ефрема здѣсь существовала подобная же школа и притомъ довольно благоустроенная. Въ этой школѣ еще до прибытія Ефрема въ Едессу обучались не только христіанскія юноши, но и дѣти язычниковъ. Она была въ такомъ почетѣ, что юноши съ Востока и Запада спѣшили сюда для образованія. Самыя знаменитыя лица и даже князья посылали дѣтей своихъ въ это убѣжище науки, для христіанскаго образованія. Ефремъ Сиринъ своимъ прибытіемъ придалъ еще новый блескъ этой школѣ. Въ его школѣ преподавалось не только Свящ. Писаніе и догматы вѣры, но и общеобразовательныя науки. Ученики Ефрема были многочисленны. Довольно долгое время школа оставалась представительницей идей христіан-

¹⁾ Kihn. Die Schulen zu Antiochia, Edessa und Nisibis, S. 81—83. 85. Weis-
s-amburg. 1865. Hergenröther Ph. Die Antiochenische Schule. S. 57. Würzb. 1866.

скихъ въ чистой православной формѣ. Но такъ продолжалось до 431 года, послѣ III вс. собора изъ Антиохіи были изгнаны, приверженные къ несторианству, учителя антиохійской школы. Они нашли себѣ пріютъ въ едесской школѣ и старались дать ей несторианскій отпечатокъ. Впослѣдствіи въ концѣ V вѣка, несторианскіе учителя впрочемъ были изгнаны и изъ Едессы. Но изгнанные изъ Едессы, несторианскіе учителя не растерялись, они перешли въ Низивію и основали здѣсь новую школу, которая процвѣтала во весь періодъ древней церкви и была расадникомъ, приготовлявшимъ клириковъ несторианскаго направленія для сосѣднихъ странъ. Духъ этой школы въ Низивіи высказывается, на примѣръ, въ томъ, что учителя этой школы съ любовію изучали сочиненія Несторіева учителя, Θεодора Мопсуестскаго. Извлекали изъ его сочиненій герменевтическія правила для толкованія Писанія. На нѣкоторыхъ соборахъ въ Низивіи (596 и 605 г.) высказываема была анаеема на монаховъ, отвергавшихъ сочиненія Θεодора Мопсуестскаго. Хотя низивійская школа и была несторианскою, однако это не мѣшало ей быть очень славною. Слухъ объ ея цвѣтущемъ состояніи и достоинствахъ преподаванія въ ней достигъ даже отдаленнаго Запада, какъ это можно видѣть изъ того, что когда папа Агапѣй (536 г.) по мысли извѣстнаго Кассіодора, министра, а потомъ аббата и церковнаго писателя, хотѣлъ завести христіанскую школу въ Римѣ, то при этомъ за образецъ имѣли взять школу низивійскую, учебный характеръ и программа которой были въ большой славѣ ¹⁾.—О преподаваніи предметовъ науки въ школѣ Едесско-Низивійской V и VI в. извѣстно слѣдующее: чтеніе и истолкованіе Писанія было главнымъ ея дѣломъ. Курсъ изученія св. Писанія былъ трехгодичный. Въ первый изучались посланія Ап. Павла и пятокнижіе; во второй—псалмы и пророки; въ третій—остальной Новый Заветъ. Здѣсь преподавались также философія Аристотеля, грамматика, музыка. Преподаваніе вели официально поставленные лица, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ свѣт-

¹⁾ Kihn. Ibid., S. 83—88.

скихъ школахъ, и было систематическимъ. Иногда число учениковъ въ школѣ простиралось до 800 человекъ ¹⁾.— Конечно отъ этой школы немного было пользы собственно для церкви православной: школа имѣла цѣли сепаративныя.—Есть еще довольно глухое извѣстіе о существованіи христіанской школы въ Константинополѣ. Златоустъ, будучи въ заточеніи, утѣшаетъ письмами нѣкоторыхъ пресвитеровъ въ Константинополѣ—Филиппа и Евфимія, за привязанность къ Златоусту лишенныхъ должности „учителей школы“ ²⁾, но объ этой школѣ мы ничего не знаемъ. Вотъ и все, что можно сказать о школахъ христіанскихъ, въ которыхъ могло получать образованіе духовенство восточной церкви! Если присоединимъ сюда монастыри, изъ которыхъ вышло немало пастырей того времени, то наша задача будетъ выполнена. Что сказать о томъ образованіи, которое пастыри могли получать въ греческихъ монастыряхъ? Монастыри вообще были не бесполезны въ данномъ отношеніи, поскольку въ нихъ можно было приобретать христіанско-практическое направленіе, религіозную опытность и знакомство съ свящ. Писаніемъ. Но съ другой стороны въ монастыряхъ, какъ естественно, развивалась значительная ограниченность богословскаго кругозора которая могла вредно отражаться на образованіи пастыря ³⁾. И притомъ, вышедшіе изъ монастырей, пастыри почти всегда приносили съ собою въ дѣятельность житейскую непрактичность, происходившую отъ малаго знакомства съ современнымъ обществомъ, чрезъ что должно было парализоваться ихъ вліяніе на пасомыхъ ⁴⁾.—Большинство-же будущихъ па-

¹⁾ Hergenröther Ph. S. 59-60. Neander. Allgemeine Geschichte d. christlich. Religion. B. I. S. 494. Gotha, 1856.

²⁾ Твор. Іоанна Злат. (Письма 200 и 205). Т. III, (изд. Петерб. акад.) 1897.

³⁾ Преображенскаго В. Западная и восточныя школы во время Карла Вели., стр. 327. Спб. 1881.

⁴⁾ Златоустъ пишетъ: „знаю многихъ изъ проводившихъ всю свою жизнь въ затворничествѣ и изнурившихъ себя постомъ, которые пока пребывали въ уединеніи и пеклись только о себѣ, болѣе и болѣе преуспѣвали, а когда явились къ народу и должны были исправлять невѣжество людей, тогда одни изъ нихъ съ самого начала оказались неспособными къ такому дѣлу, а другіе, хотя и продолжали служеніе (пастырское), но оставивъ прежнюю строгость жизни, причинили величайшій вредъ себѣ и не принесли никакой пользы другимъ. Говорю это, не желая узаконить, чтобы мо-

стырей получало свое образованіе частнымъ образомъ у приходскихъ священниковъ, образованіе, конечно, не достаточное и элементарное. Въ греческой церкви священники обыкновенно имѣли у себя школы для желающихъ учиться грамотѣ; изъ этихъ школъ, конечно, и выходило большинство клириковъ. Имѣть такія школы Трульскій соборъ положительно вмѣняетъ въ обязанность священникамъ ¹⁾).

Переходимъ къ обозрѣнію Западной церкви съ цѣлію изученія, имѣвшихся здѣсь, способовъ къ образованію духовенства. Мало было на Востокъ христіанскихъ учебныхъ заведеній для приготовленія образованнаго духовенства; что же касается Запада, тамъ и того не было. Была правда попытка устроить богословскую школу въ Римѣ, но и эта попытка не осуществилась. Извѣстный Кассіодоръ, сожалея о томъ, что на Западѣ нѣтъ школъ, въ которыхъ бы происходило систематическое объясненіе св. Писанія, убѣдилъ было римскаго епископа Агапита (VI в.), устроить подобную школу въ Римѣ, но бурныя обстоятельства времени не дали осуществиться плану ²⁾). Впрочемъ взаимнѣ правильно организованныхъ богословскихъ школъ, на Западѣ развилась похвальная личная заботливость нѣкоторыхъ епископовъ о просвѣщеніи и нравственномъ воспитаніи клира. Здѣсь нѣкоторые епископы заводили положительно нѣчто подобное духовнымъ школамъ, но только для взрослыхъ. Евсевій епископъ Верчельскій (принадлежавшій къ медиоланской митрополіи) открылъ въ своемъ епископскомъ городѣ, кромѣ монашескаго общежитія, еще общежитіе для всѣхъ подвѣдомыхъ ему клириковъ ³⁾). Это было въ срединѣ IV вѣка. Возможно думать, что въ этомъ общежитіи клириковъ послѣдніе хоть сколько-нибудь занимались и дѣломъ взаимнаго просвѣщенія. Впрочемъ это лишь вѣроятное предпо-

нашествующіе вовсе были устраняемы отъ предстоятельства, но... и проч. *Слова о священствѣ*. III, 15. Стр. 429.

¹⁾ Проф. Е. Е. Голубинскій замѣчаетъ, что въ одномъ собраніи церковныхъ каноновъ прямо читается такое правило Трульскаго собора (затѣмъ у автора приводится самое правило). *Исторія русск. церкви*. Первая полов. 1-го тома, 597. Изданіе 1-ое.

²⁾ Franz. M. Aurelius Cassiodorius Senator, S. 24. Breslau. 1872.

³⁾ Ambrosii epistola (63) ad Vercellenses, cap. 66. Migne. Lat. ser. Tom. 16, p. 1207.

ложение. Нѣсколько болѣе имѣетъ значеніе въ нашемъ вопросѣ общежитіе для клира, созданное въ Медиоланѣ св. Амвросіемъ. Амвросій, неожиданно для самаго себя попавшій на епископскую кафедру, не приготовившись къ исполненію обязанностей этого сана, только усиленнымъ трудомъ восполнилъ оказавшійся у него пробѣлъ въ знаніи богословія; почему онъ и захотѣлъ помочь другимъ, т. е. такимъ, которые могли бы оказаться въ испытанномъ имъ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе неподготовленности къ духовному служенію. Онъ нарочито собиралъ въ свой клиръ молодыхъ людей, которыхъ впослѣдствіи можно было бы возвести въ священныя должности и дѣлалъ попытки готовить ихъ къ служенію, ихъ ожидавшему. Какъ велось это приготовленіе и въ чемъ состояло оно, на это указываетъ сочиненіе его: „о должностяхъ“ (de officiis ministrorum). Эта книга, по его словамъ, составила изъ тѣхъ бесѣдъ, какія онъ въ теченіе 16 лѣтъ велъ съ молодыми людьми, поступавшими въ его клиръ. Въ ней излагается христіанское нравоученіе, показывается отличіе этого нравоученія отъ языческой ионки. Въмѣстѣ съ тѣмъ епископъ излагалъ правила житейскаго благоразумія и благоповеденія, необходимыя для служителей церкви. Можно вообще думать, что бесѣды Амвросія касались и вопросовъ богословскаго вѣдѣнія¹⁾. Но во всякомъ случаѣ нельзя смотрѣть на указываемый опытъ Амвросія, какъ на какую-либо школу. На востокѣ обычай просвѣтительныхъ собесѣдованій епископовъ съ окружающею ихъ молодежью извѣстенъ съ давнихъ поръ; припомнимъ, напримѣръ, то, что говорилъ св. Иринеи объ урокахъ св. Поликарпа Смирнскаго²⁾; но отъ этихъ уроковъ до учрежденія школы еще далеко. Да и составлять понятіе о наставнической дѣятельности Амвросія по его книгѣ: „о должностяхъ“, такъ же трудно, какъ и о школьной программѣ Александрійской школы по сочиненію Климента Александрійскаго: „Строматы“, излагающей тоже школьные уроки, пре-

¹⁾ Проф. В. Θ. Пѣвницкаго. „Образованіе отцовъ-проповѣдниковъ IV вѣка“. Труды Кіев. дух. акад. 1892, т. III, стр. 279—280.

²⁾ См. начало предыдущей главы, стр. 254.

поданные этимъ послѣднимъ въ указанной школѣ. Нужны въ подобныхъ случаяхъ прямыя указанія ихъ авторовъ, чтобы не допустить произвола и преувеличеній¹⁾.

Общежитія клириковъ (съ аскетическимъ направлениемъ), появившіяся на Западѣ, по почину Евсевія Верчельскаго, а затѣмъ Амвросія, получаютъ характеръ духовно-учебныхъ заведеній только со временъ Августина. Весьма вѣроятно, что форму такого рода общежитія Августинъ занялъ у Амвросія, имѣвшаго большое значеніе въ дѣлѣ обращенія Августина въ христіанство. Но взявъ эту форму, послѣдній усовершенствовалъ ее, восполнилъ — и она получила значеніе въ исторіи изучаемаго нами вопроса. Впрочемъ значеніе этого

¹⁾ Эти послѣднія замѣчанія мы сдѣлали не безъ особеннаго намѣренія. Дѣло въ томъ, что намъ встрѣтилась одна русская книга, въ которой подобно и безъ всякихъ ограниченій говорится о школѣ, заведенной Амвросіемъ для обученія клириковъ и дѣтей, готовящихся къ поступленію въ духовное сословіе. Вотъ что пишетъ авторъ этой книги: „Амвросій (въ Медиоланѣ) собралъ вокругъ себя клириковъ и устроилъ т. называемый пресвитеріумъ (?), т. е. домъ для священно-служителей. Эти клирики составляли его единственное и постоянное общество, съ которымъ онъ жилъ одною общою нераздѣльною жизнію. Онъ былъ между ними не болѣе, какъ старшимъ братомъ руководителемъ. Тутъ священники и діаконы подъ руководствомъ Амвросія читали, писали и работали всѣ вмѣстѣ сообща. Все общество клириковъ раздѣлялось на старшихъ и младшихъ членовъ. Первые, болѣе опытные и просвѣщенные священники составляли епископскій совѣтъ; вторые, стоявшіе ниже по церковной должности и по образованію, готовились къ пастырскому служенію и подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ самого Амвросія изучали свящ. Писаніе. Въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи были взрослые, были и малыя дѣти (?), воспитаніемъ и обученіемъ которыхъ завѣдывалъ самъ Амвросій, который заботился о нихъ, какъ родной ихъ отецъ. Существенный характеръ воспитанія и приготовленія въ этой школѣ (?) будущихъ пастырей церкви, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Амвросія, которыя онъ сказалъ именно по поводу этой школы (!). „Ничто не можетъ внушать намъ столько силы и привязанности къ пастырскому служенію, какъ необходимость быть подчиненнымъ съ ранней молодости строгой дисциплинѣ и покорнымъ священнымъ обычаямъ, которые отдаляютъ и удерживаютъ клириковъ отъ сношеній и привычекъ мірскихъ, хотя бы они и оставались жить среди міра“ („О должностяхъ священнослужителей церкви Христовой. Изданіе съ предисловіемъ П. Поспѣлова, стр. XV—XVII. Кіевъ, 1875). Откуда этотъ авторъ добылъ свои свѣдѣнія о школѣ Амвросія? Онъ цитируетъ 63 письмо Амвросія ad Vercellenses, на которое мы ссылались немного выше. Но во всемъ этомъ (правда, очень длинномъ) письмѣ нѣтъ тѣхъ извѣстій, которыя такъ развязно передаетъ г. Поспѣловъ. Находится здѣсь лишь та фраза Амвросія, которою мы закончили выдержку изъ книги русскаго автора. (Слич. Migne. Loc. cit., p. 1207); но она относится не къ воображаемой школѣ Амвросія, а къ аскетическому общежитію клириковъ, созданному Евсевіемъ Верчельскимъ. Никто даже изъ болѣе обстоятельныхъ историковъ: ни Neander, ни Kurtz, ни Möller не знаютъ такой Амвросіевой школы: о подобной школѣ умалчиваетъ и проф. Пѣвницкій.

учрежденія не слѣдуетъ преувеличивать, какъ открывается изъ ниже-слѣдующаго. По инициативѣ Августина, его клиръ составилъ изъ себя родъ аскетическаго общежитія, и Августинъ придавъ этому общежитію характеръ какъ бы духовной семинаріи. Біографъ Августина Поссидій говоритъ объ этомъ такъ: „Августинъ устроилъ въ церкви (Иппонской), изъ лицъ клира, какъ бы монастырь и началъ жить со служителями Божиими по образу и правилу, учрежденному св. Апостолами. Въ этомъ обществѣ,—говоритъ Поссидій,—никто не имѣлъ никакой собственности, но у всѣхъ все было общее, и каждый снабжался тѣмъ, что было нужно ему. Самъ Августинъ жилъ въ одномъ и томъ же домѣ съ этими своими клириками, имѣлъ общій съ ними столъ, общія издержки и одѣвался одинаково съ ними“¹⁾. Объ этомъ общежитіи самъ Августинъ сообщаетъ такія свѣдѣнія: „такъ какъ я задумалъ жить въ монастырѣ вмѣстѣ съ братіей, то узнавши о моемъ намѣреніи, блаженный старецъ Валерій, (епископъ), отдалъ мнѣ тотъ садъ, въ которомъ теперь монастырь. Я началъ собирать братій, отличавшихся хорошимъ расположеніемъ,—подобно мнѣ ничего не имѣющихъ и подражавшихъ мнѣ. Какъ и я нѣкогда продалъ свою бѣдную одежду и роздалъ деньги нищимъ, такъ дѣлали и тѣ, которые желали быть вмѣстѣ со мною, чтобы жить общимъ“²⁾. Въ этомъ учрежденіи Августина безъ сомнѣнія читалось и изучалось св. Писаніе и комментировалось. Августинъ, высоко цѣня свое заведеніе, объявилъ, что онъ не приметъ въ свой клиръ никого, кто не хотѣлъ предварительно вступить въ его *monasterium clericorum*—какъ иногда называютъ его заведеніе—и что никого не возведетъ въ духовный санъ, кто не получитъ образованіе въ немъ. И не смотря на ненавистные клеветы, которыми осыпали Августина за его заведеніе, онъ оставался вѣренъ попеченіямъ о немъ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этого заведенія вышли многіе пастыри

¹⁾ Possidii. Vita Augustini. Migne. Patrolog. curs. Lat. ser. Tom. 32, p. 37 (cap. 5); p. 54 (cap. 25).

²⁾ Augustini. Sermo 355. Сл. Н. Извъкова. Іерархія сѣверо-африканской церкви, стр. 230. Вильна, 1884.

³⁾ Augustini. Sermo 356. Cf. Kurtz. Lehrbuch d. Kirchengesch. B. II, Abtheil. 2. S. 58. 2-te Ausg.

хорошо образованные теоретически и практически.—Успѣхъ учрежденія былъ такъ великъ, что даже въ другихъ епархiяхъ открыто высказывалось желанiе замѣщать вакантныя мѣста епископовъ и пресвитеровъ питомцами Августина. Мало того. Прочiе африканскiе (да и не одни они) епископы, увлеченные примѣромъ Августина, начали заводить подобныя же семинарiи. И когда затѣмъ многiе изъ этихъ епископовъ изгнаны были изъ своего отечества Вандалами, то по переселенiи въ Сицилiю и Сардинiю, они и здѣсь занялись устройствомъ этихъ августиновыхъ школъ ¹⁾).

За недостаткомъ правильно организованныхъ школъ для образованiя духовенства на Западѣ, какъ и на Востокѣ, и даже болѣе, служили такой-же цѣли монастыри. По статутамъ западныхъ монастырей, на обязанности монаховъ лежало обученiе дѣтей, которыхъ родители отдавали въ монастырь на воспитанiе. Юношество въ монастыряхъ должно было три часа въ день посвящать исключительно наукѣ. Въ каждомъ монастырѣ предписывалось имѣть библиотечку; старые и одержимые болѣзнію монахи обязаны были заниматься перепискою книгъ для пополненiя библиотечки. И если сначала забота о просвѣщенiи была исключительно направлена на приобрѣтенiе богословскаго знанiя, то впоследствии сочтено было необходимостiю преподавать и другія науки ²⁾).

Изъ числа монастырскихъ школъ на Западѣ заслуживаетъ большаго вниманiя школа Аврелiя Кассiодора. Уже не разъ названный нами, Кассiодоръ устроилъ въ Италiи (близъ города Scyllatium) монастырь, получившiй наименованiе *Vinagium*, сдѣлался настоятелемъ его и открылъ въ немъ школу. Онъ желалъ сдѣлать свой монастырь разсадникомъ какъ

¹⁾ Kurtz. Ibidem.

²⁾ Висковатова. Эпоха гуманизма. Журн. мин. нар. просв., 1872 (т. 161), стр. 171—172. Подобно тому, какъ на Востокѣ, существовали и на западѣ школки, подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ. Соборъ везонскiй (въ арльской провинцiи) требовалъ, чтобы всѣ приходскiе священники, по прекрасному обычаю, соблюдаемому во всей Италiи, принимали въ свой домъ молодыхъ неженатыхъ чтецовъ, учили ихъ псалмопѣнiю, церковному чтенiю и наставляли въ законѣ Господнемъ, дабы имѣть въ ихъ лицѣ способныхъ преемниковъ по должности. Hefele. Conciliengeschichte. В. II. 741. Указанный соборъ относится къ 529 году.

мірской, такъ и—что особенно важно—богословской науки. Въ этомъ отношеніи Кассіодоръ много отличается отъ основателя западнаго монашества Бенедикта Нурсійскаго: послѣдній идеаломъ монашества ставилъ созерцательность и физическій трудъ, а первый—созерцательность и науку. Разумѣется, Кассіодоръ не думалъ совсѣмъ изгонять физическій трудъ изъ жизни монаховъ, онъ хотѣлъ дать ему другое, полезное для науки приложение: списываніе кодексовъ св. Писанія и другихъ книгъ—вотъ на что долженъ быть направленъ трудъ. Онъ, Кассіодоръ, какъ само по себѣ понятно, предписывалъ монахамъ своей обители чтеніе св. Писанія, но не ради только аскетическаго укрѣпленія себя въ добродѣтели, а ради научнаго изученія его¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ прямыми извѣстіями о томъ, какъ велось школьно-научное дѣло въ Виваріумѣ. Объ этомъ мы должны составлять понятіе по тѣмъ учебникамъ, по которымъ велось изученіе наукъ въ монастырѣ и которые написаны были рукою самого Кассіодора. Одинъ учебникъ служилъ средствомъ къ изученію свѣтскихъ наукъ (это—*de artibus ac disciplinis liberalium literarum*), а другой—средствомъ къ изученію богословія (это—*de institutione divinarum literarum*). Въ первой книгѣ въ семи главахъ изложены были основныя научныя положенія изъ грамматики, риторики, діалектики, ариѳметики, музыки, геометріи и астрономіи—изъ семи такъ называемыхъ свободныхъ наукъ. Учебникъ былъ кратокъ, но за то обстоятельно указывалъ на различныя пособія, уже существовавшія, для дальнѣйшаго ознакомленія съ науками. Кассіодоръ смотрѣлъ на изученіе свѣтскихъ наукъ, лишь какъ на средство къ плодотворнѣйшему изученію св. Писанія. Введеніе изученія и свѣтскихъ наукъ въ монастырѣ вызвало нареканія на Кассіодора; но онъ защищался тѣмъ, что этими науками занимались бл. Августинъ, бл. Иеронимъ и др., прибавляя, что „хотя они и были свѣдущи въ мірскихъ наукахъ, но пребыли въ законѣ Божиѣмъ и достигли истинной мудрости“²⁾. Второй учебникъ былъ

¹⁾ Franz. Aurelius Cassiodorius. S. 26. 42—3. Breslau, 1872.

²⁾ Ibid. 74. 44.

руководствомъ къ изученію богословія, въ центрѣ котораго Кассіодоръ поставлялъ научное ознакомленіе съ св. Писаніемъ. Сюда же направлялись всѣ, находившіяся въ учебникѣ, указанія на изученіе нѣкоторыхъ другихъ наукъ—какъ-то догматики, исторіи, географіи, орфографіи. Разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ въ области изученія библіи Кассіодоръ предписывалъ искать въ сочиненіяхъ св. отцовъ и въ бесѣдахъ съ людьми болѣе свѣдущими. Достойно замѣчанія, что Кассіодоръ не исключалъ изъ пользованія и книгъ, написанныхъ людьми не совсѣмъ православными (наприм., Оригеномъ, донатистомъ Тихоніемъ). При чтеніи подобныхъ сочиненій самъ онъ дѣлалъ помѣтки противъ подозрительныхъ мѣстъ, тоже рекомендовалъ дѣлать и болѣе опытнымъ монахамъ. Многимъ не нравилось его разрѣшеніе читать сочиненія, вышедшія изъ подъ-пера людей не совсѣмъ православныхъ, они говорили: зачѣмъ это? для чего это нужно? Такимъ онъ отвѣчалъ словами Виргилія, который на вопросъ: зачѣмъ онъ читаетъ Эннія, сказалъ: *augur in stercore quare*. Вообще учебники Кассіодора были кратки, потому что они предполагали устное ихъ разъясненіе и пополненіе¹⁾. — Кассіодоръ хорошо понималъ, что нельзя заниматься наукою, не имѣя подъ руками солидной библіотеки. Поэтому, онъ снабдилъ монастырь библіотекою какъ изъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ писателей. „Онъ былъ неутомимъ въ отысканіи и собираніи книгъ: чего онъ не могъ найти въ Италіи, то выписывалъ изъ Африки и другихъ странъ“. Мало того—онъ ревностно поощрялъ монаховъ къ переписыванію книгъ. Поощряя монаховъ въ этомъ отношеніи, онъ говорилъ: „переписчикъ, хоть и остается дома, но благодаря распространенію его рукописи протекаетъ разныя страны... въ храмахъ читаютъ его книгу... ее будутъ слушать народы, которымъ предназначено отстать отъ грѣха и обратиться ко Христу“²⁾. — Мы не знаемъ, какая судьба постигла школу Кассіодора. Вѣроятно же всего—печальная.

¹⁾ Ibid 49. 68. 73. 71.

²⁾ Ibid. 76 -77. 56.

Взвѣсивъ все то, что сказано нами о средствахъ къ просвѣщенію клира на Западѣ, можно утверждать, что и Западъ въ данномъ отношеніи весьма мало дѣлалъ въ указанное время.

Однимъ изъ важныхъ событій для образованія духовенства по крайней мѣрѣ въ IV и V вѣкахъ были языческія риторскія школы. Пока существовали эти школы, онѣ оказывали немалую пользу образованію христіанскихъ юношей, изъ которыхъ впослѣдствіи выбирались пастыри. Многіе изъ святителей церкви получили свое общее образованіе въ языческихъ школахъ, изучая здѣсь классическія науки и потомъ ознакомлялись съ богословіемъ или подъ руководствомъ какого нибудь знаменитаго учителя или частнымъ образомъ—чрезъ чтеніе св. Писанія и наличной церковной литературы. Такъ Василій Великій, Григорій Богословъ посѣщали школу аѳинскую, Златоустъ слушалъ уроки у знаменитаго ритора Ливанія въ Антиохіи, Іеронимъ наставленъ былъ въ классической наукѣ грамматикомъ Донатомъ въ Римѣ, Августинъ изучалъ латинскую литературу и искусство краснорѣчія,—въ Карфагенѣ, Римѣ и Медиоланѣ. Съ своей стороны нѣкоторые изъ этихъ христіанскихъ ученыхъ заботились о томъ, чтобы христіанскіе юноши получали образованіе именно въ риторскихъ школахъ. Родственникъ Григорія Богослова Никовулъ отпускается своимъ отцомъ для образованія въ школахъ языческихъ, причемъ отецъ писалъ ему: „стремись сынъ, куда желаешь; восхитилъ ли тебя атичскій соловей, или знаменитый городъ пріятной Финикіи, или знаменитый же городъ Александровъ, т.-е. хочешь ли ты учиться въ Аѳинахъ, или Виритѣ въ Финикіи, или въ Александріи, — всякая страна да протекаетъ быстро подъ твоими поспѣшающими стопами и произращаетъ подъ ними прекрасные цвѣты, сладкую чашу наукъ жадный твой умъ да изчерпаетъ до самаго дна; ничего не пощажу ни имущества, ни труда, ни всего прочаго, что способствуетъ смертнымъ къ приобрѣтенію великихъ доблестей“ ¹⁾ научныхъ. Григорій Богословъ считаетъ своимъ долгомъ рекомендо-

¹⁾ Письмо Никовула отца къ сыну. Въ „творен. Григорія Богослова“, т. V, стр. 289—290.

вать этого своего родственника лучшимъ риторамъ, прилагая попеченіе объ его образованіи¹⁾. При другомъ случаѣ тотъ же Григорій отсылаетъ къ софисту Евстохію юношу Пронію, прося его своимъ преподаваніемъ оказать, какъ онъ выражается, „благодѣяніе“ этому юношѣ²⁾. Василій Великій, будучи самъ воспитанъ въ языческой школѣ, также то и дѣло отсылаетъ къ знаменитому Ливанію на выучку многихъ юношей каппадокійскихъ и жалѣетъ, что не можетъ отправлять ихъ еще больше. „Стыжусь, писалъ Василій Ливанію, что представляю тебѣ каппадокіанъ по одиночкѣ, а не могу убѣдить всѣхъ взрослыхъ заниматься словесностью и науками и избрать тебя въ этомъ занятіи наставникомъ. А такъ какъ невозможно достигнуть, чтобы всѣ за одинъ разъ избрали, что для нихъ самихъ хорошо, то посылаю къ тебѣ, по одиночкѣ, кого только уговорю, оказывая имъ чрезъ это столько же благодѣянія, сколько тотъ, кто жаждущаго приводитъ къ источнику“³⁾. И нужно замѣтить, что Василій мало по-малу столько наславъ каппадокіанъ къ Ливанію, что этотъ, наконецъ, кажется сталъ тяготиться наплывомъ въ его школу подобныхъ провинціаловъ. По крайней мѣрѣ вотъ что писалъ Ливаній къ Василію въ шутливой формѣ: „Ужели, Василій, ты не перестанешь эту священную ограду музъ наполнять каппадокіянами, и притомъ такими, отъ которыхъ пахнетъ шубой и вѣетъ снѣгомъ. Едва и меня они не сдѣлали каппадокіаниномъ, вѣчно приговаривая: до земли тебѣ кланяюсь (вѣроятно, это было провинціальная манера здороваться). Впрочемъ, замѣчаетъ Ливаній, нужно сносить это, потому что приказываетъ Василій. Итакъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что я исправляю провинціальныя ихъ нравы и довожу этихъ людей до благородства и благоприличія, чтобы къ вамъ они возвращались вмѣсто вихирей голубями“⁴⁾. Разумѣется, эти

¹⁾ См., наприм., нѣсколько писемъ его къ разнымъ лицамъ по этому поводу. Творен. Григ. т. VI, 224—226. 230—233.

²⁾ Твор., VI, стр. 230.

³⁾ Письмо Василія къ Ливанію. Творен. Васил. Велик. въ русск. пер. Томъ VII, стр. 315. Изд. 3-е.

⁴⁾ Письмо Ливанія къ Василію. См. въ „твореніяхъ“ послѣдняго, т. VII, стр. 320.

воспитанники языческих школъ¹⁾ не непременно предназначались къ духовному сану, но тѣмъ неменѣе такое явленіе было естественнымъ, когда юношами руководили знаменитые пастыри церкви.

Но что такое были эти риторскія школы, чему и какъ въ нихъ учили, какихъ результатовъ достигали онѣ? Думаемъ, не бесполезно будетъ посвятить немного времени этому вопросу. Иначе останется непонятнымъ ихъ значеніе для церкви разсматриваемаго времени²⁾. Постаремся описать ихъ съ ихъ свѣтлыми и темными сторонами. — Со временъ императорской фамиліи Антониновъ (со II вѣка) главнымъ мѣстомъ, гдѣ процвѣтало риторическое преподаваніе, были Аѳины, но вскорѣ и въ другихъ мѣстахъ образовались подобныя же школы и достигли значительной славы. Такія школы были въ Римѣ, Александріи, Антиохіи, Виритѣ, Кесаріи палестинской, Пергамѣ, Смирнѣ, Спартѣ и Тагастѣ. — Чему учились въ школахъ риторовъ? Курсъ наукъ, который нужно было проходить тогдашнему образованному человѣку, былъ не кратокъ. Послѣ того, какъ пріобрѣтались начатки знанія у т. н. грамматика, человѣку, желавшему полного умственного развитія, нужно было съ одной стороны расширить кругъ своихъ познаній, съ другой — пріобрѣсти искусство краснорѣчія. Кругъ наукъ былъ немалъ: онъ обнималъ не только философію, но и геометрію, астрономію, географію и даже право и медицину³⁾. Въ риторскихъ школахъ на первомъ планѣ поставлялось — пріученіе молодыхъ людей къ ора-

¹⁾ Блаж. Θεодоритъ, кажется, тоже былъ питомцемъ языческихъ риторовъ. Во всякомъ случаѣ и онъ старался христіанскихъ юношей отправлять въ подобныя школы. Вотъ одно письмо его къ софисту Исокасію: „къ аттическимъ лугамъ вашимъ опять слетаются наши пчелы. Итакъ ваше великолѣпіе да наполнить ихъ медомъ... я прошу, чтобы они сподобились большаго попеченія, такъ какъ желаю, чтобы и нашъ городъ блисталъ вашими плодами“. Проф. Н. Н. Глубоковского. В. Θεодоритъ. Т. I, стр. 10.

²⁾ Кстати сказать, что ни одинъ древній вѣкъ не богатъ такъ источниками для изученія риторскихъ школъ, какъ IV по Р. Хр. (а на немъ мы здѣсь преимущественно и остановимся), причѣмъ видное мѣсто между этими источниками занимаютъ патристическія писанія (Rauschen. Das Griechisch-römische Schulwesen zur Zeit des ausgehenden Heidentums. S. 2—3. Bonn. 1901). Да и самыя риторскія школы принадлежали къ числу очень славныхъ и особенно любимыхъ (Rauschen, S. 71).

³⁾ Sievers. Das Leben des Libanius, S. 16—17. Berlin, 1868.

торству ¹⁾ Къ этой-то цѣли главнымъ образомъ и были направлены занятія въ этихъ школахъ. Курсъ сосредоточивался на изученіи древнихъ писателей, юноши знакомились съ поэтами и ораторами. На изученіи писателей основывались риторическія упражненія; а самыя эти упражненія состояли или въ томъ, что ученикамъ приказывалось, опираясь на писателей, составлять хріи, или въ томъ, что указывалось, — а это случалось чаще — какое либо мѣсто или изреченіе изъ извѣстнаго писателя и его нужно было или опровергать или распространять какими-либо собственными мыслями. Риторы такъ долго останавливались на этихъ упражненіяхъ, такъ прискучивали ими, что ученики даже жаловались на подобный порядокъ дѣла, насмѣшливо говоря: „около одной книженки риторы больше возятся, употребляютъ на нее больше времени, чѣмъ сколько Греки пробыли подъ Троей“ ²⁾. Риторы преподавали также своимъ питомцамъ теорію словеснаго искусства и при этомъ входили въ разъясненіе различныхъ синонимовъ, омонимовъ и паронимовъ, въ разборъ которыхъ иные риторы поставляли верхъ своей славы. Нерѣдко ученикамъ въ видъ опыта риторы приказывали составить рѣчь, которая и читалась предъ наставникомъ въ свободное отъ занятій время. Для юноши такое дѣло сопряжено было съ немалыми опасеніями; потому что во время чтенія ему доводилось выслушать порицанія, упреки, угрозы и даже получать удары; въ случаѣ же благопріятнаго впечатлѣнія рѣчи на ритора молодой ораторъ получалъ внушеніе и впередъ такъ же стараться ³⁾. Въ видахъ образованія юношей, какъ ораторовъ, риторы доставляли своимъ питомцамъ случай присутствовали на своихъ публичныхъ рѣчахъ. Такія рѣчи риторы особенно часто произносили лѣтомъ, когда предпринимали путешествіе императоры и другія высокія особы, — встрѣча которыхъ привѣтствовалась риторами; но для ихъ воспитанниковъ эти рѣчи могли мало приносить пользы, потому что лѣто было временемъ каникулярнымъ. Кромѣ этихъ рѣчей, риторы, ка-

¹⁾ Rauschen, S. 71.

²⁾ Sievers, S. 24. Rauschen, S. 72.

³⁾ Sievers, S. 25.

жется, обязаны были зимой и весной произносить ежемѣсячно торжественныя рѣчи; на этихъ рѣчахъ обязательно должны были присутствовать и ихъ питомцы ¹⁾. Рѣчи риторовъ составляли чистый праздникъ для публики; отъ нихъ нерѣдко приходили въ общій восторгъ. По выраженію древнихъ писателей „старцы на нихъ позабывали свои лѣта, больные—свои болѣсти“. Но эти публичныя рѣчи, сколько можно судить объ этомъ, весьма лѣнливо посѣщались учениками риторовъ, и потому едва ли могли оказывать много вліянія на развитіе молодежи. Ливаній рисуетъ предъ ними слѣдующую саркастическую картину: „когда ученики—говорить онъ—приглашались присутствовать на торжественной рѣчи, они далеки были отъ того, чтобы являться на нихъ съ такой же поспѣшностію, съ какой идетъ невольникъ, ихъ приглашавшій, и отнюдь не старались о томъ, чтобы перегнать его; ихъ мѣшкотность при входѣ въ залъ возбуждала неудовольствіе у присутствующихъ, казалось, что учениковъ вели на арканахъ. Вотъ началась рѣчь, а они вмѣсто того, чтобы слушать, знаками переговариваются между собой о публичныхъ наѣздникахъ, мимистахъ, танцорахъ; одни изъ нихъ стоятъ неподвижно, точно статуи, другіе ковыряютъ пальцами обѣихъ рукъ въ носу; одни зѣваютъ на вновь прибывающихъ слушателей, другіе заглядывали въ тетрадь оратора, любопытствуя, скоро-ли наступитъ конецъ: шепчутся вмѣсто того, чтобы платить вниманіемъ оратору. Они не во время прибѣгаютъ къ рукоплесканіямъ и тѣмъ препятствуютъ выраженію заслуженныхъ знаковъ одобренія; распускаютъ разные лживые слухи и тѣмъ многихъ отвлекаютъ отъ присутствованія на рѣчи, или даже просто отправлялись въ баню вмѣсто аудиторіи оратора и увлекали своимъ примѣромъ другихъ. Прежде не такъ было, замѣчаетъ Ливаній. Прежде одинъ то, другой — другое запоминали въ рѣчи и выходя изъ залы старались припомнить всю рѣчь цѣликомъ и были очень печальны, если чего нибудь не могли припомнить. Три или четыре дня бывало —

¹⁾ Sievers 26. Rauschen, 76.

разговаривали на дому и въ школѣ о рѣчи оратора¹⁾. Какія особенности представлялъ бытъ учениковъ? Въ тогдашнее время не было ничего въ родѣ существующихъ у насъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, гдѣ бы вмѣстѣ могли жить воспитанники риторскихъ школъ. Они жили въ домахъ частныхъ гражданъ. Тѣмъ не менѣе они не оставались безъ своего рода инспекторскаго надзора. Прежде всего такой надзоръ за ними имѣлъ педагогъ, нѣчто въ родѣ помощника ритора. „Педагоги, по свидѣтельству одного современника, заботились обо всѣмъ, что касается жизненныхъ нуждъ воспитанника, но они пеклись и о дѣлѣ еще болѣе важномъ—о цѣломудріи; педагоги стражи и охранители, стѣна цвѣтущаго возраста, они охраняли питомцевъ отъ злыхъ искуссителей, какъ лающія собаки отъ волковъ“. Педагоги слѣдили за приготовленіемъ уроковъ учениками съ вечера и чѣмъ свѣтъ поднимали ихъ съ постели. Преподанное отъ учителя репетировалось при помощи педагога. причемъ онъ, поощряя ученика, „кричалъ на него, показывая розгу, и свисталъ ремнемъ и чрезъ эту работу, по замѣчанію древняго писателя, приводилъ на память забытое ученикомъ“²⁾. Должность педагога сопряжена была съ неприятностями. Иногда ученики самыя злыя шутки продѣлывали надъ бѣднымъ педагогомъ. Если педагогъ возбуждалъ ненависть въ своихъ молодыхъ питомцевъ, горе ему. Случалось, что дерзкіе шалуны сажали бѣднаго педагога на коверъ, какой обыкновенно постилался на полу, подбрасывали коверъ съ сѣдящимъ на немъ кверху, какъ можно выше, сами же отскакивали, такъ что педагогъ низвергался наземь; иногда онъ больно ушибался, причемъ самая жизнь его подвергалась опасности. Но педагоги должны были прощать своимъ ученикамъ, потому что они были рабскаго состоянія и не обладали достоюльнымъ авторитетомъ³⁾. Риторы съ своей стороны также не оставляли безъ вниманія хода

¹⁾ Проф. И. В. Цвѣтаева. Въ жизни высшихъ школъ римской имперіи, стр. 109—110: Рѣчь и Отчетъ московск. университета 12 января 1902 г.—Sievers, S. 27—29.

²⁾ Sievers, S. 21. 29. Rauschen, S. 67.

³⁾ Проф. И. В. Цвѣтаева. Стр. 108—109.—Sievers, S. 35.

занятій и жизни своихъ учениковъ. Въ видахъ достиженія благоприятнаго результата въ ученіи, риторы не чуждались и розги, но нѣкоторые хвалились, что они не имѣли нужды прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Особенное вліяніе риторы могли имѣть на учениковъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ, установившихся обычаевъ, условій взаимно-общенія учениковъ и учителя. Ученики нерѣдко сопровождали своего учителя на прогулкахъ; въ случаѣ болѣзни кого-либо изъ учениковъ риторъ обязанъ былъ посѣщать больного, и въ случаѣ болѣзни ратора, въ свою очередь ученики должны были навѣщать его, причемъ они оставались при его постели на всю ночь. Риторы давали отчетъ родителямъ объ успѣхахъ своихъ учениковъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. въ Аѳинахъ, ученики одного ратора составляли партію враждебную съ учениками другаго ратора. Эта вражда особенно ясно выражалась при приѣмѣ новаго ученика корпораціей даннаго ратора. Приѣмъ сопровождался нѣкоторыми обрядами, наприм., торжественнымъ отведеніемъ вновь принимаемаго въ баню; а при самой вербовкѣ новыхъ слушателей для своего ратора весьма часто между учениками, принадлежащими къ разнымъ школамъ, происходили драки: палки, камни и даже мечи пускались нерѣдко въ ходъ въ этихъ баталіяхъ ²⁾. Между учениками, принадлежащими въ одной и той же школѣ, устанавливались весьма дружественныя отношенія, и расставанье не обходилось безъ самыхъ трогательныхъ сценъ ³⁾. — Скажемъ два три слова о характерѣ и бытѣ самихъ раторовъ. Нѣкоторые между раторами достигали высокой славы, благодаря искусству своего преподаванія. Таковъ, напримѣръ, былъ Ливаній. Иные изъ нихъ пользовались завидными почестями; когда знаменитые риторы приближались къ какому нибудь городу, жители выходили на встрѣчу; въ честь раторовъ воздвигались статуи и имъ давались почетные титулы высшихъ должностей ⁴⁾. Но хорошіе риторы въ это время составляли исклю-

1) Sievers. Das Leben d. Libanius, S. 30—31.

2) Sievers, S. 32—34. Проф. И. В. Цвѣтаевъ, стр. 93. 98—99.

3) Sievers, S. 36.

4) Въ императорскій періодъ Рима не существовало такого государственнаго поста, который былъ бы закрытъ преподавателямъ высшихъ

чение: софистика и диалектика въ худшемъ смыслѣ слова — были истинной сферой, въ которой выращались они. Отвлеченность, фразерство, пустыя разглагольствованія, смѣшная страсть къ оригинальнымъ, но нелѣпымъ мыслямъ — были главными чертами умственного строя риторовъ. — Въ нѣкоторыхъ городахъ риторы составляли изъ себя ученые корпорации и вели преподаваніе общими силами ¹⁾. Риторскія школы уже въ IV вѣкѣ, въ вѣкѣ Ливанія, не довольно процвѣтали; по увѣренію Ливанія, нѣкоторые риторы терпѣли большіе матеріальные недостатки ²⁾. Виной тому, кажется, отчасти было введеніе со временъ Діоклитіана и Константина бюрократической, чиновнической формы администраціи, вслѣдствіе чего нужда въ ораторахъ все болѣе и болѣе уменьшается ³⁾.

наукъ. Профессора краснорѣчія были консулами, канцлерами, начальниками преторіи, правителями областей, такъ что изреченіе Ювенала: „если захочетъ Фортуна, ты будешь изъ ратора консуломъ“, исполнялось въ жизни не разъ (Цвѣтаева, 68). Дѣти риторовъ получали высокое „всадническое достоинство“ (тамъ же, 58). Престарѣлые риторы включались въ высшій классъ, отслужившихъ свой срокъ, высшихъ сановниковъ, именовавшихся *vicarii*, что по толкованію одного нѣмецкаго ученаго означало бы въ наше время „рангъ совѣтниковъ второго класса“ (Цвѣт., 47. Rauschen, S. 37). Лучшимъ профессорамъ города воздвигали статуи на публичныхъ мѣстахъ. Знаменитый Проверсій (IV в.) удостоился такого почета и въ Римѣ и въ Аѳинахъ; римская статуя снабжена была лестною надписью: „Римъ царя міра — царю краснорѣчія“ (Цвѣтаевъ, 63). Богатые города дарили славнымъ риторамъ помѣстья (Цвѣт. 41), подобно тому какъ у насъ поляки подарили такое Сенкевичу. Путешествія профессоровъ сопровождались оваціями: чуть не весь городъ, къ которому они приближались, выходилъ имъ на встрѣчу (Sievers, 41); въ особенности молодежь устремлялась къ нимъ: „какъ желѣзо притягивается магнитомъ“, такъ и риторъ привлекалъ къ себѣ юношество (Rauschen, 77). Если во время путешествія риторъ производилъ въ какомъ нибудь городѣ рѣчь, то жители его приходили слушать одѣтые въ золото, пурпуръ, опрысканные духами, съ вѣнками на головахъ (ibid.). По окончаніи ораторскаго праздника, слушатели въ изступленіи окружали профессора краснорѣчія, обнимали его, цѣловали ему грудь, руки и ноги, называли его „богомъ“ (ibid., 76). Играя нерѣдко видную роль въ столицахъ, даровитые профессора тѣмъ большее вниманіе обращали на себя въ городахъ провинціальныхъ. Тамъ ихъ знакомства искала мѣстная знать; они являлись аристократами положенія; и оттого для родовитыхъ и богатыхъ невѣстъ эти интересныя лица были „завидными женихами“ (!? Цвѣтаева, 71).

¹⁾ Sievers. S. 41.

²⁾ Ливаній говорилъ: „у нихъ даже избушки своей нѣтъ; какъ сапожники живутъ они въ чужихъ домахъ. Доходить до того, что имъ приходится нести къ булочнику серьги или ожерелья своихъ женъ“. Проф. И. В. Цвѣтаева, стр. 42—43. Sievers, 40.

³⁾ Свѣдѣнія о риторскихъ школахъ можно находить въ нашемъ очеркѣ: *язычество и христіанство по ихъ вліянію на питомцевъ школъ II—IV ст.*

Принимая во вниманіе свѣтлыя и темныя стороны риторскихъ школъ, не будетъ удивительнымъ, если отцы церкви, воспитавшіеся въ нихъ, и другимъ рекомендовавшие учиться здѣсь-же, отзываются о риторяхъ съ одной стороны хорошо, а съ другой не хорошо. Такъ Григорій Богословъ пишетъ эпитафію на смерть знаменитаго аѳинскаго ратора Проэресія, — въ которой говорить: „другому смертному нельзя спорить въ краснорѣчій съ Проэресіемъ, который нѣкогда приводилъ въ потрясеніе міръ рѣчами“¹⁾; Григорій сравниваетъ задачу дѣятельности ратора Стагирія съ дѣятельностію христіанскаго епископа²⁾; съ чувствомъ описываетъ свое разставанье съ товарищами въ Аѳинахъ, говоря: „нѣтъ ничего печальнѣе для тѣхъ, кто жилъ вмѣстѣ въ Аѳинахъ, какъ покидать Аѳины и разставаться другъ съ другомъ“³⁾. Но тотъ же Григорій находитъ, что риторскій „обычай состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть стыда“, что языкъ раторовъ золъ“, что они предназначаютъ себя „для народной площади“, вообще онъ называетъ ихъ „галками“, состязующимися между собою о первенствѣ⁴⁾. Тоже самое видимъ у Василія Велик. Съ одной стороны будучи уже епископомъ, онъ пишетъ къ Ливанію: „о музы, о науки, о Аѳины, чѣмъ дарите вы своихъ любителей! Какіе приносятся плоды даже и тѣмъ, кто на короткое время сближается съ вами! О преизливающийся источникъ“ восклицаетъ онъ и убѣдительно проситъ Ливанія не прерывать съ нимъ переписки. „Обрати и ко мнѣ источники словъ, льющіеся изъ устъ твоихъ“ — пишетъ Василій Ливанію⁵⁾. Съ другой стороны тотъ же Василій иронически отзывается о словопрительствѣ раторовъ. „Языкъ твой—ритора—если не станетъ бесѣдовать со мной, то безъ сомнѣнія поведетъ рѣчь съ кѣмънибудь изъ находящихся при тебѣ; если же никого не будетъ,

козъ. (См. нашу книгу: „Церковно-историч. повѣствованія“. М. 1900). А также въ статьѣ проф. В. О. Пѣвничаго: „образование отцовъ-проповѣдниковъ IV вѣка“. (Труды Кіев. дух. акад., 1892, т. III).

¹⁾ Творен., т. V, стр. 347.

²⁾ Письмо къ Стагирію. Твор. т. VI, 226—227.

³⁾ Слово надгробное Василію велик. Твор. IV, 80.

⁴⁾ Письмо къ ратору Евдоксію. Т. VI, стр. 243—5.

⁵⁾ Творен. Василія велик., т. VII, стр. 322. 324. Изданіе 3-е.

не преминетъ поговорить самъ съ собою; но ни подѣ ка-кимъ видомъ не умолкнетъ, какъ языкъ софиста“ ¹⁾. Онъ же замѣчаетъ о риторяхъ, что они „выставляютъ слова на продажу, какъ медовары—пряники“ ²⁾. На блаж. Іеронима риторскія школы, въ которыхъ онъ учился, положили довольно тяжелое впечатлѣніе, которое сохранилось у него на всю жизнь. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ рассказываетъ о себѣ, какъ ему уже въ глубокой старости представлялось во снѣ, будто онъ въ изукрашенной прическѣ и въ тогѣ декламировалъ въ присутствіи учителя—ритора рѣчь своего сочиненія, и какъ пробудившись отъ сна, радъ бывалъ, что это сонъ, а не дѣйствительность ³⁾.

Какъ смотрѣть на классико-риторическое образованіе пастырей церкви? Было ли оно полезно для нихъ? Великія заслуги пастырей, получившихъ образованіе въ тогдашнихъ языческихъ школахъ для раскрытія и защищенія церковнаго ученія, для проповѣдничества и истолкованія Св. Писанія суть лучшія доказательства полезности подобнаго образованія. Но съ другой стороны нельзя не примѣчать, что пустая щеголеватость языка и напыщенность, отличавшія тогдашнія риторскія школы ⁴⁾, не оставались безъ вреднаго вліянія на духовное ораторское искусство пастырей, учившихся въ языческихъ школахъ ⁵⁾.

Разсмотрѣвъ способы, какими пастыри церкви пріобрѣтали свое образованіе, обращаемся къ изученію дѣйствительнаго положенія дѣла, къ изученію того, каковы дѣйстви-

¹⁾ Тамъ же, томъ VI, 55 (Письмо къ Леонтію Софисту). Риторъ и софистъ на языкѣ того времени значило одно и тоже.

²⁾ Тамъ же, томъ VII, стр. 320 (Письмо къ Ливанію).

³⁾ Апологія противъ Руфина, кн. I, гл. 30. Творенія Іеронима въ русск. перев. Т. V, стр. 37.

⁴⁾ Rauschen, D. Griechisch-römische Schulwesen, S. 75; и особенно подробно у проф. Пѣвницкаго, въ вышеуказанной статьѣ, стр. 16, 17 и др.

⁵⁾ Проф. Пѣвницкій касается и этого вопроса, но не договариваетъ до конца. (Тамъ же, стр. 52. 55. 58).

тельно были пастыри церкви IV-го и дальнѣйшихъ вѣковъ со стороны умственнаго развитія. Историческіе факты указываютъ, что рядомъ со свѣтлыми явленіями въ этомъ отношеніи встрѣчаются явленія печальнаго свойства; и это тѣмъ прискорбнѣе, что примѣры послѣдняго свойства далеко не исключительны. Подобное замѣчаніе имѣетъ свое значеніе даже и по отношенію къ блестящему по количеству и качеству образованныхъ лицъ въ древне-христіанскомъ духовенствѣ—четвертому вѣку.—Нужно ли перечислять знаменитѣйшихъ пастырей церкви IV вѣка, отличавшихся глубокимъ и серьезнымъ образованіемъ, составлявшихъ украшеніе и славу церкви? Имена ихъ всѣмъ извѣстны. Не даромъ же Григорія Богослова, по окончаніи его образованія въ Аѳинахъ, профессора и соученики упрашивали остаться въ этомъ святилищѣ наукъ и отдать свою дѣятельность просвѣщенію юношества. Не даромъ знаменитый языческій риторъ Ливаній, узнавъ, что питомецъ его Іоаннъ Златоустъ хочетъ посвятить свою дѣятельность христіанской церкви, сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ онъ, Ливаній, думалъ видѣть въ немъ преемника себѣ въ искусствѣ краснорѣчія и восклицалъ: „христіане отняли у насъ Іоанна“ ¹⁾. Не даромъ тотъ же Ливаній считалъ честью для себя переписку съ Василиемъ Великимъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ отзывахъ касательно знаменитѣйшихъ церковныхъ учителей IV-го вѣка, какіе встрѣчаемъ въ древней христіанской литературѣ. Они, эти отзывы, истощаютъ всѣ хвалы ученымъ пастырямъ указаннаго вѣка ²⁾. Но все это, говоримъ, одна сторона дѣла. Процентъ глубоко-ученыхъ и высоко-талантливыхъ пастырей былъ сравнительно невеликъ даже и въ IV вѣкѣ. Нѣкоторые пастыри того времени въ странномъ самообольщеніи ничего не хотѣли слышать ни о какихъ требованіяхъ касательно умственнаго развитія, какъ скоро имъ сообщена благодатная сила въ рукоположеніи, которая по ихъ разумѣнію должна была замѣнять естественную развитость ума,

¹⁾ Созомена, VIII, 2.

²⁾ Укажемъ, напримѣръ, на отзывъ Григорія Богосл. о Василии Велик. Творен. т. IV, 63. 79. 123—125. 127.

но конечно не замѣняла ¹⁾). Нѣкоторые лица, совершенно неприготовленные къ званію пастыря, непосредственно отъ разныхъ житейскихъ профессій, часто профессій самого низшаго сорта, переходили къ пастырскому служенію, и потому не обладали богословскимъ образованіемъ. Григорій Богословъ рисуетъ предъ нами самую печальную картину священническаго сословія, въ которое вступалъ всякій сбродъ. „Никто не останавливайся вдали (отъ священства) — говоритъ саркастически Григорій — земледѣлецъ ли, или плотникъ, или кожевникъ, или звѣроловъ, или кузнецъ, — никто не ищи себѣ другаго вождя, т. е. пастыря надъ собой; лучше самому властвовать, т. е. священствовать, чѣмъ покаряться властвующему! Брось изъ рукъ, кто большую сѣкиру, кто рукоятъ плуга, кто мѣхи, кто дрова, кто щипцы, и всякій иди сюда, всѣ тѣснитесь около божественной трапезы“ ²⁾). При другихъ случаяхъ Григорій говоритъ: „нѣкоторые приходятъ (къ пастырскому служенію) прямо отъ стола, на которомъ мѣняють деньги, иные сожженные солнцемъ — отъ плуга, иные отъ мотыки, за которой проводятъ цѣлый день, иные оставили корму корабельную и армію, и пахнутъ еще морской водой или покрыты рубцами, иные еще не очистили своей кожи отъ сажи трубочистовъ. Вчера еще ты былъ — говоритъ Григорій пастырю своего времени — въ театрѣ въ числѣ комедіантовъ, а что ты дѣлалъ послѣ театра, о томъ неприлично и говорить мнѣ, но теперь ты самъ представляешь совершенно новую комедію. Недавно ты былъ любителемъ лошадей и поднималъ пыль къ нему, какъ иной молитвы и благочестивыя мысли, а теперь ты такъ смирененъ и смотришь такъ стыдливо, хотя можетъ быть втайнѣ снова возвращаешься къ прежнимъ нравамъ. Вчера ты продавалъ какъ адвокатъ право, и толковалъ туда и сюда законы, а теперь сдѣлался судьей, вторымъ пророкомъ Даніиломъ. Вчера ты сидѣлъ въ судѣ съ обнаженнымъ мечемъ, и свою судейскую трибуну дѣлалъ законной разбойнической пещерой,

¹⁾ Свидѣтельства въ этомъ родѣ (Григорія Богосл., Златоуста, Августина) собраны у Neander'a. *Opus cit.*, S. 494.

²⁾ Твор. т. VI, стр. 78.

вчера ты оправдывалъ на основаніи законовъ воровство и насиліе, а теперь какъ ты кротокъ и смирененъ. Трудно повѣрить, чтобы кто-нибудь такъ легко могъ перемѣнить свою одежду, какъ ты свой образъ жизни“¹⁾). Съ какими недостаточными знаніями нѣкоторые лица вступали въ пастырское служеніе, объ этомъ находимъ свидѣтельство у того же Григорія Богослова. Пастыри иногда не знали первыхъ элементовъ богословія. У насъ, говорить Григорій, совершенно не уставлена граница между учить и учиться; это дѣло у насъ въ безпорядкѣ и затрудненіи, такъ что большая часть изъ насъ, (чтобы не сказать всѣ) прежде нежели оставлять дѣтскую школу и перестанутъ лепетать, прежде нежели вступать на священную паперть, прежде нежели узнаютъ наименованія свящ. книгъ, и научатся распознавать письма и писателей ветхаго и новаго Завета, уже думаютъ быть учителями и руководителями душъ. Если только они затвердятъ два или три благочестивыхъ слова, (и то по наслышкѣ), если они только нѣсколько познакомились съ Давидомъ, или ловко умѣютъ набросить свою мантию и казаться по наружности философами, то уже думаютъ, что все сдѣлали, чтобы властвовать“; они какъ бы говорятъ: „мы уже мудры и учителя, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, желаемъ зваться отъ человѣковъ: „учитель“²⁾).—„Врачемъ можетъ быть только тотъ,—говоритъ еще Григорій Богословъ—кто знаетъ свойства болѣзней, художникомъ можетъ быть только тотъ, кто сдѣлалъ многіе опыты въ составленіи красокъ и въ изображеніи видовъ, между тѣмъ духовнаго находятъ весьма легко, конечно не такого, который бы былъ хорошо приготовленъ, но скороспѣлаго, который въ одно время и посѣвается и созрѣваетъ, напоминая собою мнѣ о гигантахъ. Мы сразу создаемъ священниковъ и повелѣваемъ имъ быть мудрыми, хотя они не владѣютъ никакою мудростію и къ прохожденію духовной должности ничего не приносятъ съ собою, кромѣ доброй воли“³⁾). Согласно съ Григоріемъ Бо-

1) Ullmann. Gregorius von Nazianz. S. 358—359.

2) Творен., т. I, стр. 46.

3) Надгробное слово Василию вел. Твор. Григорія, т. IV, 82—83.

гословомъ свидѣтельствуеть о слишкомъ невысокой степени образованности духовенства IV-го вѣка и Златоустъ. Златоустъ, еще будучи въ Антиохіи и наблюдая надъ состояніемъ духовенства, находилъ мало отраднаго въ средѣ этого сословія въ умственномъ отношеніи. Онъ положительно жалуется на преобладаніе невѣжества въ классѣ духовныхъ. Златоустъ, по его словамъ, сначала очень удивлялся, что нѣкоторые недостойные люди вслѣдствіе проницства, или ради почтенныхъ лѣтъ достигаютъ значительныхъ почестей, но потомъ пересталъ этому удивляться, когда увидалъ, что и въ церковномъ обществѣ—то же самое, „такое же неразуміе“. „Берутъ въ священники какихъ-то *невпождѣ* (ἀπλῶς ἀνθρώπους ἀγέλαιους), скорбитъ онъ, и дѣлаютъ ихъ представителями такого стяжанія, за которое заплатилъ собственною кровію Сынъ Божій“¹⁾.

Говоря такъ о состояніи образованности въ духовенствѣ IV-го вѣка, мы имѣли въ виду восточную церковь. Что касается запада, и тамъ было не лучше. Блаж. Іеронимъ свидѣтельствуеть, что нѣкоторые западные духовные въ концѣ IV-го вѣка считали невѣжество положительнымъ достоинствомъ. „Необразованные и простые священники считали себя святыми, потому что они ничего не знали“, замѣчаетъ Іеронимъ²⁾. На какой ступени умственного образованія стояли западные духовные того времени, это довольно ясно можно видѣть изъ тѣхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ они часто трудились, какъ надъ дѣломъ серьезнымъ. Напр.: „можно ли христіанамъ покупать и ѣсть плоды изъ огородовъ, принадлежащихъ языческимъ храмамъ? Имѣютъ ли какое понятіе о Богѣ утробные младенцы“³⁾? Или возьмемъ частный примѣръ. Нѣкто Филастрій еписк. Бресціанскій въ Италіи считался въ концѣ IV-го вѣка очень образованнымъ человѣкомъ, извѣстнымъ писателемъ. И однакожъ можетъ ли его признавать такимъ даже самая снисходительная критика?

¹⁾ Слова о свящ., кн. III, гл. 15, стр. 429; Колоколова. Слова о свящ. Переводъ, стр. 90. Издан. 1-е.

²⁾ Письмо къ Непоціану. Твор. Іеронима. Т. II, стр. 67. Изд. Кіев. акад.

³⁾ Augustini sancti. Epistolae 46, 143, 158. (Послѣлова. О должностяхъ священно-служителей церкви Христовой. Предислов., стр. LIII).

Филастрій въ своемъ сочиненіи „о ересяхъ“ причисляетъ къ классу еретиковъ слѣдующихъ лицъ, — допускающихъ движеніе земли, учившихъ, что будто нужно ходить босыми ногами, не принимающихъ пищу вмѣстѣ съ другими людьми, допускающихъ для звѣздъ и планетъ другія названія, кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ книгѣ Іова ¹⁾. Такъ было въ IV вѣкѣ на востокѣ и западѣ, въ IV,—когда христіанское просвѣщеніе достигаетъ высокаго развитія. Что же было въ послѣдующіе вѣка? И того хуже.

Въ первой половинѣ V-го вѣка встрѣчаемся съ поразительными фактами невѣжества въ духовенствѣ. На III всел. соборѣ объявилось, что двое пастырей—одинъ пресвитеръ, а другой—хорепископъ, не умѣли писать, такъ что не могли даже на собственномъ прошеніи начертать буквъ своего имени и званія ²⁾. Въ такомъ же родѣ встрѣчаемъ факты въ дѣяніяхъ т. называемаго разбойничаго монофизитскаго собора 449 года. Когда слѣдовало подписаться подъ актами собора разбойничаго въ Ефесѣ, то двое епископовъ оказались не умѣющими писать, такъ что за нихъ расписались другіе. Такими епископами были: Ілія адрианопольскій и Кайюма изъ Палестины ³⁾. Одинъ церковный историкъ древности свидѣтельствуетъ о Константинопольскомъ патріархѣ Геннадіи, что „онъ никого не рукополагалъ, кто не зналъ псалтири“ ⁴⁾. Очевидно уже въ срединѣ V-го вѣка, когда жилъ этотъ патріархъ, священника считали достаточно образованнымъ, если онъ едва-едва отличался отъ чловѣка со-всѣмъ невѣжественнаго.

Что касается дальнѣйшихъ вѣковъ въ исторіи древней церкви, то нужно большое напряженіе памяти, чтобы припомнить знаменитыхъ по своему образованію пастырей церкви: ихъ было очень немного и они, по своей ученой славѣ, едва возвышаются надъ посредственностію. Гораздо болѣе

¹⁾ Прот. А. М. Иванцова. Ереси первыхъ трехъ вѣк. стр. 333—334. М. 1877.

²⁾ Дѣянія всел. соб. въ рус. перев. Т. I, стр. 301—302. Каз. 1887.

³⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. II. S. 369.

⁴⁾ Θεοδωρα Чтеца. Извлеченія изъ Церк. исторіи. Кн. I, гл. 15. По рус. перев., стр. 510.

извѣстно, что пастыри этихъ вѣковъ были невысоки по своему образованію и даже просто невѣжественны. Уже въ VI вѣкѣ папа Григорій Великій сильно жалуется на упадокъ просвѣщенія среди духовенства на западѣ. Григорій пишетъ: „никто въ мірѣ не берется учить другихъ какому-либо искусству, не изучивъ его самъ напередъ, съ самою тщательною подготовкою. Какъ же безразсудно поступаютъ тѣ, которые дерзаютъ принимать на себя пастырское служеніе, *нисколько* не приготовившись къ этому, между тѣмъ какъ управленіе душами есть искусство изъ искусствъ. Часто случается видѣть, — говоритъ папа — что вовсе незнакомые съ духовными правилами не страшатся выдавать себя за врачей душъ, тогда какъ не знакомые съ медициною не смѣютъ выдавать себя за врачей тѣлесныхъ“ ¹⁾. Въ VII вѣкѣ на западѣ еще яснѣе слышатся сѣтованія на упадокъ образованія у духовныхъ лицъ. Соборъ Толедскій въ срединѣ VII вѣка (653 г.) направляетъ одно изъ своихъ правилъ противъ повальнаго невѣжества духовенства ²⁾. Въ письмахъ съ запада на шестой вселенскій соборъ папа Агафонъ и римскій соборъ доводятъ до свѣдѣнія константинопольской церкви, что на западѣ вслѣдствіе варварскаго нашествія нельзя уже встрѣчать людей съ должными познаніями и что не стало людей, отличающихся краснорѣчіемъ ³⁾. Въ какомъ положеніи было образованіе пастырей къ концу нашей эпохи на востокѣ, объ этомъ даютъ знать правила соборовъ Трульскаго и VII вселенскаго. Девятнадцатое Трульское правило, хотя и требуетъ отъ предстоятеля церкви, чтобы онъ поучалъ народъ въ храмахъ, но при этомъ соборъ не имѣетъ довѣрія къ собственнымъ разсужденіямъ пастырей, а рекомендуетъ имъ брать нужныя матеріи изъ готовыхъ источниковъ — изъ писаній отеческихъ. Почему?

¹⁾ Правило пастырское. Перев. проф. Подгурскаго. Стр. 5. Кіевъ, 1873.

²⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. III. S. 99. Freib. im Br., 1877.

³⁾ Папа писалъ о своемъ духовенствѣ: „можно ли у людей, трудами рукъ своихъ съ большими усиліями снискивающихъ себѣ насущный хлѣбъ, искать полнаго знанія Писаній? и „краснорѣчія нѣтъ у людей неученыхъ“. Дѣянія всел. соборовъ въ русск. пер. Т. VI, 34—35. Каз. 1882. Еще ранѣе папа Григорій I жаловался на недостатокъ въ книгахъ въ самомъ Римѣ. Franz. Aurelius Cassiodorus, S. 76.

Потому что пастыри мало способны были на это — на самостоятельныя поученія. Соборъ замѣчаетъ: „сими (писаніями отцевъ) болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, при возможномъ недостаткѣ умѣнья“. Что касается VII вселенскаго собора, то насколько низко пало въ это время образованіе даже епископа, объ этомъ можно судить по тѣмъ слишкомъ скромнымъ требованіямъ, какія поставлялись, какъ условіе для возведенія въ епископы. Второе правило этого собора требуетъ, чтобы поставляемый во епископы умѣлъ съ пониманіемъ, а не механически читать Евангеліе, Апостолъ, св. Писаніе вообще, и церковныя правила. Не значить ли это, что отъ архипастырей въ это время требовалась только простая грамотность?

Если въ заключеніе очерка состоянія образованности въ классѣ духовенства, въ изучаемое время (отъ IV до IX вѣка), захотимъ дать себѣ отчетъ о причинахъ печальнаго состоянія дѣла, то должны будемъ принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства:

Уже въ IV вѣкѣ въ средѣ духовенства встрѣчались люди, которые находили, что лицамъ духовнымъ излишне образованіе, что ихъ дѣло учить святости и быть благочестивыми, а это возможно и безъ науки (Иеронимъ, Златоустъ, Григорій Богосл.¹⁾). Разумѣется, распространеніе такихъ воззрѣній не могло быть благопріятно для научныхъ стремленій въ классѣ духовенства. Далѣе. Образованныхъ лицъ, если они искали духовной должности, не особенно поощряли, и бывали случаи, что ихъ за ихъ ученость просто-на-просто изгоняли изъ числа пастырей. Даже въ IV вѣкѣ встрѣчались факты подобнаго рода. Въ правилахъ помѣстнаго Сардикійскаго собора IV вѣка между прочимъ читаемъ: „надлежитъ со всею точностію наблюдать, чтобы человѣкъ ученый (*σοφιστικός*), если онъ удостоивается епископства, то не прежде поставлялся, развѣ когда послѣдовательно пройдетъ должности чтеца, діакона, пресвитера, оставаясь въ каждой изъ нихъ не мало времени“ (пр. 10). Очевидно, че-

¹⁾ См. выше, стр. 286. 287. 311. 314.

ловѣку ученому не отдавалось никакого предпочтенія предъ самымъ простымъ. И конечно, человѣкъ образованный, не желая подвергать себя непріятностямъ нисшаго церковнаго служенія, не шелъ въ духовное званіе. Этого мало. Нельзя было ожидать себѣ добра и въ томъ случаѣ, если образованный человѣкъ достигалъ епископства. За свою ученость онъ могъ быть даже выгнанъ со службы. Тотъ же соборъ Сардикійскій разрѣшаетъ странный вопросъ: какъ поступать съ епископомъ, если онъ будетъ изгнанъ народомъ съ кафедры за свои познанія (прав. 17); „за познанія“, то есть за ревностное изученіе божественныхъ догматовъ—толкуетъ позднѣйшій церковный законовѣдъ, патріархъ Вальсамонъ¹⁾. Если такіе факты встрѣчались, хотя бы и рѣдко, они должны были отваживать людей образованныхъ поступать въ клиръ.—Это главное. Но были и другія причины изучаемаго явленія, т. е. очень неблагоклоннаго отношенія духовенства къ наукѣ. Мы знаемъ, что въ церкви появилось стремленіе завести, такъ сказать духовную цензуру, которая брала на себя обязанность опредѣлять, какія книги слѣдуетъ читать христіанину и въ частности духовному лицу и какія нѣтъ. Уже въ концѣ V-го вѣка на западѣ встрѣчаемъ соборъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ папы Геласія, составившій первый извѣстный исторіи *index librorum prohibitorum*, т. е. списокъ книгъ, запрещенныхъ для христіанскаго общества, слѣдовательно посягавшій на свободу богословской науки. Этотъ *index* составленъ частію подъ руководствомъ названнаго папы Геласія, частію пополненъ его преемникомъ папою Ормиздою. Замѣчательно, какія книги внесены въ этотъ *index*. На ряду съ книгами еретическими поставлены—сочиненія Тертулліана, Климента Александрійскаго, сочиненія Арновія, Лактанція, Кассіана, извѣстнаго писателя по аскетикѣ, даже произведенія Евсевія Кесарійскаго—историка; изъ сочиненій Оригена были разрѣшены для чтенія лишь тѣ сочиненія, какія не порицалъ блж. Іеронимъ, а прочія отвергнуты и самое лице Оригена

¹⁾ Правила помѣстн. соборовъ съ толкованіями, стр. 1246. Изд. Общ. Любит. дух. просвѣщенія.

осуждено, наконецъ къ запрещеннымъ сочиненіямъ отнесены Правила апостольскія, книга Пастырѣ Эрма и др. ¹⁾. Понятно, какъ подобныя запрещенія должны были вредно дѣйствовать на образованіе духовенства. Развивавшаяся подозрительность къ церковной литературѣ должна была дискредитировать въ глазахъ христіанскаго общества духовное просвѣщеніе къ явной выгодѣ для обскурантовъ въ средѣ духовенства.—Много способствовало упадку образованности въ духовенствѣ запрещеніе читать книги языческихъ классическихъ писателей. Такое запрещеніе слышится какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Такъ подвижникъ Нилъ Синаитъ (на востокѣ) приказываетъ одному монаху очистить тотъ монастырь, гдѣ жилъ послѣдній, — отъ книгъ классической древности, объявляя, что книги эти „есть куча грязи“ ²⁾. Тотъ же Нилъ приказываетъ другому монаху отказаться отъ составленія ораторскихъ рѣчей и отъ писанія стиховъ, — перваго требовалъ Нилъ на томъ основаніи, что эллинская мудрость отклоняетъ де отъ Христа, низвергаетъ на самое дно ада, а втораго — на томъ основаніи, что составленіе стиховъ будто бы дѣло безпримѣрное въ христіанской церкви ³⁾. Нилъ жилъ въ началѣ V-го вѣка. Современникъ Нила св. Исидоръ Пелусіотъ развиваетъ тѣ же мысли. Такъ онъ дѣлаетъ сильныя упреки одному монаху за то, что онъ занимался чтеніемъ языческихъ писателей. „Скажи мнѣ, писалъ Исидоръ, что предпочтительнаго у нихъ передъ тѣмъ, что есть у насъ? Не преисполнено ли ложнаго и смѣшнаго то, чѣмъ такъ усердно они занимались. Бѣгай чтенія постыднаго, чтобы врагъ не внесъ въ душу погибели страшнѣйшей и ужаснѣйшей прежняго нерадѣнія и невѣдѣнія“, какое было у язычниковъ ⁴⁾. На западѣ подобныя запрещенія повторялись часто, и безъ сомнѣнія оказывали свое дѣйствіе. Блаж. Іеронимъ рассказывалъ о себѣ, что ему однажды привидѣлся сонъ, будто онъ

¹⁾ Hefele. В. II, 618. 620—622.

²⁾ Творенія Нила Синайскаго въ переводѣ. Т. III, 37. Изд. Моск. акад.

³⁾ Тамъ же, стр. 23—24.

⁴⁾ Казанскаго П. С. Исторія православнаго монашества на Востокѣ. Часть II, стр. 245. М. 1856.

на страшномъ судѣ и будто грозный Судія осуждаетъ его за то, что онъ, Іеронимъ, читаетъ свѣтскія сочиненія. Это такъ устало Іеронима, что онъ, снилось ему, далъ слѣдующую клятву предъ престоломъ Всевышняго: Господи, если я когда нибудь буду имѣть свѣтскія книги, если буду читать ихъ, значить, что я отрекся отъ Тебя ¹⁾. Очень понятно, какой смыслъ имѣетъ разсказъ Іеронима объ его снѣ. На соборѣ Кароагенскомъ въ концѣ четвертаго вѣка прямо запрещено епископу читать свѣтскія — языческія книги ²⁾. Еще сильнѣе высказывается по этому поводу Григорій великій, папа. Узнавъ, что одинъ изъ епископовъ даетъ уроки по свѣтскимъ наукамъ, папа Григорій приходитъ въ негодованіе, совѣтуетъ ему оставить это занятіе на томъ основаніи, что одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ съ хвалами Юпитеру. „Ты самъ подумай — писать Григорій — какъ преступно и неприлично поступаютъ епископы, воспѣвающіе то, что не согласится воспѣвать даже свѣтскій набожный человѣкъ“. Григорій требуетъ отъ вышеуказаннаго епископа, чтобы онъ отказался отъ занятій, какъ онъ выражается, — „вздорными свѣтскими науками“ ³⁾. Какое значеніе подобныя предписанія должны были имѣть для образованія пастыря — это ясно само собой. Богословская наука можетъ процвѣтать только при томъ условіи, когда она стоитъ въ связи съ лучшими проявленіями общей, свѣтской науки. Въ связи съ этой послѣдней она мельчаетъ и замыкается въ тѣсномъ кругу, на какой указываютъ ей элементарныя практическія потребности. Нѣтъ сомнѣнія, запрещеніе заниматься свѣтскими науками отразилось печально на умственномъ строѣ духовенства древней

¹⁾ Письмо къ Евстохію. Т. I, стр. 132. Кіевъ, 1879. Слѣд. т. V, 130.

²⁾ Nefele. В. II, S. 71.

³⁾ Преображенскаго, Восточныя и западныя школы и т. д., стр. 306—307. И другіе западные епископы разсуждали подобнымъ же образомъ. Вотъ какихъ мыслей по вопросу о наукахъ держался въ VI в. Эннодій епископъ Тицинійскій (von Ticiniam), самъ считавшійся человѣкомъ краснорѣчивымъ и поэтомъ. Онъ такъ писалъ къ одному поэту, по имени Аратору: „если хочешь выслушать мое мнѣніе, то знай, что самое имя свободныхъ искусствъ (наукъ), я презираю“; а свои поэтическія занятія именуетъ „забвеніемъ его христіанскаго призванія“. Franz. Cassiodorius, S. 40.

церкви. — Къ причинамъ, вызвавшимъ упадокъ образованности въ духовенствѣ, нужно причислить и общій упадокъ научныхъ стремленій¹⁾, какой такъ наглядно выразился въ средніе вѣка, начавшись за много раньше.

III. Нравственное состояніе духовенства во II и III вѣкахъ.

Каково было нравственное состояніе духовенства въ II и III вѣкахъ? Предлагая себѣ подобный вопросъ, мы не имѣемъ въ виду входить во всѣ подробности нравственнаго состоянія духовенства; въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы пересказывать цѣлыя біографіи отцевъ и учителей церкви. Намъ кажется, что мы выполнимъ задачу историка, если разрѣшимъ вопросъ: были ли пастыри этого времени достойны своего высокаго назначенія руководить христіанъ въ истинѣ и добрѣ, или же нѣтъ? Въ какихъ болѣе выпуклыхъ историческихъ фактахъ выразилось это? Нравственный идеалъ пастыря II и III вѣка отчасти можно изучать на тѣхъ церковныхъ правилахъ, которыми указывалось, какихъ пастырей община должна была избирать себѣ. Въ извѣстномъ памятникѣ *Διδхϋ* (XV, 1) на этотъ счетъ говорится кратко: „избирайте и поставляйте достойныхъ епископовъ и діаконовъ, мужей кроткихъ и не сребролюбивыхъ, истинныхъ и испытанныхъ“. Подробнѣе предписанія въ такъ называемыхъ *Canonēs ecclesiastici*, но они тоже общи. Здѣсь выражаются слѣдующія требованія отъ епископа, діакона и даже чтеца — въ большей или меньшей степени. „Нужно разузнать, говорится въ этомъ памятникѣ о поставленіи пастырей, удерживаются ли они отъ грѣховъ, сострадательны ли къ бѣднымъ, честны ли, не пьяницы ли, не блудники ли, не корыстолюбивы ли или не болтуны ли, безпристрастны ли“²⁾ и т. п.

¹⁾ Преображенскаго. Стр. 331 — 334. Franz. Aurel. Cassiodorus, g. 19. 22.

²⁾ Harnack. Die Quellen der apostolischen Kirchenordnung. S. 8—9; 12; 17—18; 20—1; 24.

А какимъ долженъ быть пастырь, главнымъ образомъ епископъ, въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ, идеаль этотъ начертанъ въ слѣдующихъ внушительныхъ словахъ Апостольскихъ Постановленій (Кн. II, гл. 20) въ древнѣйшей ихъ части. „Епископъ долженъ любить мірянъ, какъ дѣтей, со-грѣвая и любя ихъ страстно, какъ яйца, изъ которыхъ должны вывестись цыплята, или держа ихъ въ нѣдрахъ, какъ птенцовъ, изъ которыхъ должны вывестись куры, — всѣхъ научая, всѣхъ, кого только нужно наказывать, бия, но не поражая. Кто изъ мірянъ вслѣдствіе безчувствія и оцѣпенія погрузился въ глубокій (нравственный) сонъ, и по причинѣ тяжести сна забылъ уже о требованіяхъ христіанской жизни, и такъ далеко ушелъ отъ собственного стада, что можетъ быть пожранъ волками, того отыскивай, и вразумляя обращай и убѣждай трезвиться и вселяй въ него надежду“. Епископъ долженъ такъ далеко простираť свое попеченіе о спасеніи вѣрующихъ, что „пусть даже онъ усвоитъ себѣ прегрѣшенія другаго и говоритъ ему: ты только обратись, а смерть за тебя возьму я, какъ Господь взялъ смерть за меня и за всѣхъ, ибо пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ. Ты, какъ пастырь любвеобильный и пастухъ усердный, считай стадо, и чего не достаешь, то разыскивай. Будучи врачомъ церкви Господней, ты употребляй врачеваніе приличное каждому больному, лечи всячески и вылечивай“. — Теперь спрашивается: отвѣчали ли пастыри церкви II и III вѣка своему идеалу? Мы должны замѣтить, что вообще пастырство этого времени своею ревностію о душевныхъ пользахъ ближняго, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей народа, своимъ самоотверженіемъ и искренностію представляетъ отрадное явленіе въ церковной исторіи. Особенными достоинствами со стороны нравственного характера отличались такіе пастыри, — какъ Игнатій Богоносецъ и Поликарпъ Смирнскій, отпечатлѣвшіе въ своихъ писаніяхъ высокій духъ христіанскій, — какъ Поликрать Ефесскій, Діонисій Коринѣскій, Ириней Ліонскій, съ полною готовностію и преданностію отдававшіе себя на служеніе церковнымъ интересамъ, — какъ Кипріанъ Кареагенскій и Діонисій Александрійскій, которые жили одною нераздѣль-

ною жизнію съ церковію и доблестно служили своему назначенію. Укажемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, которые бы съ ясностію показывали, какихъ доблестныхъ пастырей имѣла церковь этого времени. Примѣры, на которые мы укажемъ, малоизвѣстны, но зато они внушительны, поучительны и, пожалуй, трогательны. Епископъ Кесаріи палестинской Θεотекнъ въ гоненіе Валеріана (Галліена?) заявилъ себя при одномъ случаѣ человѣкомъ, въ высшей степени заботливымъ о твердости вѣры одного изъ своихъ пасомыхъ. Евсевій вотъ какъ рассказываетъ о событіи. Одинъ военачальникъ, именемъ Маринъ, по исповѣданію христіанинъ, долженъ былъ получить за свои военныя заслуги знакъ отличія— виноградную вѣтвь; но какой-то завистникъ донесъ на Марина, что этотъ, какъ христіанинъ, не можетъ получать никакихъ отличій. Обвиненный потребованъ былъ на судъ; судьи, узнавъ, что онъ дѣйствительно христіанинъ, дали ему три часа на размышленіе: желаетъ ли онъ оставаться христіаниномъ, или согласится отречься отъ Христа, въ первомъ случаѣ ему угрожаетъ казнь. Въ эту-то рѣшительную минуту мѣстный епископъ Θεотекнъ является на помощь Марину. Неизвѣстно, какъ узналъ епископъ о случившемся на судѣ съ Мариномъ: отъ другихъ-ли, или самъ былъ здѣсь и узналъ о положеніи его. Какъ бы то ни было, но епископъ не оставилъ безъ благовременной помощи несчастнаго. Онъ вышелъ на встрѣчу Марину, взялъ его за руку, завелъ съ нимъ бесѣду и увлекъ его въ церковь. Здѣсь въ виду святилища, онъ вдругъ откинулъ плащъ у военачальника, и указывая одною рукою на мечъ, висѣвшій при немъ, а другою рукою на Евангеліе, велѣлъ ему выбрать одно изъ двухъ — мечъ или Евангеліе. Маринъ простеръ руку къ Евангелію и тѣмъ далъ знать, что онъ лучше умереть, чѣмъ оставаясь военачальникомъ, отречется отъ вѣры. Пастырь выполнилъ свой долгъ съ такою предупредительностію, которая страдательно вызываетъ у историка Евсевія полную похвалу (кн. VII, гл. 15). Представимъ другой примѣръ, рассказанный намъ тѣмъ же Евсевіемъ (VII, 24), примѣръ, показывающій, съ какою необычайною ревностію пастыри тѣхъ временъ заботились о чистотѣ вѣры и

правильности религиозныхъ убѣжденій пасомыхъ. Въ Египтѣ въ арсинойскомъ округѣ епископъ Непотъ распространилъ въ обществѣ вѣрующихъ хилиастическія идеи, написалъ въ разъясненіе этого ученія книгу, а потомъ умеръ. Когда стало извѣстно о распространеніи такого ученія Діонисію александрійскому, онъ предпринялъ путешествіе въ арсинойскій округъ. Прибывъ сюда, онъ созываетъ всѣхъ пресвитеровъ и поселянъ, ведетъ съ ними бесѣду. Въ продолженіе трехъ дней разбираетъ съ ними книгу Непота. Внимательно выслушиваетъ возраженія, отвѣчаетъ на нихъ. Въ иныхъ случаяхъ не стыдится соглашаться со спорившими и уступать имъ, когда дѣло касалось вещей несущественныхъ. Такой трехдневный диспутъ архипастыря съ пасомыми имѣлъ самый счастливый успѣхъ: тѣ, кто прежде упорно держались хилизма, отказались отъ заблужденія, заявивъ Діонисію, что не будутъ впередъ ни держаться, ни защищать, ни проповѣдывать подобнаго ученія. Вотъ примѣръ того, какъ доблестные пастыри первенствующей церкви понимали свои обязанности и какъ старались служить пользѣ своихъ пасомыхъ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы страницы первоначальной исторіи христіанской церкви всегда повѣствовали объ отрадныхъ явленіяхъ въ сферѣ нравственныхъ отношеній духовенства. Вторая половина III вѣка въ особенности не бѣдна примѣрами пастырей со свойствами предосудительными, пастырей нерадивыхъ, себялюбивыхъ, корыстолюбивыхъ, злохудожныхъ.

Случалось и случалось нерѣдко, что пастыри этого времени мало слѣдовали тѣмъ образцамъ святой ревности, какая отличала пастырей II и начала III вѣка. Уже Кипріанъ, писатель средины III вѣка, въ нерадушныхъ краскахъ рисуетъ пастырей африканской церкви своего времени. „Всѣма многіе епископы, жалуется Кипріанъ, переставъ заботиться о божественномъ, стали заботиться о мірскомъ; оставивши каѳедру, покинувши народъ, они скитаются по чужимъ областямъ, стараясь не пропускать торговыхъ дней для корыстной прибыли, и когда братія въ церкви алчутъ — рѣчь идетъ о бѣдныхъ — они, увлекаемые любостыжаніемъ, коварно

завладѣвають братскими, т. е. церковными, доходами, и давая чаще въ займы, увеличиваютъ свои барыши“. Укоряя ихъ за корыстолюбіе, Кипріанъ вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ современныхъ ему африканскихъ священнослужителей и въ другихъ порокахъ, нетерпимыхъ въ предстоятелѣ церкви. Незамѣтно стало, говоритъ онъ, въ священникахъ искренняго благочестія, въ служителяхъ чистой вѣры, въ дѣлахъ милосердія, въ правахъ благочинія“¹⁾. Изъ сочиненій того же Кипріана видно, что для иныхъ самое принятіе сана духовнаго было не болѣе, какъ средствомъ проводить жизнь въ довольствѣ и веселіи. Кипріанъ говоритъ: „они (рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ изъ числа епископовъ) ищутъ прибыли, приношеній и корысти, за которыми и ранѣе (до принятія сана) непасытно гонялись; они жаждутъ и нынѣ пресыщеній и пиршествъ, этимъ весьма ясно показываютъ, что они служатъ не благочестію, а своему чреву и любостыжанію съ постыдною жадностію“²⁾. Примѣры пастырей, не отличавшихся нравственными достоинствами, можно находить въ это время и въ другихъ мѣстахъ. Оригенъ, житель по преимуществу Александріи, безъ сомнѣнія имѣя въ виду нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ и прочій клиръ, говоритъ много непохвального о духовенствѣ своего времени. Онъ находитъ, что церковь была осквернена, какъ оскверненъ былъ храмъ іерусалимскій во времена Христа, — куплею и продажею. Оригенъ усматриваетъ въ духовенствѣ влеченіе къ мірскимъ интересамъ и любовь къ наживѣ. Этотъ писатель говоритъ: „если Христосъ справедливо оплакивалъ Іерусалимъ, то тѣмъ понятнѣе, что Онъ плачетъ о церкви, которая, вмѣсто дома молитвы, превратилась въ разбойничью пещеру вслѣдствіе жадности и роскоши нѣкоторыхъ христіанъ, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежатъ и главы народа Божія“. Оригенъ призываетъ Христа снова придти и бичемъ своего гнѣва очистить христіанскую церковь отъ торжниковъ“³⁾. Онъ жалуется на развитіе деспо-

¹⁾ Св. Кипріана. Творенія его въ русск. перев. Томъ II, (Книга „О падшихъ“), стр. 151. Кіевъ, 1891.

²⁾ Тамъ же. Томъ I (письмо 45), стр. 244. Кіевъ, 1891.

³⁾ Origenis. In Matth. homil. 16, cap. 20. 22. Migne. Patr. Curs. Gr. Tom. 13, col. 1445. 1448.

тизма въ церкви, ибо епископы перестали быть рабами Христовыми, а сдѣлались въ церкви какъ бы господами. Они забыли заповѣди Христа о снисхожденіи ко всѣмъ, о кротости, съ какою они должны научать противляющихся, о томъ, что они должны поддерживать и ободрять слабыхъ. Далѣе, припоминая изреченіе: „ѣсть и пѣть съ пьяницами“, онъ пользуется этимъ, чтобы обличить духовенство его времени. Онъ говоритъ, что тѣ, кому поручены попеченія о насыщеніи алчущихъ — пастыри — сами пиршествуютъ съ пьяницами и позволяютъ себѣ другое подобное. Оригенъ угрожаетъ такимъ лицамъ страшнымъ судомъ и геенной¹⁾. Тотъ же Оригенъ обличаетъ діаконовъ своего времени за то, что они принимая участіе въ управленіи церковными сокровищами, пользуются этими послѣдними для личной выгоды: въ видахъ собственнаго обогащенія, они отдавали церковныя деньги на проценты, превращаясь въ ростовщиковъ²⁾. Историкъ Евсевій (VIII, 1—2) съ своей стороны дѣлаетъ самый нелестный отзывъ о всѣхъ епископахъ конца III вѣка. Характеризуя это время, онъ говоритъ: „мнимые наши пастыри, презрѣвъ законъ христіанскій, воспламенились взаимными распрями, умножали только одно—раздоры и угрозы, зависть, вражду одинъ противъ другаго и несправедливость, и сильно домогались первенства, желая обладать безграничною властію. Впрочемъ не наше дѣло, замѣчаетъ онъ, передавать потомству память о несогласіи пастырей между собою и о постыдныхъ ихъ поступкахъ“. — Теперь вопросъ: отчего завистѣла такая порча нравовъ въ духовенствѣ III вѣка? Оставляя до времени болѣе обстоятельныя разъясненія (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), въ настоящій разъ лишь замѣтимъ, что главною причиною было то, что въ третьемъ вѣкѣ пастырское служеніе уже перестаетъ быть призваніемъ, а до извѣстной степени дѣлается выгодною профессіею...

Частный, но замѣчательный примѣръ испорченности духовенства III вѣка представляетъ извѣстный Павелъ Само-

¹⁾ Origenis. In Matth. 61. 62. Op. cit. pag. 1695. 1699.

²⁾ Origenis. In Matth. hom. 16, cap. 22. Op. cit. col. 1449.

сатскій, епископъ богатой Антиохіи, судимый и осужденный соборомъ епископовъ около 270 года. Окружное посланіе этого собора, сохраненное Евсевіемъ, (VII, 30) не находитъ достаточно словъ, чтобы описать всѣ его продерзости. Такъ окружное посланіе въ рѣзкихъ выраженіяхъ описываетъ гордость, кичливость и пышность Павла. „Онъ высокоумствовалъ, говоритъ посланіе, и превозносился, облекаясь въ мірскія отличія; съ какою гордостію окруженный спереди и сзади множествомъ копьеносцевъ, ходилъ онъ по общественнымъ площадямъ“. Извѣстно, что Павелъ принялъ на себя въ Антиохіи свѣтскую должность „дученарія прокуратора“; какъ видно, эта должность въ сильной степени надмевала Павла и онъ вовсе забылъ, что будучи епископомъ, онъ долженъ быть украшенъ достоинствами скромности и кротости. Посланіе указываетъ, что самыя церковныя собранія Павелъ превращалъ во что-то въ родѣ театра. Онъ, по словамъ посланія, устроилъ себѣ въ церкви каеэдру и высокій престолъ, ударялъ себя рукою по бедру, конечно, когда говорилъ проповѣдь, и топалъ ногами на каеэдрѣ, порицалъ тѣхъ, кто не махали ему платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали“. Какъ открывается изъ этихъ словъ, Павелъ на богослужебныхъ собраніяхъ держалъ себя не соотвѣтственно своему назначенію, хотя есть основанія полагать, что онъ былъ искуснымъ проповѣдникомъ. Въ посланіи есть также указанія на такія преступленія Павла, которыя съ перваго взгляда представляются непонятными; и только взглядываясь въ тогдашнее состояніе церкви, мы можемъ уяснить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Такъ здѣсь говорится: „бывъ сперва бѣднымъ, не получивъ никакого имѣнія отъ предковъ и не пріобрѣтши его какимъ либо ремесломъ или занятіемъ, нынѣ онъ сдѣлался чрезвычайно богатъ посредствомъ противозаконныхъ дѣйствій, святотатства и того, что вынуждалъ отъ братій насиліемъ и угрозами; изгонялъ, говорится далѣе, съ безчестіемъ обиженныхъ или, обѣщая помощь имъ, потомъ обманывалъ ихъ, такъ что истцы оставались безъ выгоды, слѣдовательно — замѣчаетъ посланіе — онъ считалъ вѣру за промыселъ“. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-то судѣ, которымъ

злоупотреблялъ Павелъ, дѣлая изъ него источникъ корыстолюбивыхъ пріобрѣтеній; видно, что судъ, о которомъ говоритъ посланіе, имѣлъ характеръ религіозный, потому что въ документѣ замѣчается: Павелъ „вѣру обратилъ въ промысль“. Какой же это судъ разумѣется здѣсь? Для разъясненія этого вопроса мы должны войти въ нѣкоторыя подробности касательно правъ, какими въ эпоху гоненій епископы пользовались въ отношеніи къ вѣрующимъ; говоримъ о правахъ епископовъ судить мірянъ въ случаѣ взаимныхъ тяжбъ между послѣдними. Христіане, послѣдуя заповѣди апостола Павла (1 Кор. 6, 1—6) избѣгали судовъ языческихъ, дѣйствительно избѣгали ихъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ судахъ преобладало насиліе надъ совѣстію христіанъ: ихъ заставляли здѣсь приносить языческія жертвы, требуемая римской юрисдикціей. Вслѣдствіе этого епископы сдѣлались естественными судьями христіанъ по ихъ дѣламъ тяжбы. Апостольскія Постановленія (II, 44—45) въ подробности знакомятъ насъ съ этимъ третейскимъ или мировымъ судомъ древней церкви. Отсюда узнаемъ, что между христіанами утвердился обычай обращаться къ своимъ епископамъ, какъ къ старѣйшинамъ и представителямъ въ извѣстномъ мѣстѣ,—обращаться для разрѣшенія своихъ споровъ, исковъ и тяжбъ, такъ что судъ епископскій являлся обыкновеннымъ для всѣхъ болѣе важныхъ случаевъ; дѣла менѣе важныя рѣшались пресвитерами и діаконами. Днемъ судебныхъ засѣданій назначенъ былъ второй день недѣли (понедѣльникъ) (II, 47), чтобы въ случаѣ безуспѣшности примиренія тяжущихся сторонъ въ этотъ день, оставалось достаточно времени для окончанія тяжбы до наступленія воскреснаго дня, въ который долженъ царствовать миръ и не должно быть мѣста несогласію.—Въ дикастеріи или судебномъ помѣщеніи засѣдалъ епископъ, а также пресвитеры и діаконы, въ качествѣ его помощниковъ. Тяжущіяся стороны являлись предъ судомъ лично, согласно предписанію древняго іудейскаго закона; процессъ былъ состязательный и устный. Судья, епископъ, обязанъ былъ выслушать обѣ стороны, безъ чего приговоръ не могъ состояться. При обвиненіяхъ изслѣдовалась степень довѣрія и доброе имя обви-

нители въ обществѣ христіанъ. Но одни нравственные качества истца, какъ бы они высоки ни были, не принимались за достаточное доказательство жалобы; нужно было представить двухъ или трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Отъ этихъ свидѣтелей требовалось, чтобы они исполняли свой долгъ безъ гнѣва, скромно и прилично, со страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ. Ложные обвинители и клеветники сейчасъ же подвергались наказанію. Язычники не допускались быть свидѣтелями на судѣ епископскомъ. Замѣтить еще должно, что прежде осужденія изслѣдовалась жизнь и репутація обвиняемаго. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ дѣйствій на судѣ, еще до произнесенія приговора, употреблялось посредничество для примиренія сторонъ. Эти обязанности исполняли обыкновенно пресвитеры и діаконы. Въ случаѣ безуспѣшности этого посредничества, епископъ постановлялъ приговоръ, который былъ произносимъ во имя Христа, какъ Верховнаго Судіи ¹⁾). Такимъ-то судомъ епископы судили мірянъ во II и III вѣкѣ. Этому суду подлежало почти рѣшительно все: и прежде всего гражданскіе иски, затѣмъ публичные и общественные проступки, какъ напр. убійство, святотатство и пр. Правила Апостольскія знакомятъ насъ съ тѣми наказаніями, какія налагались на виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи ²⁾).—Этимъ-то судомъ, о которомъ мы говорили, и злоупотреблялъ Павелъ Самосатскій. Онъ выгонялъ съ позоромъ изъ дикастеріи, кто не давалъ ему денегъ, взятки; за деньги оправдывалъ виновныхъ и не оказывалъ справедливости потерпѣвшимъ и невиннымъ.

Есть еще другое преступленіе, въ которомъ обвиняется Павелъ Самосатскій и которое безъ комментарія остается тоже неяснымъ. Вотъ это обвиненіе, о которомъ читаемъ въ томъ же посланіи: „мы знаемъ, что епископъ и все духовенство должны служить образцами для народа во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ; но не безъизвѣстно намъ, сколь многіе, введши къ себѣ женщинъ, пали или подверглись подозрѣ-

¹⁾ Апостольск. Постановл., кн. II, 47—53.

²⁾ Тамъ же, гл. 47. Прав. Апостольск. 66. 67. 72. 84.

нію. Поэтому, пусть онъ (Павелъ) и не позволялъ себѣ ничего непристойнаго, все же надлежало ему бояться происходящаго отсюда подозрѣнія, чтобы кого нибудь не соблазнить или не увлечь къ подражанію. Ибо какъ будешь на мѣстѣ Павла выговаривать и внушать другому, чтобы онъ былъ остороженъ въ обращеніи съ женщиною, да не погибнетъ по Писанію, когда одну уже отпустишь, имѣешь—рѣчь обращена къ Павлу—еще двухъ цвѣтущихъ и благообразныхъ и влачишь ихъ съ собою, куда ни пойдешь, пируя и пресыщаясь съ ними“. (Евсев. VII, 30). Вопросъ въ томъ, о чемъ здѣсь рѣчь: о прелюбодѣянніи ли Павла, или о чемъ другомъ? Если о прелюбодѣянніи, то почему такъ нерѣшительно и осторожно говоритъ соборное посланіе? Чтобы понять сущность дѣла, нужно взять во вниманіе особый обычай, возникшій и существовавшій въ древней церкви. Въ древней церкви весьма рано появились представители аскетической жизни; они отправлялись отъ того положенія, что церковь есть тѣло Христово и слѣдовательно члены церкви должны отличаться высшей чистотой, и потому чуждались брака. Такія воззрѣнія встрѣчались еще въ концѣ I-го вѣка. Такъ возникли аскеты. Но они не остановились на безбрачїи, какъ позднѣйшіе монахи, а хотѣли разыгрывать роль людей высшаго безстрастія. Для этого они брали къ себѣ на житье лицъ женскаго пола и аскетическаго направленія, проводили время вмѣстѣ съ этими послѣдними, желая тѣмъ для себя и для другихъ доказать, что ихъ воля настолько крѣпка и неудобопреклонна ко грѣху, что сожитіе съ лицами другаго пола для нихъ неопасно¹⁾. Такое сожитіе аскеты называли *духовнымъ бракомъ*. Другіе изъ аскетовъ брали къ себѣ на житье лицъ другаго пола подъ предлогомъ болѣе простымъ и, повидимому, невиннымъ: они гово-

¹⁾ „Мы хотимъ побѣдить діавола и собственныя влеченія“, надменно разсуждали эти аскеты (изъ одного арабскаго церковнаго правила). Въ объясненіе этого явленія могутъ сказать и говорить: „сильныя религіозныя движенія заставляютъ забывать ограниченность челоуѣческой природы и играть опасностями, предъ которыми въ другихъ случаяхъ обыкновенно отступаютъ. Считали дѣломъ несомнѣннымъ, что каждый христіанинъ въ состояніи побѣдить міръ и его страсти“... Achelis. *Virgines subintroductae*. Ein Beitrag zu 1 Kor. VII Kapitel. S. 57. 74. Leipzig, 1902.

рили, что ихъ домашнія дѣла не могутъ идти правильно безъ женскаго присмотра и заводили себѣ, какъ они выражались, *супругъ по духу*. Замѣчательно, извѣстный Тертуліанъ нисколько не порицаетъ этого сейчасъ указаннаго обыкновенія. „Бери себѣ духовную супругу“—говоритъ онъ, но прибавляетъ: „пусть это будетъ лучше вдова, которой красота въ вѣрѣ, приданое въ бѣдности и родовитость въ возрастѣ“. Другими словами: это должна быть вдова пожилая. „Вотъ прекрасный (духовный) бракъ“, восклицаетъ Тертуліанъ; „такихъ женъ можно имѣть даже нѣсколько, замѣчаетъ Тертуліанъ, и сіе пріятно Богу“¹⁾. Такъ рассуждалъ карфагенскій учитель. Но бѣда въ томъ, что аскеты старались брать себѣ подругъ не постарѣе, а помоложе, и не чуждались того, чтобы имѣть нѣсколько такихъ подругъ. Такія лица женскаго пола имѣли различныя наименованія, ихъ называли: *ὑπαίηες συνεῖσατοι*²⁾, (т. е. женщины сводныя) по-латыни—*subintroductae*, а также *ἀγαπηταί, ἀδελφαί*, или *sorores*; самихъ мужчинъ, сожительствующихъ такъ, чаще всего называли: *ἀνδρες συνεῖσατοι*. Указанный обычай встрѣчался и среди еретиковъ, напр. Валентиніанъ, и среди церкви.—Разсмотримъ, въ чемъ выражалось сожитіе аскетовъ съ ихъ духовными подругами—субинтродуктами и въ какомъ слѣдствіи вело.

Одинъ изъ раннихъ примѣровъ близкихъ отношеній лицъ аскетическаго направленія, обоого пола, приводится въ извѣстной книгѣ Эрма, „Пастырь“, написанной около середины II вѣка. Въ этой книгѣ, въ отдѣленіи „Подобія“, ведется аллегорическій рассказъ о построеніи таинственной башни, въ какомъ дѣлѣ, по рассказу памятника, участвовали пастырь, далѣе самъ Эрмъ и дѣвы. Однажды, такъ рассказываетъ авторъ, по окончаніи нѣкоторыхъ работъ въ башнѣ, пастырь сталъ уходить, Эрмъ—тоже было хотѣлъ уйти съ нимъ. Но пастырь сказалъ ему: „не уходи, подожди, пока

¹⁾ Tertulliani. De exhort. cast., cap. 12.

²⁾ Наименованіе это имѣетъ постыдный смыслъ; таковымъ хотѣли бичевать двусмысленность явленія. Оно стало извѣстно со временъ Павла Самосатскаго и придумано антиохійцами, отличавшимися ядовитостью языка. (Achelis. Virgines subintroductae, S. 11. 69).

я приду“. Эрмъ на это сказалъ: „господинъ, что я буду здѣсь одинъ дѣлать“. „Ты не одинъ“, отвѣчалъ онъ, „всѣ дѣвы съ тобою“. „Господинъ, сказалъ Эрмъ, передай имъ меня“. И онъ позвалъ ихъ и сказалъ: „поручаю вамъ его, пока приду“. Итакъ, я остался одинъ съ тѣми дѣвами, и онѣ были веселы и ласковы со мною, особенно четыре, красивѣйшія изъ нихъ. „Что-же я буду дѣлать“, сказалъ я себѣ. „Буду дожидаться пастыря до вечера и если онъ не придетъ, пойду домой“. Дѣвы отвѣчали мнѣ: „ты намъ порученъ и не можешь уйти отъ насъ“. Я сказалъ: „гдѣ же я останусь?“ „Съ нами, говорятъ онѣ, будешь спать, какъ братъ, а не какъ мужъ, ибо ты братъ нашъ, и послѣ мы будемъ жить съ тобою, потому что очень тебя полюбили“. Мнѣ же стыдно было оставаться съ ними, говорить про себя Эрмъ. Но та, которая изъ нихъ казалась первою, обняла меня и начала цѣловать. И другія, увидѣвши, что она обняла меня, сами начали цѣловать меня и играть со мною. Нѣкоторыя изъ нихъ пѣли и водили хороводы. А я молча, но радостно ходилъ съ ними, и казалось мнѣ, что я помолодѣлъ. Наступилъ вечеръ, и я хотѣлъ уйти домой, но онѣ удержали меня. Итакъ, я пробылъ съ ними эту ночь около башни. Онѣ разослали на землю свои туники и помѣстили меня въ серединѣ. Наступилъ слѣдующій день. Пришелъ опять пастырь и говорить дѣвамъ: „вы не сдѣлали ему никакой обиды?“ (признаемся, вопросъ нѣсколько неожиданный). Онѣ же сказали въ отвѣтъ: „спроси его самого“. „Господинъ, сказалъ Эрмъ, я получилъ великое удовольствіе отъ того, что остался съ ними“¹⁾. Вотъ болѣе ранній примѣръ идиллическаго обращенія аскета съ дѣвами. Очевидно здѣсь начертанъ образецъ, какъ должны жить аскеты съ дѣвами, которыя находились съ ними въ духовномъ бракѣ. Но само по себѣ понятно, что идиллія не долго удержалась, и ее смѣнило нѣчто другое. Сказанный обычай привился въ церкви, и конечно не могъ вести ни къ чему хорошему: „огнемъ не шутятъ“. Уже во времена Тертуллиана встрѣчались случаи прискорбные, рекомендующіе съ дурной сто-

¹⁾ Подобіе (Simil.), IX, гл. 10—11.

роны разсматриваемый обычай. Латинскій писатель кратокъ въ своихъ извѣстіяхъ; онъ ограничивается замѣчаніемъ: „легко наши братія принимаютъ къ себѣ дѣвъ, и эти дѣвы не только сами падаютъ, но и вовлекаютъ другихъ въ грѣхи. Впрочемъ, онѣ не сознаются въ этомъ, если плачь собственныхъ ихъ дѣтей не выдастъ ихъ“ ¹⁾. Больше подробностей находимъ въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ, на примѣръ, въ памятникѣ (письмахъ), подъ заглавіемъ: *De Virginitate* и въ сочиненіяхъ св. Кипріана.

Сочиненіе *De Virginitate* прежде приписывалось Клименту Римскому, но теперь считается произведеніемъ неизвѣстнаго автора, появившимся между временами Тертулліана и Кипріана, вообще въ III-мъ вѣкѣ. Въ этомъ произведеніи говорится: „нѣкоторые, лишенные стыда, люди, подъ предлогомъ благочестія живутъ вмѣстѣ съ дѣвами и подвергаютъ себя опасности; или же на-единѣ съ ними ходятъ по дорогамъ и уединеннымъ мѣстамъ, избирая для себя стезю, переполненную опасностей, искушеній, ловушекъ и рытвинъ. Иные изъ такихъ мужчинъ ѣдятъ и пьютъ съ дѣвами на ложахъ,—т. е. на такихъ ложахъ, на которыхъ помѣщались въ древности для объѣда,—ѣдятъ и пьютъ такъ съ дѣвами и дѣвственницами, посвященными Богу, разрѣшая себѣ все, начиная отъ позволительной шаловливости до великаго безобразія. Всего этого, говорить въ заключеніе памятникъ, не должно быть среди вѣрующихъ и меньше всего между аскетами, избравшими дѣвственную жизнь“ ²⁾. Ясное дѣло, что по свидѣтельству этого памятника, сожитіе аскетовъ съ субинтродуктами начинаетъ принимать весьма зазорный характеръ. Еще большими скандалами сопровождалось подобное сожитіе по извѣстіямъ Кипріана Кареагенскаго. Читая творенія Кипріана, приходишь въ истинное изумленіе: какъ, неужели это онъ говорить о христіанскихъ аскетахъ? Неужели до этого могли доходить, посвятившія себя Богу, дѣвственницы, которыя считали себя невѣстами Христовыми? Но послушаемъ, что говорить Кипріанъ. „Узнали мы, что

¹⁾ Tertulliani. *De virg. veland.*, cap. 14.

²⁾ *De virg.* I, 10 (Cf. Harnack. *Die Lehre der 12 Apostel.* S. 130).

дѣвы, рѣшившіяся ненарушимо хранить свое цѣломудріе, позволяютъ себѣ не только жить въ одномъ домѣ съ мужчинами (аскетами), но и спать вмѣстѣ съ ними на одной и той же постелѣ, и не довольствуясь этимъ, лежа на одной постелѣ, они ведутъ интимныя бесѣды, цѣлуются, обнимаются. О гнусный, отвратительный ихъ сонъ!“¹⁾ восклицаетъ св. отецъ. Кипріанъ разражается громкими неумолчными упреками противъ такого позорнаго сожительства аскетовъ съ субинтродуктами. Кареагенскій пастырь прежде всего констатируетъ фактъ, что дѣло не ограничивалось у нихъ простымъ совозлежаніемъ и поцѣлуями... нѣтъ, дѣло простиралось дальше. Но предоставимъ слово Кипріану: „и какъ тяжело падаютъ отъ того многіе, какъ много дѣвъ, къ величайшему прискорбію нашему, мы видимъ сдѣлавшимися преступными отъ такихъ соблазнительныхъ и пагубныхъ связей“. Послѣ этого понятно, что Кипріанъ не находитъ достаточно словъ, чтобы заклеить позоромъ указанное преступленіе. „Если не хотятъ и не могутъ хранить цѣломудрія, говоритъ онъ, то лучше пусть вступаютъ въ бракъ, чѣмъ заслуживать адскій огонь своимъ преступленіемъ. Еслибы мужъ нечаянно засталъ жену свою на постелѣ съ другимъ, то не воспылали ли бы онъ чувствомъ гнѣва и въ пылу ревности не взялся ли бы даже за мечъ? Что-же? Не болѣе ли прогнѣвается и Христосъ, нашъ Судія, когда дѣву, посвятившую себя Ему, увидитъ на одномъ ложѣ съ другимъ?“ Кипріанъ отдалъ слѣдующее приказаніе: „воспретить дѣвамъ жить въ одномъ домѣ съ мужчинами (аскетами), и не только вмѣстѣ спать, но и жить вмѣстѣ“. Приказаніе это исполнили аскеты и сожительствующихъ съ ними дѣвъ — и особенно послѣднихъ. Дѣвы, въ чувствѣ негодованія на подозрительность святителя, заявляли, что онѣ не заслуживаютъ преслѣдованія, что онѣ хранятъ себя невинными. И наконецъ, объявляли: если епископъ не вѣритъ имъ, то онѣ готовы подвергнуться освидѣтельствованію со стороны акушерокъ. Кипріанъ однако не смущался такимъ горячимъ

¹⁾ Творенія Кипріана, Т. I (пис. къ Помпонію), стр. 104—105. Этотъ Помпоній былъ епископомъ одного города, подчиненнаго власти Кареагенскаго іерарха.

протестомъ субъинтродуктъ. Согласно желанію подозрѣваемыхъ дѣвъ, Кипріанъ приказалъ акушеркамъ произвести медицинское освидѣтельствованіе кареагенскихъ дѣвственницъ ¹⁾. Ничего не извѣстно о результатѣ этого акушерскаго осмотра; а однакожь извѣстно, что Кареагенскій архипастырь не слишкомъ - то довѣрялъ медицинскимъ познаніямъ акушеровъ. Онъ говорилъ: „пустъ никто изъ дѣвъ не говоритъ, что ее легко можетъ освидѣтельствовать акушерка и удостовѣрить ея невинность. Развѣ глазъ и рука акушерки не могутъ ошибаться?—замѣчаетъ онъ. Да если-бы и найдено было, прибавляетъ онъ, что дѣва осталась непоругана въ отношеніи къ той части ея тѣла, по которой она считается женщиной, то вѣдь, можетъ быть, она запятнала грѣхомъ другую часть тѣла, которая хотя и сохранилась въ цѣлости, но однакожь это запятнаніе остается не примѣтнымъ для глаза“ (что хочетъ выразить этимъ Кипріанъ—сказать не умѣемъ) ²⁾. Вообще Кипріанъ сталъ зорко смотрѣть за жизнію и поведеніемъ дѣвственницъ. Разсматриваемый обычай тѣмъ болѣе озабочивалъ Кипріана, что и лица почетныя въ церкви, каковы, наприм., исповѣдники и даже лица духовныя, обзавелись субъинтродуктами. Говоримъ: и лица духовныя. Для ясности нашей рѣчи нужно помнить, что не только епископовъ, но и священниковъ и діаконовъ—женатыхъ въ то время было очень мало. Безженство преобладало. Вообще духовенство тогда относилось къ разряду аскетовъ. Что касается интересующаго насъ вопроса, то при одномъ случаѣ Кипріанъ такъ говоритъ объ исповѣдникахъ: „исповѣдники, ставшіе преимущественнымъ храмомъ Божиимъ, много скверняютъ себя постыднымъ со卧лежаніемъ съ женщинами, имѣя общія съ ними постели“ ³⁾. Повторяемъ; во времена Кипріана и лица духовныя заводили себѣ духовныхъ подругъ; это извѣстно о нѣкоторыхъ кареагенскихъ священникахъ и въ особенности діаконахъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 105—106.

²⁾ Въ томъ же письмѣ св. Кипріана къ Помпонію, но только это мѣсто почему-то опущено въ русскомъ переводѣ и замѣнено многоточіемъ. (Cf. Hartel. Cypriani epistulae, p. 475. Vindob. 1871).

³⁾ Творен. Т. I, (письмо къ Рогоціану и прочимъ), стр. 170—171.

которыхъ строго обличаетъ Кипріанъ. Тотъ же Кипріанъ налагаетъ разнаго рода церковныя наказанія на дѣвъ, соглашавшихся на подобное сожитіе. Но можно думать, что прещенія Кипріана имѣли только относительный успѣхъ, какъ это можно заключить изъ того, что иногда онъ упоминаетъ о лицахъ упорныхъ, не слушающихъ его распоряженій въ разсматриваемомъ родѣ ¹⁾.—Само собою понятно, зачѣмъ мы вели эту не краткую рѣчь о субъинтродуктахъ и ихъ сожителяхъ. За тѣмъ, чтобы дать знать, что тѣ цвѣтушія и благообразныя дѣвы, съ которыми жилъ Павелъ Самосатскій, съ которыми онъ пиршествовалъ и о которыхъ говоритъ соборное посланіе Антиохійское, суть именно субъинтродукты, появленіе которыхъ относится ко временамъ довольно отдаленнымъ отъ эпохи Павла Самосатскаго. Въ разсматриваемомъ посланіи эти дѣвы прямо и названы: *υπομνησες συνεισδύχτοι* или по-латыни—*subintroductae*. Посланіе потому не слишкомъ строго относится за это къ Павлу ²⁾, что вѣроятно на Востокѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ этотъ послѣдній, обычай былъ очень распространенъ и притомъ нѣкоторыми считался за обычай достойный уваженія. Что на христіанскомъ Востокѣ во времена Павла не было недостатка въ аскетахъ, проживавшихъ вмѣстѣ съ субъинтродуктами, это доказать не трудно. По крайней мѣрѣ исторія встрѣчаетъ этоже явленіе въ III вѣкѣ въ Египтѣ. Изъ числа послѣдователей ученія Оригена выдѣлилась между прочимъ секта Іеракистовъ, названныхъ такъ по имени ея основателя Іерака. Іеракиты, повидимому, всѣ поголовно имѣли субъинтродуктъ. Епифаній Кипрскій говоритъ: „совершенно смѣшны Іеракиты тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ женщину для сожи

¹⁾ Т. I, стр. 104. 106. 107.

²⁾ Посланіе говоритъ: „пустъ онъ (Павелъ) и не позволялъ себѣ ничего непристойнаго“ въ данномъ отношеніи. До извѣстной степени сдержанно относится къ виновнымъ и самъ Кипріанъ; онъ говоритъ: „въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые изъ братьевъ нашихъ будутъ огорчены нами“ (Т. I, 103). Нужно вообще помнить, что нравы въ древности были проще, и на многое смотрѣли снисходительнѣе, чѣмъ впоследствии. Наприм., въ III вѣкѣ народныя бани были общими для лицъ обоого пола; и св. Кипріанъ, запрещая посѣщать ихъ христіанскимъ дѣвственницамъ, не налагаетъ подобнаго же запрещенія на христіанскихъ женщинъ (Кипріана. Творенія. Т. II, 141.—Книга объ одеждѣ дѣвственницъ). Киевъ. 1891.

тельства (субъинтродукту), а между тѣмъ обыкновенно стараются доказать, что будто имѣеть ихъ для завѣдыванія хозяйствомъ“¹⁾.

Чтобы впослѣдствіи не возвращаться къ вопросу о субъинтродуктахъ, сообщимъ свѣдѣнія о томъ, какъ шло дѣло это въ позднѣйшія времена — причемъ будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ отношеніе клира къ обычаю содержать субъинтродуктъ. Субъинтродуктъ, стоявшихъ въ связяхъ съ клириками, въ IV вѣкѣ встрѣчаемъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Итакъ, что видимъ на Востокѣ въ IV вѣкѣ? Первое извѣстіе, касающееся нашего вопроса, находимъ въ правилахъ Анкирского собора 314 года. Здѣсь въ 19-омъ правилѣ читаемъ: „сходиться дѣвамъ съ кѣмъ либо, какъ съ братьями, мы воспрещаемъ“. Еще важнѣе и содержательнѣе третье правило I-го вселенскаго собора. Здѣсь читаемъ: „великій соборъ рѣшительно опредѣлилъ, чтобы ни епископу, ни пресвитеру, ни діакону и вообще никому изъ состоящихъ въ клирѣ не дозволялось имѣть въ домѣ сожительствующую женщину (по гречески *συνοικισατον*), исключая развѣ такихъ лицъ, которыя свободны отъ всякаго подозрѣнія (напр. мать, сестра). Поступающія вопреки этому правилу подвергаются опасности лишенія сана“. Въ правилѣ рѣчь идетъ исключительно о лицахъ духовнаго званія: у отцевъ собора, очевидно, были достаточныя основанія постановить это строгое опредѣленіе. Есть и у писателей церковныхъ IV вѣка указанія на существованіе въ это время на Востокѣ обычая совмѣстнаго сожительства мужчинъ аскетическаго направленія съ духовными подругами. Объ этомъ находимъ свѣдѣтельство у Епифанія Кипрскаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго. По словамъ перваго, въ его время какіе-то оригенисты, опираясь на какія-то апокрифическія книги и въ особенности на „дѣянія“ Андрея, и сожительствуя съ субъинтродуктами, „обвиняли въ томъ же и лицъ, принадлежавшихъ къ церкви, которые имѣютъ возлюбленныхъ, такъ называемыхъ синисактъ“²⁾. Обстоятельнѣе о томъ же

¹⁾ Творенія Епифанія въ рус. пер. Т. IV („Ересь“) 48 (68), стр. 90.

²⁾ Творенія его. Томъ III, стр. 75 („Ересь“ 43 (63), гл. 2).

явленіи говоритъ Григорій Богословъ. Обращая свои рѣчи противъ мужчинъ-сожителей, онъ пишетъ: „какъ ты, хотя еще молодъ и плоть у тебя шире, чѣмъ у слона, при всемъ этомъ успокоиваешь себя, какъ человѣкъ, достигшій чистоты и духовно возлюбившій свою возлюбленную? Не безопасенъ огонь возлѣ соломы. Не безопасно и тебѣ подъ однимъ съ собою кровомъ держать жену-дѣвственницу. Положимъ, что надежда будущихъ благъ разлучила между собою мужчину и женщину, но природа скрываетъ въ себѣ еще тайный недугъ. Этихъ, какъ ихъ называютъ, сожителействующихъ, не знаю, куда и причислить? Признать ли, что они сопряжены бракомъ, или назвать безбрачными, или оставить для нихъ какую-то средину?“ Св. отецъ называетъ ихъ сожителство „безбрачнымъ бракомъ“ (ἄγαμος ὑάμος) и продолжаетъ: „что же полагаешь, подумаютъ о тебѣ живущіе нечисто? Ты чистъ, ты чище золота (по твоимъ словамъ); однако-же мнѣ больно видѣть, что тѣломъ и очами преданъ ты своей возлюбленной. Какъ трудно при плотскомъ сближеніи избѣжать плотскихъ возстаній! Скажу вотъ что: исчезните вы, язва для христіанъ, исчезните вы, старающіеся прикрыть неистовое влеченіе естества! Прочь отъ меня тотъ, кто беретъ къ себѣ въ домъ для жительства дѣву, (мнимую) собесѣдницу безплотныхъ ангеловъ“ ¹⁾. Остается привести свидѣтельство Григорія Нисскаго. „Мы знали такихъ, говоритъ онъ, кои заботяся о безбрачїи только по имени, ни въ чемъ не отличаются отъ ведущихъ жизнь брачную; не только доставляютъ удовольствіе своему чреву, но даже открыто живутъ вмѣстѣ съ женщинами, именуя это сожителство братствомъ, чтобы подъ этимъ честнымъ именемъ скрыть свою склонность къ худому“ ²⁾. На Западѣ въ IV вѣкѣ историкъ встрѣчаетъ тоже явленіе. Вотъ доказательства. Одинъ изъ соборовъ Кароагенскихъ срединъ IV вѣка запрещаетъ духовнымъ особамъ, вдовцамъ и другимъ мужчинамъ проводить совѣстную жизнь съ монахинями, вдовами и другими лицами женскаго пола. Рѣчь идетъ о разсматриваемомъ нами обы-

¹⁾ Творенія его. Т. V, стр. 110—113. М. 1847.

²⁾ Творенія его въ рус. пер. Т. VII, стр. 388 („О дѣвствѣ“, гл. 23).

чаѣ ¹⁾). Приведемъ еще тираду изъ анонимнаго латинскаго сочиненія, относимаго ко второй половинѣ IV вѣка, подъ заглавіемъ: *De singularitate clericorum*, т.-е. „О жизни одинокихъ клириковъ“. Ясно, что сочиненіе говоритъ о духовенствѣ. Здѣсь любовь (*caritas*), какъ олицетворенное существо, разсуждаетъ объ истинной и неистинной любви, и возглашаетъ: „подъ предлогомъ любви, прикрываясь этимъ благимъ именемъ, совершаютъ явное безобразіе; у нѣкоторыхъ ложная любовь позоритъ любовь истинную. Но истинная любовь вопіетъ противъ такого извращенія. „Я, говоритъ о себѣ истинная любовь,—я не соединяла таковыхъ; есть другая, фальшивая любовь, которая только поддѣлывается подъ мой образъ. Никогда я не противлюсь заповѣдямъ Божиимъ, я не желаю, чтобы чрезъ меня позорилась святость. На меня возводитъ клевету извращенная любовь.—Среди лицемѣрныхъ братій я подвергаюсь опасностямъ. Они, т.-е. лицемѣрные братія, говорятъ, что ихъ любовь—тоже любовь. Нѣтъ, эта любовь ненавистная! Нѣтъ, это — такая любовь, которая хочетъ хвалиться срамомъ. Дивное дѣло, эта любовь заставляетъ, чтобы дѣвъ считали какъ бы они были супругами и въ тоже время уважали ихъ, какъ бы они были дѣвственницами“ ²⁾).—Въ жизни и нравахъ аскетовъ и клириковъ, имѣвшихъ субъинтродуктъ, въ IV в. произошли нѣкоторыя измѣненія въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, которыя показываютъ, что рассматриваемый обычай, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше извращался. Клирики и аскеты, имѣя сожительницами дѣвъ (субъинтродуктъ), въ свое оправданіе приводили въ высшей степени кощунственное объясненіе. Они говорили, что они поступаютъ по од-

¹⁾ Hefele. *Conciliengeschichte*. Band I. S. 633. Freiburg, 1873.

²⁾ *Heimichen*. *Commentarii in Eusebii historiam*, p. 719. Lipsiae, 1870 — Авторъ сочиненія: *De singul. clericorum*, принимая на себя борьбу съ рассматриваемымъ нами сожитіемъ мужчинъ съ дѣвственницами, прибѣгаетъ для достиженія цѣли къ очень различнымъ средствамъ—и къ увѣщанію, и къ просьбамъ, и къ приказаніямъ. Изъ этого сочиненія видно, что съ субъинтродуктами жили и клирики, и аскеты-міряне. Авторъ, сообразно обстоятельствамъ времени, направляетъ свою рѣчь противъ клириковъ, ибо въ особенности заботились о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть духовныхъ лицъ устранить отъ непригляднаго сожительства. Обстоятельный анализъ сочиненія: *De sing. cleric.* у *Achelis* S. 36—42.

ному евангельскому примѣру, именно, что будто бы они въ этомъ случаѣ подражаютъ примѣру Іоанна Богослова, который по приказанію распятаго Іисуса принялъ Его Богоматерь—Дѣву—въ свой домъ ¹⁾). Вотъ замѣчательный образчикъ софистики порока! Жизнь нѣкоторыхъ изъ этихъ сожительствующихъ представляла собой какую-то клоаку. Епифаній Кипрскій описываетъ какихъ-то оригенистовъ, существовавшихъ въ его время и имѣвшихъ сожительство въ субинтродуктами. Сознаемся, что описаніе Епифанія приличнѣе было бы изучать психіатру, чѣмъ исторіку. Вотъ нѣсколько чертъ изъ повѣствованія Епифанія: „нѣкоторые еретики называются оригенистами. Они оскверняютъ развратомъ и тѣло свое, и умъ, и душу, они не знаютъ границъ въ сладострастіи. Нѣкоторые изъ нихъ по виду монашествующіе, а живущія съ ними женщины на видъ будто монахини. Тѣло у нихъ истощенное. Удовлетворяя своей похоти, выражусь скромнѣе, говоритъ писатель, они совершаютъ дѣло сына Іудина Авнана. Ибо какъ онъ, когда тѣломъ соприкасался Ѳамари и удовлетворялъ похоти, не дѣлалъ надлежащаго для произведенія потомства, но совершалъ грѣхъ противъ самого себя; такъ и они, сожители, ствующіе съ дѣвами, пользуются мнимыми женами, совершая это незаконное дѣло. Они заботятся о томъ, чтобы женщина отъ растлѣнія не сдѣлалась беременною, (вотъ послѣдователи такъ называемаго полумалтузіанизма въ IV вѣкѣ!) или чтобы ихъ не удичили люди; они хотятъ быть въ чести за подвигъ цѣломудрія, и однакожъ — вотъ что дѣлають“. Епифаній далѣе намекаетъ, что нѣчто подобное совершалось не у однихъ еретиковъ - оригенистовъ, но и среди церковнаго братства. Онъ продолжаетъ: оригенисты „часто хвалились тѣмъ, что они не таятся съ своими дѣяніями, между тѣмъ обвиняють тѣхъ изъ принадлежащихъ къ церкви, которые имѣють возлюбленныхъ, такъ называемыхъ синисактъ, обвиняють за то, что будто и они совершаютъ это-же, но тайно, стыдась людей, такъ какъ желали украшаться честнымъ именемъ“ ²⁾). — Приведемъ нѣкоторые от-

¹⁾ Епифанія. Творенія. Т. V, стр. 251 („Ересь“ 58 (78), гл. 10).

²⁾ Епифанія. Т. III, стр. 73 - 75 („Ересь“, 43, гл. 1).

дѣльные примѣры лицъ, сожительствовавшихъ въ IV вѣкѣ съ субъинтродуктами; примѣры эти, конечно, заимствуемъ изъ исторіи духовенства. Теодоритъ, рассказывая исторію аріанскаго епископа антиохійскаго Леонтія, говоритъ, что будучи священникомъ, онъ держалъ у себя молодую женщину Евстолю въ качествѣ субъинтродукты. И когда ему запрещали держать ее у себя, то Леонтій, не желая раставаться съ ней, взялъ—оскопился и все-таки продолжалъ жить подъ одной кровлей съ Евстолей ¹⁾. Другой примѣръ представляетъ собою какой-то пресвитеръ, къ которому Василій Великій написалъ посланіе, получившее каноническое значеніе. Василій Великій узналъ отъ подвѣдомаго ему хорепископа, что одинъ пресвитеръ, Григорій, живетъ вмѣстѣ съ женщиной на правахъ подвижающихся въ дѣвствѣ. Онъ сильно обличаетъ этого пресвитера и пишетъ ему: „если кто представляя себя дѣвственникомъ по имени, на дѣлѣ такъ же живетъ, какъ и живущіе съ женами, тотъ показываетъ собой, что домогается достоинства дѣвства въ имени, но безобразія сладострастія не оставилъ“. Святитель приказалъ Григорію отпустить женщину, а въ прислугу себѣ взять мужчину. Василій грозилъ преступнику: если онъ не исправится и будетъ продолжать священнодѣйствовать, то будетъ преданъ анаемѣ предъ всѣмъ народомъ. Требованіе Василія повергло пресвитера въ большую печаль. Онъ писалъ длинное письмо Василію, въ которомъ жаловался на хорепископа, обвиняя его въ доносѣ по злобѣ, не падалъ даже Василія, указывая, что онъ открываетъ слухъ для ябеды. Очевидно Григорію не хотѣлось раставаться съ своею возлюбленною (ἀγαπήτη) ²⁾. Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно. Но самый соблазнительный примѣръ въ подобномъ родѣ указываетъ опять-таки Епифаній. Разсказавъ объ оригенистахъ, осквернявшихъ себя съ женщинами грѣхомъ Авнана, затѣмъ онъ пишетъ: „въ числѣ таковыхъ выставляли на видъ имя одного епископа извѣстнаго исповѣдничествомъ, довольно лѣтъ проходившаго епископскую должность въ одномъ городѣ Па-

¹⁾ Церковн. исторія, кн. II, гл. 24.

²⁾ 88 правило Василія Велик. (Посланіе къ Григорію пресвитеру).

лестины*. Епифаній не зналъ, какъ относиться къ этому слуху; совокупность же обстоятельствъ, „побуждала его, по его словамъ, то вѣрить, то не вѣрить дурной молвъ о преждеупомянутомъ старцѣ—епископѣ“¹⁾). — При ознакомленіи съ фактами этого своеобразнаго аскетизма, невольно приходитъ на мысль изреченіе: гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно!

Зло къ концу IV вѣка настолько усилилось, что лучшіе пастыри церкви вынуждены были выступить съ грознымъ публичнымъ проповѣдническимъ словомъ противъ нравственнаго растлѣнія, — растлѣнія, прикрывавшагося именемъ подвижничества. Разумѣемъ Іоанна Златоуста, который вынужденъ былъ произнести двѣ длинныхъ и суровыхъ проповѣди въ Константинополѣ противъ живущихъ съ сводными женщинами и противъ этихъ женщинъ²⁾).

Полагаютъ, что эти проповѣди имѣютъ въ виду константинопольское духовенство. Дѣйствительно, содержаніе этихъ проповѣдей показываетъ, что по-преимуществу обличенія направлялись противъ лицъ духовныхъ³⁾). Это, конечно, предполагаетъ, что лица духовныя того времени были большею частію холостыми, но такъ это и дѣйствительно было въ болѣе древнія времена церкви. Поводомъ къ указанному сближенію во времена Златоуста дѣвы выставляли, то, что не имѣя отца или брата, онѣ нуждаются въ покровителѣ, почему и живутъ съ какимъ-либо мужчиной⁴⁾). Мужчина, съ своей стороны, оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ желалъ бы

¹⁾ Творенія. Т. III, стр. 75 (Ересь 43).

²⁾ Древніе расходятся во мнѣніяхъ о томъ, гдѣ произнесены эти проповѣди—въ Константинополѣ или въ Антиохіи. Въ пользу перваго мнѣнія высказывается Палладій, біографъ Златоуста, а въ пользу втораго—историкъ Сократъ. Изъ новѣйшихъ писателей раздѣляютъ мнѣніе Палладія Филаретъ Черниговскій и проф. Лопухинъ, написавшій жизнь Златоуста въ качествѣ введенія къ новому изданію твореній этого отца въ русскомъ переводѣ. Мнѣніе это заслуживаетъ предпочтенія, ибо невѣроятно, чтобы Златоустъ позволялъ себѣ произнести такіа поученія въ Антиохіи, гдѣ онъ былъ лишь пресвитеромъ...

³⁾ Въ этомъ впрочемъ почти никто и не сомнѣвается. (Наприм., Альцогъ, Тьерри, Лопухинъ и др.).

⁴⁾ Твор. св. Златоуста въ рус. переводѣ („Слово къ жившимъ вмѣстѣ съ дѣвственницами“ и: „Слово къ дѣвственницамъ, жившимъ вмѣстѣ съ мужчинами“). Томъ I, стр. 254. Спб. 1895. (Эти „слова“ Achelis, вѣроятно въ виду изъ рѣзкаго тона, считаетъ не проповѣдями, а посланіями (S. 52).

приносить комунибудь пользу и помощь, почему и выбирает для этого слабую женщину, и ради трудовъ своихъ ждётъ награды на небесахъ ¹⁾. Дѣвы, вступавшія въ сожитіе съ мужчинами, часто были лицами состоятельными, и тогда на долю мужчины выпадала задача смотрѣть за имуществомъ, надзирать за домомъ, прислугой,—вообще вести всѣ дѣла. Дѣвы, сожительствующія съ мужчинами, если онѣ были бѣдны, наблюдали за бюджетомъ мужчинъ, шили одежду, постилали постель, накрывали на столъ, зажигали свѣчу, омывали имъ ноги и доставляли прочія удобства ²⁾. Мужчины были очень предупредительны къ своимъ духовнымъ подругамъ. Если онѣ, подруги, приходили въ церковь, то ихъ духовные братья со всѣхъ ногъ бросилась имъ на встрѣчу, подобно евреямъ расталкивали для нихъ толпу народа въ храмъ; въ церкви, даже въ самые знаменательные моменты богослуженія, старались всячески угождать имъ, оказывая имъ множество мелкихъ услугъ ³⁾. Обыкновенно мужчины выбирали себѣ подругъ молодыхъ и красивыхъ ⁴⁾. Это само собой условливалось множествомъ приключеній самого интимнаго свойства. Оставаясь дома съ глаза на глазъ, сожители позволяли себѣ поцѣлуй и объятія ⁵⁾; проводили время въ пріятной болтовнѣ, въ веселомъ смѣхѣ, обмѣнивались разнаго рода нѣжностями ⁶⁾. Если ночью имъ почему-либо не спалось, они опять сходились вмѣстѣ, „но не для всеночныхъ бдѣній“, замѣчаетъ Златоустъ, а для того, чтобы понѣжничать другъ съ другомъ въ постелѣ и поболтать. Если дѣва вдругъ дѣлалась больна, мужчина ухаживалъ за ней съ предупредительною подруги и не стыдился въ этомъ случаѣ исполнять для нея всякую службу, болѣе приличную служанкамъ ⁷⁾. Кажется случилась, что такіе сожители, насколько не стѣснясь, жили въ одной комнатѣ вмѣстѣ ⁸⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 278.

²⁾ Тамъ же, стр. 260. 261 и друг.

³⁾ Тамъ же, 262.

⁴⁾ Тамъ же, 258.

⁵⁾ Тамъ же, 248.

⁶⁾ Тамъ же, 249.

⁷⁾ Тамъ же, 287.

⁸⁾ Тамъ же, 261.

Въ сердцахъ сожителействующихъ нерѣдко зажигалось пламя ревности, какъ бы они были мужемъ и женой или нѣжно-влюбленными ¹⁾. Кто нибудь взглянетъ на подругу его, и тотчасъ чело сожителя хмурится, злоба закрадывается въ его сердце ²⁾. Въ обществѣ ходили различные худые слухи касательно такихъ сожителействующихъ; мужчинъ такого рода называли сластолюбцами, льстецами, женскими угодниками ³⁾; а дѣвъ, говорить Златоустъ, называли „не сестрою“ сожителя и „не супругою“, а именемъ, которое проповѣдникъ считалъ не приличнымъ повторять. Многіе въ обществѣ осуждали такое сожительство хуже прямого прелюбодѣянiя ⁴⁾. Самъ Златоустъ позволяетъ себѣ слѣдующій рѣзкій отзывъ о мужчинахъ разбираемаго сорта: „ужъ если выбирать изъ двухъ золь, говорилъ онъ про нихъ, то я предпочитаю такимъ влирикамъ, какъ эти, сводней открытаго разврата. Эти несчастные лишены врачеванiя, пагубное ремесло осуждаетъ ихъ на погибель, но влирики, о которыхъ говоримъ, пребываютъ у самаго источника душевнаго здравiя, а между тѣмъ не только живутъ въ мерзости разврата, но и посягаютъ его среди добрыхъ“ ⁵⁾. Въ видахъ устраненiя неблагопрiятныхъ слуховъ о нихъ, дѣвы приказывали ежедневно приходить къ себѣ повивальнымъ бабкамъ, чтобы свидѣтельствовать ихъ и удостовѣрять, что онѣ остаются нерастлѣнными. Чуть ли не было это какимъ нибудь церковнымъ правиломъ. Не всѣ однако же соглашались на такой позорный осмотръ: одни соглашались, а другiя рѣшительно — нѣтъ. Златоустъ замѣчаетъ, что иногда случалось, что такіе дѣвы становились однако матерями ⁶⁾. По свидѣтельству Златоуста въ средѣ сожителействующихъ распространенъ былъ довольно странный обычай, по которому женщина не принимала на-единѣ у себя другихъ женщинъ, а мужчина — постороннихъ мужчинъ ⁷⁾. — Такъ было на Востоцѣ, въ Кон-

¹⁾ Тамъ же, 288.

²⁾ Тамъ же, 263.

³⁾ Тамъ же, 255.

⁴⁾ Тамъ же, 275.

⁵⁾ Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и импер. Евдоксія. Перев. съ франц. Стр. 28 (Изъ Палладiя). Моск., 1884.

⁶⁾ Твор. его. Томъ I, стр. 271

⁷⁾ Тамъ же, 288.

стантинополѣ, тоже было въ концѣ IV вѣка на Западѣ, въ Римѣ. Объ этомъ находимъ свидѣтельство у Иеронима. Этотъ церковный учитель, изобличая различные безпорядки въ римскомъ клирѣ, между прочимъ вооружается и противъ сожитія съ субъинтродуктами. Онъ называетъ это явленіе „язвой церкви“, дѣвственницъ подобнаго рода „женами безъ брака“. „Пребываютъ мужчина и женщина въ одномъ домѣ, пишетъ Иеронимъ, въ одной спальнѣ, часто на одной постелѣ“. Предлогомъ такого сожительства поставлялось „духовное утѣшеніе“¹⁾.

Церковь, какъ мы видѣли, принимала мѣры въ борьбѣ съ этимъ зломъ²⁾, но проходитъ не мало времени, прежде чѣмъ оно было искоренено. На Востокѣ зло встрѣчалось даже въ VI вѣкѣ. Существуетъ одна новелла Юстиніана, которою, подобно третьему правилу I всел. собора, воспрещалось холостымъ и вдовымъ священникамъ, діаконамъ и вподіаконамъ держать у себя въ домѣ подозрительныхъ женщинъ³⁾. Нужно полагать, что новелла имѣла свой *raison d'être*. На Западѣ сожитіе съ субъинтродуктами встрѣчаемъ даже въ IX вѣкѣ⁴⁾. Къ искорененію этого обычая на Востокѣ послужило то, что вошло въ обыкновеніе, чтобы клирики вступали въ бракъ еще до посвященія въ духовный санъ. А на Западѣ обычай держать субъинтродуктъ перешелъ въ простой конкубинатъ.

Оканчивая нашу слишкомъ затянувшуюся рѣчь, вызванную анализомъ опредѣленія собора Антиохійскаго III-го вѣка по поводу Павла Самосатскаго и его нравственнаго характера, мы должны замѣтить еще, что соборное опредѣленіе, осуждающее Павла Самосатскаго за различныя преступле-

¹⁾ Иеронима, русск. перев. Т. I, стр. 112—113. (Письмо къ Евстохію).

²⁾ Приблизительно до конца VI в. явленіе встрѣчалось повсюду. Асхеліс говоритъ: „едва ли найдешь хоть одну церковную область, гдѣ не было бы синисактизма. Его встрѣчаемъ въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ, Константинополѣ, Фригій, Персіи; а также въ Римѣ, въ Африкѣ, Галліи, Испаніи, даже въ Ирландіи. Это было обыкновеніе, замѣчаетъ авторъ, которое составляло отличительную особенность древней церкви“ (S. 59—60). Но только нужно помнить, что не клирики его ввели, и далеко не одни лица духовныя были въ немъ повинны.

³⁾ Heinichen. Commentarii, p. 719 (Novella CXXXIII. Cap. 23).

⁴⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. III, 747. Freib., 1877.

нія и заблужденія, даетъ знать, что и подчиненное ему духовенство въ антиохійскомъ округѣ, вело жизнь далеко не безукоризненную¹⁾. Значить клиръ антиохійской церкви во 2-ой половинѣ III-го вѣка былъ довольно сильно деморализованъ.

IV. Нравственное состояніе духовенства въ IV—VIII вѣкахъ.

Переходимъ къ очерку нравственно-общественной жизни пастырей церкви отъ IV-го до IX вѣка. — Церковныя правила, нужно сказать, не начертали для своего времени опредѣленнаго идеала пастыря церкви. Эти правила выражали свои требованія въ слишкомъ общихъ чертахъ. Наприм., Василиій Великій въ одномъ своемъ каноническомъ посланіи говоритъ: „по обычаю, издревле водворившемся въ церквахъ, служители церкви пріемлются по испытаніи со всею строгостію, и все поведеніе ихъ прилежно изслѣдуется: не злорѣчивы ли они, — не піяницы ли, — не склонны ли къ ссорамъ, — учились ли въ юности, дабы могли совершать святыню“. Василиій поручаетъ испытаніе будущихъ клириковъ конвенту, въ которомъ сообща жили пресвитеры, діаконы и кандидаты на священническія и церковныя должности²⁾. Но понятны такія замѣчанія о достоинствахъ пастыря недостаточно рисуютъ идеалъ пастыря, какъ понимали его въ церкви съ IV вѣка. Однакожъ мы не лишены возможности ознакомиться съ этимъ идеаломъ.

Лучшіе изъ церковныхъ писателей этого времени носили въ своей душѣ самый опредѣленный и притомъ большею частію высокій идеалъ пастыря церкви и отпечатлѣвали этотъ идеалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Познакомимся же прежде съ

¹⁾ Соборное посланіе, упоминая о субъинтродуктахъ епископа антиохійскаго Павла, затѣмъ добавляетъ о его пресвитерахъ и діаконахъ, что „Павель помогалъ имъ скрывать и этотъ (сожитіе съ дѣвственницами) и другіе смертные грѣхи“. Евсев. VII, 30.

²⁾ Василия Вел. прав. 89 (къ хорепископамъ каноническое посланіе).

этимъ идеаломъ, а потомъ посмотримъ, каковыми были пастыри въ дѣйствительности.

Для восточной церкви идеаль нравственно-общественнаго служенія пастыря начертанъ въ сочиненіи Златоуста: „Слова о священствѣ“ и отчасти въ твореніяхъ Григорія Богослова. Вотъ требованія, какія предъявляетъ Златоустъ въ отношеніи къ нравственной жизни пастыря. „Такъ какъ священнослуженіе совершается на землѣ, но по чиноположенію небесному, то совершитель этого служенія долженъ быть настолько чистъ, что какъ бы онъ стоялъ на небѣ посреди небесныхъ силъ“¹⁾. Обязанность священника требуетъ отъ него „ангельскаго совершенства“, почему „священникъ долженъ имѣть душу чище самыхъ лучей солнечныхъ“²⁾. По замѣчанію Григорія Богослова, пастыри должны быть „небесны“³⁾. Что же требуется отъ пастыря церкви при исполненіи имъ своего назначенія? Священникъ долженъ весь обратиться во вниманіе касательно себя и своего поведенія. „Священнику, говоритъ Златоустъ, надлежитъ быть дальновидну, смотрѣть тысячею глазъ, потому что онъ живетъ не для себя одного, а для такого множества людей“⁴⁾. Подчиненные, разъясняетъ Златоустъ, обыкновенно смотрятъ на поведеніе высшихъ, какъ на образецъ для себя и стараются во всемъ подражать имъ. Невозможно, невозможно священнику скрыть свои слабости. Малѣйшіе его недостатки немедленно дѣлаются извѣстны. Почему душа священника должна по всѣмъ направленіямъ блистать красотою, дабы души взирающихъ могли заимствовать отъ него свѣтъ“⁵⁾. Далѣе, — Златоустъ разъясняетъ, что обязанности священника настолько разносторонни, что онъ долженъ состоять какъ бы изъ самыхъ крайнихъ противоположностей. „Онъ долженъ быть важенъ и негордъ; суровъ и благосклоненъ; властенъ и вмѣстѣ общителенъ; безпристрастенъ и услужливъ; смирененъ и нечеловѣкоугодникъ; строгъ и милостивъ“⁶⁾. Онъ

¹⁾ Творенія св. Златоуста. Т. I, стр. 416 (Слово III, гл. 4). Петерб., 1895.

²⁾ Тамъ же, стр. 460 (Сл. VI, гл. 1—2).

³⁾ Творен. Григор. Богослова. Томъ I, стр. 60. Моск. 1843.

⁴⁾ Творен. его, томъ I, стр. 424 (Сл. III, гл. 12).

⁵⁾ Тамъ же, стр. 426 (Сл. III, гл. 14).

⁶⁾ Тамъ же, стр. 431 (Сл. III, гл. 16).

долженъ знать все житейское и долженъ быть отрѣшенъ отъ всего. Такъ какъ ему приходится обращаться съ мужчинами, которые имѣютъ женъ, воспитываютъ дѣтей, распоряжаются слугами, обладаютъ богатствомъ, отправляютъ общественныя должности, то онъ долженъ быть *разнокачественнъ*, — *разнокачественнъ*, говорю — прибавляетъ Златоустъ — но не лукавъ, не льстецъ, не лицемеръ, долженъ имѣть полную свободу и смѣлость¹⁾. Въ томъ же родѣ разсуждаетъ и Григорій Богословъ. Онъ говоритъ: „какія нужны свѣдѣнія, чтобы (духовно) врачевать другихъ, чтобы исправлять образъ жизни и персть покорять духу; ибо не одинаковы понятія и стремленія у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у начальниковъ и подчиненныхъ. Не легко имѣть надъ ними смотрѣніе. Однихъ назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, а для другихъ узда, ибо одни лѣнны и неудобоподвижны къ добру и такихъ нужно возбуждать; другіе сверхъ мѣры горячи духомъ и неустойчивы въ стремленіяхъ, подобно молодымъ, сильнымъ конямъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, такихъ нужно обуздывать. Иногда нужно гнѣваться, не гнѣваясь, выражать презрѣніе, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь, сколько этого требуетъ свойство каждаго; другихъ нужно врачевать кротостію, смиреніемъ и выраженіемъ участія къ нимъ“. Вообще замѣчаетъ Григорій „управлять человекомъ, этимъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, есть искусство изъ искусствъ, наука изъ наукъ“²⁾.

Весьма любопытны разсужденія Златоуста по вопросу: какіе пастыри болѣе полезны на своемъ мѣстѣ — люди ли аскетическаго направленія — монахи, которые нерѣдко во времена Златоуста ставились во священники и въ особенности въ епископы, — или же люди, прошедшіе житейскую школу, знакомые съ обществомъ и его интересами и потребностями? Златоустъ признаетъ людей аскетическаго воспитанія, вообще монаховъ, малоспособными и не очень годными для должности пастыря. „Знаю, пишетъ Златоустъ въ „словахъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 463 (Сл. VI, гл. 4).

²⁾ Творен. его Т. I, стр. 33—35. 26.

о священствѣ“, многихъ мужей, всю жизнь свою проводившихъ въ постоянной строгости, изнурившихъ себя непрерывнымъ постомъ: пока они оставались въ уединеніи и пеклись только о себѣ, они были угодны Богу. Но когда вышедши изъ своего уединенія, они встрѣтились лицомъ къ лицу съ народомъ и имъ предстоялъ подвигъ просвѣщать невѣжество людей, (т. е. когда они сдѣлались пастырями, главнымъ образомъ — епископами), тогда одни изъ нихъ съ перваго же раза оказались неспособными къ такому дѣлу, а другіе—хотя по нуждѣ и оставались на мѣстѣ, но перемѣнили прежнія правила жизни, и тѣмъ причинивъ немалый вредъ себѣ, не принесли никакой пользы другимъ. Говорю это, замѣчаетъ Златоустъ, не съ тѣмъ, чтобы монашескій ликъ вовсе былъ устраненъ отъ достоинства предстоятельства, (ибо случалось, что и изъ числа монашествующихъ достигали славы на этой должности), но стараюсь доказать, что одно благочестіе само по себѣ не дѣлаетъ никого достойнымъ священства“¹⁾. Нужно еще знаніе жизни общественной, жизни мірской, чего нѣтъ у монаховъ. Вотъ какъ самъ Златоустъ объясняетъ причины, почему монахи оказывались въ его время неспособными пастырями: „кто привыкъ наслаждаться бездѣятельностію и не знать почти никакихъ попеченій, тотъ хотя бы имѣлъ великія способности, но полная неопытность его въ трудахъ священства необходимо заставить его смущаться, тѣмъ болѣе, что недостатокъ въ упражненіи уже отнялъ у него большую часть способностей. По этой-то причинѣ весьма немногіе съ монашескаго подвижничества переходятъ на подвигъ священства, пишетъ Златоустъ. Да и тѣ большею частію обнаруживаютъ свою неопытность, падаютъ духомъ и встрѣчаютъ случаи весьма непріятные и затруднительные. И это нисколько не удивительно, такъ какъ монахъ, вступая на новое поприще, продолжаетъ Златоустъ,—встрѣчается съ подвигами другаго рода, а не съ тѣми, въ какихъ онъ доселѣ упражнялся. Выходящій на поприще священства въ особенности долженъ презирать славу, преодолевать гнѣвъ, быть исполненъ ве-

¹⁾ Томъ I, стр. 428—429. (Сл. III, гл. 15).

ликаго благоразумія. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода къ упражненію въ этомъ. И потому, когда они берутся за подвиги священническіе, къ которымъ ни сколько не подготавливались, то недоумѣваютъ, затрудняются, приходятъ въ такое состояніе, что сами не знаютъ, что дѣлать. Многіе изъ нихъ, кромѣ того, что не приумножаютъ добродѣтели, теряютъ и то, что принесли съ собою“¹⁾. „Тотъ, кто живя уединенно и обращаясь съ немногими, не научился удерживать гнѣва, но скоро воспламенялся,—когда получить въ управленіе народъ, становится подобенъ звѣрю, отовсюду и всѣми удоволяемому: и самъ никогда не можетъ быть спокоенъ, и ввѣренныхъ ему подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ“²⁾. Златоустъ необычаясь находить, что подвигъ священства выше, труднѣе, многознаменательнѣе подвига монашескаго. Отъ пастыря церкви требуется гораздо больше, чѣмъ отъ монаха. Златоустъ разсуждаетъ: „если живущіе въ пустынѣ, вдали отъ города, торжища и соединеннаго съ этимъ шума, т. е. монахи — и тѣ не хотятъ полагаться на безопасность своей жизни, но употребляютъ многія предосторожности—всячески ограждаютъ себя, стараются слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, то священникъ какую долженъ имѣть силу и твердость, дабы сохранить душу свою отъ всякой нечистоты и соблюдать себя неповрежденнымъ? Онъ имѣетъ нужду въ большей чистотѣ, нежели пустынники. И однакожъ кому нужна большая чистота, тому предстоитъ гораздо больше случаевъ къ соблазну. Большимъ и опаснѣйшимъ искушеніямъ необходимо долженъ подвергаться тотъ, кто обращается среди всякихъ людей. Напротивъ возлюбившій пустыню, свободенъ отъ всего этого. Хотя помысль и представить ему что-либо нечистое, но это представленіе легко можетъ быть изглажено, потому что ничто внѣшнее не поддерживаетъ его. Монахъ боится только за себя самого. Если же онъ долженъ заботиться и о другихъ, то весьма немногихъ. А хотя бы такихъ было и достаточно, то, во-первыхъ, ихъ число все же менѣе, чѣмъ сколько поручается священнику,

¹⁾ Тамъ же, стр. 465—466. (Сл. VI, гл. 7).

²⁾ Тамъ же, стр. 425. (Сл. III, гл. 13).

во-вторыхъ, попеченіе о нихъ легко и удобно: всѣ они живутъ вмѣстѣ, такъ что малѣйшій ихъ проступокъ сейчасъ же видѣнъ, жизнь ихъ немногосложна, у нихъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, ни другихъ предметовъ заботъ¹⁾. „Великъ трудъ монаховъ, великъ ихъ подвигъ; но если кто сравнитъ труды монашескіе съ трудами должности священнической, хорошо исправляемой, тотъ найдетъ великое между ними различіе, такое же, какое существуетъ между мужикомъ и царемъ. У монаховъ — продолжаетъ Златоустъ — большая часть подвиговъ совершается силами тѣлесными: если тѣло не будетъ крѣпко, то ревность только и остается ревностію, а выразиться на дѣлѣ не можетъ: усиленный постъ, жесткая постель, неумытость, трудъ до пота, другія изнуренія тѣлесныя — все это оставляется, если ослабѣло тѣло. Но отъ священниковъ требуется чистое искусство души: здоровье и крѣпкое тѣло для священника — дѣло второстепенное. Ибо, можетъ ли сила тѣлесная сколько-нибудь содѣйствовать тому, чтобы не быть своенравнымъ, гнѣвлимымъ, быть трезвеннымъ, цѣломудреннымъ, скромнымъ? Монахъ подобенъ акробату, который для своихъ успѣховъ нуждается въ вещахъ внѣшнихъ—канатахъ, колесахъ, мечахъ, а священникъ подобенъ философу, все искусство котораго единственно заключается въ его душѣ“. Сравнивая подвигъ монашества и священства, Златоустъ въ заключеніе говоритъ: „управляющій кормиломъ внутри пристани — т. е. монахъ, среди тишины и неразвлеченности, еще не доказываетъ хорошо своего искусства; но кто среди моря, во время бури, умѣетъ спасти корабль—разумѣется священникъ, того всякій назоветъ кормчимъ искуснымъ²⁾. Изъ этихъ разсужденій Златоуста о сравнительной трудности священства предъ монашествомъ, видно, что онъ отъ священника требовалъ высшей нравственной чистоты и совершенства, чѣмъ какія можно встрѣтить у отшельника и что служеніе священника нуждается совсѣмъ въ другихъ качествахъ, чѣмъ какія присущи монаху.

¹⁾ Тамъ же, стр. 460—461. (Сл. VI, гл. 2—3).

²⁾ Тамъ же, стр. 463. 464. (Сл. VI, гл. 5—6).

Въ то время какъ Златоустъ и отчасти Григорій Богословъ начерчиваютъ идеаль пастыря для церкви восточной, Амвросій Медиоланскій, Григорій Великій, отчасти Іеронимъ и соборы западные стараются указать такой же идеаль для церкви западной. Идеаль пастыря у западныхъ писателей во многомъ отличается отъ идеала, начертаннаго Златоустомъ: Златоустъ обращаетъ больше вниманія на внутреннія качества души и не даетъ никакихъ правилъ касательно регулированія внѣшняго поведенія; напротивъ западные писатели обращаютъ главное вниманіе на внѣшнія достоинства пастыря, а если и говорятъ о внутреннихъ качествахъ, то въ такомъ родѣ, что правила эти равно могутъ относиться: и къ пастырю и простому христіанину. По Златоусту, какъ знаемъ, пастырь долженъ быть весьма хорошо знакомъ со всѣмъ, что дѣлается въ мірѣ, съ его интересами и стремленіями, западные же писатели рекомендуютъ пастырямъ замкнутость, аскетизмъ. Выходитъ даже наоборотъ: что Златоустъ осуждаетъ, того самого требуютъ западные писатели. Идеаль пастыря на Востокѣ и Западѣ очень не схожъ. — Амвросій Медиоланскій свои идеи о пастырствѣ изложилъ въ сочиненіи: „о должностяхъ священнослужителей“¹⁾. Амвросій здѣсь слишкомъ много обращаетъ вниманія на внѣшнія качества пастыря. Внѣшность, раскрываетъ онъ, есть какъ бы зеркало души. Поэтому онъ рекомендуетъ пастырю прежде всего имѣть приличныя тѣлодвиженія. Самъ о себѣ Амвросій замѣчаетъ, что онъ судилъ о человѣкѣ по манерамъ и будто не обманывался. Онъ рассказываетъ: „помните, какъ одного пріятеля нашего, искавшаго у насъ мѣста, не смотря на все его желаніе занять при насъ должность, не принявъ я въ свой клиръ, потому только, что пріемы его, тѣлодвиженія въ обращеніи и дѣйствіяхъ были непристойны; а другаго, котораго я засталъ въ нашемъ клирѣ, удалилъ отъ

¹⁾ De officiis ministrorum. Идеаль пастыря Амвросіемъ начертанъ сообразно стоическому идеалу, какъ этотъ послѣдній отразился въ сочиненіи Цицерона: De officiis, сочиненіи, имѣвшемъ большое вліяніе на указанное твореніе епископа Медиоланскаго. Въ частности по Буассье идеаль латинскаго священника будто бы напоминаетъ собой идеаль римскаго жреца („Римская религія отъ Августа до Антониновъ“, русск. перев., стр. 288. Москва, 1878).

себя, приказавъ ему и на глаза не являться, по той именно причинѣ, что онъ своей неистойой походкой и неуклюжестью, какъ бичемъ поражалъ взоръ мой. И не обманулся я въ своемъ мнѣніи и распоряженіи о нихъ, ибо оба они впослѣдствіи отпали отъ церкви“, замѣчаетъ Амвросій¹⁾. Кромѣ вообще приличныхъ манеръ Амвросій предписываетъ пастырю извѣстнаго рода походку. Какого же рода должна быть походка у пастыря? „Скоро ходить я не считаю для него приличнымъ—говоритъ Амвросій, — развѣ когда этого требуетъ какая либо особая нужда, ибо поспѣшно идущій, запыхавшись, дѣлаетъ гримасы и вслѣдствіе утомленія и разсѣянности своей онъ обыкновенно спотыкается“. Амвросій не одобряетъ и тѣхъ, кто въ каждомъ шагѣ старается наблюдать особенную мѣру или тактъ, подобно актерамъ²⁾. Блаж. Іеронимъ съ своей стороны добавляетъ предписанія Амвросія еще наставленіемъ касательно одежды, какую должно носить клирикамъ. Онъ внушаетъ: „темныхъ одеждъ не носи, точно такъ же какъ и свѣтлыхъ“ (спрашивается: какія же носить-то?). Изысканности и неопрятности одинаково должно избѣгать, замѣчаетъ Іеронимъ: первое говорить о любви къ удовольствію, а второе — о тщеславіи. Похвально носить льняную одежду, но не обращать вниманія на ея цѣнность“. Онъ совѣтуетъ носить клирику въ карманѣ носовой платокъ, а „не хвастаться тѣмъ, что умѣешь обходиться и безъ этой принадлежности туалета“³⁾. Амвросій не считаетъ излишнимъ войти въ разсужденіе о томъ, какимъ голосомъ прилично говорить пастырю. „Голосъ его, говоритъ Амвросій, долженъ выражать собой образъ и силу мужества, свойственныя муж-

¹⁾ Изъ творенія св. Амвросія Медиоланскаго: *De officiis ministrorum*. Изданіе П. Поспѣлова. Стр. 7—8. Кіевъ, 1875.

²⁾ Тамъ же, стр. 8 и 9. Правда изрѣдка подобнаго же рода предписанія встрѣчаемъ и у восточныхъ писателей. Наприм., по словамъ Θεοδορίта, епископу или пресвитеру слѣдуетъ быть „степеннымъ и въ выговорѣ (дикціи), и въ наружности, и во взглядѣ, и въ походкѣ“, но восточный писатель добавляетъ, „дабы и въ тѣлѣ было видно душевное цѣломудріе“, т. е. онъ придаетъ своимъ предписаніямъ исключительно нравственный характеръ (Н. Н. Глубоковского. *Θεοδορίτης, επίσκ. Κιρκίης*, Т. I, 46. М. 1890). Да притомъ же восточные писатели не входятъ въ мелочныя подробности при указаніи внѣшнихъ требованій пастырскаго благоповеденія.

³⁾ Іеронима, русск. пер. Томъ II, стр. 66 (Письмо къ Непоціану — объ образѣ жизни клириковъ). Кіевъ, 1879.

чинѣ. Я какъ не одобряю излишней нѣжности и притворства, такъ не рекомендую мужиковатости и грубости“¹⁾. Амвросій дѣлаетъ предметомъ регламентаціи и молчаніе пастыря: когда должно давать мѣсто молчанію и когда нѣтъ. Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто въ сочиненіи Амвросія „о должностяхъ“, изъ котораго видно, какъ далеко простирались заботы этого учителя пастырей о внѣшности священника. Онъ пишетъ: „въ Римѣ и другихъ мѣстахъ былъ обычай, что взрослые дѣти и зятья не мылись въ банѣ вмѣстѣ съ своими родителями, дабы чрезъ это не уменьшилось уваженіе къ нимъ. Многіе и посторонніе, будучи въ банѣ и заботясь о цѣломудренной скромности, прикрывали нѣкоторыя части своего тѣла. А священники ветхозавѣтной церкви, по древнему обычаю, при богослуженіи всегда имѣли у себя „надряги, надряги льняны, для покровенія плоти ихъ, отъ бедръ даже до стегнъ“ (Исх. 28, 42—3). Говорятъ, замѣчаетъ Амвросій, что нѣкоторые и изъ нашихъ (священниковъ) наблюдаютъ это еще и по нынѣ“²⁾. Амвросій стоитъ на сторонѣ этого страннаго обычая. Касательно пастыря у Амвросія много предписаній чисто аскетическаго характера, какъ будто пастырь живетъ и дѣйствуетъ не въ мірѣ, а въ пустынѣ. Особенно онъ совѣтуетъ остерегаться женщинъ, какъ будто бы женщины не принадлежать къ пасомымъ наравнѣ съ муцинами. Онъ говоритъ: „въ дома вдовъ и дѣвъ молодымъ клирикамъ вовсе не слѣдуетъ входить, развѣ по особенной важности дѣла или по крайней необходимости посѣщенія, но и то не иначе какъ со старшими или съ епископомъ или съ другими пресвитерами“³⁾. Въ такомъ же родѣ предписаніе встрѣчаемъ у Іеронима и въ опредѣленіяхъ западныхъ соборовъ. Іеронимъ даетъ такіе совѣты: „не бывай часто подъ кровлею отроковицъ и дѣвственницъ; не надѣйся на свою прежнюю непорочность. Ты не святѣ Давида, не мудрѣ Соломона. Если по обязанности клирика ты посѣщаешь вдову или дѣвицу, то никогда не вступай въ домъ ея одинъ. Имѣй такихъ спутниковъ, общество ко-

¹⁾ Изъ творенія св. Амвросія: De officiis, стр. 14. Сн. 38.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

³⁾ Тамъ же, стр. 36.

торыхъ не было бы для тебя безславно. За тобою долженъ идти или чтецъ, или аколѣфъ, или псалмопѣвецъ. Не сиди одинъ съ одной втайнѣ, безъ свидѣтелей. Если нужно что-нибудь сказать по секрету, то пусть будетъ при этомъ нянька, старшая въ домѣ дѣва или замужняя“. Тотъ же Іеронимъ рекомендуетъ клирику въ случаѣ его болѣзни поручать, за неимѣніемъ матери или сестры, ухаживать за собой или причетнику или какой-нибудь старушкѣ¹⁾. Какія предосторожности! На западныхъ соборахъ Турскомъ V вѣка, и Орлеанскомъ въ VI вѣкѣ определено, чтобы клирикъ не имѣлъ знакомства или обращенія съ посторонней женщиной²⁾. Вообще, по Амвросію, клирику лучше всего сидѣть дома и заниматься богомысліемъ, а не тратить времени на посѣщенія. „Вы ищете визитовъ для отдыха и пріятнаго препровожденія времени; почему же — замѣчаетъ Амвросій — свободное отъ церковныхъ занятій время не употреблять намъ на душеполезное чтеніе? Почему не побесѣдовать съ Христомъ (молитва)? Не послушать Христа (чтеніе Писанія)? Что намъ въ посѣщеніи чужихъ домовъ“³⁾? Правда, Амвросій не вовсе запрещаетъ пастырю посѣщать другихъ. Онъ позволяетъ посѣщать нѣкоторыхъ, но кого именно? „Лучше всего для насъ имѣть знакомство съ пожилыми и вообще съ людьми испытанныхъ нравовъ. Сколько обращеніе съ равными намъ по возрасту пріятнѣе, столько же со старшими безопаснѣе и полезнѣе, ибо при опытности старшихъ нравственность младшихъ украшается, какъ цвѣтами благоуханными“. Амвросій и вообще внушаетъ пастырю отрѣшенность отъ всѣхъ благъ міра сего. Онъ говоритъ: „то, что у философовъ и въ обыкновенномъ житейскомъ быту считается благами жизни, какъ-то: мудрость (наука), богатство, удовольствія, радости, не знающія перерыва—все это наноситъ ущербъ истинному благу и счастію человѣка, привязываетъ его къ землѣ, отягчаетъ его суетными заботами и удаляетъ отъ Бога“⁴⁾. Западные авторитетные писатели не

1) Творен. его. Т. II, стр. 61.

2) Hefele. Conciliengeschichte. B. II, 598. 775. Freib., 1875.

3) Изъ вышеуказаннаго творенія св. Амвросія, стр. 37.

4) Тамъ же, стр. 39. 111.

оставляют пастыря церкви безъ соответствующихъ внушеній и относительно пищи. Они рекомендовали пастырю довольствоваться растительной пищей и при этомъ говорили: никогда не должно священнику наѣдаться до сыта и въ особенности до пресыщенія, напротивъ ему надлежитъ стараться о томъ, чтобы нынче или завтра онъ могъ совѣмъ забыть объ обѣдѣ, и по крайней мѣрѣ забывать объ ужинѣ. Это совѣтъ Іеронима¹⁾. Тотъ же западный учитель церкви предостерегаетъ пастыря отъ неумѣреннаго употребленія вина: онъ говоритъ: „помни: Лота побѣдилъ не Содомъ, а побѣдило вино“²⁾. Онъ указываетъ, чтобы неумѣренное употребленіе вина пастыремъ не заставило публику повторять слова одного философа: „съ нимъ поцѣловаться, все равно что вина хлебнуть“³⁾. Подобныхъ же аскетическихъ предписаній для пастыря много въ сочиненіи другаго западнаго писателя Григорія Великаго, именно въ его сочиненіи: „Правило Пастырское“. Григорій папа говоритъ: „всемирно должно стараться, чтобы въ пастыри и архипастыри поставляемы были, въ образецъ жизни, только такіе мужи, которые умерши для всѣхъ плотскихъ страстей, живутъ уже духомъ, которые отложили всякое попеченіе о мірскихъ благахъ, не страшатся никакихъ бѣдствій, помышляютъ только о благахъ внутреннихъ. Имъ не противорѣчить уже ни тѣло ихъ подъ предлогомъ немощи, ни духъ не смущается оскорбленіями. Не помышляя о чужомъ добрѣ, они охотно раздаютъ свое собственное. Они всегда готовы отъ чистаго сердца и отъ души извинять и прощать ближняго, не снисходя впрочемъ преступленіямъ его до слабости. Они не позволяютъ себѣ ничего противозаконнаго, а противозаконныя дѣйствія другихъ оплакиваютъ, какъ свои собственные грѣхи. Они соболѣзнуютъ чужому несчастію“ и проч. ⁴⁾. Григорій рекомендуетъ пастырю больше всего заниматься созерцательными размышленіями ⁵⁾.—Этотъ идеалъ пастыря, начертан-

¹⁾ Творен. его. Т. II, 135 (Письмо къ Павлину).

²⁾ Тамъ же, стр. 247 (Письмо къ Океану).

³⁾ Тамъ же, стр. 68 (Письмо къ Непоціану).

⁴⁾ Св. Григорія Вел. Правило пастырское или о пастырскомъ служеніи. Переводъ. Стр. 25—26. Кіевъ, 1873.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 47.

ный Амвросіємъ и Григоріємъ, пополняютъ западные соборы, внося нѣкоторыя предписанія, того же характера. Такъ соборъ Орлеанскій (VI в.) запрещаетъ пресвитеру жить въ одной квартирѣ съ лицами свѣтскими ¹⁾. Соборъ Парбонскій въ Галліи, VI-го вѣка, не позволяетъ клирику, если онъ житель города, жить на большой улицѣ, въ предупрежденіе разсѣянности. Одинъ римскій соборъ VIII-го вѣка постановляетъ правило о стрижкѣ волосъ ²⁾ и т. п. Слѣдуетъ замѣтить еще, что какъ ни высоко цѣнили на Западѣ пастырей аскетическаго направленія, однакожъ тамъ же не съ большимъ сочувствіемъ смотрѣли на клириковъ, взятыхъ изъ монастырей ³⁾, такъ же, какъ это было и на Востоцѣ (припомнимъ ранѣе приведенныя слова Златоуста).

Таковы-то были идеальныя требованія церкви со стороны нравственно-общественнаго служенія пастыря, требованія вообще высокія. Правда, идеаль пастыря не одинаковъ на Востоцѣ и Западѣ. На Востоцѣ онъ выше, болѣе многостороненъ, болѣе жизненъ и привлекателенъ, чѣмъ на Западѣ ⁴⁾. Но и западный идеаль, не смотря на нѣкоторыя крайности, все же довольно выражалъ идею христіанской нравственности. Осуществлять эти идеалы, къ сожалѣнію, умѣли только немногіе пастыри. Только такіе самоотверженные пастыри, какъ Василій великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Августинъ, блаж. Теодоритъ и проч., могли сказать, что ихъ жизнь дѣйствительно не расходилась съ тѣми высокими требованіями, какія предъявлялись церковію касательно пастыря. Извѣстное

¹⁾ Hefele. B. II, S. 757.

²⁾ Hefele. B. III, S. 54. 516. Cf. 581. Freiburg, 1877.

³⁾ Такъ бл. Августинъ не разъ замѣчаетъ, что ему приходится переносить много огорченій изъ-за тѣхъ клириковъ, которые сдѣлались таковыми изъ монаховъ. Онъ же прибавляетъ, что выходецъ изъ монастыря не можетъ быть хорошимъ клирикомъ. Онъ вообще находить, что даже хорошій монахъ иногда не имѣетъ необходимаго для клирика образованія и надлежащей пастырской опытности. (II. Извѣкова. Іерархія Сѣверо-африканской церкви, стр. 40. Вильна, 1884).

⁴⁾ Впрочемъ съ теченіемъ времени и на Востоцѣ идеаль пастыря началъ суживаться. Такъ, наприм., появились требованія, чтобы духовныя лица не позволяли себѣ носить разноцвѣтныхъ одеждъ (VII всел. соб. прав. 16), чтобы епископы не принимали услугъ отъ женщины даже во время путешествія (тамъ же, прав. 18); также узаконена была для духовенства какая-то стрижка волосъ (Трульск. собора прав. 21) и проч.

число прочаго духовенства тоже было не безъ достоинствъ; иные изъ духовныхъ старались своею жизнію и дѣятельностію приближаться къ идеалу пастыря. Златоустъ иногда хвалить современное ему духовенство за то, что оно очень честно относилось къ своему служенію и старалось избѣгать поводовъ къ осужденію его, духовенства ¹⁾). Блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи: „О правахъ православной церкви“ свидѣтельствуешь, что онъ былъ знакомъ съ очень многими достойными мужами не только епископскаго сана, но и пресвитерскаго, даже и діаконскаго, которыхъ доблесть приводила въ изумленіе самого его, Августина ²⁾). Даже языческіе писатели, наприм. Амміанъ Марцеллинъ, въ IV в., хвалятъ иныхъ епископовъ и клириковъ, что они вели жизнь простую и скромную ³⁾). Но если нѣкоторые пастыри, быть можетъ вполнѣ осуществляли идеалъ пастыря, а другіе искренно стремились къ его осуществленію, то жизнь большинства лицъ духовнаго сословія была далеко ниже идеала, начертываемаго церковію. Уже пастыри IV и первой половины V-го вѣка, когда церковь сіяла своими доблестями, вызывали многія и сильныя укоризны за свое поведеніе, и это какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ.

Посмотримъ на Востокъ, что видимъ здѣсь? Григорій Богословъ ни на минуту не умолкаетъ въ обличеніи недостойныхъ пастырей. Вотъ какъ онъ характеризуетъ пастырей своего времени. „Духовенство—это огражденное прежде сѣдалище мудрыхъ, дворъ совершенныхъ, возвышеніе для ангельскихъ ликованій, рѣшетка раздѣляющая два міра. Такъ было прежде, а что теперь: смѣшно то и видѣть“. „Страшный, изрытый пропастями оврагъ, это мы, т. е. наше забывшее свой чинъ, сословіе. Это мы не на добро возстающіе на высокихъ престолахъ, мы враги немощей и въ то же время мертвецы, непрестанно заражающіе (другихъ) новыми и новыми недугами“ ⁴⁾). По наблюденію Григорія, люди обре-

¹⁾ Златоуста. Творенія въ рус. пер. Т. III, стр. 202. Слб. 1897 (Слово о Акилѣ и Прискилѣ).

²⁾ Н. Д. Извѣкова. Іерархія Сѣверо-африканской церкви, стр. 246

³⁾ *Ut puros commendant et verecundos.*—A. Marcellini. *Rerum gestarum libri*. Vol. 2. Lib. XXVII, cap. 3 (14), p. 100. Lips. 1875.

⁴⁾ Творенія его. Т. VI, стр. 6. 77. Изд. 1-ое.

мененные всевозможными пороками вступали въ духовенство и унижали это сословіе. „Всѣмъ отверсть входъ въ незапертую дверь, т. е. къ священству, восклицаетъ Григорій, и кажется мнѣ: слышу глашатая, который стоитъ впереди и возглашаетъ: „приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники, отяжелѣвшіе отъ толщины, безстыдные, высокомерные, пьяницы, бродяги, злорчивые, одѣвающиеся пышно, лгуны, обидчики, скорые на ложную клятву, міроѣды, беззаконно налагающіе руки на чужое достояніе, убійцы, обманщики, льстецы предъ сильными, львы въ отношеніи къ слабымъ, двоедушные рабы, гонящіеся за переменчивымъ временемъ, полипы, принимающіе, какъ говорятъ о нихъ, цвѣтъ камня ими занимаемаго, недавно оженившіеся, кипучіе, съ едва пробивающимся пушкомъ на бородѣ, въ глазахъ ихъ неудовлетворенная любовь потому что избѣгаютъ явной, невѣжды въ небесномъ, люди, обнаруживающіе свою черноту—приходите смѣло—иронически взываетъ Григорій—для всѣхъ готовъ широкій престолъ, приходите и преклоняйте выи подъ простертыя десницы (т. е. для посвященія). Общее всѣхъ достояніе воздухъ, общее достояніе земля, для всѣхъ и престолы“ ¹⁾. Пастыри, по описанію Григорія, перестали быть дѣйствительными пастырями, а сдѣлались волками, отъ которыхъ общество не могло ожидать себѣ добра. „Левъ, ехидна, змѣя болѣе великодушны и кротки въ сравненіи съ дурными епископами, исполненными гордости и не имѣющими и искры любви. Посмотри—и ты сквозь овечью кожу увидишь волка; если же онъ не волкъ, то пусть убѣждаетъ меня въ этомъ не словами, а дѣломъ; я не цѣню ученіе, которое противорѣчитъ жизни“. „Пастыри, говоритъ тотъ же отецъ, по отношенію къ слабымъ какъ львы, а по отношенію къ сильнымъ какъ собаки, всюду сующіе свой нозь, и пресмыкающіеся чаще у дверей людей вліятельныхъ, нежели у дверей людей мудрыхъ. Они гоняются болѣе за пріятнымъ, чѣмъ полезнымъ. Одинъ изъ нихъ хвалится своимъ благородствомъ, другой краснорѣчіемъ, третій богатствомъ, чет-

¹⁾ Тамъ же, стр. 77—78.

вертый своими связями, а тѣ, кто не могутъ похвалиться чѣмъ нибудь подобнымъ, хвастаются пороками“ ¹⁾. Болѣе обеспеченные въ матеріальномъ отношеніи епископы, по словамъ Григорія, вели жизнь вполне свѣтскую. Они любили ходить съ пышной свитою, въ обращеніи съ другими они казались величавыми. По роскоши въ жизни „они хотѣли равняться съ консулами, правителями областей, съ знатнѣйшими изъ военачальниковъ. Если имъ приходилось выѣзжать, то они ѣздили на отличныхъ лошадяхъ, блистательно выселись на колесницѣ. Они любили, чтобы встрѣчали и провожали ихъ съ подобострастіемъ, чтобы всѣ давали имъ дорогу и разступались предъ ними. какъ предъ дикими звѣрями, какъ скоро даже издали увидятъ грядущаго епископа“ ²⁾.—Все духовенство, по изображенію Григорія, любило проводить время съ пріятностію для своего чрева. „Бѣгутъ съ многолюдной свитою, говоритъ Григорій, на праздничный или именинный или похоронный или свадебный обѣдъ, что-бы все предать расхищенію — иное истребить собственными зубами, а иное предоставить своей свитѣ. Поздно же вечеромъ, едва переводя дыханіе отъ пресыщенія, съ трудомъ влекутъ они опять домой больное чрево, и еще не избавившись отъ прежней тяжести, спѣшатъ на другой большой пиръ“ ³⁾. Дома иные изъ недостойныхъ пастырей того времени паче всего заботились о томъ, чтобы у нихъ были хорошіе повара и искусно приправленные свѣди“; не мало попеченій прилагалось такими пастырями и объ одеждѣ: „мягкія и волнующіяся одежды“ составляли ихъ слабую струну. (Все это свидѣтельство Григорія) ⁴⁾. О себѣ Григорій Богословъ, въ отличіе отъ другихъ пастырей, замѣчаетъ словами ветхозавѣтныхъ пророковъ: „я не изъ числа пастырей, которые „млеко ѣдятъ, волною одѣваются, тучное закаляютъ“ (Иезек. 34, 3—4) или продаютъ (святыню) и говорятъ: „благословенъ Господь и обогатихомся“ (Зах. 11, 5);

¹⁾ Ullmann. Gregorius von Nazianz. S. 362 - 363. Gotha, 1866.

²⁾ Творенія его. Т. IV, стр. 47 (Слово прощальное). Сл. стр. 121.

³⁾ Твор. его. Т. VI, стр. 72—73.

⁴⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 121. Изд. 1-ое.

не изъ тѣхъ, которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ“ ¹⁾. Во взаимныхъ отношеніяхъ пастырей господствовали вражда и ненависть, желаніе величаться на счетъ униженія другихъ. Тотъ же Григорій пишетъ: „одни изъ нихъ состязуются за святые престолы, возстаютъ другъ противъ друга, поражаютъ и поражаются безчисленными бѣдствіями. Это неукротимые вонтели; они возглашаютъ миѣ „миръ“ и хвалятся кровію. Предлогомъ споровъ у насъ св. Троица, а истинной причиной невѣроятная вражда. Всякій двоедушень, это овца прикрывающая собой волка“ ²⁾. Повеличаться на счетъ другаго—съ униженіемъ для этого другаго—это составляло очень обыкновенное явленіе въ средѣ пастырей. Вотъ наприм., что опредѣлено было на соборѣ Сардикійскомъ, происходившемъ, какъ, извѣстно, въ IV вѣкѣ. „Если епископъ отправляется изъ одного города въ другой, изъ своей епархіи въ другую изъ видовъ тщеславныхъ, увлекаясь хвалами себѣ (какъ проповѣднику) или большею торжественностію богослуженія, и если желаетъ онъ провести тамъ долгое время, тогда какъ епископъ того города не искусенъ въ ученіи, то первый пусть не презираетъ послѣдняго и не проповѣдуетъ въ чужой епархіи слишкомъ часто, имѣя въ намѣреніи пристыдить и унижить личность мѣстнаго епископа; потому что это обыкновенно бываетъ поводомъ къ смятеніямъ. Такой епископъ указаннымъ способомъ старается похитить чужую кафедру, не смущаясь покинуть порученную ему церковь и перейти въ другую“. Это правило (11) сардикійское не нуждается въ комментаріи. Погоня за браннымъ металломъ такъ же составляла не послѣднее зло среди прочихъ недостатковъ, принадлежащихъ пастырству IV-го вѣка. „На словахъ только и слышишь отъ пастырей—говорить Григорій Богословъ—о „попеченіи душъ“, а на дѣлѣ они больше всего заняты „сборами и поборами“ со своихъ пасомыхъ“ ³⁾. —Пастырское вліяніе на общество при такихъ условіяхъ едва-ли мыслимо. Жизнь пастырей не представляла ничего поучительнаго для народа. И дѣйствительно, Григорій отказываетъ пастырству въ его благотворномъ

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 295. Изд. 1-ое.

²⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 79—80.

³⁾ Тамъ же, т. VI, 19—20.

вліяніи на общество. Онъ говоритъ: „пастыри погрѣшаютъ непремѣнно въ одномъ изъ двухъ: или имѣя сами нужду въ снисхожденіи, чрезъ мѣру снисходительны, такъ что не пресѣкаютъ порока, а учатъ пороку, или же строгостію власти лишь прикрываютъ свои собственныя (порочныя) дѣла“¹⁾. Развѣ въ одномъ только отношеніи худая жизнь пастырей, по Григорію, могла быть полезна; именно: народъ, смотря на недостатки духовенства, станетъ отвращаться отъ подобной не нравственной и легкомысленной жизни. „Кто пишетъ картину съ подлиннаго изображенія, говоритъ Григорій, тотъ сначала ставитъ предъ собой подлинникъ, а потомъ картина принимаетъ на себя списываемый образъ. Но кто смотритъ на васъ—обращаетъ рѣчь Григорій къ духовенству—тотъ пойдетъ противоположную стезю. И это единственная польза отъ вашей испорченности“²⁾.

Вмѣсто того, чтобы быть учителями въ добрѣ и обличителями пороковъ, пастыри становились льстцами, особенно предъ лицами, власть имѣющими. Четвертый вѣкъ обилень примѣрами, которые свидѣлствуютъ, какъ мало пастыри этого времени помнили о своемъ высокомъ назначеніи. Уже во времена Константина Великаго лестъ становится явленіемъ, знакомымъ близко пастырямъ. Такъ одинъ изъ епископовъ, присутствовавшихъ на празднествѣ 30-лѣтія царствованія Константина, не стыдится высказать такой грубый комплиментъ императору: „ты блаженъ, потому что въ этомъ мірѣ Богъ поставилъ тебя властелиномъ надъ всѣмъ, и въ будущемъ вѣкѣ ты будешь царствовать съ Сыномъ Божиимъ“. Лестъ была настолько неумѣренна, что самъ императоръ счелъ долгомъ обуздать слишкомъ забывшагося епископа³⁾. Даже Евсевій, знаменитый церк. историкъ, который смотрѣлъ на себя, какъ на изобличителя лести, наклоненъ былъ къ этому же пороку. Самъ онъ, ослѣпленный блескомъ императорскихъ милостей къ епископамъ, въ своемъ сочиненіи: „жизнь Константина“ (III, 15), при описаніи одного императорскаго обѣда, происходившаго въ сообществѣ архіе-

¹⁾ Тамъ же, II, 183.

²⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 78. Сл. т. I, 23.

³⁾ Евсевія. Жизнь Константина, кн. IV, гл. 48.

реевъ, не устыдился замѣтить, что обѣдъ этотъ былъ образомъ царства Божія на небѣ. И это были епископы, носившіе еще на своемъ тѣлѣ, раны Діоклитіанова гоненія! А чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше и больше лезть повреждала сословіе духовенства. Василій Великій, взирая на отсутствіе дерзновенія въ пастыряхъ, прямо восклицаетъ: „молчать уста благочестивыхъ“¹⁾.

Что касается до западнаго духовенства того же IV-го вѣка, то и его характеръ былъ не только не лучше восточнаго, но даже еще хуже. Блаж. Іеронимъ сохранилъ для насъ много любопытныхъ описаній западнаго духовенства IV-го вѣка. Разсматривая упадокъ нравовъ въ западномъ духовенствѣ, Іеронимъ объявляетъ, что хотя духовные и боялись „законовъ гражданскихъ, но за то Евангеліемъ пренебрегали“²⁾. Особенно развита была въ западномъ духовенствѣ алчность къ приобрѣтенію денегъ, богатства. Для этой цѣли духовенство поднималось на всѣ хитрости и пожалуй низости. Іеронимъ говоритъ, что съ указанною цѣлію духовныя лица съ необыкновенною привѣтливостію обращались въ особенности съ матронами. „Клирики, пишетъ онъ, которые должны бы быть учителями закона и страха Божія, лобзаютъ главы матронъ, и протянувъ руку какъ бы для благословенія, принимаютъ подарки за свою привѣтливость“³⁾. Другіе клирики приходили къ той же цѣли путемъ жалкаго попрошайства. Іеронимъ говоритъ, что нѣкоторые клирики всю жизнь употребляютъ на то, чтобы изучать нравы благородныхъ женщинъ и пользовались этимъ изученіемъ къ своей выгодѣ. Онъ приводитъ примѣръ „одного старика священника, который съ ранняго утра спѣшилъ въ какой либо домъ къ богатой матронѣ, проникалъ даже къ постели спящихъ. Здѣсь увидить подушку, изящное полотенце или что либо другое изъ домашней рухляди — ощупываетъ, удивляется, хвалить, и жалуясь, что нуждается въ этомъ, не выпрашиваетъ, замѣчаетъ Іеронимъ, а просто вымогаетъ, потому

¹⁾ Творенія Василія Велик. Томъ VI, стр. 199 (Письмо къ Италійскимъ и Галльскимъ епископамъ). Изд. 3-ье. Серг. Посадъ, 1892.

²⁾ Творенія его. Т. II, стр. 63 (Пис. къ Непоціану).

³⁾ Тамъ же. Т. I, стр. 114. (Письмо къ Евстохію).

что женщина боится нажить себѣ врага во священникѣ¹⁾.
Иные изъ западныхъ клириковъ дѣйствовали утонченнѣе и
плутоватѣе. Они дѣлали видъ, что жизнь ихъ посвящена
благотвореніямъ, раздавали гроши бѣднымъ и нищимъ и
этимъ такъ подкупали богатыхъ христіанъ въ свою пользу,
что въ ихъ карманы сыпались уже не гроши, а цѣлыя при-
горшни золота, и хотя эти деньги назначались для раздачи
нищимъ, но въ сущности они навсегда завязали въ карманѣ
мнимыхъ филантроповъ. Иеронимъ пишетъ: „иные изъ ду-
ховныхъ понемногу подаютъ бѣднымъ, чтобы получить
больше, и подъ предлогомъ благотворительности наживаютъ
богатства. Это скорѣе своего рода охота, замѣчаетъ Иеро-
нимъ—чѣмъ благотворительность. Попадаются звѣри, попа-
даются и рыбы. На крючкѣ насаживается небольшая при-
манка, чтобы подцѣпить на него кошельки матронъ“. На-
конецъ, еще иные изъ тѣхъ же клириковъ поступали съ
цѣлю пріобрѣтенія стяжаній—совсѣмъ низко. Они вкрады-
вались въ довѣріе къ бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ и
своею услужливостію склоняли ихъ оставлять имъ свое имѣ-
ніе, помимо прямыхъ наслѣдниковъ. Но послушаемъ, что
говорить Иеронимъ. „Съ какими усиліями снискивается сует-
ное наслѣдство! Нѣкоторые клирики отличаются постыдною
услужливостію къ бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ. Сами
приносятъ ночную вазу, видятъ подлѣ постели, принимаютъ
въ свои руки желудочную отрыжку и легочную мокроту.
Улучшеніе въ положеніи больного приводитъ ихъ въ тайное
отчаяніе, а приближеніе развязки, т. е. смерти, веселитъ ихъ
сердца“²⁾.—Итакъ деньги въ карманѣ. Что же дальше? Оста-
валось жить и веселиться. Такъ и поступали западные ду-
ховныя лица. Они одѣвались пышно. Иеронимъ рисуетъ намъ
образъ римскаго священника, одѣтаго въ изящную одежду,
вспрысканнаго духами, такъ что священникъ смахивалъ больше
на жениха, чѣмъ на служителя церкви. „Вся забота у нихъ,
по словамъ Иеронима, объ одеждахъ, чтобы эти послѣднія
издавали благоуханіе, чтобы нога была гладко обтянута

¹⁾ Тамъ же, стр. 129.

²⁾ Тамъ же, т. II, 66, 63 (Пис. къ Непоціану).

мягкой кожей. Волосы завиты щипцами. На пальцахъ блестятъ перстни. Чуть-чуть ступаютъ они, чтобы не промочить подошвы на влажной дорогѣ. Когда увидишь такихъ людей, сочтешь ихъ скорѣе женихами, чѣмъ клириками¹⁾. Такіе клирики любили побаловать себя гастрономическимъ обѣдомъ, тонкимъ и изысканнымъ. Іеронимъ говоритъ: „родившись въ бѣдномъ домѣ или сельской хижинѣ, въ былое время едва онъ могъ насыщать свой желудокъ просомъ и чернымъ хлѣбомъ, а теперь для него ни-по-чѣмъ отличнѣйшая крупичатая булка и медъ. Онъ можетъ вамъ теперь пересчитать по пальцамъ рода и качества лучшихъ рыбъ. Онъ сейчасъ вамъ опредѣлитъ, гдѣ водятся эти устрицы; по одному запаху жареныхъ птицъ онъ различаетъ, изъ какихъ онѣ провинцій; ему доставляетъ удовольствіе только рѣдкое, дорогое кушанье“. „У бѣднаго священника Христова, замѣчаетъ иронически Іеронимъ, начальникъ провинціи лучше пообѣдаетъ, чѣмъ въ самомъ дворцѣ“²⁾. Совершенно такое же замѣчаніе въ частности о римскихъ епископахъ дѣлаетъ и языческій историкъ IV вѣка Амміанъ Марцеллинъ. Онъ говоритъ, что эти епископы задавали своимъ гостямъ такіе пиры, которые превосходили пиры самихъ императоровъ³⁾. Правда, римскіе клирики строго соблюдали посты, такъ что не позволяли себѣ вкушать даже и масла. Но за то умѣли дѣлать постъ, если можно такъ сказать, роскошнымъ. Они прибавляли въ постную пищу въ качествѣ приправы — фиги, пальмовые плоды, медъ, фисташки, и пили прохладительные напитки⁴⁾. Какъ всѣ люди хорошо накормленные и пригрѣтые судьбой, западные клирики не могли отказывать себѣ въ удовольствіяхъ, которымъ покровительствуетъ богиня Венера. Они, по свидѣтельству Іеронима, любили посѣщать молодыхъ дамъ, обмѣнивались съ ними разными подарочками, а также ласковыми и сладкими записочками⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 129 (Пис. къ Евстохію).

²⁾ Тамъ же, томъ II, стр. 63. 68 (Пис. къ Непоціану).

³⁾ *Ut eorum convivium regales superent mensas.* Op. cit., lib. XXVII, 3 (14), p. 100.

⁴⁾ Творен. Іеронима. Томъ II, стр. 69.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 62.

Само собой понятно дѣло на этомъ не кончалось. Пользуясь доступомъ въ дома прихожанъ въ качествѣ утѣшителей и раздавателей духовныхъ благъ, они соблазняли тамъ мужнихъ женъ; выманивали изъ семействъ, особенно низшаго класса, дѣвицъ и обращали ихъ себѣ въ наложницъ¹⁾. — Въ другихъ отношеніяхъ нравственной жизни западные пастыри IV-го же вѣка являли себя тоже не образцами въ исполненіи нравственного закона, а его нарушителями. Такъ нѣкоторые изъ нихъ, проповѣдуя съ церковной кафедры, заботились не о пользѣ слушателей, а о похвалахъ себѣ, старались больше всего о томъ, чтобы вызвать слушателей на аплодисменты. Обличая пастырей IV-го вѣка, Іеронимъ внушаетъ имъ: „когда ты учишь въ церкви, возбуждай не крикъ одобренія, но плачь въ народѣ. Я не хочу, чтобы ты былъ декламаторъ, крикунъ и болтунъ безъ толку. Сыпать словами и скоростью рѣчи привлекать къ себѣ удивленіе черни — свойственно невѣждамъ“²⁾. Кромѣ того, епископы слишкомъ налмевались надъ пресвитерами, деспотически относились къ послѣднимъ. Себя считали какъ бы господами надъ прочими клириками. Такъ свидѣлствуетъ Іеронимъ. Отношенія епископовъ къ прочимъ вѣрующимъ чужды были христіанской кротости съ одной стороны и дерзновенія съ другой. Предъ одними—низшими себя—пастыри вели себя гордо, предъ другими, сильными земли—ласкательствовали. Предъ одними, по словамъ Іеронима, они величались, какъ будто бы не благодатной Христовой должности достигли они, а мірскаго господства, являлись надутыми своею властью³⁾. А какъ они вели себя предъ сильными земли, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ, рассказанный Сульпиціемъ Северомъ (Церковный писатель V-го вѣка). Войска императора Констанція, этого еретика аріанина и деспота, одерживаютъ верхъ надъ узурпаторомъ на западѣ—Магненціемъ. Епископъ одного города Валентъ спѣшитъ увѣдомить объ этомъ Констанція, и когда этотъ спрашиваетъ его, почему

¹⁾ Изъ творенія Амвросія Медиоланскаго: *de officiis ministrorum*. Op cit., стр. LIII

²⁾ Творен. его. II, 65.

³⁾ Тамъ же, 64.

онъ это знаетъ, лстивость подсказываетъ епископу такой отвѣтъ: „ангелъ возвѣстилъ мнѣ это“ ¹⁾.—Если таково было духовенство Запада IV-го вѣка, то неудивительно, если великіе пастыри находили, что священство здѣсь не соотвѣтствовало своему назначенію. Амвросій Медиоланскій говорилъ: „пастыри церкви ищутъ больше благъ земныхъ, нежели спасенія душъ“ ²⁾. А нѣсколько позднѣе блаж. Августи́нъ тоже замѣчалъ: „такъ какъ многіе исполняютъ свои церковныя обязанности кой-какъ, то въ настоящее время нѣтъ ничего легче, веселѣе и пріятнѣе должностей епископа и пресвитера“ ³⁾.

Раньше мы замѣтили, что нравственный упадокъ духовенства обнаруживается даже въ цвѣтущее время церкви въ IV и V вѣкахъ. Изложивъ факты, касающіеся IV вѣка, обращаемся къ фактамъ того же рода изъ первой половины V вѣка. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о нравственномъ упадкѣ духовенства, служатъ акты собора Константинопольскаго 403 года противъ Златоуста. Соборъ этотъ собрался на другой сторонѣ Босфора противъ Константинополя, на дачѣ, извѣстной съ именемъ: При Дубѣ, принадлежавшей префекту Руфину: здѣсь былъ дворецъ, большая церковь и монастырь. Соборомъ руководилъ архіепископъ Александрійскій Теофилъ, врагъ Златоуста. Онъ былъ вызванъ въ Константинополь для разбирательства его дѣла съ оригенистами, такъ называемыми долгими братьями, но ему, Теофилу, благодаря интригамъ и неудовольствію двора на Златоуста, удалось устроить дѣло такъ, что соборъ былъ назначенъ не для суда надъ Теофиломъ, а надъ самимъ Златоустомъ. Соборъ состоялъ частію изъ мѣстныхъ епископовъ, принадлежавшихъ къ константинопольскому округу, частію изъ епископовъ египетскихъ, которые были сюда вмѣстѣ съ Теофиломъ ⁴⁾. На соборѣ представлена

¹⁾ Historia sacra. Pars II, cap. 38.

²⁾ Изъ творенія Амвросія: De officiis ministrorum, стр. LV.

³⁾ Epist. ad Valerium episcopum (относится къ 391 г.): nihil esse in hac vita et maxime hoc tempore facilius et laetius episcopi et presbyteri aut diaconi officio....

⁴⁾ Hefele. Conciliengesch. B. II, S. 90.

была цѣлая масса обвиненій на Златоуста. Всѣ или почти всѣ эти обвиненія были совершенно несправедливы и недѣльны, но тѣмъ не менѣе злоба восторжествовала: Златоустъ былъ осужденъ. Соборъ характеристиченъ въ томъ отношеніи, что онъ ясно показываетъ, насколько изогалось, прониклось интригами, злобою и ненавистію духовенство того времени. Сонмъ епископовъ и прочаго духовенства лгалъ и лгаль на Златоуста, и не чувствовалъ низости своего дѣла. Говорятъ, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а по нашему мнѣнію ложь есть мать всѣхъ пороковъ. Тотъ, кто лжетъ и клеветаетъ и не чувствуетъ при этомъ стыда, тотъ потерянный человѣкъ, тотъ способенъ на всякій безнравственный поступокъ. А таково и было духовенство начала V-го вѣка въ Константинополѣ и Египтѣ. Но пускаться въ подробное описаніе собора „При Дубѣ“ нѣтъ надобности¹⁾. Въ какомъ состояніи находилось Константинопольское духовенство временъ Златоуста, съ этимъ хорошо можно знакомиться еще и по тѣмъ обличеніямъ, какихъ заслуживало это духовенство отъ своего архипастыря. Златоустъ изображаетъ: какъ священники и діаконы столичные бродили изъ одного богатаго дома въ другой (какъ это было во времена Григорія Богослова), бродили, роняя достоинство своего духовнаго сана низкимъ угодничествомъ. Въ порывѣ священнаго гнѣва онъ уподоблялъ ихъ блюдолизамъ и плутамъ комедіи, приводя имъ въ примѣръ свою собственную воздержность²⁾. Епископы, по разнымъ обстоятельствамъ пріѣзжавшіе изъ провинцій въ столицу, вели себя, по свидѣтельству Златоуста, — ничуть не лучше. Такъ порицая Севиріана Гавальскаго и Антіоха Птолемаидскаго, пріѣзжавшихъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы добыть себѣ денегъ проповѣдями, Златоустъ, не осуждая этой цѣли, ради которой они пожаловали въ столицу, говорилъ имъ: „Антіохъ и ты, Севиріанъ, ведете жизнь прихлебателей и льстецовъ, вы стали басней

¹⁾ Исторія этого собора подробно описана нами въ статьѣ: „Соборъ при Дубѣ, 403 года“. См. „Церковно-историческія повѣствованія—изъ давнихъ временъ церкви“, стр. 150—179. Изд. 2-е. Спб., 1903.

²⁾ Migne. Patrologiae cursus. Gr. ser. Tom. 47: Palladii—Dialogus historicus (De vita Ioannis Chrysostomi), p. 20.

города, васъ выводятъ на сценахъ въ комедіяхъ“¹⁾). Златоустъ совершенно пересталъ довѣрять честности своего клира. Если было въ обычаѣ, что богатые люди раздавали пособие бѣднымъ чрезъ клириковъ, то Златоустъ удерживалъ благотворителей отъ такого способа благотворенія. Онъ находилъ, что деньги прилипали къ рукамъ клириковъ. Такъ, не желая, чтобы богатая Константинопольская аристократка, Олимпиада дѣлала клириковъ посредниками между собою и бѣдными, Златоустъ говорилъ ей: „ты вливаешь свою собственность въ море“²⁾). Нужно ли еще напоминать о тѣхъ суровыхъ приговорахъ, какіе произносилъ Златоустъ противъ клириковъ, жившихъ съ такъ называемыми „духовными сестрами“, съ которыми въ дѣйствительности ихъ связывали, слишкомъ плотскіе интересы.

Провинціальное духовенство временъ Златоуста было не лучше столичнаго. Самому Златоусту, въ качествѣ архипастыря столицы, приходилось разбирать очень соблазнительныя дѣла нѣкоторыхъ епископовъ, принадлежащихъ къ Ефесскому округу. Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нравственномъ характерѣ епископовъ Ефесскаго округа. Во время одного засѣданія Константинопольскаго синода при Златоустѣ, кто-то изъ епископовъ подалъ жалобу на архіепископа Ефесскаго Антонина. Вотъ въ чемъ онъ обвинялъ этого послѣдняго: 1) онъ купилъ за деньги свой епископскій санъ и въ свою очередь, дабы возратить потраченный капиталъ, продавалъ должности въ своемъ округѣ. Смотри по доходности, онъ обложилъ такою всѣ епископства, на которыя онъ назначалъ архіереевъ; ставленники же епископы — въ свою очередь возмѣщали издержки чрезъ продажу священническихъ мѣстъ и св. тайнъ. 2) Онъ, Антонинъ, приказалъ обращать свящ. сосуды въ слитки, и дарилъ это серебро своему сыну; отъ дверей крещаленъ похищалъ мраморъ, которымъ и украсилъ свою баню; далѣе онъ перенесъ въ свой триklinій колонны, принадлежавшія церкви. 3) Онъ держитъ у себя въ качествѣ слуги мальчика, винов-

¹⁾ Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и Евдоксія. Пер., стр. 77. М. 1884.

²⁾ Созомена. Церковн. исторія. кн. VIII, гл. 9.

наго въ убійствѣ, не наложивъ на него даже епитиміи. 4) Антонинъ возвратилъ къ себѣ жену, съ которою разлучился при своемъ посвященіи; сожительствовалъ съ ней и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей уже во время своего епископства ¹⁾. Златоусту слѣдовало рассмотреть это соблазнительное дѣло. Но Антонинъ умеръ раньше, чѣмъ кончился его процессъ. Не было однако сомнѣнія, что Антонинъ былъ дѣйствительно повиненъ въ возводимыхъ на него преступленіяхъ, если не во всѣхъ, то во многихъ. Смерть Антонина не только не прекратила безпорядковъ въ Ефесскомъ округѣ, но даже увеличила ихъ. Вакантная кафедра стала предметомъ искательства многихъ кандидатовъ; причемъ каждый изъ нихъ хотѣлъ подкупить избирателей. Къ Златоусту пришла жалоба нѣкоторыхъ Ефесянъ на безпорядокъ, въ которой говорилось: „въ то время, какъ мы пишемъ къ тебѣ, щедро раздаются деньги въ Ефесѣ, и стая бѣшенныхъ волковъ бросается на нашу епископскую кафедру, какъ на свою добычу“ ²⁾. Златоустъ принужденъ былъ предпринять путешествіе въ Ефесъ и избрать для этого города новаго правильно поставленнаго предстоятеля. Кромѣ того, здѣсь же онъ отставилъ отъ должности шестерыхъ епископовъ, принадлежащихъ къ Ефесской митрополи и обвиненныхъ въ симоніи, т. е. въ томъ, что они были сдѣланы епископами за деньги, которыя были внесены въ пользу прежняго епископа Антонина. Сначала они заперались, но бывъ уличены, сознались, въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ. Интересно, что стали говорить эти шестеро епископовъ. Они сказали: „если нельзя оставаться намъ епископами, то возвратите намъ деньги, которыя мы издержали для пріобрѣтенія сана. Многіе изъ насъ не только разорены, но отдали все до послѣдняго украшенія нашихъ женъ и домашней утвари. Справедливость требуетъ, чтобы это было намъ возвращено“. Златоустъ жалился надъ ними и приказалъ обратить искъ на имущество, оставшееся послѣ умершаго Антонина ³⁾.

¹⁾ Migne. Gr. ser. Tom. 47: Palladii—dialogus historicus, p. 47—48.

²⁾ Palladii, ibidem, p. 50.

³⁾ Palladii, ibidem, p. 51.

Картину нравственного состоянія духовенства первой половины V-го вѣка въ значительной степени пополняетъ для насъ — очень важный документъ: акты Халкидонскаго собора. Здѣсь разсматривалось два очень замѣчательныхъ дѣла: патріархъ Александрійскаго Діоскора и митрополита Едесскаго Ивы. Мы не вѣримъ, чтобы эти два іерарха были такими извращенными личностями, какими ихъ рисуютъ обвинители на Халкидонскомъ соборѣ. Обвинители, конечно, много прибавили черныхъ красокъ, но тѣмъ не менѣе эти обвиненія имѣютъ историческое значеніе. Если сочтено было возможнымъ возводить на Діоскора и Иву разныя страшныя преступленія, то значить эти преступленія вообще возможны были въ церкви, значить они встрѣчались въ практикѣ. Но переходимъ къ фактамъ. На соборѣ возводились на Діоскора всевозможныя преступленія. Онъ изображается предъ нами, какъ ненасытный корыстолюбецъ. О немъ рассказывали, что пшеницу, пожертвованную императоромъ для бѣдной страны Ливійской, изъ которой (пшеницы) должно было готовить Евхаристическій хлѣбъ и питать бѣдныхъ, что эту пшеницу онъ скуналъ, а потомъ во время голода продавалъ по самымъ дорогимъ цѣнамъ. Куда употреблялъ патріархъ Діоскоръ деньги, пожертвованныя на церковь, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ. Одна благочестивая Александрійская женщина отказала по завѣщанію очень крупную сумму на монастыри и страннопріимные дома. Но Діоскоръ, озлобленный тѣмъ, что ничего не завѣщено въ его пользу, распорядился деньгами крайне безсовѣстно. Онъ раздарилъ ихъ музыкантамъ и актерамъ. Обвинители еще рассказывали самыя невѣроятныя вещи о распутствѣ патріарха. „Весьма часто безстыдныя женщины, по словамъ обвинителей, открыто веселились съ нимъ въ епископіи и въ его банѣ—особенно одна по имени Пансофія, которую знала вся Александрія“ ¹⁾. Діоскору приписываются даже положительные разбои. Одинъ изъ клириковъ такъ жаловался на соборѣ: „на наши бѣдныя имѣнія онъ послалъ монаховъ и другихъ лицъ и предалъ ихъ пламени, такъ что всѣ зда-

¹⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Томъ III, 257. Казань, 1879. Изд. 2-е.

нія совершенно истреблены огнемъ, вырублены въ нихъ всѣ плодовые деревья“. Онъ отнималъ дома у клириковъ и обращалъ ихъ въ церкви. Самихъ клириковъ безъ всякой вины сажалъ въ смиренный домъ и подсылалъ даже убійцъ, съ цѣлю умерщвлять лицъ, которыми недоволенъ былъ Діоскоръ. Ему прямо приписывались смертоубійства¹⁾.

Что касается Ивы митрополита Едесскаго, то и противъ него на соборѣ Халкидонскомъ представлены были многія и тяжкія обвиненія. Прежде всего онъ изображается не меньшимъ корыстолюбцемъ, какъ и Діоскоръ. Онъ распоряжался деньгами церковными, какъ своими собственными. Такъ о немъ рассказывали, что когда для выкупа плѣнныхъ собрано было нѣсколько тысячъ монетъ, и когда для той же цѣли отдѣлена была часть церковныхъ сосудовъ, то Ива только одну тысячу употребилъ по назначенію, а остальное присвоилъ себѣ. Церковные доходы, простиравшіеся, по словамъ обвинителей, до несмѣтнаго количества, онъ раздавалъ брату и племянникамъ, и кромѣ того бралъ деньги за хиротонію. Церковные сосуды, украшенные дорогими камнями, обращалъ въ свою собственность. Обогащая себя и родню на счетъ церковныхъ сокровищъ, онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на церковную скудость. Такъ, по словамъ обвинителей, однажды въ праздникъ собралось за богослуженіемъ много народу, и однакожь выдано было очень мало вина для Евхаристіи, и притомъ вина дурнаго, нечистаго, только-что выжатого, вслѣдствіе чего священнодѣйствующие должны были послать за виномъ въ торговое заведеніе. При всемъ томъ Евхаристическаго вина не хватило на всѣхъ, такъ что многіе остались безъ причастія, тогда какъ „сами они (Ива и другіе), замѣчается въ актахъ, пили и имѣли и всегда имѣютъ превосходное и удивительное вино“. Кліръ, подвѣдомый митрополиту Ивѣ, состоялъ изъ людей порочныхъ, потому что Ива мало обращалъ вниманія на дѣйствительныя достоинства лицъ, избираемыхъ на церковныя должности. Пресвитеры въ его клірѣ были самой зазорной нравственности. Въ особенности дурень былъ его племянникъ Даніилъ, епи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 255. 257. 258.

скопъ одного города Едесской митрополіи. Это былъ человѣкъ безпорядочный и распутный, который, ни мало не скрываясь, часто приходилъ въ Едессу къ одной незамужней женщинѣ Холлоѣ, бралъ ее съ собой и, бродяжничая, предавался съ нею разврату. Къ немалому соблазну для церкви, этой же своей любовницѣ Даніилъ завѣщевалъ отдать по его смерти все его богатое имущество, составившееся путемъ святотатства и проч. ¹⁾.

Для характеристики нравственнаго состоянія духовенства первой половины V-го вѣка имѣютъ большую цѣну письма св. Исидора Пелусіота, этого подвижника, родомъ изъ Александріи, проводившаго подвижническую жизнь близъ небольшого египетскаго города Пелузіи. Его письма въ яркихъ и живыхъ чертахъ изображаютъ жизнь духовенства небольшой и малоизвѣстной Пелузійской церкви. Рядомъ съ свѣтлыми чертами въ нравственномъ положеніи духовенства этой церкви, онъ указываетъ и въ высшей степени мрачныя черты. Не смотря на то, что письма св. Исидора касаются небольшой, малоизвѣстной провинціальной церкви, свѣдѣнія, сообщаемыя ими,—говоримъ—очень важны. Потому что, если духовенство ничтожнаго городка и то было весьма низко въ нравственномъ отношеніи, то безъ сомнѣнія еще хуже было оно въ большихъ городахъ: извѣстно, что порча нравовъ бываетъ всегда значительнѣе въ столицахъ и большихъ городахъ, чѣмъ селахъ и городкахъ.— По изображенію св. Исидора, какъ пелузійскій епископъ, такъ и подвѣдомственные ему пресвитеры были одинаково порочны. Епископа пелузійскаго Исидоръ упрекаетъ въ томъ, что „онъ предается похоти, гнѣву, непопозволенной любви и готовъ дѣлать все, только бы проводить жизнь вопреки божественному закону“. Этому же епископа Исидоръ укоряетъ за то, что онъ „захвативъ епископское достоинство, церковныя должности раздаетъ своей роднѣ, что онъ незаконно распоряжается церковнымъ имуществомъ, присваиваетъ себѣ достояніе бѣдныхъ, вводитъ въ клиръ скопцовъ,

¹⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Томъ IV, 93—95. Каз. Изд. 2-е.

людей женоподобных“¹⁾. Пресвитеры церкви Пелузіійской много превосходили епископа своимъ неблагоповеденіемъ. Они составили компанію, цѣлю которой было превесело и порочно проводить жизнь. Въ главѣ этой компаніи стоялъ пресвитеръ Зосима, коноводъ другихъ пресвитеровъ. Св. Исидоръ часто и въ особенно яркихъ чертахъ описываетъ дурную жизнь этого Зосимы. Онъ проводилъ время въ пьянствѣ, такъ что пьянствуя, по словамъ Исидора, терялъ умъ²⁾. Не смотря на свое невѣжество, онъ былъ отъявленнымъ гордецомъ. Онъ ходилъ, поднявъ высоко брови, надменно загибалъ голову, ступалъ на ногтяхъ—по замѣчанію Исидора³⁾. Исидоръ приписываетъ ему и его товарищамъ даже противостественные пороки. По словамъ Исидора, компанія пресвитеровъ, подъ руководствомъ Зосимы „извратила не только божественные, но и естественные законы, ибо предаваясь безчинству, вопреки законнаго естества, они неистовствовали другъ на друга“⁴⁾. При одномъ случаѣ Исидоръ заразъ приписываетъ всѣ пороки Зосимѣ, называетъ его „хранилищемъ порока, сокровищницею безстыдства“; „ибо, замѣчаетъ Исидоръ, иные жестоки, но цѣломудренны, корыстолюбивы, но скромны, распутны, но кротки, а ты, Зосима, преуспѣваешь во всемъ“⁵⁾. Легко примиряясь со своею собственною порочною, Зосима сквозь пальцы смотрѣлъ на грѣхи пасомыхъ и за подарковъ въ нѣсколько рыбинъ снималъ епитимію съ тяжкаго грѣшника⁶⁾. Изъ числа лицъ пресвитерскаго сана, проводившихъ жизнь подобно Зосимѣ, особенно выдѣляется Мартиніанъ. Онъ, по словамъ Исидора, обвинялся въ волшебствѣ, въ срамныхъ и гнусныхъ грѣхахъ; специальностію его было кулачество. Онъ скупалъ хлѣбъ, когда тотъ былъ дешевъ и продавалъ его въ тридорога во время недостатка его на рынкѣ⁷⁾. Всѣ эти полузіійскіе порочные клирики, по словамъ Исидора, не только не скры-

1) Творенія св. Исидора Пелусіота. Томъ I, стр. 196. 151. М. 1859.

2) Тамъ же, стр. 95. 182.

3) Тамъ же. Томъ II, стр. 256. М. 1860.

4) Тамъ же. Томъ I, 441. 324.

5) Тамъ же. Томъ I, стр. 369.

6) Тамъ же. Томъ II, стр. 286.

7) Тамъ же. Томъ I, стр. 390; томъ II, стр. 139.

вали своихъ пороковъ, но дошли до такого безстыдства, что даже хвалились ими, какъ добродѣтелями ¹⁾. Порочные пресвитеры сдѣлались притчею во языцѣхъ, возбуждали смѣхъ въ цѣлой Пелузіи ²⁾. Это у однихъ. А другіе считали ихъ бичемъ страны. Нѣкоторые по словамъ Исидора, не вѣрили, что, напр., Зосима человѣкъ, а утверждали, что онъ скорѣе какой нибудь звѣрь или человѣкоубійственный демонъ ³⁾. Противъ Зосимы и его сотоварищей сочинялись сатиры, въ которыхъ описывались всевозможные ихъ пороки, а сами эти лица предавались глумленію ⁴⁾. Нѣкоторые изъ вѣрующихъ, наиболѣе знавшихъ о порочности Зосимы, не могли даже принимать изъ его рукъ евхаристическихъ даровъ, находили, что такой священникъ скорѣе осквернить, чѣмъ освятить ⁵⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не только духовенство значительнѣйшихъ городовъ, гдѣ больше доходовъ и больше соблазновъ, но и духовенство городовъ бѣдныхъ, захолустныхъ въ первой половинѣ V-го вѣка одинаково не представляло изъ себя образца нравственности. Мы умышленно привели больше примѣровъ, чѣмъ сколько нужно было, и старались брать свидѣтельства отъ самыхъ авторитетныхъ писателей и документовъ, чтобы не могло быть никакой ошибки касательно дѣйствительно невысокаго уровня пастырской нравственности указаннаго времени.

Для большей ясности въ пониманіи тѣхъ примѣровъ, какіе приведены нами раньше, надлежитъ еще замѣтить слѣдующее: клирики жили или одиночками, а такихъ было большинство, или же они жили коммунарно, общежительно: пресвитеры, діаконы и прочій клиръ данной церкви, особенно немногочудной, жили вмѣстѣ; нерѣдко и самъ епископъ жилъ съ ними же. Что нѣкоторые священники и другіе клирики иногда жили одиночками, это и доказывать нѣтъ надобности. Что же касается до коммунарной жизни

¹⁾ Тамъ же. Томъ III, стр. 213. М. 1860.

²⁾ Тамъ же. Томъ I, стр. 297.

³⁾ Тамъ же. Томъ II, стр. 275.

⁴⁾ Тамъ же, III, 175.

⁵⁾ Тамъ же, II, 342.

духовенства, въ конвиктахъ, то не мѣшаетъ привести нѣсколько примѣровъ, такъ какъ самый фактъ совокупной жизни духовенства мало извѣстенъ въ наукѣ. Въ одномъ каноническомъ посланіи (прав. 89) Василій Великій говорилъ, что въ его округѣ во многихъ мѣстахъ: пресвитеры, діаконы и другіе клирики, изъ которыхъ потомъ выбирались кандидаты на священство, жили вмѣстѣ, такъ что священники и діаконы могли хорошо знать жизнь кандидатовъ на священство и рекомендовать ихъ епископу. У церковнаго историка Созомена V-го вѣка есть указаніе на одну Египетскую церковь (Ринокурурскую), гдѣ, по его словамъ, тамошніе клирики имѣли все общее—и жилище и столъ (VI, 31). На тоже указываютъ, сообщенныя уже нами, свѣдѣнія о клирѣ въ Иппонѣ, при Августинѣ ¹⁾ и въ Пелузії, при св. Исидорѣ Пелусіотѣ. Само собой понятно, что въ общежитіи жили только клирики неженатые, а такъ какъ подобныя общежитія встрѣчались нерѣдко въ церкви того времени, то ясно, что холостыхъ клириковъ тогда было довольно много. — Жили ли клирики одиночками или общежитіями—въ томъ и другомъ случаѣ въ ихъ средѣ находили себѣ мѣсто разнаго рода пороки, но составъ пороковъ былъ у нихъ неодинаковъ. Одиночки заводили себѣ т. н. „возлюбленныхъ сестеръ“, почти на положеніи конкубинъ, тогда какъ въ общежитіи поступать такъ было неудобно; тѣ же одиночки-клирики дѣлались корыстолюбивы,—вѣдь нужно было кормить, одѣвать и холить ихъ „возлюбленныхъ сестеръ“; у нихъ, одиночекъ, развивались мірскіе интересы, неодобрительное пристрастіе къ хозяйству, куплѣ, продажѣ и т. д. Напротивъ другаго рода нравственные недостатки развивались въ средѣ клириковъ—коммунаровъ. Такъ какъ имъ невозможно было имѣть ни жены, ни конкубины (точнѣе субъинтродукты), то среди ихъ появлялись противоестественные грѣхи, какъ это было, напр., въ Пелузії. Клірики общежительники, конечно, не имѣли у себя особенно хорошаго стола, поэтому они охотно всей толпой бѣгали по имениннымъ, праздничнымъ и похороннымъ обѣдамъ (въ чемъ упрекали нѣкто-

¹⁾ См. выше, стр. 297—298.

рыхъ клириковъ Григорій Богословъ и Златоустъ). Живя вмѣстѣ, а иногда подъ непосредственнымъ главенствомъ епископа, они—коммунары—дѣлались горды, высокомерны, вѣдь они представляли изъ себя почтенную сплоченную силу. Они могли быть прочной опорой для дѣятельности епископа, но и могли сдѣлаться бичемъ для него: клевета, доносы, лжесвидѣтельства—все было въ ихъ рукахъ ¹⁾. Это была какъ бы лейбгвардія, которая могла и стоять за епископа и бунтовать противъ епископа.

Изъ представленныхъ нами прежде образцовъ нравственного состоянія духовенства IV и V вѣка видно, что эта сторона жизни духовенства представляла мало отраднаго. Нравственный уровень былъ невысокъ и даже положительно низокъ. Отчего бы зависило вообще такое явленіе? Гдѣ причины его? Первою и главнѣйшею причиною было то, на что мы намекали прежде, — то, что духовное званіе сдѣлалось выгодной профессіей, а не служеніемъ по глубокому нравственному убѣжденію. Кто смотрѣлъ на духовное званіе, какъ на выгодную профессію, тотъ, конечно, прежде всего думалъ о томъ, какъ бы извлечь побольше выгодъ изъ него, а наблюдать за тѣмъ, чтобы собственная жизнь его соотвѣтствовала идеалу, считалъ излишнимъ. Отсюда нравственные послабленія для себя и своей жизни, послабленія, которымъ можно было полагать какіе-либо предѣлы, а можно и не полагать. Мысль, что въ изучаемое время пастырство сдѣлалось профессіей, хорошо уясняется Григоріемъ Богословомъ; онъ же указываетъ тѣ слѣдствія, какія неминуемо вытекали отсюда для нравственного положенія пастыря церкви. Григорій замѣчаетъ, что въ его время на пастырство многіе смотрѣли, какъ на своего рода ремесло. Онъ говоритъ: „мнѣ

¹⁾ Златоустъ, наприм., утверждаетъ слѣдующее: „какъ тираннъ боится своихъ тѣлохранителей, такъ и священникъ (т. е. епископъ) опасается своихъ ближнихъ и сослужащихъ болѣе всѣхъ, потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всѣхъ другихъ не знаетъ дѣлъ его, какъ они; находясь близъ него, они прежде другихъ узнаютъ случившееся съ нимъ и легко могутъ встрѣтить довѣріе даже клеветамъ своимъ“. Мало этого: „воспользовавшись незначительнымъ поводомъ, они сильно вооружаются на него и стараются низвергнуть его, не какъ тиранна только, но какъ еще худшаго человѣка“ (Творен. его Т. I, 427. Слово III о священ., гл. 14).

стыдно за тѣхъ, кто, будучи ничѣмъ не лучше другихъ, если не хуже, съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святое дѣло, и прежде нежели сдѣлались достойны приступить къ священству, врываюся въ святилище, почитая свой санъ не образцемъ добродѣтели, а *средствомъ къ пропитанію*¹⁾. О такихъ, по Григорію, можно говорить, вотъ „и Саулъ во пророцѣхъ“²⁾. Эти лица — разумѣется — нисколько не давали себѣ отчета, что такое священство и въ простотѣ души думали, по свидѣтельству Григорія, что управлять человѣческими душами тоже, что пасти стадо овецъ или быковъ. Они главнымъ образомъ думали о томъ, какъ бы повеселѣе проводить время, будучи священниками. Въ этомъ случаѣ, по словамъ Григорія, они ничѣмъ не отличались отъ дѣйствительныхъ пастуховъ. Какъ пастухъ думалъ о томъ, какъ бы отыскать развѣсистый дубъ, подъ тѣнью котораго удобно было бы расположиться, о томъ, чтобы полежать на мягкой муравѣ, у прозрачнаго ключа воды, подъ вѣтеркомъ устроить себѣ временное ложе, иногда со стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣснь и заколотъ себѣ овцу, какая пожирнѣе, — въ томъ же родѣ были, по увѣренію Григорія Богослова, и думы пастыря духовнаго³⁾. Пастуху овецъ или быковъ доставляла своего рода удовольствіе его профессія; такого же рода искалъ удовольствій и пастырь, исполняя свое дѣло.

Другою причиною, вліявшею на упадокъ нравственнаго уровня духовенства, былъ недостаточно внимательный выборъ лицъ, принимаемыхъ въ духовное сословіе. Такую причину указываетъ Іоаннъ Златоустъ въ „словахъ о священствѣ“. Златоустъ говоритъ: „мы сами обезображиваемъ священство, поручая его людямъ вовсе неопытнымъ, которые, не узнавъ прежде сколь велики силы души ихъ и сколь трудна обязанность, охотно берутъ ее на себя, а когда приступятъ къ

¹⁾ Творен. его. Т. I, стр. 21. Тожественную мысль выражаетъ и св. Златоустъ. Вотъ его слова: „я открою, отчего епископство сдѣлалось предметомъ домогательствъ: причина въ томъ, что мы помогаемъ его, не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести, какъ покойной жизни“, разумѣется въ матеріальномъ отношеніи (Бесѣда III на книгу Дѣяній Св. Апостоловъ. Твор. т. IX, стр. 37. Спб. 1903).

²⁾ Тамъ же, стр. 22.

дѣлу, тогда по неопытности сами пребываютъ во мракѣ и на ввѣренный имъ народъ навлекаютъ множество золъ“. „Не отъ чего другаго вкрались въ церковь безпорядки, утверждаетъ Златоустъ, какъ отъ того, что предстоятели избираются безъ разсмотрѣнія, кое-какъ“¹⁾. Блажен. Иеронимъ съ своей стороны въ поспѣшности, съ какой лица, желающія церковной должности, вводятся въ клиръ, видитъ одну изъ причинъ порчи класса духовенства. Онъ пишетъ: „вчера онъ оглашенный, а сегодня первосвященникъ; вчера въ амфитеатрѣ, а сегодня въ церкви; вечеромъ въ циркѣ, а утромъ уже въ алтарѣ; нѣкогда покровитель комедіантовъ, а теперь уже посвяtitель дѣвъ“. „Какая нелѣпость“, замѣчаетъ Иеронимъ. „Скоро рукоположенный священникъ, — продолжаетъ Иеронимъ, — не знаетъ смиренія и кротости людей простыхъ, т. е. святыхъ, не знаетъ христіанскихъ словъ любви, не умѣетъ пренебрегать своими стремленіями, а стремится отъ одной почести къ другой“²⁾. Но однако спрашивается: отъ чего же зависѣла такая невнимательность въ выборѣ лицъ, которыя должны были укомплектовать ряды духовенства? Златоустъ указываетъ двѣ причины явленія. Во-первыхъ, по Златоусту, епископы выбирали лицъ для клира по соображеніямъ постороннимъ и случайнымъ. Они уступали просьбамъ различныхъ дамъ, которыя, какъ всегда, любятъ мѣшаться не въ свое дѣло, а епископы по чему либо не могли отклонять подобныхъ ходатайствъ³⁾. Во вторыхъ, по свидѣтельству Златоуста, нѣкоторые епископы по зависти отстраняли лицъ, достойныхъ уваженія, отъ вступленія въ клиръ, а пополняли его лицами негодными. Онъ говоритъ: „дѣлатели Христовы (епископы) разграбляютъ наслѣдіе Христово болѣе воровъ и непріятелей. Они отстраняютъ и отгоняютъ дѣлателей доблестныхъ для того, чтобы имъ при ихъ самоволіи дѣлать все, какъ имъ хочется. А причиной явленія зависть“⁴⁾.

¹⁾ Творен. его. Т. I, стр. 422 (Слово III, гл. 10).

²⁾ Творен. его. Т. II. 248 (Пис. къ Океану).

³⁾ Творен. его. Томъ I, стр. 421 (Слово о свящ. III, гл. 9).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 430 (Слово III, гл. 15).

Но по нашему сужденію, обѣ эти причины, указываемыя Златоустомъ, не уясняютъ дѣла. Дамы, конечно, могли вмѣшиваться не всегда, а лишь изрѣдка; такъ же не часто должны были встрѣчаться случаи, когда епископы изъ зависти устраняли лицъ достойныхъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ отрицать того, что иногда зависть дѣйствительно заставляла епископовъ во что бы то ни стало отдѣлываться отъ такихъ лицъ, которыя своими достоинствами мозолили имъ глаза. Вотъ что, напримѣръ, рассказывалъ нѣкто Васіанъ на Халкидонскомъ соборѣ. „Съ юношескаго возраста я жилъ для бѣдныхъ, я устроилъ страннопріимный домъ, поставилъ въ немъ 70 кроватей и радушно принималъ всѣхъ больныхъ и увѣчныхъ. Но Мемнонъ, епископъ Ефесскій, завидуя этому, потому-что я былъ всѣми любимъ, сдѣлалъ все, чтобы выгнать меня изъ города. Онъ насильственно посвятилъ меня въ епископы ничтожнаго селенія. Я не хотѣлъ принимать на себя управленія епископствомъ, поэтому Мемнонъ отъ 3-го до 6-го часа билъ меня предъ алтаремъ, такъ что и св. Евангеліе и алтарь обогрены были кровію. Я долженъ былъ покинуть городъ и не могъ даже видѣть этого города“¹⁾. Но повторяемъ: зависть не можетъ объяснять всего дѣла. Завидуютъ обыкновенно низшіе высшимъ — таковъ психологическій законъ. И вѣроятно рѣдко встрѣчались случаи, когда епископъ завидовалъ клирику или кандидату на священную должность.

Причины, почему выбирались въ клиръ лица, не заслуживающія сана священства, хотя и сложны, но все же удобопонятны, если примемъ во вниманіе слѣдующія разъясненія. Съ IV-го вѣка число христіанскихъ общинъ быстро умножалось. Вслѣдствіе чего не для всякой общины или прихода можно было найти хорошаго пастыря. Приходилось ставить во священники кого случится. Такъ изъ опредѣленій одного помѣстнаго кареагенскаго собора конца IV вѣка извѣстно, что въ этой церкви около этого времени сталъ чувствоваться большой недостатокъ въ клирикахъ, почему церковь кареагенская должна была обращаться къ другимъ церквамъ

¹⁾ Дѣянія вселен. соборовъ. Т. IV, стр. 113.

за кандидатами во священники¹⁾). Очевидно, при такихъ условияхъ нельзя было быть очень разборчивымъ въ выборѣ священниковъ. Епифаній епископъ Кипрскій IV-го же вѣка съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что потому только и стали ставить священниковъ женатыхъ, вмѣсто безбрачныхъ, что христіанскихъ общинъ стало очень много и начало замѣчаться оскудѣніе лицъ безбрачныхъ, необходимыхъ для укомплектованія рядовъ духовенства²⁾. Т. е. по сужденію Епифанія, въ виду множества праздныхъ священническихъ мѣстъ стали вмѣсто лучшихъ кандидатовъ поставлять худшихъ. А это, естественно, могло простираться очень далеко. Вообще принимали въ клиръ всякій сбродъ³⁾, просто потому, — говоря языкомъ современной политико-экономической науки, — что спросъ на священниковъ превосходилъ предложеніе. Если приходилось набирать въ клиръ кого-пришлось, то неудивительно, если эти лица и сами не были образцами добродѣтели и оставались безъ должнаго нравственнаго вліянія на общество.

Вотъ главная причина, почему при избираніи на священныя должности недостаточно обращалось вниманія на достоинства избираемаго, но были и другія причины, вызывавшія разсматриваемое явленіе. Василій Великій свидѣтельствуетъ, что рекомендовать того или другаго человѣка, какъ способнаго быть клирикомъ, рекомендовать предъ епископомъ, лежало на обязанности священниковъ и діаконовъ, составившихъ клиръ извѣстнаго епископа, но что священники и діаконы злоупотребляли этою обязанностію. Они стали рекомендовать кандидатовъ безъ испытанія ихъ жизни, — по пристрастію, открывали доступъ къ священству своимъ родственникамъ и всякаго рода пріятелямъ, и вотъ появилось много недостойныхъ пастырей церкви. По свидѣтельству того же Василя Великаго (пр. 89), „весьма многіе изъ опа-

¹⁾ Hefele. В II, S. 81. (Недостатокъ возникъ на этотъ разъ вслѣдствіе перехода большаго количества православныхъ клириковъ въ расколъ дона-тистовъ).

²⁾ Творенія его въ рус. перев. Т. III, стр. 314 („Ересь“ 59, гл. 4).

³⁾ Припомнимъ приведенныя выше патетическія слова Григорія Богосл. о нравственномъ состояніи духовенства его времени.

сенія попасть въ солдаты всячески старались опредѣлиться въ клирики“; конечно, для достиженія цѣли, они притворялись, какъ будто они были люди благочестивые, кроткіе, готовые на самоотверженіе. Само собою понятно, изъ этихъ бѣглецовъ отъ солдатчины выходили сомнительнаго достоинства воины Христовы. Сами епископы подчасъ держались неправильныхъ взглядовъ на духовный санъ; они награждали этимъ саномъ лицъ, оказавшихъ имъ какія либо услуги. Значитъ пастырское служеніе разсматривалось какъ какое-то повышеніе въ чинѣ или мірская награда. Вотъ, напримѣръ, какой былъ случай. Нѣкоего Геронтія, имѣвшаго познанія въ медицинѣ, св. Амвросій Медиоланскій сдѣлалъ діакономъ; но потомъ оказалось, что онъ былъ человѣкъ недостойный и Амвросій изгналъ его изъ клира. Но Геронтій не потерялся, отправился въ Константинополь, завязалъ разныя выгодныя знакомства, сумѣлъ оказать личную услугу сыну Элладія митрополита Кесаріи Каппадокійской. Элладій, хотя и зналъ прошлое Геронтія, но тѣмъ не менѣе, въ знакъ благодарности, сдѣлалъ его сначала священникомъ, а потомъ даже епископомъ Никомидійскимъ¹⁾. Раньше мы указывали и другіе случайные мотивы, по которымъ избирали тѣхъ или другихъ лицъ на служеніе алтарю. Изъ всего этого выходили печальныя слѣдствія. Кандидатовъ на священство, по крайней мѣрѣ на Востоѣ, было много, а толку въ нихъ было очень мало. Василій Великій говоритъ (пр. 89), что при каждой даже сельской церкви насчитывалось много кандидатовъ въ священныя должности, они исполняли разныя низшія обязанности при храмѣ, но „нѣтъ — замѣчаетъ святитель — нѣтъ никого достойнаго служенія алтарю“. А если изъ такихъ кандидатовъ и избирались пастыри, то, конечно, они не могли принести блага церкви. Не даромъ Василій Великій взывалъ: „исчезла сановитость священниковъ, мало людей пасущихъ стадо Божіе разумно“. „Ибо достигающіе священства, говоритъ онъ, въ благодарность за свой выборъ воздають тѣмъ, что все позволяютъ въ угоду грѣшашимъ“²⁾.

¹⁾ Созомена. Церк. Исторія, кн. VIII, гл. 6.

²⁾ Творенія его. Т. VI, стр. 198 (Пис. къ италійск. и Галльскимъ епископамъ). Изд. 3-е.

Третьей общей причиной явленія, т. е. нравственного упадка въ духовенствѣ, было неуваженіе къ священникамъ со стороны членовъ общества. Священникъ пересталъ быть лицомъ почетнымъ. Онъ сталъ предметомъ насмѣшекъ, зубоскальства, всяческихъ нападокъ. Златоустъ пишетъ: „самый послѣдній нищій поноситъ епископа на площади. Разсердится ли епископъ, посмѣется ли, захочетъ ли дать себѣ отдыхъ — является много насмѣшниковъ, много соблазняющихъ, много осуждающихъ“ ¹⁾. Общество положительно придиралось къ дѣйствіямъ лица священнаго: все выходило не такъ, да не такъ. Тотъ же Златоустъ влагаетъ въ уста мірянина такія слова: „если пастырь дѣлаетъ тоже, что и я — и моется въ банѣ, и пьетъ (конечно, вино), и одѣвается, заботится о домѣ и домашнихъ, то за что же онъ поставленъ надо мною? Онъ имѣетъ у себя прислужниковъ, ѣздитъ на ослѣ, (т. е. не ходитъ пѣшкомъ), такъ зачѣмъ же поставленъ онъ надо мною“ ²⁾? Угодить на пасомыхъ было невозможно. Если пастырь проявлялъ, напротивъ, аскетическія наклонности, его тоже позорили на всѣхъ перекресткахъ, какъ было напримѣръ съ Григоріемъ Богословомъ ³⁾. Златоустъ говоритъ: „что хвалитъ одинъ (въ епископѣ), то порицаетъ другой, а что осуждаетъ одинъ, тому удивляется другой“ ⁴⁾. Мало того. По словамъ того же св. отца: „за одинъ разговоръ свой онъ (пастырь) подвергается такому множеству нареканій, что часто падаетъ отъ унынія: его судятъ и за взглядъ; самыя простыя дѣйствія его многіе строго разбираютъ, примѣчая и тонъ голоса, и положеніе лица, и мѣру смѣха. Съ такимъ-то, говорятъ, онъ громко смѣялся, обращался съ веселымъ лицомъ и разговаривалъ громкимъ голосомъ. а со мною мало и небрежно“ ⁵⁾. „Если онъ не способенъ говорить краснорѣчиво (проповѣди), то бываетъ сильный ропотъ, если способенъ говорить, то опять порицанія: онъ, говорятъ, тщеславенъ“, пишетъ еще Златоустъ ⁶⁾. Если кто

¹⁾ Бесѣды на кн. Дѣяній (бес. III). Твор. т. IX, стр. 37. 39. Спб. 1903.

²⁾ Бесѣды на Посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 16. Спб. 1859.

³⁾ Творен. Григорія Богосл. Т. IV, стр. 47.

⁴⁾ Бесѣды на посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 14.

⁵⁾ Творен. его. Т. I, 436 (Слово III о священствѣ, гл. 17).

⁶⁾ Бесѣды на посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 16.

нибудь изъ епископовъ дѣлалъ какой-либо непростительный проступокъ, браяъ обращалась на всѣхъ архіереевъ. Общество было неумолимо жестоко. Въ одномъ правилѣ (19) Сардинійскаго собора сказано: „мы знаемъ, что часто вслѣдствіе соблазна, допущеннаго немногими изъ епископовъ, почтенное имя священства подвергалось пренебреженію“. А сдѣлать неприятность епископу стало дѣломъ обычнымъ. Сочинялись доносы на епископовъ и не видно было конца этимъ клеветамъ. Въ одномъ правилѣ Кареагенскаго собора замѣчено: „есть много неблагонамѣренныхъ, которые считаютъ своимъ долгомъ при всякомъ случаѣ дѣлать доносы на отцовъ и епископовъ“¹⁾. Молва любила распространять въ обществѣ, что священныя лица утаиваютъ долю бѣдныхъ, что они воры, святотатцы, что они не умѣютъ управлять дѣлами²⁾. Вообще Златоустъ говоритъ: „священниковъ, служителей духовныхъ благъ, пашомые осыпаютъ безчисленными злословіями или же сочувствуютъ другимъ злословящимъ. Подлинно, прибавляетъ онъ, ничто такъ не вредитъ церкви, какъ *эта болѣзнь вѣка*“³⁾. „Теперь, заявляетъ св. отецъ, даже отъ язычниковъ нельзя слышать такихъ злословій и порицаній противъ начальствующихъ, т. е. епископовъ и священниковъ, которыя произносятся тѣми, кто принадлежитъ къ вѣрующимъ“⁴⁾. Между священникомъ и обществомъ возникла рознь. Случалось, что если епископъ хотѣлъ наказать чѣмъ нибудь провинившагося клирика, то жители города на зло епископу устроили въ пользу виновнаго шумныя демонстраціи, выходили ему на встрѣчу въ несмѣтномъ количествѣ, со свѣчами и лампадами⁵⁾. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ нельзя было ожидать, чтобы въ духовное сословіе стремились поступать люди, обладающіе достоинствами и самоуважающіе: ни одному порядочному человѣку не хочется быть мишенью для насмѣшекъ. Вслѣдствіе этого въ духовное со-

¹⁾ Собора Кареаген. Прав. 8. Русск. пер. („Дѣянія помѣстныхъ соборовъ“, стр. 113. Казань. 1877).

²⁾ Бесѣды Златоуста на 2 Павлово Послан. къ Тимоею (бес. 2), стр. 27—28. Спб. 1859.

³⁾ Творенія его. Т. III, стр. 202. (Слово объ Акилѣ и Присвяжѣ).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 199.

⁵⁾ Дѣянія всел. собор. Т. IV, стр. 97. Изд. 2-ое. Каз., 1878.

словіе могли поступать главнымъ образомъ только лица, которымъ насмѣшки и всякія порицанія ни почемъ, т. е. лица, лишенные сознанія своего нравственного достоинства, а отъ такихъ лицъ нельзя было ожидать ни нравственности, ни нравственного вліянія на общество. Да и много ли можно было найти людей достойныхъ, которые считали бы честью для себя сдѣлаться священникомъ, когда свѣтское правительство сдѣлало изъ священства родъ наказанія. Одинъ историкъ рассказываетъ, что когда императоръ Зенонъ (V вѣка) пожелалъ отдѣлаться отъ своего соперника по престолу—Маркіана, то приказалъ схватить его въ банѣ и тотчасъ посвятить въ пресвитеры¹⁾.

Къ этимъ причинамъ нравственного упадка духовенства нужно еще прибавить слѣдующее: одною изъ очень видныхъ причинъ, вліявшихъ неблагопріятно на нравственное состояніе духовенства съ IV вѣка, было испорченное византійское общество, въ частности византійская придворная атмосфера; византійскій дворъ былъ міромъ интригъ, пороковъ, низкой лести. Духовенство, какъ это и естественно, носило на себѣ слѣды растлѣнія того общества, изъ котораго оно выходило и того государства, интересамъ котораго оно служило.

Въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ порчи нравственного характера духовенства на Востокѣ въ IV вѣкѣ иногда выставляютъ неблагопріятное вліяніе школъ латинскихъ на греческій Востокъ. Говорятъ, что Константинъ Великій, перенесши столицу съ Запада на Востокъ, съ тѣмъ вмѣстѣ перенесъ сюда латинскія школы, которыя, имѣя цѣлію готовить адвокатовъ, давали очень поверхностное образованіе, пріучавшее къ крючкотворству и кляузничеству. А такъ

¹⁾ Оеодора Чтеца. Церк. исторія, изъ кн. I, гл. 37. Съ подобными же фактами мы часто встрѣчаемся въ исторіи изучаемаго времени. Императоръ Оеодосій II съ радостію назначилъ непріятнаго ему префекта преторіи Кира епископомъ во Фригію (Ioan. Malalas. Chronograph. p. 361—2. Edit. Bonn.). Другого префекта преторіи Іованна Каппадокіянина въ правленіе Юстиніана приказано было въ наказаніе посвятить въ пресвитеры (Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ римлянъ съ персами и проч. Т. I, стр. 138. Рус. пер. Спб. 1862). Такія же извѣстія находимъ и у историка Оеофана, наприм., онъ рассказываетъ, какъ одинъ императорскій секретарь былъ наказанъ при Юстиніанѣ I-мъ поставленіемъ въ санъ діакона (Оеофана Лѣтопись, стр. 145. Переводъ Оболенскаго и Терюмова. М. 1884).

какъ изъ питомцевъ этихъ-то школъ и стали брать съ IV вѣка на Востокъ епископовъ и священниковъ, те духовное сословіе—говорятъ намъ—стало отражать на себѣ недостатки этихъ школъ: духовенство стало склонно къ интригамъ, кляузамъ, спорамъ изъ-за преимуществъ, вообще характеръ его мельчаетъ. Однако мы не думаемъ, чтобы это, во всякомъ случаѣ оригинальное, мнѣніе ¹⁾ имѣло особенное значеніе. Во 1) духовенство испортилось гораздо раньше IV вѣка, какъ это показываетъ примѣръ Павла Самосатскаго и подчиненнаго ему духовенства изъ III вѣка; во 2) латинскія школы, перенесенныя съ Запада на Востокъ—допустимъ даже, что онѣ дѣйствительно были худы—не сейчасъ же распространились, не сейчасъ же и принесли плоды. А между тѣмъ порча духовенства IV вѣка представляетъ собой такое яркое явленіе, которое едва ли можетъ быть объясняемо вліяніемъ школъ, только что начавшихъ свое существованіе. Въ 3) большинство замѣчательныхъ западныхъ пастырей, какъ Амвросій, Іеронимъ, Августинъ, получили образованіе въ латинскихъ школахъ, и это образованіе не сдѣлало ихъ ни интриганами, ни кляузниками. Итакъ, если распространеніе школъ латинскихъ и могло оказывать неблагоприятное вліяніе на нравственный характеръ восточнаго духовенства, то это вліяніе остается причиной не главной, а не болѣе какъ второстепенной.

Теперь доскажемъ исторію нравственного состоянія духовенства въ періодъ времени отъ VI-го до IX вѣка. Это были вѣка упадка церковной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Напередъ, поэтому, можно предполагать, что нравственное состояніе духовенства этого времени не стало лучше, чѣмъ въ болѣе цвѣтущее время церкви. Это такъ дѣйствительно и есть; тѣмъ болѣе, что не существовало никакихъ условій, какія содѣйствовали бы улучшенію разсматриваемаго состоянія духовенства. Примѣры доблестныхъ пастырей съ VI-го до IX вѣка встрѣчаются рѣдко, а примѣры пастырей

¹⁾ Проф. М. Е. Ковальницкаго (теперь: Димитрій, архіеп. Одесскій): „О значеніи національнаго элемента въ развитіи христіанства“. *Труды Киев. Дух. Академіи*, 1880, т. III, стр. 406—408.

съ противоположными качествами сплошь и рядомъ. Больше свѣдѣній имѣемъ о положеніи духовенства на Западѣ, поэтому о нравственномъ состояніи западнаго духовенства сначала и скажемъ. Папа Григорій Великій, жившій въ концѣ VI и началѣ VII вѣка, въ своихъ сочиненіяхъ высказываетъ немало жалобъ на нравственное состояніе духовенства. Онъ говоритъ, что священники и епископы только старались казаться святыми, а на дѣлѣ были не таковы ¹⁾. Они не имѣли христіанской любви и желали властительства. „Они не имѣютъ, по Григорію, внутренней любви, но желаютъ быть господами; совсѣмъ забываютъ о томъ, что они отцы, и если когда по внѣшности ласковы, внутренно же свирѣпствуютъ“ ²⁾. Простой народъ—говоритъ св. папа—они обираютъ, не оказывая ему никакой пользы, а лицъ, власть имѣющихъ, даже за заблужденіе превозносятъ похвалами, и это для того, чтобы, говоря непріятное, не лишиться подарка отъ обличаемаго. Священники расхищали чужое достояніе ³⁾. — Духовныя лица, по словамъ того же папы, принявъ на себя обязанность священника, не помышляли объ исполненіи ея. Проповѣдывать не проповѣдовали, главнѣйше потому, что „языкъ препинался отъ собственного нечестія проповѣдниковъ“ ⁴⁾. Священники ударились въ мірскія занятія, погрузились въ хлопоты житейскія. „Вотъ уже почти нѣтъ ни одного мірскаго дѣла, замѣчаетъ Григорій, которыми не занимались бы священники“ ⁵⁾. „Предаваясь всецѣло мірскимъ занятіямъ, они совсѣмъ забываютъ, что они поставлены заботиться о вѣчномъ спасеніи душъ. Когда есть у нихъ мірскія занятія, то они въ восторгѣ, говоритъ св. Григорій, если же нѣтъ, то ни днемъ, ни ночью не даютъ себѣ покою, придумывая, какъ бы отыскать ихъ. И въ этихъ суетныхъ заботахъ они находятъ величайшее наслажденіе, такъ что они собственно тяготятся отсутствіемъ

¹⁾ Григорій Двоеслова (?). Бесѣды на Евангелія. Русск. пер. Томъ I, стр. 166. Спб. 1860.

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

³⁾ Тамъ же, стр. 158—159. 169.

⁴⁾ Тамъ же, 152—153.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 170.

этихъ заботъ, а не тѣмъ, когда они ежеминутно подавляютъ ихъ“¹⁾. Къ числу видныхъ недостатковъ въ положеніи духовенства Григорій относитъ и то, что епископы продавали духовныя должности, пятнали себя симоніей²⁾. Григорій необинуясь думаетъ, что различныя бѣды, какія постигали въ его время общество, суть наказаніе Божіе за нечестіе священниковъ. Вообще онъ замѣчаетъ, что „священники нечестивою жизнію поспѣшаютъ къ адскимъ наказаніямъ“³⁾. Западные соборы съ VI в. указываютъ множество самыхъ печальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о нравственномъ растлѣніи духовенства. Соборъ Нарбонскій VI вѣка свидѣтельствуешь, что епископы слишкомъ обременяли клириковъ различнаго рода поборами. Соборъ Толедскій VII в. указываетъ, что нѣкоторые епископы до чиста обирали деньги, принадлежавшія извѣстной церкви, такъ что ничего не оставалось ни на долю клириковъ, ни на благоустройство храма. Другой соборъ Толедскій того же вѣка свидѣтельствуешь, что епископскія визитаціи извѣстныхъ приходовъ настолько были обременительны для духовенства, что настала забота, чтобы уменьшить подобные наѣзды⁴⁾. Въ срединѣ VI вѣка собранъ былъ соборъ въ Лионѣ для суда надъ двумя епископами, обвинявшимися въ насиліяхъ различнаго рода, смертоубійствѣ, прелюбодѣянніи и другихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, и соборъ призналъ ихъ виновными⁵⁾. Одинъ изъ германскихъ соборовъ VIII вѣка указываетъ на распространеніе прелюбодѣяннія и другихъ плотскихъ пороковъ въ духовенствѣ: діаконы имѣли по 4 и 5 конкубинъ и это однако не мѣшало имъ восходить къ высшимъ достоинствамъ — до епископства включительно, достигнувъ котораго они оставались по прежнему порочными. Другіе епископы были пьяницами, развратниками, страстными любителями охоты. На другомъ соборѣ того же VIII-го вѣка открылось, что одинъ епископъ позволялъ себѣ

¹⁾ Правило Пастырское, стр. 63—64.

²⁾ Бесѣды на Евангелія. Т. I, 165.

³⁾ Тамъ же, стр. 171. 174.

⁴⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. III, S. 53. 83. 95. Freib. im. Br. 1877.

⁵⁾ Hefele, ibid. S. 21

вещь кощунственную: построилъ капеллы въ честь собственнаго имени и заставилъ молиться въ нихъ. Тотъ же соборъ перечисляетъ и другія преступленія духовенства, въ Германіи ¹⁾).

Каково было нравственное состояніе духовенства на Востоцѣ, въ позднѣйшія времена древней церкви, послѣ V вѣка, объ этомъ даютъ намъ понятіе прежде всего правила соборовъ Трулльскаго и VII-го вселенскаго. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ указаніями на тѣже пороки духовенства, какіе замѣчались въ немъ и раньше. Тоже злоупотребленіе церковными доходами, тоже корыстолюбіе, таже роскошная жизнь, когда позволяли это средства и проч. Но къ такимъ уже извѣстнымъ изъ прежней исторіи недостаткамъ присоединяются еще новые и новые. Появились занятія въ духовенствѣ, которыя заслуживали полнѣйшаго порицанія. Такъ одни изъ клириковъ содержали корчемницы (Трул., прав. 9), а другіе—даже дома терпимости (Трул., прав. 86). Нѣкоторые изъ епископовъ возводили на подчиненныхъ имъ клириковъ различныя мнимыя преступленія и налагали епитимію, а потомъ за золото и серебро прощали мнимыхъ виновниковъ (VII-го вс. соб. прав. 4). Какъ мало даже самыя первые изъ іерарховъ заботились объ интересахъ церкви, объ этомъ можетъ давать представленіе слѣдующій фактъ, случившійся въ царствованіе Юстиніана II (кон. VII и нач. VIII в.). Императоръ Юстиніанъ II захотѣлъ разрушить одну церковь, сооруженную въ честь Богоматери, съ тѣмъ чтобы на этомъ мѣстѣ устроить ложи для цирковой партіи т. н. голубыхъ. Но императоръ не рѣшается прямо взяться за это дѣло. Его мучитъ совѣсть. И вотъ онъ требуетъ отъ константинопольскаго патріарха, чтобы тотъ благословилъ разрушеніе храма, прочиталъ бы, приличествующую случаю, молитву. Патріархъ сначала было отказывался исполнить требованіе императора, представляя въ свое оправданіе то, что онъ знаетъ, какія молитвы читаются при созданіи храмовъ, но что ему неизвѣстны молитвы, какія произносились бы при ихъ разрушеніи. Тѣмъ не менѣе воля императора

¹⁾ Hefele, *ibid.* S. 498. 514.

взяла верхъ. Слабый угодливый патріархъ уступилъ, рѣшилсѣ произнести слѣдующую молитвенную формулу, освящая разрушеніе храма: „слава и честь Богу, долготерпящему всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ ¹⁾. Въ духовенствѣ разсматриваемаго времени въ особенности замѣчается забвеніе о томъ, что оно—пастыри душъ, что сюда должны быть направлены его помыслы и стремленія. Такъ какой-то анонимный авторъ посланія къ императору Константину Копрониму, дошедшаго до насъ съ именемъ Іоанна Дамаскина, какъ можно думать, монахъ или вообще какое-либо духовное лицо пишетъ: „Епископы нашего времени только и заботятся о лошадяхъ, о стадахъ, о полевыхъ угодьяхъ и денежныхъ поборахъ,—о томъ, какъ бы выгоднѣе продать свою пшеницу, какъ лучше разливать вино, какъ продавать масло, какъ прибыльнѣе сбыть шерсть и шолкъ-сырецъ, и разсматриваютъ тщательно только цѣнность и вѣсъ монеты; они старательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы столъ ихъ ежедневно былъ сибаритскій—съ виномъ благовоннымъ и рыбами величины необычайной. Что же касается паствѣ, то о душахъ пасомыхъ нѣтъ у нихъ ни малѣйшей думы. Пастыри вѣка сего истинно стали, по выраженію Писанія, волками. Какъ только замѣтятъ они, что кто нибудь въ подвѣдомой имъ паствѣ совершилъ хотя бы малый какой проступокъ, мгновенно воспрянуть и разразятся всевозможными епитиміями, нисколько не помышляя при этомъ о дѣйствительномъ назначеніи пастырскаго служенія, относясь къ паствѣ не съ помыслами пастырей, а съ расчетомъ наемныхъ поденщиковъ“ ²⁾. Разумѣется, историкъ долженъ относиться къ этому безыменному свидѣтельству съ осторожностію и принимать его съ ограниченіями: но тѣмъ не менѣе можно утверждать, что такіе пастыри могли быть хорошими помѣщиками, но очень мало надежными руководителями душъ.

¹⁾ Теофана. Лѣтопись, стр. 270. (У этого же писателя есть указанія на существованіе исключительной порочности даже въ средѣ епископовъ разсматриваемаго времени, именно VI вѣка, стр. 137).

²⁾ Migne. *Patrologiae cursus*. Gr. ser. Tom. 195, col. 329. (*Oration. advers. Constantinum Cabalinum*).

V. Матеріальное состояніе духовенства во II и III-мъ вѣкахъ.

Вѣкъ апостольскій и вѣка послѣдующіе представляются не тождественными по отношенію къ вопросу о матеріальномъ состояніи духовенства. Въ первое время бытія христіанства къ новой религіи обращались въ большинствѣ случаевъ только люди бѣдные, неимущіе, едва могшіе пропитывать самихъ себя. Поэтому пастыри не могли разчитывать на матеріальную поддержку со стороны общины, въ какой они пастырствовали. По всей вѣроятности, они жили трудами рукъ своихъ, питаясь отъ тѣхъ профессій, при какихъ они были до избранія въ іерархическую должность, и какихъ они не оставляли и въ священствѣ. Могло также быть, что епископы и пресвитеры принадлежали къ зажиточнымъ классамъ и потому не нуждались ни въ какой сторонней помощи; а что они выходили изъ классовъ зажиточныхъ, это условливалось тѣмъ, что ихъ обязанность требовала извѣстной степени образованности, каковое образованіе естественнѣ всего было встрѣчать въ зажиточномъ классѣ и меньше всего между простонародьемъ. Поэтому, іерархическое лице чаще всего—что представляется наиболѣе вѣроятнымъ—принадлежало къ среднему классу, достаточному по своимъ средствамъ, а въ такомъ случаѣ оно могло содержаться на свои собственные средства. Если, наприм., апостолъ Павелъ требовалъ со стороны епископовъ (и пресвитеровъ), чтобы они подавали другимъ примѣръ по части страннопріимства (I Тимоѳ. 3, 2), то очевидно они должны были принадлежать къ зажиточному классу, иначе какимъ образомъ они могли бы отличаться страннопріимствомъ предъ прочими, если бы принадлежали къ бѣднякамъ. Повидимому, наше представленіе о томъ, что пастыри апостольскаго вѣка или жили трудами рукъ своихъ или были людьми зажиточными, находитъ себѣ опроверженіе въ словахъ ап. Павла къ коринѳянамъ: „или

мы не имѣемъ власти ѣсть и пить? Или одинъ я и Варнава не имѣемъ власти не работать? Какой воинъ служить когда либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣсть его плодовъ? Кто, пася стадо, не ѣсть молока отъ стада? По человѣческому ли только разсужденію я это говорю? Не то ли же говорить и законъ? Ибо въ Моисеевомъ законѣ написано: не заграждай рта у вола молотящаго. Если мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное? Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? Что служащіе берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія“ (I Коринѳ. 9, 4—14). Но здѣсь, скажемъ мы, нѣтъ указанія на матеріальное положеніе и обезпеченіе пастыря церкви апостольскаго вѣка. Ап. Павелъ говоритъ не о пастырѣ, а о миссіонерѣ или странствующемъ проповѣдникѣ; такой проповѣдникъ, проводя жизнь не осѣдлую, не могъ ни заниматься хозяйствомъ, ни пропитывать себя какимъ либо ремесломъ или занятіемъ. Что рѣчь здѣсь у Павла не о пастырѣ, объ этомъ ясно свидѣлствуютъ заключительныя слова тирады: „такъ и Господь повелѣлъ *проповѣдующимъ Евангеліе* жить отъ благовѣствованія“. Правда, въ вышеприведенной нами тирадѣ изъ посланія къ коринѳянамъ есть такія слова: „развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? Что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника?“ Но въ этихъ словахъ не заключается заповѣди апостольской; здѣсь лишь указывается сравненіе, при помощи котораго уясняется положеніе проповѣдника-миссіонера. Притомъ: если апостоль для своей аналогіи упоминаетъ о святилищѣ, жертвенникѣ, жертвѣ и питающихся отъ нихъ священно-служителяхъ, то онъ разумѣетъ святилище и жертвенникъ, и жертвоприносителей или іудейскихъ или вѣрнѣе—языческихъ, но отнюдь не христіанское духовенство, такъ какъ у христіанъ апостольскаго вѣка ни святилищъ, ни жертвенниковъ не было вовсе. Такимъ образомъ открывается, что „власть не работать“ апостоль даетъ не пастырю, а лишь миссіонеру или странствующему проповѣднику. Самъ же Павелъ не пользовался и этою властію, хотя и былъ миссіонеромъ. Онъ не

бралъ ничего отъ тѣхъ лицъ, которымъ проповѣдывалъ Евангеліе (1 Кор. 9, 12), а жилъ своимъ трудомъ.

Иначе повелось дѣло во времена послѣ-апостольскія. Въ періодъ II и III вѣка обезпеченіе духовенства почти исключительно уже возлагается на обязанность паствы. Это произошло частію отъ того, что церковь стала неодобрительно смотрѣть на мірскія занятія духовенства, какъ на занятія, не соотвѣтствующія его достоинству; частію отъ того, что съ расширеніемъ христіанскихъ общинъ, каждой въ отдѣльности, духовныя обязанности стали поглощать много времени у пастырей и они лишались возможности заботиться о самихъ себѣ; частію отъ того, что въ случаѣ, если достойный человѣкъ, будучи выбранъ въ пастыри, оказывался слишкомъ бѣднымъ, то приходилось заботиться объ его обезпеченіи.

Какимъ образомъ произошло, что пастыри, сначала заботившіеся сами о своемъ пропитаніи, потомъ начали жить на счетъ своей паствы? Въ этомъ случаѣ, какъ можно догадываться, имѣли вліяніе нѣкоторые обычаи, встрѣчавшіеся и практиковавшіеся въ языческомъ римскомъ мірѣ. Есть много основаній утверждать, что христіанство, распространяясь въ римскомъ мірѣ, въ практической жизни иногда примѣняло нѣкоторыя формы тѣхъ корпорацій, которыя позволены были римскою властію и между которыми самыми видными корпораціями были такъ называемыя похоронныя коллегіи.

Разъ христіанскія общины, подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, принимали форму похоронныхъ коллегій, они должны были усвоить и нѣкоторые обычаи и учрежденія, находившіе мѣсто въ этихъ коллегіяхъ. Похоронныя коллегіи, какъ извѣстно, составлялись изъ лицъ вообще бѣдныхъ, желавшихъ, чтобы по смерти каждаго изъ нихъ ему устроено было приличное погребеніе. Для этой цѣли члены коллегій образовали общественную кассу у себя (агса), въ которую каждый изъ членовъ ежемѣсячно во время собраній, приходившихъ разъ въ мѣсяцъ, полагалъ извѣстную определенную, но не большую денежную плату или взносъ. Отсюда и заимствовались деньги, необходимыя для погребенія того

или другого изъ умершихъ членовъ. Само собой разумѣется, что каждая такая коллегія имѣла одного или нѣсколькихъ распорядителей. На такихъ же основаніяхъ существовало въ Римской имперіи и много другихъ, дозволенныхъ закономъ, корпорацій съ цѣлями взаимопомощи. Такъ существовали корпораціи купцовъ, разныхъ ремесленниковъ, моряковъ. Люди одного селенія или города, провинціалы, проживавшіе въ Римѣ, или жители Рима, попавшіе въ провинцію — всѣ они могли составлять корпораціи для взаимной поддержки. Устройство болѣе обширныхъ коллегій имѣло для себя образцомъ муниципіи. Во главѣ стояли кураторы, которые избирались на одинъ годъ. Между тѣмъ какъ бѣдныя коллегіи мѣстомъ для своихъ собраній избирали какую-либо незначительную гостиницу, болѣе богатая коллегія для этой цѣли имѣли свой особенный домъ, въ которомъ устроились: зала для засѣданій и столовая комната, а также капелла или, по крайней мѣрѣ, алтарь. Всѣ корпораціи, нужно сказать, поставляли себя подъ защиту какого либо изъ многочисленныхъ боговъ, причемъ избирали себѣ въ патроны такого бога, какой имѣлъ отношеніе къ профессіи братчиковъ. Многія коллегіи съ теченіемъ времени значительно разбогатѣли отъ взносовъ членовъ, ихъ подарковъ и завѣщаній. У этихъ коллегій были свои дома, помѣстья, капиталы; доходы съ капиталовъ и произведенія изъ помѣстій, по волѣ жертвователей, въ опредѣленные дни года слѣдовало раздавать членамъ корпораціи. — Такъ происходила въ опредѣленное время раздача между членами хлѣба, вина, денегъ. Замѣчательно, что между членами коллегій такая раздача происходила не поровну, а распорядители коллегіи получали больше, простые же члены меньше. Иногда замѣчалась значительная разниа между тѣмъ, сколько получали главные распорядители, и тѣмъ, сколько получали не главные распорядители. Такъ въ одномъ языческомъ памятникѣ указывается, что изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго на одну коллегію, выдавалось высшимъ должностнымъ лицамъ коллегіи по 6 динаріевъ и по 8 кружекъ вина, низшимъ должностнымъ лицамъ по 4 динарія и 6 кружекъ вина, а рядовымъ сочленамъ коллегіи по 2 динарія и по 3 кружки

вина, сверхъ того каждый получалъ по четыре хлѣба ¹⁾). Такая раздача припасовъ или денегъ членамъ коллегіи носила латинское названіе: *sportula*. Названіе это появилось не теперь, когда возникли коллегіи, но много раньше. Оно съ давнихъ временъ означало дары, какіе патроны въ Римѣ раздавали своимъ кліентамъ. За всѣ труды и ласкательство кліенты въ Римѣ получали вознагражденіе, которое называлось *sportula*. Спортула, какъ показываетъ самое слово, была небольшая карзинка съ холодной закуской или съ остатками отъ барскаго стола. Нерѣдко однако взамѣнъ этихъ съѣстныхъ припасовъ, кліенты получали небольшую сумму денегъ, обыкновенно 10 сестерцій (сестерцій 6 к.). Обычай раздачи спортулъ возникъ такимъ образомъ: сначала кліенты обѣдали вмѣстѣ съ патронами, затѣмъ по причинѣ увеличенія числа кліентовъ, спортула явилась замѣной обѣдовъ. Спортулы раздавалъ самъ патронъ, зорко смотря за тѣмъ, чтобы ее не получилъ кто-либо посторонній. Въ позднѣйшее время въ коллегіяхъ спортулой стала называться всякая раздача между ихъ членами, — раздача, совершавшаяся въ честь или память богатаго жертвователя денегъ или помѣстья ²⁾). Кромѣ раздачи спортулъ, изъ суммъ коллегіи устраивались для братчиковъ торжественные обѣды, которые служили знакомъ ихъ взаимообщенія ³⁾).

Если нѣтъ серьезныхъ основаній сомнѣваться въ томъ, что христіанскія первоначальныя общины приняли форму такъ называемыхъ похоронныхъ коллегій, то также мало можетъ быть основаній не допускать связи между обычаями, выработанными въ похоронныхъ римскихъ коллегіяхъ и обычаями первоначальныхъ церковныхъ общинъ. Тертуллианъ не думаетъ умалчивать о томъ, что сборъ денегъ въ христіанскихъ церковныхъ собраніяхъ происходитъ аналогично съ тѣмъ, какъ это дѣло происходило въ языческихъ коллегіяхъ. Для

¹⁾ Uhlhorn. Die christl. Liebesthätigkeit in der alten Kirche. S. 19—23. Stuttgart, 1882. Сл. Лебедева. Эпоха гоненій на христіанъ, стр. 252—257. Спб. 1904.

²⁾ Благовѣщенскаго. Римскіе кліенты. „Русск. Мысль“, 1890 г., апрѣль, отд. II, стр. 36—37.

³⁾ Uhlhorn. S. 24.

него это параллельныя явленія (Apolog. Cap. 39). Сборъ съ братчиковъ ихъ пожертвованій на цѣли коллегіи происходилъ разъ въ мѣсяцъ, точно также разъ въ мѣсяцъ собирались добротныя пожертвованія и въ христіанскихъ собраніяхъ; самый взносъ въ коллегіяхъ назывался латинскимъ словомъ: *stips*, тѣмъ же именемъ Тертуліанъ обозначаетъ и христіанскія церковныя пожертвованія. Общая касса въ коллегіяхъ называлась *агса*, тоже наименованіе даетъ Тертуліанъ и христіанской церковной кружкѣ. Въ важнѣйшихъ изъ римскихъ коллегій взносъ назначался на дѣла благочестія, и именно на погребеніе неимущихъ членовъ, подобныя же цѣли имѣлись въ виду и при сборѣ пожертвованій въ христіанскихъ собраніяхъ. Тертуліанъ (*ibid.*) говоритъ: „это какъ бы взносъ благочестія. Ибо вносимое тратится не на пиршества, а на то, чтобы питать и погребать бѣдныхъ,—замѣтьте: *и погребать*,—на то, чтобы воспитывать мальчиковъ и дѣвочекъ, лишившихся родителей, на то, чтобы оказывать помощь престарѣлымъ и потерпѣвшимъ кораблекрушеніе“ и т. д. Совершенно схоже говорить о назначеніи собираемыхъ въ христіанскихъ собраніяхъ денегъ—и Іустинъ мученикъ. „Люди имущіе даютъ у насъ сколько хотятъ изъ того, что есть у нихъ. Собранное вручается предстоятелю (епископу), и онъ употребляетъ это на пропитаніе вдовъ и сиротъ, больныхъ, странниковъ и вообще всѣхъ нуждающихся“ (1 апол., гл. 67). Уставы римскихъ коллегій тѣмъ больше обращаютъ на себя наше вниманіе, что эти уставы даютъ намъ возможность уяснить и собственно матеріальное положеніе христіанскаго духовенства древнѣйшей эпохи. Кипріанъ называлъ клириковъ *sportulantes fratres*—тѣмъ самымъ именемъ, которое носили и члены коллегій, какъ лица, получавшія спортулу¹⁾. Мало того: впослѣдствіи мы укажемъ свидѣтельства, изъ которыхъ открывается, что клирики получали неодинаковое вознагражденіе изъ церковныхъ суммъ; но—какъ мы замѣчали выше—и въ коллегіяхъ высшія должностныя лица получали больше, низшія—меньше. Не говоримъ уже о томъ, что какъ въ коллегіяхъ члены ихъ, такъ

¹⁾ Извѣкова Н. Д. Іерархія Сѣверо-африк. цркви, стр. 229. Вильн., 1884.

потомъ и въ церкви клирики получали не только денежное пособие, но и пособие продуктами—виномъ, хлѣбомъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что измѣненіе въ матеріальномъ положеніи христіанскихъ пастырей по сравненію съ апостольскими временами происходило подъ вліяніемъ обычаевъ, практиковавшихся въ римскихъ коллегіяхъ. Но рядомъ съ этимъ факторомъ видное мѣсто занимаетъ въ разсматриваемомъ нами явленіи—реакція ветхозавѣтныхъ іудейскихъ учреждений. Сюда можно отнести стремленіе пастырей утвердиться въ мысли, что они должны жить не своимъ трудомъ, а содержаться на счетъ паствы; сюда же можно отнести замѣну названія агса, которымъ обозначалась общественная касса, замѣну — еврейскимъ наименованіемъ: корвана, которымъ уже обозначалась собственно церковная кружка¹⁾.

Теперь войдемъ въ подробности и частности матеріальнаго состоянія духовенства II и III вѣка.

Въ такъ называемыхъ Постановленіяхъ Апостольскихъ, памятникѣ, заключающемъ въ себѣ много древнихъ извѣстій—настойчиво и внушительно совѣтуется паствамъ, чтобы онѣ не забывали о пастыряхъ, а заботились, чтобы во всемъ жизненномъ пастыри имѣли довольство. Здѣсь говорится (II, 34): „почитайте епископовъ начальниками и приносите имъ дары, какъ царямъ, ибо отъ благъ вашихъ надлежитъ питаться имъ и сожителямъ ихъ (клирикамъ). Какъ Самуилъ издалъ постановленія народу о царѣ въ первой книги Царствъ, а Моисей о священникахъ въ книгѣ Левитъ, такъ и мы (рѣчь ведется отъ лица Апостоловъ) постановляемъ вамъ о епископахъ. Если тамъ народъ давалъ подати сообразно съ достоинствомъ царя, то не тѣмъ ли болѣе долженъ нынѣ получать отъ васъ епископъ, назначенное ему Богомъ для содержанія своего и живущихъ съ нимъ клириковъ. Къ этому должно еще прибавить (и это, замѣтимъ, очень важно), что сей (епископъ) пусть получаетъ болѣе, нежели сколько въ древности получалъ тотъ, потому что послѣдній (т. е. царь) занимался военными дѣлами, заботясь о мирѣ и войнѣ, чтобы

¹⁾ Uhlhorn. Op. citat., 137.

сохранить тѣла подданныхъ, а первый—епископъ—проходить священство Божіе, отклоняя опасность отъ тѣла и души“. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же Постановленій Апостольскихъ (II, 36) міряне призываются къ безграничной щедрости въ пользу пастырей: „предъ священниками не являйся съ пустыми руками, но непрестанно приноси добровольные дары твои“. Оригенъ, называя священниковъ посланниками Божіими и намѣстниками Христовыми, которые занимаются не мірскимъ, а только божественнымъ, требуетъ, чтобы міряне служили имъ въ ихъ матеріальныхъ потребностяхъ. „Свѣтъ знанія, который хранится во священникахъ, говоритъ онъ, померкнетъ, если міряне не будутъ подливать масла въ этотъ свѣтильникъ, (т. е. если они не будутъ оказывать священникамъ матеріальной помощи), и тогда тѣ и другіе повергнутся въ бездну тьмы“¹⁾. Для того, чтобы расположить мірянъ къ большей щедрости въ пользу церкви и духовенства, введено было предстоятелями церкви слѣдующее обыкновеніе: имена тѣхъ, кто приносилъ вещественные дары къ алтарю, были поминаемы въ церковной молитвѣ. Въ нѣкоторыхъ церквахъ во время литургіи возглашалась эктинья, въ которой возносилась молитва, какъ за тѣхъ, которые даютъ тайно или явно, такъ и за тѣхъ, которые даютъ и много и мало; церковь при этомъ не исключала изъ своихъ молитвъ и тѣхъ, кто хотѣлъ бы давать, но былъ не въ состояніи этого дѣлать²⁾. Такъ располагала церковь вѣрующихъ къ даяніямъ въ пользу клира и неимущихъ.

Откуда же именно брались средства для содержанія духовенства и въ чемъ состояли они? Естественную статью доходовъ клира составляли тѣ приношенія вѣрующихъ для агапъ и таинства Евхаристіи, которыя состояли изъ жизненныхъ припасовъ: хлѣба, вина, меда, масла, винограда и т. п. Можно полагать, что всѣ эти жизненные припасы вначалѣ безъ различія приносились въ церковныя собранія и только впоследствии стали отличать тѣ приношенія, которыя доставлялись прямо въ храмы, отъ тѣхъ, которыя, какъ не

¹⁾ Origenis. In Iesu Nave. Homil. 17, n. 3. Migne. Patr. Curs. Gr. Tom. 12, p. 912—13.

²⁾ Литургія свв. Марка и Василия В.—Uhlhorn. Op. cit., s. 138. 400.

имѣющія отношенія къ богослуженію, доставлялись уже въ домъ епископа (Прав. апост. 3—4). Щедрость членовъ церкви въ тѣ времена была такъ велика, что подобныхъ припасовъ приносило было съ избыткомъ: ихъ хватало и на совершеніе Евхаристіи, и аганъ, и для раздаянія бѣднымъ и клирикамъ съ епископомъ во главѣ. Постановленія Апостольскія, вѣроятно описывая обычаи III вѣка, съ большею точностію о вредѣляютъ: какъ клирики должны были дѣлить между собою остатки отъ литургическихъ припасовъ. Здѣсь такъ говорится объ этомъ: „то, что составляетъ остатокъ отъ совершенія Евхаристіи (и прибавимъ: остатокъ отъ раздачи бѣднымъ), діаконы по мысли и распоряженію епископа или пресвитера (послѣдніе распоряжаются въ томъ случаѣ, гдѣ нѣтъ епископа) пусть раздѣляютъ клиру: епископу четыре части, пресвитеру три части, діакону двѣ части, а прочимъ — вподіаконамъ, или чтецамъ или пѣвцамъ, или діакониссамъ по одной части. Ибо чествовать каждого по достоинству дѣло прекрасное и угодное предъ Богомъ“ (кн. VIII, 31). — Вторая статья доходовъ духовенства состояла въ деньгахъ. Въ древности, какъ и теперь, церковная община жертвовала деньги на нужды церковныя. Для этой цѣли заведена была особая сокровищница или касса. Она называлась вначалѣ или латинскимъ именемъ *арса*, или греческимъ *λογία* — въ смыслѣ сбора на общественныя нужды, а потомъ эта сокровищница стала именоваться *корваной* — въ спеціальномъ значеніи церковной кружки¹⁾. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ, наприм., въ сѣверо-африканской, существовало то обыкновеніе, что члены общины вносили свои вклады или пожертвованія, во время богослужебныхъ собраній, въ первый воскресный день каждого мѣсяца, слѣдовательно — разъ въ мѣсяцъ²⁾. Обыкновеніе это древнѣйшее. Оно стоитъ въ связи съ обычаемъ римскихъ похоронныхъ коллегій получать взносы отъ своихъ членовъ разъ въ мѣсяцъ. Въ другихъ церквахъ ввелось другое обыкновеніе: міряне въ каждый воскресный день приносили въ церковныя собранія свои

¹⁾ См. подробности объ этомъ: Harnack. Die Quellen der sogenan. Apostolischen Kirchenordnung. S. 25. 48. Leipz. 1886.

²⁾ Tertullian. Apolog. cap. 39.

доброхотныя даянія и опускали ихъ въ церковную сокровищницу (Пост. апост. II, 36). Это обыкновеніе уже позднѣйшаго происхожденія по сравненію съ прежде упомянутымъ: здѣсь уже видно стремленіе внести нѣкоторыя перемѣны въ обычаяхъ, господствовавшихъ въ церковныхъ общинахъ, прежде стоявшихъ въ близкомъ сродствѣ съ похоронными коллегіями. Видно, что чисто церковный интересъ начинаетъ господствовать надъ общественнымъ, который служилъ главнымъ мотивомъ въ коллегіяхъ. Нужно замѣтить, встрѣчались случаи, что кромѣ денегъ нѣкоторые приносили пожертвованія и вещами, наприм. приносили готовую одежду и т. п.¹⁾ Иные изъ христіанскихъ пастырей и писателей очень настойчиво рекомендуютъ: не ослабѣвать въ усердіи касательно денежныхъ и другихъ приношеній. Кипріанъ Карфагенскій предписываетъ, чтобы молящіеся не приходили къ Богу съ пустыми руками, ибо таковая молитва бесплодна²⁾. Тотъ же Кипріанъ сильно осуждаетъ одну богатую женщину за то, что она была скупа и приходила въ церковь, не дѣлая вклада въ церковную кассу, такъ что въ храмѣ на нее тратилась (когда она принимала Евхаристію) та доля, которая была доставлена людьми бѣдными³⁾. Впрочемъ церковь старалась быть очень разборчивою въ принятіи приношеній. Она не отъ всякаго принимала ихъ. Такъ извѣстенъ слѣдующій случай. Около 170 года Маркіонъ пожертвовалъ римской церкви весьма значительную сумму 200,000 сестерцій (монета въ 6 коп.), но такъ какъ Маркіонъ былъ еретикомъ, то римская церковь сочла безчестіемъ для себя владѣть деньгами челоуѣка, исключеннаго изъ церковнаго общенія и возвратила назадъ вкладъ дателью⁴⁾. На соборѣ эльвирскомъ въ Испаніи, въ нач. IV вѣка, прямо опредѣлено (кан. 28) не принимать приношеній отъ лицъ, не принадлежащихъ къ церкви. Постановленія Апостольскія еще полнѣе разрабатываютъ вопросъ о томъ, отъ кого не

¹⁾ Helle. Das kirchliche vermögen bis auf Constantin Gr. S. 11. Paderborn, 1876.

²⁾ Творенія его въ рус. переводѣ (изд. 2-е). Томъ II, 223—224 (въ трактатѣ: „о молитвѣ Господней“).

³⁾ Тамъ же, т. II, 279 (въ трактатѣ: „о благотвореніи“).

⁴⁾ Tertulliani. Advers. Marcionem, IV, 4 et 30.

слѣдовало принимать приношеній въ церковную кассу. Они запрещаютъ принимать вклады отъ слѣдующихъ лицъ: корчемниковъ, (т. е. содержателей гостиницъ, которыя въ то время были и пріютами распутства), отъ блудниковъ, хищниковъ, прелюбодѣевъ, угнетателей сиротъ, отъ лицъ дурно обращающихся со слугами, плутовъ, безсовѣстныхъ адвокатовъ, ваятелей идоловъ, жестокихъ податныхъ сборщиковъ, купцовъ обвѣшивающихъ и обмѣривающихъ, воина—притѣснителя, челоуѣкоубійцы, палача, судьи неправеднаго, торгующаго правосудіемъ, пьяницы, распутника, ростовщика, отлученныхъ отъ церкви. Постановленія Апостольскія предвидятъ возраженіе: „если церковь въ самомъ дѣлѣ не будетъ принимать приношеній отъ выше названныхъ лицъ, то на что будутъ содержаться вдовицы и бѣдныя“? Отвѣтъ дается такой: „если церковь находится въ нуждѣ, то лучше погибнуть, чѣмъ принять что отъ враговъ Божіихъ“, т. е. явныхъ грѣшниковъ. Въ тѣхъ же Постановленіяхъ Апостольскихъ (IV, 6. 8. 10) встрѣчаемъ такое замѣчаніе: „если случится церкви принять деньги отъ сказанныхъ недостойныхъ лицъ, то пусть онѣ будутъ употреблены на покупку дровъ и углей, ибо дѣло доброе, замѣчается здѣсь не безъ ироніи,—предавать дары нечестивыхъ огню“.

Часть этихъ-то приношеній изъ суммъ церковныхъ удѣлялась на нужды духовенства. Епископъ не лишень былъ права брать изъ этихъ суммъ потребное на свои нужды. Въ такъ называемыхъ Правилахъ Апостольскихъ (4 и 41) говорится, что если епископъ нуждается, то пусть заимствуетъ необходимое изъ церковныхъ стяжаній. Въ томъ же мѣстѣ Правиль Апостольскихъ дается знать и о прочихъ клирикахъ, что и они имѣютъ право на вознагражденіе изъ церковной сокровищницы, когда говорится: „законъ Божій постановилъ, чтобы служащіе алтарю отъ алтаря питались, подобно тому, какъ и воинъ не подѣмлетъ оружія на своемъ пропитаніи“. Въ этомъ случаѣ мы видимъ, что у автора Правиль Апостольскихъ слова апост. Павла, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища, употребленныя апостоломъ въ видѣ аналогіи, принимаютъ смыслъ уже прямой апостольской заповѣди. Итакъ клирики, по воззрѣнію церкви

приблизительно III-го вѣка, имѣли право брать себѣ деньги изъ церковной казны на свое продовольствіе. Отчасти извѣстно и то, въ какихъ размѣрахъ раздавалось денежное вознагражденіе клирикамъ изъ церковныхъ суммъ. Въ Кароагенской церкви, наприм., священникамъ выдавалось вдвое болѣе, чѣмъ другимъ клирикамъ, но поровну ¹⁾. Впрочемъ такъ какъ епископы стали полновластными распорядителями при назначеніи вознагражденій (Пр. апост. 38 и 41), то они позволяли себѣ и отступленіе отъ установившихся правилъ. Такъ извѣстно, что Кипріанъ однажды запретилъ выдачу вознагражденія нѣкоторымъ клирикамъ, какъ не заслуживающимъ вознагражденія ²⁾. Или: тотъ же епископъ, сдѣлавши двухъ, прославившихся въ гоненіе, исповѣдниковъ— Аврелія и Целерина чтецами, приказалъ имъ выдавать изъ церковныхъ суммъ доли, равныя пресвитерскимъ. Вознагражденіе клириковъ производимо было въ Кароагенѣ ежемѣсячно ³⁾.

Третью статью доходовъ духовенства составляли начатки различныхъ произведеній природы и вообще труда. Указанія на обычай приносить начатки въ церковь и для церкви встрѣчаются у Іустина, Ипполита, Оригена. Такъ Ипполитъ говоритъ, что приносились въ церковь начатки плодовъ земныхъ—хлѣбнаго зерна, масла, меда, вина, молока, шерсти, заработной платы ⁴⁾. Оригенъ считаетъ приношеніе начатковъ священникамъ дѣломъ приличнымъ и полезнымъ. „Если фарисеи и книжники, рассуждаетъ, онъ, не осмѣливались вкушать отъ плодовъ земныхъ, прежде чѣмъ принесены начатки священникамъ, то тѣмъ приличнѣе это дѣлать съ нашей стороны, ибо праведность наша выше праведности фарисеевъ и книжниковъ. Если Христосъ поощрялъ въ этомъ отношеніи фарисеевъ, то Онъ хочетъ, чтобы Его ученики исполняли тоже самое и съ большимъ изобиліемъ“ ⁵⁾. Въ Правиламъ Апостольскимъ и Постановленіяхъ прямо

¹⁾ Н. Д. Извъкова (вышеуказанное сочиненіе) стр. 227.

²⁾ Извъкова, стр. 226.

³⁾ Творенія его, т. I, 185 (Письмо къ клиру и народу).

⁴⁾ Die canones Hippolyti von Achaia. S. 191. Leipz. 1891.

⁵⁾ Uhlhorn, 151. Helle, 17.

указывается, что начатки назначались для продовольствія клира. Въ Правилахъ Апостольскихъ говорится: „всякаго плода начатки да посылаются епископу и пресвитерамъ. Разумѣется,—въ слѣдъ затѣмъ прибавлено въ Правилахъ,— что епископъ и пресвитеръ раздѣлять ихъ съ діаконами и прочими клириками“ (пр. 4). Съ особенною подробностію говорится о начаткахъ и ихъ приношеніи на пользу клириковъ—въ Постановленіяхъ Апостольскихъ. „Всякій начатокъ должно приносить епископу, пресвитерамъ и діаконамъ на пропитаніе ихъ, ибо начатки принадлежатъ священникамъ и служащимъ имъ діаконамъ“ (VIII, 30). Постановленія Апостольскія стараются уяснить, почему именно начатки должны принадлежать клиру. „Вы образцы—(обращеніе къ духовнымъ) — образцы подчиненнымъ вамъ мірянамъ, ибо не думайте (обращеніе къ мірянамъ), что епископство есть бремя легкое и удобное, поэтому такъ какъ вы, духовные, несете болѣе тяжелое бремя, то и нужно, чтобы первые пользовались плодами“ (II, 25). Разсматриваемый памятникъ очень тщательно высчитываетъ, что именно должны приносить міряне духовенству въ качествѣ начатковъ. „Епископа вы должны любить, принося на благословеніе ваше плоды ваши и дѣла рукъ вашихъ, и дары ваши—начатки хлѣба, вина, елея, яблокъ, волны (шерсти) (II, 34). „Всякій начатокъ плодовъ отъ точила, гумна, также воловъ и овецъ давай священникамъ, чтобы благословлялось отложенное въ кладовыхъ твоихъ, давай и произрастанія земли, чтобы умножились стада воловъ твоихъ, стада овецъ твоихъ. Всякій начатокъ хлѣбовъ теплыхъ, вина изъ сосуда, или елея, или меду, винограда или другихъ плодовъ начатки давай священникамъ“ ¹⁾).

Кромѣ этихъ доходовъ обыкновенныхъ и болѣе или менѣе опредѣленныхъ, т. е. остатковъ отъ Евхаристической жертвы, церковныхъ денегъ и начатковъ, у духовенства были доходы такъ сказать экстренные. Сюда нужно относить подачки въ пользу высшихъ и низшихъ клириковъ отъ пи-

¹⁾ Кн. VII, 29. Такъ было на Востокѣ, на Западѣ же церковь не знала „начатковъ“.

ровъ, какіе устраивались мірянами. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ читаемъ (II, 28): „на пиру пусть удѣляютъ обычное епископу („пастырю“), хотя бы онъ и не присутствовалъ здѣсь, пусть отдѣляютъ ему въ честь Бога, вручившаго ему власть. А діаконамъ пусть даютъ въ честь Христа, вдвое противъ того, что сколько дается діакониссѣ. А пресвитерамъ, какъ постоянно трудящимся около слова ученія, пусть даютъ двойную же часть, въ честь (благодати) Апостоловъ Господнихъ. А если и чтець есть, то и онъ пусть получаетъ одну часть въ честь пророковъ“. При чемъ мірянамъ внушается, чтобы они не передавали епископу его долю лично, это было безпокойно для него, а чрезъ діаконівъ.

Есть нѣсколько указаній не очень впрочемъ рѣшительныхъ, что духовенство получало вознагражденіе за исправленіе требъ. Такъ еще въ эпоху первыхъ трехъ вѣковъ встрѣчалось обыкновеніе давать деньги духовенству за совершеніе таинства крещенія, что однако не одобряется на соборѣ Эльвирскомъ, начала IV вѣка ¹⁾. Было также обыкновеніе, что лица, вступающія въ бракъ и приходившія за благословеніемъ къ священникамъ, дѣлали приношеніе различныхъ съѣстныхъ припасовъ. Правда, эти приношенія назначались главнымъ образомъ для Евхаристической жертвы и совершенія агапъ, но такъ какъ приношенія при этомъ случаѣ были очень обильны, значительное количество ихъ поступало въ пользу клира ²⁾. Погребеніе вѣрующихъ, по видимому, также приносило доходы духовенству. Тертуліанъ свидѣтельствуетъ, что уже въ его время былъ обычай, что духовенство провожало усопшаго до могилы и здѣсь совершало молитвы по немъ. Весьма вѣроятно, что этотъ трудъ духовенства не оставался безъ вознагражденія. Это можно вывести изъ того, что Константинъ Великій даровалъ церкви въ Константинополѣ, восемьсотъ торговыхъ лавокъ съ тѣмъ, чтобы похороны, въ особенности бѣдняковъ, совершались духовенствомъ, которое получало доходъ отъ лавокъ, безъ

¹⁾ Прав. 48. (Hefele. Conciliengeschichte. B. I, 177).

²⁾ Helle. Das kirchliche Vermögen, 10.

платно¹⁾. Очевидно, до Константина здѣсь и въ другихъ мѣстахъ существовалъ другой обычай.

Можно догадаться, что въ церкви II и III вѣка возникла мысль брать десятину въ пользу церкви отъ всѣхъ стяжаній; это можно полагать на основаніи различныхъ замѣчаній у Ипполита (Арабскіе каноны), Оригена, въ особенности у Кипріяна и въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, но это желаніе духовенства не пришло въ исполненіе.

Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что церковь еще въ эпоху гоненій обзавелась недвижимыми имѣніями. Такъ въ Миланскомъ указѣ Константина Вел. 313 года, которымъ прекращалось гоненіе, между прочимъ говорится: „такъ какъ мы знаемъ, что христіане имѣли во владѣніи не только тѣ мѣста, въ которыхъ они обыкновенно собирались, но и другія, составлявшія собственность не частныхъ лицъ, а достояніе цѣлаго общества, то и эти мы приказываемъ возвратить христіанамъ“. Въ другомъ позднѣйшемъ указѣ Константина въ числѣ такихъ владѣній, которыя, по заключеніи гоненій, возвращены были церкви, упоминаются дома, поля, сады²⁾. Но по недостатку данныхъ, мы не можемъ опредѣленно рѣшить вопроса: доходы съ этихъ имуществъ могли ли поступать въ пользу духовенства или нѣтъ?

Мы перечислили всѣ статьи доходовъ, изъ которыхъ составлялось матеріальное обезпеченіе духовенства. Между этими статьями самое видное мѣсто занимали остатки отъ припасовъ, приносимыхъ вѣрующими для Евхаристіи и агапѣ, денежныя пожертвованія въ церковную кружку и начатки отъ произведеній земли. Было бы ошибочно думать, что духовенство въ этомъ случаѣ получало доходы отъ паствы, специально назначенные на нужды духовныхъ лицъ. Такихъ специальныхъ доходовъ, какъ эта находимъ въ наше время, въ разбираемую эпоху не было. Духовенство пользовалось частію тѣхъ приношеній, какія вообще назначались на бѣдныхъ, больныхъ и всякаго рода несчастныхъ, принадлежа-

¹⁾ Ibidem, S. 22. Соколова. Церковноимущественное право въ греко-римской имперіи, 268. Новгор., 1896.

²⁾ Евсевія. Церк. Исторія, X, 5. Егже. Жизнь Константина. II, 39.

жащихъ къ данной общинѣ. Клирики, не исключая и епископа, получали содержаніе отъ церкви, подобно всѣмъ другимъ лицамъ, не могущимъ содержаться и пропитываться на собственные средства. Въ документахъ II и III вѣка нѣтъ упоминанія о какихъ либо денежныхъ доходахъ и вещевыхъ пожертвованіяхъ—исключительно для духовенства. Такъ Іустинъ говоритъ вообще о денежныхъ сборахъ, происходившихъ въ церковныхъ собраніяхъ и назначавшихся на содержаніе вдовъ и сиротъ, больныхъ и т. д., — причеиъ не упоминается о сборахъ въ пользу духовенства. Тертулліанъ тоже, говоря о ежемѣсячныхъ сборахъ пожертвованій, состоявшихъ изъ денегъ и происходившихъ въ церковныхъ собраніяхъ, разъясняетъ, что сборы назначались на воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ, лишившихся родителей, на содержаніе стариковъ, лицъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, но ни словомъ не упоминаетъ о духовенствѣ и его особыхъ правахъ на пользованіе денежными церковными доходами. Правда, въ нѣсколько позднѣйшихъ свидѣтельствахъ, наприм. въ такъ называемыхъ Правилахъ Апостольскихъ, уже ясно говорится, что духовенство, начиная съ епископа, можетъ заимствовать изъ церковныхъ суммъ деньги, необходимыя для своего пропитанія, но во всякомъ случаѣ въ данномъ отношеніи клирики здѣсь уравниваются со всѣми бѣдняками, живущими на счетъ церковныхъ щедротъ. Едва ли больше прочихъ неимущихъ имѣли клирики права и по отношенію къ остаткамъ отъ Евхаристіи и агапъ и только начатки принадлежали клиру въ большей степени, чѣмъ прочимъ бѣднякамъ, хотя и отъ начатокъ бѣдняки не были устранены.—Можно болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, какъ велики или невелики были права духовенства на всякаго рода церковныя пожертвованія — по сравненію съ правами другихъ неимущихъ лицъ. Такъ въ Постановленіяхъ Апостольскихъ и Правилахъ Апостольскихъ ясно дается понимать, что главными претендентами на церковные доходы были бѣдняки и всякіе несчастные, а за ними ужъ и лица духовныя. Въ Постановленіяхъ (II, 25) слѣдующее заповѣдуется епископу: „приношенія добровольныя на убогихъ (т.-е. вообще разныя статьи церковныхъ пожертвованій) пусть

епископъ правильно раздѣляетъ сиротамъ, вдовамъ. страждущимъ. Раздѣляя всѣмъ нуждающимся по справедливости, и сами (епископы) пользуетесь отъ благъ Господнихъ, но не злоупотребляя ими, ядя отъ нихъ, но не поядая всего одни“. Такимъ образомъ въ Постановленіяхъ — епископы представляются помѣщенными въ самомъ концѣ списка лицъ, имѣвшихъ право на церковные доходы. Они, епископы, а конечно и другіе клирики — пользуются остатками послѣ удовлетворенія нуждъ вдовъ, сиротъ и неимущихъ. Въ Правилахъ Апостольскихъ находимъ почти тоже самое. Такъ въ одномъ (41) правилѣ говорится: „о церковномъ имуществѣ (деньгахъ) заповѣдуются, чтобы епископъ всѣмъ распоряжался и раздавалъ нуждающимся чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ; также, *если* онъ нуждается, то и самъ пусть заимствуетъ на необходимыя нужды свои и страннопріемлемыхъ братій, да не терпятъ недостатка ни въ какомъ отношеніи“. Здѣсь опять первое мѣсто между претендентами на церковныя деньги отводится нуждающимся вообще, а епископъ занимаетъ уже второе мѣсто. Меньше епископа имѣлъ права на церковное вспомошествованіе лишь классъ путешественниковъ, т. е. лица совсѣмъ стороннія для данной церковной общины. Извѣстный канонистъ Зонара, истолковывая одно изъ правилъ Апостольскихъ (59), которымъ требуется, чтобы высшіе клирики при раздѣлѣ доходовъ не обдѣляли низшихъ клириковъ, замѣчаетъ: „Писаніе называетъ церковное имущество имуществомъ убогихъ. И должно раздавать его бѣднымъ. Если же предстоятели церквей должны удовлетворять другихъ нуждающихся, то сколь болѣе должны удовлетворять подчиненныхъ имъ клириковъ, находящихся въ бѣдности“ ¹⁾. Опять дается знать, что доля доходовъ духовенства была одной изъ долей, назначавшихся изъ церковныхъ стяжаній на удовлетвореніе убогихъ. Замѣчательно, когда Постановленія Апостольскія требуютъ, чтобы отъ пировъ, устрояемыхъ вѣрующими, удѣлялось что либо епископу и другимъ клирикамъ, этотъ памятникъ ставитъ духовенство не на первомъ мѣстѣ, а сначала приказываетъ

¹⁾ Правила св. Апостолъ съ толкованіями, стр. 109--110 Изданіе Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія.

призывать къ пользованію отъ пиршественныхъ яствъ благочестивыхъ, но бѣдныхъ старушекъ, а потомъ уже дать извѣстную заповѣдь касательно духовенства (II, 28). Значитъ и въ этомъ случаѣ епископы и прочіе клирики фигурируютъ въ качествѣ лицъ матеріально безпомощныхъ. Итакъ мы видимъ, что духовенство II и III вѣка не имѣло своихъ специальныхъ церковныхъ доходовъ; а пользовалось отъ той же самой церковной кружки, которая назначалась на поддержаніе неимущихъ и убогихъ, причѣмъ на эту кружку прежде всего имѣли право эти нищіе и убогіе, а послѣ нихъ уже и епископъ съ клириками. Епископъ и клирики представляются *изъ нищихъ нищими*“¹⁾.—Быть можетъ многіе изъ читателей, а пожалуй и всѣ подумаютъ: какое было неприглядное положеніе древнѣйшаго духовенства. „Жили какъ нищіе, фи!“ Считаемо своимъ долгомъ замѣтить, что подобный взглядъ на положеніе духовенства II и III в. несправедливъ. Можно жить и пропитываться троякимъ образомъ: во I), личнымъ физическимъ трудомъ, т.-е. прямо заставлять землю давать намъ нужное для пропитанія, жить такимъ образомъ вполнѣ независимо отъ кого либо — идеаль графа Л. Н. Толстаго, идеаль сходный у него съ древне-христіанскимъ монашествомъ; во 2), можно не трудиться физически надъ воздѣлываніемъ земли, а имѣть такъ называемыя свободныя профессіи, пропитываться же на счетъ добродѣтельныхъ даяній другихъ лицъ, цѣнящихъ эти профессіи; наконецъ, въ 3) можно проходить разныя административныя, судебныя, военныя и т. п. должности и получать жалованье, добываемое при помощи податныхъ инспекторовъ. Нѣтъ сомнѣнія, второй способъ прокормленія, который практиковался въ средѣ духовенства въ древности и теперь преобладаетъ въ русскомъ духовенствѣ, есть менѣе благовидный, чѣмъ первый способъ, но онъ имѣетъ преимущества предъ

¹⁾ Нужно сказать, что духовенство разсматриваемаго времени въ этомъ отношеніи вполнѣ уподоблялось ветхозавѣтнымъ левитамъ. Соціально—экономическое положеніе колѣна Левіина достаточно опредѣляется уже тѣмъ, что законъ, говоря о пропитаніи „вдовъ, сиротъ и пришельцевъ“ и вообще обездоленныхъ членовъ общества, всегда между ними упоминаетъ и „левита“ (Второз. 14, 27—28; 16, 11. 14).

третьимъ способомъ изъ числа прежде упомянутыхъ нами. Духовенство разсматриваемаго времени жило на деньги, которыя каждый клалъ въ церковную кассу, ни мало не обременяя себя; на эту сумму жили разные лица и между прочимъ духовенство. Кромѣ хорошаго въ этомъ обычаѣ ничего нѣтъ, если не быть щепетильнымъ. Когда мы въ послѣдствіи узнаемъ, какъ стало жить христіанское духовенство съ IV вѣка, не довольствуясь доходами, установившимися во II и III вѣкѣ, то поймемъ: какъ многого лишилась церковь, утративъ прежній порядокъ матеріальнаго обезпеченія духовенства,—поймемъ, что жить на положеніи нищаго изъ нищихъ гораздо лучше, чѣмъ принудительно возлагать долгъ своего содержанія на другихъ.

Возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ духовенство древнѣйшей эпохи церкви очутилось на содержаніи на счетъ суммъ, назначавшихся на бѣдныхъ? Какимъ образомъ утратился еще болѣе древній, апостольскаго вѣка, обычай, по которому церковные пастыри пропитывали сами себя, независимо отъ кого либо и отъ чего либо? До послѣдняго времени подобный вопросъ и дѣлать нельзя было; потому что на него не возможно было дать никакого отвѣта. Но въ настоящее время мракъ разсѣялся; мы въ состояніи дать прямой отвѣтъ на вопросъ. Этимъ счастливымъ обстоятельствомъ наука обязана открытію извѣстнаго знаменитаго памятника: *Διδαχὴ τῶν δωδεκα ἀποστόλων* (2-го вѣка). Изъ *Διδαχὴ* съ достаточною ясностію открывается, какъ происходилъ разсматриваемый процессъ. Раньше было извѣстно объ апостольской эпохѣ существованія церкви, а теперь стало извѣстно и о послѣ—апостольской эпохѣ, что въ эти времена дѣйствовалъ въ церкви институтъ такъ называемыхъ пророковъ. Пророки эти, имѣя цѣлю наставленіе вѣрующихъ, переходили съ одного мѣста на другое, вели странническую жизнь; какъ странствующие, они, разумѣется, были на попеченіи тѣхъ церквей, какія они обходили. Это — общее правило. Но въ послѣдствіи пророки по какимъ-то причинамъ стали оставаться на болѣе или менѣе долгое время въ одной и той же общинѣ, начали вести жизнь осѣдлую. Уваженіе общины къ этимъ лицамъ выражалось между прочимъ въ томъ, что

члены общины продолжали оказывать матеріальную помощь и осѣдлымъ пророкамъ. Разумѣется, это условливалось тѣмъ, что осѣдлый пророкъ всегда могъ снова начать жизнь странническую, и слѣдовательно отъ него нельзя было требовать заведенія собственнаго хозяйства. Διδαχὴ исчисляетъ, чѣмъ общины обезпечивали матеріальное положеніе осѣдлыхъ пророковъ: имъ приносили начатки отъ произведеній земли и давали хлѣбъ, если вѣрующіе пекли хлѣбы, вино, если открывали бочку съ виномъ, и масло, если починали сосудъ съ масломъ. Пророкамъ община помогала и деньгами и одеждой. Эти пожертвованія пророку не были однакожъ какимъ-нибудь специальнымъ приношеніемъ въ пользу пророковъ. Нѣтъ, это была просто доля нищихъ. Ибо въ памятникѣ Διδαχὴ, замѣчено: „если у васъ нѣтъ пророка, отдавайте то или это бѣднякамъ“—πτωχοῖς¹⁾. Вотъ древнѣйшее свидѣтельство, указывающее, какъ происходилъ изучаемый нами процессъ, какъ доля вещей и денегъ, назначавшихся для бѣдныхъ, переходила въ руки церковныхъ проповѣдниковъ, т.-е. пророковъ. Но памятникъ Διδαχὴ идетъ еще далѣе. Онъ показываетъ, какую дальнѣйшую судьбу имѣла та церковная доля стяжаній, какая выдавалась пророку. Институтъ пророковъ къ концу II вѣка сталъ падать и исчезать. Ихъ дѣло всецѣло взяли на себя епископы и отчасти діаконы, изъ которыхъ чаще всего избирались епископы, въ особенности на Западѣ. Διδαχὴ прямо говоритъ о епископахъ и діаконахъ: „они совершаютъ у васъ служеніе пророковъ“. Затѣмъ этотъ памятникъ прибавляетъ: „они и почтенны (т.-е. должны быть почитаемы) — τετιμῆμένοι—у васъ подобно пророкамъ“²⁾. Но почитать кого-либо по первоначальному значенію слова: τιμᾶν—значитъ: расплатить кого-либо деньгами, наградить³⁾. Поэтому, требованіе почитать епископовъ и діаконовъ подобно пророкамъ, значило собственно ублажать епископовъ и діаконовъ въ матеріальномъ отношеніи, какъ были ублажались пророки. Такимъ-то обра-

¹⁾ Вся XIII глава памятника.

²⁾ Гл. XV, ст. 1—2 тогоже памятника.

³⁾ Harnack. Quellen d. Apostolisch. Kirchenordnung, S. 14.

зомъ совершился изучаемый нами процессъ перехода духовенства отъ жизни на собственномъ иждивеніи къ жизни на счетъ церковной кружки, назначенной въ пользу убогихъ. Одинъ древній памятникъ весьма наглядно удостовѣряетъ насъ, что процессъ дѣйствительно происходилъ такъ, какъ показываетъ $\Delta\delta\alpha\chi\eta$. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, произведеніи позднѣйшемъ, чѣмъ $\Delta\delta\alpha\chi\eta$, наукой открыты ясные слѣды пользованія со стороны ихъ автора памятникомъ $\Delta\delta\alpha\chi\eta$. При этомъ найдено, что предписанія $\Delta\delta\alpha\chi\eta$ относительно матеріальнаго обезпеченія пророковъ буквально вошли въ Постановленія, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь вездѣ слово пророкъ замѣнено словомъ священникъ (въ общемъ, неопредѣленномъ смыслѣ). Т.-е. во времена написанія Постановленій свящ. лица стали имѣть тоже матеріальное положеніе, какое было у пророковъ; и авторъ Постановленій (точнѣе: VII книги ихъ) ни мало не сумнясь вмѣсто слова: пророкъ, какъ въ $\Delta\delta\alpha\chi\eta$, ставитъ священникъ: разницы для него уже не было ¹⁾. Ясное дѣло, что такое тождество пророковъ и послѣдующихъ пастырей церкви зависело единственно отъ того, что пастыри по своей должности во многомъ были прямыми наслѣдниками древнихъ христіанскихъ пророковъ.

Что касается вопроса, сколь значительны были тѣ средства церковныя, которыми распоряжалось духовенство и изъ которыхъ оно получало обезпеченіе во II и III в., то этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ въ точности. Онъ можетъ быть рѣшаемъ только приблизительно. — Можно обратить вниманіе на слѣдующіе факты. Въ церкви Римской въ половинѣ III вѣка, кромѣ епископа было 46 пресвитеровъ, 14 діаконовъ и уподіаконовъ, 52 человекъ вмѣстѣ — чтецовъ, заклинателей и привратниковъ, 42 прислужника (Евсевія, VI, 43). Очевидно, что такой обширный персоналъ былъ бы вовсе не объяснимъ, если бы доходы церкви, и слѣд. духовенства, были незначительны. На содержаніи Римской церкви тогда находилось 1500 вдовъ и всякаго рода несчаст-

¹⁾ Постановл. VII, 29. Сл. XIII гл. „Ученія 12-ти“. Карашева: „О новооткрытомъ памятникѣ — „Ученіе“ и пр., въ приложеніи, стр. 76 — 77. М., 1886 г.

ныхъ. Разсчитываютъ, что содержаніе ихъ едва ли могло обходиться дешевле 90,000 руб. значить доходы римской церкви были очень достаточны. Другой примѣръ. Кипріанъ въ своей церкви собралъ однажды въ пользу плѣнныхъ разъ 100,000 сестерцій и отослалъ ихъ по назначенію, замѣчая, что въ случаѣ, если еще понадобятся деньги на тотъ же предметъ, церковь и еще подастъ помощь съ охотою и щедростію ¹⁾. Если не особенно большая тогда церковь Кареагенская могла собирать такіа значительныя суммы на экстренныя надобности, то конечно она могла вполне обеспечивать духовенство въ его нуждахъ и потребностяхъ. Но такъ могло быть только въ большихъ городахъ, въ родѣ Рима, Кареагена. А такъ ли было въ маленькихъ городахъ и общинахъ—неизвѣстно и вообще сомнительно; по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только низшіе клирики, но и епископы,—вѣроятно для пополненія своего бюджета—прибѣгали къ разнымъ стороннимъ занятіямъ. Такъ въ Африкѣ епископы занимались торговлей, а клирики были портными, учителями-грамматиками и даже слугами ²⁾. Вообще низшіе клирики нерѣдко старались такъ или иначе улучшить свое матеріальное положеніе.

Хотя, по всей вѣроятности, духовенство II и III вѣка не всегда и не вездѣ пользовалось матеріальнымъ благополученіемъ, тѣмъ не менѣе стоить замѣтить—церковь этого періода не благосклонно смотрѣла на тѣ случаи, когда предстоятелямъ христіанской общины выдавалось опредѣленное жалованье—предметъ, о которомъ такъ много говорится въ настоящее время въ духовной прессѣ. Церковный историкъ Евсевій указываетъ отдѣльные примѣры, когда въ нѣкоторыхъ еретическихъ общинахъ предводители были на жалованьи, т. е. получали строго опредѣленный денежный окладъ, и смотритъ на это явленіе, какъ на аномалію. Такъ, согласно мнѣнію цитируемаго имъ автора, Евсевій (V, 18) весьма неодобительно взираетъ на то, что „монтанисты

¹⁾ Творен. св. Кипріана, I, 300—301. Письмо къ епископамъ нумидійскимъ.

²⁾ Примѣры приведены у Möller. Lehrbuch d. Kirchengeschichte. Band I, 254. Freib. 1889.

проповѣдникамъ своего ученія давали жалованье“, какъ будто бы для того, по саркастическому выраженію этого писателя, на котораго ссылается историкъ — „чтобы пресыщенное чрево имѣло больше силы въ ученіи“. Другой древній писатель, цитируемый Евсеіемъ (V, 28), отмѣчаетъ какъ фактъ постыдный, что одна изъ монархіанскихъ сектъ „назначила своему епископу извѣстное жалованье по сту пятидесяти динаріевъ въ мѣсяць“. Спрашивается: почему церковь такъ не хорошо смотрѣла на предстоятелей церкви, получавшихъ опредѣленное жалованье? Въ рѣшеніи этого вопроса мнѣнія двоятся. Одни думаютъ, что неблагосклонный взглядъ церкви на жалованье опредѣлялся представленіемъ о высотѣ пастырскаго служенія. Жалованье казалось святопродажничествомъ и противорѣчіемъ изреченію: „туне принимали, туне и дадите“, а также оно, жалованье, не встрѣчалось ни среди левитовъ Ветхаго Завета, ни среди жречества въ язычествѣ¹⁾. Другіе думаютъ, что церковь не желала допускать жалованье потому, что не хотѣла стѣсненія вѣрующихъ: опредѣленное жалованье требовало бы, чтобы община непременно доставляла такую-то сумму—и ни какъ не меньше. Но это значило бы поставить вѣрующихъ въ податныя отношенія къ духовенству²⁾. Какое изъ этихъ двухъ мнѣній вѣроятнѣе? Первое мнѣніе едва ли основательно. Получать ли отъ пасомыхъ жалованье или брать деньги изъ церковной кружки—все равно то и другое можно считать дѣйствованіемъ не по правилу: „туне принимали, туне дадите“. Основательнѣе другое мнѣніе: оно указываетъ на деликатность вождей древней церкви, которые не хотѣли обременять другихъ; они хотѣли жить дѣйствительно добродѣтельными приношеніями,—вѣроятно разсуждая, что хлѣбъ такого происхожденія всегда слаще.

1) Мнѣніе французскаго церк. историка Прессансе.

2) Мнѣніе англійскаго церк. историка Gatch'a.

VI. Матеріальное состояніе духовенства въ IV—VIII вѣкахъ.

Обращаемся къ разсмотрѣнію матеріальнаго состоянія духовенства отъ IV по VIII вѣкъ.

Съ IV вѣка происходятъ нѣкоторыя довольно значительныя измѣненія въ матеріальномъ положеніи духовенства. Съ этого времени церковь становится много богаче въ сравненіи съ прежней эпохой; потому что теперь государство становится на сторонѣ церкви и поддерживаетъ ее.—Прежде всего, церковь обогащается недвижимыми имуществами, приносящими, разумѣется, доходъ. Откуда взялись они?

Церковь отчасти обогатилась такими имуществами на счетъ закрывавшихся языческихъ храмовъ. Вслѣдствіе императорскихъ распоряженій, недвижимыя имущества, принадлежавшія языческому культу и его жрецамъ, обращаемы были въ собственность христіанскихъ храмовъ и ихъ предстоятелей ¹⁾. Далѣе—теперь стало вводиться въ обыкновеніе при построеніи новаго храма обезпечивать настоящее и будущее его земельнымъ владѣніемъ. На это можно находить указаніе въ слѣдующихъ словахъ Іоанна Златоуста: кто имѣетъ помѣстье, тотъ долженъ имѣть въ немъ церковь. Ты—обращеніе къ помѣщику—поставь церковь, священника, діакона и прочій клиръ, и припиши къ церкви имѣніе, какъ бы приданое невѣстѣ ²⁾. По законамъ Юстиніана, при устройствѣ новой церкви долженъ быть указанъ источникъ содержанія клириковъ. По экономическимъ условіямъ того времени, такимъ источникомъ могли быть только недвижимыя имущества ³⁾. Однимъ изъ важныхъ средствъ къ приобрѣтенію

¹⁾ Соколова Пл.—Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, стр. 144—5. Новгор.. 1896. Любимова. Обзорніе способовъ содержанія духовенства до XVIII в., стр. 19—21. Петерб., 1852 (Здѣсь приведены многіе примѣры).

²⁾ Бесѣда XVIII-ая на кн. Дѣяній св. Апостол. Твор. Златоуста. Т. IX въ рус. пер., стр. 177. Спб. 1903.

³⁾ Соколова Пл., стр. 274. 275.

церковію недвижимыхъ имуществъ было, усвоенное ею, право получать таковыя по духовному завѣщанію. Согласно мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, мы полагаемъ, что обычай отказывать той или другой церкви большую или меньшую часть имущества—по духовному завѣщанію—ведетъ свое происхождение изъ временъ римскаго язычества. Въ языческомъ Римѣ былъ обычай, что умирающіе, изъявляя свою послѣднюю волю въ духовномъ завѣщаніи, всегда оставляли часть наслѣдства, если они были люди богатые, своимъ друзьямъ, высокопоставленнымъ лицамъ и прежде всего царствующему императору. Со временемъ Константина Великаго, по этому же образцу, стали отказывать часть наслѣдства и церкви. Въ Римѣ долгое время считалось почти преступленіемъ обойти въ духовномъ завѣщаніи личность императора; со временъ же утвержденія христіанской церкви въ мірѣ, съ IV в., стали считать оскорбленіемъ церкви и Самого Бога, если умирающій ничего не оставлялъ церкви изъ своего имущества. И какъ въ бюджетѣ римскихъ императоровъ доходы отъ полученныхъ наслѣдствъ составляли видную статью прибылей, такъ теперь деньги, получаемыя по наслѣдству, составляли важную статью въ доходахъ церкви¹⁾. Въ какой тѣсной связи римское обыкновеніе оставлять по духовному завѣщанію часть своего имущества друзьямъ, императору—находилось съ христіанскимъ обычаемъ не забывать въ своемъ завѣщаніи о церкви, —это весьма видно изъ фактовъ, отмѣченныхъ законодательствомъ Юстиніана. По свидѣтельству Юстиніановыхъ и болѣе раннихъ законовъ, византійское правительство часто находилось въ затрудненіи, какъ исполнить то или другое завѣщаніе, такъ какъ иногда завѣщевались извѣстныя доли имущества прямо Господу нашему Іисусу Христу, архангеламъ и св. мученикамъ²⁾. Очевидное дѣло, что для христіанъ, оставлявшихъ завѣщанія, Царь Небесный замѣнилъ царя земнаго, которому принято было отказывать имущество по римскому обычаю, а архангелы и св. мученики для нихъ, христіанъ, замѣнили разныхъ друзей, которые въ прежнее

¹⁾ Uhlhorn. Die Liebesthätigkeit in der alten Kirche. S. 252. Stuttg. 1882.

²⁾ Соколова П., стр. 129—130.

время имѣли долю въ наслѣдствѣ.—Но мы еще не кончили разъясненія вопроса о происхожденіи обычая оставлять имущество христіанскимъ церквамъ. Было въ язычествѣ, и именно опять римскомъ, такое явленіе, которое частію было аналогично съ разсматриваемымъ нами явленіемъ, частію служило подготовленіемъ къ нему. Въ Римской имперіи, какъ извѣстно, существовало много такъ наз. коллегій, члены которыхъ съ тою или другою цѣлію составляли братства или товарищества. Между этими коллегіями видное мѣсто занимали, такъ называемыя, погребальныя коллегіи¹⁾. Члены этихъ коллегій или, по крайней мѣрѣ, патроны ихъ, т. е. лица болѣе состоятельныя, нерѣдко отказывали по духовному завѣщанію извѣстной коллегіи дома, помѣстья или капиталы. Цѣль такихъ завѣщаній заключалась въ томъ, чтобы члены коллегіи читали память усопшаго, и въ извѣстные дни, въ день смерти или рожденія завѣщателя — раздѣляли между собою — хлѣбъ, вино, деньги — словомъ все то, что можно было получать отъ завѣщаннаго имущества. Не погрѣшимъ, если выразимся такъ: составители подобныхъ завѣщаній имѣли въ виду поминъ ихъ души. Законъ (языческій) строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы коллегія, сдѣлавшаяся наслѣдницею, точно исполняла обязанности, возложенныя на нее завѣщателемъ, — и въ случаѣ, если коллегія небрежетъ исполненіемъ своей обязанности, правительство отбирало отъ нея капиталы или имѣнія, оставленныя извѣстнымъ лицомъ по завѣщанію, и передавало ихъ другимъ коллегіямъ. Едва-ли нужно разъяснять: какимъ образомъ сейчасъ указанная языческая практика могла пролагать путь къ христіанскому обыкновенію оставлять имущества на церкви. Но вотъ что особенно замѣчательно: иногда завѣщатель-язычникъ весьма подробно изъяснялъ свою волю въ духовномъ завѣщаніи, и въ этомъ случаѣ точно опредѣлялъ, сколько и какому изъ членовъ коллегіи выдавать изъ завѣщаннаго имущества. Масштабомъ, какимъ опредѣлялось количество выдачи, служило положеніе того и другаго члена въ коллегіи. Впрочемъ на примѣрахъ это будетъ яснѣе. Такъ одинъ римлянинъ завѣ-

1) Объ этомъ предметѣ см. выше, стр. 393—395.

щалъ обществу Августаловъ 100.000 сестерцій (около 7,000 руб.) съ тѣмъ, чтобы заправители дѣлами коллегій изъ процентовъ получали въ день его рожденія на поминъ души по 4 динарія, (1 рубль) а прочіе члены по три динарія. Получать могли только лица, собравшіяся для того, чтобы отдать дань уваженія почившему. Еще точнѣе обозначены размѣры дачи въ завѣщаніи одной римлянки, отказавшей 50.000 сестерцій въ коллегію Эскулапа. Изъ процентовъ на капиталъ слѣдовало раздавать, на поминъ души усопшей, членамъ коллегіи — дважды въ годъ — слѣдующія денежные подачи и подачи же нѣкоторыми припасами: высшимъ по своему положенію членамъ коллегіи по 6-ти динаріевъ и 8 кружекъ вина; не столь высокимъ по положенію членамъ коллегіи — по 4 динарія и 6-ти кружекъ вина; наконецъ зауряднымъ членамъ по два динарія и по три кружки вина; сверхъ того, каждому члену давалось по 4 хлѣбца ¹⁾. Это обыкновеніе уже цѣликомъ переноситъ нашу мысль къ христіанскому обыкновенію выдавать изъ доходовъ епископу, священнику и низшимъ клирикамъ доли неодинаковой величины ²⁾.

Разъяснивъ происхожденіе обычая завѣщать имущества и въ особенности недвижимыя въ пользу церкви, мы должны обратиться къ раскрытію другихъ подробностей явленія. Мы должны, прежде всего, отмѣтить то, что нерѣдко пастыри христіанской церкви съ большею или меньшею настойчивостію напоминали пасомымъ объ ихъ долгѣ дѣлиться своими матеріальными средствами съ церковію. Наприм., блаж. Августинъ разъясняетъ христіанамъ, что какъ у царя земнаго есть казна, въ которую собираются подати съ подданныхъ, такъ нѣчто подобное должно быть и у Христа, какъ Царя вселенной ³⁾. Есть, впрочемъ, нѣкоторое не незначительное различіе между древними пастырями Востока и Запада, когда у тѣхъ и другихъ заходила рѣчь объ обогащеніи церкви. На Востокѣ пастыри были очень осторожны въ данномъ

¹⁾ Uhlhorn, S. 22—24.

²⁾ См. выше стр. 401—2. 404.

³⁾ Извѣкова. Іерархія сѣверо-африканск. церкви, 222. Вильна, 1884.

случаѣ. Іоаннъ Златоустъ внушалъ большую осмотрительность въ выборѣ средствъ для увеличенія церковныхъ имуществъ. Онъ говоритъ: въ этомъ дѣлѣ „нужна великая предусмотрительность, чтобы не умножать до чрезмѣрности и не доводить до оскудѣнія церковное имущество. Приобрѣтателстванія нужно съ кротостію и благоразуміемъ, поступая такъ, чтобы жертвователи дѣлали свои пожертвованія съ охотою и безъ сожалѣнія“¹⁾. Самъ Златоустъ вполнѣ осуществлялъ это правило на практикѣ. Вообще щедрость пожертвователей на церковь—на Востокъ—много завистѣла отъ личности архіерея, управлявшаго извѣстной паствой. Безкорыстный и щедролюбивый епископъ находилъ всегда много лицъ, желавшихъ дѣлиться своимъ достояніемъ съ церковію. Историкъ Созоменъ (VII, 27) говоритъ слѣдующее о св. Епифаніи, епископѣ Кипрскомъ. „Церковнаго имущества въ его распоряженіи было очень много. Потому, что многіе, желая сдѣлать благочестивое употребленіе изъ своего богатства, многіе во всѣхъ концахъ вселенной и при жизни отдавали свое имущество въ церковь и при кончинѣ оставляли ей же — въ той увѣренности, что Епифаній, какъ добрый распорядитель и какъ человекъ любящій Бога, употребить ихъ дары согласно съ ихъ намѣреніемъ“. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ Златоуста и Созомена видно, во первыхъ, что на Востокъ лучшіе пастыри очень осмотрительно относились къ вопросу объ умноженіи церковныхъ имуществъ; во 2-хъ, что личность епископа имѣла большое значеніе въ томъ—много или мало извѣстная церковь приобрѣтала имуществъ; въ 3-хъ, что въ IV вѣкѣ духовныя завѣщанія въ пользу церкви нерѣдко встрѣчались на дѣлѣ. Прежде упомянутый нами фактъ изъ Юстиніанова кодекса удостовѣряетъ, что и въ VI вѣкѣ нерѣдко дѣлались распоряженія въ духовныхъ завѣщаніяхъ относительно выдачи извѣстной части имущества на религіозныя дѣла. Юстиніанъ отмѣтилъ этотъ фактъ потому, что *очень многіе* отказывали по духовному завѣщанію все или часть имущества на имя Іисуса Христа,

¹⁾ Слова о священствѣ: слово III, гл. 17. (Твор. его. Т. I, стр. 435. Изд. Петерб. Акад. 1895).

архангеловъ или мучениковъ. И законодателю нужно было опредѣлить, какъ выполнять такую неясно выраженную послѣднюю волю христіанина. Какъ рѣшилъ Юстиніанъ этотъ вѣзусный вопросъ,—входить въ разъясненія по этому случаю намъ нѣтъ надобности ¹⁾; достаточно замѣтить, что императоръ сохранилъ за подобнаго рода завѣщаніями всю ихъ юридическую силу. — Такъ было на Востокѣ. На Западѣ много развязнѣе относились къ вопросу о способахъ обогащенія церкви. Вотъ, на примѣръ, какъ разсуждалъ по этому вопросу очень выдающійся западный писатель V-го вѣка Сальвіанъ Марсельскій. Онъ убѣждаетъ христіанъ дѣлать духовныя завѣщанія не въ пользу дѣтей и родственниковъ, а въ пользу церкви—ради спасенія души завѣщателя. Онъ прямо говоритъ, что отнюдь ничего не нужно оставлять по духовному завѣщанію ни дѣтямъ, ни родственникамъ, а все—церкви. „Должно самого себя любить больше всего—внушаетъ христіанскій пресвитеръ съ чисто языческимъ міровоззрѣніемъ—нужно больше всего заботиться о спасеніи собственной души. Ну что толку, если богачъ обогатитъ своихъ дѣтей, а самого себя обречетъ на вѣчную погибель“! Сальвіанъ, конечно, не отрицаетъ естественной любви родителей къ своимъ дѣтямъ, но, съ другой стороны, замѣчаетъ, что „не слѣдуетъ предпочитать вѣрѣ хотя и родную кровь, не слѣдуетъ давать побѣду требованіямъ любви надъ религіознымъ благочестіемъ“. Вообще Сальвіанъ какъ-бы провозглашаетъ такое правило: „лучше пусть дѣти въ семъ мірѣ будутъ бѣдняками, чѣмъ ихъ родители явятся таковыми же въ будущемъ вѣкѣ“ ²⁾. *Вотъ полное отрицаніе логики сердца!* Такимъ языкомъ никто и никогда не говорилъ на Востокѣ—въ средѣ пастырей Греческой церкви. Къ сожалѣнію, жестокія и безчувственныя слова Сальвіана были выраженіемъ почти господствующаго церковнаго стремленія на Западѣ. Стоитъ еще обратить вниманіе на то, что эти проповѣдники, призывавшіе всѣхъ къ пожертвованію въ пользу церкви,

¹⁾ См. эти подробности у Соколова: Церковно-имущественное право, 130.

²⁾ Uhlborn. S. 251 (Salvian. De avaritia I, 29 et III, 80. 101.

сами лично считаютъ себя вправѣ не оставлять по завѣщанію въ пользу церкви ни копѣйки¹⁾. Впрочемъ, мы отнюдь не утверждаемъ того, чтобы въ западной церкви—всѣ лица духовныя были увлечены тѣмъ чувствомъ церковной стяжательности, какое находимъ у Сальвиана и позднѣйшаго западнаго духовенства. Напротивъ, изъ исторіи IV и V вѣка мы видимъ, что нѣкоторые епископы Запада проявляли великую осторожность въ средствахъ обогащенія церкви. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ изъ исторіи Африканской церкви. Одинъ Карфагенскій гражданинъ, уже не надѣясь имѣть дѣтей, завѣщевалъ еще задолго до наступленія смерти всѣ свои имущества церкви. Такъ какъ однако у завѣщателя, паче чаянія, народились дѣти, то епископъ Карфагенскій Аврелій, вопреки ожиданіямъ, возвратилъ завѣщенное. „Ибо Аврелій могъ удержать наслѣдство,—замѣчаетъ бл. Августинъ,—разсказывающій объ этомъ,—лишь по праву гражданскому, а не праву божественному“. И самъ Августинъ, котораго нѣкоторые осуждали за то, что онъ слишкомъ мало обогатилъ свою Иппонскую церковь, объяснялъ: „кто съ устраненіемъ своего сына отъ наслѣдства захочетъ сдѣлать церковь наслѣдницей, тотъ можетъ искать кого-либо другаго, который принялъ бы это наслѣдство, но не разсчитывай на Августина; да и дай Богъ—прибавляетъ онъ—чтобы такой не нашелъ никого“, согласнаго принять подобный даръ²⁾. Августинъ поставилъ себѣ за правило: не принимать такихъ наслѣдствъ, завѣщатель которыхъ тѣмъ самымъ наноситъ ущербъ своимъ родственникамъ. Извѣстенъ слѣдующій фактъ изъ жизни самого Августина. Одинъ знаменитый иппонскій гражданинъ завѣщалъ церкви свое помѣстье, но потомъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и послалъ къ Августину извѣстную сумму денегъ, взявъ въ завѣщаннаго помѣстья, прося возвратить дарственную запись на послѣднее. Августинъ же возвратилъ ему и помѣстье и деньги эти, заявляя, что церковь не можетъ имѣть вынуж-

¹⁾ Ibidem, S. 408.

²⁾ Augustini. Sermo 356. § 5 (Neander. Geschichte der christlichen Religion und Kirche. B. I, 486. Gotha, 1856).

денныхъ даровъ, а хотеть имѣть дары, исходящіе отъ свободного расположенія¹⁾. Эти примѣры, конечно поучительны. Но мы не считаемъ возможнымъ допускать, чтобы они служили выраженіемъ общаго правила на Западѣ. Этого нельзя думать. Въ 1-хъ, указанные примѣры относятся лишь къ одной Африканской, а не разнымъ западнымъ церквамъ; въ 2-хъ, повѣствуется объ этихъ примѣрахъ такъ, что ясно чувствуется ихъ исключительность. Въ особенности изъ разсказа о случаѣ при Августинѣ само собой вытекаетъ заключеніе, что весьма немногіе поступили бы на мѣстѣ Августина такъ, какъ онъ поступилъ. Общій выводъ изъ всего только-что сказаннаго тотъ, что на Западѣ корыстолюбіе и сребролюбіе сильно руководили пастырями церкви, заботившимися объ умноженіи ея имуществъ.

Такимъ образомъ, говоря о матеріальномъ положеніи духовенства съ IV-го вѣка, мы имѣемъ основаніе утверждать, что церкви изучаемой эпохи обогащались на счетъ крупныхъ пожертвованій со стороны вѣрующихъ въ пользу храмовъ — пожертвованій, которыя состояли изъ недвижимыхъ имуществъ или изъ денегъ, и которыя очень часто передавались по назначенію въ силу духовныхъ завѣщаній. Нѣтъ сомнѣнія, что духовенство въ той или другой формѣ пользовалось и имѣло право пользоваться этимъ церковнымъ достояніемъ. Къ этимъ доходамъ духовенства присоединялись и другіе, исключительно денежные. (По прежнему²⁾), въ праздничные дни прихожане приносили въ храмы каждый сколько могъ денегъ на нужды церкви и духовенства.

Раздѣлъ церковныхъ денегъ по прежнему оставался въ вѣдѣніи епископа. Но какимъ образомъ онъ происходилъ, сколько получалъ каждый изъ членовъ клира — неизвѣстно. Едва-ли сохранялся такой порядокъ, какой утвердился въ первые три вѣка, и о какомъ мы имѣли случай говорить раньше. О Западѣ мы знаемъ въ изучаемомъ отношеніи больше, чѣмъ о Востокѣ: недаромъ Западъ всегда отличался практицизмомъ. Есть извѣстіе, не восходящее, впрочемъ,

¹⁾ Possidii. Vita Augustini, cap. 24.

²⁾ См. раньше, стр. 399—400.

раньше конца 5-го вѣка, въ которомъ говорится, что будто въ Римской церкви около указанного времени образовалось такое обыкновеніе: всѣ денежные доходы данной церкви дѣлились — неизвѣстно, помѣсячно, погодно или какъ еще — дѣлились на три части: одна часть шла въ пользу церкви (т. е. вѣроятно, на нужды богослуженія и на вспоможеніе бѣднымъ), другая — назначалась епископу, а третья клиру¹⁾. Но, впрочемъ, этотъ порядокъ не былъ твердо установленнымъ правиломъ на Западѣ. По другому извѣстію, на Западѣ же въ то же время вошло въ обычай дѣлить церковные доходы на четыре части. Одна часть шла въ пользу епископа, другая на нужды прочихъ клириковъ, третья употреблялась на церковныя потребности, а четвертая — на бѣдныхъ. Мотивъ такого четырехчастнаго дѣленія²⁾ остается неизвѣстнымъ. Однако нужно предполагать, что вышеуказанное дѣленіе доходовъ на три или четыре части не было дѣленіемъ на три или четыре равныхъ части, ибо трудно представить себѣ, чтобы епископъ въ то время бралъ себѣ столько же, сколько выдавалось на весь клиръ или на всѣхъ бѣдныхъ города или епархіи. Вотъ что знаемъ мы о Западѣ по отношенію къ вопросу объ употребленіи и дѣленіи между лицами духовными — церковныхъ доходовъ. А какъ это дѣло поставлено было на Востокѣ — мы знаемъ и того меньше. У историка VI-го вѣка Θεодора чтеца (кн. I, гл. 13) читаемъ слѣдующее свидѣтельство: „въ Константинополѣ по смерти патріарха Анатолія (извѣстнаго участника Халкидонскаго собора) на его мѣсто возведенъ былъ пресвитеръ константинопольскій Геннадій. Геннадій поставилъ церковнымъ экономомъ нѣкоего Маркіана, обратившагося въ церковь отъ секты новаціанской. Принявъ эту должность, Маркіанъ тотчасъ ввелъ правило, чтобы приношенія вѣрующихъ въ каждой церкви принадлежали мѣстнымъ клирикамъ, тогда какъ прежде всѣ они поступали въ „великую церковь“, т. е. въ каедральную церковь Константинополя, каковою и тогда,

¹⁾ Θεодора чтеца, изъ его церковной исторіи, кн. II, гл. 55.

²⁾ Примѣчаніе къ вышеуказанному мѣсту изъ исторіи Θεодора чтеца, которое можно находить при оригиналѣ и русскомъ переводѣ.

вѣроятно, была церковь Софійская. Приведенное свидѣтельство Θεодора чтеца показываетъ, что по отношенію къ пользованію со стороны клира церковными доходами въ V вѣкѣ въ столицѣ Византійскаго государства произошло довольно важное измѣненіе. Мы уже знаемъ ¹⁾, что раньше былъ такой порядокъ: всѣ доходы церковные изъ всѣхъ храмовъ извѣстнаго города, гдѣ былъ епископъ и клиръ, стекались въ кафедральный храмъ. Здѣсь-то, подъ личнымъ смотрѣніемъ архіерея, и происходилъ раздѣлъ дохода между всѣми клириками и другими немущими лицами. Но въ V-мъ вѣкѣ этотъ порядокъ отмѣненъ въ Константинополѣ, и введенъ другой, на какой указываетъ Θεодоръ чтець. Происхожденіе новаго порядка понятнѣе: онъ былъ удобнѣе для столицы, гдѣ было много церквей и много клириковъ. Можно быть въ увѣренности, что въ слѣдъ за столицей тотъ же порядокъ ввели и прочіе епископы въ своихъ епископскихъ городахъ. Такъ возникъ тотъ порядокъ въ пользованіи церковными доходами, который до извѣстной степени напоминаетъ существующій теперь у насъ въ церквахъ. — Церковныя суммы, кромѣ своего непосредственнаго назначенія покрывать нужды церкви и служить вспоможеніемъ епископу, клиру и бѣднымъ, употреблялись иногда на пенсіи лицамъ духовнымъ, если они находились въ отставкѣ. Именно, изъ этихъ суммъ иногда выдавались пенсіи епископамъ, очутившимся за штатомъ. Объ этомъ можно узнавать изъ дѣяній собора Халкидонскаго. На соборѣ положено было выдавать пенсію изъ суммъ Антиохійской церкви Домну патріарху Антиохійскому по отставленіи его отъ должности ²⁾. На томъ же соборѣ опредѣлено изъ суммъ церкви Ефесской выдавать пенсіи—ежегодно въ 200 золотыхъ монетъ (сумму порядочную) каждому изъ двухъ отставныхъ епископовъ Ефесскихъ—Вассіану и Стефану ³⁾. Деньги, о которыхъ у насъ рѣчь, имѣли и еще одно назначеніе, которое представляетъ оригинальную черту древности. Въ актахъ собора халкидон-

¹⁾ См. выше стр. 160. 167. Слич. Соколова. Церковно-имущественное право, 217.

²⁾ Дѣян. вселенск. соборовъ въ русскомъ переводѣ, т. IV, 110. Изд. 2-е.

³⁾ Тамъ же, стр. 118.

скаго записаны различныя показанія нѣкоторыхъ клириковъ, служившихъ подъ вѣдѣніемъ Едесскаго митрополита Ивы. Одинъ изъ клириковъ, между прочимъ, свидѣтельствовалъ: „въ святой церкви (Едесской) есть обычай, по которому епископъ въ день Пасхи или за день—собственноручно раздаетъ клирикамъ деньги ради праздника“. Раздача происходила въ епископскомъ домѣ—въ столовой, по тогдашнему, лучшей комнатѣ; при этомъ епископъ говорилъ что-то въ родѣ поученія къ клирикамъ ¹⁾. Не знаемъ точно-былъ ли это обычай лишь Едесской церкви, или же практиковался онъ и въ другихъ мѣстахъ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ былъ принятъ во всѣхъ болѣе богатыхъ церквахъ Греческаго Востока. Нужно сказать, что клирикъ, сообщая намъ вышеприведенныя свѣдѣнія, говоритъ объ обычаѣ не въ тонѣ укора, а предполагаетъ его, какъ явленіе обычное. Если захотимъ назвать этотъ обычай какимъ нибудь именемъ изъ классической древности, то болѣе всего онъ походить на раздачу патрономъ спортулы своимъ кліентамъ (что такое спортула мы упоминали раньше) ²⁾. А если пожелаемъ найти какую-либо аналогію для разсматриваемаго обычая въ современной намъ жизни, то кажется нѣтъ препятствій наименовать его раздачей наградныхъ денегъ ради праздника, что, какъ извѣстно, распространено у насъ, хотя и не среди духовенства.

Въ первые три вѣка христіанской церкви епископъ не распоряжался безконтрольно церковными суммами: онъ до извѣстной степени ограниченъ былъ въ своихъ распоряженіяхъ пресвитеріумомъ. Но съ IV-го вѣка становится замѣтнымъ желаніе епископомъ выступить изъ-подъ контроля. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что епископаты съ IV-го вѣка весьма возросъ въ его собственныхъ глазахъ. Такое возвышеніе епископата—въ отношеніи къ управленію церковнымъ имуществомъ иногда выражалось въ томъ, что епископы позволяли себѣ распоряжаться таковымъ имуществомъ, какъ собственностію. Злоупотребленія подобнаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 96—97.

²⁾ См. подробнѣе стр. 395.

рода встрѣчались въ срединѣ IV-го вѣка. На борьбу со зломъ въ 341 году выступаетъ соборъ Антиохійскій, въ составѣ котораго хотя и было много аріанъ, но правила котораго приняты послѣдующею церковію, какъ нормы церковнаго управленія,—знакъ, что правила эти были очень цѣлесообразны. Мы приведемъ, относящіеся къ нашему вопросу, правила. Они безъ всякихъ комментаріевъ ясны, какъ день. Въ правилѣ 24-мъ говорится: „все, что принадлежитъ церкви, должно быть явнымъ и находиться въ вѣдѣніи, приставленныхъ къ церковному имуществу, пресвитеровъ и діаконѣвъ (рѣчь идетъ объ ограниченіи правъ епископа), такъ чтобы они (т. е. и пресвитеры и діаконы) знали, а не находились въ невѣдѣніи, что собственно принадлежитъ церкви и чтобы ничего не было скрыто отъ нихъ“. Правило далѣе поясняетъ, почему дѣлается такое постановленіе: „такимъ образомъ — говорится здѣсь — если случится епископу преставиться отъ сей жизни, то при общеизвѣстности церковнаго имущества, ни оно не будетъ растрачено и не погибнетъ, ни собственность епископа не будетъ потревожена подъ тѣмъ предлогомъ, что она принадлежитъ церкви“. Очевидно, что нѣкоторые епископы въ отношеніи къ церковнымъ деньгамъ позволяли себѣ держаться правила: „твое-мое“. Вслѣдствіе чего, по смерти какого-либо епископа, трудно было разобраться, что дѣйствительно въ его имуществѣ принадлежало ему, а что принадлежитъ церкви. Дальнѣйшее правило того же собора Антиохійскаго указываетъ и другія злоупотребленія, какія позволяли себѣ епископы, присвоивая себѣ безконтрольность въ управленіи церковнымъ достояніемъ. „Нѣкоторые изъ епископовъ—замѣчаетъ 25-е правило—предоставляли власть надъ церковными деньгами и сельскими произведеніями своимъ домашнимъ или своимъ роднымъ, братьямъ, сыновьямъ, чтобы, благодаря ихъ посредству, скрыть невѣрность церковныхъ счетовъ“. Другіе изъ подобнаго рода епископовъ дѣйствовали еще проще. Въ томъ же правилѣ далѣе читаемъ: они „обращали въ свою собственность то, что принадлежало церкви, наприм. поле или какое-либо другое церковное имущество“. Это, конечно, прямое злоупотребе-

ніе своею властію. Не случилось и такъ, что епископъ не былъ сребролюбцемъ и корыстолюбцемъ, но за то раздавалъ церковныя имущества въ пользу бѣдныхъ съ такою щедростію, что могло возникнуть опасеніе, какъ бы клиръ и церковь не остались ни при чемъ. Такихъ епископовъ порицали, какъ расточителей. Въ такое положеніе поставилъ себя, напримѣръ, епископъ IV в. св. Епифаній Кипрскій ¹⁾. Чувствовалось и при этомъ случаѣ, что здѣсь нѣтъ той законности, которая удовлетворила бы и примиряла бы заинтересованныхъ дѣломъ церковнаго управленія лицъ.—Съ теченіемъ времени, примѣры явныхъ злоупотребленій со стороны епископовъ въ управленіи церковнымъ имуществомъ—примѣтно увеличиваются. Въ V-мъ вѣкѣ на вселенскомъ соборѣ Халкидонскомъ заявлены были многочисленныя жалобы касательно Діоскора патриарха Александрійскаго и Ивы митрополита Едесскаго въ томъ, что они постоянно злоупотребляли церковнымъ достояніемъ. Въ виду этого, указанный соборъ вводитъ при каждой церкви эконома изъ числа клириковъ; онъ долженъ быть свидѣтелемъ епископскихъ распоряженій и принимать ближайшее участіе въ расходованіи имѣній. Отцы вселенскаго собора, совершенно въ духѣ собора Антиохійскаго 341 года, постановляютъ (пр. 26): „каждая церковь должна имѣть эконома изъ своего клира, который распоряжался бы церковнымъ имуществомъ подъ вѣдѣніемъ своего епископа, дабы не расточалось имущество церкви и не пало нареканія на священство“. По смыслу правила, экономъ является представителемъ контроля со стороны духовенства въ отношеніи къ епископу и его распоряженіямъ церковными доходами, или даже замѣстителемъ этого послѣдняго. Правда, рассматриваемое правило называетъ этого представителя отъ клира лишь „свидѣтелемъ“ управленія церковнымъ имуществомъ. Но,—какъ замѣчаетъ нашъ русскій канонистъ, — „нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что практика и законодательство понимали подъ этимъ неопредѣленнымъ терминомъ именно замѣстителя (епископскаго), а не простого свидѣтеля“. По словамъ того же канониста,

¹⁾ Созомена, VII, 27.

„соборъ, вводя важное ограниченіе епископской власти, старался въ тоже время по возможности сохранить престижъ епископа“, поему и называлъ эконома лишь „свидѣтелемъ“, а не другимъ какимъ либо именемъ ¹⁾. Какой роли достигаютъ экономы, учрежденные Халкидонскимъ соборомъ, это видно на примѣрѣ константинопольскаго эконома Маркіана, который при патріархѣ Геннадіи (V в.) по своей волѣ ввелъ очень серьезную реформу въ имущественномъ управленіи патріархіи, о чемъ нами было упомянуто раньше. Впрочемъ, нужно сказать, что и послѣ изучаемаго нами опредѣленія вселенскаго собора злоупотребленія въ управленіи церковными имуществами не прекращались. Такъ папа Симплицій (кон. V вѣка) указываетъ на такого епископа, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не выдавалъ законныхъ частей ни для бѣдныхъ, ни для храма, обращая всѣ доходы въ свою собственность ²⁾. Или же: въ VI вѣкѣ на Западѣ на одномъ соборѣ (in Gallia Narbonensis) заявлено было, что нѣкоторые епископы обираютъ приходскія церкви до-чиста, или оставляли на нихъ долю весьма мало ³⁾. Въ виду такихъ фактовъ, опредѣленіе Халкидонскаго собора объ экономахъ не разъ повторяется послѣдующими соборами и вообще принимаются мѣры къ ограниченію самоволія епископовъ. Главное же злоупотребленіе, о которомъ нельзя не упомянуть, заключалось въ слѣдующемъ: несмотря на существованіе канона о томъ, чтобы управленіе церковнымъ имуществомъ совершалось епископами при посредствѣ эконома изъ числа клириковъ, въ очень многихъ епархіяхъ епископы управляли церковнымъ достояніемъ безъ такого рода экономовъ. Такъ, въ одномъ правилѣ Трулльскаго собора (пр. 35), гдѣ слѣдовало бы встрѣтить упоминаніе о церковномъ эконотѣ, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ такого упоминанія; а это показываетъ, что во многихъ церквахъ и послѣ Халкидонскаго собора не было контролирующихъ епископа экономовъ ⁴⁾.

¹⁾ Соколова Плат., стр. 225.

²⁾ Gfrörer. Allgemeine Kirchengeschichte. B. II, S. 33. Stuttg. 1843.

³⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. II, 716. 2—te Auflage.

⁴⁾ Соколова Пл., стр. 227. 230.

Заканчивая разсмотрѣніе вопроса о церковныхъ имуществѣхъ, или точнѣе о тѣхъ деньгахъ, которыя получались съ этихъ имуществъ или иными способами стекались въ церковь, мы должны отмѣтить важное измѣненіе въ расходованіи церковныхъ денегъ, обнаружившееся особенно ясно въ VI вѣкѣ. Въ первенствующей церкви, и даже въ IV-мъ вѣкѣ, церковныя суммы составляли достояніе бѣдныхъ и расходовались на пропитаніе неимущихъ, призрѣніе сиротъ, погребеніе бѣдныхъ христіанъ и пр. Духовенство же (епископъ и клиръ) не имѣли никакихъ особыхъ правъ на эти деньги. Если же духовенство и пользовалось ими, то въ этомъ случаѣ оно не выдѣлялось изъ ряда прочихъ бѣдныхъ и нищихъ. Не то видимъ въ V-мъ вѣкѣ. Въ это время образовалось правило дѣлить деньги на три или на четыре доли; въ послѣднемъ случаѣ получались такія доли: въ пользу 1) епископа (*pro mensa episcopi*), 2) клира (*pro clero*), 3) храма (*pro fabrica ecclesiastica*) и наконецъ 4) бѣдныхъ (*pro pauperibus*). Такое раздѣленіе доходовъ, при которомъ, можетъ быть, половина средствъ, имѣвшихъ своимъ назначеніемъ бѣдныхъ, уже по правилу переходить въ пользу духовенства, появилось впервые, — какъ было указано раньше, — въ церкви западной; а отсюда, по увѣренію историка Меллера, это обыкновеніе распространилось и по другимъ церквамъ. Но на этомъ дѣло не остановилось. Доля духовенства, получаемая изъ церковныхъ доходовъ, стала все возрастать на счетъ доли бѣдныхъ или доли съ благотворительнымъ назначеніемъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, на Востокѣ. При Юстиніанѣ церковныя деньги идутъ, первѣе всего, на содержаніе клириковъ, потомъ на церковныя нужды и только остатки изъ этихъ денегъ поступаютъ въ пользу бѣдныхъ. Позднѣе изъ церковныхъ доходовъ и совсѣмъ ничего не стали удѣлять на бѣдныхъ. Такъ произошла отмѣна прежняго, древняго, обыкновенія и замѣна его новымъ, несходнымъ съ первоначальнымъ ¹⁾).

Кромѣ главныхъ доходовъ духовенства, составлявшихся изъ прибытковъ отъ недвижимыхъ церковныхъ имуществъ

¹⁾ Moeller. Lehrbuch d. Kirchengeschichte. B. I, 335. Соколова П. Церковно-имуществ. право, 256. 263. 267.

и отъ денежныхъ пожертвованій, дѣлаемыхъ въ самыхъ храмахъ, клирики по-прежнему пользовались излишкомъ отъ даровъ, приносимыхъ для Евхаристіи, а также начатками отъ плодовъ и другихъ произведеній земли. Доходъ духовенства отъ этихъ статей, нужно сказать, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ становился незначительнѣе. Причина такого явленія заключалась въ упадкѣ христіанской жизни. До четвертаго вѣка твердо держалось обыкновеніе, что каждый вѣрующій въ каждый воскресный день и по большимъ праздникамъ (ихъ тогда было очень немного) неопустительно приходилъ въ храмъ, принималъ Евхаристію, и потому считалъ долгомъ приносить хлѣбъ и вино для таинства. Не такъ стало въ IV вѣкѣ. Въ церковь начали ходить все рѣже и рѣже. Даже такіе великіе проповѣдники, какъ Златоустъ, жалуются на то, что вѣрующіе блистаютъ своимъ отсутствіемъ въ церкви, въ особенности, если въ день праздничный назначались бѣга въ ипподромѣ или театральное зрѣлище. Однажды Златоустъ съ прискорбіемъ уподобляетъ христіанъ іудеямъ, которые обязаны были только трижды въ годъ являться въ храмъ для молитвы. Онъ же говоритъ, что если кто и приходилъ въ церковь, то и они уходили изъ нея послѣ проповѣди (т. е. послѣ Евангелія на литургіи), не дожидаясь времени причащенія вѣрующихъ; да если кто и оставался до момента причащенія и причащался, то и тѣ не всегда считали необходимымъ дѣлать обычныя приношенія къ алтарю. Если приношенія къ алтарю прежде были разнообразны, не ограничивались хлѣбомъ, виномъ, но щедрость вѣрующихъ побуждала приносить или въ церковь или въ домъ епископа и другіе съѣстные припасы, назначавшіеся для агапъ и раздачи неимущимъ, то теперь, кромѣ хлѣба и вина, вѣрующіе почти ничего не стали жертвовать ¹⁾. Подобное же случилось и съ начатками. Прежде весьма разнообразные предметы, въ качествѣ начатковъ, приносились въ храмъ, а теперь все дѣло ограничилось приношеніемъ масла, меда и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Потому доходъ духовенства съѣстными припасами—

¹⁾ Свидѣтельства собраны у Uhlhorn'a. S. 247—248.

весьма сократился. Впрочемъ, какъ можно догадываться, въ разсматриваемомъ отношеніи была разница между церковію Восточною и Западною. Тогда какъ на Западѣ міряне охотнѣе несли—по крайней мѣрѣ не въ чисто римскихъ провинціяхъ, напр. Галліи,—этотъ родъ церковныхъ повинностей: такъ наприм. соборъ Орлеанскій ¹⁾, начала VI вѣка, говоритъ объ этомъ, какъ дѣлѣ обыкновенномъ и общерапространенномъ; на Востокѣ же было не то. На Востокѣ въ томъ же VI в. христіане съ значительнымъ упорствомъ начали уклоняться отъ исполненія указанной повинности (разумѣемъ собственно приношеніе начатковъ); дѣло дошло до того, что епископы и священники должны были для вразумленія противящихся прибѣгать къ очень рѣшительной мѣрѣ—церковному отлученію ²⁾).

Заслуживаетъ нѣкотораго разсмотрѣнія вопросъ о десятинахъ, которую церковь этого времени хотѣла брать съ мірянъ. Подъ десятиной разумѣется десятая часть всѣхъ вообще стяжаній и въ особенности произведеній земли. Мысль, что христіане обязаны вносить десятину въ пользу церкви, весьма нерѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ даже замѣчательнѣйшихъ писателей IV и V вѣка. Но практика не соотвѣтствовала ожиданіямъ и требованіямъ христіанскихъ учителей ³⁾. Такъ на Востокѣ за десятину высказываетъ себя Златоустъ. Въ одной своей бесѣдѣ онъ говоритъ: „скажетъ мнѣ кто-нибудь не безъ удивленія: вотъ тотъ или другой даетъ десятину, и прибавитъ: „какой срамъ“ — вѣдь, это не соотвѣтствуетъ имени христіанъ. Златоустъ не соглашается съ такими резонерами. Онъ пишетъ: „что у іудеевъ было дѣломъ обыкновеннымъ, то у христіанъ считается удивительнымъ; и если тогда опасно было не давать десятины, подумай, какова эта опасность должна быть теперь“ ⁴⁾. Ораторъ, очевидно, хотѣлъ сказать этими словами, какъ и говоритъ однажды, что христіанинъ

¹⁾ Hefele. В. II, 663.

²⁾ Такъ было во времена Юстиніана. Любимова. Обзоръ способовъ и т. д. стр. 30.

³⁾ Uhlhorn, S. 252.

⁴⁾ Св. Златоуста на послан. къ Ефесянамъ, бесѣд. 4.

обязанъ превзойти праведность фарисеевъ; а фарисеи между прочимъ давали и десятину. Но не смотря на то, что въ защиту разсматриваемой повинности раздавались такіе авторитетные голоса, десятина на Востоѣ не входила въ практику. Противъ этого ветхозавѣтнаго обычая выступаетъ и общество и государство. — Нѣсколько иначе было на Западѣ. Здѣсь церковь высказывалась за десятину единодушнѣе и энергичнѣе, и успѣхъ былъ больше. Блаж. Іеронимъ писалъ: „что сказано о десятинахъ (и начаткахъ), которые іудеи давали левитамъ и священникамъ, то же разумѣй и о христіанахъ, которымъ заповѣдано не только вносить десятины, но и продавать все свое имущество, отдавать его бѣднымъ, и слѣдовать за Христомъ. И если не хотимъ дѣлать этого, то по крайней мѣрѣ будемъ подражать начинаніямъ іудеевъ“ ¹⁾. Другой великій западный пастырь Августинъ убѣждаетъ вѣрующихъ давать десятину, а за удержаніе ея онъ угрожаетъ возможностью лишиться остальныхъ девяти частей. Онъ пишетъ: „всякій чѣмъ живетъ, отъ того и долженъ приносить десятину Богу. Отъ всего, что имѣете, давайте безъ утайки десятину, чтобы иначе не были отняты у васъ (разумѣется: Богомъ) девять частей и не осталась вамъ лишь одна десятая“ ²⁾. Но и на Западѣ десятина имѣла только относительный успѣхъ. Она утвердилась не въ собственно римскихъ областяхъ, а въ областяхъ со смѣшаннымъ, преимущественно варварскимъ, населеніемъ — у Галловъ, Германцевъ ³⁾. Последнее явленіе понятно. Полуварварскіе народы легче усвоили внѣшнія требованія религіи, чѣмъ внутреннія, духовныя. Да имъ и легче было внушить то, чего хотѣлось духовенству.

Въ настоящее время главнымъ источникомъ матеріальнаго обезпеченія духовенства у насъ служить плата, получаемая за исправленіе требъ. Былъ ли такой источникъ доходовъ у духовенства отъ IV по VIII в., и если былъ, то какъ много значилъ въ бюджетѣ пастырей церкви? За

¹⁾ Іеронима. Твор. въ рус. пер. (Толкован. на 3 гл. книга пророка Махаири. Т. 15, стр. 243. Изд. Кіев. дух. акад.

²⁾ Commentar. in Psalm. 146.

³⁾ Uhlhorn, 252.

совершенство таинствъ и въ древности получалось вознагражденіе духовенствомъ. Въ доказательство—приведемъ факты. Но напрасно стали бы мы думать, что это былъ очень вѣрный источникъ обезпеченія духовенства. Намъ кажется, что этимъ способомъ духовенство мало приобрѣтало. Или вѣрнѣе сказать: отъ этого способа приобрѣтенія больше имѣли доходовъ не священники—какъ теперь у насъ—, а епископы, чего, какъ извѣстно, совсѣмъ нѣтъ (или почти нѣтъ) у насъ. Посмотримъ же, какъ было дѣло. Съ IV-го вѣка мы встрѣчаемъ указанія, что за всѣ важнѣйшія таинства духовныя лица получали вознагражденіе. Начать съ крещенія. Соборъ Эльвирскій, въ Испаніи, опредѣлялъ, (прав. 48), „чтобы крещаемый не клалъ денегъ на блюдо, какъ это стало входить въ обыкновеніе, дабы не казалось, что священникъ за деньги даетъ то, что самъ пріялъ даромъ“ ¹⁾. Григорій Богословъ въ проповѣди о крещеніи цитируетъ слова бѣднаго, который въ свое извиненіе, почему онъ не принимаетъ крещенія, говорилъ: „гдѣ у меня даръ, который я принесъ бы по крещеніи? гдѣ свѣтлая одежда, въ которой я долженъ креститься? Гдѣ то, что нужно для угощенія вводителѣй моихъ“ ²⁾. Изъ этого видно, что во времена Григорія было въ обычаѣ, чтобы крещающійся язычникъ приносилъ священникамъ какой-нибудь даръ, а вводителямъ, т. е. воспріемникамъ, давалъ приличное угощеніе. Григорій, конечно, съ своей стороны замѣчаетъ, что ничего такого не нужно, но обычай былъ сильнѣе разсужденій. Подобнымъ же образомъ изъ жалобъ Августина на то, что многіе совершаютъ таинства и благоувствуютъ слово Божіе не по сознанію долга, не по чувству важности самыхъ дѣйствій, но въ надеждѣ получить за то вознагражденіе—видно, что совершенство таинствъ въ его время сопровождалось вещественною благодарностію ³⁾. Папа Геласій (въ концѣ V-го вѣка) въ одномъ посланіи ⁴⁾ пишетъ: „за крещеніе и миро-

¹⁾ Hefele B. I, S. 177. 2-te Auflage.

²⁾ Творен. его въ русск. пер. Т. III, 297.

³⁾ Augustini. De haeres: liber II, contra Parmen., cap. 11; lib. III, contr. Petel., cap., 24,

⁴⁾ Labbaei. Concilia, tom. IV, p. 1189.

помазаніе христіанъ священники не должны требовать никакой благодарности“, — а обычай значить былъ. Трулльскій соборъ (прав. 23) строго запрещаетъ домогаться награды за преподаваніе таинства Евхаристіи: „если кто изъ принадлежащихъ къ клиру усмотрѣнъ будетъ требующимъ какого-либо вознагражденія отъ того, кому преподается причастіе, да будетъ изверженъ“. Обычай значить раньше того опять таки былъ. Григорій Великій, папа римскій, укоряетъ подвѣдомыхъ ему епископовъ за то, что они терпятъ обычай настоятельно требовать вознагражденія за погребеніе отъ родственниковъ умершаго ¹⁾). Значить былъ и обычай — брать за похороны. Итакъ мы привели довольно свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что духовенство и Греческое и Латинское въ изучаемый нами періодъ взимало деньги и за совершеніе таинствъ и за похороны. Это фактъ очевидный. Но не совсѣмъ очевидно вотъ что: если священники и низшій клиръ дѣйствительно брали деньги за совершеніе таинствъ, то неужели дѣлали это же и епископы? Изъ болѣе точнаго разсмотрѣнія вышеприведенныхъ фактовъ, повидному, открывается, что и епископы получали мзду за совершеніе таинствъ. Въ самомъ дѣлѣ, Августинъ упрекаетъ духовенство за мздоимство при совершеніи и муропомазанія, но муропомазаніе на Западѣ съ древнихъ вѣковъ совершалъ епископъ. Или еще: Трулльское правило, запрещающее взиманіе мзды за преподаваніе Евхаристіи, изъ числа нарушителей этого правила не исключаетъ и епископа. Но спрашивается: неужели мы должны допускать, что и епископы въ древности позволяли себѣ мздоимство за совершеніе упомянутыхъ таинствъ? Намъ кажется это сомнительнымъ. Т. е. если и бывали епископы, берущіе деньги за совершеніе указанныхъ таинствъ, то подобное явленіе встрѣчалось очень рѣдко. У епископовъ, какъ сейчасъ увидимъ, былъ одинъ такой существенный источникъ доходовъ, что они едва ли могли дорожить такими грошами, какіе получали, наприм., священники за обычное совершеніе таинствъ, или за похороны. — Конечно, каждый обратилъ вниманіе, что чрезъ всѣ

¹⁾ Любимова. Обзоръ способовъ..., 41.

извѣстія, касающіяся платы за совершеніе таинствъ — красною нитью проходить мысль, что это не законно, что это запрещено, что этого не должно быть! Такъ неужели же всѣ наши священники, какъ неисполняющіе подобныхъ требованій, подлежатъ отлученію и всякимъ анаемамъ? Не думаю! Припомнимъ, что въ древности съ теченіемъ времени главнымъ образомъ на потребности духовенства стала тратиться церковная казна (по теперешнему: церковная кружка). Если же духовенство не удовлетворялось этимъ, а равно и доходами съ недвижимыхъ церковныхъ имуществъ, то, взимая деньги за таинства, духовенство, древне-греческое и западное, показывало, что оно было своекорыстно и сребролюбиво. Но ничего такого нельзя сказать о нашемъ духовенствѣ, не имѣющемъ права пользоваться церковными суммами. Если же, принимая плату за совершеніе таинствъ, оно и поступаетъ вопреки древнихъ правилъ, то нужно помнить, что и Давидъ позволилъ своимъ солдатамъ въ нуждѣ ѣсть хлѣбы предложенія, которыми могли пользоваться одни священники!—Но я пускаюсь въ разсужденія на современныя темы, тогда какъ наше дѣло лишь изучать исторію. Итакъ, мы показали, что священники и въ древности брали плату за исправленіе таинствъ и за похороны, и при этомъ сдѣлали предположеніе, что этотъ доходъ былъ незначителенъ въ бюджетъ священника.

Гораздо болѣе при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ пополнялся бюджетъ архіереевъ. Архіереи прежде всего начали взимать деньги какъ за посвященіе въ архіереи, такъ и за поставленіе въ священники. Съ теченіемъ времени это стало очень выгодной статьей архіерейскихъ доходовъ. Сначала на это явленіе смотрѣли не благосклонно, послѣ попри- выкли къ нему, а потомъ даже возвели его въ норму, законъ... Первые слѣды разсматриваемаго явленія стали замѣтны уже въ IV-омъ вѣкѣ. Во времена Василия Великаго подчиненные ему епископы (точнѣе сказать: хорепископы ¹⁾

¹⁾ По буквальному значенію: „деревенскіе архіереи“, слѣдовательно сѣдѣйшіе епископы.

брали деньги за посвященіе въ священ. должности ¹⁾). Патріархи и митрополиты брали деньги—первые за посвященіе новопоставляемыхъ митрополитовъ, а послѣдніе за посвященіе епископовъ, какъ это обнаружилось во время дѣяній Халкидонскаго собора ²⁾). Сначала при видѣ этого явленія многіе поахали, а потомъ перестали обращать вниманіе. Кончилось тѣмъ, что какъ высшіе іерархи, такъ и свѣтское правительство санкціонировали явленіе: первые условно, а второе—безусловно. Знаменитый папа Григорій Великій уже снисходительно смотритъ на взиманіе денегъ посвящающими и участниками посвященія съ посвящаемого. При одномъ случаѣ папа писалъ: „за рукоположеніе брать запрещено. Но если кто по рукоположеніи, безъ принужденія и не по просьбѣ, а по доброй волѣ, въ видѣ благодарности дастъ извѣстную сумму посвящающимъ, то принять не возбранено“ ³⁾). Всякій отлично понималъ, что значать эги и подобныя позволенія. На Востокъ еще менѣе церемонились въ рѣшеніи вопроса. Свѣтское правительство Византійское, вѣроятно, по внушенію духовной власти, прямо узаконило плату за посвященіе. Такъ при Юстиніанѣ, его законами, опредѣлена была такса: сколько слѣдовало брать за посвященіе того или другаго епископа. Всѣ епархіи раздѣлены были на пять классовъ: епископы, посвящающіеся въ болѣе богатыя епархіи, платили больше, а въ менѣе богатыя—меньше ⁴⁾). Такъ стало на Востокъ. Одинъ извѣстный русскій церковный историкъ, теперь уже покойный, при одномъ случаѣ старается уяснить себѣ: какъ примирить между собой такія крайности: съ одной стороны вѣдь это симонія, а съ другой—прямой законъ. И пришелъ къ той мысли,

¹⁾ Творен. Василія Вел. въ русск. перев. Томъ VI, 133—134. Изд. 3-е. Взяно, о которомъ у насъ рѣчь, потомъ сталъ называться: эмфанистика (явочная плата) и шель частью въ пользу архіерея, а частью въ пользу его клира, но не какъ участниковъ рукоположенія, а какъ опредѣленной корпораціи (артели), принимающей новаго члена (Соколова Пл. Церковно-имуществ. право, 162. 172).

²⁾ Дѣян. Вселенск. соборовъ. Т. IV, 168—169. Изд. 2-ое.

³⁾ См. у Любимова. Обозрѣніе способовъ... 37—8.

⁴⁾ Novella 123, cap. 3. Въ славянск. переводѣ въ іосифовско-никоновской кормчей, гл. 42, л. 319 § 3 плата эта называлась „каедральною“ и „потронною“.

что деньги за посвященіе, взимавшіяся съ посвящаемаго, въ существѣ дѣла тоже, что гербовая марка, наприм., на прошеніи въ судъ: вѣдь, марка не есть подкупъ, — говоритъ русскій профессоръ. Нечего сказать: остроумно до неожиданности. Но... но... марка у насъ служить для увеличенія доходовъ казны, а въ Византіи марка оставалась въ рукахъ хиротонисующихъ. Притомъ: quasi Византійская марка была такъ дорога, что ей равной, вѣроятно, нѣтъ на свѣтѣ (о таксированныхъ цѣнахъ за посвященіе въ архіереи скажемъ ниже)¹⁾. При императорѣ же Юстиніанѣ опредѣлено, чтобы и епископы въ свою очередь брали деньги за посвященіе въ прочіе должности клириковъ. Именно, постановлено, чтобы при этомъ случаѣ епископы брали не болѣе того, сколько въ годъ будетъ получать поставляемый на своей должности (разумѣются: пресвитеры, діаконы и проч.)²⁾. А чѣмъ долженъ былъ жить этотъ новопоставленный въ теченіе перваго года своей службы—не указано. Кромѣ этого главнаго, такъ сказать, богослужебнаго, дохода были у архіереевъ и другіе доходы такого же рода. Наприм. за освященіе храмовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принято было платить епископу, что дѣлали строители храмовъ³⁾. Самая проповѣдь въ церквахъ была средствомъ для епископовъ извлекать, такъ сказать, экстренные доходы. Извѣстенъ примѣръ, что во времена Златоуста двое провинціальныхъ епископовъ Антіохъ и Севиріанъ, отличавшіеся краснорѣчіемъ, пріѣзжали въ Константинополь и въ денежныхъ интересахъ проповѣдывали здѣсь. Попытка ихъ, по свидѣтельству историка Сократа, (VI, 11) увѣнчалась успѣхомъ: они собрали „множество денегъ“. Историкъ не объясняетъ самаго способа—какъ это они обогащались отъ проповѣди: продавали ли они билеты на свои проповѣди, какъ теперь

¹⁾ Правильнѣе, чѣмъ выше указанный ученый, поступаетъ нашъ канонистъ Пл. Соколовъ, который не придаетъ значенія тѣмъ ухищреннымъ оправданіямъ, къ какимъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ самъ Юстиніанъ, а прямо называетъ рассматриваемую плату „чистѣйшею симоніею“ и лишь старается отыскать корни явленія—справедливо ли, нѣтъ ли—въ глубокой нехристіанской древности. Стр. 272. 276.

²⁾ Novella 123, cap. 16.

³⁾ Прав. собора Испанскаго 572 года. Hefele. Conciliengesch. B. III, 29. Изд. 2-ое.

въ концерты, или же извѣстный церковный приходъ условливался о платѣ съ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ и приглашалъ его произнести проповѣдь въ извѣстной церкви, оставляя доступъ на проповѣдь безпрепятственнымъ для желающихъ. Вѣроятно же всего, что практиковался послѣдній способъ. Передавая разсказъ объ Антиохѣ и Севиріанѣ, историкъ Сократъ не выражаетъ ни малѣйшаго удивленія при видѣ такихъ проповѣдниковъ изъ-за денегъ. Не видно, чтобы и Златоустъ худо относился къ нимъ. Нужно думать, что это было дѣломъ обыкновеннымъ.

Принимая во вниманіе все сказанное нами о средствахъ содержанія духовенства съ IV вѣка, можемъ утверждать, что нами исчислены главнѣйшіе религіозные и богослужебные источники доходовъ духовенства изучаемаго періода—источники, вошедшіе въ норму и санкціонированные или же сдѣлавшіеся обычными. Но и государство съ своей стороны также пришло на помощь духовенству. Уже первый христіанскій императоръ—Константинъ Великій старался обезпечить безбѣдное житіе духовенству. Съ этою цѣлію онъ приказалъ выдавать на духовное вѣдомство большое количество съѣстныхъ припасовъ, какъ то: хлѣба, вина и т. п. Какъ велико было это количество, мы не знаемъ. Что оно было очень значительно, видно изъ того, что оно назначалось не для однихъ клириковъ, но и для лицъ монашескаго образа жизни ¹⁾. Судьба этой Константиновской субсидіи въ пользу церкви недостаточно извѣстна. Мы знаемъ только, что Юліанъ уничтожилъ эту субсидію, а преемникъ его Іовіанъ возстановилъ ее,—но не въ полномъ объемѣ. Онъ приказалъ выдавать третью часть того, что назначено было Константиномъ. Причиной такого уменьшенія Іовіанъ выставлялъ голодъ, посѣтившій имперію въ лѣто его царствованія. Преемники Іовіана, повидимому, не заботились о томъ, чтобы довести субсидію до той нормы, какая указана Константиномъ (нужно сказать, самъ Іовіанъ умеръ, не процарствовавъ и года). По крайней мѣрѣ, въ царствованіе Θεодосія Младшаго субсидія выдавалась, какъ и при Іовіанѣ,

¹⁾ Θεодорита. Церк. Исторія, I, 11; IV, 4.

въ уменьшенной на двѣ трети пропорціи ¹⁾). Дальнѣйшая исторія этой самой субсидіи мало извѣстна. Есть какъ будто бы слѣды, что она существовала еще и въ X-омъ вѣкѣ ²⁾). Говоря о содѣйствіи государства матеріальной обезпеченности духовенства, слѣдуетъ упомянуть еще и другіе факты въ такомъ же родѣ. Такъ императоръ Юстиніанъ требовалъ, чтобы каждый строитель новаго храма въ Константинополѣ не только имѣлъ заботу объ успѣшномъ окончаніи постройки, но храмоздатель долженъ былъ назначить для храма и содержаніе, на которое могъ бы жить клиръ, служащій въ этомъ храмѣ ³⁾). Тотъ же Юстиніанъ заботился, чтобы безъ нужды не увеличивалось число клириковъ при извѣстной церкви, вслѣдствіе чего могли бы впадать въ бѣдность служащіе при этой церкви. Такъ для Софійскаго храма въ Константинополѣ Юстиніанъ назначилъ слѣдующій штатъ клириковъ: 60 священниковъ, 100 діаконовъ, 90 иподіаконовъ, 40 діакоиссъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ, 100 придверниковъ и другихъ служителей. И при этомъ строго запретилъ увеличивать число клириковъ при Софійской церкви. При императорѣ Иракліи число клириковъ при этомъ храмѣ нѣсколько увеличено ⁴⁾). Большой штатъ Софійской церкви можетъ свидѣтельствовать о богатствѣ этой, такъ называемой, великой церкви.

Пастыри церкви, какъ служители алтаря, главныхъ образомъ и питались отъ алтаря, т. е. на средства церковныя. Въ этомъ случаѣ они прилагали къ себѣ ветхозавѣтныя предписанія о еврейскихъ священникахъ и левитахъ, хотя въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ предписаній въ подобномъ родѣ. Но установившійся обычай получилъ силу закона и въ христіанской исторіи. Тѣмъ не менѣе, были примѣры, когда пастыри жили на собственныя средства. Въ нѣкоторыхъ городахъ, по свидѣтельству Златоуста, для того только и выбирали въ епископы людей богатыхъ, что они могли не

¹⁾ Тамъ же и Созомена Церк. Истор. V, 5.

²⁾ Лебедева А. Очерки исторіи Византійско-восточной церкви въ 9, 10 и 11 вѣкахъ, стр. 63. М. 1902.

³⁾ Novella 63, cap. 2.

⁴⁾ Соколова Плат., 264—265; 277.

только ничего не требовать на свое содержаніе отъ церкви ¹⁾, но даже могли помогать своимъ пасомымъ. Этотъ обычай не чисто христіанскаго происхожденія, онъ заимствованъ изъ практики римскаго жречества. Въ Римѣ жрецы выби-
рались изъ людей состоятельныхъ: они не только не полу-
чали никакой платы, напротивъ, принимая должность, сами
должны были платить извѣстную сумму. Но для жреца рим-
скаго недостаточно было платить, что съ него требовали.
Онъ долженъ былъ проявлять особенную щедрость — въ видѣ
устроенія народныхъ обѣдовъ, празднествъ; если же онъ
стремился къ популярности, то въ видѣ построекъ или
реставраціи памятниковъ и т. п. ²⁾. Сообразно съ этимъ об-
разцомъ, и въ христіанской церкви, со временъ Констан-
тина, когда еще живы были традиціи Рима, стали выбирать
въ епископы людей богатыхъ — и отъ нихъ требовать того же,
что и отъ римскихъ жрецовъ (примѣръ — Θεодоритъ) ³⁾.
Итакъ, ничего нѣтъ неожиданнаго въ томъ, что епископы
нерѣдко были состоятельными. Примѣровъ не мало. Если
епископъ имѣлъ собственное родовое имѣніе, то брать деньги
на свое содержаніе отъ церкви, въ подобномъ случаѣ счи-
талось дѣломъ предосудительнымъ. Практическій христіан-
скій Западъ не оставилъ безъ разрѣшенія и того вопроса:
какъ поступать епископу, если его помѣстье находится не
въ его епархіи, а въ другомъ мѣстѣ. Въ Правилахъ Сар-
дикійскаго собора (IV в.), кстати сказать превосходно ре-
дактированныхъ, читаемъ такое опредѣленіе на этотъ счетъ:
„нѣкоторые изъ братій и соепископовъ нашихъ имѣютъ не-
значительную собственность въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ
они поставлены во епископы, въ другихъ же мѣстахъ имѣютъ
большія помѣстья“ ⁴⁾. Поэтому, если они пожелаютъ отпра-

¹⁾ Твор. его. (Слова о священствѣ, кн. III, гл. 15). Т. I, 428. Изд. Петер. акад.

²⁾ Буассе. Римская религія отъ Августа до Антонинновъ Перев. стр. 131. М. 1878.

³⁾ Проф. Глубоковского. Θεодоритъ Кирскій. Т. I, 33 и примѣч. слич. 6.

⁴⁾ Нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ о помѣстьяхъ, приобрѣтенныхъ епископомъ для посвященія его въ этотъ санъ, ибо церковными правилами (собора Карфаген., пр. 32: Дѣянія помѣстныхъ соборовъ, стр. 127. Русск. перев. Казань, 1377) строго воспрещалось лицамъ, уже ставшимъ епископами, приобрѣтать „поля и угодья“.

виться въ свои владѣнія и тамъ произвести сборъ плодовъ, то имъ должно быть позволено провести въ своихъ владѣніяхъ три воскресные дня, (т. е. три недѣли) но съ тѣмъ, чтобы они являлись въ ближайшую церковь, которою завѣдуетъ пресвитеръ, и тамъ служили, и чтобъ не ходили часто въ городъ, въ которомъ находится (мѣстный) епископъ. Такимъ образомъ и ихъ собственныя дѣла не потерпятъ никакого убытка отъ ихъ отсутствія, да и сами они избѣгнуть обвиненія въ гордости и тщеславіи“. Епископы собора, выслушавъ это опредѣленіе, сказали: „это постановленіе намъ нравится“ (Прав. 12). Да оно и дѣйствительно не можетъ не нравиться. Оно полно заботливости объ имуществѣ епископа. Имущество или точнѣе помѣстье епископа не казалось тогда чѣмъ-то предосудительнымъ: еще далеко были отъ тѣхъ аскетическихъ воззрѣній, которыя оторвали епископа отъ міра и заключили его въ узкой кельѣ. Въ IV вѣкѣ мы еще встрѣчаемъ епископовъ въ такихъ положеніяхъ, какія подлинно удивляютъ насъ своей неожиданностію. Въ этомъ вѣкѣ одинъ видный епископъ, св. Іаковъ Низивійскій, совмѣщалъ съ должностію архіерея должность губернатора города Низивіи¹⁾. Мы не знаемъ, по какому поводу Іаковъ занималъ такой удивительный постъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что его гражданская должность обезпечивала его матеріальное положеніе. Вообще въ тѣ времена (съ IV в.) нерѣдко случилось, что пастыри церкви, если были людьми недостаточными, то сами промышляли о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. Это явленіе могло зависѣть отъ разныхъ причинъ: или отъ того, что церковные доходы недостаточно обезпечивали пастыря, и ему нужно было собственными трудами восполнять недостающее; или вслѣдствіе особенной самоотверженности, или изъ чувства независимости. Рѣже такіе примѣры встрѣчаемъ въ средѣ епископовъ—отъ чего бы это ни зависѣло, — чаще среди пресвитеровъ и другихъ клириковъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры подобнаго рода, встрѣчаемые среди епископовъ. Во время папы Григорія Великаго одинъ епископъ въ Кампаніи (провинція) былъ строителемъ кораблей, другой

¹⁾ Феодорита. Церк. Исторія, II, 30.

гдѣ-то былъ судьей ¹⁾). Еще иные епископы поступали, на нашъ непривычный къ тому взглядъ, очень оригинально. Знаменитый Спиридонъ Тримифунтскій на о. Кипрѣ, какъ до епископства, такъ и въ епископствѣ, пасъ собственныя стада, разумѣется пропитывая себя такимъ способомъ ²⁾). Въ оригинальности занятій со Спиридономъ можетъ соперничать епископъ Зинонъ (V вѣка). Несмотря на богатство своей церкви, онъ снискивалъ себѣ пропитаніе руководѣлемъ. О немъ Созоменъ (VII, 28) говоритъ: „Зинонъ въ Газѣ ткалъ на одоверетенномъ станкѣ льняную одежду и не переставалъ заниматься этимъ дѣломъ до смерти“. По словамъ историка, Зинонъ „не только доставлялъ себѣ все нужное, но и еще помогалъ другимъ“ ³⁾). Блажен. Августинъ съ большею строгостію возсталъ противъ тѣхъ монаховъ, которые ожидали, что само небо доставитъ имъ пропитаніе, и горько жаловался, что самъ онъ, за множествомъ мелкихъ епископскихъ дѣлъ, не могъ пропитывать себя какимъ нибудь ремесломъ. Иларій еписк. Арелатскій (V в.) въ теченіе всей жизни пропитывалъ себя ручнымъ трудомъ, а Павлинъ еписк. Ноланскій съ благотворительными цѣлями работалъ въ качествѣ садовника по найму ⁴⁾). — Еще больше знаемъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что пресвитеры и другіе нисшіе клирики брали на себя разныя житейскія занятія съ цѣлію снискиванія матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Въ клирѣ Василия Великаго много было священниковъ, которые питались отъ трудовъ своихъ. Василій Вел. впрочемъ не одобряетъ занятія для клирика торговлею и тому подобныя профессіи, отвлекавшія лицо духовное отъ исполненія своей должности. Вотъ слова св. Василия: „у меня въ клирѣ никто не занимается торговлею, не любитъ проживать на сторонѣ, но многіе берутся за искусства, требующія осѣдой жизни и тѣмъ снискиваютъ себѣ насущное пропитаніе“ ⁵⁾). Изъ дѣяній вселен. Халкидонскаго собора видно,

1) Gatch. Die Gesellschaftsvorfassung. d. christl. Kirchen im Alterthum, S. 153. Giess., 1883.

2) Сократа I, 12.

3) De operæ monachorum, cap. 29.

4) Sabatier. L'église et le travail manuel, p. 54. 73. Paris, 1895.

5) Творен. его. Ч. VII, 40.

что нѣкоторые клирики питались отъ сельскаго хозяйства ¹⁾. Въ собраніи древнихъ греческихъ надписей значится, что одинъ пресвитеръ Анкирскій (неизвѣстнаго вѣка) былъ ювелиромъ ²⁾. Много духовныхъ лицъ, для пополненія своего бюджета, промышляли торговлей, преимущественно мелкой. Изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Василія Великаго, въ которомъ онъ говоритъ, что въ его (моемъ) клирѣ „никто не занимается торговлей“ видно, что такъ было только въ его вѣдомствѣ, а въ другихъ мѣстахъ пресвитеры и другіе клирики занимались торговлей. Изъ законодательныхъ опредѣленій (IV и V вѣк.), то разрѣшающихъ, то запрещающихъ клирикамъ и священникамъ заниматься торговлею ³⁾, открывается, что эти лица не брезговали ею. Многіе пресвитеры IV вѣка, по свидѣтельству Епифанія Кипрскаго, занимались подходящими ремеслами, чтобы имѣть возможность оказывать помощь ближнимъ. Св. отецъ пишетъ: „изъ священниковъ нашихъ есть подражающіе апостолу Павлу. Они по возможности, хотя и не всѣ, работаютъ своими руками, какое бы то ремесло ни нашли, совмѣстное съ ихъ достоинствомъ и непрерывностію попеченія о церкви. Они имѣютъ въ виду, получая плоды отъ своихъ рукъ, не только удовлетворять себя, но и братій, нуждающихся въ полученіи чего-либо. Они возлагаютъ на себя труды добровольно“ ⁴⁾. Нѣкоторые изъ сектанскихъ епископовъ, пресвитеровъ и клириковъ, какъ-то, наприм., Авдіане (IV в.), намѣренно ничего не брали на свою долю изъ церковныхъ доходовъ и отдавались труду для собственнаго пропитанія ⁵⁾ ради реакціи тому положенію, какое имѣло духовенство въ церкви каеолической.—Но, разумѣется, всѣ приведенные примѣры епископовъ и клириковъ,

¹⁾ Дѣян. Вселенскихъ соборовъ, т. III, 257. Изд. 2-ое. Внѣшнѣе такое явленіе должно было часто встрѣчаться, ибо по законамъ Юстиніана участки церковной земли отдавались въ пользованіе клириковъ въ видѣ вознагражденія ихъ. Соколова П., стр. 274—275.

²⁾ Gatch. См. вышеук. сочиненіе. S. 153

³⁾ Moeller. Lehrbuch d. Kirchengeschich. B. I, 343.

⁴⁾ Св. Епифанія. Творен. Ч. V, 301. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ пріятно видѣть священника, шествующаго подобно Аврааму, убѣжденнаго съдинами, обоясаннаго, воздѣлывающаго землю и работающаго своими руками“ (Бесѣд. XVIII на кн. Дѣяній. Твор. его. Т. IX, стр. 178. Спб. 1903). А въ наше время говорятъ совершенно обратное.

⁵⁾ Св. Епифанія. Ч. IV, 241.

трудолюбившихся ради пропитанія, были исключеніемъ, а не правиломъ: большинство духовенства, служа алтарю, и желало питаться отъ алтаря.

Теперь вопросъ: насколько хорошо обеспечено было духовенство древней церкви, отъ IV вѣка, матеріальными церковными средствами? На этотъ вопросъ мы можемъ дать отвѣтъ приблизительно вѣрный, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ епископамъ. Были церкви настолько богатыя матеріальными средствами, что эти церкви становились предметомъ зависти для лицъ постороннихъ. Нѣтъ сомнѣнія, церковь римская всегда была очень богата. Вотъ свидѣтельство, относящееся къ IV вѣку. Когда папа Дамасъ предлагалъ римскому префекту Претекстату—язычнику сдѣлаться христіаниномъ, этотъ послѣдній съ ироніей отвѣчалъ: „сдѣлайте меня епископомъ римскимъ—и я тотчасъ сдѣлаюсь христіаниномъ“. А нужно сказать, что Претекстатъ былъ человекомъ богатымъ; потому что, кромѣ доходовъ отъ своихъ должностей, онъ получалъ ежегодной ренты отъ принадлежащихъ ему помѣстьевъ 1.000,000 рублей. Поэтому, на основаніи словъ Претекстата, хотя они и не чужды ироніи—все же можно судить о богатствѣ римской церкви. Во времена Григорія Великаго (кон. VI в.) Римская церковь владѣла большими помѣстьями не только въ Италіи, но и въ Галліи, но и на Востокѣ¹⁾.

¹⁾ Богатство римской церкви отчасти объясняется и тѣмъ, что римскіе епископы занимались церковнымъ домовѣдѣніемъ съ замѣчательною скрупулезностью. Такъ овышеупомянутомъ знаменитомъ папѣ Григоріи Великомъ извѣстно (изъ его писемъ), что онъ очень заботился даже о мелочахъ церковнаго хозяйства. Онъ входитъ въ подробности касательно экономической части церковныхъ помѣстій, разсуждаетъ объ условіяхъ отдачи ихъ въ аренду, о продажѣ и покупкѣ сельскихъ продуктовъ. При одномъ случаѣ онъ пишетъ, что слѣдуетъ сократить количество выращиваемыхъ лошадей, потому что конюхи стоятъ дорого, а прибыли отъ этого дѣла очень мало; римскій первосвященникъ не забываетъ при этомъ упомянуть, какъ распорядиться конской сбруей въ случаѣ сокращенія коннозаводства. Намъ кажется очень трогательною эта попечительность великаго изъ папъ о церковномъ хозяйствѣ. Разумѣется, эта заботливость происходила не изъ суетности и не изъ своекорыстія, а изъ сознанія, что всякій долгъ нужно исполнять — какъ слѣдуетъ. (О малѣ былъ еси вѣренъ, надѣ многими ты поставлю). — Римскіе епископы древности, однакожъ, не управляли церковнымъ имуществомъ непосредственно: тотъ же Григорій ввелъ управление этимъ имуществомъ посредствомъ десяти дефензоровъ, которымъ при этомъ порученъ былъ нѣкотораго рода надзоръ за епископами по части расходованія церковнаго достоянія. — Уильсонъ, вышеуказан. сочиненіе, гл. 253—254.

Медіоланская церковь была также довольно богата; богата была и церковь Александрійская. Въ глазахъ язычника IV-го вѣка — названія: епископъ и богатый — значили одно и тоже. Марцеллинъ, язычск. латинскій историкъ (IV в.), говоритъ: „кто получилъ епископское мѣсто, тому нечего заботиться о будущемъ, тотъ обогащается отъ подарковъ, тотъ гордо ѣздитъ въ дорогихъ экипажахъ, тотъ роскошно одѣвается и задаетъ такіе обѣды, что они могутъ перещеголять обѣды царскіе“¹⁾. — О матеріальномъ положеніи большей части епископовъ Востока разсматриваемаго времени мы имѣемъ возможность составить себѣ довольно вѣрное представленіе по одной новеллѣ Юстиніана. У этого императора есть новелла (123, сар. 3), въ которой говорится, что патріархи Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій, при своемъ посвященіи, должны давать совершителямъ хиротоніи и т. н. ихъ нотаріямъ (чиновникамъ) — 400 золотыхъ монетъ. А Византійская золотая монета равняется 20 1/2 франковъ. Слѣдовательно патріархи при своемъ посвященіи тратили 8200 франковъ. Если допустимъ, что они при посвященіи расходовали четвертую часть своего будущаго дохода, то они должны были получать въ годъ болѣе 30 тысячъ франковъ. И это весьма вѣроятно, потому что въ той же новеллѣ упоминаются заурядные епископы, имѣвшіе годоваго дохода 600 золотыхъ, т. е. болѣе 12 тысячъ франковъ²⁾. Но, какъ видно изъ той же новеллы Юстиніана, были и такіе епископы, которыхъ доходы не превосходили сотенъ рублей, и которые освобождены были отъ несенія всякихъ расходовъ при посвященіи. Итакъ, разсматривая содержаніе этой новеллы Юстиніана, замѣчаемъ, что на Востокъ были и богатые архіереи и бѣдные архіереи.

1) Marcellini. Rerum gestarum libri. Vol. 2. Lib. 27, cap. 3 (14), p. 100. Lips., 1875.

2) По мнѣнію проф. Голубинскаго, Юстиніанъ таксировалъ пошлину хиротонисуемыхъ, дабы положить предѣлъ той безмѣрности, до какой иногда доходила эта пошлина (такса была установлена такая: высшая плата 400 золотыхъ монетъ, затѣмъ 300, 120, 42 и наконецъ 28 такихъ монетъ); по увѣренію того же автора, греческіе архіереи въ дѣйствительности и впослѣдствіи не слушались новеллы Юстиніана, а пошлина значительно превосходила норму, установленную Юстиніаномъ (Исторія русской церкви, I томъ, 1-ая полов. 308 — 309. Изд. 1-ое.) Опредѣленіе стоимости византійской золотой монеты нами сдѣлано выше на основаніи изысканій г. Голубинскаго.

Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ времени, ни болѣе обезпеченные, ни менѣе обезпеченные архіереи, не могли довольствоваться обыкновенными доходами своихъ епархій, а вынуждались изыскивать средства для покрытія возможныхъ дефицитовъ. Съ этимъ мы входимъ въ сферу тѣхъ злоупотребленій, которыя допускались епископами для умноженія своихъ доходовъ. Это печальное явленіе прежде всего зависило отъ того, что непритязательныхъ и безкорыстныхъ епископовъ, съ теченіемъ времени, становится все меньше и меньше. Почти не стало епископовъ въ родѣ Θεодорита Кирскаго, который свидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ „не принималъ ни отъ кого ни овола, ни одежды, что онъ ничего не имѣетъ, кромѣ рубищъ, въ которыя одѣвался“ ¹⁾. Начали переводиться епископы, подобные Григорію Богослову, который, несмотря на принадлежащее ему родовое имѣніе (о чемъ мы узнаемъ изъ духовнаго его завѣщанія),—свидѣтельствуетъ о себѣ, что „онъ жилъ просто, не запасаясь на завтрашній день, мало чѣмъ отличаясь отъ звѣрей, у которыхъ нѣтъ ни сосудовъ, ни запасовъ“, и что онъ имѣлъ истертую одежду ²⁾. Не видно стало епископовъ, похожихъ на Спиридона Тримифунтскаго, о которомъ Созоменъ (I, 11) говоритъ, что онъ не только ничего ни отъ кого не бралъ, но самъ раздавалъ, что имѣлъ. Онъ, по словамъ историка, имѣлъ обычай изъ принадлежавшихъ ему плодовъ одну часть раздавать бѣднымъ, а другую давалъ желающимъ займы безъ прибыли. Этотъ же Спиридонъ, по разсказу того же историка, для странника — гостя готовъ былъ сдѣлать все. Наприм., въ теченіе четырехдесятиницы самъ онъ проводилъ время въ строгомъ постѣ, а странника угощалъ жаренымъ свинымъ мясомъ, и, чтобы успокоить совѣсть пришельца, самъ не отказывался раздѣлить съ этимъ послѣднимъ невеликопостное блюдо. Говоримъ, примѣры такихъ безкорыстныхъ, смиренномудрыхъ по жизни епископовъ, съ теченіемъ времени, начали встрѣчаться рѣже и рѣже. Жившимъ въ большихъ городахъ, епископамъ не хватало текущихъ доходовъ, потому что множество денегъ шло

1) Глубоковского. Вышеуказ. сочин. I, 47.

2) Творенія его. Т. III, 172.

на то, что теперь называется „представительство“¹⁾. Это представительство, между прочимъ, требовало, чтобы епископы болѣе важныхъ городовъ, подобно римскимъ жрецамъ, традиція о которыхъ была еще жива, украшали свои помѣщенія „драгоценнымъ мраморомъ, картинами, раззолоченными бронзами, владѣли лошадьми, назначаемыми для конскихъ ристалищъ“; этого мало, по словамъ Григорія Богослова²⁾, видные, по своему положенію, епископы должны были проявлять щедрость къ пасомымъ — „возобновлять стѣны города, устраивать великолѣпныя бани“ и т. д. Епископы перво-степенныхъ городовъ имѣли при себѣ весьма значительное число параволановъ (братьевъ милосердія) и копіатовъ (прислужниковъ погребальныхъ процессій). Такихъ лицъ при въѣздорныхъ епископахъ, наприм. Константинопольскомъ, Александрійскомъ, насчитывалось отъ 600 человекъ до тысячи ста. Эти параволаны и копіаты очень рано перестали быть, чѣмъ они были первоначально, а сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ кавассовъ или почетной стражи при епископахъ, находясь на полномъ ихъ распоряженіи. Само собой понятно, что такая свита стоила немалыхъ денегъ³⁾. Очень возможно, что, при вышеуказанныхъ условіяхъ, и епископамъ, выбраннымъ изъ достаточныхъ классовъ общества, не хватало денегъ, получаемыхъ обычнымъ путемъ; и имъ необходимо было изыскивать новые источники доходовъ — отсюда разнаго рода злоупотребленія. Бѣдные епископы мало-по-малу тоже должны были стать на такой же соблазнительный путь. Ихъ скудныя доходами церкви весьма недостаточно могли служить различнымъ житейскимъ потребностямъ архіерея. Положеніе небогатаго епископа было въ матеріальномъ отношеніи некрасивымъ; по крайней мѣрѣ, такимъ оно должно было казаться ему, какъ скоро изсякла простота прежнихъ временъ. По правиламъ церковнымъ, епископъ, если онъ не имѣлъ собственности, долженъ былъ получать

¹⁾ „Митрополическія и патріаршія церкви бывали принуждены нести весьма значительные расходы представительства; въ особенности патріархъ Константинопольскій принужденъ былъ нести такого рода расходы въ соотвѣтствіи его высокому положенію“. Соколова Пл., стр. 86.

²⁾ Творен. III, 171.

³⁾ Moeller. Lehrb. d. Kirchengesch. S. 335.

отъ церкви содержаніе, наравнѣ съ бѣдными или, по славянскому переводу одного церковнаго правила, — наравнѣ „съ нищими“. По этимъ правиламъ, не имѣющій собственнаго достоянія епископъ, въ случаѣ содержанія на средства церкви, долженъ былъ довольствоваться самою незначительною домашнею утварью и бѣднымъ столомъ (правило 4-го Карѣ. собора, IV в.)¹⁾. По тѣмъ же правиламъ, подобный епископъ „могъ и самъ брать изъ церковныхъ средствъ, въ случаѣ нужды, извѣстную часть на необходимыя потребности и на потребности странно - пріемлемыхъ имъ братій“ — но въ какомъ количествѣ? „Имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ“ — повторяютъ слова апостола отцы Антиохійскаго собора IV вѣка²⁾. А если у епископа были родственники, и онъ хотѣлъ бы помочь имъ, то онъ могъ, сообразно правиламъ, удовлетворять ихъ наравнѣ съ другими бѣдняками, пропитывающимися на счетъ церкви. Блаж. Августинъ, выражая взглядъ своего времени на церковное достояніе, говорилъ, что „церковное имущество принадлежитъ не намъ (епископамъ), но бѣднымъ“³⁾. Отсюда получается тотъ же выводъ: если епископъ хочетъ жить на средства церкви, онъ долженъ зачислить себя въ разрядъ бѣдняковъ, прокармливаемыхъ церковію. — Итакъ, и недостаточно обезпеченные епископы, если хотѣли вести жизнь, не чуждую удобствъ, должны были искать различныхъ источниковъ доходовъ. Но такіе источники не легко было найти, оставаясь на легальной почвѣ.

Вышеуказанное положеніе епископовъ какъ знатнѣйшихъ городовъ, такъ сравнительно и бѣдныхъ городовъ разрѣшается злоупотребленіями большинства епископовъ. Злоупотребленія эти начались еще въ IV вѣкѣ, какъ это ясно видно изъ жалобъ и обличеній, находимыхъ въ сочиненіяхъ самихъ святителей этого времени. Григорій Нисскій говоритъ: „не дай Богъ дойти до необходимости рассказывать о способахъ, какими нѣкоторые епископы пріобрѣтали свое

¹⁾ Hefele. В. II, 71 (cap. 15).

²⁾ Прав. 25. Русск. перев.

³⁾ Uhlhorn. Вышеуказан. сочин. S. 258 (изъ писемъ Август. къ начальнику провинціи Бонифацію).

богатство“ и заявляетъ, что онъ „предоставляетъ другимъ разслѣдовать эти способы“¹⁾. Григорій Богословъ жалуется, что иные епископы считали важнымъ дѣломъ то, что высчитывали свои годовые и ежедневные доходы²⁾.

Если Григорій Нисскій отказывается указать способы, какими нѣкоторые епископы наживали деньги, предоставляя изслѣдовать это другимъ, то мы въ качествѣ историковъ не только можемъ, но и должны это сдѣлать, пользуясь позволеніемъ, даннымъ намъ отъ Григорія Нисскаго.

Какимъ способомъ умножали свои стяжанія прежде всего—патріархи? Какіе у нихъ были, такъ сказать, негласные источники доходовъ? Разумѣется, противозаконные поборы, поборы съ поставляемыхъ ихъ рукою митрополитовъ. Приведемъ примѣры. На соборѣ Халкидонскомъ митрополитъ Анкирскій Евсеій объявлялъ, что житья нѣтъ отъ мздоимства патріарховъ Константинопольскихъ. „Прошу васъ,—умолялъ онъ отцовъ собора,—о томъ, чтобы города не платили за хиротонію. Ибо, если избранные городомъ, по одобреніи отъ областнаго собора, (т. е. митрополиты), поставляются не въ этихъ городахъ, а въ Константинополѣ, то взимается разорительная плата (λόνται αὶ οὐοῖαι=„гибнутъ животы“). Я говорю это по опыту,—добавляетъ Евсеій,—за моего предшественника отдали огромную сумму“. Патріархъ Константинопольскій Анатолій спросилъ его: „къмъ посвященъ ты самъ“? Евсеій отвѣчалъ: „къ моему несчастію, я посвященъ здѣсь (въ Кон—полѣ) и хиротонисанъ блаженнымъ Прокломъ“³⁾.

Посмотримъ теперь: какими способами митрополиты доставали средства, необходимыя для нихъ ради такъ называемаго „представительства“? Симоніей и другими равно непозволительными путями. Что касается симоніи, то всѣ церковныя правила противъ симоніи епископовъ относятся и къ митрополитамъ; мы не будемъ приводить сейчасъ этихъ правилъ: ихъ приведемъ нѣсколько послѣ. Изъ другихъ способовъ приумноженія доходовъ митрополичьихъ заслуживаютъ

¹⁾ Творен. его въ русск. перев. Часть VIII, стр. 454.

²⁾ Ч. III, 172.

³⁾ Дѣян. Всел. соборовъ. Т. IV, 168—169.

особеннаго вниманія слѣдующіе: если умиралъ епископъ, принадлежавшій къ извѣстной митрополіи, то митрополитъ округа всячески старался оттянуть срокъ поставленія новаго епископа. Это дѣлалось не безъ цѣли. Митрополиты въ этомъ случаѣ присвоивали себѣ епископскіе доходы извѣстной церкви за все время вдовства этой церкви (это заявлено было на соборѣ Халкидонскомъ¹⁾). Другіе митрополиты поступали и еще проще. Если умиралъ извѣстный епископъ, принадлежавшій къ ихъ митрополическому округу, они не только „отнимали“ и „присвоивали“ себѣ имущество, оставшееся послѣ умершаго архіерея, но иногда подобнымъ же образомъ поступали и съ деньгами, принадлежавшими церкви покойнаго. Это явленіе отмѣчено Трулльскимъ соборомъ (пр. 35). Между митрополитами сосѣднихъ областей происходили мелочные споры изъ-за власти надъ тѣми или другими городами. Двигиль этими спорами расчетъ денежный. Два такихъ спора дошли до свѣдѣнія Халкидонскаго собора и рассматривались на немъ. Митрополитъ Тирскій и митрополитъ Виритскій заспорили между собою о правахъ власти надъ какими-то мѣстечками, для округленія предѣловъ своей митрополіи; при этомъ пускалось въ ходъ, по словамъ дѣяній Халкидонскаго собора, „плутовство“, устремлялись на „окольные пути“. Въ спорѣ этомъ дѣло доходило до того, что одинъ изъ митрополитовъ, узнавъ, что его соперникъ поставилъ въ спорныя мѣстечки двухъ епископовъ, низложилъ ихъ, и сдѣлалъ ихъ (*horribile dictu*) „пресвитерами“²⁾. На томъ же Халкидонскомъ соборѣ разбиралась распря между митрополитами Никейскимъ и Никомидійскимъ—изъ-за правъ власти надъ какимъ-то городкомъ—Василинополемъ. Митрополитъ Никейскій, никакъ не желая разстаться съ этимъ достояніемъ, жаловался на соборѣ: „онъ отнялъ у меня приходы; я докажу, что Никеѣ всегда былъ подчиненъ Василинополь; объ этомъ знаетъ сенатъ“³⁾. Чѣмъ кончился споръ—это не представляетъ особеннаго интереса.

¹⁾ IV-го всел. собора прав. 25. См. толкованіе Вальсамона на это правило.

²⁾ Дѣян. всел. собор. IV, стр. 40. 41. 43.

³⁾ Тамъ же, стр. 123. 124.

Посмотримъ далѣе: какими путями добивались не безгрѣшныхъ доходовъ заурядные епископы. Они были явными симонистами. Уже епископы IV вѣка, притомъ же и такіе, которые подчинены были зоркому надзору Василія Великаго—начали впадать въ грѣхъ Симона волхва. Въ посланіи къ нѣкоторымъ своимъ епископамъ Василій писалъ: „дошелъ до меня слухъ, что съ рукополагаемыхъ вами вы берете деньги. И прикрываете свое корыстелюбіе тѣмъ извиненіемъ, что де вы берете не до — а послѣ рукоположенія. Но это оправданіе только ухудшаетъ ваше дѣло. Ибо кто дѣлаетъ зло подъ благовиднымъ предлогомъ, таковой достоинъ сугубаго наказанія. Вы, епископы, — заявляетъ Василій, — корчемство вводите въ духовныя дѣла и въ церковь“¹⁾. На Халкидонскомъ соборѣ строго-на-строго запрещено епископамъ „продавать благодать“, причемъ перечисленъ цѣлый рядъ клириковъ, которымъ давали епископы за деньги разныя церковныя степени и должности, именно: хореепископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, парамонаріямъ, экономамъ, экдикамъ. Судя по опредѣленіямъ Халкидонскаго собора, появились даже факторы или сводчики, которые служили посредниками между епископомъ и искателемъ извѣстнаго духовнаго мѣста. Такими посредниками были или клирики, или монахи, или міряне²⁾. Но едва появилось Халкидонское опредѣленіе противъ симонистовъ епископовъ, какъ до слуха патріарха К—нопольскаго начали доходить новыя и новыя извѣстія о святопродавствѣ епископовъ. До патріарха К—польскаго дошли извѣстія, что въ Галатіи епископы брали деньги за рукоположенія, или во время хиротоніи, или же нѣсколько послѣ рукоположенія³⁾. Благодать не стали давать туне. Нечего говорить о болѣе позднихъ временахъ въ сравненіи съ эпохой Халкидонской. Симонія съ теченіемъ времени еще болѣе укоренилась⁴⁾.

Иные изъ епископовъ, хотя и не позволяли себѣ симоніи, однакожъ отыскиали другой способъ улучшать свое

1) 90-е каноническое правило св. Василія В.

2) IV-го вселен. собора правило 2-ое.

3) Каноническое посланіе Геннадія, патр. Константинопольскаго (V в.).

4) Трулльскаго собора прав. 22. Особенно VII-го всел. собора, прав. 5.

матеріальное положеніе. Они всячески старались изъ небо-
гатой епископіи перейти на богатую. Такъ было уже въ
IV мѣ вѣкѣ. Въ правилахъ западнаго Сардикійскаго собора,
встрѣчаемъ по этому поводу (прав. 1-ое) слѣдующее, въ
высшей степени справедливое, разсужденіе: „цѣль, съ кото-
рой домогаются епископы перехода изъ малого города въ
другой, очевидна; ибо никогда еще не являлось ни одного
епископа, который старался бы перейти изъ большаго го-
рода въ меньшій. Отсюда ясно — говоритъ правило, — что
такіе поджигаются пламенною страстію любостязанія и тщес-
лавія“. Къ этому правилу нечего прибавлять.

Обратимъ теперь вниманіе на прочихъ клириковъ, — пре-
свитеровъ и т. д. У этихъ лицъ еще болѣе было поводовъ
стремиться разными путями улучшить свое матеріальное
положеніе. Они рѣдко были вполне обеспечены. И, какъ
всѣ мало обеспеченные люди, они являлись неразборчивы въ
средствахъ, обусловливавшихъ достиженіе цѣли. Пресвитеры
и другіе клирики начали заниматься ростовщичествомъ.
Соборы очень часто вооружаются противъ этого зла въ ду-
ховенствѣ — знакъ, что оно было распространено здѣсь¹⁾.
Почему ростовщичество есть неблаговидное занятіе, — ду-
маемъ, нѣтъ надобности объяснять. Другіе изъ клириковъ
занялись корчемствомъ²⁾; содержать же корчемницу было
дѣломъ непристойнымъ, такъ какъ эти дома были въ тоже
время пріютами распутства. Но хуже, быть можетъ, кор-
чемства было то, что священники сдѣлались невозможными
попрошайками у богатыхъ людей; въ особенности это встрѣ-
чалось — припомнимъ — среди западнаго духовенства. Блаж.
Іеронимъ пишетъ: „клирики, которые должны бы быть учителями
закона и страха Божія, протянувъ руку какъ бы для благосло-
венія, принимаютъ подарки за свою привѣтливость“. Тотъ же
Іеронимъ приводитъ отдѣльный примѣръ стараго священника,
поступавшаго такъ: „если увидить (въ домѣ прихожанъ)
подушку, красивое полотенце или что-нибудь еще изъ до-
машней рухляди, то жалуясь, что нуждается въ этомъ, — не
выпрашиваетъ, а просто вымогаетъ“. Преимущественно пред-

¹⁾ Moeller, I, 343.

²⁾ Трулльскаго соб. правило 9.

метомъ эксплуатаціи со стороны этого духовенства являлись женщины¹⁾. Немногимъ лучше было, впрочемъ, и восточное духовенство, по крайней мѣрѣ столичное. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуесть о константинопольскихъ клирикахъ своего времени, что и тѣ изъ нихъ, которые успѣли уже нажить деньги, не переставали протягивать руки, желая подачки отъ щедрыхъ благотворителей; дѣло дошло до того, что Златоустъ рѣшительно совѣтовалъ такимъ блототворителямъ быть экономными и „не вливать свою собственность въ море“²⁾. Къ вышеизложенному нельзя не присоединить еще и слѣдующаго. Мы уже говорили, что въ языческомъ Римѣ было обыкновеніе, что человѣкъ состоятельный, въ духовномъ завѣщаніи, оставлялъ доли наслѣдства всѣмъ своимъ друзьямъ. Этотъ обычай приняли къ свѣдѣнію христіанскіе клирики съ IV вѣка, повидимому, исключительно западные. Они всячески ухаживали за людьми богатыми, но бездѣтными,—въ надеждѣ получить отъ нихъ приличное наслѣдство. Поведеніе клириковъ въ этомъ случаѣ возбуждало скандальные толки—далеко не безосновательные, когда ухаживанье относилось къ богатымъ дѣвицамъ и вдовамъ³⁾. Дѣло дошло до того, что священники и клирики указомъ императора Валентиніана (IV в.) лишены были правъ наслѣдовать отъ постороннихъ лицъ. Этотъ указъ дѣйствительно на извѣстное время получилъ силу. Блаж. Іеронимъ въ слѣдующихъ одушевленныхъ словахъ выражаетъ свою печаль по поводу этого закона: „стыжусь и говорить: языческіе жрецы, комедіанты, возницы въ циркѣ, даже лица, служащія орудіемъ разврата, имѣютъ право получать наслѣдства; однимъ только клирикамъ (и монахамъ) запрещается это по закону, и запрещается не гонителями, а христіанскими императорами. Не жалуюсь на законъ, но скорблю о томъ, что мы заслужили этотъ законъ“⁴⁾.

¹⁾ Іеронима. Творен. въ рус. пер. Т. I. (письма), стр. 114. 119.

²⁾ Созомена, кн. VIII, гл. 9.

³⁾ Іеронима. Твор. II, стр. 62—63 (письма).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 62.—Законъ, о которомъ у насъ рѣчь, изданъ импер. Валентиніаномъ въ 370 году и адресованъ на имя папы Дамаса. По точному смыслу этого закона: 1) клирики (и монахи) должны быть удаляемы изъ домовъ вдовъ и сиротъ (*puerorum*) помощью полиціи, по требованію родственниковъ; 2) не могутъ получать отъ женщинъ, съ которыми они нахо-

Такъ жили греческіе и не—греческіе священнослужители въ изучаемое время.

Въ V-мъ вѣкѣ всѣхъ православныхъ епископовъ въ Римской имперіи насчитывалось 6000 человекъ ¹⁾). Чего стоило содержаніе такого громаднаго духовнаго персонала, если присоединить сюда и прочій клиръ? Чего стоило содержаніе многочисленнаго причта одной св. Софіи, причта, численность котораго нами указана раньше? Чего стоило содержаніе духовенства даже въ второстепенныхъ провинціальныхъ городахъ, въ родѣ Едессы,—въ которой было 200 священниковъ, а можетъ и больше, такъ какъ и самъ епископъ этого города на Халкидонскомъ соборѣ не могъ точно опредѣлить числа подвѣдомыхъ ему городскихъ священниковъ ²⁾). Да, много, много тратилось денегъ на неизчислимое духовенство Византійско-римскаго государства.

Въ видѣ приложенія къ предшествующимъ страницамъ, повѣствующимъ о матеріальномъ состояніи духовенства съ IV вѣка, изложимъ содержаніе, сохранившагося до насъ духовнаго завѣщанія Григорія Богослова. Это завѣщаніе знакомитъ насъ съ тѣмъ, какими матеріальными средствами обладали епископы, имѣвшіе личную движимую и недвижимую собственность. Главной наслѣдницей своего имущества Григорій дѣлаетъ церковь города Назіанза, съ условіемъ, чтобы имущество его шло на благотворительныя цѣли. Затѣмъ перечислены и другіе наслѣдники имущества Григорія. Завѣщатель говоритъ: „тѣхъ изъ моихъ рабовъ, которымъ я далъ свободу по личной волѣ или волѣ родителей, я объявляю отнынѣ вполне свободными, а имущество ихъ объявляю неотъемлемою ихъ собственностію. Я желаю — говорить далѣе завѣщатель — чтобы діаконъ Григорій и монахъ Евстацій, принадлежащіе къ моему дому (т. е. изъ числа

дятся въ особой близости подъ предлогомъ религіи,—по дарственнымъ записямъ и отказамъ на случай смерти (если это не родственники ихъ). Всѣ подобныя щедродательства объявлены лишенными юридической силы. Законъ этотъ былъ подтвержденъ еще въ 372 г. съ разъясненіемъ, что онъ относится и къ епископамъ и къ дѣвамъ (монахинямъ). Формально законъ этотъ никогда не былъ отмѣненъ, хотя недолго удержалъ свою силу. Соколова: Церковно-имущ. право, стр. 128.

¹⁾ Hefele. В. II, S. 214.

²⁾ Дѣян. всел. собор., IV, 96.

бывшихъ его рабовъ), удержали за собой помѣстье въ Аріанзѣ, также пажити и овецъ, которыхъ я имъ далъ заживо. Кромѣ того, діакону Григорію, ревностно служившему мнѣ, выдать 50 золотыхъ. Дѣвственницѣ Руссіанѣ, моей родственницѣ, словесно я назначилъ выдавать, что нужно ей на прожитокъ ея; пусть такъ будетъ и послѣ. Кромѣ того, построить ей домъ, которымъ она пусть пользуется безпрепятственно, до дня ея смерти; а послѣ нея домъ переходитъ въ наслѣдство церкви. Кромѣ того, пусть будетъ дано ей двѣ дѣвушки (рабыни), которыя должны служить ей до смерти ея. Если онѣ будутъ служить ей усердно, то пусть она отпуститъ ихъ на свободу; а если онѣ будутъ служить не усердно, то онѣ переходятъ въ вѣдѣніе церкви, на правахъ наслѣдства. — Мальчику (рабу) Теофілу, остающемуся при мнѣ, я далъ уже свободу; пусть будетъ дано ему пять золотыхъ¹⁾. Завѣщатель далѣе даетъ свободу брату Теофілову Евпраксію и письмоводителю своему Θεодосію. Дѣтямъ своей племянницы Алипіаны Григорій отказываетъ движимое имущество, оставшееся отъ Кесарія брата его, уже умершаго. А епископу Амфилохію Иконійскому Григорій завѣщаетъ цѣну, какой стѣдитъ какая-то сельская мѣстность. Какимъ-то діакону, иподіакону и письмоводителю Григорій завѣщаетъ дать по нѣскольку одеждъ и по 20 и 30 золотыхъ¹⁾.

Я кончилъ слишкомъ затянувшуюся рѣчь о матеріальномъ состояніи духовенства древней церкви. Чувствую, что картина вышла не очень привлекательна. Но я едва ли преувеличилъ. Да и зачѣмъ бы это?

Одинъ — очень осязательный результатъ получается отъ изученія полной *исторіи древняго духовенства* въ особенности съ IV вѣка. Мы съ увѣренностію можемъ сказать, что наше русское духовенство, какъ высшее, такъ и подчиненное ему, намного выше во всѣхъ отношеніяхъ прежняго духовенства. Церковно-историческая жизнь сдѣлала чрезвычайно большой шагъ. Есть порицатели, которые набрасываютъ тѣни на жизнь, поведеніе и научную компетентность русскаго духовенства. Но это напраслина. Наше духовенство во всѣхъ отношеніяхъ идетъ впередъ.

¹⁾ *Γεδεών. Κανονικαὶ διατάξεις. Τόμ. Ι, σελ. 5—8. Κωνσταντιнопόλις, 1888.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Вселенскіе миссіонеры II-го христіанскаго вѣка и ихъ преемники ¹⁾).

Если христіанство продолжало распространяться въ мірѣ и тотчасъ послѣ вѣка апостольскаго, то кто же нибудь дѣлалъ это? По обыкновенному представленію, какое до послѣдняго времени раздѣляла и церковно-историческая наука, выходило, что апостолы Христовы насадили христіанство въ извѣстныхъ многочисленныхъ мѣстахъ Римской имперіи, а отсюда оно распространилось и далѣе безъ какихъ либо новыхъ и чрезвычайныхъ посредниковъ. Но подобное представленіе и само по себѣ кажется не совсѣмъ вѣроятнымъ, а главное—оно совершенно разрушается новѣйшими церковно-историческими данными, какими наука обогатилась лишь въ послѣднее время. Апостолы не могли распространить христіанства повсюду—въ обширнѣйшей имперіи: они проповѣдывали не вездѣ, а преимущественно въ болѣе важныхъ городахъ Римскаго государства, да изъ этихъ городовъ они выбирали такіе, гдѣ было много іудеевъ и гдѣ находились іудейскіе молитвенные дома—апостолы дѣйствовали, значить, какъ іудейскіе проповѣдники христіанства. А такъ какъ подобныхъ городовъ, конечно, было сравнительно немного, то и проповѣдь ихъ была ограничена, не обнимала всей вселенной. Большое количество совершенно

¹⁾ См. выше стр. 12 и 40.

не основательныхъ позднѣйшихъ апокрифическихъ сказаній о томъ, что апостолы проповѣдывали тамъ-то или тамъ-то, гдѣ они въ дѣйствительности не проповѣдывали—большое число подобныхъ сказаній, занесенныхъ въ особенности въ такъ называемыя апокрифическія „*acta apostolorum*“, свидѣтельствуешь, что многія страны въ Римской имперіи и многіе города здѣсь лишены были проповѣди апостольской; тѣмъ не менѣе всякому сколько нибудь важному городу имперіи въ послѣдствіи захотѣлось приписать своей церкви апостольское происхожденіе, подобно тому, какъ каждый рагвепи желалъ бы видѣть своихъ предковъ записанными въ дворянскую бархатную книгу. Что многіе греческіе и латинскіе города древности шли вопреки справедливости, рассказывая объ апостольскомъ происхожденіи своихъ церквей—очень яркій примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ Византія, которая глубоко вкоренила въ умы своихъ гражданъ ни на чемъ не основанное мнѣніе о просвѣщеніи ея христіанствомъ трудами первоверховнаго апостола Андрея, старшаго брата ап. Петра. Осторожный историкъ не можетъ преувеличивать миссіонерской дѣятельности апостоловъ, взирая на факты, занесенные на страницы каноническихъ новозавѣтныхъ писаній. Спрашивается: кто же были продолжателями миссіонерской дѣятельности апостоловъ во II-омъ вѣкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ еще недавно былъ затруднителенъ. Не то стало теперь.

Почти единственно, что до послѣдняго времени знали о христіанскихъ проповѣдникахъ, распространявшихъ новую христіанскую религію во II и отчасти въ III вѣкѣ—исчерпывалось слѣдующими замѣтками церковнаго историка Евсевія. Рассказывая исторію церкви начала II-го вѣка, Евсевій пишетъ: „много было тогда славныхъ мужей, находившихся въ первомъ порядкѣ преемниковъ апостольскихъ. Какъ богоугодные ученики такихъ предшественниковъ, они продолжали созидать церкви на основаніяхъ, положенныхъ всюду апостолами: болѣе и болѣе распространяли Евангеліе и сѣяли спасительныя сѣмена небеснаго царствія по пространству всей вселенной. Многіе изъ нихъ въ то время, дѣйствіемъ божественнаго слова сильно увлекаемые къ любо-

мудрію, сперва исполняли спасительную заповѣдь, раздѣляли свое имущество бѣднымъ (очевидно, замѣтимъ,—по соображенію съ заповѣдію Христа, съ какою Онъ обращался къ двѣнадцати апостоламъ: „не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни суммы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви“. Мате. 10, 9—10), а потомъ — продолжаетъ Евсевій—они эти миссіонеры—препринимали путешествіе и совершали дѣло благовѣстниковъ, съ ревностію возвѣщая Христа людямъ, вовсе еще не слыхавшимъ слова вѣры. Положивъ основанія вѣры въ какихъ—нибудь чуждыхъ странахъ и поставивъ тамъ пастырями другихъ съ порученіемъ воздѣлывать новое насажденіе, сами они, сопровождаемые божественною благодатію и помощію, отходили въ инныя земли и къ новымъ народамъ. Впрочемъ, перечислить по именамъ всѣхъ ближайшихъ преемниковъ апостольскихъ, бывшихъ благовѣстниками въ разныхъ церквахъ вселенной, невозможно“. (Церк. Ист. III, 37). Тотъ же Евсевій, передавая церковно-историческія свѣдѣнія, относящіеся къ концу II в., замѣчаетъ: „въ то время было много благовѣстниковъ слова (миссіонеровъ), которые, воодушевляясь примѣромъ апостоловъ, съ живою ревностію содѣйствовали возрастанію и утвержденію слова Божія“ (V, 10). Изъ отдѣльныхъ лицъ, извѣстныхъ миссіонеровъ, Евсевій поименовываетъ лишь двоихъ: Кодрата Аѳинскаго (III, 37) и Пантена Александрійскаго. О послѣднемъ онъ говоритъ: „рассказываютъ, будто Пантенъ показалъ столь пламенную ревность къ слову Божію, что принялъ на себя проповѣдываніе Евангелія Христова восточнымъ народамъ, и доходилъ даже до Индіи“ (V, 10). Вотъ свидѣтельство Евсевія о продолжателяхъ миссіонерства апостольскаго.

Не трудно себѣ представить, какое печатлѣніе должно производить приведенное свидѣтельство Евсевія. Оно производитъ впечатлѣніе набора пустыхъ фразъ и кажется своего рода церковной риторикой. И это справедливо; по крайней мѣрѣ такъ казалось, пока не случилось одного факта, измѣнившаго положеніе дѣла, какъ объ этомъ скажемъ сейчасъ. Мы говоримъ: свидѣтельство Евсевія клонилось далеко не къ чести знаменитаго историка. И въ самомъ

дѣлѣ: читатель исторіи Евсевія ожидаетъ, что историкъ укажетъ факты, которые разъясняли бы—какъ шло распространеніе христіанства послѣ временъ апостольскихъ: но ожиданія читателя были совершенно обмануты. вмѣсто сообщенія прямыхъ и опредѣленныхъ извѣстій, историкъ распространяется о какихъ-то неизвѣстныхъ людяхъ, которые проникнуты были апостольскою ревностію, отличались нестяжательностію, такъ что раздавали даже все, что сами имѣли; заслуживали уваженія по ихъ замѣчательной неутю-мимости, вслѣдствіе которой они безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, отъ предѣловъ одного народа къ другому, полагая вездѣ основаніе новыхъ христіанскихъ общинъ. Читая эти извѣстія Евсевія, нельзя не чувствовать, что какъ будто читаешь какой-то избитый панегирикъ не особенно искуснаго проповѣдника. Мало того, разбираемое свидѣтельство на нѣкоторыхъ ученыхъ производило впечатлѣніе полнѣйшей недостовѣрности: просто-на-просто не считали нужнымъ вѣрить показанію Евсевія, такъ какъ оно казалось безсодержательно и голословно (Harnack. Die Lehre der zwölf Apostel. S. 113). Больше всего къ научному скепсису приводило то обстоятельство, что Евсевій въ вышеприведенныхъ словахъ настойчиво повторяетъ, что въ II-мъ вѣкѣ „много было славныхъ мужей“, извѣстныхъ миссіонерствомъ въ духѣ апостольскомъ; что *многие* изъ нихъ отличались необыкновенною нестяжательностію; что въ тѣ времена, о которыхъ онъ говоритъ, было „много благовѣстниковъ слова“—миссіонеровъ; но когда отъ неопредѣленныхъ увѣреній историку нужно было перейти къ приведенію отдѣльныхъ примѣровъ миссіонерскаго подвижничества, тогда у него изъ-подъ пера выскакиваетъ подозрительная фраза, что перечислить по именамъ всѣхъ бывшихъ евангелистами (миссіонерами) невозможно, причемъ историкъ изъ всѣхъ миссіонеровъ почему-то упоминаетъ только двоихъ: Кократа и Пантена, о которыхъ онъ повидимому и самъ точно не зналъ, были ли они въ самомъ дѣлѣ миссіонерами (онъ говоритъ о нихъ какъ-то нерѣшительно, условно). Все это вмѣстѣ приводило къ тому, что изучающій Евсевія совершенно не постигалъ,---вѣрить или не вѣрить указанному

свидѣтельству Евсевія, во всякомъ случаѣ оставалось много мѣста для серьезныхъ недоумѣній. Оттого-то разбираемое свидѣтельство почти совсѣмъ игнорировалось церковно-исторической наукой. Авторитетъ Евсевія въ этомъ случаѣ подвергался сомнѣнію, истина ускользнула отъ глазъ...

Такъ оставалось и было, повторяемъ, до послѣдняго времени. Но вотъ случилось одно по истинѣ счастливое научное открытіе—и Евсевій оказался вполне правъ въ своемъ свидѣтельствѣ; много вѣковъ возбуждавшее недоумѣнія, свидѣтельство Евсевія приобрѣло яркій блескъ и силу; истина открылась въ полномъ свѣтѣ, и нашъ историкъ оказался гораздо правѣе, чѣмъ какъ можно было ожидать этого. Говоримъ объ открытіи извѣстнаго древне-христіанскаго памятника подъ заглавіемъ: *Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*—„ученіе 12-ти апостоловъ“. *Διδαχὴ*—этотъ памятникъ, принадлежащій, какъ мы знаемъ, по своему происхожденію къ срединѣ II вѣка, считавшійся Афанасіемъ Великимъ и Евсевіемъ наряду съ книгами каноническими—новозавѣтными. Этотъ-то памятникъ, совершенно было затерявшійся съ IX вѣка, опять найденъ и во многихъ отношеніяхъ послужилъ на пользу наукъ богословской. Между прочимъ онъ пролилъ яркій свѣтъ на христіанскихъ миссіонеровъ II вѣка. Извѣстія, заключающіяся въ *Διδαχὴ* и относящіеся къ занимающему насъ вопросу, очень кратки, но они, во всякомъ случаѣ, остаются по-истинѣ краснорѣчивыми. Приведемъ изъ него то, что прямо относится къ нашему дѣлу. Неизвѣстный писатель, написавшій *Διδαχὴ*, внушаетъ: „относительно апостоловъ соотвѣтственно постановленію Евангелія поступайте такъ“. Напомнимъ, что здѣсь рѣчь идетъ не объ апостолахъ—миссіонерахъ, ибо апостоловъ Христовыхъ уже не было въ живыхъ, когда возникъ разсматриваемый памятникъ. „Всякаго апостола—продолжаетъ рѣчь памятникъ—приходящаго къ вамъ принимайте, какъ Господа (т. е. Христа). Но онъ пусть не остается долѣе одного дня; если же будетъ нужда, то и другой день; но если онъ пробудетъ три дня, то онъ лжепророкъ. Апостоль, отправляющійся въ путь, не долженъ ничего брать, кромѣ хлѣба, сколько нужно до мѣста его (дальнѣйшей) остановки; но

если онъ, потребуеть денегъ, то онъ лжепророкъ. Если кто (изъ апостоловъ) скажетъ въ духъ: дай мнѣ денегъ или другого чего-либо, не слушайте его“ (Глава XI). Еще: „Чадо мое! Днемъ и ночью поминай проповѣдующаго тебѣ слово Божіе (т. е. миссіонера), и почитай его, какъ Господа, ибо гдѣ проповѣдуется господство, тамъ есть Господь. Если онъ учить такъ, что умножаетъ правду и знаніе Господа, то примите его, какъ Господа“ (Глав. IV).

Вотъ извѣстія объ апостолахъ II вѣка, заключающіяся въ Διδαχῇ. Извѣстія эти кратки, но — какъ мы замѣчали выше—многозначительны. Сами по себѣ они драгоцѣнны, такъ какъ указываютъ на интересное явленіе апостолата или миссіонерства II вѣка, да къ тому же они проливаютъ яркій свѣтъ на вышеприведенное свидѣтельство Евсевія, которое до сихъ поръ оставалось совершенно неяснымъ. Теперь мы знаемъ, что Евсевій не фантазируетъ, а говоритъ о дѣйствительныхъ миссіонерахъ II вѣка. Всѣ черты, какими Евсевій описываетъ миссіонеровъ II вѣка, находятъ себѣ болѣе чѣмъ достаточное подтвержденіе въ ново-открытомъ памятникѣ. Евсевій говоритъ, что миссіонеровъ во II вѣкѣ было очень „много“. Это есть несомнѣнная истина, потому что Διδαχῇ говоритъ объ апостолахъ II вѣка, какъ явленіи обыкновенномъ, не требующемъ никакихъ поясненій; что такихъ миссіонеровъ и въ самомъ дѣлѣ было много. Это видно изъ того, что Διδαχῇ указываетъ, такъ сказать, критеріи, по которымъ можно отличить истиннаго апостола отъ ложнаго: „если апостолъ пожелаетъ пробыть въ общинѣ, куда онъ зашелъ, три дня, то значить онъ лжепророкъ“. Очевидно, апостоловъ появлялось очень много и нужна была осторожность, чтобы не принять ложнаго апостола за настоящаго, т. е. человѣка, имѣющаго дѣйствительное призваніе, не смѣшавъ съ бродячимъ тунеядцемъ. Мы теперь вполне понимаемъ, почему Евсевій хотя зналъ, что миссіонеровъ во II вѣкѣ было много, но почти совсѣмъ не зналъ ихъ именъ; онъ поименовываетъ только двоихъ изъ такихъ лицъ: Кодрата Аѳинскаго и Пантена—да и притомъ поименовываетъ не совсѣмъ увѣренно, наприм. о Пантенѣ нашъ историкъ говоритъ: „разсказываютъ, что онъ показалъ такую

пламенную ревность къ слову Божию, что принималъ на себя проповѣдываніе Евангелія Христова восточнымъ народамъ "... и проч. Мы вполнѣ понимаемъ, почему Евсевій не могъ привести именъ тѣхъ миссіонеровъ, которые брали на себя трудъ проповѣдывать христіанство въ разныхъ мѣстахъ: онъ просто-на-просто не зналъ ихъ по именамъ. Если мы взглянемъ пристальнѣе въ тѣ черты, какими характеризуетъ *Διδαχὴ* послѣ-апостольскихъ апостоловъ, миссіонеровъ II вѣка, то уразумѣемъ, что имена ихъ не могли хорошо сохраняться въ исторической памяти. Апостолы II вѣка вели жизнь странническую въ полномъ смыслѣ слова: они двигались съ мѣста на мѣсто; если заходили въ благоустроенную христіанскую общину, конечно по дорогѣ, то они здѣсь не заживались: много-много они оставались здѣсь на два дня. Они не имѣли обыкновенія долго оставаться и тамъ, куда они приходили съ цѣлью насаждать христіанство — въ разныхъ языческихъ городахъ и селеніяхъ. Евсевій говоритъ, что они полагали только основанія вѣры въ томъ или другомъ языческомъ мѣстечкѣ — только основанія, значитъ — оставались здѣсь недолго, а затѣмъ спѣшили впередъ и впередъ. Ктоже зналъ ихъ имена? Да и сами они интересовались ли тѣмъ, чтобы имена ихъ были извѣстны? Интересовались ли общины, въ которыхъ эти миссіонеры насаждали вѣру, ихъ именами? Дѣло не въ имени, а въ дѣлѣ... *Имена ихъ были написаны на небесахъ*. Удивительно ли послѣ этого, что Евсевій не зналъ по именамъ христіанскихъ миссіонеровъ II вѣка, хотя, какъ теперь оказалось, онъ справедливо утверждалъ, что такихъ миссіонеровъ въ указанное время было великое множество?

Да и что это были за лица — указанные миссіонеры? Возможно, что это были люди самые незначительные: не могшіе похвалиться ни своею ретивостію — люди ниспаго класса, ни своею образованностію — люди неученые, ни своими достатками — люди бѣдные. А такихъ лицъ, какъ извѣстно, исторія не считаетъ нужнымъ помнить. Главное, выдающееся достоинство этихъ миссіонеровъ — составляла ихъ ревность къ просвѣщенію свѣтомъ истины людей, не вѣдающихъ христіанства. Но это достоинство въ первенствующей церкви

вовсе не было рѣдкостію: за одно это они не могли пріобрѣтать себѣ безсмертнаго имени. Повторяемъ: памятникъ Διδαχῆῖ вполнѣ уяснилъ для насъ, почему Евсевій не зналъ имени миссіонеровъ II вѣка. Это было совершенно натурально.

Разсматриваемый памятникъ Διδαχῆῖ уяснилъ для насъ и другія стороны въ повѣствованіи Евсевія о тѣхъ миссіонерахъ, о какихъ такъ неопредѣленно, казалось, говорилъ онъ. Евсевій утверждалъ, что описываемые имъ миссіонеры отличались полною нестяжательностію, выражавшеюся въ томъ, что, отправляясь на проповѣдь, они сначала раздавали все свое имущество бѣднымъ (сообразно тѣмъ предписаніямъ, какія далъ Христосъ своимъ 12-ти апостоламъ, предназначая ихъ на проповѣдь всемірную). Увѣреніе это казалось очень наивнымъ со стороны историка Евсевія. По крайней мѣрѣ, мы лишены были всякой возможности провѣрить на чемъ нибудь это необычайное показаніе. Но теперь Евсевій или его слова нашли себѣ блистательное подтвержденіе. Миссіонеры II вѣка, какъ видно изъ Διδαχῆῖ, отличались необыкновенною нестяжательностію. По всему видно, что кто принималъ на себя подвигъ распространенія христіанства среди невѣрныхъ, тотъ готовъ былъ претерпѣвать всѣ недостатки и лишенія. Само христіанское общество, очевидно, хорошо знало, что кто брался за миссіонерство, тотъ готовъ былъ на все—даже на крайнюю нищету. Въ разсматриваемомъ памятникѣ прямо говорится, что апостоль, миссіонеръ, не могъ требовать отъ попутнаго христіанскаго общества ничего, кромѣ того, чтобы его пропитывали не больше двухъ дней, а потомъ дали-бы на дорогу столько хлѣба, сколько нужно лишь на одинъ день. Весьма возможно, что лица, принимавшія на себя миссіонерскій подвигъ, если имѣли какое либо достояніе, прежде чѣмъ предпринять миссіонерское путешествіе, отдавали это достояніе бѣднымъ (какъ замѣчаетъ Евсевій о своихъ миссіонерахъ). Говоримъ: это весьма возможно, ибо тому, кто обрекаетъ себя на странствованія—можетъ быть въ теченіе всей жизни—тому не къ чему имѣть какое-либо имущество: его неудобно было носить съ собою въ безконечныхъ путешествіяхъ. Далѣе — Евсевій хвалитъ истинно апостольскую ревность упоминаемыхъ имъ миссіонеровъ, которые сѣяли

сѣмена христіанскаго ученія по всей вселенной, переключаясь съ мѣста на мѣсто чрезъ краткій промежутокъ времени, тоже самое свидѣтельствуешь и Διδαχѣ. Апостолы, о какихъ говоритъ этотъ памятникъ, являлись, по установившемуся тогда обычаю, лишь какъ метеоры среди уже существовавшихъ христіанскихъ общинъ—и уносились далѣе и далѣе. Сами христіанскія общины ни чуть не задерживали ихъ на ихъ пути: они знали, что таково назначеніе миссіонеровъ. И даже съ своей стороны считали долгомъ напомнить миссіонерамъ объ этомъ, если послѣдніе вздумали бы загоститься гдѣ-либо больше двухъ дней. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, эти самоотверженные личности—апостолы или миссіонеры, пользовались глубокимъ уваженіемъ среди христіанъ. Евсевій называетъ ихъ „славными мужами“—и говоритъ о нихъ съ великимъ почтеніемъ. Также самое находимъ въ Διδαχѣ: здѣсь неоднократно говорится: „всякаго апостола, приходящаго къ вамъ, принимай какъ Господа“; „днемъ и ночью поминай проповѣдывающаго тебѣ слово Божіе“. И конечно, они вполнѣ заслуживали этого. Спрашивается: кто избиралъ и посылалъ этихъ миссіонеровъ? Никто. Подобно многимъ инымъ, такъ называемымъ духовнымъ дарованіямъ первенствующей церкви, даръ миссіонерства или позднѣйшаго апостольства, какъ мы знаемъ, былъ выраженіемъ внутренняго духовнаго признанія. Тотъ или другой христіанинъ становился миссіонеромъ, потому что чувствовалъ внутреннее призваніе къ этому. Онъ, такъ сказать, самъ себя избиралъ въ эту должность. Разумѣется, миссіонеръ былъ безконтроленъ. Онъ предпринималъ дѣло, такъ сказать, на свой страхъ—и дѣлалъ его, какъ умѣлъ.

Языческій писатель II вѣка Цельсъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія по вопросу, о томъ кто были по своему общественному положенію эти миссіонеры. Онъ замѣчаетъ, что ревностными „проповѣдниками христіанской религіи были шерстопряды, кожевники, сукновалы“. (*Origenis. Contra Cels. lib. III, cap. 55*). Замѣчаніе любопытное, дающее понимать, что какъ первыми апостолами христіанства были рыбаки и мытари, такъ ихъ преемниками на миссіонерскомъ поприщѣ сдѣлались лица тоже незавидныхъ профессій: „шерстопряды,

кожевники“ и т. д. Христіанство на первых порахъ утверждалось, значить, какъ явленіе чисто демократическаго характера.

Итакъ—вотъ какъ нужно представлять себѣ миссіонеровъ II вѣка. Мы ихъ теперь знаемъ, — а не такъ, какъ было до открытія памятника: „Ученіе 12-ти“, когда о нихъ никто не могъ составить яснаго представленія. Въ настоящее же время мы можемъ съ увѣренностію утверждать, что христіанское общество, по крайней мѣрѣ въ II вѣкѣ, имѣло опредѣленный институтъ миссіонеровъ, дѣйствовавшихъ съ такою ревностію, которой можетъ завидовать самое благоустроенное миссіонерское общество нашего вѣка.

Но апостолы—миссіонеры дѣйствовали только въ II вѣкѣ. Въ III вѣкѣ мы ихъ уже не встрѣчаемъ. Нѣтъ надобности повторять здѣсь, отчего зависѣло исчезновеніе этого рода апостолата. Тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ дать отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: если прекратили свое существованіе апостолы II вѣка, то кто-же сталъ продолжать ихъ великое дѣло впослѣдствіи—въ III вѣкѣ? Забота о распространеніи христіанства среди народонаселенія Римской имперіи почти всецѣло теперь перешла къ представителямъ христіанскаго общества — епископамъ. И нужно утверждать, что дѣло это они, какъ *наслѣдники апостоловъ II вѣка*, вели съ ревностію и успѣхомъ. Не вдаваясь въ подробности, приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ объ особенной ревности нѣкоторыхъ епископовъ III вѣка. О Григоріи Чудотворцѣ, епископѣ Неокесарійскомъ, рассказываютъ, что при занятіи имъ епископской кathedры въ Понтійской Неокесаріи, христіанъ въ этомъ городѣ было лишь 17 человекъ, а умирая Григорій оставилъ въ томъ же городѣ, наоборотъ, только 17 язычниковъ (Григорія Нисскаго. О жизни Григорія Чудотворца. Твор. Григ. Нис., т. VIII, 194). Приведемъ другой примѣръ столь же поучительнаго свойства. Когда въ царствованіе Валеріана, гонители заточили Діонисія Александрійскаго въ пустынное мѣсто въ Египтѣ—въ Кефронъ, то онъ дѣлаетъ то, чего меньше всего ожидали и желали преслѣдователи: онъ дѣлаетъ это мѣсто миссіонерскимъ станомъ и обращаетъ жителей его къ Христу (Евсевія. VII, 11). Справедливо замѣчаетъ А. Гарнакъ:

„не будучи собственно миссіонеромъ, (древній) епископъ проявляетъ дѣятельность миссіонера“ (*Die Mission und Ausbreitung des Christentums*. S. 316). Въ заслугу епископовъ миссіонеровъ III вѣка нужно поставить и то, что они урегулировали дѣло миссіонерское. На первыхъ порахъ христіанства, миссіонеры (напр. II вѣка) дѣйствовали во славу новой религіи и пріобрѣтали новыхъ адептовъ, ни мало не стѣсняясь никакими формальностями: они такъ сказать, сѣяли сѣмена, не заботясь о томъ, какой плодъ вырастетъ. Епископы III вѣка, напротивъ, стали прилагать вообще попеченія о томъ, чтобы въ общество христіанское вступали люди лучшіе и болѣе благонадежные. Кипріанъ Карфагенскій, напр., говорилъ: „мы, епископы, долженствующіе отдать отчетъ Господу, тщательно взвѣшиваемъ и осторожно испытываемъ: кого слѣдуетъ принять и допустить въ церковь; не слѣдуетъ, замѣчаетъ онъ, собирать въ церковь такую гниль, которая заразила бы все здоровое и цѣльное, и тотъ пастырь не будетъ искуснымъ, который допускаетъ въ стадо зараженныхъ овецъ. Ты не смотри на число ихъ“ (Пис. къ Корнелію о Фортунатѣ. Твор. Кипріана въ рус. пер. т. I, 266. Изд. 2-ое). Въ нѣкоторыхъ церквахъ вошло, кажется, въ обычай брать съ обращающихся письменное обязательство, что они будутъ исполнять христіанскія правила, подобно тому какъ это дѣлалось при вступленіи въ военную службу.

II. Происхожденіе актовъ вселенскихъ соборовъ¹⁾.

Соборными актами вообще называются болѣе или менѣе точныя записи (по теперешней терминологіи: протоколы) происходившаго на извѣстномъ помѣстномъ или вселенскомъ соборѣ. Въ нихъ обозначалось, кто присутствовалъ на соборѣ или точнѣе на каждомъ отдѣльномъ засѣданіи его, при чемъ перечислялись лица духовныя и міряне, принадлежавшіе къ административному классу, если эти послѣд-

¹⁾ Приложение къ стр. 244—247 (выше).

ніе были уполномоченными участниками собора; такъ же указывалось, въ какое время (годъ и число мѣсяца) происходило засѣданіе, гдѣ—(имя города и даже зданія въ немъ), о чемъ велись разсужденія и какъ, а главное—что опредѣлено или постановлено соборомъ; наконецъ слѣдовали собственноручныя подписи іерархическихъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ. Вотъ болѣе обыкновенный видъ соборныхъ актовъ. Если соборъ продолжался много дней сподрядъ или съ промежутками, то каждый день, въ который происходило засѣданіе, составлялъ особый актъ, въ которомъ опредѣленно обозначалось: когда, гдѣ и кто засѣдалъ и т. д. Также поступалось и въ томъ случаѣ, если въ теченіе одного и того же дня происходило нѣсколько засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію отличныхъ одного отъ другого дѣлъ. Описаніе cadaго изъ такихъ засѣданій составляло особый актъ. Собраніе же такого рода документовъ, относящихся къ исторіи того или другого собора, и называется актами („дѣянiями“) этого собора.

Изъ сказаннаго видно, что акты соборные напоминаютъ собою протоколы или журналы теперешнихъ коллегіальныхъ учрежденій, наприм. Совѣтовъ университетовъ и духовныхъ академій. Собственно тѣ и другіе создаются по одному и тому же типу. А разница какъ въ томъ, что соборы, какъ учрежденія нерегулярныя, происходили конечно торжественнѣе, такъ и въ томъ, что на нихъ дѣла велись оживленнѣе, а самые акты часто знакомятъ насъ съ закулисною стороною дѣла, а потому часто приковываютъ къ себѣ наше вниманіе необычною откровенностію, столь драгоцѣнною для историка. Кстати сказать, что въ нихъ отмѣчались изрѣдка и дѣйствія, происходившія на соборахъ, чего совсѣмъ не бываетъ въ теперешнихъ протоколахъ, наприм. указывалось на аплодисменты (на вселенскихъ соборахъ), на переходы епископовъ съ одной стороны зала на другую, если это имѣло знаменательный смыслъ, описывались при одномъ случаѣ манипуляціи какого-то сумасброднаго еретика надъ окоченѣлымъ челоѣческимъ трупомъ (на VI вс. соборѣ) и т. д. Многія страницы соборныхъ актовъ исполнены глубокаго драматизма; на основаніи актовъ легко можно созда-

вать цѣлыя религіозныя драмы. А что важнѣе всего, такъ это-то, что нѣкоторые соборные акты знакомятъ насъ съ тѣми настроеніями, которыми одушевлены были участники соборовъ; въ этомъ случаѣ акты буквально переносятъ насъ въ тѣ отдаленныя вѣка и заставляютъ насъ переживать незабвенныя трепетныя часы и минуты. Но увы, при всемъ этомъ такой драгоцѣннѣйшій матеріалъ до сихъ поръ остается почти не тронутымъ наукою.

I. Кто же это увѣковѣчилъ соборные акты, и въ особенности акты вселенскихъ соборовъ? Кто были тѣ добрые люди, которые постарались воспроизвести для себя исторію собора и оставить дѣло рукъ своихъ на пользу будущихъ поколѣній? Такими лицами рѣдко были добровольцы, а больше всего люди подневольные, служебные, должностные. Лица, на которыхъ долгъ службы возлагалъ трудъ записывать совершавшееся на соборѣ, а потомъ придавать записанному извѣстную узаконенную форму, именовались: „сѣконописцами“ (σέκονογράφοι)¹⁾, названіе очень понятное, или „нотаріями“, этимъ огреченнымъ латинскимъ словомъ, означающимъ пи-сець-секретарь, а также сѣконописецъ. Итакъ записчиками дѣяній соборныхъ были сѣконописцы, тѣ-же стенографы, какихъ встрѣчаемъ въ наши дни. И не нужно думать, что сѣконописцы были тогда какою-нибудь рѣдкостью, какъ въ наше время, время развитія книгопечатанія. Нѣтъ, преподаваніе сѣконописи (стенографіи) тогда было составною частію курса первоначальныхъ школъ. Значить, за сѣконописцами дѣло не стало... Сѣконописцами въ тѣ отдаленныя времена назывались не простые борзописцы, но, какъ и въ настоящее время, такія лица, которыя выучились и привыкли писать сокращенными знаками или фигурами, замѣняющими цѣлыя слова. Такъ наприм. старинный греческій сѣконописецъ вмѣсто: κύριον, писалъ лишь двѣ буквы: χυ, вмѣсто; ἀνδρόπῳ буквы: ανω, вмѣсто слова: πνεῦμα буквы: π.υ. Понятіе: „монахъ“, выражалось въ древности знакомъ креста. Но вообще нужно сказать, что сокращенія и фигуры въ тѣ времена допускались главнымъ образомъ для словъ, которыя

¹⁾ Сократа. Церк. Ист. Кн. II, гл. 30. Созомена, IV, 22 (ad fin.).

встрѣчались въ рѣчи особенно часто. Въ актахъ иногда упоминаются: „записчики“ (по рус. переводу), каковымъ словомъ обозначаются особыя лица, носящія названіе *exsertores* (это латинское слово безъ перемѣны усвоено и греческимъ языкомъ), что значитъ записыватели, протоколисты. Они появляются на соборахъ въ свитѣ государственныхъ сановниковъ. — Изъ всѣхъ этихъ лицъ, по актамъ соборнымъ, являются дѣйствующими, сообразно своему имени, если не ошибаемся, одни нотаріи. „Скорописцы“ не упоминаются здѣсь, да въ этомъ и надобности не представлялось, ибо нотаріи и были скорописцами. Что касается *экцепторовъ*, то они упоминаются въ актахъ не въ роли протоколистовъ, а въ роли чтецовъ, наприм. они читаютъ императорскіе указы на соборахъ. Можно думать, что если они и принимали роль секретарей на соборахъ, то ихъ записи имѣли частное назначеніе, служа памятными замѣтками для тѣхъ сановниковъ, въ свитѣ которыхъ они появлялись на соборѣ.

Нотаріи, исполнявшіе назначеніе секретарей на соборахъ, носили санъ пресвитеровъ, архидіаконовъ и діаконовъ, слѣдовательно были лицами, знакомыми съ церковными дѣлами и вопросами и обладавшими въ той или другой степени богословскими знаніями. Нотаріи раздѣлялись на двѣ категоріи: были официальные нотаріи, обязанные записывать все, что будетъ сказано или прочитано на соборѣ, и неофициальные, сопровождавшіе того или другого епископа, члена собора. Послѣдніе безъ сомнѣнія точно записывали все, что касалось ихъ принципала, и можетъ быть записывали по указанію епископа, съ которымъ они явились, болѣе важное изъ того, что они слышали.

Трудно перечислить все, что обязательно должны были записывать официальные нотаріи, эти отвѣтственные протоколисты. Безъ сомнѣнія, они прежде всего въ своихъ спискахъ отмѣчали лицъ присутствовавшихъ, какъ и теперь дѣлаютъ секретари коллегіальныхъ учреждений. Затѣмъ, записывали всѣ рѣчи и замѣчанія, какія только сказаны были участниками собора, воспроизводили цѣликомъ соборныя пренія и даже всякія восклицанія участниковъ. Ра-

зумѣтся, нотаріи вносили въ свои первоначальныя записки краткія указанія на прочитанныя на соборѣ документы, (содержаніе которыхъ имъ не было надобности записывать) какъ извѣстные имъ изъ другихъ источниковъ (напримѣръ символъ вѣры, каноническія правила, части дѣяній прежнихъ соборовъ) или же какъ такіе документы, которые по обыкновенному порядку должны были поступить въ ихъ распоряженіе (наприм. посланія императоровъ, папъ, патріарховъ, челобитныя, докладныя записки, разные письменные отзывы и т. д.). Нотаріи не опускали изъ вниманія и сравнительно мелкихъ обнаруженій соборной дѣятельности: ихъ долгъ быть точными. Они записывали не только рѣчи и сужденія отдѣльныхъ членовъ собора, но и массовыя заявленія участниковъ собора, они запечатлѣвали въ письмени и разнаго рода восклицанія, принадлежащія многимъ за разъ, будутъ ли то выраженія одобренія или порицанія, радости или гнѣва, желаній или требованій. Такъ въ акты третьяго вселенскаго собора занесены слѣдующія восклицанія собора: „кто не анаѳематствуетъ Несторія, тотъ самъ да будетъ анаѳема! Православная вѣра анаѳематствуетъ его! Кто общается съ Несторіемъ, да будетъ анаѳема! Еретика Несторія всѣ предаемъ анаѳемѣ! Нечестивое ученіе Несторія всѣ предаемъ анаѳемѣ. Вся вселенная анаѳематствуетъ нечестивое ученіе“ ¹⁾). Или при одномъ случаѣ въ актахъ четвертаго вселенскаго собора помѣчены за разъ слѣдующія разнообразныя восклицанія: „согласныхъ съ Львомъ (папою) собору“ (т. е. воссоединить ихъ съ соборомъ). „Эти голоса—къ императору, эти просьбы—къ православному, эти просьбы къ августѣ!“ А другіе кричали: „египетскаго (т. е. Диоскора) въ ссылку!“ „Диоскора Богъ осудилъ!“ Еще другіе возглашали: „всѣ мы погрѣшили, всѣмъ да будетъ прощено“. „Диоскора (возвратите) церквамъ, Диоскора — собору“. „При вашемъ правленіи (тогдашнихъ императора и императрицы) да не будетъ раздѣленія“. Нѣкоторые даже въ духѣ недовольства при этомъ заявляли: „кричать немногіе, не

¹⁾ Дѣянія всел. собор. въ русск. пер. Т. I, стр. 221. Изд. 2-ое.

соборъ говорить¹⁾. При одномъ случаѣ въ актахъ тогоже собора зарегистрировано слѣдующее отдѣльное замѣчаніе лидійскаго епископа: „одинъ человекъ (Діоскоръ) опустошилъ вселенную, а мы сидимъ для него три мѣсяца“²⁾. При чтеніи записи вышеприведенныхъ восклицаній, по нашему сужденію, ярко выступаютъ двѣ черты, характеризующія нашихъ нотаріевъ: во первыхъ изумительная аккуратность ихъ, способствующая имъ уловлять разныя мимолетныя замѣтки, какія дѣлались участниками собора: во вторыхъ, ихъ, такъ сказать, корректность: они не дѣлаютъ выбора между восклицаніями, не поддѣлываютъ ихъ сообразно соборной тенденціи, а заносятъ на страницы актовъ всѣ восклицанія, не взирая на то, что нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно очень пикантны и носятъ характеръ большой субъективности. Но за все это мы должны выразить великую благодарность скорописцамъ эпохи вселенскихъ соборовъ.

Несправедливо однакожъ было бы думать, что дѣятельность нотаріевъ по отношенію къ актамъ вселенскихъ соборовъ ограничивалась лишь умѣньемъ быстро и точно записывать чужія слова и рѣчи. Нѣтъ, нотаріи кромѣ формальнаго имѣли такъ сказать и матеріальное значеніе въ разсматриваемомъ дѣлѣ. Ихъ можно до извѣстной степени считать создателями актовъ наравнѣ съ правоспособными членами соборовъ. Въ чемъ выразилось ихъ участіе въ обогащеніи актовъ по ихъ содержанію; это лучше всего видно будетъ на примѣрахъ, которые мы сейчасъ приведемъ. Въ засѣданіяхъ III-го вселенскаго собора видную роль играетъ „первенствующій изъ нотаріевъ“ пресвитеръ Петръ. Его словами открывается первое засѣданіе этого собора, словами, въ которыхъ онъ кратко излагаетъ предметъ, которымъ должны будутъ заняться отцы собора, именно въ нихъ указывалось появленіе на исторической сценѣ еретика Несторія. Затѣмъ непосредственно этотъ же нотарій предлагаетъ прочитатъ имѣющуюся въ его рукахъ высочайшую грамоту,

¹⁾ Mansi. Concilia. Tom. VI, col. 976. Дѣян. въ рус. пер. Томъ III, 244. Изд. 2-е. Каз. 1879.

²⁾ Mansi. Ibidem, col. 996. Дѣянія, т. III, 251.

касающуюся открывающагося собора; и когда одинъ изъ главныхъ членовъ собора заявляетъ: „да озарится путь“ чтеніемъ этого документа, нотарій совершаетъ это „озареніе“. По предложенію того же нотарія читается одно посланіе св. Кирилла къ Несторію; при чемъ этотъ нотарій дѣлаетъ краткую оцѣнку ученія константинопольскаго патріарха, называя это ученіе неправильнымъ мудрованіемъ. Онъ же обращается къ епископамъ, посылавшимся къ Несторію пригласить его на соборъ, съ требованіемъ отчета объ исполненіи, возложенной на нихъ, миссіи. Тотъ же нотарій Петръ обращается къ нѣкоторымъ епископамъ, членамъ собора съ вопросомъ: какъ и при какихъ обстоятельствахъ они старались вручить Несторію нѣкоторые очень важные документы, и епископы, каждый по очереди, дали нужныя разъясненія. Далѣе, тотъ же нотарій Петръ вноситъ на соборъ слѣдующее важное предложеніе: „мы имѣемъ подъ руками книги блаженныхъ отцовъ и епископовъ и разныхъ мучениковъ, и избрали изъ нихъ нѣсколько главъ: не благоудно-ли будетъ вамъ выслушать“? А когда одинъ изъ членовъ собора сказалъ: „пусть будутъ прочитаны и внесены въ акты“, тогда послѣдовало самое чтеніе указанныхъ „главъ“. Другими словами: нотарій предложилъ прочитать на соборѣ важнѣйшія мѣста изъ твореній св. отцевъ, могущія служить къ опроверженію Несторіева заблужденія. Говоря теперешнимъ языкомъ, это была секретарская „справка“; но на этотъ разъ справка должна была имѣть рѣшающее значеніе, привести къ безапелляціонному приговору. Но этимъ еще участіе названнаго нотарія не окончилось. Тотчасъ по прочтеніи выдержекъ изъ писаній отцовъ церкви, на которыхъ (выдержкахъ) построено было осужденіе заблужденія Несторія, „первенствующій изъ нотаріевъ“, вошелъ съ новымъ предложеніемъ собору выслушать еще нѣкоторые мѣста изъ одной Несторіевой книги, извлеченныя отсюда самимъ референтомъ. Соборъ согласился и выслушалъ ихъ. Заканчивая свое чтеніе, пресвитеръ Петръ позволилъ себѣ выступить съ однимъ замѣчаніемъ, прямо направленнымъ въ осужденіе Несторія. Когда же чтеніе это закончилось, одинъ изъ отцевъ собора сказалъ: „слухъ нашъ не можетъ болѣе

выносить этих мерзостей; пусть все богохульные слова Несторія, въ изобличеніе ихъ виновника, будутъ *внесены въ акты*“. Дѣло возможное, что и формулировка самого приговора надъ Несторіемъ, произнесеннаго на первомъ засѣданіи III всел. собора, произведена рукою „первенствующаго же изъ нотаріевъ“ ¹⁾. Очень любопытна также роль, какую игралъ въ дѣятельности дальнѣйшаго IV-го вселенскаго собора, нотарій константинопольскій, архидіаконъ Азцій; но во всякомъ случаѣ его значеніе при этомъ не можетъ равняться съ дѣятельностію, проявленною нотаріемъ Петромъ во время III вселенскаго собора. „Архидіаконъ и первый нотарій“, какъ называется въ актахъ Азцій, читаетъ нѣкоторые документы на IV-мъ всел. соборѣ; онъ же передаетъ секретарю императорской консисторіи, присутствовавшему на соборѣ, „свитокъ“, по которому этотъ секретарь прочелъ какъ знаменитое посланіе папы Льва къ Флавіану, такъ и многія свидѣтельства „св. отцовъ и исповѣдниковъ“, послужившія основаніемъ къ осужденію патріарха Діоскора. Такъ какъ этотъ „свитокъ“ переданъ „секретарю“ Азціемъ, то дается полная возможность думать, что сейчасъ упомянутыя свидѣтельства собраны самимъ Азціемъ, суть плодъ его богословской эрудиции. Въ этомъ можетъ въ значительной мѣрѣ удостовѣрять то обстоятельство, что когда на соборѣ объявились нѣкоторые епископы, усомнившіеся въ правильности ученія папы Льва, какъ оно было изложено въ прочитанномъ его посланіи, то первый нотарій, безъ малѣйшей записки, сейчасъ же подыскалъ и прочиталъ въ слухъ собора два отрывка изъ твореній св. Кирилла, совершенно тождественные по мысли съ тѣми мѣстами посланія Льва, которыя возбудили сомнѣнія у нѣкоторыхъ членовъ Халкидонскаго собора. Къ сказанному о дѣятельности Азція добавимъ еще, что онъ потомъ выступаетъ съ нѣкоторыми докладами отъ челобитчиковъ и отъ епископовъ, отправлявшихся къ Діо-

¹⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Т. I, стр. 198—9. 201. 203. 222. 224. 229. 234. Можно впрочемъ догадываться, что въ разсматриваемомъ случаѣ александрійскій нотарій Петръ имѣлъ значеніе alter ego св. Кирилла Александрійскаго, на что были вполне уважительныя причины.

скору для вывоза его на засѣданіе собора ¹⁾). Представленныхъ образцовъ, кажется, достаточно для того, чтобы и „нотаріевъ“ считать въ нѣкоторомъ родѣ факторами, служившими къ обогащенію содержанія актовъ вселенскихъ соборовъ.

Возникаетъ вопросъ: въ чемъ состояла дѣятельность на соборѣ вышеупомянутыхъ нами неофициальныхъ нотаріевъ? Каждый епископъ, какъ членъ собора, имѣлъ право имѣть при себѣ во время засѣданій одного или нѣсколько своихъ нотаріевъ. Болѣе вліятельные епископы имѣли при себѣ болѣе нотаріевъ, а менѣе вліятельные менѣе. Нотаріи являлись на соборѣ съ принадлежностями своей должности: съ записными дощечками (*τάς δέλτους*) и сумками или ящичками съ писчими тростями (*χαλαράρια*). Такимъ образомъ весь или почти весь залъ, гдѣ происходили соборныя засѣданія, превращался какъ бы въ обширную канцелярію. Эти частные нотаріи записывали съ своей стороны рѣчи и слова, произносимыя присутствовавшими на соборѣ, а вѣроятно также отмѣчали эпизоды происходившаго на ихъ глазахъ; главною же ихъ задачею было точно записать все, что говорилъ на соборѣ тотъ епископъ, въ свитѣ котораго они находились ²⁾). Понятно, для чего дѣлалось это послѣднее: чтобы какому-либо епископу не было приписано того, чего онъ не говорилъ, или чтобы слова его не подвергались какому-либо искаженію. Очевидно, дѣятельность частныхъ нотаріевъ имѣла значеніе контроля по отношенію къ дѣятельности официальныхъ нотаріевъ, которые могли по недослышкѣ записать что-нибудь не такъ, какъ нужно, и которые, среди какого нибудь шума, могли и совсѣмъ опустить изъ вниманія слова того или другого соборнаго члена. Здѣсь лежала, значить, гарантія, что въ окончательныхъ актахъ собора будетъ записана возможно точная истина. Мы полагаемъ, что епископы рукою своихъ нотаріевъ подавали также свои голосованія (*vota*), по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда подаваемое голосованіе опредѣленно, а иногда и не

¹⁾ Mansi. Tom. VI, col. 956. 960. 972—73. 984. 996 — 97. Дѣянія, т. III, стр. 230—1. 238. 243. 247. 252—253.

²⁾ Mansi. Tom. VI, col. 624—625. Дѣянія, III, 82—83.

кратко, мотивировалось членомъ собора. Въ самомъ дѣлѣ, если бы голосованіе въ подобныхъ случаяхъ подавалось каждымъ епископомъ отдѣльно, то проходили бы многіе часы, прежде чѣмъ вся эта процедура закончилась бы; иное дѣло подача голосовъ епископами на дощечкахъ, на которыхъ рукою нотарія выражалось мнѣніе извѣстнаго епископа. Нужно было только собрать эти дощечки, кому слѣдуетъ просмотрѣть ихъ—и голосованіе готово. Замѣтимъ еще: лишить епископа, члена собора, права имѣть при себѣ нотарія считалось преступленіемъ со стороны того, кто отважился бы на это. Такъ на соборѣ Халкидонскомъ нѣкоторые епископы жаловались на Діоскора, предсѣдателя не удавшагося вселенскаго Ефесскаго собора 449 года, что онъ здѣсь прогналъ ихнихъ нотаріевъ и заставилъ составлять записи лишь своихъ нотаріевъ, очевидно официальныхъ. На этомъ основаніи упомянутые епископы утверждали, что соборъ Ефесскій происходилъ противозаконнымъ образомъ ¹⁾).

Задача официальныхъ нотаріевъ состояла не только въ томъ, чтобы записывать ходъ преній и рѣчи членовъ собора, но и въ томъ, чтобы на основаніи, имѣющихся у нихъ, записей выработать окончательный видъ актовъ. По всей вѣроятности, это дѣлалось очень скоро. Каждый такой актъ въ окончательномъ его видѣ прочитывался на соборѣ, по крайней мѣрѣ такъ нужно думать. Принимались ли при этомъ во вниманіе записи частныхъ нотаріевъ—сказать трудно; но нужно полагать, если открывалась въ этомъ надобность, обращались и къ этимъ записямъ, если, наприм., какой нибудь епископъ находилъ, что официальные нотаріи не точно передали слова, произнесенныя имъ на соборѣ. Однакожъ и окончательный видъ актовъ не могъ гарантировать составителей его отъ посторонней критики. Могли найтись, и дѣйствительно встрѣчались недовольные актами, даже по закончаніи ихъ составленія. Нужно знать, что сторона обвиняемая и подвергающаяся суду на извѣстномъ соборѣ, во время производства дѣла вела свои записи происходившаго; и въ случаѣ если она находила, что записано въ актахъ не то и

¹⁾ Mansi. Ibid. Дѣянія. Тамъ же.

не такъ, что и какъ происходило на дѣлѣ, она заявляла протестъ противъ нотаріевъ и требовала сличенія своихъ записей ¹⁾ съ актами собора. Интересно отмѣтить, что и свидѣтели, явившіеся съ своими показаніями на соборъ, въ случаѣ если они находили, что ихъ слова искажены въ актахъ, съ своей стороны тоже заявляли протестъ противъ составителей актовъ ²⁾. Такимъ образомъ акты соборные не избавлялись отъ дѣйствія общественнаго контроля и тогда, когда соборъ закончился и акты его получили окончательную редакцію; само собою разумѣется, что въ случаѣ подобнаго рода протестовъ имѣлось въ виду доказать, что акты „злоумышленно измѣнены нотаріями“ ³⁾. Изъ этого видно, что дѣло нотаріевъ, дѣло записыванія преній и рѣчей соборныхъ, а также составленія окончательной редакціи актовъ требовало отъ нихъ большой внимательности, терпѣнія, честности и правдивости, словомъ: всего того, что могло бы гарантировать историческую достовѣрность такихъ важныхъ документовъ, какъ акты соборные. Эти документы рождались на свѣтъ при такихъ условіяхъ, которыя, судя по человѣчески, могли давать цѣнный въ научномъ отношеніи плодъ. Подлежащія власти и еще болѣе сами нотаріи прекрасно знали, что заявленія протестовъ противъ вѣрности актовъ дѣло очень серьезное. Одинъ патріархъ, въ виду одного подобнаго протеста, внушительно говорилъ нотаріямъ: „замѣчайте вы, нотаріи, потому что противъ васъ идетъ споръ“. Сами нотаріи, въ случаѣ вышеуказанныхъ протестовъ, говорили: „составленіе актовъ притягиваетъ насъ къ дѣлу, потому что они составлены не другимъ кѣмъ“, и прибавляли: „намъ предстоитъ опасность не за маловажное“ ⁴⁾. Но какому наказанію подвергались провинившіеся, мы не знаемъ.

Совершеннѣйшей редакціею актовъ считалось, когда „сказанное записано, а потомъ прочтено и вновь перечитано“,

¹⁾ Эти записи въ оригиналѣ называются: *ἀντιγραφα*=scripta (Mansi. VI, 769), но хотя это греческое слово и значить: „списки“, однако изъ связи рѣчи видно, что здѣсь идетъ рѣчь не о копіяхъ съ текста актовъ, а о записяхъ независимыхъ отъ актовъ. Къ тому же выводу склоняютъ и параллельныя мѣста изучаемыхъ актовъ. (Mansi. Ibidem, col. 625. Дѣян. III, 83).

²⁾ Mansi. Tom. VI, 769. 781. 792. Дѣянія. Т. III, 136. 138—9. 142. 145.

³⁾ Mansi. Ibid. 825. Дѣян. стр. 160.

⁴⁾ Mansi, ibid. col. 768. 809. Дѣян. III, 137—8. 153.

и когда „содержащееся въ документахъ (актахъ) истинно и ни одного слога не прибавлено и не убавлено“¹⁾. Но едва ли нужно говорить, что такая фотографическая и фонографическая точность въ дѣйствительности вещь недостижимая. Это хорошо сознавали и лица, соприкосновенныя къ такому дѣлу, какъ составленіе и редактированіе актовъ. Объ этомъ не молчали ни епископы, ни государственные люди, ни нотаріи, ни свидѣтели происходившаго. Въ мірѣ нѣтъ совершенства, какъ извѣстно. Встрѣчались разные случаи, въ которыхъ обнаруживалось этого рода несовершенство. Прежде всего, часто случалось, что сказанное кѣмъ нибудь однимъ, какимъ нибудь однимъ членомъ собора, считалось и отмѣчалось, какъ общее мнѣніе всѣхъ собравшихся. Одинъ нотарій, въ виду возникшаго протеста, говорилъ: „на такихъ святѣйшихъ соборахъ часто случается, что одинъ изъ епископовъ скажетъ что нибудь и сказанное однимъ записывается и принимается за сказанное всѣми вмѣстѣ“²⁾. Но еще болѣе происходило отступленій отъ истины, когда кому-нибудь на соборѣ приходилось пересказывать чужія слова и рѣчи. Въ такихъ случаяхъ, если впослѣдствіи открывались какія либо ошибки въ передачѣ чужихъ рѣчей, то отвѣтчики заявляли: „едва ли кто изъ знаменитѣйшихъ риторъ (т.-е. учителей краснорѣчія) достигъ бы того, что бы передать и пересказать кому-либо чужія слова“; или же они въ свое оправданіе замѣчали: „кто можетъ другому передать чужія слова его собственными словами, а особенно самый смыслъ, какой онъ вложилъ въ нихъ“³⁾. Нѣкоторые жаловались на то, что находясь въ такомъ собраніи, какъ св. соборъ, они естественно растеривались и не могли вполне владѣть своею рѣчью, а между тѣмъ нотаріи, исполняя свою обязанность, вопреки надобности „записывали и то, что говорилось въ смятеніи, не пропуская ни одного слова“⁴⁾.

¹⁾ Mansi, *ibid.* 804. 813. Дѣян. III, 151: 155.

²⁾ Mansi. VI. 808. Дѣян. III, 152.

³⁾ Mansi, *ibid.* 780. 785. Дѣян. III, 142. 144.

⁴⁾ Mansi, *ibid.* 777. Дѣян. III, 141 — Въ изложеніи исторіи IV всел. собора церковнымъ историкомъ Евагріемъ говорится: нѣкоторые епископы жаловались, что на соборѣ Ефесскомъ 449 года слова ихъ „записывались не вѣрно“ и что даже въ его актахъ нашли мѣсто такія выраженія, которыхъ „никто не произносилъ“ (Церк. исторія. Кн. II, гл. 18)

Случалось и такъ, что пренія присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ принимали очень бурный характеръ, возникало смятеніе, такъ что нотаріямъ нельзя было записывать всего, что говорилось спорившими. При одномъ случаѣ, по словамъ одного епископа, на соборѣ, на которомъ онъ присутствовалъ, „произошло смятеніе (σύνχυσις, θόρυβος) и бывшіе позади не знали, что дѣлалось впереди“, такъ что „соборъ разстроился“. При такой суматохѣ естественно оказывалось, что инныя рѣчи оставались „вовсе незаписанными“¹⁾. Но очень нерѣдко бывало и то, что епископы говорили нѣчто и такое на соборѣ, что не считалось заслуживающимъ записыванія. Вообще различали: „что должно записывать (вносить въ протоколы) и чего не должно“. Но такое вниманіе повидимому, оказывалось однимъ епископамъ, т.-е. они одни имѣли право взять свои слова назадъ, если находили это нужнымъ. Нотарій Аэцій при одномъ случаѣ утверждалъ, считая это замѣчаніе какъ бы общимъ правиломъ: „присутствующие на соборѣ святѣйшіе епископы, какъ бы въ общей бесѣдѣ и въ видѣ совѣщанія, часто говорятъ много такого, чего не дозволяютъ записывать“. Иногда какой-либо епископъ въ извиненіе того, что его слова не находили себѣ мѣста „въ документахъ“, говорилъ, что сказанное имъ было „сказано въ разговорѣ, а не въ видѣ приговора“ (διαλεγόμενος = disputans, οὐκ ἀποφατιζόμενος)²⁾. Безъ сомнѣнія, члены собора заботились въ указанныхъ случаяхъ о томъ, чтобы не попадали въ протоколы или такія ихъ слова, которыя мало относились къ дѣлу, или такія, которыя не отличались основательностію, вообще все такое, отъ чего, быть можетъ, тотчасъ же отказывался и самъ произносившій извѣстныя слова или сужденія. Встрѣчалось и вотъ еще какое явленіе: какой-нибудь епископъ, ораторствовавшій на извѣстномъ засѣданіи собора, потомъ, когда засѣданіе закончилось, находилъ, что онъ наговорилъ много лишняго, чего говорить не слѣдовало бы, а потому тайкомъ обращался къ официальнымъ нотаріямъ съ просьбой измѣнить, иначе из-

¹⁾ Mansi. Ibid., col. 816—817. Дѣян. III, 155—6.

²⁾ Mansi. Ibid. col. 813. Дѣян. III, 155.

ложить его рѣчи въ записяхъ ¹⁾. Само собой понятно, что такой поступокъ считался неблаговиднымъ. — Случалось, хотя кажется и очень рѣдко, что всѣ отцы собора находили, что не слѣдуетъ вносить въ акты какой либо документъ, какъ представляющій нѣчто компрометирующее его дѣятельность. Такъ, по волѣ отцовъ, на соборѣ халкидонскомъ, не занесено было въ протоколы его первоначальное христологическое опредѣленіе (δρον, οὐ ἔδοξε μὴ εὐταγήναι τοῖς δὲ τοῖς ὑπομνήμασι) ²⁾, которое вышло неудачнымъ, такъ какъ оно „было не хорошо составлено“, по выраженію актовъ, и такъ какъ оно породило безмѣрные споры, грозившіе распущеніемъ собора. Наука не можетъ не сожалѣть, что этотъ документъ не дошелъ до насъ: онъ, безъ сомнѣнія не мало пролилъ бы свѣту на дѣятельность этого замѣчательнѣйшаго собора. Сохранившееся же до насъ, христологическое опредѣленіе Халкидонскаго собора есть вторичное опредѣленіе, замѣнившее собою неудавшееся первое.

Дѣянія соборовъ носили названіе: τὰ ὑπομνήματα, αἱ πράξεις τῶν ὑπομνημάτων (акта).

Какъ составленіе соборныхъ актовъ, такъ и ихъ храненіе ввѣрялось нотаріямъ. И они повидимому, были очень ретивыми ихъ хранителями. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ случай, когда они долго отказывались принести акты одного собора въ засѣданіе другого собора. Пользуясь тѣмъ, что требованіе это выходило отъ отдѣльныхъ лицъ собора, главнымъ образомъ отъ представителя свѣтской власти, нотаріи отпѣкивались исполнить приказаніе. Они долго ломаютъ голову надъ вопросомъ: „принести или не принести имъ акты?“ И только тогда перестаютъ возражать и оттягивать дѣло, когда весь соборъ единогласно, съ патріархомъ во главѣ, приказалъ имъ не медлить болѣе и доставить акты на соборъ ³⁾. Однакомъ какъ ни ретивы были эти хранители, и у нихъ, нотаріевъ, иногда происходило хищеніе ввѣренныхъ ихъ охранѣ документовъ ⁴⁾...

¹⁾ Mansi. Ibid., 829. Дѣян. III, 161.

²⁾ Mansi. Ibid. Tom. VII, col. 100. Дѣян. IV, 46.

³⁾ Mansi. Tom. VI, 765. 768—9. Дѣян. III, 137—8.

⁴⁾ Mansi, ibid. 821. Дѣян. III, 158.

Самым надежнымъ хранилищемъ актовъ соборныхъ справедливо считались императорская библіотека и императорскій архивъ въ Константинополѣ ¹⁾. Особливое вниманіе правительства было обращено на сохранность актовъ вселенскихъ соборовъ въ подлинникѣ. Отмѣтимъ слѣдующій случай. Въ царствованіе императора Юстиніана II обнаружилось, что подлинный экземпляръ актовъ VI вселенскаго собора какимъ-то образомъ очутился въ частныхъ рукахъ. Императоръ находитъ, что это непростительный безпорядокъ и что хранителемъ этихъ актовъ долженъ быть ни другой кто, а самъ онъ. Затѣмъ онъ собираетъ соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Акты отбираются у тѣхъ лицъ, къ которымъ они почему-то попали, торжественно прочитываются здѣсь и запечатываются; императоръ самъ беретъ на себя храненіе актовъ; при чемъ онъ заявилъ: „эти бумаги мы всегда будемъ сохранять неприкосновенными и неизмѣнными доколѣ положено Богомъ пребывать въ насъ нашему духу“ ²⁾. Но и вниманіе, съ которымъ относились сами императоры къ дѣлу сохраненія актовъ вселенскихъ соборовъ, не предотвратило эти акты отъ разныхъ печальныхъ случайностей. Вотъ примѣръ. Во время чтенія актовъ V-го вселенскаго собора на засѣданіяхъ шестого вселенскаго собора открылось, что въ нихъ заключаются нѣкоторыя статьи еретическаго моноелитскаго характера. Возникла нужда опредѣлить: дѣйствительно ли эти статьи внесены были сюда въ свое время (т. е. были подлинны) или же онѣ представляютъ подлогъ послѣдующаго времени? Соборъ VI вселенскій внимательно занялся этимъ вопросомъ и благодаря тому, что въ патріаршей библіотекѣ оказался другой экземпляръ тѣхъ же актовъ V-го собора безъ соблазнительныхъ добавокъ, а также на основаніи нѣкоторыхъ соображеній доказалъ, что экземпляръ актовъ V-го собора, ранѣе внесенный на VI вселенскій соборъ для прочтенія, искаженъ злонамѣренною рукою и содержитъ въ себѣ нѣкоторые подложные документы ³⁾. А печальнѣе этого, рассказаннаго

¹⁾ Mansi. Ibid, 757. Дѣян., 134.

²⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Т. VI, стр. 276. Изд. 2-ое. Каз. 1882.

³⁾ Тамъ же, стр. 179. 206—210.

нами, факта то, что акты пятого вселенскаго собора всѣмъ не дошли до насъ въ оригиналѣ и наука нашего времени принуждена довольствоваться плохимъ, не имѣющимъ компетенціи, латинскимъ переводомъ этихъ актовъ ¹⁾.—Да встаетъ сказать, что текстъ и композиція актовъ и другихъ вселенскихъ соборовъ позволяютъ желать очень многого. Напримѣръ VIII-ое „дѣяніе“ Халкидонскаго собора по дѣлу Θεодорита Кирскаго справедливо признается состоящимъ изъ „быстро слѣдующихъ одно за другимъ и взаимно исключających себя противорѣчій“, называютъ такимъ актомъ, въ которомъ „все движется въ какихъ-то антиноміяхъ, спутано до неразличимости“ ²⁾. Въ тѣхъ же актахъ Халкидонскаго собора во II его дѣяніи находится собраніе свято-отеческихъ свидѣтельствъ въ пользу опредѣленнаго разумнѣнія христологической догмы ³⁾; но по мнѣнію извѣстнаго ученаго Манси, всѣ эти свидѣтельства будтобы „не были читаны на соборѣ и напрасно внесены въ акты“, конечно въ послѣсоборное время ⁴⁾. Далѣе между вторымъ и четвертымъ дѣяніемъ, на которое нужно смотрѣть какъ на дѣйствительное продолженіе второго (3-ье дѣяніе имѣетъ спеціальныи предметъ), нѣтъ связи, при чемъ требованія, которыми открывается четвертое дѣяніе, не находятъ соотвѣтствующихъ дѣйствій и заявленій въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи собора ⁵⁾. Мы не говоримъ уже о взглядахъ на акты этого собора Винчензи, Гарнака. Всего не перечтешь. Вообще нужна серьезная и дружная работа надъ текстомъ актовъ вселенскихъ соборовъ, нужна острая критика композиціи этихъ актовъ, но это дѣло будущаго, если

¹⁾ Съ какими трудностями приходится бороться лицамъ, работающимъ съ латинскимъ текстомъ этихъ актовъ, это видно изъ сочиненія Н. Н. Глубоковскаго, которому нужно было опредѣлить отношеніе этого собора къ Θεодориту Кирскому („Θεοδ. Кир.“. Томъ I, гл. 7. М. 1890). При чемъ результатъ работы надъ этимъ текстомъ, вслѣдствіе его неисправности, иногда является не чуждымъ сомнѣній.

²⁾ Въ томъ же сочиненіи Н. Н. Глубоковскаго (стр. 285—286). Авторъ думаетъ, что при внимательномъ изученіи VIII дѣянія оно „утрачиваетъ значительную долю своей невразумительности“. Но мы не раздѣляемъ оптимизма нашего автора.

³⁾ Mansi, VI, col. 961—973. Дѣян. III, 238—243.

⁴⁾ Ibid., col. 961—2 in notis.

⁵⁾ Cf. Mansi, VI, 973; VII, 5. 8. 9 et ceter. Дѣянія, III, 243. IV, 6, 7 и дал.

только время для этого уже не прошло, ибо въ наше время ни одни міряне оставляютъ старые пути и възскаютъ какой-то „новый путь“...

II. На предшествующихъ страницахъ мы старались объяснить техническую сторону происхожденія актовъ вселенскихъ соборовъ, которые (акты) въ этомъ отношеніи имѣли одинаковую исторію съ актами такъ называемыхъ помѣстныхъ соборовъ; при чемъ попутно коснулись вопроса о храненіи и сохранности актовъ. Теперь намъ нужно разъяснить: отчего случилось, что историкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи акты вселенскихъ соборовъ лишь начиная съ Ефесскаго III-го вселенскаго собора и лишонъ актовъ предшествующихъ вселенскихъ соборовъ?

Если подѣ именемъ актовъ разумѣть собственно протоколированіе преній и рѣчей, поскольку тѣ и другія имѣли мѣсто на I-мъ вселенскомъ соборѣ, то нужно думать, что такого рода актовъ никогда не существовало; протоколированіемъ преній и рѣчей, ознаменовавшихъ засѣданія указаннаго собора, никто не занимался, какъ мы полагаемъ потому, что подобной цѣли не ставили себѣ ни духовное, ни свѣтское правительство. Правда и по настоящее время можно встрѣчать воззрѣніе, что будто акты собора въ указанномъ нами смыслѣ въ свое время существовали, но что благодаря пройскамъ аріанъ, они будто бы потомъ исчезли изъ употребленія и погибли ¹⁾. Но такое воззрѣніе не можетъ быть ничѣмъ подтверждено: ни церковные историки, ни церковные писатели IV и V вѣковъ ничего такого не указываютъ и ничего не знали объ этомъ. А еще важнѣе то, что сейчасъ указанные лица совсѣмъ не имѣли представлений о запротоколированныхъ дѣянiяхъ Никейскаго собора. Св. Аѳанасій Александрійскій, въ отвѣтъ на просьбу какого то „ученаго“ приверженца Никейскаго ученія и человека близкаго къ нему, описалъ: что сдѣлано было на этомъ соборѣ для огражденія вѣры, при чемъ александрійскій епископъ сообщаетъ очень краткія и отрывочныя из-

¹⁾ *Patrum Nicaenorum nomina*, p. XLVIII. Sociata opera ediderunt Gelzer, Hilgenfeld et c. Lipsiae. 1898.

вѣстія. Какъ бы въ оправданіе неполноты своего описанія, онъ же въ концѣ этого сочиненія, гдѣ описана имъ дѣятельность никейскихъ отцовъ, замѣчаетъ; „я описалъ тебѣ, припомнивъ сколько могъ, что было сдѣлано на соборѣ. А получивъ это, ты прочти самъ, а если признаешь нужнымъ, прочти и братіямъ, чтобы и они узнали это“ ¹⁾. Изъ этихъ словъ Св. Аѳанасія открывается, что у него не было актовъ Никейскаго собора и что онъ не могъ указать и другихъ лицъ, у которыхъ можно было бы достать подобное собраніе документовъ. Если бы акты собора существовали, ему не было бы надобности напрягать свою память для того, чтобы вспомнить, въ чемъ выразилась дѣятельность отцовъ никейскихъ. Съ своей стороны церковный историкъ Сократъ (I, 8) имѣлъ самый близкій случай указать въ своей исторіи на акты этого собора, если бы они существовали на свѣтѣ, но этого однакожь онъ не дѣлаетъ. Сократу, какъ православному историку, приходилось защищать честь отцовъ никейскаго собора отъ наветовъ на нихъ со стороны аріанскаго писателя Савина, что первый и исполняетъ; но какъ? Въмѣсто того, чтобы сослаться на акты Никейскаго собора, онъ пользуется свидѣтельствомъ объ этихъ отцахъ второстепеннаго значенія; ищетъ доказательства противъ Савина у историка Евсевія. Очевидно онъ не имѣлъ свѣдѣнія о существованіи на свѣтѣ подлинныхъ актовъ I-го вселенскаго собора.

Итакъ, кажется, смѣло можно утверждать, что протоколированія преній и рѣчей, имѣвшихъ мѣсто на I-омъ всел. соборѣ, протоколовъ въ точномъ смыслѣ слова, совсѣмъ не было. Никейскій соборъ ограничился изданіемъ лишь главнѣйшихъ документовъ, относящихся къ исторіи собора, какъ то символа вѣры, правилъ и опредѣленій о пасхѣ ²⁾ и египетскихъ мелетіанахъ ³⁾. Въ послѣднее время ⁴⁾ въ

¹⁾ Творенія св. Аѳанасія. Т. I, 399. 443—4. Изд. 2-е. 1902.

²⁾ Евсевія. Жизнь Константина, III, гл. 17—19.

³⁾ Сократа. Кн. I, гл. 9. — Оба послѣднія опредѣленія сохранились, какъ можно думать, не въ томъ видѣ, какъ они были редактированы отцами собора.

⁴⁾ Кстати сказать, актами I вселен. собора въ настоящее время называется собраніе, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ постановленій, — разнаго рода писемъ и сказаній, имѣющихъ отношеніе къ собору. Перечень того, что

западной наукѣ возникла благая мысль вывести изъ забвенія имена св. отцовъ Никейскаго собора. Какое научное значеніе имѣеть подобнаго рода предпріятіе—доказывать нѣтъ надобности, когда рѣчь идетъ о I-мъ вселенскомъ соборѣ. За дѣло принялись трое нѣмецкихъ ученыхъ, во главѣ которыхъ сталъ многоизвѣстный византинистъ Гельцеръ. Работать было надѣ чѣмъ: не говоря о свидѣтельствахъ историковъ, до насъ сохранилось большое число списковъ отцевъ Никейскаго собора, подписавшихся подъ его опредѣленіями, говоримъ: большое число списковъ — не менѣе чѣмъ на шести различныхъ языкахъ. Плодомъ совокупнаго труда указанныхъ ученыхъ и было, вышецитированное нами, значительное по объему сочиненіе: *Patrum Nicaenorum nomina* (Latine, Graece, Coptice et c.)¹⁾. Но результаты, къ которымъ приходятъ они, не особенно могутъ радовать сердца историковъ. Ужъ конечно, имъ не удалось отыскать такого списка, который могъ бы претендовать на подлинное происхожденіе отъ собора. Но и въ другихъ отношеніяхъ результаты ихъ труда не богаты. Однимъ изъ невыгодныхъ условій было слѣдующее обстоятельство, отмѣченное трудолюбивыми учеными. „Удивительно то—читаемъ мы здѣсь—что у Грековъ почти совсѣмъ исчезла память объ отцахъ Никейскихъ. Собранія каноновъ, которыя во множествѣ встрѣчаются въ библіотекахъ, должны были служить къ распространенію церковныхъ правилъ, составленныхъ на Никейскомъ соборѣ; но однакожъ именъ лицъ, подписавшихся подъ ними, обыкновенно къ этимъ правиламъ не прилагается. Только уже церк. историкъ VI вѣка Θεοδωρὸς τετεῦχας далъ мѣсто въ своей исторіи именамъ отцовъ Никейскихъ, извлеченнымъ изъ трудовъ Сократа, Созомена и Θεοδορίτου“²⁾. А безъ руководства греческихъ источниковъ работать надъ греческой церковной исторіей, конечно, затруднительно. Въ

издается подъ именемъ актовъ въ западной наукѣ и у насъ, можно, находить въ книгѣ г. К. Смирнова: „Обозрѣніе источниковъ перваго вселен. соб.“, стр. 34—35. Яросл. 1888.

¹⁾ Энциклопедія Герцога-Гаука дѣлаетъ такой отзывъ объ этой книгѣ: „благодаря мастерскому изданію P. N. nomina всѣ болѣе раннія изданія оказываются устарѣвшими“ (Ausg. 3. B. XIV, S. 9, Leipz. 1903).

²⁾ P. XVIII.

концѣ концовъ авторы утверждаютъ, что не можетъ быть восстановлено точнаго списка отцовъ, подписавшихся подъ соборными опредѣленіями. При всѣхъ усиліяхъ, они никакъ не могли дотянуть числа именъ не только до 318 (каковое число указывалъ св. Аѳанасій), но даже довести ихъ до 250, каковою цифрою ограничивалъ количество Никейскихъ отцовъ Евсевій¹⁾. Значитъ, къ извѣстнымъ уже документамъ несомнѣнно никейскаго происхожденія наука настоящаго времени ничего не можетъ прибавить въ качествѣ подлинныхъ актовъ разсматриваемаго собора (Подписи, конечно, тоже есть, хотя и малоговорящая, часть актовъ)²⁾.

Обращаемся къ актамъ II-го всел. собора. Авторъ книги: „Обозрѣніе источниковъ исторіи I-го всел. собора“, г. К. Смирновъ пишетъ: „Константинопольскій соборъ былъ въ очень мирное время, сравнительно со временемъ Никейскаго собора, и нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы кто-нибудь уничтожилъ акты этого собора. А съ другой стороны, нельзя допускать, чтобы Константинопольскій соборъ вывелъ изъ употребленія, что признано было полезнымъ на предыдущемъ всел. соборѣ, т. е. запись протоколовъ (если бы таковая имѣла мѣсто здѣсь). Второй всел. соборъ слѣдовалъ примѣру перваго, и если бы на Никейскомъ соборѣ записаны были протоколы засѣданій, тоже самое было бы сдѣлано и на Константинопольскомъ“. Поэтому, „несуществованіе актовъ II всел. собора въ настоящее время прямо говорить о томъ, что такихъ актовъ никогда и не было“³⁾. Совершенно вѣрно. Но однакожъ, въ послѣднее время мы встрѣтились въ нѣмецкой литературѣ со мнѣніемъ, что будто возможно предполагать существованіе нѣкогда актовъ, т. е. протоколированныхъ дѣяній, II всел. собора. Такое мнѣніе мы

¹⁾ Р. р. XLV—XLVI. L.

²⁾ Очень интересны старанія авторовъ разобраться въ вопросѣ: существовала ли въ актахъ подпись имени св. Николая Мирликійскаго. Оказывается, что ея не значится въ спискахъ: латинскихъ (р. 40), коптскомъ (93), сирскомъ (111), сирскомъ: Ебедіезу (135) и въ армянскомъ (205). А встрѣчается она у Теодора чтеца (67), въ греческомъ ватиканскомъ (73) и въ арабскомъ (181). Внесено же оно въ эти позднѣйшіе списки не изъ списковъ подписей, а изъ житія этого святителя (р. LXIX).

³⁾ Стр. 32.

нашли у двухъ авторовъ, у Кунце и Шмидта ¹⁾. Они доказываютъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: на халкидонскомъ соборѣ, по требованію государственныхъ сановниковъ, нотарій Азій прочиталъ „по книгѣ“ (ἀπὸ βιβλίου) „изложенное 150-ью св. отцами“, т. е. символъ второго всел. собора. „Изъ этого слѣдуетъ, утверждаютъ вышепоименованные писатели, что во времена халкидонскаго собора еще существовали протоколы II всел. собора“. Разсужденіе—оригинальное, но мы должны сказать, что оно есть плодъ недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на то, что на томъ же соборѣ одновременно съ символомъ Константинопольскимъ читался и символъ Никейскій, при чемъ и объ этомъ послѣднемъ символѣ въ халкидонскихъ актахъ тоже замѣчается, что чтеніе произошло по требованію государственныхъ сановниковъ и что оно совершено было „по книгѣ“ (ἀπὸ βιβλίου). Слѣдовательно, на основаніи этихъ послѣднихъ словъ, становясь на точку зрѣнія Кунце и Шмидта, должно бы также утверждать, что въ разсматриваемое время еще существовали протоколы I всел. собора. Но если умозаключать подобнымъ образомъ нѣтъ основаній, ибо хорошо извѣстно, что протоколовъ этого собора никогда не существовало, то лишенъ значенія и выводъ, построенный на словахъ: ἀπὸ βιβλίου и утверждающій мнимое существованіе актовъ Константинопольскаго собора въ срединѣ V-го вѣка. Въ сущности, кажется, и одного этого аргумента достаточно, чтобы считать воззрѣніе указанныхъ ученыхъ опровергнутымъ. Но мы полагаемъ не лишнимъ разъяснить, что такая была за „книга“, изъ которой въ Халкидонѣ читали два символа—Никейскій и Константинопольскій. Нужно сказать, что таинственная книга, по которой читаны были въ Халкидонѣ на второмъ засѣданіи два символа ²⁾ повидимому фигурируетъ не разъ и въ теченіе послѣдующихъ засѣданій того же собора. Въ 4 засѣданіи по такой же книгѣ прочитаны были 4 и 5 (по теперешнему счету) правила

¹⁾ Kunze. Das Nicänischkonstantipolitan. Symbol. S. 28. Leipz. 1899. Schmidt. Zu Echtheitsfrage des Nicaeno-Constantin. (Neue kirchl. Zeitschrift. 1899, S. 949).

²⁾ Mansi VI, 956. Дѣянія, III, 129—30.

Антиохійскаго собора 341 года ¹⁾; по такой же книгѣ на 11 засѣданіи прочитаны были 16 и 17 правила того же Антиохійскаго собора ²⁾; наконецъ, по такой же книгѣ (ἀπό βιβλίον = ex codice) читались какъ 6 правило Никейское, такъ и 2—3 правила Константинопольскія ³⁾. Тайнственная книга, въ которой заключалось все такое, на самомъ дѣлѣ не представляетъ ничего тайнсвеннаго. Это былъ древнѣйшій сборникъ каноновъ, древнѣйшая „книга правилъ“, которою пользовался Халкидонскій соборъ въ своихъ разсужденіяхъ ⁴⁾. Эту „книгу“ отнюдь нельзя смѣшивать съ протоколами соборовъ, ибо эти послѣдніе, какъ мы видѣли выше, назывались иначе, и въ V вѣкѣ, сколько знаемъ, никогда не назывались: βιβλίον. Въ „книгѣ правилъ“, предложенной для чтенія, въ потребныхъ случаяхъ, на Халкидонскомъ соборѣ—несомнѣнно заключались каноны; но есть вся вѣроятность утверждать, что въ этой книгѣ на ряду съ канонами помѣщены были и символы вѣры. Это видно изъ того, что книга, по которой читались правила, а также и книга, по которой возглашались символы, одинаково называются въ оригиналѣ: βιβλίον. Къ тому же заключенію приходимъ и на томъ основаніи, что какъ въ древности (въ VI в.), такъ и въ позднѣйшее время символы вѣры находили себѣ мѣсто въ каноническихъ сборникахъ, въ „книгѣ правилъ“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ открывается, что и второй всел. соборъ несомнѣнно не зналъ протоколированія своихъ дѣяній.

И значить, нѣтъ основаній думать, что два первыхъ вселенскихъ собора или который нибудь изъ нихъ имѣлъ акты, но что они отъ какой-нибудь случайности затерялись. Отцы I и II вселенскихъ соборовъ совсѣмъ не заботились о протоколированіи дѣяній этихъ послѣднихъ. И это по той простой причинѣ, что никому изъ вождей тѣхъ соборовъ подобной мысли

¹⁾ Mansi. Tom. VII, 81. Дѣян. IV, 37.

²⁾ Mansi. VII, 281. Дѣян. IV, 115.

³⁾ Mansi. Ibid., 444—5. Дѣян., 166.

⁴⁾ Проф. М. А. Остроумова. Введеніе въ церковное право, стр. 258 и дал. Харьк. 1893. Проф. Н. С. Суворова. Учебникъ церк. права. 157—158. М. 1902.

Проф. Остроумовъ. О VI вѣкѣ, стр. 321, а о позднѣйшихъ, 206.

не приходило въ голову, а потому не возникло обычая составленія протоколовъ.

Если подъ именемъ актовъ вселенскихъ соборовъ разумѣть собственно протоколированіе рѣчей, преній, восклицановеній, отдѣльныхъ замѣчаній и голосованій, поскольку все такое имѣло мѣсто на засѣданіяхъ соборовъ, то подобнаго рода акты дошли до насъ начиная только съ Ефесскаго, третьяго вселенскаго собора. Возникаетъ естественный вопросъ: чѣмъ объясняется такое явленіе, что сейчасъ упомянутый соборъ сдѣлалъ то, чего не сдѣлали всел. соборы IV-го вѣка, запротоколировалъ свои дѣянія и оставилъ намъ свои акты? Явленіе это безъ сомнѣнія крайне отраднo, въ особенности съ точки зрѣнія науки; но вызвано оно не только не радостными, а напротивъ очень печальными обстоятельствами. Нѣтъ надобности объяснять, что Ефесскій соборъ начался раздѣленіемъ и такъ же и окончился. Въ Ефесѣ образовалось, вмѣсто одного, два собора: одинъ многочисленнѣйшій, подъ руководствомъ Кирилла александрійскаго, отвергшій ученіе Несторія и предавшій его знаомѣ, и другой не столь многочисленный, подъ руководствомъ Іоанна Антиохійскаго, ставшій на сторонѣ Несторія и защищавшій его ученіе. Каждый изъ этихъ отдѣленныхъ соборовъ домогался, чтобы его сторона взяла верхъ надъ противоположною. А для этого представители того и другого болѣе или менѣе обстоятельно протоколировали свои дѣянія и протоколы эти посылали въ Константинополь на благоусмотрѣніе императора, въ надеждѣ привлечь духовную власть на свою сторону. Такъ поступалъ соборъ, руководимый Кирилломъ; тоже дѣлалъ и соборъ Іоанна Антиохійскаго. Наприм., соборъ Кирилла, по окончаніи перваго своего дѣянія, на которомъ осужденъ былъ Несторій, счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія высочайшей власти о томъ, что сдѣлано во время упомянутаго дѣянія; и это изъяснено было въ особомъ донесеніи, въ концѣ котораго были прибавлены слѣдующія примѣчательныя слова: „для яснѣйшаго и полнѣйшаго уразумѣнія дѣяній собора прилагаются при семъ акты его“¹⁾.

¹⁾ Дѣянія I, 248.

Итакъ первое засѣданіе Ефесскаго собора, въ лицѣ Кирилла, дало міру первый запротоколированный актъ III-го вселенскаго собора. За этимъ актомъ послѣдовало изготовленіе соборомъ Кирилла и дальнѣйшихъ актовъ, въ интересахъ самозащиты предъ верховной властію. Такъ напримѣръ, четвертое дѣяніе этого собора заканчивается такими словами: „совершая, что слѣдуетъ и что на него возложено, соборъ доведетъ о сдѣланномъ сегодня до свѣдѣнія благочестивѣйшаго императора“ ¹⁾, что конечно и было исполнено съ приложеніемъ самого акта соборнаго, какъ было и раньше. Дѣяніе пятое тоже заканчивается подобными же словами: „о всемъ этомъ да будетъ доведено до свѣдѣнія боголюбивѣйшаго императора, что бы и священный его слухъ зналъ о послѣдовавшемъ“ ²⁾. При этомъ случаѣ, разумѣется былъ приложенъ соборный протоколъ, составившій новый соборный актъ. Въ одномъ донесеніи Кириллова собора прямо говорится, что онъ докладывалъ императору и о тѣхъ мѣрахъ, какія имъ принимались противъ собора Іоанна Антиохійскаго ³⁾; изъ этого видно, что до свѣдѣнія верховной власти соборъ Кирилла доводилъ и о прочихъ своихъ дѣяніяхъ, подтверждая ихъ соотвѣтствующими протоколами. — Въ то время какъ этотъ соборъ извѣщалъ императора о своей дѣятельности посылкою своихъ актовъ въ Константинополь; тоже самое дѣлалъ и соборъ Іоанна Антиохійскаго въ Ефесѣ. Это не предположеніе, а несомнѣнный фактъ. Напримѣръ, соборъ Кирилла въ одномъ своемъ донесеніи императору писалъ слѣдующее: „они“, т. е. члены Іоаннова собора, „дерзнули довести о своихъ крайне безумныхъ дѣйствіяхъ вашему величеству, о всемъ, что они совершили вопреки законамъ, канонамъ и всякому церковному порядку“ ⁴⁾. Само собой понятно, что соборъ Іоанна съ своей стороны посылалъ къ императору акты свои; это тѣмъ вѣроятнѣе, что его акты отличаются большею краткостію и носятъ характеръ посланій. — Такимъ образомъ въ импера-

¹⁾ Ibidem. 282.

²⁾ Ibid. 286.

³⁾ Ibid. 356.

⁴⁾ Ibid. 287.

торскомъ книгохранилищѣ постепенно скопились всѣ акты Ефесскаго собора 431 года, такъ что стоило только сгруппировать ихъ и размѣстить въ извѣстномъ порядкѣ, а затѣмъ издать или передать въ распоряженіе духовныхъ Константинопольскихъ властей—и акты собора становились общимъ достояніемъ. Но мы думаемъ, что и самъ Кириллъ Александрійскій, отправляя подлинныя акты своего собора въ Константинополь, безъ сомнѣнія дѣлалъ съ нихъ копіи, въ интересахъ своего дѣла и на случай протеста, если бы посылаемые къ императору акты подверглись бы злонамѣренной или незлонамѣренной порчѣ. Мало того: хорошо засвидѣтельствовано и то, что самъ Кириллъ списки съ актовъ своего собора разсылалъ, расположеннымъ къ нему, лицамъ; такъ всѣ акты или часть ихъ сообщена была Кирилломъ извѣстному архимандриту Евтихію, впослѣдствіи еретiku¹⁾. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе и въ томъ, что патріаршая бібліотека въ Александріи, благодаря заботливости Кирилла, обладала экземпляромъ этихъ же актовъ; это видно изъ дѣяній Ефесскаго собора 449 года (такъ наз. разбойничьяго). На этомъ соборѣ была перечитана большая часть перваго акта Кириллова собора²⁾, а именно перечитаны были свотоотеческія свидѣтельства въ пользу православнаго христологическаго ученія, собранныя александрійскимъ нотаріемъ Петромъ³⁾, а также извлеченія изъ книгъ Несторіевыхъ („о догматѣ“) ⁴⁾; на томъ же соборѣ было прочитано шестое дѣяніе Кириллова собора противъ пресвитера Харисія⁵⁾. Диоскоръ, преемникъ св. Кирилла Александрійскаго и председатель Ефесскаго собора 449 года, какъ мы склонны думать, привезъ съ собою акты собора Кириллова (1-го Ефесскаго), захвативъ ихъ изъ александрійской патріаршей бібліотеки. Мы впрочемъ увѣрены, что какъ въ рукахъ Ев-

¹⁾ Mansi, VI, 632. Дѣян. III, 85.

²⁾ Подъ заглавіемъ: *ἐκ τῶν πεπραγμένων ἐν Εφέσῳ τῇ πρώτῃ συνόδῳ* (Mansi. Tom. VI, col. 872).

³⁾ Дѣян. т. III, 188—194 (=Дѣян. I, 224 и дал.). Сл. еще: III, 183 и I, 196.

⁴⁾ Дѣян. III, 199—204 (=Дѣян. I, 230 и дал.).

⁵⁾ Дѣян. III, 199; 187—8; 195—199 (=Дѣян. I, 193 и дал.). Сл. еще III, 99 и I, 203.

тихія, такъ и въ распоряженіи Діоскора были неполные акты Ефесскаго собора 431 года, т. е. они заключали въ себѣ лишь описаніе дѣяній Кириллова собора, съ опущеніемъ дѣяній Іоаннова собора, ибо невозможно представить себѣ, чтобы св. Кириллъ къ актамъ своего собора, признаннаго потомъ высшею правительственною властію въ качествѣ вселенскаго собора, захотѣлъ присоединить акты Іоаннова собора, который всячески поносилъ и злословилъ вождя собора, состоявшаго изъ приверженцевъ Кирилла. Нужно полагать, мы не ошибемся, если станемъ утверждать, что въ полномъ своемъ видѣ акты Ефесскаго (вселенскаго) собора появились только послѣ Халкидонскаго собора, когда произошло болѣе дѣйствительное примиреніе „александрійцевъ“ и „антіохійцевъ“, двухъ богословскихъ направленій. Мѣстомъ, гдѣ впервые появились эти акты въ полномъ видѣ, нужно считать Константинополь по причинѣ, которая уяснена нами раньше. Они извлечены были или изъ императорскаго книгохранилища или изъ патріаршей библіотеки, стали употребляться въ нужныхъ случаяхъ и такимъ образомъ приобрѣли официальное значеніе¹⁾.

Изъ всего сейчасъ сказаннаго объ актахъ Ефесскаго (вселенскаго) собора 431 года вытекаетъ такой выводъ: акты этого собора появились на свѣтъ вслѣдствіе печальной случайности, вслѣдствіе раздора, которымъ ознаменовалась дѣятельность епископовъ, приглашенныхъ засѣдать на Ш-емъ вселенскомъ соборѣ. Не будь этой случайности, вѣроятно не было бы и актовъ соборныхъ, какъ не было составлено таковыхъ на соборахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ. Случайность эту всякій назоветъ не радостною; но за то она была причиной протоколированія дѣяній соборныхъ, причиной появленія первыхъ актовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ вселенскому собору. Невольно припомнишь пословицу: нѣтъ худа безъ добра.

¹⁾ Разумѣется, составъ этихъ актовъ потомъ умножился чрезъ присоединеніе многихъ документовъ, имѣвшихъ отношеніе къ собору 431 г., но это обстоятельство выходитъ за предѣлы вопроса о происхожденіи актовъ и входитъ въ кругъ вопросовъ о коллекціонированіи документовъ, принадлежащихъ къ исторіи того или другого собора.

Можно сказать, что III вселенскій соборъ создалъ прецедентъ, съ которымъ должны были считаться послѣдующіе вселенскіе соборы, къ великому счастью и радости церковно-исторической науки, находящей въ актахъ вселенскихъ соборовъ богатѣйшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ, который, какъ мы замѣчали выше, далеко не использованъ ею и по настоящую минуту.

Указанный прецедентъ тѣмъ менѣе могъ лишаться значенія, что вскорѣ послѣ III вселенскаго собора открылась дѣятельность IV вселенскаго собора, который съ своей стороны упрочилъ прецедентъ, создавшійся еще такъ недавно и потому ни кѣмъ еще не забытый. Что такое былъ соборъ Халкидонскій? Халкидонскій соборъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ кассационной инстанціею по отношенію къ собору Ефесскому (разбойничьему) 449 г., а этотъ послѣдній въ свою очередь былъ кассационной инстанціею по отношенію къ помѣстному константинопольскому собору 448 года. Исторія этихъ соборовъ слишкомъ извѣстна, чтобы чувствовалась нужда напоминать ее. Да и не въ этомъ дѣло. Являясь тѣмъ, чѣмъ они были, какъ мы сейчасъ сказали, они должны были обладать и оставить намъ акты, иначе и быть не могло. Если Халкидонскій соборъ имѣлъ значеніе кассационной инстанціи по отношенію къ собору разбойничьему, то онъ долженъ былъ имѣть акты подлежащаго кассации собора и занести на страницы свитка свои приговоры объ этомъ и о соприкосновенныхъ вопросахъ со всею подробностью, въ виду величайшей важности дѣла; а ранѣе того соборъ разбойничій, подвергая оцѣнкѣ подлежащій кассации соборъ Константинопольскій, обязательно долженъ былъ внести въ свой свитокъ полностью акты этого собора, хотя бы ради той ненависти, какую Ефесскій (II) соборъ питалъ къ Константинопольскому, и это тѣмъ легче было ему сдѣлать, что акты собора 448 года существовали и имѣли всѣ качества документа, надъ которымъ стоило потрудиться кассационной инстанціи. Но и объ этомъ хорошо извѣстно всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ церковной исторіею. Мы свою рѣчь ведемъ, конечно, къ тому, чтобы сказать: IV вселенскій соборъ никакъ не могъ обойтись безъ протоколирова-

нія своихъ дѣяній, а результатомъ этого дѣла являлись соборные акты. Послѣ же того, какъ два очень вліятельныхъ вселенскихъ собора (III и IV) имѣли и оставили намъ акты, послѣдующимъ соборамъ невозможно было не имѣть актовъ. Такимъ образомъ послѣ III и IV вселенскихъ соборахъ, въ силу ихъ примѣра, возникаетъ обычай, которому уже не могли измѣнить всѣ дальнѣйшіе вселенскіе соборы. Вотъ тотъ путь, которымъ, по нашему мнѣнію, церковь пришла къ мысли составлять протоколы дѣяній всел. соборовъ, хранить и издавать акты, въ которыхъ заключены эти протоколы, всегда подъ контролемъ многихъ глазъ, просматривавшихъ ихъ ранѣе скрѣпленія ихъ надлежащимъ подписомъ.

Еще послѣднее сказанье... Говорятъ, что исторія не повторяется; но кажется этотъ афоризмъ нужно принимать съ ограниченіемъ. По крайней мѣрѣ съ протоколированіемъ актовъ вселенскихъ соборовъ повторилась одна старая исторія. Ходъ развитія этого дѣла во многомъ повторяетъ исторію протоколированія преній и рѣшеній, какъ то и другое имѣло мѣсто въ римскомъ сенатѣ. А какъ было дѣло въ данномъ случаѣ въ римскомъ сенатѣ, объ этомъ находимъ свѣдѣнія у знаменитаго историка Т. Моммсена. Сообщая извѣстія по вопросу о „протоколированіи сенатскихъ мнѣній и рѣшеній“ въ вѣчномъ городѣ, онъ говоритъ: „собственно записываніе внесенныхъ предложеній (Vorträge) въ древнѣйшее время (римскаго сената) встрѣчалось только въ исключительныхъ случаяхъ и по особенному указанію предсѣдателя. Обыкновенно это записываніе производилось кѣмъ-либо изъ лицъ низшаго ранга или же наемными лицами. Но въ важнѣйшихъ случаяхъ по распоряженію предсѣдателя это дѣло принимали на себя и собственно члены сената для того, чтобы запись приобрѣла наибольшую достовѣрность“¹⁾. Происходило-ли что-либо подобное на вселенскихъ соборахъ IV вѣка, точно не знаемъ. Но безъ сомнѣнія, когда опредѣленія подвергались записи, кто-нибудь же да дѣлалъ это—или протоколистъ нотарій или какой-либо епископъ. Во вся-

¹⁾ Mommsen. Römisches Staatsrecht. B. III. 2 Abtheil. S. 1015—1016. Leipz. 1888.

комъ случаѣ о помѣстныхъ соборахъ IV вѣка извѣстно, что если на нихъ велись записи, то это дѣлали или протоколисты (*ὁξύγραφοι*) ¹⁾ или даже кто-нибудь изъ членовъ собора—епископовъ. Такъ одинъ историкъ IV вѣка говоритъ объ аріанскомъ епископѣ—Акакіи, что онъ, отличаясь быстротою соображенія и умѣньемъ хватать рѣчи налету, на Константинопольскомъ соборѣ (360 г.) единолично записывалъ ходъ преній, нimalo этимъ не стѣсняясь ²⁾. На вселенскихъ соборахъ этого же времени, очень вѣроятно, для удовлетворенія собственной любознательности записывали для памяти нѣкоторые моменты преній такіе знатоки дѣяній I и II вселенскихъ соборовъ, какъ Евсевій, св. Евстафій (Антіохійскій), св. Аѳанасій и Григорій Богословъ; но они не соблаговолили издать своихъ записей или затеряли ихъ. Затѣмъ Моммсенъ сообщаетъ еще слѣдующее по интересующему его вопросу: „на основаніи этихъ записей (о которыхъ рѣчь была у насъ сейчасъ, согласно съ тѣмъ, какъ объ этомъ онъ самъ говоритъ), нельзя воспроизводить преній сената, такъ какъ на этихъ записяхъ не лежитъ печати официальности и имъ недостаѣтъ непрерывности и полноты“ ³⁾. Тоже самое можно было бы сказать, если бы кто-либо изъ только что упомянутыхъ участниковъ первыхъ вселенскихъ соборовъ оставилъ намъ свои записи какихъ-либо рѣчей или докладовъ, поскольку они находили мѣсто на этихъ соборахъ. Затѣмъ нѣмецкій историкъ говоритъ еще: „начала (во времена республики) въ протоколы вносились лишь опредѣленія сената (значитъ, протоколированія преній не существовало). Опубликованіе этихъ опредѣленій имѣло мѣсто въ исключительныхъ случаяхъ“ ⁴⁾. Не то ли же самое встрѣчаемъ и въ исторіи вселенскихъ соборовъ IV вѣка? Развѣ опубликовано было, наприм., опредѣленіе Никейскаго собора по вопросу о бракѣ и безбрачій духовенства? Когда и какъ стали протоколироваться пренія и рѣшенія сената, объ этомъ сообщаетъ такіа извѣстія нашъ знатокъ римскихъ

¹⁾ Сократа. II, 30.

²⁾ Филосторгія. Церк. исторія. Кн. IV, гл. 12.

³⁾ Mommsen. Ibid. 1017.

⁴⁾ Mommsen. Ibid. 1014.

древностей. „Только во времена Цезаря вводится обычай протоколированія сенатскихъ преній (Verhandlungen), ибо онъ придалъ этимъ записямъ характеръ офіціальности и сдѣлалъ ихъ независимыми отъ воли предсѣдателя. Это учрежденіе съ правомъ разсматриваютъ, какъ новую конституцію. Теперь протоколы сенатскихъ преній редактировались тотчасъ по окончаніи засѣданія и передавались гласности. О характерѣ протоколовъ сената мы мало знаемъ. Технически они стали называться *acta senatus*. Но однакожъ извѣстно, что записывались отвѣты, получавшіеся при запросахъ съ обозначеніемъ имени оратора (дѣлавшаго запросъ); а также достигали того, что при записываніи запечатлѣвались отрывочныя замѣчанія и восклицанія, сопровождающія запросъ и голосованіе“¹⁾. Обращаясь къ исторіи актовъ вселенскихъ соборовъ, мы знаемъ, что и они стали также появляться на свѣтъ только спустя уже 100 лѣтъ, по окончаніи I вселенскаго собора, т.-е. только съ теченіемъ времени получили начало бытія. Что касается существа актовъ римскаго сената, то они, очень вѣроятно, послужили прототипомъ для актовъ вселенскихъ соборовъ: такъ много общаго можно находить между актами такихъ коллегіальныхъ институтовъ, какъ сенатъ римскій и соборъ вселенскій. И можно только пожалѣть, что и Моммсенъ знаетъ такъ мало о протоколахъ сената. Знай онъ больше, и мы вѣроятно лучше бы понимали составъ (композицію) актовъ такъ сказать христіанскихъ сенаторовъ.

¹⁾ Mommsen. Ibid. 1017. 1019.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА:

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
На стр. 297, строк. 2 снизу,	Lehrbuch.... II	Handbuch.... I